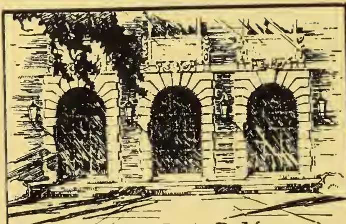

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ.

АВГУСТЪ, 1906 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

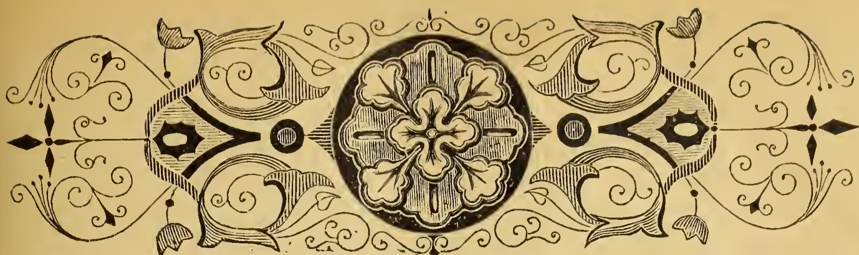
АВГУСТЪ, 1906 г.

МАРФА ВАСИЛЬЕВНА СОБАКИНА.

Съ фамильнаго портрета.

ЗВѢЗДА ЦЕСАРЕВНЫ [1].

(1710—1734 г.).

XV.

АСТУПИЛА масленица, любимый русскій зимній праздникъ, съ ясными морозными днями и томными лунными ночами. Мчались по всѣмъ русскимъ городамъ и деревнямъ рѣзвыя тройки, подгоняемыя веселымъ свистомъ бича и звонкими пѣснями, по длиннымъ улицамъ и по необозримымъ полямъ снѣжныхъ пустынь, ныряя изъ сугроба въ сугробъ, съ жизнерадостной, разрумяненной морозомъ, молодежью, до самозабвенія опьяненной быстротою ѣзды, виномъ, любовнымъ жаромъ, потребностью забыть на время всѣ невзгоды и хоть нѣсколько дней пожить грѣшною, беззаботною жизнью, передъ наступленіемъ длинныхъ, томительныхъ недѣль молитвы и поста.

А во всѣхъ церквахъ уже шла покаянная служба, и добрые христіане, со вздохомъ отвертываясь отъ соблазна, степенною поступью проходили въ храмы, не оборачиваясь къ мчавшимся мимо нихъ, съ громкимъ гиканьемъ и звонкимъ смѣхомъ, широкимъ санямъ, непрерывной вереницей обгонявшимъ другъ друга.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CV, стр. 5.

И сливался мрачный перезвонъ колоколовъ домовъ молитвы съ грѣховными бѣсовскими ликованіями.

Въ монастырѣ Саввы преподобнаго, что̀ близъ города Звенигорода, отошла вечерня. Наступилъ вечеръ. Братія расходилась по своимъ кельямъ, чтобъ отдохнуть и прибраться передъ ужиномъ, а братъ привратникъ уже заперъ тяжелымъ замкомъ ворота, когда все ближе и ближе раздававшійся звонъ колокольчика заставилъ его прислушаться и съ недоумѣніемъ спросить себя:

— Кого это намъ Господь посылаетъ въ такую позднюю пору?

Къ воротамъ подъѣхала, поставленная на полозья и обитая снаружи рогожей, просторная кибитка, запряженная тройкой добрыхъ коней; съ козелъ слѣзъ одѣтый въ теплый тулупъ кучеръ и постучался кнутовищемъ въ ворота.

Отодвинувъ заслонку у слюдяного окошечка, прорубленнаго въ воротахъ, привратникъ высунулъ изъ него свое поросшее бородой лицо, съ надвинутой на лобъ порыжѣвшей скуфейкой, и спросилъ:

— Кто вы такіе? Зачѣмъ васъ къ намъ принесъ Господь?

— Свои. Къ о. Ѳедору пріятели, изъ лѣса.

— Иванъ Васильевичъ? — продолжалъ свой допросъ привратникъ.

— Я самый и есть,—взволнованнымъ голосомъ объявилъ пріѣзжій, выскакивая изъ кибитки и подбѣгая къ воротамъ.

Большую медвѣжью шубу онъ сбросилъ въ кибиткѣ и остался въ короткомъ мѣховомъ кафтанѣ на лисьемъ мѣху, съ бобровымъ воротникомъ и опушкой, съ бобровой шапкой на темныхъ густыхъ кудряхъ. Вслѣдъ за нимъ, не торопясь, вылѣзъ его спутникъ, высокій, худой и совсѣмъ сѣдой старикъ, въ длинномъ мѣховомъ охабнѣ и въ мѣховой, съ наушниками шапкѣ.

Ворота растворились, и навстрѣчу къ пріѣзжимъ высыпали изъ келій обитатели монастыря, молодые послушники, въ однѣхъ рясахъ и съ непокрытыми головами, а за ними степенные монахи, заинтригованные появленіемъ въ неурочный часъ неожиданныхъ гостей.

Живо разнеслось по всей обители извѣстіе, что пріѣхалъ Иванъ Васильевичъ Ветловъ навѣстить о. Ѳедора. Ветлова здѣсь хорошо знали, и онъ былъ здѣсь такимъ же «своимъ» человѣкомъ, какимъ былъ и покойный его другъ, Праксинъ. Его тотчасъ же повели по тропинкѣ, протоптанной въ сугробахъ, къ бѣлѣвшемуся противъ храма корпусу, въ которомъ была келья Ѳедора Ермилыча, а спутниковъ его, кучера и Грицка, въ трапезную, гдѣ предложили имъ раздѣться, отдохнуть и поужинать прежде, чѣмъ лечь спать въ отведенныхъ для нихъ пустыхъ кельяхъ.

Попеченіе о повозкѣ и лошадяхъ взяла на себя монастырская прислуга, и, услуживая гостямъ, угощая ихъ ужиномъ, монахи ждали разсказовъ о причинѣ, заставившей ихъ покинуть въ та-

кую пору хозяйство, чтобъ явиться въ Москву. До распутицы оставалось времени немного, и раньше весны нечего было и думать возвращаться во-свояси, а всѣ эти люди слишкомъ хорошо знали деревенскую жизнь, чтобъ не понимать, какъ необходимъ хозяйскій глазъ при весеннихъ разливахъ, когда надо готовиться къ посѣвамъ. Чтобъ такимъ важнымъ дѣломъ пренебречь, должны были быть весьма важныя причины. Но и всегда несловоохотливый Грицко на всѣ разспросы молчалъ угрюмѣе обыкновеннаго, а молодой малый, справлявшій должность кучера, на все отзывался незнаніемъ.

А тѣмъ временемъ Ветловъ, оставшись наединѣ съ Ѳедоромъ Ермилычемъ, не дожидаясь его разспросовъ, повалился ему въ ноги и, рыдая, объявилъ, что онъ—несчастнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ: жена его арестована по Шубинскому дѣлу.

— Господи Боже мой! Да когда же это могло случиться? Не дальше, какъ третьяго дня, я отъ нея имѣлъ вѣсти... Отъ кого ты объ этомъ узналъ? — внѣ себя отъ испуга и горести спросилъ старикъ.

— Сегодня ночью,—началъ свое печальное повѣствованіе Ветловъ.—Узналъ я объ этомъ совершенно случайно, чудомъ, можно сказать. Выѣхали мы въ Москву по ея вызову. Съ нарочнымъ прислала она мнѣ письмо со всѣми подробностями о бѣдѣ, случившейся съ Шубинымъ, объ отчаяніи цесаревны, и что она собирается въ Александрово, не будучи дольше въ силахъ дышать въ одномъ городѣ съ погубителями ея сердечнаго друга. И велика была, должно быть, ея печаль, когда Лизаветѣ не въ мочь стало одной съ ней оставаться, и рѣшилась меня выписать на помощь себѣ и на совѣтъ! Тотчасъ же я собрался, конечно; увязался со мной и нашъ старикъ, прознавши про здѣшнее горе: Лизавету онъ любитъ, какъ родную дочь, и нельзя было его не взять, пѣшкомъ бы ушелъ, кабы я ему отказалъ. Поѣхали, и такой намъ Господь благополучный путь послалъ, что на десятый день въѣхали въ Бѣлокаменную, сегодня утромъ, значитъ. Оставилъ я своихъ спутниковъ съ кибиткой и лошадьми на постояломъ дворѣ, а самъ побѣжалъ во дворецъ, чтобъ узнать, гдѣ цесаревна со своими близкими. Вошелъ я это во дворъ, завертываю къ тому крыльцу, что̀ ведетъ на половину придворныхъ женщинъ, радуюсь, можетъ быть, сейчасъ мою дорогую жену увидѣть, и вдругъ вмѣсто нея бѣжитъ ко мнѣ одна изъ ея прислужницъ, вся въ слезахъ, и разсказываетъ, что этой ночью, когда мы, значитъ, подъѣзжали къ городу и остановились, чтобъ дать передохнуть лошадямъ на постояломъ дворѣ, верстахъ въ десяти отъ Москвы, Лизавету отвезли со стражей въ темницу... Что тутъ со мною было,—словъ нѣтъ сказать! Съ часъ времени бродилъ по городу, какъ помѣшанный, ничего не вижу, не слышу, не понимаю, иду, самъ не знаю

куда, кричу, самъ не знаю что... Какъ очутился я на томъ дворѣ, гдѣ своихъ оставилъ, какъ они меня усадили въ кибитку и сюда повезли, хоть убейте, сказать не могу. Дорогой немножко очухался, а какъ полились слезы изъ глазъ, и совсѣмъ вошелъ въ разумъ и первымъ долгомъ поблагодарилъ Господа, что надоумилъ старика меня къ вамъ увезти...

— Онъ знаетъ, что и мнѣ твоя Лизавета все равно, что родная,—съ глубокимъ вздохомъ замѣтилъ Ермилычъ.—Хорошій старикъ, я радъ, что ты его съ собой привезъ. И никого ты больше въ Москвѣ не видалъ?

— Кого же видѣть, когда я былъ, какъ бы въ безуміи! Надо дивиться, что я этотъ ударъ пережилъ, что у меня сердце не разорвалось съ горя!

— Тебѣ смерти желать нельзя, ты ей пуще прежняго теперь нуженъ.

— Да что мнѣ дѣлать-то? куда бѣжать? кого молить о помощи?.. Ничего самъ не могу придумать, ужъ я думалъ, думалъ, перебиралъ, перебиралъ въ умѣ всѣхъ, кого знаю, ни на комъ не могу остановиться... Если она арестована по приказанію новаго нашего антихриста Бирона, у кого найти противъ него уёмъ? Если ужъ Шубина цесаревна спасти не могла!.. Посовѣтуй, ради самого Бога поддержи ты меня! На тебя одна надежда! Совсѣмъ я ослабъ отъ отчаянія, въ одной только смерти вижу исходъ... пусть и меня куда нибудь заключатъ, пусть мучатъ и меня съ нею, пусть наши обѣ головы палачъ срубитъ, буду объ этомъ нашего злодѣя просить, какъ о милости... Какъ Петръ Филипповичъ просилъ Долгорукова передъ казнью, чтобъ только не пала его невинная кровь на голову его жены и ребенка, такъ и я буду просить, чтобъ взяли мою жизнь за ея... я имъ опаснѣе, чѣмъ она. Я съ отчаянія на все пойду... мнѣ жалѣть нечего... пусть они скорѣе меня убьютъ... чтобъ я ихъ не убилъ!—вскричалъ онъ съ возрастающимъ отчаяніемъ.

— Вспомни Бога, Иванъ!—строго вымолвилъ Ермилычъ.

— Богъ... Богъ отъ насъ отступился,—прошепталъ, низко опуская голову, молодой человѣкъ.

— Не грѣши! Никогда, можетъ быть, Онъ не былъ отъ тебя такъ близко, какъ въ эти скорбныя минуты,—продолжалъ Ермилычъ, все выше и тверже возвышая голосъ, по мѣрѣ того, какъ раскаяніе, проникая въ сердце его слушателя, вырывалось глухими рыданіями изъ наболѣвшей груди.

— Помоги! — чуть слышно проговорилъ онъ, закрывъ лицо руками.

— Ты прежде всего сердечную твою тревогу уйми да отъ злыхъ побужденій очисти сердце, тогда насъ Господь вразумитъ на борьбу съ врагами. Молись, предай себя и ее на волю Божію, моли Его направить твою волю, войти въ твою душу...

Долго говорилъ Ермилычъ въ томъ же духѣ, и мало-по-малу, подъ вліяніемъ его словъ и его теплой живой вѣры, Ветловъ успокоился, и мысли его прояснились. Тогда собесѣдникъ заговорилъ съ нимъ другимъ тономъ.

— Хорошо, что Господь надоумилъ тебя, или, лучше сказать, Грицка, привезти тебя къ намъ, да еще подъ вечеръ, когда у насъ цѣльная ночь на размышленіе да на совѣщаніе съ человѣкомъ, который можетъ тебѣ помочь...

— Кто такой? Почему ты мнѣ раньше про него не сказалъ?

— Потому, что ты и словъ бы моихъ не принялъ, въ такомъ былъ изступленіи ума. Время не ушло, пошлю за нимъ, и онъ явится. Вотъ ужъ съ мѣсяцъ, какъ онъ у насъ проживаетъ, готовится въ дальній путь, въ Соловки, чтобъ тамъ постричься въ монахи. Сошелся я съ нимъ за это время, какъ съ сыномъ духовнымъ, въ старцы онъ меня выбралъ...

— Да кто онъ такой и чѣмъ можетъ намъ помочь?—внѣ себя отъ нетерпѣнія прервалъ Ветловъ рѣчь своего стараго друга.— Не мучь меня, скажи скорѣе!

— Эхъ, Василичъ, муки твои еще только начинаются, а тебя ужъ нетерпѣніе беретъ! — укоризненно покачалъ головой Ермилычъ. — Человѣкъ этотъ служилъ лѣтъ двадцать въ Преображенскомъ приказѣ при сыскныхъ дѣлахъ, и много дѣловъ тамъ черезъ его руки прошло! Алексѣя Яковлевича, пока его въ Питеръ не увезли, онъ каждый день видѣлъ, и супругу твою, когда цесаревна посылала ее сюда, чтобъ попытаться Шубина повидать, онъ къ нему водилъ...

— Лизавета видѣлась съ Шубинымъ?! Ни слова она мнѣ про это не писала! Я даже не зналъ, что она въ Москву этой зимой пріѣзжала!

— Для чего стала бы она тебѣ про это писать? Чужія тайны никому, даже мужу, повѣрять не слѣдуетъ. Вотъ, какъ дѣло дошло до нея самой, какъ ты ей самой сдѣлался нуженъ, тогда она тебя вызвала...

— Да поздно. Знай я только все, что здѣсь у васъ творится, ни за что бы въ лѣсу не усидѣлъ... Такъ ты думаешь, что этотъ приказный намъ можетъ быть полезенъ? Въ чемъ же? Развѣ что только совѣтъ можетъ дать, къ кому мнѣ въ Петербургѣ обратиться за помощью?

— Тамъ видно будетъ. Пошлю за нимъ и потолкуемъ. Ему многое извѣстно по тому несчастному Шубинскому дѣлу, при всѣхъ допросахъ онъ присутствовалъ и показанія при пыткахъ записывалъ... Зря вѣдь хватали людей, Алексѣй Яковлевичъ никого не оговорилъ...

— Что съ нимъ сдѣлали? Куда дѣвали? — съ замирающимъ сердцемъ спросилъ Ветловъ.

— Онъ ужъ свое отстрадалъ и въ новую жизнь ссыльнаго колодника вступилъ. Пошли ему, Господи, терпѣнія и миръ душевный,—со вздохомъ отвѣчалъ Ермилычъ.

— Не удалось цесаревнѣ его спасти?

— Великъ ужъ слишкомъ за него выкупъ запросили злодѣи.

— У насъ прошелъ слухъ, будто нѣмцы хотѣли заставить цесаревну за брата Бирона замужъ выйти? Неужтожъ они и въ самомъ дѣлѣ осмѣлились ей такое безчестье предложить? Царской дочери, на которую всѣ русскіе люди, какъ на будущую императрицу, смотрятъ!—вскричалъ съ негодованіемъ Ветловъ.—А ловко придумали! Черти! Чистые черти! И какъ это они до сихъ поръ живы? Какъ это никто не надумаетъ собою пожертвовать за родину, какъ Петръ Филипповичъ собою пожертвовалъ, чтобъ открыть царю глаза на Долгорукихъ?! — прибавилъ онъ задумчиво. — И какъ это они, ей въ отместку за отказъ, до смерти Шубина не замучили? Да, можетъ быть, его ужъ давно и въ живыхъ нѣтъ...

— Онъ живъ. Палачами истерзаннаго вывезли его изъ города еще живого, а куда — неизвѣстно. Подъ чужимъ именемъ, говорятъ, чтобъ никто спасти его не могъ... Мало ли бѣжитъ народа изъ Сибири! А у цесаревны доброжелателей много.

— Это ты правду говоришь, что много, нашлись бы и у насъ такіе молодцы, которые бы не задумались пойти въ Сибирь разыскивать Шубина, изъ любви къ ней.

— Имъ его не найти.

— А сама-то она теперь гдѣ? — продолжалъ свой допросъ Ветловъ.

— Изъ Петербурга прямо въ монастырь, что возлѣ Александрова, проѣхала и поселилась тамъ до поры до времени. Одна, ни Лизаветы, ни Шуваловой съ собою не взяла, приказала имъ въ Москвѣ оставаться. Не дальше, какъ третьяго дня, писала мнѣ оттуда Лизавета Касимовна.

— А сегодня она уже въ темницѣ! Боже мой! Боже мой! Неужтожъ и ее также будутъ мучить и до смерти доведутъ!— простоналъ Ветловъ подъ наплывомъ страшныхъ представленій, отъ которыхъ ему только на короткое время удавалось освободиться. — Какъ это вынести! Можно ли не страдать, когда знаешь, что она мучится?..

— Не страдать нельзя, но при этомъ надо и дѣйствовать и быть мужчиной и русскимъ человѣкомъ, — прервалъ его Ермилычъ, поднимаясь съ мѣста, чтобъ приказать позвать приказнаго, про котораго онъ говорилъ Ветлову.

Явился высокій, худой человѣкъ, среднихъ лѣтъ, въ нанковомъ подрясникѣ и въ скуфейкѣ, съ очками въ мѣдной оправѣ на длинномъ, тонкомъ носу, поверхъ которыхъ смотрѣли острые,

живые глаза. Ему изложили дѣло и спросили, что онъ совѣтуетъ предпринять.

— Вамъ, безъ сомнѣнія, было бы теперь всего желательнѣе повидаться съ вашей супругой?—спросилъ онъ, вскидывая пытливый взглядъ на Ветлова.

— А развѣ это можно? — съ живостью вскричалъ Иванъ Васильевичъ.

— Попытаться всегда можно. Водилъ же я вашу супругу на свиданіе съ Шубинымъ. И большую онѣ при этомъ силу воли и самообладанія проявили,—продолжалъ онъ.—Я, признаться сказать, раньше ждалъ на нее гоненія, вѣдь имъ извѣстно, что, благодаря ей, цесаревна ни въ чемъ имъ не уступила, и вотъ только теперь вздумали злобу свою на ней срывать. Безъ наговора тутъ не обошлось,—прибавилъ онъ.

— Кто же могъ на нее наговорить? Никому она не сдѣлала зла и такъ осторожна, что никто не можетъ похвастаться лишнее слово отъ нея услышать! Даже мнѣ, законному своему супругу, не высказываетъ она ничего лишняго, — замѣтилъ Ветловъ.— А ужъ особливо про цесаревну!

На это новый его знакомый,—звали его Захаромъ Карповичемъ,— только плечами пожалъ и объявилъ, обращаясь къ хозяину кельи, что слушалъ у нихъ вечерню звенигородскій обыватель, у котораго сестра монахиней въ женскомъ Александровскомъ монастырѣ, и что онъ отъ нея узналъ новость.

— Цесаревна гостей стала принимать. Вчера пріѣзжалъ изъ Москвы одинъ изъ пѣвчихъ ея и дольше часу въ ея кельѣ просидѣлъ.

Ермилычъ переглянулся съ Ветловымъ.

— Писаный красавецъ и съ такимъ изряднымъ голосомъ, что весь монастырь привелъ въ восхищеніе,—продолжалъ между тѣмъ Захаръ Карповичъ.—Однако, игуменья вниманіемъ къ нему цесаревны смутилась, и совѣтъ со старицами держала: доносить объ этомъ по начальству или обойти молчаніемъ?

— И что же рѣшили старицы?—спросилъ Ермилычъ.

— Рѣшили пренебречь и не доносить, чтобъ не разгнѣвать свою именитую гостью. Вѣдь имъ чѣмъ дольше она у нихъ поживетъ, тѣмъ выгоднѣе.

— А не слыхать, чтобъ пожелала постриженіе принять?

— Нѣтъ. Первое время поговаривала, что міръ ей не милъ безъ сердечнаго дружка, съ отчаянія въ монашеское платье одѣлась, ни одной службы не пропускала и никого до себя изъ мірскихъ не допускала, ну, а въ послѣднее время—видать, что затворничество начинаетъ ужъ ей прискучать, рясу сняла, прогуливается по монастырскому саду, поетъ... пока еще все больше божественное, но ужъ по всему видать, что скоро и мірскую пѣсенку

затянетъ. Нѣтъ, монахиней ей не быть, и вотъ увидите, что и въ монастырѣ нашимъ святымъ матерямъ ее долго не удержать.

— А какъ того пѣвчаго, котораго она къ себѣ принимала третьяго дня, звать?—освѣдомился Бутягинъ.

— Говорили мнѣ, да я запамятовалъ.

— Не Розумомъ ли?

— Кажется, что такъ его называли, навѣрное не помню. Голосъ у него богатѣйшій: говорятъ, что издалека съѣзжались его слушать, когда онъ осенью въ Александровской дворцовой церкви пѣлъ. Онъ—изъ украинцевъ. Въ монастырь-то онъ съ прочими мірянами къ обѣднѣ пришелъ, и, какъ увидѣла его цесаревна, приказала ему сказать, чтобъ послѣ службы онъ къ ней въ келью зашелъ... А про вашу супругу я вамъ скажу, сударь,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Ветлову,—что допустили ее до Шубина по соизволенію начальства. Надѣялись, вѣрно, что онъ будетъ просить ея высочество надъ мученіями его сжалиться и согласиться на условія его мучителя, а вышло наоборотъ: по возвращеніи вашей супруги въ Петербургъ, цесаревна пуще прежняго заупрямилась и объявила, что скорѣе приметъ смерть отъ палача, чѣмъ недостойнымъ бракомъ съ иноземцемъ свое имя царской дочери обезчеститъ. Заговорили тогда, будто самъ Шубинъ черезъ г-жу Ветлову заклиналъ ее такъ поступить, да потомъ смолкли, а вотъ теперь оказывается, что въ молвѣ той была правда, если, какъ вы изволили сказать, супругу вашу арестовали...

— Всю жизнь буду считать васъ своимъ благодѣтелемъ, если вы мнѣ доставите съ нею свиданіе!—вскричалъ Ветловъ, складывая, какъ на молитву, руки передъ этимъ человѣкомъ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ совсѣмъ ему чужимъ, а теперь казавшимся ему ближе всѣхъ остальныхъ людей на свѣтѣ.

— Постараюсь, сударь мой, оказать вамъ эту услугу... послѣднюю въ міру и по мірскому дѣлу. Опоздай вы сюда пожаловать на недѣльку, вы бы ужъ меня здѣсь не застали, — возразилъ бывшій приказный,—съ благословенія о. Ѳедора, иду въ Соловецкую обитель провести въ молитвѣ и покаяніи остатокъ дней. Много на мнѣ грѣховъ, сударь мой. Цѣлыхъ тридцать лѣтъ прожилъ я въ самомъ, такъ сказать, пеклѣ земного ада. Какихъ только ужасовъ, какихъ мученій не былъ я свидѣтелемъ! И вотъ тутъ-то и позналъ я Бога, какъ Онъ, всемилостивый, проявляетъ Себя тѣмъ, которые, познавъ Его и на милость Его уповаючи, въ мученіяхъ кончаютъ жизнь. Приведутъ человѣка, звѣрь звѣремъ отъ злобы и отчаянія, а пошлетъ ему Господь свою благодать, въ ангела обернется, о мірскомъ перестаетъ помышлять, и своей просвѣтленной, очищенной душой къ Отцу своему небесному стремится. Точно завѣса спадаетъ у него съ глазъ, видитъ одно небесное, и ничего ему не надо на землѣ, не жалко и не страшно.

Нельзя, сударь, послѣ такихъ чудесъ въ безчувствіи пребывать,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Вѣдь и сама цесаревна находилась въ большой опасности,—сказалъ Ермилычъ,—особенно, когда стало извѣстно, что уступокъ отъ нея нельзя ждать. На совѣтѣ-то нечестивыхъ рѣшено было ее въ дальнемъ монастырѣ постричь, а друзья ея, про это прознавши, убѣдили ее самой уѣхать въ обитель и пребывать тамъ до поры до времени, пока не выяснится вопросъ о заступничествѣ за нее иностранныхъ державъ. Бояре Воронцовы за нее хлопотали передъ англійскимъ дворомъ, а Шуваловы и другіе передъ французскимъ. Что имъ удалось сдѣлать, чего добиться,— неизвѣстно въ точности, а только недѣли три послѣ того, какъ она поселилась въ монастырѣ, императрица прислала у нея спросить, не угодно ли ей перевезти въ Александровское капеллу изъ петербургскаго ея дворца. Съ предложеніемъ этимъ къ ней прислали ея духовника, и ужъ тутъ въ монастырѣ должны были догадаться, что не навсегда она въ немъ поселилась. А потомъ эти слухи смолкли, и опять стали толковать объ ея постриженіи. Все это я отъ Лизаветы Касимовны знаю, она меня безъ вѣстей не оставляла, а ужъ теперь намъ не отъ кого узнавать про то, что тамъ у нихъ дѣлается.

— Теперь намъ надо ее выслобонить изъ заточенія,—замѣтилъ Захаръ Карповичъ.

— О! если бъ намъ это удалось! Я ее такъ далеко упрячу, что никто насъ не найдетъ!—вскричалъ Ветловъ.—Когда мы съ вами поѣдемъ въ Москву?—обратился онъ къ приказному.—Хоть бы скорѣе!

— Я тамъ буду завтра до свѣту, а вы извольте здѣсь меня дожидаться: вы мнѣ своимъ присутствіемъ только руки свяжете, а Грицка вашего я, съ вашего позволенія, возьму съ собою, онъ мнѣ тамъ понадобится,—возразилъ Захаръ Карповичъ, поднимаясь съ мѣста и подходя подъ благословеніе Ермилыча.

— Вы ужъ познакомились съ нашимъ Грицкомъ?

— Я былъ въ трапезной, когда вашихъ слугъ туда монахи ввели, и ужъ по одному тому, какъ онъ молчалъ на всѣ ихъ разспросы, понялъ, что̀ это за драгоцѣнный человѣкъ. Со мной-то онъ разговорился, когда я его къ себѣ зазвалъ, и могу васъ завѣрить, сударь, что онъ жизни не пожалѣетъ для вашей супруги, такъ беззавѣтно онъ ее любитъ и преданъ ей.

— А когда тебя назадъ ждать?—спросилъ Ермилычъ, сжалившись надъ растерянностью Ветлова.

— Этого я сказать вамъ не могу: такое дѣло, что, можетъ быть, въ часъ справлю, а, можетъ, изъ-за него придется и недѣльку походить по Москвѣ.

— А если бъ такъ случилось, что вамъ не удастся ничего для него сдѣлать,—сказалъ Ермилычъ, кивая на Ветлова,—тогда ужъ мы пустимъ въ ходъ послѣднее средство, о которомъ заранѣе не стоитъ и говорить.

— Тогда видно будетъ,—подхватилъ Захаръ Карповичъ,—вѣдь и мы тоже не даромъ тридцать лѣтъ въ Преображенскомъ приказѣ служили, кое съ кѣмъ тамъ сдружились, и всѣ тамъ ходы и выходы намъ извѣстны, вездѣ добрые люди есть, и пока у человѣка голова на плечахъ, отчаиваться не для чего.

Онъ вышелъ изъ кельи, и Бутягинъ съ Ветловымъ долго молчали, прислушиваясь къ его шагамъ по гулкому коридору, къ стуку затворявшейся за нимъ тяжелой двери, а затѣмъ они смотрѣли ему вслѣдъ изъ окошка, выходившаго на залитый луннымъ свѣтомъ монастырскій дворъ, пока онъ не скрылся за корпусомъ, тянувшимся вдоль высокой стѣны, съ противоположной стороны обители.

— Молись Богу, Василичъ. Ему все возможно, и не оставитъ Онъ тебя въ скорби, когда ты на Него полагаешься,—сказалъ Ермилычъ, поднимаясь съ мѣста, чтобъ приготовить постель своему молодому пріятелю въ сосѣдней горенкѣ, служившей ему для склада вещей и книгъ.

Цѣлую недѣлю оставались они безъ вѣстей, и можно себѣ представить, какъ долго тянулось время, и какого труда стоило Бутягину поддерживать бодрость въ душѣ своего гостя. Наконецъ, явился посланецъ отъ Захара Карповича съ просьбой вооружиться терпѣніемъ: дѣло налаживается, но не такъ скоро, какъ онъ надѣялся. Надо еще съ недѣльку повременить. Лизавета Касимовна, слава Богу, здорова и не унываетъ. Ей извѣстно, что мужъ отъ нея близко, и она проситъ его не терять надежды на милосердіе Божіе.

Вотъ все, что было написано въ письмѣ, привезенномъ крестьяниномъ изъ Звенигорода, отъ неизвѣстнаго ему человѣка, который узнавъ, что ему надо везти въ монастырь солому, просилъ его передать письмо о. Ѳедору.

— Не воспользоваться ли намъ этою недѣлей, чтобъ съѣздить въ Александровское?—предложилъ Ермилычъ Ивану Васильевичу, который впалъ въ такое волненіе отъ полученныхъ вѣстей, что не зналъ, радоваться ли ему или печалиться.—Можетъ, добьемся тамъ языка, кто знаетъ!

Съ радостью согласился на это Ветловъ, и на другой день они ужъ были въ Москвѣ, передъ самой обѣдней, которую отслушали въ Успенскомъ соборѣ, а оттуда прошли пѣшкомъ къ цесаревнину дворцу, гдѣ имъ сказали, что Мавра Егоровна все въ Александровскомъ и оттуда не пріѣзжала, что и пѣвчіе туда отправились, и что о Лизаветѣ Касимовнѣ нѣтъ ни слуху ни духу. Пер-

вое время вся оставшаяся во дворцѣ прислуга дрожала отъ мысли что и за нее примутся послѣ допроса любимой камерфрау цесаревны, но до сихъ поръ никого не трогали, и люди стали мало-помалу успокоиваться. Должно быть, вся бѣда кончится на этотъ разъ гибелью одной только Лизаветы Касимовны. Очень ее было жалко, ее во дворцѣ всѣ любили, но своя рубашка ближе къ тѣлу, и приближеннымъ цесаревны пришлось навидаться такихъ страховъ съ тѣхъ поръ, какъ дѣлами государства правитъ Биронъ, что они уже привыкли къ напастямъ, и тѣ, которыхъ судьба миловала, не находили въ себѣ силъ сокрушаться о погибшихъ. А погибшими можно было считать всѣхъ замѣшанныхъ въ такъ называемое «Шубинское дѣло», самое страшное изъ всѣхъ предыдущихъ дѣлъ послѣ Долгоруковскаго. Ни одинъ изъ заподозрѣнныхъ въ сообщничествѣ съ Шубинымъ не избѣгнулъ казни или ссылки. Не даромъ все чаще и чаще народъ вспоминалъ про прежнихъ временщиковъ по мѣрѣ того, какъ усиливалось и утверждалось владычество Бирона. Злы, мстительны, безжалостны были и Меншиковы, и Долгоруковы, да только къ своимъ врагамъ, къ тѣмъ, кто ихъ ненавидѣлъ и желалъ имъ зла, а этотъ ненавидѣлъ и презиралъ весь русскій народъ, и достаточно было оставаться русскимъ и православнымъ, чтобъ возбудить противъ себя гоненіе, тѣмъ болѣе несносное и мучительное, что исходило оно отъ «чужого» по вѣрѣ и по крови и отличалось всѣми особенностями столь противной русскому духу иноземщины.

Совсѣмъ растерялись русскіе люди передъ этою новою напастью, до потери разума, и тѣ, которые не оподлѣли въ конецъ отъ страха и пристрастія къ земнымъ благамъ, попрятались по своимъ деревнямъ, притаились въ ожиданіи грядущихъ событій и рѣшенія Господа Бога: быть Россіи или не быть.

Много домовъ съ запертыми ставнями и воротами увидѣли въ Москвѣ наши пріѣзжіе изъ монастыря преподобнаго Саввы, а по улицамъ, кромѣ простого народа, никто имъ почти не встрѣчался. Рѣдко-рѣдко проѣдетъ боярская колымага съ семьей родовитаго боярина въ Божій храмъ или въ гости къ оставшимся еще въ городѣ родственникамъ или знакомымъ. Много бояръ осталось зимовать въ своихъ усадьбахъ и въ прошломъ году, а ужъ въ этомъ, послѣ бѣдствія, обрушившагося на цесаревну, и эти въ Москву не вернулись, да и много другихъ поразъѣхалось.

— Ну, а теперь мы поѣдемъ въ Александровское. Здѣсь мы все узнали, что могли узнать, и дѣлать намъ тутъ больше нечего,— сказалъ Ермилычъ, выйдя со своимъ спутникомъ изъ цесаревнина дворца.

— Такъ неужтожъ мы покинемъ Москву, не попытавшись разыскать Захара Карповича?—возразилъ Ветловъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, не дай намъ Богъ съ нимъ и повстрѣчаться: онъ за такое мудреное и опасное дѣло взялся, что мѣ-

шать ему не слѣдуетъ. При нѣмцахъ Москва кишитъ соглядатаями, и очень можетъ быть, что и за нами съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали, слѣдятъ. Съ опаской надо здѣсь жить, если хочешь живымъ и на свободѣ остаться. Вотъ зайдемъ въ харчевню да спросимъ тамъ, гдѣ бы намъ нанять возчика до Александрова,—прибавилъ онъ, повертывая въ переулокъ, въ которомъ былъ домъ съ вывѣской бѣлой харчевни.

— А какъ же монастырскія-то сани съ возницей?

— Назадъ уѣхалъ. Накормилъ лошадокъ и уѣхалъ, заживаться ему здѣсь не для чего. Назадъ въ монастырь мы на наемныхъ вернемся.

Въ тотъ же день, подъ вечеръ, они подъѣзжали ко дворцу въ Александровскомъ и, расплатившись съ возчикомъ, отправили его назадъ ко входу въ паркъ, а сами пошли пѣшкомъ къ воротамъ, которыя нашли запертыми.

Стучаться не стоило, на дворѣ не видно было ни души, а дворецъ точно вымеръ, темный и мрачный, съ заколоченными окнами. Пришлось обходить кругомъ и попытаться проникнуть въ усадьбу черезъ тѣ ворота, что̀ отворялись на деревню. Когда они туда дошли, наступила ночь, и въ крестьянскихъ избахъ горѣли огни. Виднѣлся огонь и въ длинныхъ флигеляхъ, служившихъ помѣщеніемъ для цесаревниной дворни, и чѣмъ дальше отъ дворца, тѣмъ ярче были освѣщены эти флигеля, и тѣмъ оживленнѣе проявлялась въ нихъ жизнь. Изъ одного даже явственно доносилось пѣніе нѣсколькихъ молодыхъ, звучныхъ голосовъ.

— Это у пѣвчихъ,—замѣтилъ Ермилычъ.—Мы къ нимъ и пойдемъ, у меня тамъ есть знакомые.

— И у меня тоже,—сказалъ его спутникъ, слѣдуя за нимъ къ воротамъ, которыя растворили имъ не тотчасъ послѣ того, какъ они постучались, и только послѣ того, какъ опознали въ нихъ знакомыхъ людей.

— Вамъ кого повидать-то у насъ нужно, Ѳедоръ Ермилычъ?— спросилъ привратникъ, косясь на Ветлова, который стоялъ молча и неподвижно за своимъ спутникомъ, пряча лицо въ высоко поднятый воротникъ шубы.

— Намъ бы къ пѣвчимъ пройти,—отвѣчалъ Ермилычъ.

— Пройдите, всѣхъ застанете дома. Спѣваются.

У пѣвчихъ ихъ встрѣтили далеко не дружелюбно и такъ подозрительно косились на Ветлова, что нельзя было не убѣдиться, что оба они, а въ особенности послѣдній были далеко не желанные гости. Замѣтивъ это, Ермилычъ съ первыхъ же словъ поспѣшилъ заявить, что они сюда пришли случайно: у него есть дѣльце до Мавры Егоровны по монастырю, а Ветловъ съ нимъ увязался, чтобъ не оставаться одному въ Москвѣ, гдѣ на каждомъ шагу тоска его по женѣ усиливается отъ воспоминаній прошлаго, на-

всегда утраченнаго счастья. Заявленіе это всѣхъ здѣсь успокоило, и убѣдившись, что опасныхъ выходокъ отъ пришельцевъ опасаться нечего, пѣвчіе съ минуты на минуту становились словоохотливѣе и развязнѣе, пригласили незванныхъ гостей переночевать у нихъ во флигелѣ и захлопотали объ ужинѣ.

Однако присутствіе молчаливаго и видимо страдающаго душевно Ветлова всѣхъ смущало, и разговоръ завязался о погодѣ, о наступавшей распутицѣ, долженствовавшей неблагопріятно подѣйствовать на стеченіе говѣльщиковъ въ монастырь, и тому подобныхъ предметахъ, никого изъ бесѣдовавшихъ не интересовавшихъ; всѣ, какъ хозяева, такъ и гости, избѣгали упоминать о томъ, что у нихъ было на умѣ, но наконецъ одинъ изъ менѣе сдержанныхъ проговорился о возвращеніи цесаревны изъ монастыря въ здѣшній дворецъ.

— Давно ли она сюда вернулась?—спросилъ Ермилычъ.

— Да всего только третьяго дня пріѣхала, и ей, повидимому, не желательно, чтобъ про это раньше времени болтали въ Москвѣ,— замѣтилъ товарищъ болтуна, укоризненно на него взглянувъ.

— Понятно, что чѣмъ позже про это досужіе языки узнаютъ, тѣмъ лучше будетъ,—поспѣшилъ заявить Ермилычъ.—Пусть держитъ подольше окна и ворота заколоченными, до весны сохранится тайна. Мы и сами, какъ подошли сюда да увидѣли, что и двери и окна заколочены, и что на дворѣ не видать ни души, отчаялись было и васъ здѣсь найти и прошли бы въ деревню, чтобъ про Мавру Егоровну узнать, гдѣ она проживаетъ. Въ Москвѣ намъ сказали въ цесаревниномъ дворцѣ, что она здѣсь.

Пѣвчіе переглянулись. Если ужъ тамъ этого не скрываютъ, такъ почему же имъ недовѣріе добрымъ и знаемымъ людямъ сверхъ мѣры оказывать?—читалось въ ихъ глазахъ.

— Цесаревна приказала приготовить для себя и для Мавры Егоровны тѣ покои, что̀ въ садъ со стороны службъ выхо̀дятъ, и такъ ей не желательно чужихъ видѣть, что къ ней иначе, какъ съ задняго подъѣзда, и пройти нельзя. На постороннихъ людей, кто бы они ни были, ей послѣ своего горя смотрѣть тошно, и она только съ самыми ближними находитъ отраду.

— А гдѣ же у васъ Розумъ? — спросилъ Ермилычъ, оглянувшись по сторонамъ.—Мнѣ бы надо съ нимъ повидаться. Земляковъ его изъ Лемешей я недавно видѣлъ, просили поклонъ ему передать.

Замѣшательство его собесѣдниковъ усилилось.

— Спитъ вѣрно, вѣдь ужъ поздно, а завтра надо рано для спѣвки вставать,—уклончиво отвѣтилъ одинъ изъ старшихъ, особенно подозрительно посматривавшій на Ветлова, который, усѣвшись на стулъ въ отдаленіи у окна, однимъ своимъ молчаливымъ присутствіемъ всѣхъ тутъ приводилъ въ смятеніе.

— Здѣсь, что ли?—продолжалъ настаивать Ермилычъ.

— Нѣтъ, здѣсь у насъ для него мѣста не нашлось, ему въ другомъ строеніи отвели помѣщеніе... Онъ вѣдь и раньше отдѣльно отъ насъ жилъ...

— Не угодно ли закусить, чѣмъ Богъ послалъ?—съ живостью подхватилъ одинъ изъ его товарищей, поднимаясь съ мѣста и приглашая гостей къ накрытому столу.—Извините за скудость трапезы,—продолжалъ онъ съ напускною развязностью, указывая на блюда и бутылки, которыми слуги уставляли этотъ столъ:—не ждали мы гостей.

Какъ въ бесѣдѣ, такъ и въ ужинѣ, Ветловъ принимать участіе отказался, и настаивать на томъ, чтобъ онъ хоть чѣмъ нибудь подкрѣпился, никто не рѣшился: всѣ понимали, что надо оставить его въ покоѣ и не усиливать его душевныхъ страданій навязчивостью. Но здѣсь всѣ уже начинали свыкаться съ мыслью о погибели Лизаветы, и присутствіе горемъ убитаго ея мужа всѣхъ стѣсняло, возбуждая въ умѣ представленія, о которыхъ хотѣлось забыть. Убѣдившись, что только въ отсутствіи его спутника удастся развязать языки и узнать то, что ему нужно было знать, Ермилычъ предложилъ ему итти отдохнуть съ дороги, не дожидаясь его.

— Ѣсть ты все равно ничего не будешь, постарайся хоть сномъ набраться силъ, чтобъ завтра пуститься въ путь,—сказалъ онъ ему.

— Пойдемте, я отведу васъ въ ту комнату, которую мы для васъ приготовили,—подхватилъ одинъ изъ хозяевъ, срываясь съ мѣста и растворяя дверь въ сосѣднія горницы.

Ветловъ молча поднялся съ мѣста и, отвѣсивъ всей компаніи низкій поклонъ, послѣдовалъ за услужливымъ своимъ провожатымъ.

— Не жилецъ онъ на бѣломъ свѣтѣ, загрызетъ его до смерти злая тоска по женѣ,—замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ, когда дверь за покинувшими покой затворилась, и не стало слышно ихъ удалявшихся шаговъ.—Какъ онъ постарѣлъ и осунулся! Краше въ гробъ кладутъ.

— Да вѣдь и то сказать, нечѣмъ ему и утѣшиться, нечѣмъ счастье вспоминать, у него этого счастья и не было вовсе, къ совмѣстной жизни только готовились, все врозь жили.

— Вотъ и жизнь наша такова: на будущее надѣясь, настоящимъ пренебрегаемъ и въ ожиданіи большихъ благъ жертвуемъ тѣмъ, что судьба намъ ужъ даровала...

— Про Лизавету Касимовну этого сказать нельзя: она отказывалась отъ личнаго счастья, чтобъ цесаревнѣ служить...

— Да что это вы, господа, прежде времени отходную по Лизаветѣ Касимовнѣ запѣли?—съ досадой прервалъ своихъ собесѣдниковъ Ермилычъ.

— Тотъ, кто въ Преображенскомъ приказѣ не найдетъ смерти, и жизни не радъ,—угрюмо замѣтилъ одинъ изъ пѣвчихъ.

— Алексѣя-то Яковлевича живымъ оттуда вывезли, да что толку-то!—подхватилъ другой.

— Мы здѣсь объ одномъ только молимъ, чтобъ ея страданія скорѣе кончились, ни о чемъ больше,—вставилъ третій.

И, обернувшись къ гостю, онъ отрывисто спросилъ у него, на что понадобился ему Розумъ,—ужъ не для того ли, чтобъ его утруждать просьбой вмѣшаться въ дѣло Ветловой.

— Такъ это вы напрасно затѣяли,—продолжалъ онъ:—имя ея запрещено во дворцѣ произносить. У цесаревны и своей печали достаточно, до сихъ поръ, какъ вспомнитъ про Шубина, такъ слезами и зальется. А ужъ Ивану Васильевичу и думать нечего кому бы то ни было тамъ на глаза показываться, все равно до цесаревны его не допустятъ. Она у насъ здѣсь, слава Богу, хорошо охраняема. Мавра Егоровна съ Розумомъ ни на шагъ отъ нея не отходятъ, какъ вѣрные псы, оберегаютъ ее отъ новой скорби.

— Слава Богу, что сверху-то на насъ гоненіе прекратилось, всѣхъ вѣдь насъ тогда чуть было не арестовали, когда цесаревна отказалась въ Петербургѣ Бирона принимать...

— Это когда же случилось?—наивно спросилъ Ермилычъ.— У насъ въ монастырѣ ничего про это не извѣстно. Знаемъ мы только, что Лизавета Касимовна ѣздила въ Москву, чтобъ попытаться повидать Шубина въ тюрьмѣ, а удалось ли ей это,— толкуютъ разно, кто говоритъ, что она къ нему проникла, и будто онъ умолялъ цесаревну его спасти...

— Ложь это на него взводятъ!—не вытерпѣлъ, чтобъ не вскричать, тотъ самый юноша, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ особенно ревностно старался оберегать придворныя тайны.— Не изъ таковскихъ Шубинъ, чтобъ цѣной ея безчестья жизнь свою спасать!

— Всякій русскій человѣкъ поступилъ бы точно также на его мѣстѣ! Она всей Россіи нужна...

— Насъ много, а она послѣ царя Петра одна осталась, одна на всю Россію, и намъ надо ее, какъ зѣницу ока, беречь, голубушку нашу...

— Нечего старое поминать, «оставимъ мертвымъ хоронить мертвецовъ», это въ Писаніи сказано, надо о живыхъ заботиться, чтобъ ихъ уберечь. Немного ихъ ужъ осталось у насъ. Вы тамъ, въ монастыряхъ-то да скитахъ, ничего не знаете, а мы все это пережили, на нашихъ глазахъ хватали, мучили и казнили вѣрныхъ ея друзей, и при Меншиковыхъ, и при Долгорукихъ, а теперь при Биронѣ... Чуть было до Шереметевыхъ да Шуваловыхъ не добрались, всѣхъ собирались истребить!—перебивая другъ друга, кричала преданная цесаревнѣ молодежь.

— Всѣхъ хотѣли убить, чтобъ ей не на кого было опереться...

— А народъ-то? Забыли про народъ, анаѳемы! Онъ имъ про себя еще напомнитъ, мы кое-что про народъ-то знаемъ...

— Онъ намъ свой, народъ-то православный, мы вѣдь изъ него вышли...

— У насъ, тронь только ее, все готово въ отместку...

— Мы со «своими» связи-то еще не порвали, слава Богу!

— Нашу цесаревну не тронь! Каждаго, кто бы къ ней поганую руку ни протянулъ, въ куски разорвемъ!

— А правду, что ли, въ Москвѣ болтаютъ, будто нѣмцы потому стали посмирнѣе, что за нашу цесаревну иностранные государи заступились?—замѣтилъ Ермилычъ.

— Вздоръ! Русскихъ людей испугалась нѣмчура паршивая, вотъ и все. А, впрочемъ, мы всякой помощи рады, откуда бы она ни явилась, милости просимъ умирать за нее вмѣстѣ съ нами!

Ермилычъ улыбнулся. Ему была по сердцу молодецкая отвага ни передъ чѣмъ не унывающей молодежи, готовой, не задумываясь, пожертвовать жизнію за представительницу Россіи. Съ такими можно разсчитывать на успѣхъ.

— А я такъ и совсѣмъ не вѣрю желанію нѣмцевъ помириться съ цесаревной,—сказалъ онъ.—Если бъ это было такъ, зачѣмъ же имъ было лишать ее, послѣ сердечнаго друга, еще и любимой женщины? Зачѣмъ причинять ей еще новое огорченіе? Нѣтъ, братцы, должно быть, не нагнали еще на нихъ страха русскіе люди, если они не унимаются!

— Это ужъ, должно быть, ихъ послѣдняя противъ нея вылазка...

— Съ какой же цѣлью?—продолжалъ настаивать Ермилычъ.

— А кто ихъ душу знаетъ! Хотятъ, можетъ быть, чтобъ она имъ первая поклонилась...

— Да только этому не бывать, если ужъ для Шубина она передъ ними головы не склонила, то изъ-за Ветловой и подавно не склонитъ...

Долго еще обмѣнивались они соображеніями въ томъ же духѣ, но Ермилычъ ихъ больше не слушалъ. Онъ узналъ то, что ему нужно было узнать; здѣсь имъ помощи ни отъ кого нельзя ждать: на Лизавету взираютъ, какъ на послѣднюю жертву торжествующаго врага. Преслѣдованіе дѣйствительно прекратится съ ея гибелью, по крайней мѣрѣ, на время, а измученнымъ душевно людямъ и такая временная передышка въ страданіяхъ должна казаться очень сладкимъ счастьемъ.

Ермилычъ слишкомъ много самъ перенесъ мукъ на своемъ вѣку и слишкомъ хорошо зналъ человѣческую природу, чтобъ этого не понимать.

Въ отведенной имъ для ночлега комнатѣ онъ нашелъ своего

спутника лежащимъ на кровати совсѣмъ одѣтымъ и съ открытыми глазами.

— Ну, что, убѣдились вы, что мы только напрасно сюда пріѣхали?—проговорилъ онъ, когда старикъ къ нему пригнулся, чтобъ узнать, спитъ онъ или нѣтъ. — Слишкомъ они здѣсь всѣ счастливы, и слишкомъ недавно вылѣзли изъ страха и горя, чтобъ рисковать опять попасть въ бѣду. Какъ имъ было непріятно мое присутствіе! Застѣнкомъ и палачами вѣяло вокругъ нихъ въ воздухѣ все время, какъ я тамъ былъ!—прибавилъ онъ съ горестью.

— Что дѣлать, Василичъ, будемъ искать помощи другими путями, гдѣ нибудь на помощь и натолкнемся,—возразилъ старикъ.

Ветловъ на это ничего не отвѣтилъ, и до разсвѣта между ними не было произнесено ни слова.

Тяжелая была для него эта ночь. Быть такъ близко отъ людей, отъ которыхъ зависѣло спасеніе той, что̀ была дороже ему всего въ жизни, и знать, что ихъ даже и просить нельзя надъ нею сжалиться, понимать, что оба они съ женой сдѣлались вдругъ такъ всѣмъ далеки и чужды, что прежніе друзья тогда только и счастливы и покойны, когда могутъ забыть про ихъ существованіе...

При блѣдномъ свѣтѣ ночной мглы, бѣлесоватымъ туманомъ вливавшемся въ окошко, онъ видѣлъ, какъ усердно молился его спутникъ, не поднимаясь съ колѣней въ продолженіе многихъ часовъ передъ образомъ въ углу комнаты; онъ слышалъ, какъ онъ вздыхалъ, взывая сердцемъ къ Тому, Который, чѣмъ горше напасть, тѣмъ къ страдающимъ ближе; но самъ былъ онъ такъ удрученъ, такъ обезсиленъ душевными терзаніями, что сердце его окаменѣло, духъ угасъ, и сознанія жизни оставалось въ немъ только на то, чтобъ ощущать полнѣйшее безсиліе бороться противъ судьбы.

Порой онъ совершенно терялъ сознаніе, и въ такія минуты страшные призраки осаждали его: онъ видѣлъ, какъ пытали его милую Лизавету, какъ рвали клещами и жгли ея тѣло, онъ слышалъ ея стоны, крики о помощи и просыпался отъ ужаса, въ холодномъ поту, съ помутившимся умомъ и замирающимъ отъ нестерпимой боли сердцемъ.

Ночи этой онъ во всю свою жизнь не могъ забыть: такое неизгладимое впечатлѣніе оставила въ сердцѣ его тлетворная близость князя тьмы, чуть было не покорившаго его своей проклятой власти.

Наступило наконецъ утро, и Ермиличъ, чтобъ не разбудить своего спутника, который лежалъ неподвижно съ закрытыми глазами, осторожно поднялся со своего ложа и сталъ одѣваться, по-

глядывая безпрестанно то на окно съ бѣлѣвшимися передъ нимъ снѣжными сугробами, то на дверь, за которой ужъ начинали раздаваться шаги и голоса. И вдругъ началась спѣвка. Старикъ растворилъ дверь въ коридоръ, и звуки ворвались сюда съ такою силою, что, казалось, самыя стѣны отъ нихъ задрожали. И послѣ перваго взрыва слившагося въ могучемъ аккордѣ хора молодыхъ голосовъ разлилось по воздуху на далекое пространство мелодичное воззваніе къ небу. И чѣмъ больше вслушивался Ермиличъ въ эти голоса, тѣмъ явственнѣе казалось ему, что онъ узнаетъ между ними голосъ Розума. Чтобъ убѣдиться въ томъ, что онъ не ошибается, и что дѣйствительно сынъ Розумихи пришелъ сюда пѣть съ товарищами, онъ вышелъ за дверь, безсознательно притворилъ ее за собою и, дошедши до конца коридора, остановился на порогѣ двери того обширнаго покоя, гдѣ происходила спѣвка, и тотчасъ же узналъ того, котораго ему такъ хотѣлось видѣть.

Да и трудно было бы его не узнать, такъ отличался онъ отъ окружавшей его толпы красотой и статностью.

Какъ и товарищи его, онъ только соскочилъ съ постели и прибѣжалъ сюда въ утреннемъ дезабилье, но въ то время, какъ прочіе пѣвчіе окружали сидѣвшаго за эпинеткой регента въ наскоро накинутыхъ на плечи затрапезныхъ камзолахъ и старыхъ вылинявшихъ отъ ветхости плащахъ, распахивавшихся на сорочкахъ изъ толстаго холста, неумытые, съ взъерошенными волосами,—на немъ былъ шлафрокъ изъ шелковой ткани, съ голубыми отворотами, подпоясанный голубымъ шарфомъ. Парика на немъ не было, и темные кудри его густыхъ волосъ обрамляли красивое, похудѣвшее молодое лицо съ восторженнымъ взглядомъ поднятыхъ къ потолку глазъ. Длинные бѣлые шелковые чулки плотно обтягивали выше колѣнъ стройныя ноги въ бархатныхъ туфляхъ на красныхъ каблукахъ.

Любуясь имъ, Ермиличъ невольно вспоминалъ тотъ огородъ въ глухомъ украинскомъ мѣстечкѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ сидѣлъ подъ цвѣтущей липой теплымъ лѣтнимъ вечеромъ съ этимъ самымъ юношей, когда его еще звали Алешкой, и когда онъ мечталъ, какъ о величайшемъ счастьѣ, получить мѣстишко въ одномъ изъ кіевскихъ приказовъ, и спрашивалъ себя съ недоумѣніемъ: неужели тотъ бѣдный скромный мальчикъ и этотъ блестящій кавалеръ, любимецъ царской дочери, одно и то же лицо? И чѣмъ больше онъ въ него всматривался, тѣмъ сильнѣе становилось сомнѣніе. Выступили въ памяти другія картины: Розумихина хата въ Лемешахъ, среди вишневаго садика, и сама Розумиха со своимъ серьезнымъ умнымъ лицомъ и глубокимъ взглядомъ черныхъ глазъ, такая степенная и величавая среди убогой своей обстановки. Знаетъ ли она о счастливой судьбѣ, постигшей ея сына? Радуется ли она ей, или опасается и недо-

умѣваетъ? Да и самъ онъ отдаетъ ли себѣ отчетъ въ томъ, что съ нимъ происходитъ? Счастливъ ли онъ исполненіемъ не только всѣхъ его желаній, но и того, до чего въ самыхъ дерзкихъ своихъ помыслахъ онъ мечтать не осмѣливался?

Стоялъ онъ среди прочихъ пѣвчихъ какъ-то особнякомъ, видно было, что опасеніе его стѣснить, желаніе оказать ему вниманіе, подчеркнуть разстояніе между нимъ и прочими, вошло уже въ привычку; желаніе это просвѣчивало во всѣхъ взглядахъ, выражалось во всѣхъ движеніяхъ его окружающихъ, тѣхъ, что такъ еще недавно были ему равны, и надъ которыми судьба такъ внезапно и такъ неожиданно его высоко вознесла. Но онъ этого не замѣчалъ. Когда послѣдняя нота отзвенѣла въ воздухѣ, и сидѣвшій за эпинеткой регентъ поднялся съ мѣста, Алексѣя Григорьевича окружили тѣснѣе и наперерывъ стали закидывать вопросами, на которые онъ отвѣчалъ такъ охотно, дружески и просто, что ужъ по одному выраженію сіявшихъ радостною преданностью устремленныхъ на него со всѣхъ сторонъ глазъ можно было судить о томъ, какого рода отношенія установились между нимъ и бывшими его товарищами.

Да, это былъ Алешка Розумъ, тотъ самый ладный хлопчикъ, котораго всѣ такъ любили и въ Лемешахъ и во всемъ повѣтѣ. Перемѣна въ судьбѣ отразилась только на его внѣшности, не задѣвая ни съ какой стороны его души, и все та же тихая, мечтательная грусть таилась въ глубинѣ его большихъ темныхъ глазъ, какъ и тогда, когда онъ жилъ однимъ только предчувствіемъ того, что должно было его постигнуть,—предчувствіемъ, до того смутнымъ и неопредѣленнымъ, что ждать осуществленія мечты онъ могъ только въ небесахъ, въ сверкавшихъ надъ его головой звѣздахъ да въ скользившихъ по небу облакахъ.

Вотъ онъ переговорилъ съ товарищами о спѣтомъ концертѣ, замѣтилъ что-то такое регенту такъ тихо, что словъ его Ермилычъ не могъ разслышать; вотъ его опять окружаютъ, о чемъ-то просятъ, онъ съ добродушной улыбкой качаетъ головой, отказываясь, безъ сомнѣнія, участвовать въ другомъ номерѣ, и, отходя отъ хора, который сошелся, чтобъ продолжать пѣніе, онъ приближается къ двери, у которой стоитъ его старый другъ. Теперь онъ отъ него такъ близко, что можно разглядѣть, какъ онъ похудѣлъ и осунулся съ тѣхъ поръ, какъ они не видѣлись; лицо удлинилось, носъ обострился, и щеки немного впали. Онъ красивѣе прежняго, но нѣтъ уже въ немъ прежней юношеской прелести и свѣжести. Жизнь прикоснулась къ нему страстями и страданіями, и въ борьбѣ съ ними сердце замкнулось въ стремленіи къ одной цѣли— не утратить сокровища, безъ котораго жизнь не имѣла для него ни малѣйшаго смысла... И вдругъ онъ поднялъ глаза на дверь въ десяти шагахъ отъ него въ ту самую минуту, когда, увлек-

шись любопытствомъ, Ермилычъ неосторожно подался впередъ, глаза ихъ встрѣтились, и не успѣлъ старикъ очнуться, какъ двѣ сильныя руки его обнимали, и дрожащій отъ радостнаго волненія голосъ шепталъ, пригнувшись къ нему такъ близко, что онъ почувствовалъ горячее дыханіе на своемъ лицѣ:

— Дяденька Ермилычъ! Какими судьбами ты сюда попалъ? Зачѣмъ не пришелъ прямо ко мнѣ? Я самъ все рвался къ тебѣ въ монастырь, да не могъ удосужиться...

Не выпуская его изъ своихъ объятій, онъ прошелъ съ нимъ въ пустую комнату, въ концѣ коридора, рядомъ съ той, гдѣ Ермилычъ провелъ съ Ветловымъ ночь, и, усадивъ его на широкую обитую кожей лавку, сѣлъ противъ него на стулъ и, не спуская съ него сверкавшаго любовью и радостью взгляда, повторилъ свой вопросъ:

— Какими судьбами ты здѣсь очутился?

— Къ тебѣ притащился, хлопчикъ, да такъ меня тутъ тобою напугали, что не приди ты самъ на спѣвку, я такъ бы и ушелъ, не повидавшись съ тобой,—отвѣчалъ старикъ.

— Дяденька! Да какъ же это тебѣ не грѣхъ?

Упрекъ этотъ вырвался у него изъ глубины сердца такъ искренно, что Ермилычъ расчувствовался и, забывъ все на свѣтѣ, обнялъ красавца въ богатомъ шелковомъ халатѣ, какъ бывало обнималъ юношу въ рваномъ кафтанишкѣ, и прижалъ его къ сердцу.

— Давно ли отъ матки у тебя были вѣсти? — спросилъ онъ, оправившись отъ волненія.

— Недавно, дяденька, цесаревна нарочнаго посылала въ Лемеши про здоровье ея узнать, — продолжалъ онъ съ возрастающимъ оживленіемъ.—Подарки ей послала, письмо написала, такъ ее утѣшила, что она сама не своя отъ радости... Время такое, что отлучиться мнѣ отсюда невозможно, а то слеталъ бы я къ моей родимой! Да ты, вѣрно, слышалъ, какая у насъ тутъ бѣда стряслась? Какъ нашего бѣднаго Шубина мучили и такъ далеко сослали, что никому его и не разыскать! Что мы выстрадали! Какихъ страховъ навидались! Вѣдь чуть было и цесаревну не увезли въ монастырь, чтобъ силкомъ постричь! Страшно вспомнить, какимъ непоправимымъ несчастьямъ мы подвергались! Просто можно сказать, что, какъ въ аду, мучились... и даже того хуже, тамъ только за себя страдаешь, а здѣсь душа за нее терзалась... А люблю я ее больше жизни, дяденька! Что жизнь! Сто жизней отдалъ бы я съ восторгомъ за нее! Повѣришь, всѣ вотъ Шубина жалѣютъ, а я ему завидую! Право, вотъ, какъ Богъ святъ, завидую! Онъ ей доказалъ свою любовь, а мнѣ доказать ей мою преданность нечѣмъ!

— Подожди, можетъ быть, и твой чередъ придетъ за нее пострадать,—утѣшалъ его старикъ, забывая, для чего онъ сюда при-

шелъ, и увлекаясь отрадой видѣть Алешку Розума такимъ, какимъ онъ оставилъ его пять лѣтъ тому назадъ въ Лемешахъ, такимъ же, какъ тогда, чистымъ, яснымъ, великодушнымъ мечтателемъ.

А ужъ какъ былъ счастливъ Розумъ возможностью излить въ дружескую душу чувства и мысли, переполнившія его сердце! Не было у него здѣсь ни одного человѣка, столь ему близкаго, какъ этотъ старикъ, знавшій его въ родной обстановкѣ и способный понять его во всей полнотѣ. Съ нимъ только и могъ онъ говорить про мать, про своихъ хохловъ, про все, что составляло предметъ его любви и заботъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнилъ. Кто здѣсь пойметъ неизреченную прелесть тихой, мирной украинской природы, среди которой онъ выросъ, и такъ мало похожей на здѣшнюю? Нѣтъ у него такихъ словъ, которыми можно было бы объяснить здѣшнимъ людямъ сокровища дѣтской, чистой вѣры въ святые идеалы, хранящіеся въ душѣ украинскаго народа, какъ нѣтъ словъ описать таинственную прелесть украинской звѣздной ночи и величавую красоту душистой украинской степи. Даже и той, которая ему дороже жизни, въ присутствіи которой онъ чувствуетъ себя какъ бы восхищеннымъ силой ея прелестей въ другой міръ, даже и ей не осмѣливается онъ открыть доступъ въ святая святыхъ своей души, изъ опасенія подмѣтить недоумѣніе въ ея глазахъ или усмѣшку на ея губахъ. Съ Ермилычемъ же можно было не стѣсняться, этотъ все пойметъ, не даромъ прожилъ онъ съ нимъ и съ его близкими одною жизнью нѣсколько мѣсяцевъ, наслаждаясь вмѣстѣ съ ними ихъ невинными радостями и болѣя ихъ печалями. Нисколько не удивился онъ, когда Розумъ сознался ему въ порывѣ сердечныхъ изліяній, что его иногда такъ тянетъ въ Лемеши, чтобъ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на родную хатку, чтобъ хоть минутку подышать роднымъ воздухомъ, что онъ, кажется, полъ-жизни отдалъ бы за это счастье.

Какъ у всѣхъ людей съ сильно развитымъ воображеніемъ и сдержаннымъ, несообщительнымъ нравомъ, когда имъ доводится высказывать безъ стѣсненія то, что у нихъ накопилось въ сердцѣ, рѣчь его была сбивчива и непослѣдовательна, а слова безсвязно срывались съ языка по мѣрѣ того, какъ представленія и воспоминанія воскресали въ умѣ: отъ Лемешей перескакивалъ онъ къ Петербургу, отъ матери—къ царевнѣ, отъ первыхъ впечатлѣній, здѣсь испытанныхъ,—къ послѣднимъ страшнымъ событіямъ, отъ бѣдствія, постигшаго Шубина,—къ мукамъ, испытаннымъ имъ самимъ въ долгіе дни тоскливаго недоумѣнія, когда онъ зналъ, что царица его души страдаетъ, а онъ не только ничѣмъ не можетъ ей помочь, но даже не знаетъ, приняла ли бы она отъ него утѣшеніе, если бъ онъ нашелъ возможность плакать и молиться съ нею.

Какое это было ужасное время! Постоянно говорили вокругъ него про нее и все не то, что ему такъ страстно хотѣлось знать, все не то, чего жаждала его душа.

— Съ тоски бы я тогда погибъ, кабы не Лизавета Касимовна. Одна она поняла мою душевную муку и утѣшала меня надеждой на то, что придетъ время, когда про меня вспомнятъ. А когда наконецъ вспомнили, она же явилась ко мнѣ съ этой благой вѣстью... Мы были тогда въ Москвѣ и собирались переѣзжать въ Александрово, и всѣ радовались надеждѣ увидѣть цесаревну... всѣ, кромѣ меня. Сердце такъ было полно опасеній, что для радости не было мѣста. Вѣдь потерять ее послѣ того, какъ она меня къ себѣ приблизила, было бы тяжелѣе, чѣмъ если бъ я остался въ Украйнѣ и никогда, кромѣ какъ въ грезахъ, ея бы не видѣлъ! Какъ же мнѣ было не страшиться и не тосковать? Но что сердце у меня не разорвалось отъ радости, когда она про меня вспомнила, — это ужъ прямо я и понять не могу. Такъ все это чудно, что, право же, даже и счастьемъ назвать нельзя. Повѣришь ли, что я и теперь тоскую отъ этого счастья столько же, если не больше, сколько тосковалъ раньше съ печали, страха и отчаянья. Ноетъ у меня сердце даже и тогда, когда она прижимаетъ меня къ себѣ и твердитъ, что любитъ меня такъ, какъ никогда никого не любила... И вѣдь не то, чтобъ я ей не вѣрилъ или чтобъ сомнѣвался въ будущемъ, нѣтъ, ни въ чемъ я не сомнѣваюсь, ничего не страшусь, а чего хочетъ сердце, къ чему оно стремится, когда ему все дано, чего оно теперь жаждетъ,— не знаю! Не знаю, — повторилъ онъ съ тоскою, схватываясь руками за голову и покрывая ими взволнованное лицо.

А спѣвка продолжалась, и окружавшій ихъ воздухъ былъ полонъ звуковъ небесной гармоніи, уносившихъ душу все выше и выше, къ блаженной обители, гдѣ нѣтъ ни плача, ни воздыханій.

— Надо молитвой, покаяніемъ и добрыми дѣлами искупить грѣхъ, Алеша,—торжественно произнесъ старикъ, нарушая наконецъ молчаніе, воцарившееся въ комнатѣ послѣ послѣднихъ словъ Розума.

— Все для этого дѣлаю, что могу, Ермилычъ,—возразилъ чуть слышно этотъ послѣдній, не отнимая руки отъ лица, по которому текли слезы. И вдругъ, порывистымъ движеніемъ сорвавшись съ мѣста:—вѣдь не прикажешь же ты мнѣ отъ нея бѣжать? Ты знаешь, что я этого не могу? — вскричалъ онъ, устремляя на своего собесѣдника загорѣвшійся отчаяніемъ взглядъ.—Она такъ несчастна, такъ изобижена, такъ безпомощна, — продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта на предложенный вопросъ:—у нея, какъ у меня, никого нѣтъ на свѣтѣ, съ кѣмъ бы она могла говорить по душѣ, какъ же я ее оставлю? Неужели Господь требуетъ отъ меня такой жертвы? Неужели я долженъ для спасенія своей души нанести ей такой ударъ?... Ты всего не знаешь, Ермилычъ, дай мнѣ тебѣ разсказать... что̀ я для нея... нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Ты не поймешь... у меня не найдется такихъ словъ... Сжалься надо

мною, Ермилычъ, скажи мнѣ, что Господь проститъ намъ нашъ грѣхъ! Что можно его замолить... искупить... Вотъ я тебѣ скажу, какіе у меня замыслы въ будущемъ, что̀ я мечтаю сдѣлать для своихъ и для всего русскаго народа... намъ бы хотѣлось, чтобъ всѣ русскіе православные люди были счастливы... чтобъ вездѣ царила правда и справедливость, чтобъ не было ни одного напрасно замученнаго, напрасно угнетеннаго... вотъ для чего мы желаемъ царствовать, имѣть власть... Если бъ только всѣ знали, какъ она добра и великодушна! Какъ она любитъ Россію! Если бъ только это всѣ знали!.. Вотъ что я еще тебѣ скажу, Ермилычъ,—продолжалъ онъ свою сбивчивую рѣчь, хватая его за руку и крѣпко сжимая ее въ своихъ похолодѣвшихъ отъ волненія пальцахъ,—до сихъ поръ я никогда ничего у нея не просилъ для себя, для своихъ... она сама разузнала о моей матери, сама, потихоньку отъ меня, послала ей письмо и подарки, я ужъ тогда узналъ, когда посланецъ вернулся... Все это, что ты на мнѣ видишь, — прибавилъ онъ, съ негодованіемъ теребя на себѣ роскошную одежду,— я надѣваю по ея приказанію и потому, что она этого требуетъ... ничего я своего не имѣю, все ея, и не моя вина, если все это дорого и великолѣпно... она къ этому привыкла, она была бы несчастна, если бъ я отказался это носить, она никогда не пойметъ, какъ это меня стѣсняетъ, какъ мнѣ это тяжело и непріятно... Что же мнѣ дѣлать? Ну, самъ скажи, что? Мучусь я всѣмъ этимъ нестерпимо, а измѣнить не могу... Теперь, съ тѣхъ поръ, какъ у насъ отняли Лизавету Касимовну, мы еще несчастнѣе. Она меня понимала, и съ нею я могъ говорить... не такъ, какъ съ тобою, конечно, а все же откровеннѣе, чѣмъ съ кѣмъ либо здѣсь, теперь и это утѣшеніе, эта душевная поддержка у меня отнята!

— А чтобъ спасти ее, эту преданную вамъ душу, спасти отъ пытокъ и смерти, сдѣлали вы что нибудь?—спросилъ Ермилычъ.— Вѣдь я, Алеша, только изъ-за этого и пришелъ къ тебѣ, на тебя наша послѣдняя надежда,—продолжалъ онъ, не спуская пристальнаго взгляда съ смущеннаго лица своего слушателя, который стоялъ передъ нимъ съ низко опущенной головой.—Цесаревна не будетъ объ этомъ просить императрицу? Это невозможно? Скажи намъ это прямо, намъ надо знать, — продолжалъ онъ съ долгими, мучительными перерывами между фразами.

— Невозможно, — произнесъ съ усиліемъ Розумъ. — Не осуждай насъ... это—послѣдняя жертва, и мы должны ее принести. Цесаревна себѣ не принадлежитъ, она принадлежитъ всей Россіи,— прибавилъ онъ, поднимая на своего собесѣдника загорѣвшійся взглядъ.

Наступило молчаніе, которое онъ нарушилъ вопросомъ, долго ли Ермилычъ у нихъ поживетъ.

— Сейчасъ уѣдемъ, вѣдь я ужъ тебѣ сказалъ, что пріѣхалъ

сюда для того только, чтобъ узнать, можете ли вы намъ помочь,—отвѣчалъ печально старикъ,—теперь намъ остается попытаться это сдѣлать безъ васъ.

— Ты здѣсь съ нимъ? съ ея мужемъ?—спросилъ Розумъ.

— Съ Иваномъ Васильевичемъ. Онъ въ такомъ отчаяніи, что одного его оставлять я побоялся...

— И не оставляй его, въ душевныхъ мукахъ нѣтъ ничего хуже одиночества. И скажи ему,—продолжалъ Розумъ, оглядываясь на дверь, мимо которой раздались шаги проходившихъ въ столовую завтракать пѣвчихъ:—что если бъ мнѣ можно было цѣною собственной жизни ее спасти, я бы не задумался это сдѣлать.

Спѣвка кончилась, и давно ужъ къ затворенной двери въ комнату, гдѣ происходила ихъ бесѣда, приближались и, постоявъ передъ нею въ нерѣшительности, отходили, чтобъ черезъ минуту снова вернуться.

— Это вѣрно къ тебѣ, Алеша,—сказалъ Ермилычъ, указывая на шевелившуюся дверную ручку.—Не для чего тебя дольше задерживать, Христосъ съ тобою, пошли вамъ Господь всего лучшаго...

— Ты вѣришь, что мы не можемъ помочь вашей бѣдѣ?—спросилъ угрюмо, сдвигая брови, Розумъ.—Если бъ ты у насъ подольше пробылъ, я бы все тебѣ объяснилъ... я бы тебя къ ней привелъ, и она сама бы тебѣ сказала...

— Зачѣмъ, Алеша? Кабы это могло нашей страдалицѣ помочь, ну, тогда дѣло другое, а такъ какъ вы ничего сдѣлать не можете, то надо, не теряя времени, другіе способы изыскивать.

— Какіе?—сорвалось безсознательно съ губъ Розума.

Вмѣсто отвѣта Ермилычъ крѣпко его обнялъ и тихонько толкнулъ къ двери, въ которую ужъ теперь осторожно стучали.

— Ты на меня не гнѣваешься, дяденька?

— Мнѣ тебя сердечно жаль, хлопчикъ, ты очень несчастливъ... можетъ быть, даже несчастнѣе того страдальца, которому я сейчасъ долженъ принести дурную вѣсть,—проговорилъ со вздохомъ Ермилычъ.

— О, да, мы очень несчастны! Молись за насъ, Ермилычъ, молись, чтобъ Господь далъ намъ терпѣніе нести нашъ тяжелый крестъ!..

Онъ хотѣлъ къ этому еще что-то такое прибавить, но стукъ въ дверь усилился, и за дверью раздался голосъ камерлакея, присланнаго изъ дворца, чтобъ доложить Алексѣю Григорьевичу, что ея высочество ужъ третій разъ за нимъ присылаетъ и не хочетъ садиться за столъ безъ него.

Ермилычъ крѣпко обнялъ своего ладнаго хлопчика и самъ растворилъ дверь въ коридоръ, чтобы сказать посланцу цесаревны, что Алексѣй Григорьевичъ сію минуту къ ней явится,

а затѣмъ онъ и самъ, не оборачиваясь къ смотрѣвшему ему вслѣдъ влажными отъ слезъ глазами сыну Розумихи, прошелъ въ комнату, гдѣ ждалъ его Ветловъ.

— Ну, голубчикъ, поѣдемъ въ Москву, можетъ быть, моему духовному сынку что нибудь удалось для насъ придумать,—проговорилъ онъ, принимаясь съ лихорадочною поспѣшностью, избѣгая встрѣчаться взглядомъ со своимъ спутникомъ, собирать свои скромные пожитки, чтобъ сложить въ кожаный мѣшокъ, служившій ему чемоданомъ. — Надо распорядиться насчетъ лошадей...

— Лошади ужъ найдены, я распорядился,—возразилъ Ветловъ, — вѣдь я зналъ, что здѣсь намъ не помогутъ,—прибавилъ онъ съ горечью.

— Поѣдемъ, значитъ, безъ задержки, и за то слава Богу!

Снарядившись въ путь, они зашли проститься съ хозяевами и поблагодарить ихъ за гостепріимство. У крыльца уже стояли запряженные тройкой розвальни. Провожали ихъ отсюда много радушнѣе, чѣмъ наканунѣ встрѣтили, и настояли на томъ, чтобъ они на дорогу позавтракали, увѣряя, что Алексѣй Григорьевичъ огорчится, если узнаетъ, что ихъ не ѣвшихъ отпустили въ дальній путь. Пришлось уступить просьбамъ и добрымъ часомъ позже выѣхать изъ Александровскаго; но время было еще раннее, сіялъ свѣтлый морозный день, ямщикъ обѣщался засвѣтло довезти сѣдоковъ до Москвы, и, подавивъ печаль разочарованія въ сердцѣ, Ермилычъ рѣшилъ не смущать привѣтливыхъ хозяевъ отказомъ. Къ тому же, ему было такъ тяжело уѣзжать отсюда, ничего не добившись, онъ безсознательно такъ разсчитывалъ на помощь Розума, что въ настойчивости пѣвчихъ ихъ задерживать ему невольно мнилось, что, можетъ быть, не изъ одного гостепріимства задерживаютъ ихъ, что, можетъ быть, передъ самымъ выѣздомъ Господь готовитъ имъ утѣшеніе...

Но пришлось уѣхать, не дождавшись ничего добраго: изъ дворца никто не прибѣгалъ съ хорошими вѣстями. Видно, не рѣшился Розумъ даже и заикнуться своей царственной возлюбленной о несчастныхъ странникахъ...

Но винить своего любимца Ермилычъ не могъ, слишкомъ хорошо онъ понималъ его положеніе, но отъ этого было не легче, и больно щемило у него сердце, при удаленіи отъ мѣста добровольной ссылки цесаревны, особенно, когда онъ взглядывалъ на своего спутника, въ зловѣщемъ молчаніи переживавшаго свое страшное горе.

Въѣхали они въ чащу парка, и чтобъ дать лошадямъ набраться силъ для дальнѣйшаго путешествія, ямщикъ пустилъ ихъ шагомъ по замерзшимъ кочкамъ лѣсной тропинки, подъ сводами покрытыхъ густымъ инеемъ деревьевъ, безпрестанно задѣвавшихъ своими отяжелѣвшими вѣтвями проѣзжавшихъ, обсыпая ихъ снѣ-

гомъ. Весело свѣтило зимнее солнышко, разсыпаясь разноцвѣтными искрами по снѣгу, чувствовалось приближеніе оттепели, и ямщикъ, смѣющимися глазами озираясь по сторонамъ, объявилъ, указывая кнутовищемъ на просвѣчивавшееся промежъ деревьевъ небо, что завтра, можетъ быть, имъ бы ужъ не проѣхать такъ хорошо по лѣсу: если Господь не пошлетъ къ ночи мороза, начнется распутица.

— Да вѣдь и то сказать, до Алексѣя, Божьяго человѣка, ужъ недолго осталось ждать...

И вдругъ онъ попридержалъ лошадей и сталъ прислушиваться.

— Въ погоню за нами, какъ будто кто-то ѣдетъ,—сказалъ онъ, оборачиваясь къ своимъ сѣдокамъ.

— Почему ты думаешь?—спросилъ Ермилычъ, повертывая назадъ голову настолько, насколько дозволила ему это сдѣлать мохнатая шапка, надвинутая на уши, уходя въ огромный мѣховой воротникъ шубы...

— Да я ужъ давно слышу лошадиный топотъ и скрипъ полозьевъ намъ вслѣдъ, а ужъ теперь могу прямо сказать, что санки барскія, легонькія, и кони куда рѣзвѣе нашихъ будутъ! Сейчасъ насъ обгонятъ, а тутъ еще разъѣхаться можно, дальше дорога уже пойдетъ.

— Такъ подождемъ ихъ тутъ,—замѣтилъ Ермилычъ, у котораго смутнымъ предчувствіемъ забилось сердце.

— Самъ Алексѣй Григорьевичъ!—объявилъ черезъ нѣсколько мгновеній ямщикъ, который поднялся съ козелъ, чтобъ лучше разглядѣть приближавшійся экипажъ. — Одинъ... машетъ намъ, чтобъ мы его подождали...

— Ну, и подождемъ,—проговорилъ Ермилычъ, чтобъ что нибудь сказать. Волненіе его душило. Оживленная фигура старика представляла любопытный контрастъ съ блѣднымъ, застывшимъ въ нѣмомъ отчаяніи лицомъ его спутника. Ветловъ сидѣлъ истуканомъ, ничего не слыша, не видя и не замѣчая. Въ глазахъ его, пристально устремленныхъ въ пространство, ничего, кромѣ тупого страданія, не выражалось.

Заскрипѣлъ снѣгъ, и застучали лошадиныя копыта все ближе и ближе; изъ подъѣхавшихъ нарядныхъ санокъ выскочилъ красавецъ въ бархатномъ, отороченномъ соболями, коротком кафтанѣ и подбѣжалъ къ остановившимся среди дороги широкимъ санямъ и, отвѣсивъ низкій поклонъ Ветлову, который не шелохнулся, чтобъ взглянуть на него и отвѣтить ему, не надѣвая собольей шапки, обратился къ Ермилычу, съ лихорадочной поспѣшностью вынимая изъ бокового кармана завернутый въ бумагу ящичекъ, который онъ ему протянулъ.

— Это отъ цесаревны, приказала передать тебѣ для ея тезки,— проговорилъ онъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.

— Передай ея высочеству, что мы ей въ ножки кланяемся за память и будемъ до послѣдняго издыханія объ ея дрогоцѣнномъ здоровьѣ молить Бога,—торжественно возвышая голосъ, отвѣтилъ старикъ, принимая ящичекъ и опуская его въ карманъ своей шубы.

— Дай вамъ Богъ!.. дай вамъ Богъ!..

Только и могъ произнести Розумъ въ отвѣтъ на слова старика и, крѣпко обнявъ его, не оборачиваясь, вернулся къ своимъ санкамъ и пустился въ обратный путь въ то время, какъ Ермилычъ съ Ветловымъ поѣхали въ противоположную сторону, дальше.

Съ сверткѣ, переданномъ Розумомъ отъ имени цесаревны для Лизаветы Касимовны, былъ футляръ съ брильянтовой звѣздой, подаренной царемъ Петромъ Первымъ дочери, въ день обрученія ея старшей сестры.

Когда старикъ заставилъ своего спутника взглянуть иа царскій подарокъ, сверкнувшій разноцвѣтными огнями въ блескѣ солнечныхъ лучей, Ветловъ только съ досадой пожалъ плечами и, не раздвигая бровей, отвернулся отъ него.

XVI.

Никогда еще пани Стишинская, резидентка герцогини Курляндской, не была въ такихъ интересныхъ хлопотахъ, какъ этимъ Великимъ постомъ.

Госпожѣ ея было поручено супругомъ устроить большой маскарадъ на третій день Пасхи, въ которомъ должны были принимать участіе не только придворные и городскіе дамы и кавалеры, но также и весь сбродъ уродовъ, шутовъ и шутихъ, дураковъ и дуръ, составлявшихъ ближайшій штатъ императрицы.

При этомъ герцогъ объявилъ своей супругѣ, что праздникъ этотъ ни въ чемъ не долженъ напоминать даже издалека все видѣнкое раньше ея величествомъ.

Бенигна тотчасъ послала за своей резиденткой, и, перечисливъ требованія супруга, прибавила въ заключеніе:

— Вотъ, милая моя пани, что отъ меня требуютъ! А вамъ извѣстно, что когда онъ заберетъ себѣ что нибудь въ голову, нѣтъ никакой возможности заставить его отказаться отъ придуманной затѣи.

— А какую сумму ассигновалъ герцогъ на этотъ праздникъ?— дѣловитымъ тономъ освѣдомилась Стишинская.

— Онъ сказалъ, чтобъ издержками не стѣсняться.

— Чего же сокрушаться, ваша свѣтлость? Съ деньгами все возможно. У меня много пріятелей среди иностранцевъ, они намъ помогутъ устроить нѣчто такое, чего никто здѣсь еще не виды-

валъ. Ея величество тоже намѣрена принимать участіе въ процессіяхъ?

— Не знаю... врядъ... Она моціона не любитъ и, вѣроятно, предпочтетъ быть зрительницей... Впрочемъ, я ничего не могу вамъ сказать навѣрное, надо спросить у герцога.

— Спросите, а я тѣмъ временемъ отправлюсь къ моимъ пріятелямъ на Васильевскій островъ и попрошу ихъ намъ помочь.

Вернулась она домой, во дворецъ, только вечеромъ и съ цѣлымъ ворохомъ рисунковъ и эскизовъ костюмовъ для процессій и живыхъ картинъ и съ программами зрѣлищъ и увеселеній по версальскимъ образцамъ.

Съ часъ времени выкладывала она передъ своей госпожей рисунки китайскихъ, индійскихъ, испанскихъ костюмовъ, золоченыхъ колесницъ, гномовъ, нимфъ и фантастическихъ олимпійскихъ боговъ и богинь.

— Ахъ, какъ бы присталъ этотъ костюмъ къ императрицѣ! — вскричала герцогиня, выхватывая изъ кучи рисунковъ мужественную Юнону, въ головномъ уборѣ изъ брильянтовъ и въ алой бархатной расшитой золотомъ туникѣ.

— Что жъ, ея величество, можетъ быть, и согласится появиться на праздникѣ въ этомъ костюмѣ,— замѣтила пани Стишинская:— брильянтовъ на украшенія у нея хватитъ.

— Сейчасъ спрошу у нея,—подхватила Бенигна и, взявъ рисунокъ, направилась къ двери.

— Предложите ея величеству явиться въ этомъ костюмѣ сюрпризомъ для герцога,—посовѣтовала Стишинская.

— Прекрасно! Какія у васъ всегда счастливыя мысли, Стишинская!

Вскорѣ она вернулась, сіяя отъ радости, и объявила, что императрица пришла въ восторгъ отъ ея предложенія и приказала немедленно приняться за изготовленіе костюма.

— Намъ для этого понадобится Позье, — сказала Стишинская:—онъ мастеръ подбирать драгоцѣнные каменья и лучше, чѣмъ кто либо, сообразитъ, что надо сдѣлать.

— Пошлите за нимъ сегодня же, чтобъ онъ могъ завтра приняться за работу. Времени намъ терять нельзя, до Пасхи остается только двѣ недѣли,—объявила герцогиня.

Позье явился, разсмотрѣлъ рисунки, внимательно прочиталъ програму и рѣшилъ, что, кромѣ костюма, для императрицы надо изготовить тронъ, съ котораго бы она въ костюмѣ богини правосудія могла, не утомляя себя, предсѣдательствовать надъ увеселеніями и любоваться танцами, процессіями и живыми картинами. Съ обычною своею услужливостью предложилъ онъ прислать портныхъ, портнихъ, кауферовъ и башмачниковъ для изго-

товленія костюмовъ тѣмъ изъ участниковъ и участницъ торжества, которые сами заняться этимъ не могутъ, какъ, напримѣръ, шуты и шутихи, дураки и дурки, отъ которыхъ нельзя и требовать, чтобъ они все это изготовили на свой счетъ и вкусъ.

Благодаря усердію Позье и его помощниковъ, дѣло закипѣло, и слухи объ интересномъ праздникѣ разлетѣлись по всему городу. Желающихъ въ немъ принимать участіе оказалось такъ много, что пани Стишинскую завалили письменными и словесными просьбами включить ихъ въ число дѣйствующихъ лицъ готовящагося представленія.

Никогда еше тщеславная полька не была такъ счастлива, какъ въ эти двѣ-три недѣли Великаго поста; ее осыпали комплиментами и подарками съ утра до вечера. Она жеманничала, ломалась, клялась всѣми святыми употребить всѣ усилія, чтобъ услужить ихъ сіятельствамъ и превосходительствамъ, или съ холодною надменностью выпроваживала назойливыхъ просителей, смотря по тому, выгодно ли ей было, или невыгодно за нихъ хлопотать. Подношеній вещами и деньгами у нея набралось такъ много, что опять явилась возможность сдѣлаться домовладѣлицей, и ужъ не въ грязной, противной Москвѣ, а въ Петербургѣ, что̀ было для нея во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе и пріятнѣе. Здѣсь у нея было такое великое множество друзей и знакомыхъ, здѣсь столькіе нуждались въ ея протекціи, и у нея были такія блестящія связи, которыя она надѣялась закрѣпить за собой еще крѣпче, когда у нея будетъ свой собственный домъ, въ которомъ будетъ несравненно удобнѣе принимать людей, имѣющихъ до нея надобность, чѣмъ въ каморкѣ, на антресоляхъ, на половинѣ герцога Бирона.

И вотъ мечта эта была уже близка къ осуществленію, благодаря затѣѣ могущественнаго фаворита императрицы.

Поглощенная разнообразнѣйшими заботами и пріемами съ утра до ночи, пани Стишинская только вечеромъ могла урвать свободную минутку, чтобы прибѣжать взглянуть на работу ювелира, которому была отведена особая комната во дворцѣ, и на костюмы, изготовленные подъ его наблюденіемъ.

Французъ капризничалъ, выдумывалъ свои рисунки, увѣрялъ, что ему недостаетъ такихъ-то и такихъ-то драгоцѣнныхъ каменьевъ для осуществленія его фантазіи, и приводилъ въ отчаяніе, не только пани Стишинскую, но и герцогиню, описаніемъ чудныхъ парюръ, видѣнныхъ имъ въ Парижѣ на такихъ-то герцогиняхъ, принцессахъ, контессахъ и на самой королевѣ.

— Вотъ изъ такихъ драгоцѣнностей можно что нибудь сдѣлать, а изъ этихъ ничего не выйдетъ, ровно ничего,—повторялъ онъ, брезгливо и съ презрѣніемъ отталкивая кучу брильянтовъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ, возвышавшуюся передъ нимъ на его рабочемъ столѣ.

— Послушайте, Позье, нельзя же намъ выписывать изъ Парижа то, что вы тамъ видѣли. Надо постараться сдѣлать головной уборъ для ея величества изъ того, что у нась есть,—прервала съ досадой его іеремiады пани Стишинская, убѣждаясь, что у него проходитъ слишкомъ много времени непроизводительно въ брюзжаніи и воспоминаніяхъ.

— Какъ видно, что вы не артистка, пани Стишинская! Никогда вамъ не понять моихъ чувствъ, — съ горькой усмѣшкой возразилъ онъ.

— Да вы бы, по крайней мѣрѣ, сказали, что̀ вамъ именно нужно?

— Мнѣ нужно... мнѣ нужно вотъ сюда такой орнаментъ, который затмилъ бы всѣ прочія украшенія, а изъ того, что вы мнѣ принесли, я не могу его сдѣлать,—возразилъ онъ сердито.

— Хорошо, сегодня ужъ поздно, но завтра я постараюсь достать вамъ то, что вы требуете, — смиренно отвѣчала резидентка герцогини.

Но всѣ ея старанія оказались тщетны: что бы она ни принесла Позье, онъ на все фыркалъ и на всѣ увѣщанія быть благоразумнѣе отвѣчалъ дерзостями.

Хоть совсѣмъ отказывайся отъ костюма для императрицы, такъ въ ту же пору. Позье продолжалъ капризничать и толковать о брильянтахъ съ розовымъ оттѣнкомъ, мерещившихся ему и во снѣ и наяву такъ упорно, что разговаривать съ нимъ становилось съ каждымъ днемъ непріятнѣе.

Пани Стишинская принялась искать брильянты у частныхъ лицъ, у богатыхъ купчихъ, у иностранныхъ коммерсантовъ, у дамъ посольства, у пріѣзжихъ авантюристокъ.

И вотъ, однажды, когда вернулась она домой весьма не въ духѣ съ неудачныхъ поисковъ, ей доложили, что какой-то человѣкъ ужъ давно ждетъ ея возвращенія, чтобъ переговорить съ нею по весьма важному и лично до него касавшемуся дѣлу.

Разсѣянно приказавъ его позвать въ комнату, служившую ей и спальней и пріемной, она сбросила съ себя шубу и капоръ, и, обернувшись къ коридору, по которому раздавались шаги, весьма непривѣтливо возвысила голосъ, чтобъ спросить:

— Кто вы такой? Что вамъ отъ меня нужно?

Проситель, вѣрно, какой нибудь. Эти люди воображаютъ себѣ, что она въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ съ герцогомъ, что можетъ лѣзть къ нему со всякимъ вздоромъ...

Неудача съ разыскиваніемъ нужныхъ Позье брильянтовъ привела ее въ отвратительное расположеніе духа, и если она воздержалась отъ желанія выпроводить докучливаго посѣтителя, не давъ себѣ труда его выслушать, то единственно только потому, что не знала, отъ кого онъ присланъ. Можетъ быть, онъ—протеже

какихъ нибудь важныхъ вельможъ, и тогда неудобно было бы обращаться съ нимъ черезчуръ безцеремонно, но она все-таки ему скажетъ, что ей сегодня недосугъ съ нимъ терять время, и чтобъ онъ пришелъ въ другой разъ...

Однако, когда, не отвѣтивъ на ея вопросъ, онъ проникъ въ комнату и очутился съ нею лицомъ къ лицу, пани Стишинская, блѣднѣя отъ испуга, попятилась отъ него въ противоположный уголъ комнаты, не будучи въ силахъ произнести ни слова.

— Я пришелъ вамъ сказать, что тотъ человѣкъ, который давалъ мнѣ извѣстія о Лизаветѣ, ушелъ въ Соловки, и что мнѣ теперь не отъ кого узнавать, жива ли она еще, или замучена до смерти,—глухо, съ мучительнымъ усиліемъ произнесъ онъ, не спуская со своей слушательницы пристальнаго, полнаго невыразимыхъ страданій, взгляда.

— Что же я могу сдѣлать?—вымолвила она дрогнувшимъ голосомъ.—Она меня не послушала, когда я ей совѣтовала отстать отъ цесаревны и искать протекціи у императрицы и у ея друзей... Я предупреждала ее объ опасности, предлагала ее пристроить сюда... а теперь я и сама могу пропасть изъ-за нея... у меня здѣсь нѣтъ поддержки, нѣтъ родныхъ... я—пришлая иноземка и нужна моимъ протекторамъ только до тѣхъ поръ, пока забавляю ихъ и избѣгаю говорить съ ними о непріятныхъ вещахъ... Ни одинъ изъ нихъ не задумается выкинуть меня за дверь, какъ ненужную тряпку, если только его свѣтлость за что нибудь на меня прогнѣвается,—продолжала она, подъ наплывомъ новыхъ, никогда еще, можетъ быть, не приходившихъ ей раньше въ голову мыслей и чувствъ, навѣянныхъ на нее теперь этимъ страшнымъ выходцемъ изъ другого міра, полнаго слезъ и стоновъ, изъ міра, о которомъ было такъ пріятно забывать въ свѣтлой, жизнерадостной средѣ, въ которую ей посчастливилось попасть. Не улыбнись ей судьба съ первыхъ же ея шаговъ въ Россіи, не избери она благого пути, не прилѣпись всѣмъ своимъ существомъ къ иноземцамъ, присосавшимся къ великому благодушному русскому колоссу, отдайся она тогда своей еще не опороченной душой русскимъ людямъ, какъ отдалась имъ ея дочь, что̀ бы съ нею теперь было?!

Представленіе это было такъ ужасно, что она зажмурилась, чтобъ его не видѣть, человѣка, олицетворяющаго собою это ужасное представленіе.

— Я къ вамъ пришелъ, когда ужъ итти было больше не къ кому,—продолжалъ между тѣмъ Ветловъ, нарушая тяжелое молчаніе, воцарившееся въ комнатѣ.—Придумайте что нибудь... вѣдь она—ваша родная дочь... вы живете среди нашихъ враговъ, вы ихъ всѣхъ знаете, вы знаете, чѣмъ можно ихъ подкупить или разжалобить... попытайтесь это сдѣлать, помогите намъ... Обѣщайтесь хоть помочь, ужъ вы намъ и этимъ сдѣлаете благодѣяніе...

Если бъ вы только знали, что значитъ потерять надежду на спасеніе дорогого существа!.. Одна только эта надежда и спасала меня до сихъ поръ отъ безумія... Дайте мнѣ эту надежду хоть на нѣсколько дней... хоть на нѣсколько часовъ, чтобъ я могъ собраться съ мыслями, одуматься, сообразить... Вѣдь я близокъ къ сумасшествію, такъ близокъ, что начинаю сомнѣваться во всемъ... даже въ томъ, что я еще существую... Къ вамъ я пришелъ къ послѣдней,.. больше не къ кому... вы—ея мать... вы носили ее подъ сердцемъ... Давно ужъ русскимъ людямъ нечѣмъ дышать въ Россіи, давно ужъ насъ гонятъ и мучатъ... съ царя Петра это повелось, и ужъ теперь конецъ Россіи близокъ... судите сами, такихъ, какъ мой отецъ, какъ Праксинъ, какъ Ѳедоръ Ермилычъ и какъ всѣ ихъ родичи и по духу близкіе, такихъ все меньше и меньше, съ каждымъ днемъ число ихъ уменьшается... Самъ я давно бы ушелъ въ монастырь, если бъ не Лизавета...

Для чего онъ ей это говорилъ?

Но вопросъ этотъ, мелькавшій въ его умѣ, не въ силахъ былъ остановить срывавшіяся съ языка слова. Какое-то особенное жгучее наслажденіе ощущалъ онъ, прислушиваясь къ звукамъ собственнаго голоса, точно голосъ этотъ доходитъ куда-то далеко и высоко, куда раньше не доходили самыя усердныя его молитвы и воззванія.

— Вамъ бы цесаревна могла помочь,—рѣшилась наконецъ вставить ошеломленная слушательница въ его страстную, полную отчаянной рѣшимости, рѣчь.

— Цесаревна!.. Да развѣ она смѣетъ заступаться за своихъ? Развѣ не вырвали изъ ея объятій любимаго человѣка, не замучили его, не сослали туда, откуда отъ него никогда и вѣстей не можетъ быть? Развѣ ея всячески не унизили, не оскорбили, не разорили, не отняли у нея возможности помогать самымъ близкимъ? Развѣ она не должна жить въ вѣчномъ страхѣ за себя и за послѣднихъ, оставшихся еще при ней, слугъ? Цесаревна можетъ только плакать и молиться за погибающихъ изъ-за нея, она можетъ только срывать съ себя послѣднее, чтобъ облегчить ихъ страданія, подкупить палачей, чтобъ скорѣе ихъ прикончить... Цесаревна!..—прибавилъ онъ въ порывѣ отчаянья, замѣнившемъ призрачное облегченіе, которое онъ почувствовалъ, описывая страданія родины подъ иноземнымъ гнетомъ.—Цесаревна разсталась съ подаркомъ отца, со звѣздой, которая должна была служить украшеніемъ ея царскаго вѣнца, когда народъ опомнится и весь поднимется на ея защиту! Она отдала эту звѣзду моей Лизаветѣ, вотъ все, что она могла для нея сдѣлать! Ничего не можемъ мы отъ нея требовать, она—послѣдняя надежда Россіи, всѣ русскіе люди отдадутъ за нее жизнь, какъ отдалъ Шубинъ и всѣ, кого съ нимъ мучили, казнили, ссылали...

Его ужъ давно не слушали.

Маскарадъ... костюмъ Юноны... Позье...

Новыя представленія, смѣнивъ впечатлѣнія, навѣянныя на ея воображеніе словами Ветлова, неотступно закружились въ умѣ легкомысленной польки.

— Про какую звѣзду вы упомянули?—задыхаясь отъ волненія, спросила она.—Съ вами она? Можете вы мнѣ ее показать?.. Да показывайте же скорѣе! Мнѣ, можетъ быть, этой звѣздой удастся спасти Лизавету! — вскричала она, замѣтивъ недоумѣніе, выразившееся на лицѣ ея зятя.

— Возьмите,—сказалъ онъ, подавая ей футляръ, завернутый въ бумагу, который лежалъ у него въ боковомъ карманѣ.

Съ лихорадочной поспѣшностью развернула она бумагу, прижала пружинку футляра и чуть не вскрикнула при видѣ брильянтовъ, засверкавшихъ розовымъ блескомъ при свѣтѣ зажженнаго кенкета, къ которому она ихъ поднесла.

Ошеломленное воображеніе заиграло. Тысячи новыхъ плановъ, соображеній затѣснились въ мозгу, и многое изъ того, что еще за минуту передъ тѣмъ казалось ей немыслимымъ, являлось не только возможнымъ, но и несомнѣннымъ.

— Довѣрьте мнѣ эту вещь на нѣсколько часовъ и приходите завтра за отвѣтомъ... Ничего не могу вамъ обѣщать, но клянусь сдѣлать все возможное, чтобъ спасти Лизавету... Идите, идите, времени терять нельзя,—продолжала она, внѣ себя отъ нетерпѣнія скорѣе начать дѣйствовать и досадуя на него за то, что онъ продолжаетъ неподвижно передъ нею стоять.—Приходите завтра... въ въ это время... если меня здѣсь не будетъ, подождите немного, меня позовутъ, и я тотчасъ же прибѣгу къ вамъ...

Она стала приводить въ порядокъ свой перемятый нарядъ и попорченную волненіемъ и долгимъ рысканіемъ по городу гримировку лица, сбросила съ себя растрепавшійся парикъ, вынула изъ шкафчика какія-то баночки, скляночки и коробочки, сѣла передъ зеркаломъ и принялась себя бѣлить и красить; изъ другого шкафа она извлекла новый парикъ, надѣла его и начала снимать съ себя платье. Проходя за чѣмъ-то въ уголъ, она замѣтила Ветлова, тутъ только вспомнила, что онъ еще не ушелъ, и спросила у него съ раздраженіемъ: что онъ тутъ дѣлаетъ.

— Я приказала вамъ прійти завтра, не мѣшайте же мнѣ одѣваться, чтобъ итти хлопотать за Лизавету. Вѣдь она, сударь, мнѣ дочь, вы это, кажется, совсѣмъ забыли?—прибавила она строго.

Онъ хотѣлъ отвѣтить, но слова не выговаривались, и въ невыразимомъ душевномъ смятеніи, не понимая, ни что съ нимъ дѣлается, ни что̀ его ждетъ, предаваться ли надеждѣ или отчаянію, вышелъ изъ комнаты.

Въ коридорѣ онъ встрѣтился съ горничной, бѣжавшей въ комнату пани Стишинской съ докладомъ, что мосье Позье, окончивъ свою работу, спрашиваетъ, желаетъ ли его видѣть резидентка.

— Очень мнѣ его надо видѣть, очень, проси его не уходить, не повидавшись со мною,—отвѣчала ея госпожа.

У пани Стишинской были вѣскія причины торопиться съ окончаніемъ своего туалета, а, между тѣмъ, по уходѣ горничной, она не тотчасъ же надѣла вынутое изъ шкафа свѣжее платье, а принялась разсматривать звѣзду цесаревны, которой такъ неожиданно сдѣлалась на нѣсколько часовъ обладательницей, и чѣмъ больше всматривалась она въ нее, тѣмъ болѣе возрастало ея восхищеніе.

Да, ни у кого здѣсь нѣтъ брильянтовъ такого цвѣта. Позье правъ: кто разъ ихъ увидѣлъ, тотъ никогда ихъ не забудетъ и не пожалѣетъ дорого заплатить. Кому ее прежде показать? герцогу? герцогинѣ? самой императрицѣ? наслѣдной принцессѣ?.. Нѣтъ! нѣтъ! она прежде всего побѣжитъ съ ними къ Позье, а ужъ потомъ къ императрицѣ или къ герцогу... Бѣдная цурка! Все же она ей дочь, и, если ея заточеніе въ тюрьму на ней не отразилось, то это потому, что все это произошло въ Москвѣ... Если же ее казнятъ, или сошлютъ въ Сибирь, про это и здѣсь заговорятъ, и матери ея не очень-то будетъ ловко принимать участіе въ маскарадахъ... Непремѣнно надо постараться ее освободить...Они тогда, безъ сомнѣнія—уѣдутъ къ себѣ въ лѣсъ, и про нихъ долго, долго не будетъ ни слуху ни духу... Развѣ что надежды русскихъ людей осуществятся и ихъ цесаревна сдѣлается императрицей?..

Мысль эта заставила ее засмѣяться: такой нелѣпой и неправдоподобной она ей показалась. Императрица такъ крѣпко сидитъ на престолѣ, герцогъ такъ ловко и умно отстраняетъ тѣхъ, кто могъ бы служить помѣхой его замысламъ, избрана уже наслѣдница престола, и съ каждымъ днемъ здѣсь все больше и больше привыкаютъ къ мысли, что послѣ тетки она будетъ царствовать... Надо быть безумнымъ, какъ этотъ Ветловъ, чтобъ этого не понимать и гнаться за химерами, когда можно было бы жить преспокойно тѣмъ, что есть подъ руками... И не все ли равно, отъ кого брать счастье, отъ своихъ или отъ чужихъ? Смѣшные эти русскіе люди, все-то у нихъ не такъ, какъ у другихъ... Совсѣмъ какіе-то особенные, не похожи ни на поляковъ, ни на нѣмцевъ, ни на французовъ, ни на кого не похожи... И все отъ недостатка цивилизаціи... Герцогъ, Остерманъ, Левенвольдъ, всѣ иноземцы правы, когда утверждаютъ, что такого страннаго, дикаго народа, какъ русскій, Европа долго не будетъ терпѣть въ своемъ сосѣдствѣ... Ужъ одна ихъ религія чего стоитъ!

Туалетъ былъ оконченъ, и она вошла въ комнату, служившую мастерской придворному ювелиру, привередливому Позье.

— Ну, мосье Позье, я вамъ, кажется, нашла то, что вамъ нужно,—объявила она, подавая ему футляръ съ звѣздой цесаревны.

— Вы, кажется, ѣздили къ графинѣ Апраксиной? Такъ это напрасно, мнѣ всѣ ея драгоцѣнности извѣстны. У нея много хорошихъ вещей, но того, что намъ надо, у нея нѣтъ,—сказалъ онъ, не торопясь открывать футляръ и небрежно вертя его въ пальцахъ.— Были также у меня въ рукахъ вещи графини Румянцевой, прекрасныя, слова нѣтъ, особенно сапфиръ, подаренный ей царемъ Петромъ Первымъ, но намъ сапфировъ не надо...

— А вы взгляните на то, что я вамъ принесла, прервала—его Стишинская, оглядываясь на дверь, за которой ей почудилось шуршаніе шелковой юбки.

Презрительно оттопыривая нижнюю губу, французъ открылъ футляръ, и глаза его расширились отъ изумленія, а лицо сдѣлалось серьезно.

Съ минуту времени смотрѣлъ онъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ на звѣзду цесаревны и наконецъ, поднявъ недоумѣвающій взглядъ на торжествующую Стишинскую, отрывисто спросилъ, откуда у нея эта вещь, и извѣстно ли ей, кому она принадлежитъ.

— Разумѣется, извѣстно...

— Это — та самая звѣзда, въ которой цесаревна Елисавета Петровна присутствовала при коронаціи нашей императрицы!—подхватила герцогиня.

Она подкралась такъ тихо, что присутствіе ея замѣтили тогда только, когда она заговорила.

— Откуда у васъ это, Стишинская?—повторила она вопросъ Позье.

— Если позволите, я отвѣчу на вашъ вопросъ послѣ того, какъ мосье Позье мнѣ скажетъ, годятся ли эти брильянты для того убора, который онъ дѣлаетъ ея величеству,—возразила Стишинская, обращаясь къ ювелиру и наслаждаясь волненіемъ, съ которымъ онъ продолжалъ разсматривать звѣзду.

— Что тутъ спрашивать! Разумѣется, это годится. Такихъ брильянтовъ нѣтъ и у французской королевы... я хочу сказать, такого оттѣнка,—поспѣшилъ онъ прибавить.

— Вотъ все, что намъ нужно знать!—вскричала съ сверкающими отъ восхищенія глазами Стишинская.—Завтра вы ею займетесь, а сегодня мы васъ дольше задерживать не станемъ, ужъ поздно, и семья ваша вѣрно безпокоится, что васъ до сихъ поръ нѣтъ дома...

Любопытному французу очень было досадно уходить, не узнавши, какимъ образомъ попала звѣзда цесаревны къ резиденткѣ герцогини Курляндской, но дѣлать было нечего, приходилось откланяться и удалиться.

— Герцогъ у себя?—спросила Стишинская у своей госпожи, оставшись съ нею наединѣ.

— Онъ у императрицы.

— Нельзя ли его вызвать? Мнѣ крайне нужно переговорить съ его свѣтлостью по не терпящему отлагательства дѣлу.

— А мнѣ вы этого сказать не можете? У васъ отъ меня тайны?

— У меня не можетъ быть тайнъ отъ моей благодѣтельницы, ваша свѣтлость,—съ возрастающимъ возбужденіемъ возразила Стишинская:—я вамъ все скажу и буду умолять вашу свѣтлость...

Она опустилась на колѣни и, быстрымъ движеніемъ схвативъ край пышной робы супруги фаворита, прикоснулась къ ней губами.

— У меня есть дочь, ваша свѣтлость, единственное дитя!—продолжала она со слезами въ голосѣ.

— Знаю, та, что при цесаревнѣ старшей камерфрау, вы мнѣ это не разъ говорили.

— Ваша свѣтлость! Она арестована по Шубинскому дѣлу... но она невинна! Невинна, какъ новорожденный ребенокъ! Вѣчнымъ моимъ блаженствомъ готова я за это поручиться!

— Ну, герцогу это должно быть извѣстнѣе, чѣмъ вамъ.

— Спасите ее, ваша свѣтлость! Эта звѣзда ей принадлежитъ. Цесаревнѣ было угодно ей ее подарить... это все, что она могла для нея сдѣлать...

— Съ этого бы и начали. Значитъ, цесаревнѣ угодно, чтобъ императрица оказала милость ея камерфрау? Такъ, что ли?

— Такъ, такъ, ваша свѣтлость!—вскричала Стишинская, въ восторгѣ отъ оборота, принимаемаго объясненіемъ. Ни за что не додумалась бы она одна до такой развязки! А еще Бенигна считается дурой. Дуры такими догадливыми не бываютъ...

— Встаньте, я пойду переговорить съ герцогомъ и съ самой императрицей, если представится къ тому надобность... Не безпокойтесь, дѣла вашего я не испорчу, и выпрошу прощеніе вашей дочери,—объявила герцогиня съ самодовольной усмѣшкой.

— Какъ мнѣ благодарить вашу свѣтлость!—съ чувствомъ вымолвила Стишинская, поднимаясь съ колѣней и цѣлуя руку своей госпожи.

— Благодарить еще рано. Дайте мнѣ этотъ футляръ, мнѣ, можетъ быть, удастся сегодня же показать императрицѣ эти брильянты. У нея такихъ нѣтъ, и она очень интересуется затрудненіемъ Позье. Не дальше, какъ вчера, она въ разговорѣ со мною и съ Юліей Менгденъ перебирала всѣ драгоцѣнности своихъ придворныхъ дамъ, спрашивала, къ кому вы ѣздили за розовыми брильянтами, и въ концѣ концовъ рѣшила, что ни у одной изъ петербургскихъ дамъ нѣтъ того, что нужно...

На другой день, въ назначенный часъ, Ветловъ явился во дворецъ.

Его ужъ ждали и тотчасъ же провели въ комнату пани Стишинской, которая не замедлила къ нему прибѣжать.

Съ сіяющимъ торжествомъ лицомъ объявила она своему зятю, что курьеръ съ приказаніемъ освободить Лизавету изъ тюрьмы уже поскакалъ въ Москву.

— Пришли бы вы ко мнѣ за помощью раньше, давно успокоились бы, но вы, безъ сомнѣнія, прежде, чѣмъ ко мнѣ обратиться, обѣгали всѣхъ вашихъ русскихъ вельможъ... Постойте, постойте,— прервала она возраженіе, готовое сорваться съ его губъ, — мнѣ только стоило сказать его свѣтлости, герцогу Курляндскому, что дочь моя невинна въ взводимомъ на нее обвиненіи, и тотчасъ же былъ данъ приказъ ее освободить...

— Она жива? Ея не мучили?—вскричалъ Ветловъ.

Пани Стишинская немедленно выпрямилась.

— Вы забываете, съ кѣмъ вы разговариваете, сударь! Я такъ поставлена герцогомъ во дворцѣ, такъ уважаема имъ и его супругой, что странно было бы, если бъ кто нибудь осмѣлился пальцемъ дотронуться до моей дочери, до моей крови! Поѣзжайте скорѣе въ Москву, и вы найдете вашу супругу... вѣроятно, въ томъ монастырѣ, гдѣ живетъ теперь та старушка, которой я должна была ее довѣрить, благодаря моимъ безчисленнымъ дѣламъ. Къ цесаревнѣ Лизавета вернуться теперь уже не можетъ, но если постигшее ее несчастье образумило ее, и она согласится взять мѣсто въ Петербургѣ, поближе ко мнѣ, то я могу для нея найти почетное положеніе, напримѣръ, компаньонкой у баронессы Юліи Менгденъ... Но она должна быть здѣсь еще осторожнѣе, чѣмъ тамъ, чтобъ не повредить мнѣ...

— Сударыня!—вскричалъ Ветловъ, не будучи больше въ силахъ сдерживать радостное волненіе,—низко кланяюсь вамъ за ваше благодѣяніе и прошу о насъ больше не безпокоиться... никакихъ хлопотъ вамъ отъ насъ не будетъ, и вы даже о насъ никогда не услышите... Намъ въ столицахъ и при дворахъ дѣлать больше нечего, мы навсегда поселимся въ лѣсу... тамъ мы еще можемъ что нибудь сдѣлать, тамъ...

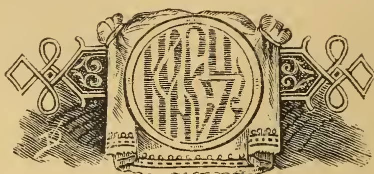
Онъ хотѣлъ еще что-то такое прибавить, но, опомнившись, смолкъ и, еще разъ поклонившись, вышелъ изъ комнаты, оставляя тещу съ разинутымъ отъ недоумѣнія ртомъ.

Ушелъ, ея не дослушавъ... И больше сюда не вернется... Значитъ, она и дочери своей никогда больше не увидитъ? Что жъ, это, пожалуй, даже и лучше. Въ большое поставила бы ее Лизавета затрудненіе, принявъ ея предложеніе... ну, какая она резидентка при важной придворной дамѣ! Богъ съ нею совсѣмъ!.. А звѣзда цесаревны? Онъ даже не спросилъ про нее, точно дѣло идетъ о грошовой игрушкѣ, а не о вещи, стоящей нѣсколько тысячъ! Забылъ, вѣрно, про нее, отъ такихъ чудаковъ все станется.

Пани Стишинская была права. Ветловъ совсѣмъ забылъ про подарокъ цесаревны и вспомнилъ про него, недѣли три спустя, въ

новомъ своемъ домѣ на хуторѣ, когда они съ женой успѣли очнуться отъ страшныхъ душевныхъ потрясеній и поняли, что посланное имъ счастье случилось съ ними въ дѣйствительности, а не во снѣ, и что теперь они ужъ каждый день будутъ просыпаться въ объятіяхъ другъ друга, что нѣмцы про нихъ забыли, и бояться имъ, кромѣ Бога, некого.

Н. И. Мердеръ.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ [1].

(1751—1758).

VI.

Въ ПОСЛѢДНІЕ дни масленицы на придворномъ театрѣ давали русскую комедію. Графъ Понятовскій просилъ меня прійти на неё, потому что начали распространяться слухи, будто меня хотятъ выслать, будто не позволятъ мнѣ являться въ публику и тому подобное, и всякій разъ, какъ меня не было на спектаклѣ или при дворѣ, публика, можетъ быть, столько же изъ любопытства, сколько изъ участія ко мнѣ, принималась толковать, почему меня нѣтъ. Я узнала, что великій князь терпѣть не могъ русской комедіи и даже сердился, когда его звали на нее; на этотъ разъ сверхъ отвращенія къ народной комедіи онъ имѣлъ еще другую причину и даже личный интересъ не желать, чтобы я на нее ѣхала: въ это время графиня Елисавета Воронцова еще не ходила къ нему; онъ видался и любезничалъ съ нею въ передней комнатѣ, гдѣ она обыкновенно сидѣла съ остальными фрейлинами; если бы я поѣхала на комедію, эти дѣвицы должны были сопровождать меня, и такимъ образомъ его императорскому высочеству нечего было бы дѣлать, какъ итти пить у себя въ комнатахъ. Но, давъ слово быть на комедіи, я не хотѣла обращать вниманіе на это

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CV, стр. 40.

обстоятельство, и послала сказать графу А. Шувалову, чтобы онъ велѣлъ приготовить мнѣ экипажъ, и что я хочу въ этотъ день съѣздить въ театръ. Графъ Шуваловъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что мое намѣреніе ѣхать въ комедію не нравится великому князю. Я отвѣчала, что, такъ какъ его высочество обыкновенно проводитъ время безъ меня, то, кажется, ему все равно, останусь ли я одна въ своей комнатѣ, или проведу вечеръ въ театральной ложѣ. Онъ ушелъ съ этимъ отвѣтомъ, заморгавши глазомъ, какъ всегда дѣлалъ, когда его что нибудь сильно занимало. Черезъ нѣсколько времени въ комнату ко мнѣ явился великій князь; онъ былъ въ страшномъ гнѣвѣ, кричалъ и говорилъ, что я нахожу удовольствіе въ томъ, чтобы бѣсить его, что я знаю, какъ онъ не любитъ этой комедіи, и для того нарочно вздумала смотрѣть ее. Я возразила ему, что напрасно онъ ея не любитъ. Онъ кричалъ, что запретитъ давать мнѣ экипажъ. Я говорила, что пойду пѣшкомъ, и что не понимаю, какая ему охота, чтобъ я умирала со скуки, оставаясь одна въ своей комнатѣ, гдѣ все мое общество состояло изъ собаки и попугая. Послѣ долгаго спора и обоюдныхъ криковъ онъ ушелъ, разгнѣвавшись больше, чѣмъ когда либо; а я осталась съ твердымъ намѣреніемъ ѣхать въ комедію, и когда пришло время собираться, послала спросить у графа Шувалова, готовы ли экипажи. Онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что великій князь запретилъ давать экипажи. Это меня раздражило. Я сказала, что пойду пѣшкомъ, и что если дамамъ и кавалерамъ запретятъ сопровождать меня, то отправлюсь одна, и сверхъ того напишу письмо къ императрицѣ и пожалуюсь на великаго князя и на него.—«Что же вы напишете?»—спросилъ онъ.—«Напишу,—отвѣчала я,—какъ со мною обращаются, и объявлю, что вы, въ угоду великому князю, устраиваете ему свиданія съ моими фрейлинами и потому заодно съ нимъ не пускаете меня въ театръ, гдѣ я могу имѣть счастіе видѣть ея императорское величество,—сверхъ того, попрошу, чтобъ меня отослали назадъ къ матушкѣ, потому что мнѣ надоѣла и опротивѣла роль, которую я играю; оставленная всѣми, одна въ своей комнатѣ, ненавидимая великимъ княземъ и вовсе не любимая императрицею, я наконецъ хочу успокоиться, хочу никому не быть въ тягость и не причинять несчастія тѣмъ, кто меня любитъ, и особливо моимъ бѣднымъ людямъ, которыхъ уже столько сослано единственно потому, что я ихъ любила и дѣлала имъ добро. Итакъ, знайте, о чемъ я напишу ея императорскому величеству; я посмотрю, какъ вы не понесете моего письма». Мой Шуваловъ испугался такой рѣшительной рѣчи и ушелъ; а я сѣла писать письмо къ императрицѣ и написала его по-русски, въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, какъ умѣла. Я начала съ того, что благодарила ее за всѣ ея милости и благодѣянія, оказанныя мнѣ съ пріѣзда моего въ Россію. По несчастію,—продолжала я въ этомъ письмѣ,—ока-

залось, что я не заслуживала этихъ милостей, потому что навлекла на себя ненависть великаго князя и явное неблагорасположеніе ея императорскаго величества; видя мое несчастіе и оставаясь одна въ комнатѣ, гдѣ мнѣ не дозволяютъ самыхъ невинныхъ развлеченій, я настоятельно прошу положить конецъ моимъ несчастіямъ и отослать меня къ моимъ родственникамъ, какимъ найдутъ приличнѣе способомъ. Что касается до дѣтей моихъ, то хотя я живу съ ними подъ одною крышею, но вовсе не вижу ихъ, и потому для меня все равно, жить ли съ ними въ одномъ мѣстѣ или въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ нихъ; я знаю, что ея императорское величество печется о нихъ несравненно болѣе, нежели сколько позволяли бы мнѣ мои слабыя способности. Я осмѣливаюсь просить о продолженіи этихъ попеченій, и въ увѣренности, что просьба моя будетъ исполнена, проведу остатокъ дней у моихъ родственниковъ, моля Бога за ея величество, за великаго князя, дѣтей моихъ и всѣхъ тѣхъ, которые оказывали мнѣ добро или даже зло. Горе до такой степени разстроило мое здоровье, что я должна наконецъ позаботиться о немъ и, по крайней мѣрѣ, спасти жизнь свою, и вслѣдствіе всего этого я прошу ея величество дозволить мнѣ поѣхать на воды и оттуда къ моимъ родственникамъ. Написавъ это письмо, я велѣла позвать графа Шувалова. Онъ пришелъ и сказалъ, что экипажи, которые я спрашивала, готовы. Но я ему сказала, что онъ можетъ объявить дамамъ и кавалерамъ, не желающимъ ѣхать со мною въ комедію, что я ихъ увольняю отъ этого, и затѣмъ подала ему письмо къ императрицѣ. Взявъ письмо, онъ заморгалъ глазомъ; но, такъ какъ оно было адресовано къ ея императорскому величеству, то онъ не смѣлъ не доставить его. Онъ передалъ также слова мои дамамъ и кавалерамъ, и великій князь самъ назначилъ, кому ѣхать со мною и кому оставаться съ нимъ. Когда я проходила черезъ переднюю комнату, онъ сидѣлъ въ углу съ графиней Воронцовой и игралъ съ нею въ карты. Увидавъ меня, они оба встали, чего онъ прежде никогда не дѣлалъ. Я въ свою очередь тоже отдала низкій поклонъ и пошла своею дорогою. Я отправилась въ комедію, гдѣ на этотъ разъ императрицы не было; думаю, ей помѣшало письмо мое. Когда я возвратилась изъ комедіи, графъ Шуваловъ сказалъ мнѣ, что ея величество сама поговоритъ со мною. По всему вѣроятію, онъ передалъ великому князю и о моемъ письмѣ и объ отвѣтѣ императрицы, потому что его высочество, хотя съ этого дня не ступалъ ко мнѣ ногою, однако принималъ всевозможныя мѣры, чтобы присутствовать при разговорѣ, который я буду имѣть съ императрицею, въ чемъ, разумѣется, ему трудно было отказать. Между тѣмъ, я оставалась у себя въ комнатѣ и спокойно ожидала, чѣмъ все это кончится. Я была вполнѣ убѣждена, что если дѣйствительно хотѣли меня выслать, или напугать только, то письмо мое должно было окончательно уничто-

жить это намѣреніе Шуваловыхъ, которому, впрочемъ, воспротивилась бы и сама императрица, не любившая вовсе прибѣгать къ подобнаго рода гласнымъ мѣрамъ, кромѣ того, помнившая семейные раздоры императорскаго дома и, конечно, не желавшая, чтобы они возобновились при ней. Противъ меня было только одно обстоятельство: именно, что племянникъ ея не казался мнѣ человѣкомъ, котораго бы можно было любить, точно такъ же, какъ и я не казалась ему женщиною, достойною любви. Насчетъ племянника своего она была одинаковыхъ со мною мыслей; она очень хорошо знала его, и уже съ давнихъ поръ не могла провести съ нимъ нигдѣ четверти часа безъ огорченія, гнѣва или даже отвращенія къ нему. У себя въ комнатѣ, когда заходила о немъ рѣчь, она обыкновенно заливалась слезами и жаловалась, что Богъ далъ ей такого наслѣдника, либо отзывалась о немъ съ совершеннымъ презрѣніемъ и нерѣдко давала ему прозвища, которыхъ онъ вполнѣ заслуживалъ. У меня на это есть прямыя доказательства; въ ея бумагахъ найдены двѣ записки, писанныя рукою ея, навѣрно не знаю къ кому: одна, кажется, къ Ивану Шувалову, а другая къ графу Разумовскому; въ этихъ запискахъ она проклинаетъ племянника и посылаетъ его къ чорту. Въ одной есть такое выраженіе: Проклятый мой племянникъ мнѣ досадилъ, какъ нельзя болѣе; въ другой она пишетъ: Племянникъ мой уродъ,—чортъ его возьми. Впрочемъ мое рѣшеніе было составлено; оставаться ли, ѣхать ли—я смотрѣла на судьбу свою съ философской точки зрѣнія; каково бы ни было положеніе, въ которое бы Провидѣнію угодно было меня поставить, я все-таки не лишалась бы средствъ ума и таланта, данныхъ каждому человѣку по его естественнымъ способностямъ; я готова была и на возвышеніе, и на уничиженіе, и чувствовала въ себѣ достаточно бодрости, чтобы не измѣниться ни душою, ни сердцемъ, возвыситъ ли меня судьба моя, или унизитъ. Я знала, что я человѣкъ, слѣдовательно существо ограниченное и потому самому неспособное къ совершенству; но мои намѣренія всегда были чисты и честны. Хотя я съ самаго начала поняла, какъ трудно, почти невозможно, любить мужа, который былъ вовсе не любезенъ и нисколько не старался быть таковымъ; тѣмъ не менѣе, я соблюдала его интересы и оказывала ему привязанность, самую искреннюю, какую другъ или даже слуга можетъ оказывать своему другу или господину; совѣты мои были самые лучшіе, какіе я могла придумать для его блага; если онъ имъ не слѣдовалъ, то это—не моя, а его вина; что же дѣлать, если онъ лишенъ былъ разсудка и здраваго смысла? По пріѣздѣ моемъ въ Россію и въ первые годы нашего брака, если бы человѣкъ этотъ захотѣлъ хотя сколько нибудь быть сноснымъ, сердце мое было бы отверсто ему. Но я видѣла, что изъ всѣхъ возможныхъ предметовъ онъ обращалъ на меня наименьшее вниманіе, именно потому, что я была

ою; очень естественно, что такое положеніе мнѣ не понра-
что оно мнѣ надоѣдало, и, можетъ быть, огорчало меня.
лѣднее чувство, чувство горести, я старалась подавлять въ
сравненно болѣе другихъ: моя природная гордость, естествен-
калъ души моей дѣлали для меня невыносимою мысль быть
ною. Я говорила самой себѣ: счастіе и несчастіе въ сердцѣ
шѣ каждаго человѣка; если ты чувствуешь несчастіе, стань
го и дѣйствуй такъ, чтобы твое счастіе не зависѣло ни отъ
событія. Я родилась съ такимъ расположеніемъ души; я
а отъ природы великую чувствительность, а наружность,
прекрасную, то во всякомъ случаѣ привлекательную; я
сь съ перваго раза и не употребляла для этого никакого
ва и прикрасъ. Душа моя отъ природы была до такой сте-
щительна, что всегда стоило кому нибудь пробыть со мною
часа, чтобы чувствовать себя совершенно свободнымъ и
мною разговоръ, какъ будто мы съ давнихъ поръ были
л. По природной снисходительности моей я внушала къ себѣ
тѣмъ, кто имѣлъ со мною дѣло, потому что всѣмъ было из-
что для меня нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ дѣйствовать съ до-
тельствомъ и самою строгою честностью. Смѣю сказать (если
позволительно такъ выразиться о самой себѣ), что я по-
на рыцаря свободы и законности. Я имѣла скорѣе муж-
ѣмъ женскую душу; но въ этомъ ничего не было отталки-
, потому что съ умомъ и характеромъ мужчины соединя-
мнѣ привлекательность весьма любезной женщины. Да
ь мнѣ эти слова и выраженія моего самолюбія; я употребляю
итая ихъ истинными и не желая прикрываться ложною
стью, Впрочемъ, самое сочиненіе это должно показать,
ли я говорю о моемъ умѣ, сердцѣ и характерѣ. Я сказала
что я нравилась; стало быть, половина искушенія заклю-
уже въ этомъ самомъ; вторая половина въ подобныхъ слу-
стественно слѣдуетъ изъ самаго существа человѣческой
, потому что итти на искушеніе и подвергнуться ему—
лизко одно отъ другого. Хотя въ головѣ запечатлѣны са-
шія правила нравственности, но какъ скоро примѣшивается
ся чувствительность, то непремѣнно очутишься неизмѣ-
льше, нежели думаешь. Я, по крайней мѣрѣ, не знаю до
ръ, какъ можно предотвратить это. Можетъ быть, скажутъ,
одно средство—избѣгать; но бываютъ случаи, положенія,
льства, гдѣ избѣгать невозможно; въ самомъ дѣлѣ, куда
гдѣ найти убѣжище, какъ отворачиваться посреди двора,
перетолковываетъ малѣйшій поступокъ. Итакъ, если вы
те, то по-моему нѣтъ ничего труднѣе, какъ уклониться
, что вамъ существенно нравится. Повѣрьте, все, что
дутъ говорить противъ этого, есть лицемѣріе и основано

на незнаніи человѣческаго сердца. Человѣкъ не вла
своемъ сердцѣ; онъ не можетъ по произволу сжимать е
лакъ и потомъ опять давать свободу.

Возвращаюсь къ своему разсказу. На другой день по
діи я сказалась больною и не выходила больше, дожид
койно, какое рѣшеніе послѣдуетъ на покорнѣйшую прос
рую я подала ея величеству; но на первой недѣлѣ Вели
я сочла нужнымъ говѣть, дабы показать тѣмъ мою п
ность къ православной греческой церкви. На второй или
недѣлѣ я имѣла новую непріятность. Однажды поутру,
я встала, какъ люди мои сказали мнѣ, что Владиславов
къ графу Александру Шувалову. Это мнѣ показалось
страннымъ; я съ безпокойствомъ ждала ея, но напрас
часу по полудни пришелъ графъ Александръ Шувалов
вилъ мнѣ, что императрица нашла нужнымъ взять отъ
диславову. Я залилась слезами и сказала ему: «Конечно
раторское величество вольна отнимать у меня и назнача
кого ей угодно; но мнѣ горько все болѣе и болѣе видѣт
тѣ, которые были ко мнѣ приближены, становились жер
милости ея величества; поэтому, чтобы не дѣлать людей
ными, я прошу и убѣждаю васъ попросить императри
меня поскорѣе отпустили къ моимъ родственникамъ, и
ложили бы конецъ моему настоящему положенію, въ к
становлюсь причиною несчастія для другихъ». Я сказала
что отъ Владиславовой они рѣшительно ничего не могу
дать, потому что я не довѣрялась ни ей, ни кому друго
ловъ хотѣлъ говорить, но, видя мои рыданія, онъ приня
плакать и сказалъ, что императрица сама поговоритъ со
этомъ. Я просила его, чтобы онъ постарался ускорить
ніе, что̀ онъ и обѣщалъ. Тогда я пошла къ моимъ людя
вила имъ о случившемся и сказала, что если на мѣс
славовой ко мнѣ назначатъ какую нибудь госпожу, котор
мнѣ не по сердцу, то я рѣшилась обращаться съ нею, к
хуже, даже просто буду колотить ее. Я просила ихъ, ч
пересказали это всѣмъ и каждому, дабы тѣ, которыхъ б
значать ко мнѣ, не слишкомъ торопились принимать это
устала терпѣть, — прибавила я,—и вижу, что кроткимъ
дительнымъ обращеніемъ ничего не возьмешь—себѣ же
ходитъ худо; поэтому я рѣшилась совершенно перемѣни
дѣйствій». Люди мои не замедлили пустить слова мои
какъ я этого желала.

Вечеромъ этого дня, послѣ многихъ слезъ, я оставал
всегда, одна у себя въ спальнѣ, физически и нравств
строенная, и прохаживалась по комнатѣ вдоль и поперек
вошла ко мнѣ одна изъ моихъ камерфрау, Катерина

ская. Она была въ слезахъ и съ большимъ чувствомъ нѣ: «Мы всѣ боимся, чтобы вы не занемогли отъ горести; мнѣ сходить сегодня къ дядѣ моему, вашему и императу духовнику; я поговорю съ нимъ и передамъ ему все, икажете; увѣряю васъ, что онъ можетъ склонить импеъ вашу пользу». Видя ея доброе сердце, я все дочиста а ей, какъ о моемъ письмѣ къ императрицѣ, такъ и обо тальномъ. Она отправилась къ дядѣ, переговорила съ положила его ко мнѣ и около 11-ти часовъ пришла надать, что дядя ея совѣтуетъ мнѣ ночью сказаться больосить объ исповѣди и для этого потребовать его къ себѣ, ь могъ отъ меня лично услышать, о чемъ говорить ему трицею. Эта мысль мнѣ очень понравилась; я обѣщалась ее въ исполненіе и велѣла Шаргородской идти, сказавъ, а благодарна ей и ея дядѣ за расположеніе, которое они звали. Около двухъ или трехъ часовъ ночи я позвонила вошедшей женщинѣ, что чувствую себя чрезвычайно хочу исповѣдаться. Но вмѣсто духовника прибѣжалъ ко лександръ Шуваловъ; слабымъ и прерывающимся голоовторила ему мою просьбу позвать духовника. Онъ подокторами; но я имъ сказала, что мнѣ нужна духовная и что я умираю. Одинъ изъ докторовъ пощупалъ у меня нашелъ его слабымъ; но я не переставала говорить, моя въ опасности, и что тѣлу больше не нужно никарствъ. Наконецъ духовникъ пришелъ, и насъ оставили I его посадила возлѣ моей постели, и мы разговаривали полтора часа. Я передала ему прошедшее и настоящее дѣлъ, поведеніе великаго князя относительно меня и шенія къ его императорскому высочеству, злобу Шу-, безпрестанныя ссылки и отставки многихъ моихъ людей, и ѣхъ, которые были наиболѣе ко мнѣ привязаны; потомъ— уваловы вселяютъ ея императорскому величеству ненамнѣ, и наконецъ, до чего дошли дѣла въ настоящее время, тавило меня писать къ императрицѣ письмо съ просьбою ніи мнѣ уѣхать. Я просила его, чтобы онъ похлопоталъ немъ отвѣтѣ на мою просьбу. Я нашла его въ самомъ ко мнѣ расположеніи и увидѣла, что онъ не такъ глупъ, немъ говорили. Онъ сказалъ мнѣ, что письмо мое прои будетъ производить желаемое дѣйствіе, что я должна ьно требовать о моемъ увольненіи, и что меня навѣрно ятъ, потому что невозможно будетъ оправдать этого удаглазахъ общества, принимавшаго во мнѣ участіе. Онъ ся, что со мной поступали жестоко, что императрица, ня на свое попеченіе въ очень нѣжномъ возрастѣ, не ыла оставлять меня въ жертву моимъ непріятелямъ; что

скорѣе слѣдовало бы удалить моихъ соперниковъ, и пр
Елисавету Воронцову, и смотрѣть построже за своими л
которые сдѣлались піявицами народа; что Шуваловы
изобрѣтаютъ новыя пошлины и своимъ поведеніемъ пр
всеобщій ропотъ, чему свидѣтельствомъ служитъ участь гра
жева, въ невинности котораго всѣ убѣждены. Въ заключ
разговора онъ сказалъ мнѣ, что прямо пойдетъ въ ко
императрицѣ, и, какъ скоро она проснется, поговоритъ
убѣдитъ ее скорѣе повидаться со мною, какъ она обѣща
это свиданіе должно быть рѣшительнымъ, и что мнѣ
камѣстъ остаться въ постели. Онъ обѣщалъ сказать имп
что я могу умереть отъ печали и горести, если не будет
дана скорая помощь, и какимъ бы то ни было образом
сѣютъ меня и не перемѣнятъ моего уединеннаго образ
Онъ сдержалъ слово и такими живыми чертами изобра
состояніе, что императрица позвала графа А. Шувалова
ему узнать, могу ли я прійти къ ней въ слѣдующую но
Шуваловъ спросилъ меня объ этомъ, я сказала ему, что
я готова собраться съ послѣдними силами. Къ вечеру я
постели; Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ, что послѣ полу
придетъ за мною и поведетъ меня въ покои къ ея ве
Между тѣмъ, духовникъ черезъ племянницу свою увѣдом
что дѣло приняло довольно хорошій оборотъ, и что имп
въ тотъ же вечеръ будетъ говорить со мною. Около 10-
я одѣлась, легла въ платьѣ на кушетку и заснула. Бы
половины второго, когда А. Шуваловъ пришелъ ко мнѣ
нату и сказалъ, что императрица меня спрашиваетъ. Я
пошла за нимъ. Въ переднихъ комнатахъ мы никого
тили, но когда подходили къ галлереѣ, изъ противополож
вышелъ великій князь и пошелъ такъ же, какъ и я, въ
къ ея величеству. Я его не видала съ самаго того д
ѣздила въ комедію; даже когда я сказалась умирающею
приходилъ спрашивать о моемъ положеніи. Послѣ мнѣ ск
что въ этотъ самый день онъ обѣщалъ Елисаветѣ Во
жениться на ней, если я умру, и что оба они очень ра
моей болѣзни.

Пришедши наконецъ въ комнату ея величества, я на
великаго князя. Какъ скоро императрица появилась, я
ней въ ноги и со слезами настоятельно просила отпусти
домой. Императрица хотѣла поднять меня, но я осталась
нахъ. Она мнѣ показалась болѣе огорченною, чѣмъ разгн
«Какъ же мнѣ отпустить тебя?—сказала она со слезам
захъ:—вспомни, что у тебя есть дѣти». На это я отвѣчала
мои у васъ на рукахъ, и имъ нигдѣ не можетъ быть л
надѣюсь, что вы ихъ не покинете». Тогда она сказала:

сказать обществу, по какой причинѣ я тебя удалила?» Я возразила: «Ваше императорское величество объявите, если найдете приличнымъ, чѣмъ я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великаго князя». Императрица сказала: «А чѣмъ же ты будешь жить у своихъ родственниковъ?» Я отвѣчала: «Тѣмъ же, чѣмъ жила прежде, когда не имѣла чести быть здѣсь». На это она мнѣ сказала: «Твоя мать въ бѣгахъ; она принуждена была удалиться изъ дома и отправилась въ Парижъ». Я отвѣчала, что знаю объ этомъ, и что король прусскій преслѣдуетъ ее за излишнюю привер-женность къ русскимъ интересамъ. Тутъ императрица во второй разъ приказала мнѣ встать, и я повиновалась. Она задумалась и отошла отъ меня въ сторону. Мы находились въ длинной комнатѣ о трехъ окнахъ; въ простѣнкахъ стояли столы съ золотыми туалетами императрицы. Въ комнатахъ всего были она, великій князь, А. Шуваловъ и я; напротивъ оконъ позади дивана висѣли густыя занавѣски. Я съ самаго начала догадывалась, что за этими занавѣсками навѣрно стоитъ Иванъ Шуваловъ, и, можетъ быть, двоюродный братъ его, графъ Петръ. Послѣ мнѣ сказывали, что я въ половину угадала, и что Иванъ Шуваловъ дѣйствительно тамъ былъ. Я отошла къ столу съ туалетомъ, ближайшему къ дверямъ, въ которыя мы вошли, и замѣтила въ ложбинкѣ туалета свернутыя письма. Императрица снова подошла ко мнѣ и сказала: «Богъ мнѣ свидѣтель, какъ я о тебѣ плакала, когда ты была при смерти больна по пріѣздѣ твоемъ въ Россію; если бы я тебя не любила, я тогда же отпустила бы тебя». Я поняла, что императрица хотѣла мнѣ дать знать этимъ, что я напрасно говорю, будто я у нея въ немилости. Въ отвѣтъ на это я поблагодарила ея величество за всѣ милости и благодѣянія, которыя она мнѣ послѣ и тогда оказывала, прибавивъ, что воспоминаніе о нихъ никогда не изгладится изъ моей памяти, и что я всегда буду считать величайшимъ несчастіемъ въ моей жизни то, что навлекла на себя ея немилость. Тогда она еще ближе подошла ко мнѣ и сказала: «Ты чрезвычайно горда; вспомни, какъ однажды въ Лѣтнемъ дворцѣ я подошла къ тебѣ и просила, не болитъ ли у тебя шея, потому что видѣла, что ты мнѣ едва поклонилась; ты не захотѣла мнѣ поклониться, какъ слѣдуетъ, изъ гордости». «Боже мой!—воскликнула я,—неужели ваше величество думаете, что мнѣ когда нибудь могло прійти въ голову гордиться передъ вами? Клянусь вамъ, что я никогда даже не подозрѣвала, чтобы этотъ вопросъ, который вы мнѣ сдѣлали четыре года тому назадъ, могъ имѣть подобное значеніе». На это она мнѣ сказала: «Ты воображаешь, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка умнѣе тебя». «Если бы я такъ думала,—отвѣчала я,—то настоящее положеніе мое и самый разговоръ этотъ, кажется, должны вывести меня изъ подобнаго самообольщенія, потому что я по глупости моей до сихъ поръ не умѣла понять того, что ваше величество

изволили сказать мнѣ четыре года тому назадъ». Между тѣмъ какъ императрица говорила со мною, великій князь шептался съ графомъ Шуваловымъ. Она замѣтила это и пошла къ нимъ; они оба стояли почти въ серединѣ комнаты. Я не могла хорошенько разслышать ихъ разговора, они говорили довольно тихо, а комната была велика; наконецъ я услышала, какъ великій князь, возвысивши голосъ, сказалъ: «Она чрезвычайно зла и черезчуръ много о себѣ думаетъ». Такъ какъ это касалось до меня, то я обратилась къ великому князю и сказала ему: «Если вы говорите это обо мнѣ, то я очень рада случаю сказать вамъ въ присутствіи ея императорскаго величества, что я дѣйствительно зла противъ тѣхъ, которые совѣтуютъ вамъ дѣлать несправедливости, и дѣйствительно стала высокомѣрна, потому что ласковымъ обращеніемъ ничего не добилась, а только навлекла на себя вашу непріязнь». Тогда великій князь сталъ говорить императрицѣ: «Ваше величество сами видите изъ словъ ея, какъ она зла». Но императрица была неизмѣримо умнѣе великаго князя, и на нее слова мои произвели совершенно другое впечатлѣніе. Я видѣла ясно, что, хотя ей присовѣтовали, или, можетъ быть, сама она намѣревалась дать мнѣ строгій выговоръ, но чѣмъ дальше шелъ этотъ разговоръ, тѣмъ больше она смягчалась, вопреки собственной волѣ и намѣренію. Тѣмъ не менѣе она выслушала замѣчаніе великаго князя и сказала ему: «О, ты не знаешь, что она мнѣ разсказывала о твоихъ совѣтчикахъ и о Брокдорфѣ по дѣлу того человѣка, котораго ты велѣлъ арестовать». Это должно было показаться великому князю формальною измѣною съ моей стороны. Онъ вовсе не зналъ о моемъ разговорѣ съ императрицею въ Лѣтнемъ дворцѣ и о томъ, что я жаловалась императрицѣ на его Брокдорфа, который сдѣлался для него такъ дорогъ и милъ. Это значило еще болѣе раздражить его противъ меня, можетъ быть, разссорить насъ окончательно, безъ возможности примиренія, и навсегда лишить меня его довѣренности. Поэтому слова императрицы поразили меня чрезвычайно; то, что я передала ей и считала долгомъ своимъ передать для блага ея племянника, то самое она употребила теперь, какъ оружіе противъ меня. Удивленный такимъ признаніемъ великій князь сказалъ: «Вотъ этого анекдота я не зналъ; онъ очень хорошъ и доказываетъ ея злость». Я думала про себя: «Богъ знаетъ, чью злость онъ доказываетъ». Отъ Брокдорфа ея величество сдѣлала рѣзкій переходъ къ сношеніямъ между Штамбке и графомъ Бестужевымъ и сказала мнѣ: «Любопытно знать, чѣмъ извинить его за эти сношенія съ государственнымъ арестантомъ». Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ мое имя не было замѣшано, и императрица о немъ вовсе не упоминала, то я не говорила ни слова, показывая тѣмъ, что слова ея вовсе не относятся ко мнѣ. Затѣмъ она подошла ко мнѣ и сказала: «Ты мѣшаешься въ многія дѣла, которыя до тебя не касаются; я не смѣла этого дѣлать во

время императрицы Анны. Какъ, напримѣръ, осмѣлилась ты посылать приказанія фельдмаршалу Апраксину?» Я отвѣчала: «Я! Никогда мнѣ не приходило и въ голову посылать ему приказанія». «Какъ ты можешь запираться въ перепискѣ съ нимъ?—возразила она:— твои письма вотъ тамъ на туалетѣ (она мнѣ показала на нихъ пальцемъ). Тебѣ запрещено писать». Тогда я сказала ей: «Правда, я писала безъ позволенія, и прошу за то простить меня; но, такъ какъ письма мои здѣсь, то изъ этихъ трехъ писемъ ваше величество можете увидѣть, что я никогда не посылала ему приказаній, но въ одномъ письмѣ передавала ему, что говорятъ объ его поступкахъ». Тутъ она прервала меня и сказала: «Зачѣмъ же ты писала ему объ этомъ?» «Затѣмъ,—отвѣчала я очень просто,— что я принимала въ немъ участіе и очень любила его. Я просила его исполнять ваши приказанія. Въ двухъ остальныхъ письмахъ, въ одномъ я поздравляла его съ рожденіемъ сына, а въ другомъ съ новымъ годомъ». На это она замѣтила: «Бестужевъ говоритъ, что было много еще писемъ». Я отвѣчала: «Если Бестужевъ говоритъ это, онъ лжетъ». «Хорошо же,—сказала она,—такъ какъ онъ обличаетъ тебя, то я велю пытать его». Она думала напугать меня этимъ. Но я отвѣчала ей, что по самодержавной власти своей она можетъ дѣлать все, что найдетъ нужнымъ, но что я все-таки писала къ Апраксину только эти три письма. Она замолчала и, повидимому, стала снова собираться съ мыслями. Я передаю замѣчательнѣйшія мѣста этого разговора, оставшіяся въ моей памяти; всего передать невозможно, такъ какъ разговоръ продолжался, по крайней мѣрѣ, полтора часа. Императрица прохаживалась по комнатѣ, обращаясь то ко мнѣ, то къ своему племяннику, и чаще всего къ графу А. Шувалову, съ которымъ великій князь постоянно заводилъ разговоръ, какъ скоро императрица начинала говорить со мной. Я сказала выше уже, что въ ея величествѣ замѣтно было болѣе озабоченности, нежели гнѣва; что касается до великаго князя, то всѣ слова его во время этого разговора проникнуты были желчью непріязни и даже негодованія на меня; онъ старался всѣми способами возстановить противъ меня ея величество, но какъ способы эти были нелѣпы, и вообще онъ показывалъ больше страстности, нежели здраваго сужденія, то это ему не удалось: императрица по уму своему и проницательности брала мою сторону. Съ особеннымъ вниманіемъ и съ нѣкоторымъ невольнымъ одобреніемъ выслушивала она мои твердые и умѣренные отвѣты великому князю, который безпрестанно заносился и почти явно говорилъ, что ему хочется очистить мое мѣсто, если можно посадить на него тогдашнюю свою метрессу. Хотя императрица могла не согласиться на это, да и сами Шуваловы, по всему вѣроятію, не захотѣли бы очутиться подъ властью Воронцовыхъ, но его высочество никакъ не въ состояніи былъ сообразить этого; онъ

всегда считалъ возможнымъ то, чего ему хотѣлось, и, забравш себѣ что нибудь въ голову, не хотѣлъ знать никакихъ противо рѣчій. Наконецъ онъ довелъ дѣло до того, что императрица по дошла ко мнѣ и сказала вполголоса: «У меня много еще о чем поговорить съ тобою, но теперь я не могу, потому что не хочу чтобы вы еще больше разссорились». Глазами и головою она мнѣ по казала, что не хочетъ больше говорить при другихъ. За тако знакъ доброжелательства въ моемъ критическомъ положеніи я по чувствовала къ ней живѣйшую благодарность и отвѣчала тож почти шопотомъ: «Я также не могу говорить, хотя мнѣ чрезвы чайно хотѣлось бы открыть вамъ мою душу и сердце». Я замѣтила что слова эти произвели на нее благопріятное для меня впечатлѣ ніе. У нея выступили на глаза слезы, и чтобы скрыть это и д какой степени она растрогана, она велѣла намъ итти къ себѣ отозвавшись, что очень поздно. Въ самомъ дѣлѣ было уже около трехъ часовъ ночи. Великій князь вышелъ первый, я за нимъ; въ ту минуту, какъ графъ Шуваловъ затворялъ за мною дверь, импе ратрица позвала его, и онъ остался съ нею. Великій князь всегда ходилъ большими шагами; на этотъ разъ я не торопилась дого- нять его; онъ ушелъ въ свои комнаты, я также пошла къ себѣ Я раздѣвалась, чтобы лечь спать, какъ въ дверь, въ которую я вошла кто-то постучался. Я окликнула и услышала голосъ графа Шу- валова, который просилъ, чтобъ я впустила его, что я и сдѣлала Онъ сказалъ, чтобы я выслала женщинъ моихъ, и, когда онѣ вы- шли, объявилъ, что императрица призывала его къ себѣ и, пого- воривъ съ нимъ нѣсколько времени, поручила ему передать мнѣ ея поклонъ и сказать, чтобы я не огорчалась, и что она будетъ имѣть со мною разговоръ наединѣ. Я отдала графу Шувалову низкій поклонъ и велѣла передать ея величеству мое глубочайшее почтеніе и благодарность за ея милости, которыя возвращаютъ меня къ жизни, прибавивъ, что буду съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидать этого второго разговора, и прося, чтобы онъ, Шуваловъ, по- старался ускорить его. Онъ сказалъ мнѣ, чтобы я рѣшительно никому не говорила о томъ, а особенно великому князю, который, къ сожалѣнію ея величества, очень раздраженъ противъ меня. Я обѣщала ему это. Я думала: но если жалѣютъ о томъ, то зачѣмъ было еще больше раздражать, передавая ему разговоръ въ Лѣт- немъ дворцѣ и мои отзывы о людяхъ, которые его губятъ. Тѣмъ не менѣе я была очень довольна, что императрица, сверхъ всякаго чаянія, снова сдѣлалась милостива и довѣрчива ко мнѣ. На дру- гой день я сказала племянницѣ духовника, чтобы она поблагода- рила своего дядю и передала ему, что онъ мнѣ оказалъ важную услугу, устроивъ этотъ разговоръ. Возвратившись отъ дяди, она сообщила мнѣ отзывъ императрицы, слышанный отъ дяди: ея величество сказала, что племянникъ ея дуракъ, но что великая

княгиня очень умна. Я слышала и отъ другихъ, что императрица между приближенными своими безпрестанно хвалила мои способности, прибавляя: «она любитъ истину и справедливость, это—очень умная женщина, а племянникъ мой—дуракъ».

Подъ предлогомъ нездоровья я продолжала оставаться у себя въ комнатѣ. Помню, что тогда я читала, съ картою на столѣ, «Исторію путешествій», первыя пять частей,—чтеніе полезное и занимательное. Когда я уставала читать, то перелистывала первые томы «Энциклопедіи», и между тѣмъ ожидала дня, когда императрицѣ угодно будетъ позвать меня на второй разговоръ. Отъ времени до времени я напоминала Шувалову, что съ нетерпѣніемъ жду, когда наконецъ рѣшится моя участь. Что касается до великаго князя, то я съ нимъ не имѣла вовсе сношеній; слышала только, что онъ ждетъ—не дождется минуты, когда меня отошлютъ, и что онъ навѣрное разсчитываетъ вступить во второй бракъ и жениться на графинѣ Елисаветѣ Воронцовой, которая уже ходила къ нему въ комнаты и разыгрывала тамъ роль хозяйки. Но дядя ея вице-канцлеръ, который былъ лицемѣръ, узнавши о положеніи дѣлъ отъ брата своего, или скорѣе отъ своихъ племянниковъ, которые въ то время были дѣтьми (старшему всего было 20 лѣтъ, или около того), по всему вѣроятію, испугался потерять только что усилившееся довѣріе къ нему императрицы и взялся отговорить меня, чтобы я не просила о своемъ удаленіи. Вотъ какъ было дѣло.

Въ одно прекрасное утро докладываютъ мнѣ, что графъ М. Воронцовъ желаетъ говорить со мной отъ имени императрицы. Меня очень удивила эта чрезвычайная депутація, и хотя я была еще не одѣта, но велѣла просить вице-канцлера. Онъ началъ съ того, что поцѣловалъ у меня руку и пожалъ ее съ большимъ чувствомъ, послѣ чего отеръ нѣсколько слезинокъ, появившихся у него на глазахъ. Я въ то время была нѣсколько предубѣждена противъ него, и потому не давала большой вѣры этому предварительному изъявленію его расположенія ко мнѣ, считая все это пустяками. Я просила его сѣсть. У него была небольшая одышка, происходившая отъ того, что у него было нѣчто въ родѣ зоба. Онъ сѣлъ и сказалъ, что императрица поручила ему переговорить со мною и убѣдить меня, чтобы я не настаивала на своемъ отъѣздѣ, что даже ея величество приказала ему просить меня отъ ея имени выбросить изъ головы это намѣреніе, на которое она никогда не согласится, что онъ лично проситъ и заклинаетъ меня, чтобъ я дала слово больше никогда не говорить о томъ; что это намѣреніе мое чрезвычайно огорчаетъ императрицу и всѣхъ честныхъ людей, въ числѣ которыхъ, какъ увѣрялъ онъ, находился и онъ. Я отвѣчала ему, что готова охотно сдѣлать все угодное императрицѣ и честнымъ людямъ, но что я почитаю жизнь свою и здоровье въ опасности отъ образа жизни, который заставляютъ вести меня,

что для меня невыносимо дѣлать людей несчастными, что у меня безпрестанно отнимаютъ и ссылаютъ моихъ приближенныхъ, что великій князь, который и безъ того не любилъ меня, теперь возстановленъ противъ меня даже до ненависти; что ея величество также почти постоянно оказывала знаки своей немилости; что, будучи всѣмъ въ тягость, я просила позволенія уѣхать и дать мнѣ свободу, такъ какъ иначе я могу умереть отъ скуки и горя. Онъ сталъ говорить мнѣ о моихъ дѣтяхъ. Я сказала ему на это, что я ихъ не вижу, что дочь мою я не видала съ тѣхъ поръ, какъ брала молитву, и не могу ее увидѣть безъ особеннаго разрѣшенія императрицы, которая помѣстила дѣтей моихъ въ двухъ комнатахъ отъ себя; что хотя мнѣ хорошо извѣстны ея попеченія о нихъ, но такъ какъ я лишена утѣшенія видѣть ихъ, то мнѣ все равно, жить ли отъ нихъ въ ста шагахъ или въ ста верстахъ. Онъ сказалъ мнѣ, что императрица будетъ имѣть со мной второй разговоръ, и прибавилъ, что очень бы желательно было, чтобы ея императорское величество сблизилась со мной. Въ отвѣтъ на это я просила ускорить этотъ второй разговоръ и сказала, что съ моей стороны употреблю всѣ мѣры къ исполненію желанія его на счетъ нашего сближенія. Онъ оставался у меня болѣе часа, говорилъ долго и много о разныхъ вещахъ. Я замѣтила, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ вошелъ въ кредитъ, въ его рѣчахъ и въ обращеніи произошла перемѣна противъ прежняго; онъ уже говорилъ нѣсколько свысока, между тѣмъ какъ прежде терялся въ толпѣ и былъ недоволенъ императрицею, ходомъ дѣлъ и тѣми лицами, которыя пользовались довѣріемъ и милостью ея величества. Однажды при дворѣ императрица очень долго разговаривала съ австрійскимъ посланниковъ, между тѣмъ какъ онъ, я и всѣ остальные не смѣли садиться и умирали отъ скуки. «Хотите держать пари, — сказалъ онъ тогда мнѣ:—что она говоритъ однѣ пошлости?»—«Что вы это?»—отвѣчала я ему съ усмѣшкою. На это онъ сказалъ мнѣ по-русски слѣдующія характеристическія слова: Она съ природы... Наконецъ онъ ушелъ отъ меня, увѣряя въ своемъ усердіи, и на прощанье снова поцѣловалъ у меня руку.

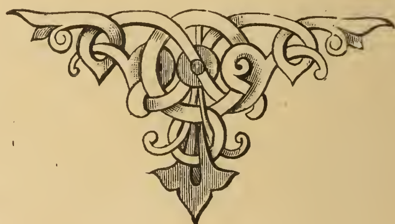
Такимъ образомъ я могла быть увѣрена, что меня не вышлютъ, потому что меня просили даже не поминать о томъ; но я сочла нужнымъ попрежнему не выходить изъ своей комнаты и показывать видъ, что жду рѣшенія своей участи отъ второго разговора съ императрицею. Долго ждала я этого разговора. Помню, что 21 апрѣля, въ день моего рожденія, я не выходила; императрица во время обѣда прислала А. Шувалова сказать мнѣ, что пьетъ за мое здоровье. Я велѣла благодарить ее за то, что она вспомнила обо мнѣ въ этотъ день, какъ я выразилась, моего несчастнаго рожденія, который я готова бы была проклясть, если бы въ этотъ же день не получила св. крещенія. Великій князь,

узнавъ, что императрица посылала поздравить меня, вздумалъ съ своей стороны отрядить такое же посольство. Когда мнѣ доложили о томъ, я встала и очень низкимъ поклономъ воздала мою благодарность. Послѣ праздника моего рожденія и императрицыной коронаціи, которые приходились черезъ три дня одинъ послѣ другого, я все еще продолжала оставаться въ своей комнатѣ; но графъ Понятовскій довелъ до моего свѣдѣнія, что французскій посолъ, маркизъ Лопиталь, очень расхваливаетъ мое твердое поведеніе и говоритъ, что такая рѣшимость не выходить изъ комнаты должна послужить мнѣ въ пользу. Я разсудила, что похвала въ устахъ врага всегда вѣроломна, и вздумала нарочно сдѣлать противное, и въ одно воскресенье, когда никто не ожидалъ меня, одѣлась и вышла изъ моихъ внутреннихъ покоевъ. Надо было видѣть удивленіе и внезапность, которыя я произвела, вошедши въ ту комнату, гдѣ сидѣли дамы и кавалеры. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ меня пришелъ великій князь; я видѣла изумленіе на лицѣ его. Я въ эту минуту разговаривала съ обществомъ; онъ вмѣшивался въ разговоръ и иногда обращался ко мнѣ; я отвѣчала ему съ достоинствомъ.

Въ это время во второй разъ пріѣхалъ въ Петербургъ саксонскій принцъ Карлъ. Въ первый разъ великій князь принималъ его довольно вѣжливо, но теперь считалъ себя въ правѣ не обращать на него никакого вниманія, и вотъ почему. Въ русской арміи было извѣстно, что во время Цорндорфскаго сраженія принцъ Карлъ одинъ изъ первыхъ обратился въ бѣгство, и, какъ говорили, до такой степени простеръ свою трусость, что счелъ себя безопаснымъ только въ Ландбергѣ. Услыхавши объ этомъ, великій князь рѣшился не говорить съ нимъ и не имѣть никакого сношенія, какъ съ отъявленнымъ негодяемъ. Этому, по всему вѣроятію, немало способствовала дочь Бирона, принцесса Курляндская, о которой я часто имѣла случай поминать: отецъ ея попрежнему содержался въ Ярославлѣ; а между тѣмъ ходили тайные слухи о томъ, что принца Карла хотятъ сдѣлать герцогомъ Курляндскимъ; она возстановляла противъ него великаго князя, надъ которымъ сохранила нѣкоторую долю вліянія. Эта принцесса въ то время была въ третій разъ помолвлена,—за барона Александра Черкасова, за котораго дѣйствительно и вышла въ слѣдующую зиму.

Наконецъ, за нѣсколько дней до нашего отъѣзда въ деревню, графъ А. Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ отъ имени императрицы, что послѣ обѣда я должна просить черезъ него позволенія повидать дѣтей моихъ, и что по выходѣ отъ нихъ я буду имѣть столь давно обѣщанное второе свиданіе съ ея величествомъ. Исполняя приказаніе, я въ присутствіи многихъ сказала графу Шувалову, чтобы онъ испросилъ мнѣ у ея величества позволеніе сходить къ дѣтямъ. Онъ пошелъ и воротившись сказалъ мнѣ, что я могу

пойти къ нимъ въ три часа. Я отправилась минута въ минуту и оставалась у дѣтей до тѣхъ поръ, пока графъ Шуваловъ пришелъ сказать мнѣ, что я могу видѣть ея величество. Я пошла и застала ее совершенно одну; на этотъ разъ въ комнатѣ не было никакихъ занавѣсокъ, и слѣдовательно мы могли говорить съ ней свободно. Я начала съ того, что поблагодарила ее за это свиданіе, прибавивъ, что одно обѣщаніе о немъ, которое она изволила милостиво дать мнѣ, возвратило меня къ жизни. Послѣ этого она мнѣ сказала: «Я хочу, чтобы ты мнѣ говорила правду обо всемъ, о чемъ я буду тебя спрашивать». Я отвѣчала увѣреніями, что она услышитъ отъ меня одну сущую правду, и сказала, что ничего такъ не желаю, какъ открыть ей мое сердце безъ малѣйшей утайки. Тогда она опять начала спрашивать, дѣйствительно ли я писала къ Апраксину только три письма. Я поклялась ей въ этомъ, потому что въ самомъ дѣлѣ это было такъ. Тогда она стала разспрашивать подробности объ образѣ жизни великаго князя...

ХРОНИКА СЕЛА ИВАНОВСКАГО [1].

I.

Въ 1540-хъ г.г., въ послѣдніе дни правленія царицы Елены Глинской, когда Русь вздохнула свободной грудью послѣ ига басурманскаго, въ Новгородѣ Великомъ жили именитые торговые люди—Собакины; глава семейства, Степанъ Васильевичъ, человѣкъ богатый и всѣми уважаемый, велъ торговлю съ Испаніей и Венеціанской республикой; сыновья его были люди грамотные и толковые: ѣздили на своихъ корабляхъ въ земли заморскія, видѣли раскидистыя пальмы подъ лазурнымъ небомъ Кадикса, бывали въ Венеціи и изумлялись ея величіемъ, пышностью ея повелителя, гордаго дожа Дандоло. Третій сынъ Степана Васильевича—Василій, женился на Людмилѣ Басмановой, которую зналъ съ дѣтства, и зажили они въ любви и согласіи, но недолго продолжалось ихъ счастіе... его Милуша родила ему дочку и предала Богу свою безгрѣшную душу. Загоревалъ, затосковалъ молодой вдовецъ и уѣхалъ въ земли далекія, чтобы разогнать горе великое, проѣздилъ три года, и гдѣ

---

[1]) Хронику эту я записала со словъ матери моей, В. П. Ермоловой, бывшей владѣлицы села Собакина; ей же хроника эта частью была передана ближайшей ея сосѣдкой, В. А. Ивановой, урожденной Соковниной, изъ рода Собакиныхъ, среди которыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе переходило преданіе о несчастной судьбѣ царицы Мароы. Авт.

только не бывалъ онъ, чего не насмотрѣлся! Но пришлось вернуться въ Новгородъ, да какъ-то ему все дико стало; отвыкъ онъ отъ нашихъ нравовъ и сталъ просить отца опять отпустить его въ новое путешествіе.—«Пожалуй,—сказалъ Степанъ Васильевичъ,—поѣзжай съ Богомъ, коли дома не любо, да только не въ заморскія земли, тебѣ наша матушка-Русь опостылѣла», — и снарядилъ онъ сына ѣхать въ Астрахань, внизъ по Волгѣ, на своемъ баркасѣ, поручилъ ему завести торговлю съ астраханскими купцами. Молодой Собакинъ съ радостью вновь собрался въ далекій путь. Онъ еще на Волгѣ не бывалъ: мѣста все новыя и живописныя, а долгое пребываніе за границей образовало его, онъ любилъ природу и наслаждался ею, ѣхалъ не торопясь. Такимъ образомъ онъ осмотрѣлъ Нижній Новгородъ, Казань, и, продолжая свое путешествіе внизъ по Волгѣ, однажды рано утромъ былъ такъ плѣненъ живописной мѣстностью, мимо которой плылъ на баркасѣ, что приказалъ причалить къ берегу. Былъ конецъ апрѣля, и Волга разлилась въ широкую даль, словно море; на берегу, у котораго онъ причалилъ, ютилось нѣсколько жалкихъ лачугъ рыбаковъ, надъ которыми высилась высокая крутая гора, вся покрытая яблонями и вишневыми деревьями, въ ту пору въ полномъ цвѣтѣ. На вершинѣ горы, обрамленной вѣковыми деревьями, виднѣлся храмъ и нѣсколько домовъ. Василій Степановичъ узналъ, что это—довольно богатый поселокъ [1]) Кайбула, или Крестово-Городище, въ которомъ жили преимущественно купцы-рыбопромышленники. Пристань, гдѣ онъ причалилъ, была удобная и безопасная, и молодой Собакинъ отправился въ поселокъ, чтобы его осмотрѣть и пообѣдать на постояломъ дворѣ. Здѣсь онъ узналъ, что въ верстахъ 200 отъ Кайбула, въ селѣ Парамзинѣ, есть чтимая чудотворная икона Святителя Николая. Воспитанный въ страхѣ Божіемъ богоязливой матерью, Василій Степановичъ чтилъ наши православныя святыни и рѣшилъ съѣздить поклониться этому образу, столь почитаемому. Оставивъ свой баркасъ и людей на пристани въ Кайбулѣ, онъ сѣлъ на коня и, сопровождаемый только двумя слугами, отправился въ путь.

Дорога, по которой ѣхалъ путешественникъ, шла однообразная, столбовая; было страшно знойно и пыльно, и солнце начало опускаться на закатѣ, когда онъ въѣхалъ въ вѣковой сосновый лѣсъ, гдѣ отовсюду вѣяло прохладой. Василій Степановичъ съ наслажденіемъ, полной грудью вдыхалъ смолистый лѣсной воздухъ; весело и бодро сталъ ступать добрый конь его по мягкой тропинкѣ, и, незамѣтно проѣхавъ такимъ образомъ верстъ 15, Собакинъ вдругъ очутился на скатѣ горы, внизу которой, какъ въ котловинѣ, было

[1]) Нынѣ губернскій городъ Симбирскъ.

раскинуто обширное село [1]). У подножія горы стоялъ храмъ деревянный и около него часовенка, изъ которой струился родникъ чистой, какъ хрусталь, студеной воды. На окраинахъ села текла весело и шумно широкая рѣчка. Солнце стало садиться, озаряя все вокругъ багрово-краснымъ свѣтомъ; стада возвращались съ полей,— все дышало жизнью, миромъ и спокойствіемъ въ этой прекрасной мѣстности. Вдругъ раздался колокольный звонъ. Василій Степановичъ вспомнилъ, что канунъ Троицы, и, хотя благовѣстъ былъ уже къ Достойной, онъ поспѣшилъ спуститься съ горы и войти въ церковь. Старенькая, убогая, она показалась чуднымъ храмомъ усталому путешественнику, вся залитая лучами заходящаго солнца, которое какъ бы озаряло ее литымъ золотомъ. Ему какъ-то стало вдругъ хорошо и свѣтло на душѣ, и казалось, что потемнѣвшіе лики святыхъ кротко и привѣтливо на него глядятъ. Горячо, преклонивши колѣна, помолился онъ, и его сердце почему-то предвѣщало, что въ этомъ храмѣ наступитъ для него новая жизнь, начнется новое счастье. По окончаніи всенощной, вмѣстѣ съ нимъ подошелъ къ кресту высокаго роста старецъ. Длинные, сѣдые волосы, такая же борода придавали ему видъ патріарха; онъ привѣтливо взглянулъ на молодого незнакомца, и добрый ласковый взоръ его сразу проникъ въ глубину души Василія Степановича. Онъ низко поклонился старику, который съ нимъ заговорилъ, и, узнавъ, по какой причинѣ онъ находился въ этой мѣстности, пригласилъ его къ себѣ отдохнуть и переночевать. Старецъ этотъ былъ бояринъ Соковнинъ, владѣлецъ этого села и всѣхъ окрестныхъ зе-

---

[1]) Село это называется и до сихъ поръ Ивановскимъ, Собакино, Чамбулъ тожъ, и расположено на томъ же самомъ мѣстѣ, на которомъ находилось въ тѣ времена, о которыхъ здѣсь говорится. До 1870 г. густой лѣсъ еще обрамлялъ село Собакино, теперь же большая часть его вырублена, такъ что и слѣдовъ этихъ вѣковыхъ лѣсовъ не осталось. Часовня и нынѣ стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Храмъ первоначально былъ перестроенъ В. С. Собакинымъ въ память усопшей дочери своей, Маѳы Васильевны, третьей жены царя Іоанна Васильевича Грознаго, и затѣмъ по ветхости въ 1728 г. еще разъ обновленъ Петромъ и Дарьей Соковниными, потомками по женской линіи В. С. Собакина. Иконостасъ древній сохранился нетронутымъ до 1886 г., когда слишкомъ ревностный священникъ, желая его сдѣлать болѣе современнымъ, къ сожалѣнію, снялъ на половину; древній же иконостасъ изображалъ до потолка стѣну, сверху донизу покрытую иконами древняго письма. Въ церкви существуютъ образа четырехъ евангелистовъ, по преданію, сохранившіеся будто бы отъ древняго храма до перестройки онаго В. С. Собакинымъ въ 1574 г. Широкая быстрая рѣчка Чамбулъ — нынѣ лишь ручеекъ, изъ котораго, однако, образуется нѣсколько прудовъ. По преданію, усадьба Собакинская находится именно на томъ же мѣстѣ, гдѣ была въ тѣ времена. Изъ рода Соковниныхъ часть села Собакина перешла въ руки моего дѣда, адмирала Дурасова, а отъ него—къ его дочери, моей матери, В. П. Ермоловой. Нынѣ имѣніе Собакинское принадлежитъ удѣльному вѣдомству, а усадьба—моему брату Д. Ѳ. Ермолову. Въ одномъ изъ садовъ усадьбы видны слѣды укрѣпленій, правильно расположенныхъ валовъ и кургановъ.

Авт.

мель и обширныхъ лѣсовъ. Всѣми уважаемый и любимый за свою доброту Михаилъ Петровичъ Соковнинъ жилъ со своей единственной дочерью Мароой. Много онъ горя потерпѣлъ: потерялъ жену, двухъ сыновей — красивыхъ юношей, одинъ утонулъ, купаясь съ товарищами въ Чамбулѣ, другой какъ-то поболѣлъ недѣли двѣ какой болѣзнью — неизвѣстно, горѣлъ весь и бредилъ, такъ и умеръ, не приходя въ себя; теперь старикъ остался одинъ со своей Мароушей, въ которой души не чаялъ.

Усадьба Соковниныхъ была видна съ горы: она утопала въ густой зелени окружающихъ ее садовъ. Подъѣзжая къ усадьбѣ, Василій Степановичъ былъ пораженъ, увидя, въ какомъ образцовомъ порядкѣ и съ какою для того времени роскошью она содержалась. Это былъ настоящій укрѣпленный городокъ, обнесенный высокой стѣной, около которой прогуливался стражникъ. Многочисленные слуги, чисто и опрятно одѣтые, имѣли бодрый и веселый видъ и, казалось, боготворили своего хозяина. Было въ ту пору необходимо укрѣплять свои усадьбы: времена были смутныя, татаръ [1]) водилось въ окрестности и въ воеводствѣ великое множество; цѣлыя шайки этихъ такъ еще недавно басурманскихъ властителей разбойничали и нападали на плохо укрѣпленныя или беззащитныя вотчины, грабили, убивали безпощадно, а женщинъ и дѣвицъ увозили въ свои гаремы. Молодой Собакинъ былъ принятъ радушно Михаиломъ Петровичемъ Соковнинымъ, какъ дорогой гость, и не одинъ и не два дня пробылъ онъ у него, а на всю жизнь остался. Полюбилась ему Мароуша, красивая и кроткая, въ свою очередь и она привязалась къ красивому, образованному молодому человѣку и полюбила его со всей пылкостью юнаго сердечка. Соковнинъ также оцѣнилъ качества и умъ этого какъ бы Богомъ посланнаго ему незнакомца. Онъ чувствовалъ, что дни его сочтены, и мысль оставить свою дорогую дочку на попеченіе такого мужа его успокоивала и была ему люба. Благословилъ онъ молодую чету, и сыграли свадьбу, повѣнчали ихъ въ томъ же храмѣ, гдѣ и онъ сочетался съ ея горячо любимой матерью, и гдѣ молодой Собакинъ такъ еще недавно горячо молился о дарованіи ему отъ Всевышняго счастія и душевнаго спокойствія. Поѣхали молодые въ Новгородъ Великій поклониться родителямъ и, забравъ съ собой малютку Милушу, вернулись въ отчину тестя, въ родное дорогое

---

[1]) И до сихъ поръ очень много татаръ въ Симбирской губерніи и въ ближайшей окрестности Собакина очень много селъ, населенныхъ прямыми потомками татаръ тѣхъ временъ. Въ селѣ Тимошкинѣ, въ 25 верстахъ отъ Собакина, живутъ именитые купцы Акчурины и князья Курамши, преимущественно владѣльцы суконныхъ фабрикъ.

Когда Мареа Васильевна Собакина стала женою царя Іоанна Грознаго, то было отъ него повелѣніе называть село Собакино Ивановскимъ, которымъ оно и именуется при составленіи формальныхъ актовъ. Авт.

гнѣздо Мареы Михайловны, гдѣ зажили тихо и мирно. Еще годикъ пожилъ съ ними Михаилъ Петровичъ, полюбовался ихъ счастіемъ и скончался безболѣзненно, непостыдно, мирно, и съ тѣхъ поръ село Соковнино стало называться «Собакинымъ» и до сихъ поръ носитъ это имя. Мареа Михайловна, добрая и справедливая, любила свою падчерицу и не дѣлала ни малѣйшей разницы между нею и своими дѣтьми. У нея было три дочери: любимицей отца была вторая дочь Мареинька, красавица, что называется, писаная: высокая, стройная, чудные голубые глаза озаряли ее лицо чарующимъ взглядомъ, но что было въ ней восхитительно—это ея волосы: какъ литое золото, падали они волнистыми кудрями на ея плечи, между тѣмъ какъ брови и длинныя, словно бахрома, рѣсницы были, какъ смоль, черныя.

— Чудное дѣло,—говорилъ ея отецъ, гладя ее по головкѣ,—казалось бы, не я, а твоя матушка была въ землѣ Венецейской, гдѣ водятся такіе кудри, и, поразившись ими, она тебѣ ихъ подарила.

Мареинька страстно любила отца, часто сидѣла съ нимъ въ его горницѣ, и онъ ей разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ, о чудной землѣ, гдѣ растетъ пальма высокая, о синемъ прозрачномъ морѣ, о той странѣ дивной подъ лазурнымъ небомъ, гдѣ нѣтъ зимы, гдѣ растутъ такіе цвѣты сказочные, о коихъ и не вѣдаютъ на нашей матушкѣ Руси. Говорилъ онъ о томъ чудесномъ городѣ, что стоитъ на водѣ, гдѣ никогда не слышенъ стукъ колесъ или топотъ коней, гдѣ люди плывутъ въ золоченыхъ и разрисованныхъ лодкахъ, гдѣ говорятъ такъ звучно, словно поютъ... Дивилась Мареинька этимъ разсказамъ, жалѣла, что не пришлось ей увидать этихъ чудесъ вмѣстѣ съ родимымъ батюшкой и побывать въ этихъ сказочныхъ царствахъ. Сестры Мареиньки были миловидныя дѣвушки, но онѣ равнодушно относились къ разсказамъ отца. Онѣ больше любили быть въ своемъ теремѣ и слушать сказки своихъ мамокъ и нянекъ, вышивать и пѣть со своими сѣнными дѣвушками и читать псалтирь съ о. Александромъ, который обучалъ ихъ грамотѣ. Но и Мареинька не отставала отъ сестеръ, она чудесно вышивала серебромъ и золотомъ, и всѣ облаченія въ Собакинской церкви были ея работой [1]). Она прекрасно читала и писала, такъ какъ учителемъ былъ ея отецъ. Изъ обширнаго сада усадьбы Собакиныхъ боярышень никуда не пускали, только водили въ церковь; въ чудные же лѣса, гдѣ было такъ хорошо и прохладно лѣтней порой, имъ ходить было строго воспрещено, ибо тамъ водился и звѣрь и человѣкъ лихой.

---

[1]) До сихъ поръ сохраняются въ Собакинской церкви риза и епитрахиль, вышитыя собственноручно Мареой Васильевной Собакиной и весьма хорошо сохранившіяся. Авт.

Когда пріѣзжали къ Василію Степановичу сосѣдніе бояре и именитые люди, они всегда были приняты ласково и радушно, но болѣе всего онъ былъ друженъ съ однофамильцемъ своего покойнаго тестя, бояриномъ Петромъ Соковнинымъ, владѣльцемъ небольшого села «Хвостиха», верстахъ въ 14 отъ Собакина. Эти Соковнины были люди не богатые, но весьма почитаемые во всей окрестности. Одинъ изъ сыновей Соковнина, Алеша, года на три старше Мароиньки, былъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ особенно друженъ съ ней; они вмѣстѣ рѣзвились, подчасъ и ссорились, но Алеша былъ всегда рабомъ своей пріятельницы, которая повелѣвала имъ... Такъ время шло... Мароинькѣ минуло пятнадцать лѣтъ; Алеша сталъ красивый восемнадцатилѣтній юноша, и надоумились они, что любовь ихъ ужъ не братская, а горячая, нѣжная, и рѣшили они повиниться матушкѣ-родимой, поклониться ей въ ноги, попросить благословенія и поддержки у отца. Мароа Михайловна даже не удивилась: она видѣла, какъ любовь дѣтская превращалась въ иную, и была этому рада. Ей былъ любъ Алеша, и она со слезами радости благословила своихъ дѣтей на супружество и обоюдную любовь и счастіе, пошла къ мужу и просила его дать согласіе на этотъ бракъ. Василій Степановичъ подумалъ и порѣшилъ, что хотя Алеша и безприданникъ, но что онъ—добрый молодецъ, и что если Мароинька будетъ женой его, то онъ останется жить съ ними въ Собакинѣ, и далъ свое согласіе. Послали за о. Александромъ и обручили молодую чету, и вотъ стали веселье и радость великія въ Собакинѣ; счастью же юныхъ нареченныхъ жениха и невѣсты не было предѣла, и имъ казалось, что любовь ихъ возростаетъ съ каждымъ днемъ.

II.

Василій Степановичъ рѣшилъ, что до свадьбы нужно съѣздить въ Новгородъ къ роднымъ и представить жениха и невѣсту всѣмъ близкимъ и друзьямъ. Восемнадцать лѣтъ не былъ онъ на родинѣ. Отецъ его скончался, а мать почти ослѣпла, и хотѣлось ей хотя однимъ глазкомъ узрѣть сына, невѣстушку и дѣтокъ ихъ; не разъ просила она его пріѣхать въ Новгородъ, и вотъ случай самый лучшій, чтобы собраться всѣмъ семействомъ въ дальній путь. Почему-то Мароѣ Михайловнѣ не хотѣлось ѣхать до свадьбы.

— Подожди,—говорила она мужу,—обвѣнчаемъ раньше дѣтокъ нашихъ и потомъ ужъ поѣдемъ.

Но онъ на это не согласился.

— Обвѣнчаемъ по возвращеніи,—возразилъ онъ,—на что торопиться? Молоды еще, успѣютъ, а пока, какъ я рѣшилъ, пусть такъ и будетъ.

И начались сборы... рѣшено было ѣхать изъ Кайбулы на баркасѣ, а людей, лошадей и колымагъ нагрузить на плотъ буксиромъ

и такимъ образомъ подняться вверхъ по Волгѣ до Твери, а тамъ до Новгорода сухимъ путемъ. Всѣхъ снарядили, отслужили молебенъ Владычицѣ Пресвятой Богородицѣ и тронулись въ путь. Былъ конецъ апрѣля; рѣки разлились, солнышко ярко заблистало, послѣ суровой зимы вся природа возрождалась: деревья покрывались нѣжной листвой, птички весело защебетали, и весело и отрадно было на душѣ путешественниковъ. Марѳа Михайловна одна чувствовала какую-то непонятную тревогу, уѣзжая изъ Собакина, и эту тревогу раздѣляла съ ней няня Марѳинькина—старуха Нестеровна. Наканунѣ отъѣзда ей снился ужасный сонъ: она видѣла, что какое-то ужасное чудовище, не то медвѣдь, не то крылатый змѣй, бросился на Алешу, и онъ палъ мертвымъ, и алая кровь струилась ручьемъ изъ груди юноши.

— Это не къ добру,—толковала она.

— Глупости,—журилъ жену и старуху Василій Степановичъ,— Нестеровна наужиналась на ночь, вотъ ей и снится Богъ вѣсть что, а ты, Марѳуша,—продолжалъ онъ,—тревожишься потому, что для тебя путешествіе—дѣло непривычное, а поѣздила бы ты, какъ я, по бѣлу свѣту, такъ и не задумалась бы нисколько, а я-то засидѣлся въ Собакинѣ, словно Илья Муромецъ, пора и провѣтриться.

Наконецъ все было готово, и тронулись въ путь. Проѣхали село, мостъ черезъ Чамбулъ и остановились у церкви, около которой стоялъ о. Александръ съ крестомъ и святой водой. Марѳа Михайловна и дѣвушки прослезились, съ умиленіемъ прикладываясь къ св. Распятію, и пѣшкомъ поднялись на крутую гору. Марѳинька, садясь въ колымагу, еще разъ обернулась и, долгимъ взоромъ окинувъ родное гнѣздо, которое было ей столь дорого, горько заплакала.

— Прощай, мое Собакино,—сказала она,—родныя поля и долины, не узрятъ васъ больше мои очи!

— Полно, дитятко,—успокоивала ее мать,—что за мысли такія? Пріѣдемъ всѣ живы и здоровы, дастъ Господь, и сыграемъ мы свадьбу всѣмъ на славу!

— Ну, довольно, — заворчалъ Василій Степановичъ, — вамъ, бабью, только и сидѣть въ теремахъ да ленъ прясть, пора и въ путь.

Тронулись и скоро въѣхали въ вѣковой чудный лѣсъ, столь памятный Василію Степановичу.

Наконецъ-то дѣвушки попали въ то заколдованное царство, которое имъ казалось столь сказочнымъ міромъ, и которое столько уже лѣтъ было такъ близко и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далеко отъ нихъ. И дѣйствительно хорошо тамъ было! Попадались цѣлыя поляны, какъ бы засѣянныя незабудками... Марѳинька забыла свои слезы и вмѣстѣ съ сестрами то и дѣло соскакивала съ колымаги и приносила матери цѣлые пучки бирюзовыхъ цвѣточковъ.

Чудно и прохладно было ѣхать, пока не попали на пыльную столбовою дорогу. Изъ Собакина до Кайбулы—верстъ 65; къ вечеру пріѣхали на ночлегъ, а на другой день въ полдень въѣхали въ поселокъ, и двинулись подъ гору, гдѣ на пристани ждалъ ихъ баркасъ, на которой они сѣли, и пустились въ долгій и въ то время небезопасный путь. Хорошо было ѣхать по широкой матушкѣ Волгѣ; почти цѣлый мѣсяцъ плыли они до Твери. Причаливали, гдѣ хотѣлось, варили уху янтарную изъ пойманныхъ тутъ же стерлядей, гуляли по берегу; часто въ прозрачную майскую ночь, когда небо сіяло звѣздами, на баркасѣ Алеша запѣвалъ своимъ звонкимъ теноромъ, дѣвушки и слуги вторили, и далеко въ прозрачную даль неслась пѣснь удалая... Приходилось не разъ встрѣчать лодки съ недобрыми людьми, но у Василія Степановича было много слугъ, притомъ хорошо вооруженныхъ, и на баркасѣ были двѣ маленькія пищали, а потому напасть на нихъ никто не рѣшался. Особенно около Казани много было татаръ, которые цѣлыми шайками показывались на берегахъ, но люди на баркасѣ дружно брались за весла и быстро плыли впередъ. Доѣхали такимъ образомъ до Нижняго Новгорода; здѣсь Василій Степановичъ рѣшилъ отдохнуть. У него въ Нижнемъ былъ родственникъ его первой жены, бояринъ Басмановъ, который гостепріимно встрѣтилъ своихъ родичей, и они у него пробыли нѣсколько дней. Дѣвушки и даже сама Марѳа Михайловна были въ восторгѣ отъ всего видѣннаго: гуляли въ Кремлѣ, любовались широкой Окой, усердно молились чудотворной иконѣ Божіей Матери въ монастырѣ, куда ходили пѣшкомъ на богомолье, и опять собрались въ путь. Вотъ наконецъ добрались путешественники и до Твери, и, оставивъ тутъ свой баркасъ, женщины сѣли въ колымаги, а мужчины на коней и поѣхали дальше. Долго ѣхали они долами, лѣсами дремучими, часто приходилось ночевать въ лѣсу, но было такъ тепло и хорошо, такъ легко дышалось лѣснымъ пахучимъ воздухомъ. Для Марѳы Михайловны и дочерей ставились татарскія войлочныя кочевки, постилались ковры, сѣнники со свѣжимъ ароматнымъ сѣномъ, и спалось чудно, а чуть солнышко, словно шаръ огненный, покажется на востокѣ, и птички проснутся, наши путешественники ужъ на ногахъ, помолятся, закусятъ и опять дальше. Наконецъ стали они приближаться къ Новгороду; на одномъ привалѣ Марѳинька и Алеша сѣли въ прохладѣ около родника. Они молчали, но молчаніе это было краснорѣчивѣе словъ: онъ глядѣлъ на нее жгучимъ взглядомъ, и она ему казалась неземной красоты. Любовь его росла съ каждымъ днемъ, и пылкое сердце юноши всецѣло отдалось этой чистой, но и безпредѣльной страсти... Марѳинька, вся зардѣвшись отъ этого страстнаго взгляда, опустила свои очи; ей тоже безпредѣльно былъ милъ ея красавецъ Алеша, и ни на кого въ мірѣ не промѣняла бы она своего

ненагляднаго друга... Ей думалось, какъ счастлива будетъ она, когда вернется въ родное и дорогое Собакино, гдѣ старецъ, о. Александръ, соединитъ ихъ на всю жизнь въ томъ храмѣ, гдѣ она привыкла возносить молитвы ко Всевышнему, и никогда больше не разстанется она со своимъ Алешей, и день и ночь вмѣстѣ... И при этой мысли лицо Мареиньки покрылось такимъ румянцемъ, что Алеша посмотрѣлъ на нее удивленно, но въ эту минуту какъ будто изъ земли выросла предъ ними старая цыганка...

— Боярышня, — сказала она,—покажи бѣлую ручку, я тебѣ поворожу...

Алеша улыбнулся.

— Ничего не наворожишь, старуха, и новаго не скажешь, мы сами знаемъ, что должно быть съ нами.

Но Мареинька съ любопытствомъ протянула ей руку, и цыганка, осмотрѣвъ ее пристально, вдругъ пала къ ногамъ дѣвушки.

— Что ты дѣлаешь?—смущенно спросила та.

— Кланяюсь русской царицѣ,—отвѣтствовала цыганка.

Мареинька весело захохотала.

— Я—царица?!.. да Богъ съ тобой!..

Алеша тоже засмѣялся, взялъ ея другую руку и, крѣпко сжавъ, сказалъ:

— Правда твоя, старуха, царица она и теперь сердца моего, души и всей жизни моей...

— Жизни твоей!—сказала цыганка, покачавъ головой:—а знаешь ли ты, сколько продлится она, жизнь твоя?—и, грустно взглянувъ на ихъ обоихъ, продолжала:—бѣдные, жаль мнѣ васъ, но не та будетъ судьба ваша, что̀ ждете вы. Ты, дѣвица-красавица, будешь, какъ я сказала, царицей, и не любъ будетъ тебѣ твой царь. Злой недругъ у тебя будетъ, погубитъ онъ васъ, бѣдняжекъ, разлучитъ тебя съ твоимъ милымъ, и горючія слезы прольешь ты изъ ясныхъ очей твоихъ... А еще предваряю тебя, берегись черноокой красавицы и питья сладкаго... Ты же, молодецъ, мужайся, много горя и страданій ты претерпишь и вспомнишь цыганку, когда будешь пить воду студеную...

Не успѣли молодые люди опомниться, какъ она исчезла за кустами, не дождавшись даже вознагражденія. Бѣдняжка Мареинька! Зловѣщія слова цыганки навели на нее ужасный испугъ, она вся дрожала и плакала, говоря, что чуетъ близкое несчастье и разлуку съ Алешей; онъ самъ встревожился, но успокоивалъ ее, говоря:

— Все, что вѣдьма старая наворожила,—пустякъ, ибо можетъ ли Мареинька быть царицей русской? Ничего вѣдь подобнаго случиться не можетъ, и потому нужно только смѣяться и не вѣрить этимъ пустымъ словамъ.

Василій Степановичъ приказалъ отыскать немедленно цыганку, но лѣсъ былъ великъ, а она знала его, должно быть, хорошо, ибо ее не могли найти. Мароа Михайловна была сильно озабочена, но молчала о своей сердечной тревогѣ, ибо знала, что мужъ ее осмѣетъ и даже разбранитъ, да и не хотѣла она еще больше растревожить дочь. Но вотъ наши путешественники вопреки всякихъ тревогъ ужъ близко отъ Новгорода.

Роднымъ Василія Степановича было извѣстно черезъ посланнаго наканунѣ гонца, что онъ уже въ верстахъ 15 находится, и всѣ выѣхали встрѣчать дорогихъ гостей. Восемнадцать лѣтъ не видались братья, слезно встрѣтились они, радостно обнимались и лобызались: вѣдь, всегда жили въ мирѣ и согласіи, раздѣлились по-божьему, безъ ссоръ и зависти, люди были праведные—по чести жили, не сотворяли себѣ кумира въ одномъ мамонѣ и не обижали ни близкаго ни чужого. Всѣ любовались на дѣвушекъ, а особенно были поражены красотою Мароиньки; Алешу приняли ласково, какъ будущаго племянника.

III.

Именитые и торговые люди Собакины были въ большомъ почетѣ въ Новгородѣ Великомъ. Всѣмъ было извѣстно, что везутъ къ нимъ красавицу-племянницу и удалого молодца, жениха, на показъ, и многіе около города вышли поглядѣть на нихъ.

Дѣвушкамъ было весело смотрѣть на новыхъ родственниковъ и на родину батюшки родимаго. Мароинька даже забыла лихое предсказаніе цыганки и высунула свою головку изъ колымаги, чтобы лучше смотрѣть на все окружающее ее столь новое, необычайное.

Она была прелестна: золотые кудри выбились изъ-подъ платочка бирюзоваго цвѣта, глаза горѣли, и улыбка озаряла ея личико. Въ эту минуту поравнялись съ ними два всадника, окруженные многочисленной стражей; одинъ изъ нихъ красивый, темнорусый мужчина, довольно просто одѣтый, ловко сидѣлъ и управлялъ чуднымъ бѣлоснѣжнымъ конемъ. На поклонъ Собакиныхъ онъ привѣтливо отвѣтилъ. На второмъ былъ роскошный парчевой кафтанъ, вышитый самоцвѣтными камнями; несмотря на молодость,—онъ былъ почти что юноша,—видъ его былъ величественный, и красивая наружность и ласковый видъ производили самое пріятное и даже чарующее впечатлѣніе. Поровнявшись съ колымагой и увидѣвъ головку Мароиньки, онъ пріостановился, какъ бы пораженный ея видомъ, и съ восхищеніемъ посмотрѣлъ на нее.

Когда же они отъѣхали, Василій Степановичъ спросилъ у брата, кто—эти бояре, и тотъ почти шопотомъ, какъ бы боясь чего-то, отвѣтилъ:

— Князь Грязновъ-Ростовскій, любимецъ царя Іоанна Васильевича, родичъ нашего воеводы, и молодой бояринъ Борисъ Өедоровичъ Годуновъ, зять Малюты Скуратова, начальника царской опричины.

— Что они здѣсь дѣлаютъ?

— Молва идетъ, что невѣстъ вербуютъ для царя Іоанна Васильевича.

Василій Степановичъ вздрогнулъ и переглянулся съ Алешей, который поблѣднѣлъ, но оба смолчали; наконецъ подъѣхали къ жилищу старшаго Собакина. Это были настоящіе хоромы съ разными башнями, ходами, крыльцами и крылечками; все строеніе было украшено, словно кружевомъ, вычурной рѣзьбой. У главнаго крыльца стояла мать Василія Степановича съ образомъ, окруженная невѣстками, дочерьми и внучатами. Встрѣча матери и сына была трогательная. Тихая и безмятежная жизнь Василія Степановича его сохранила: онъ мало постарѣлъ и въ 46 лѣтъ еще былъ очень красивъ и моложавъ, и старуха не могла налюбоваться на своего дорогого сына. Вошли въ горницу и повели своихъ новыхъ родственниковъ въ обширные терема, роскошно и красиво убранные. Тамъ помѣстили Марөу Михайловну съ дочерьми и ихъ многочисленныхъ мамокъ и нянекъ,—мѣста хватило на всѣхъ. Начались разговоры. У Марөы Михайловны и ея золовокъ было много о чемъ поговорить; дѣвушки тоже познакомились и видимо понравились другъ другу: онѣ весело смѣялись и болтали. Одна только изъ дочерей Григорія Степановича какъ-то недружелюбно отнеслась къ Марөинькѣ. Ей было уже подъ 35 лѣтъ, и она была весьма некрасива: все лицо у нея было изрыто оспой, словно рѣшето, и на одномъ глазѣ было бѣльмо, а въ довершеніе всего она была кривобока. Молодежь новгородская ея не жаловала и прозвала «бабой-ягой, костяной ногой». Сестеръ она ненавидѣла: двѣ изъ нихъ, много моложе ея, были уже замужемъ и успѣли обзавестись дѣтьми, а она все въ дѣвкахъ сидитъ, и ни разу не приходила къ ней сваха. Разъ, однако, былъ у нея женихъ, но сватовство это кончилось печально. Былъ въ Новгородѣ нѣкто Иванъ, по прозвищу «Безродный», найденышъ, такъ малый—дрянцо безъ рода и племени, не было у него ни алтына денегъ, и какъ выросъ онъ, Богъ вѣдаетъ; былъ онъ не то прихлебатель, не то шутъ: потѣшалъ молодыхъ боярскихъ сыновей, которые его за это кормили, награждали старой съ плеча одеждой, порой деньжонками, а не разъ и колотушками. Ванька все сносилъ, душа у него была подленькая, надо же было жить какъ нибудь, ничего не дѣлая. Однажды собралось нѣсколько боярскихъ сыновей на площади, а тутъ же случился и Ванька, и вздумалъ одинъ изъ нихъ, большой повѣса Кикинъ, потѣшиться надъ нимъ:

— Слушай, Ванька,—говоритъ онъ:—пора тебѣ жениться, а то ты шатаешься безъ угла и кола, словно нищій, а, можетъ быть, ты и боярскаго рода. Вотъ, посмотри, невѣста прямехонько на тебя изъ окна терема глядитъ.

— Это баба-яга-то?—оскалилъ зубы Ванька:—да она не захочетъ и поглядѣть на меня, я-то—шутъ гороховый, безродный, а она—именитая да богатая, хотя и рожа, словно борона проѣхала по ней.

— Ручаюсь, что выйдетъ за тебя,—отвѣтилъ Кикинъ:—кромѣ тебя, не посватается за нее никто, хотя и богатая она, а ты вотъ что, поди сейчасъ, не робѣй и посватайся, а я тебѣ кафтанъ подарю.

— Ладно,—сказалъ Ванька, и тутъ же на глазахъ всѣхъ взобрался на крыльцо Собакина и постучался.

Григорій Степановичъ весьма былъ удивленъ, когда ему доложили, что Ванька Безродный желаетъ его видѣть, но раздумавши, что, можетъ статься, его кто либо прислалъ съ порученіемъ, принялъ. Онъ сильно Ваньку презиралъ, не потому, однако, что онъ былъ бѣденъ и безъ роду и племени, а потому, что не терпѣлъ подобныхъ подлипалъ безъ совѣсти и чести.

— Что тебѣ нужно?—сурово спросилъ онъ его:—мнѣ некогда говорить съ тобой.

— Я не говорить пришелъ,—нагло отвѣтилъ Ванька,—а челомъ бить предъ тобой, просить отдать за меня дочь твою Алену Григорьевну.

Григорій Степановичъ сначала остобенѣлъ, но, вдругъ сообразивъ всю наглость Ванькиныхъ словъ, наградилъ его вмѣсто отвѣта такой оплеухой, что у него искры посыпались изъ глазъ.

— Ахъ, ты, песъ нечестивый!—сказалъ онъ:—шутъ позорный, какъ ты смѣешь?

— Если я песъ, такъ мнѣ и подобаетъ жениться на Собакиной дочери,—дерзко отвѣтилъ взбѣшенный Ванька.

Когда Григорій Степановичъ услышалъ эти слова, гнѣву его не стало предѣла. Онъ схватилъ наглеца за шиворотъ и тяжелымъ посохомъ наградилъ его такой потасовкой, какой Ванька въ жизни никогда не видалъ, и собственноручно выбросилъ его на крыльцо, съ котораго тотъ скатился кубаремъ. Собравшіеся на площади пришли въ восторгъ, увидѣвъ Ваньку, который шаромъ катился по ступенькамъ, изодранный и съ огромнымъ синякомъ на глазѣ.

— Эхъ, дуракъ,—сказалъ Кикинъ, который до слезъ хохоталъ:—не такъ приступилъ ты къ сватовству: тебѣ бы съ самой бабой-ягой объясниться, и она ни за что не отказала бы тебѣ, убѣжала бы съ тобой, ненагляднымъ дружкомъ.

Ванька погрозилъ всѣмъ кулакомъ и, громко ругаясь, убѣжалъ, давая себѣ въ своемъ подленькомъ сердцѣ клятву отмстить Собакину и всѣмъ вообще.

IV.

Послѣ отлично проведенной ночи на мягкихъ пуховикахъ въ просторныхъ хоромахъ, наши путешественники чувствовали себя прекрасно. День былъ воскресный, и всѣ, конечно, отправились къ обѣднѣ въ соборъ. Народу собралось много, было тѣсно, и, входя въ храмъ, Мароинька, которая смиренно шла съ сестрами, какъ-то локтемъ задѣла шедшую впереди молодую дѣвушку въ пышномъ нарядѣ боярышни; та обернулась, и ея чудные черные глаза сердито сверкнули на смущенную дѣвушку; какъ будто что-то зловѣщее проникло въ сердце Мароиньки, ее обдало какимъ-то могильнымъ холодомъ, и она покачнулась. «Что съ тобой, дѣвочка?— ласково спросила ее тетка:—али уморилась съ дороги, занедужилось что ли?»—но дѣвушка оправилась, и хотя красавица стояла недалеко отъ Собакиныхъ, Мароинька предалась молитвѣ столь горячей, что забыла о всѣхъ предстоящихъ людяхъ, и, вернувшись домой, даже забыла о незнакомкѣ. Радостно было братьямъ свидѣться послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, много было о чемъ повѣдать другъ другу: не прошло еще года, какъ надъ ихъ дорогимъ Великимъ Новгородомъ разразилась ужасная гроза, оставляя за собой погибель и разрушеніе, и братья съ горестью говорили о томъ, перечисляя близкихъ и знакомыхъ, которые погибли жертвами царской злобы.

— Какимъ чудеснымъ образомъ остался ты съ семействомъ цѣлъ и невредимъ межъ столь великихъ бѣдствій? — спросилъ Василій Степановичъ брата.

— Милостію Божіей ради твоей покойной Милуши, видно, она за насъ молилась,— изъ-за того, что мы чрезъ нее родичи Басманова,—отвѣтилъ Григорій Степановичъ.—Гонца тайно прислалъ онъ мнѣ, приказалъ удалить семейство изъ Новгорода, и я дорогую нашу старицу-матушку со всей семьей увезъ недѣли за три до погрома въ Тихвинскую обитель, коей игуменья—тетка жены, и тамъ оставались мы до конца. Мой домъ остался цѣлъ волею Басманова; съ тѣхъ поръ прошелъ почти годъ; все въ мірѣ забывается,—дурное, какъ и хорошее; вернулись люди на пепелище, стали строить новые дома, на площади стало все, какъ было раньше: торгуются, ссорятся, продаютъ, покупаютъ. Волховъ попрежнему величественно течетъ, и его когда-то окровавленныя воды ушли въ далекое невидимое море. Торговые иноземные люди стали вновь появляться; изъ тѣхъ, кто остался живъ, многіе всего лишились, богатые именитые люди стали нищими.

— Ну, а эти бояре, коихъ мы встрѣтили,—спросилъ Василій Степановичъ: — ты молвилъ, они пріѣхали вербовать невѣстъ царскихъ, развѣ царь Іоаннъ Васильевичъ вздумалъ жениться?

— Отдалъ приказъ воеводѣ собирать ему невѣстъ,—отвѣтилъ

ему братъ:—и нужно молить Бога, чтобы Онъ ему далъ подобнаго ангела, какъ была Анастасія Романовна, которая усмиряла его лютость. Изъ всей матушки Россіи понабрали, сказываютъ, до 1.500 дѣвицъ:—у насъ здѣсь въ Новгородѣ выбрали ихъ около 30-ти, и красивѣе всѣхъ, почитай, будетъ новгородская наша княжна Евдокія Борисовна Сицкая. Волосы, какъ смоль, черные, очи горятъ, словно пылающіе угли, статна и горда, словно она уже царица московская, но молва о ней идетъ, что злобна она и сердита, не лучше черкасской княжны.

Пока братья бесѣдовали, на половинѣ жены Григорія Степановича шли веселыя рѣчи. Окна теремовъ выходили на площадь, Мареинька съ сестрами и новыми родными стояла у открытаго окна и любовалась зрѣлищемъ, которое представлялось ея глазамъ. День былъ праздничный, и площадь была переполнена народомъ. Тутъ сновало взадъ и впередъ безконечное множество людей: проѣзжали верхомъ бояре въ богато расшитыхъ кафтанахъ, сопровождаемые слугами, стояли пѣшіе кучками и смотрѣли на проходящихъ всякаго рода и званія. Кого только тутъ не было: скоморохи, шуты, цыганы съ медвѣдями, нищіе, которые причитывали и кривлялись. Вотъ выступаетъ важно и плавно дородная боярыня въ тѣлогрѣѣ и высокой кикѣ, а около нея идетъ стройная боярышня, которая украдкой заглядывается на молодыхъ ребятъ, боярскихъ сыновей; были тутъ и торговые иноземные люди, одѣяніе коихъ привело Мареу Михайловну въ негодованіе; ноги ихъ, плотно обтянутыя въ чулки разноцвѣтные, ее возмущали, и она даже запретила было дочерямъ смотрѣть на этихъ «безстыдниковъ», какъ она выражалась, но когда Мареинька, смѣясь, ей сказала, что не разъ слыхала отъ отца, что и онъ такъ одѣвался, когда бывалъ въ иноземныхъ странахъ, то она даже разсердилась, говоря, что не повѣритъ, чтобы отецъ ея былъ такимъ «срамникомъ».

— И въ правду былъ,—перебилъ ея слова вошедшій въ эту минуту, вмѣстѣ съ братомъ, ея мужъ:—былъ такимъ срамникомъ, женушка, а 25 лѣтъ тому назадъ эти самые чулки (трико, называютъ ихъ тамъ), которые обтягиваютъ такъ плотно ноги этихъ иностранцевъ и столь тебя смущаютъ, были еще длиннѣе, чуть не до самаго пояса, поди, тоже и башмаки теперь круглые, а тогда словно лодки были, все это было и у меня, полагаю, еще и теперь сохраняется въ Собакинѣ гдѣ-то.

— Посмотри-ка, братъ, — перебилъ его Г. С., — вотъ князь Грязновъ-Ростовскій и съ нимъ молодой Годуновъ, какой онъ красивый юноша, и хотя любимецъ царя, а лютости въ немъ нѣтъ и держится далеко отъ опричины и своего свирѣпаго свекра, Малюты Скуратова.

Какъ будто какой магнитъ притянулъ взоръ Годунова къ Мареинькѣ: онъ поднялъ голову и, увидавъ ее, остановился и въ

упоръ посмотрѣлъ на нее; въ глазахъ его выражалось такое восхищеніе, что всѣ стоящіе у окна замѣтили это, и когда Годуновъ снялъ шапку и низко поклонился, Алена злобно усмѣхнулась.

— Видно, сестрица Мароинька приглянулась боярину Годунову, — сказала она, — не хочетъ ли онъ ее вербовать въ царскія невѣсты?

— Молчи, ехидна!—прикрикнулъ на нее отецъ:—языкъ-то у тебя змѣиный. Не смущайся, дѣвочка, — ласково добавилъ онъ, увидавъ, какъ у Мароиньки брызнули слезы изъ очей,—и ты, Алеша, тоже успокойся: невѣстъ на смотрины царю выбрано великое множество, всѣ красавицы, знатныя, а мы, люди скромные, не ищемъ величія. И я вотъ что совѣтую, братецъ и сестрица, нечего медлить, ожидать возвращенія въ Собакино, повѣнчаемъ-ка ихъ, да поскорѣе, на этихъ дняхъ, и зададимъ мы пиръ горой,— продолжалъ онъ, весело потрепавъ Алешу по плечу.

Его слова успокоили всѣхъ. Было рѣшено сыграть свадьбу въ среду, и всѣ, весело бесѣдуя, собрались къ обѣденному столу.

V.

У новгородскаго воеводы сидѣли князь Грязновъ-Ростовскій и бояринъ Борисъ Өедоровичъ Годуновъ, пили они медъ студеный и держали рѣчи горячія, причиной же ихъ рѣчей была Мароинька.

— Оставь ее, — говорилъ Годуновъ,—не разбивай ея счастія, пусть Сицкая приглянется царю, забудь о Мароѣ Собакиной.

Князь усмѣхнулся.

— Вѣрно,—сказалъ онъ,—княжна Сицкая и знатна и красива, но нравъ ея лютый. Мароа же Собакина, какъ ангелъ златовласый, недостаетъ ей сіянія. Сегодня въ храмѣ глядѣлъ я на нее и на ту мрачную красавицу. Пусть эта чистая и непорочная душа будетъ царицей, она озаритъ мракъ, окружающій царя, я его знаю, и вспомни слова мои, Иванъ Васильевичъ страстно полюбитъ Собакину; однако дивлюсь я, что ты такъ ратуешь за нее: или она твое сердце покорила.

— Полно, князь,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, зардѣвшись,— я человѣкъ женатый, и не статное дѣло мнѣ влюбляться, языкъ-то у тебя безъ костей.

— Ну, а ты, воевода, что скажешь? — продолжалъ Грязновъ, смѣясь.

— Воля твоя, — отвѣтилъ тотъ, отдуваясь. Обладая тучнымъ сложеніемъ, воевода былъ красный, какъ ракъ, и обливался обильнымъ потомъ отъ жары и отъ безконечныхъ яствъ и питій, имъ поглощенныхъ.

— Нужно жениха сократить,—продолжалъ князь, и въ глазахъ его сверкнуло что-то зловѣщее.—Соковнинъ долженъ исчезнуть безслѣдно, царь не доженъ о немъ знать. Слушай, воевода, не спи,—сердито стукнулъ онъ по столу,—не хлопай, какъ сова, глазами, а внимай моимъ приказаніямъ. Сегодня воскресенье, а во вторникъ ты явишься къ Собакинымъ со стражей и объявишь имъ о выборѣ Мареы Васильевны въ невѣсты царскія, и вслѣдъ за этимъ по царскому повелѣнію завербуешь Соковнина въ стражники и немедленно заберешь его, не давъ опомниться, а потомъ дѣло твое, чтобы и слѣдъ его пропалъ. Что задумался?—обратился онъ къ Годунову:—что пригорюнилси, али жаль молодчика?

— Жаль и въ правду,—отвѣтилъ Годуновъ и съ горечью продолжалъ:—прощай, не охота зрѣть мнѣ, что ты задумалъ дѣлать. Завтра же отправлюсь въ слободу,—и онъ удалился.

Грязновъ насмѣшливымъ взглядомъ проводилъ его.

— Молодъ еще малый,—молвилъ онъ,—сердце не огрубѣло; поживетъ—увидитъ, что жалости нѣтъ мѣста у насъ.

Видя, что воевода уже заснулъ и храпитъ, онъ махнулъ рукой и ушелъ.

У Собакиныхъ всѣ успокоились отъ тревоги, вызванной злыми словами Алены, и готовились къ свадьбѣ Мареиньки и Алеши. Молва прошла, что князь Грязновъ-Ростовскій и Годуновъ уѣхали, а потому, когда грянулъ громъ, и на нихъ обрушилась гроза, они ею были еще больше ошеломлены. Во вторникъ, наканунѣ свадьбы, когда вся семья собралась за обѣденнымъ столомъ, вбѣжалъ слуга и объявилъ, что царскіе посланцы пріѣхали и требуютъ самого хозяина, Григорья Степановича Собакина. Вѣсть эта всѣхъ поразила; блѣдные, встревоженные, всѣ встали, и Григорій Степановичъ бросился навстрѣчу гостямъ непрошеннымъ. Князь Грязновъ-Ростовскій и воевода новгородскій вошли, сопровождаемые стражей. Торжественно выступивъ впередъ, воевода объявилъ:

— Именитые люди и хозяинъ дома сего, властью, данной намъ великимъ государемъ нашимъ, Іоанномъ Васильевичемъ, объявляю, что Мареа Васильевна Собакина выбрана нами царской невѣстой, и мы повелѣваемъ ей отправиться вмѣстѣ съ семействомъ въ слободу Александровскую, гдѣ она будетъ помѣщена въ теремѣ въ ожиданіи предстать предъ свѣтлыми очами царя.

Онъ смолкъ и окинулъ присутствующихъ торжествующимъ взглядомъ. Блѣдный, взволнованный Григорій Степановичъ вымолвилъ:

— Князь и бояринъ, честь и слава дому нашему такъ велика, что словъ не имѣю молвить о нашей радости. Челомъ бьемъ мы съ братомъ предъ великимъ государемъ нашимъ и царемъ и просимъ васъ не отказать выпить чашу заздравную за его царское величіе.

Василій Степановичъ приблизился къ брату и вмѣстѣ съ нимъ молча поклонился въ поясъ.

— Когда будетъ приказъ Мареѣ Васильевнѣ собраться въ путь?—продолжалъ Григорій Степановичъ.

Воевода хотѣлъ отвѣтить, но его перебилъ Собакинъ.

— Князь, дозволь Мареѣ Васильевнѣ и ея роднымъ побыть еще нѣсколько дней въ Новгородѣ, изъ дальнихъ странъ изъ-за Волги прибыли они только что къ намъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Грязновъ,—пусть будетъ по-твоему, и твои родные погостятъ у тебя недѣлю другую, но съ сего дня стража будетъ охранять царскую невѣсту.

Тѣмъ временемъ слуги засуетились и принесли на подносахъ жбаны чеканные съ медомъ сладкимъ и винами заморскими, и жена и старшая дочь Григорія Степановича поднесли ихъ гостямъ. Мареинька сначала была, какъ ошеломленная, однако вскорѣ опомнилась и взглянула на Грязнова, — взоры ихъ повстрѣчались, и столько скорби было въ ея взорѣ, что онъ не могъ его выдержать и отвернулся, и въ это мгновенье глазамъ его представился какъ разъ стоящій около Мареиньки Алеша, который былъ сраженъ и стоялъ едва живой: голова его закружилась, туманъ застлалъ очи, и онъ хорошенько не соображалъ, сонъ ли это, или ужасная истина.

— Кто сей молодецъ?—сказалъ князь, указывая на него, какъ будто впервые его увидѣлъ.—Родичъ твой?—обратился онъ къ Василію Степановичу...

— Родичъ жены,—отвѣтилъ тотъ дрожащимъ голосомъ,—боярскій сынъ Алексѣй Соковнинъ.

— Какъ полагаешь, воевода?—сказалъ князь:—не постыдно ли, что такой молодецъ живетъ въ вотчинѣ да псовъ отцовскихъ гоняетъ, а не царскую службу несетъ? Завербуемъ мы его, и выйдетъ изъ него стрѣлецъ исправный. Прощайся съ родичами и слѣдуй за нами,—продолжалъ онъ,—сегодня же, черезъ часъ мы отправляемся въ Москву и ты съ нами. Бекетовъ, — обратился онъ къ одному изъ стражниковъ, великану съ суровымъ и угрюмымъ лицомъ,—препоручаю тебѣ сего молодца.

Григорій Степановичъ, который одинъ не потерялъ голову, подошелъ къ Алешѣ, обнялъ его, шепнулъ «мужайся», а громко вымолвилъ:—Честь великая, Алеша, быть тебѣ на службѣ у самого царя, попрощайся со всѣми, и да благословитъ тебя Господь на добрый путь и на новую жизнь.

Бѣднаго юношу окружила вся семья и простилась съ нимъ. Мареа Михайловна плакала, обнимая его, а Василій Степановичъ молча облобызалъ. Алеша же былъ, какъ деревянный; ему казалось, что это не онъ самъ, а кто-то другой—чужой, съ которымъ прощаются; Григорій Михайловичъ взялъ его за руку и, когда онъ

поровнялся съ Мароинькой, шепнулъ ему: «поклонись», и онъ совершенно безсознательно поклонился. Затѣмъ передалъ его Бекетову, и царскіе посланцы, распростившись съ Собакиными, вышли изъ горницы, провожаемые братьями до самаго крыльца. Алешу посадили на коня одного изъ стражниковъ, и всѣ удалились, оставивъ послѣ себя горе безпредѣльное и неутѣшное. Въ горницѣ всѣ молчали, раздавалось лишь всхлипываніе Мароы Михайловны и ея дочерей. Мароинька же даже не плакала—горе ея было такъ велико! Ей казалось, что она только что посмотрѣла въ послѣдній разъ на дорогого ея сердцу покойника, и что его вотъ сейчасъ вынесли, чтобы зарыть въ могилу глубокую, сырую; она сидѣла неподвижно, и когда отецъ ее заключилъ въ свои объятія, прижалъ къ сердцу и прерывающимся отъ слезъ голосомъ сказалъ: «голубка моя родная, Господь послалъ тебѣ тяжкое горе, но не ропщи, знать, такъ суждено быть»,—Мароинька молча прильнула къ груди отца. Григорій Степановичъ, который вмѣстѣ съ братомъ вернулся въ горницу, проводивъ гостей, подошелъ къ невѣсткѣ:

— Не тужи, сестрица,—сказалъ онъ.—Братъ Василій правильно молвитъ—воля Божья. Все это надо было ожидать, на бѣднаго же Алешу надо положить крестъ, мы ничего не перемѣнимъ, а только себя погубимъ, а ты, Мароинька, мужайся, нужно все забыть дорогое, прошлое, свою счастливую дѣвичью жизнь: отнынѣ ты—царская невѣста.

Мароинька подняла голову.

— Не легкую задачу даешь ты мнѣ, дяденька, — сказала она, горько улыбнувшись:—въ одинъ день не истребить воспоминаній цѣлой жизни, однако правда твоя, ради родимыхъ батюшки и матушки я должна мужаться, прошлаго не вернешь.

Съ этихъ поръ она ни разу не помянула объ Алешѣ. Ласковая, привѣтливая со всѣми, она скрывала свою скорбь, не желая печалить близкихъ, но зато, когда удалялась на ночь въ горницу, которую раздѣляла съ матерью своей, и все успокоивалось вокругъ, Мароинька предавалась своему горю, и часто Мароа Михайловна просыпалась отъ ея рыданій и старалась успокоить свою дорогую, столь сильно скорбящую, дочь. Въ Новгородѣ всѣ относились съ великимъ почтеніемъ къ царской невѣстѣ и Собакинымъ, и передъ хоромами Григорія Степановича стояла стража почетная, какъ у самого воеводы.

Е. Ф. Лесли.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЖИЗНИ [1].

(Изъ записокъ судьи).

III.

Тьма.

АЛЕКО, далеко къ сѣверу тянутся Уральскія горы, и мало кто заглядываетъ туда, за Качканаръ, за Кончаковскій, Золотой и Денежкинъ Камни! А побывать тамъ стоитъ, особенно сѣвернымъ, короткимъ, но теплымъ и какимъ-то грустнымъ лѣтомъ, въ половинѣ и концѣ іюня. Тысячи цвѣтовъ нѣжныхъ и блѣдныхъ оттѣнковъ, съ тончайшимъ, едва замѣтнымъ, но рѣдкостнымъ ароматомъ разсыпаны по безконечнымъ лѣсамъ и отрогамъ горъ; душистая земляника по ложбинамъ, доступнымъ солнечнымъ лучамъ, и морошка съ княженикою по мшистымъ болотамъ растутъ въ изобиліи, а свѣтлыя рѣки—порожистая, извилистая Ляля, широкій многоводный Шелультанъ и холодная Лаксія, быстро несущая свои чистыя воды съ самого Денежкина Камня,—изобилуютъ вкусными харьюзами, муксуномъ и нельмою. За ними, далѣе къ сѣверу, разстилаются громадныя глубокія озера съ кристально чистою водой, а еще дальше текутъ съ Ледовитому океану Сосьва, Лозьва и Ивдель.

По берегамъ этихъ рѣкъ и озеръ раскинуты рощи стройныхъ,

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CV, стр. 110.

въ небесную высь уходящихъ, лиственницъ и темные гулко-шумящіе кедровники... Поднимешься на гору и видишь, какъ передъ тобою на необозримыя пространства разстилается безконечное зеленое море, и лишь блики то свѣтлые, то темные отъ солнечныхъ лучей и различныхъ древесныхъ породъ придаютъ разные оттѣнки этому одноцвѣтному морю. И сливается это море съ блѣднымъ, печальнымъ, сѣвернымъ небомъ, гдѣ-то въ неясной туманной дали, а съ боку, точно цѣпь заснувшихъ облаковъ, тянется по небу Уральская гряда... Много птицы и звѣря, что не боится человѣка, живетъ въ этомъ зеленомъ морѣ, но оно такъ велико, такъ безконечно, что ждешь и по цѣлымъ часамъ не видишь ни птицы, не слышишь ни звука, точно замеръ лѣсъ очарованнымъ. И тамъ, среди этой своеобразной красоты, почти нѣтъ жилья человѣческаго... На цѣлые десятки верстъ другъ отъ друга раскинуты по берегамъ рѣкъ и озеръ деревни, состоящія изъ нѣсколькихъ дворовъ, а селъ и того меньше!

Едва ли на Ивделѣ, куда кочующіе вогулы пріѣзжаютъ на оленяхъ и привозятъ соболей и пушнину, стоитъ не послѣдняя церковь вплоть до Студенаго моря! Но въ зеленой чащѣ, по берегамъ многочисленныхъ быстрыхъ и шумныхъ ручьевъ и горныхъ рѣченокъ, тамъ и сямъ разбросаны на громадномъ пространствѣ золотые и платиновые пріиски, съ непроѣзжими къ нимъ дорогами и не круглый годъ проходимыми тропами. Тамъ, на тѣхъ пріискахъ, не спрашиваютъ, какого ты роду, племени, не пристаютъ съ докучными требованіями паспорта, а приходи, бери кайлу и ковшъ для промывки и отправляйся «стараться», и плата тебѣ будетъ положена высокая, безобидная; да что-то мало кто изъ старателей долго тамъ уживается, въ этой непроглядной глуши, а денегъ уноситъ съ собой и того меньше!..

Есть въ лѣсахъ тѣхъ и пустынники, которые душу спасаютъ свою и за міръ, что̀ во злѣ лежитъ, молятся Пречистому. Узкая, едва примѣтная, извѣстная двумъ, тремъ лицамъ, усерднымъ почитателямъ пустынника, стёжка (тропинка) вьется сквозь лѣсную чащу и ведетъ въ жилье пустынника. А стоитъ это жилье подъ вѣковыми раскидистыми кедрами, такими густыми и многовѣтвистыми, что защищаютъ они, точно раскрытымъ громаднымъ зонтомъ, маленькую, убогую, едва надъ поляной возвышающуюся землянку и отъ дождя осенняго неугомоннаго, и отъ снѣга зимняго сыпучаго... Обложена землянка дерномъ, поросла кое-гдѣ молодыми побѣгами черемухи, и лишь крохотное оконце, закладываемое въ зимнюю стужу чурбашкомъ, да тряпочкой, пропускаетъ въ нее слабый лучъ свѣта Божьяго. Возлѣ землянки, изъ-подъ корня одинокой, какъ чудомъ, сюда занесенной, плакучей березы бьетъ неумолчно ключъ чистой и сладкой воды; бьетъ онъ зимою и лѣтомъ и никогда въ самые сильные морозы не замерзаетъ...

При приближеніи къ землянкѣ пустынника, тонкій слухъ его слышитъ чужіе шаги, и онъ покидаетъ свое жилье и удаляется въ лѣсъ, а въ землянкѣ оставлена настежь открытою маленькая дверца, въ которую иначе и войти нельзя, какъ согнувшись въ три-погибели. Едва встать и повернуться можно въ землянкѣ. Въ углу мѣдный восьмиконечный крестъ съ прилѣпленной къ нему обожженной тоненькой свѣчечкой желтаго воска да маленькая закоптѣлая иконка; подъ ними — отрубокъ дерева со старой, въ кожаномъ переплетѣ, отеческой псалтирью, а передъ обрубкомъ на утрамбованномъ земляномъ полу ясно видны двѣ глубокія впадины отъ долгаго стоянія на колѣнахъ; въ другомъ углу небольшая, самодѣльная, вся растрескавшаяся и закопченная печь, а отъ нея вдоль задней стѣны тянется лавочка, покрытая старымъ изсохшимъ мохомъ, образующимъ постель пустынника. Въ горнушкѣ печи завернута въ дежникѣ краюшечка чернаго хлѣба, на печкѣ лежатъ какія-то ягоды и съѣдобные коренья, а по стѣнамъ развѣшаны связанныя въ пучки пахучія травы. Сыро въ землянкѣ, хоть и іюнь въ концѣ,—значитъ, лѣто въ самомъ разгарѣ; медленно просачивается вода съ потолка и падаетъ на полъ...

Но и тѣ люди, что̀ живутъ въ тамошнихъ деревняхъ и селахъ, такіе же пустынники; такъ же они отрѣзаны отъ Божьяго міра и живутъ одиноко: ближнее почтовое отдѣленіе чуть ли не за сто верстъ, а телеграфъ и того дальше!

И живутъ тамъ люди, и многіе изъ нихъ весь вѣкъ свой изживаютъ, не видя ничего, кромѣ своей деревни да ближняго пріиска, да, пожалуй, приходскаго села.

А въ селахъ живутъ священники, когда-то учившіеся въ семинаріяхъ, и истинно подвижническое служеніе ихъ! Темная, грубая паства, громадныя разстоянія прихода, непроходимыя дороги и полное одиночество!

Вотъ въ селѣ, что̀ около озеръ стоитъ,—назовемъ его Благословенное,—давнымъ давно живетъ священникъ. Въ свободное время лѣтомъ сидитъ онъ съ удочкою у Свѣтлаго озера, а зимой ждетъ-не дождется, когда проѣдетъ кто нибудь мимо Благословеннаго.

Проѣзжаютъ же черезъ Благословенное въ годъ раза два, три судебный слѣдователь съ уѣзднымъ врачомъ, да не болѣе того становой приставъ, у котораго станъ больше любого нѣмецкаго княжества, да года въ два разъ самъ горный исправникъ.

И вотъ, когда слѣдователь съ врачомъ сидятъ во въѣзжей избѣ въ ожиданіи смѣны лошадей, отворяется дверь, и въ избу робко входитъ старичокъ-священникъ. Поздоровавшись, онъ проситъ пріѣзжихъ пожаловать къ нему, а если у нихъ нѣтъ свободнаго времени, то хоть «одинъ робберокъ» сыграть съ нимъ, пока закладываютъ лошадей, и съ виноватой улыбкой при этомъ вынимаетъ изъ кармана колоду картъ.

Слѣдователь и докторъ давно уже слышали объ этомъ старикѣ и остаются съ нимъ часа на два, на три, и доставляютъ ему это рѣдкое, рѣдкое для него развлеченіе.

На одной изъ тамошнихъ рѣкъ, поюжнѣе, на высокомъ каменистомъ берегу пріютилась деревня Кремень, состоящая изъ дворовъ двадцати.

Одинъ изъ дворовъ принадлежитъ крестьянину Ивану Сѣдыхъ.

У Сѣдыхъ двѣ лошади съ жеребенкомъ, двѣ коровы да нѣсколько овецъ и свиней. Есть у него и покосы, и небольшой кедровникъ, откуда онъ по осени собираетъ и продаетъ шишки съ орѣхами, есть небольшая запашка на росчисти, есть и огородъ съ посѣвами картофеля.

Сѣдыхъ женатъ уже года четыре на второй женѣ, которая черезъ годъ послѣ свадьбы подарила ему сына, а отъ перваго брака остался у него сынъ Никита.

Никитѣ двадцать лѣтъ; это—здоровый, высокій, плотный и сильный молодецъ съ черными глазами и русыми кудрями; съ кроткимъ и смирнымъ характеромъ и грустнымъ, сосредоточеннымъ лицомъ.

Никита на диво работникъ!

Сызмала онъ былъ охочъ до работы по дому, и въ то время, когда его сверстники, почти еще дѣти, играли на улицѣ, Никита серьезно и степенно, точно заправскій хозяинъ, копался въ огородѣ, ѣздилъ въ лѣсъ и постоянно что нибудь да работалъ во дворѣ. Если не случалось дома никакой работы, то Никита бралъ съ собою двухъ лаекъ—Валика и Охотку, хлопунецъ (маленькій кнутъ, которымъ спугиваютъ бѣлку), ружье, полкаравая хлѣба и уходилъ «лѣсовать» (охотиться); дня по два, по три пробывалъ онъ въ лѣсу и приносилъ то бѣлокъ, то жирныхъ кедровыхъ «рябковъ», то большихъ сытыхъ глухарей. Хаживалъ, случалось, Никита и на «сохатаго», и вѣчно одинъ съ неизмѣнными своими спутниками Валикомъ и Охоткою. Въ рѣкѣ, протекавшей подъ Кремнемъ, Никита и удочкой и мордами лавливалъ рыбу,—и все, что промыслитъ, несъ въ домъ и въ домъ. Сначала мачеха къ Никитѣ хорошо относилась, но, когда у нея родился свой сынъ, обидно показалось ей, что Никитѣ придется кое-что отдѣлить изъ отцовскаго имущества, а не все отдать ея родному сыну, и стала тѣснить его.

Однако Никита молчаливо и безропотно сносилъ незаслуженныя обиды и притѣсненія мачехи,—только крѣпче привязывался къ своему дому, двору, только съ большимъ усердіемъ и рвеніемъ исполнялъ онъ домашнія работы...

Кромѣ своей деревни, да лѣса, да изрѣдка села, что̀ въ сорока верстахъ было,—Никита нигдѣ не бывалъ; грамотѣ онъ не учился, по пріискамъ не работалъ и бывалыхъ людей, которые тамъ золото мыли и поразскать о многомъ кое о чемъ могли бы,—не ви-

далъ. Никита отъ всей души, простой и безхитростной, совершенно искренно думалъ, что онъ безъ своей обычной домашней работы, внѣ отцовскаго дома и двора,—ничто въ мірѣ; онъ былъ увѣренъ, что для него вся жизнь замкнута въ кругѣ домашнихъ обязанностей кремневскаго домохозяина, да и не домохозяина даже,—объ этомъ онъ еще и не помышлялъ,—а работника исправнаго и рачительнаго.

И дѣйствительно, въ отцовскомъ домѣ онъ замѣнялъ не одного, а двухъ, если не трехъ работниковъ; но Иванъ Сѣдыхъ и его молодая жена такъ сжились съ работою Никиты, такъ она казалась имъ естественной и обыкновенной, что они не цѣнили ея и глядѣли на Никиту, какъ на обыкновеннаго работника, помощника отцовскаго, котораго во всякое время и безъ ущерба для хозяйства можетъ замѣнить любой наймитъ-зырянинъ.

И задумала мачеха какъ нибудь удалить Никиту изъ дома, да такъ удалить, чтобы ничего не пришлось ему выдѣлять ни изъ двора, ни изъ скотины. И рѣшила мачеха, что лучшимъ средствомъ для этого будетъ женитьба Никиты на какой нибудь дѣвушкѣ не кремневской, и не выдержитъ та дѣвушка гнета ея мачехи и уйдетъ изъ дома свекра, да кстати и мужа съ собой уведетъ, ну, а коли дома жить со стариками не захотѣли, такъ и нѣтъ имъ ничего, такъ и міръ рѣшитъ!..

И стала мачеха подыскивать невѣсту Никитѣ. На другой сторонѣ рѣки, противъ Кремня, версты на двѣ пониже, въ тайгѣ, года два тому назадъ поселились какіе-то новоселы.

Расчистили на берегу поляну, выкорчевали пни, устроили коекакъ на зиму землянки и перезимовали.

Семей пять новоселовъ было или шесть, а пришли они откуда-то издалека, и народъ все живой былъ да вертлявый, не то, что кремневскіе исконные «сельскіе обыватели» [1]).

Плохо жилось новоселамъ! Такъ плохо и бѣдно, что ко второму лѣту только тремъ семьямъ удалось избы поставить да обгородиться, а остальные сгинули невѣдомо куда: одни померли, другіе на пріиски пошли или нанялись къ сибирякамъ въ работники, а большая часть—дѣти да женщины—побрели питаться Христовымъ именемъ.

Хотѣли было попервоначалу новоселы завести знакомство и дружбу съ кремневцами, да тѣ такъ ихъ непривѣтно приняли, что знакомство не пошло. А новоселы сильно нуждались въ кремневцахъ и не прочь были кое съ кѣмъ изъ нихъ хоть бы и покумиться. Туда-то, къ новоселамъ, мачеха Никиты и направилась за поисками для него невѣсты и нашла ее въ одномъ изъ домовъ.

---

¹) На Уралѣ и въ Сибири крестьяне называютъ себя «сельскими обывателями».

Звали невѣсту Настасьей; было ей лѣтъ восемнадцать, но она была смуглянка, глаза ея глядѣли быстро и рѣшительно, и на видъ она казалась старше.

Много на своемъ вѣку, хоть и не дологъ онъ еще былъ, видѣла Настасья. Видѣла она тихія воды Сейма, гдѣ выросла въ родимыхъ поляхъ, засѣянныхъ рожью и пшеницей: видѣла жизнь быструю, кипучую, такъ не похожую на здѣшнюю монотонную съ долгими зимами, съ суровыми морозами; видѣла дороги и желѣзныя, и шоссейныя, о которыхъ здѣсь и не слыхивали; видѣла и бывала въ городахъ и шумныхъ, и торговыхъ...

Родители Настасьи съ радостью согласились выдать дочь въ достаточный кремневскій домъ, а Настасьѣ такъ надоѣла безысходная бѣдность и жизнь въ курной землянкѣ, неуютная, голодная, что на замужество свое она смотрѣла, какъ на давно желанное избавленіе отъ страданій и горя.

Передъ масленой сыграли свадьбу. Совсѣмъ была свадьба не сибирская, не разгульная, не пьяная; скромненько съѣздили въ свое село, и, пропировавъ затѣмъ дня два, молодые принялись за работу.

Никита, сызмала не знавшій ласки (мать его умерла, когда онъ былъ еще несмышленымъ ребенкомъ), всею чисто-дѣтскою душею скоро привязался къ женѣ и мало-по-малу становился съ нею и разговорчивымъ и нѣжнымъ.

Полюбила и Настасья Никиту. Полюбила его за его любовь, за его ласки, за его молодость, мужскую мощь и богатырскую силу.

И принялась было ревностно Настасья въ новой семьѣ за работу, но скоро увидѣла, что свекровь, а за нею свекоръ, не жалуютъ ее, и ничѣмъ она имъ угодить не можетъ. Увидѣла скоро Настасья и то, какъ тѣснятъ незаслуженно и обидно ея мужа, и какъ молчитъ онъ и несетъ эту обиду безъ ропота... Видитъ Настасья работу Никиты и понимаетъ, чего она стоитъ, и какъ бы жить они могли, если бы жили они своимъ домомъ, отдѣльно отъ свекра и свекрови...

И день ото дня становится все обиднѣе и горше Настасьѣ, все чаще и чаще закипаетъ въ ней сердце, и однажды весной, вскорѣ послѣ Пасхи, не вытерпѣла она и такъ побранилась со своей свекровью, такъ отдѣлала и свекра, что долго не могла уняться расходившаяся кровь южанки... Въ тотъ же день у одной кремневской вдовы сняла она за шестьдесятъ копеекъ въ мѣсяцъ горницу и, собравъ свой убогій скарбъ, перешла туда жить вмѣстѣ съ мужемъ. Мачеха этого только и желала.

На Никиту вся эта перемѣна его судьбы произвела своей неожиданностью такое впечатлѣніе, что онъ долгое время находился точно въ какомъ-то чаду...

Одного только не сообразила молодая, горячая Настасья, что въ Кремнѣ безъ своего двора, безъ своего хозяйства нечего дѣ-

лать и можно, пожалуй, съ голода умереть, да еще мало она узнала своего мужа и не поняла его страстной, неудержимой привязанности къ родимому дому, дѣтской робости жить внѣ этого дома и совершеннаго незнанія имъ своихъ силъ, несознаванія своей человѣческой личности...

А это скоро сказалось. Когда Никита пришелъ въ себя, и, оглядѣвшись, увидѣлъ кругомъ знакомую и привычную съ дѣтства картину весеннихъ работъ, онъ молча, почти безсознательно, пошелъ на отцовскій дворъ, гдѣ его съ радостнымъ визгомъ и лаемъ встрѣтили осиротѣвшіе было Валикъ и Охотка, также молча взялъ топоръ и началъ свою обычную работу.

Увидалъ это Иванъ Сѣдыхъ и также промолчалъ: за тѣ дни, пока Никита не приходилъ, Сѣдыхъ понялъ, какого работника онъ лишился въ старшемъ сынѣ, и потому порадовался въ душѣ его возвращенію.

Молча, не глядя почти ни на отца, ни на мачеху, Никита проработалъ весь день и поздно вечеромъ побрелъ къ себѣ на квартиру.

Тамъ его ждала жена. Съ любопытствомъ, оживленно стала разспрашивать она мужа о томъ, на какихъ условіяхъ онъ подрядился у отца работать, когда и сколько обѣщали дать ему хлѣба и кортофеля, и была ли рѣчь о раздѣлѣ.

Поникъ головою Никита и сознался женѣ, что работалъ онъ безъ уговора, какъ прежде, и что, конечно, отецъ не обидитъ его...

Однако Никита ошибся. Съ мѣсяцъ онъ работалъ у отца; самъ не доѣдалъ за обѣдомъ, который собирала ему мачеха, и относилъ его къ женѣ, но когда прошелъ мѣсяцъ, и Никита несмѣло попросилъ у отца денегъ или муки, — мачеха вмѣшалась въ разговоръ и гнѣвно въ просьбѣ отказала.

Узнала Настасья, что ничего Иванъ не далъ сыну, и распалилась пуще прежняго. Да и было отъ чего! Едва, едва она набрала въ своей, еще дѣвичьей, укладкѣ шестьдесятъ копеекъ, чтобы заплатить за квартиру, а цѣлый мѣсяцъ сидѣла одна одинешенька, ничего не дѣлая, съ ранняго утра до поздняго вечера не видя мужа и живя впроголодь объѣдками, приносимыми мужемъ изъ отцовскаго, ненавистнаго ей дома, отъ скуднаго своего обѣда.

И пожаловалась Настасья старикамъ — міру кремневскому, что тѣснятъ ея свекоръ и свекровь своего набольшаго сына — ея мужа Никиту, что жить съ ними ни ей, ни Никитѣ не въ мочь, и что проситъ она міръ честной раздѣлить отца съ сыномъ по правдѣ и по обычаю.

Призвали на сходъ Ивана Сѣдыхъ, и тотъ, поклонившись, разсказалъ міру, что сноха первая, не стерпя слова отчаго, ушла изъ дома вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, глубоко этимъ его, старика-отца, обидѣвши, и что нѣтъ потому у него для сына ни выдѣла, ни родительскаго благословенія, навѣки нерушимаго.

И рѣшили старики кремневскіе, что быть по слову отцовскому, и жить Никитѣ, гдѣ захочетъ онъ, безъ выдѣла...

Чѣмъ дальше время шло, тѣмъ крѣпче узелъ затягивался...

Безудержно, съ ранняго утра, шелъ Никита молчаливый и угрюмый работать на отцовскій дворъ, на отцовскую полосу, а Настасья, отчаявшись найти какую нибудь работу въ Кремнѣ, оставшись одна, подолгу горько плакала и никакъ ничего не могла придумать, чѣмъ бы можно было горю помочь, какъ бы жизнь устроить по-человѣчески... Пробовала просить, молить и уговаривать мужа своего, золотого работника, милаго Никитушку, бросить Кремень и уйти на сторону, хоть бы въ приходское свое село за сорокъ верстъ— Беркушево, — село торговое, куда пріѣзжаютъ съ пріисковъ, и гдѣ большая лѣсопилка есть, но Никита въ отвѣтъ такъ страшно на жену взглядывалъ, такой ужасъ проглядывалъ въ глазахъ его, что она замолкала, этимъ взглядомъ его испуганная... А время шло... А хлѣба Никита приносилъ все меньше, да и не каждый день... А за квартиру третій мѣсяцъ было не плачено, и ужъ вдова не разъ грозила ихъ согнать съ квартиры къ осени...

Съ каждымъ днемъ Никита становился все мрачнѣе и задумчивѣе...

Давно уже не слышитъ Настасья его разговоровъ, и сталъ онъ суровъ и молчаливѣе прежняго.

Часто ночью Настасья просыпается и чувствуетъ, что мужъ ея не спитъ и все думу думаетъ...

А ласки его, хоть теперь и рѣдкія, стали еще жарче, еще горячѣе, еще любовнѣе...

Осенній сентябрьскій день. Съ утра дуетъ сѣверный ледяной вѣтеръ, и ходуномъ ходятъ студеныя волны на почернѣвшей рѣкѣ.

Къ вечеру вѣтеръ не утихъ, а разыгрался сильнѣе. Теменъ осенній вечеръ, и жутко становится одинокому путнику въ чистомъ полѣ, на незнакомой дорогѣ, если быстро наступающая осенью темнота застигнетъ его въ пути; еще страшнѣе бываетъ въ тайгѣ, гдѣ воетъ, прорываясь сквозь густыя и частыя вѣтки, вѣтеръ, и стонутъ и скрипятъ деревья, и точно тысячами голосовъ какихъ-то невѣдомыхъ духовъ, вырвавшихся на волю, перекликается глухая и обыкновенно молчаливая тайга...

Въ такой-то вечеръ одинъ кремневскій обыватель, засидѣвшійся въ гостяхъ у сосѣда, дворъ котораго стоялъ на краю утеса надъ самой рѣкой, вышелъ на улицу и сквозь свистъ и шумъ вѣтра услышалъ, какъ на рѣкѣ кто-то, повидимому, женщина, закричалъ нечеловѣческимъ, полнымъ невыразимаго ужаса, голосомъ. Черезъ секунду крикъ повторился и смолкъ.

Вернулся обыватель къ сосѣду и позвалъ его на улицу. Вышли оба, постояли, послушали, но на рѣкѣ было тихо, лишь волны плескали, да вѣтеръ гудѣлъ.

Хозяинъ съ гостемъ разошлись. Прошло немного времени; семья обывателя, дворъ котораго стоялъ надъ рѣкой, улеглась было уже спать, какъ сначала во дворѣ, а затѣмъ въ сѣняхъ послышался какой-то странный, непонятный шорохъ, и затѣмъ что-то тяжелое и мягкое упало въ сѣняхъ у самой двери въ избу... «Вздули огонь» и, отворивъ дверь въ сѣни, замерли отъ страха!

Въ сѣняхъ, на полу, лежала какая-то сѣрая безформенная масса, измазанная липкой глиною и вся настолько пропитанная водою, что потоки ея текли на полъ и образовали уже около порога цѣлую большую лужу.

Масса была недвижна и беззвучна...

Когда прошелъ первый страхъ, и хозяева съ огнемъ подошли ближе, то увидѣли, что это лежала женщина, одѣтая въ разорванное и спутавшееся платье, съ обнаженной разстрепанной головой и залитымъ кровью лицомъ; подняли ее, внесли въ избу, омыли лицо и узнали въ ней молодую Настасью Сѣдыхъ.

Настасья была вся окоченѣвшая, въ глубокомъ обморокѣ, и едва замѣтно было ея дыханіе. Смертельная блѣдность покрывала ея лицо.

Положили Настасью на печку, и бабы стали стаскивать съ нея одежду, обильно пропитанную водой.

Тѣмъ временемъ въ другомъ концѣ деревни къ кремневскому сельскому старостѣ иззябшій и мокрый чуть ли не по плечи, безъ шапки, явился Никита Сѣдыхъ и заявилъ старостѣ, что сейчасъ онъ съ женой собрался ѣхать за рѣку къ новоселамъ, къ тестю, да лодка у нихъ на рѣкѣ опрокинулась, и вотъ онъ спасся, а жена его утонула.

Послалъ староста десятскихъ народъ сбивать да позвалъ писаря, которому велѣлъ бумагу писать въ волостное правленіе въ Беркушево, что вотъ, молъ, у нихъ въ Кремнѣ случилось мертвое тѣло, и пусть кошки да багры присылаютъ искать въ рѣкѣ утопленницу.

Пока собирался народъ, а писарь выводилъ на бумагѣ, что приказалъ ему староста, — къ старостѣ прибѣжалъ мальчикъ, сынъ обывателя, живущаго надъ рѣкой на утесѣ, и сказалъ, что у нихъ въ домѣ лежитъ найденная въ ихъ сѣняхъ молодая Сѣдыхъ—Никитина жена, да врядъ ли, дескать, жива будетъ: «дюже тихо дышитъ».

Какъ это услыхалъ Никита, такъ его точно громомъ ударило: застоналъ онъ и безъ чувствъ повалился на полъ. Пока на него водой прыскали и отпаивали, староста пошелъ на утесъ къ обывателю, а тѣмъ временемъ Настасья пришла въ себя и разсказала, что нынче съ утра мужъ ея, уходя на работу къ отцу, который

дня два тому назадъ наотрѣзъ отказалъ сыну и въ мукѣ, и въ деньгахъ, и въ картофелѣ на зиму, хоть передъ страдой и обѣщалъ подѣлиться за работу, велѣлъ ей собираться ѣхать сегодня вмѣстѣ съ нимъ за рѣку къ ея отцу; удивилась она такому мужнему желанію, потому что впервые онъ въ такую поѣздку въ неурочное время собрался; вечеромъ, когда стало смеркаться, пришелъ мужъ, мрачнѣе черной тучи, и сталъ звать ее ѣхать; напрасно она уговаривала его переждать до утра, говорила, что ей страшно и холодно въ такую непогоду; все было напрасно: мужъ ея принесъ съ собой отъ отцовской лодки весла и пошелъ съ нею къ рѣкѣ; когда они подошли къ берегу, то тьма уже наступила такая, что хоть глазъ выколи! Безотчетный страхъ охватилъ ее, и она, упавъ на колѣни передъ мужемъ, со слезами молила его отказаться отъ своего намѣренія и итти домой, но тотъ богатырской рукою своею поднялъ ее и указалъ на лодку. Она повиновалась. Но только что вошла она въ лодку и сѣла на корму, какъ Никита сильно оттолкнулъ лодку отъ берега, а самъ, войдя по поясъ въ воду, схватился за края и быстро, однимъ движеніемъ, перевернулъ лодку. Не помнитъ Настасья, какъ она очутилась въ водѣ, но помнитъ, что успѣла схватиться руками за перевернутую лодку и закричать; тогда Никита, молча, вошелъ далѣе въ воду, ударилъ весломъ по рукамъ ее такъ, что она выпустила лодку, ударилъ затѣмъ весломъ по головѣ, да ударъ-то по лицу пришелся, и потомъ, схвативъ ее за шею, окунулъ головой въ воду и сталъ было держать подъ водой. Все это было дѣломъ одного мгновенія, но когда Никита подошелъ къ ней, и въ темнотѣ блеснули передъ нею глаза его, то она поняла, что ей нѣтъ спасенія, нѣтъ пощады, поэтому, когда ей подъ водой удалось выскользнуть изъ-подъ его рукъ, она тихо вынырнула въ сторонкѣ и безъ шума поплыла: какъ разъ въ томъ мѣстѣ дно рѣки оказалось на такой глубинѣ, что, когда она встала, то вода ей была чуть-чуть повыше подбородка. Молча, боясь шевельнуться, она стояла въ ледяной водѣ и видѣла, какъ Никита вышелъ на берегъ, постоялъ, поглядѣлъ, должно быть, въ темноту на рѣку, послушалъ и медленно сталъ подниматься въ гору.

Давъ ему скрыться, она бросилась къ берегу, но итти не могла—силъ не было, и по горѣ поползла по мокрой глинѣ на колѣнахъ и не помнитъ, какъ и гдѣ лишилась силъ и сознанія...

Когда староста вернулся домой и сказалъ Никитѣ, что жена его жива и разсказала, какъ онъ топилъ ее,—Никита не вымолвилъ ни слова, только сгорбился и поникъ...

Никиту, какъ водится, связали и утромъ повезли въ Беркушево въ волостное правленіе. Передъ отправкою Никиты къ дому сельскаго старосты собралась вся деревня, пришелъ и Иванъ Сѣдыхъ, но Никита, увидѣвъ отца, отвернулся, не отвѣтилъ на его привѣтствіе и сказалъ: «Уйди, старый! Не отецъ ты мнѣ боль-

ше, и видѣть я тебя не могу!» Кромѣ этихъ словъ, за все время, пока Никита находился въ Кремнѣ до отправки въ Беркушево, и по дорогѣ туда не проронилъ ни слова, сколько его ни спрашивали, какъ ни бранили...

Сообщили слѣдователю, пріѣхалъ онъ, допросилъ Настасью Сѣдыхъ, и она ему все разсказала подробно: и какъ замужъ вышла, и какъ съ мужемъ жила, и какъ они любили другъ друга, и какъ ее мужъ топилъ.

Просила Настасья слѣдователя отпустить ей до суда мужа на поруки, заявивъ, что будутъ они жить въ Беркушевѣ, гдѣ она мужу хорошую работу нашла на лѣсопилкѣ.

— А развѣ вы не боитесь теперь жить со своимъ мужемъ?— спросилъ слѣдователь Настасью, и Настасья съ улыбкой увѣренно отвѣчала, что бояться ей нечего, что мужъ ее больше не тронетъ, и что онъ очень ее любитъ.

— Да вѣдь вы знаете, что ему, можетъ быть, грозитъ каторга? — замѣтилъ слѣдователь Настасьѣ.

— Знаю. И сама пойду съ нимъ туда, а прощать его не хочу: вѣдь онъ меня, когда топилъ, не пожалѣлъ!

Привели Никиту; слѣдователь сталъ допрашивать его. Никита сознался, что нѣсколько дней уже обдумывалъ, какъ бы убить жену, и рѣшилъ утопить ее и былъ увѣренъ, что она утонула. На всѣ вопросы о причинахъ, заставившихъ его убивать жену, Никита только вздыхалъ и отвѣчалъ односложно:

— Такъ!

Слѣдователь спросилъ Никиту, желаетъ ли онъ быть до суда на свободѣ, жить съ женой въ Беркушевѣ и работать, на что̀ Никита, вздохнувъ опять, отвѣчалъ совершенно, повидимому, равнодушно: «Ну, что жъ, баско (хорошо)», а когда слѣдователь замѣтилъ, не лучше ли ему быть у отца въ Кремнѣ, то Никита, вздрогнувъ, замѣтно оживился и испуганно и быстро заговорилъ, что къ отцу онъ въ Кремень не пойдетъ, что пусть его лучше дѣваютъ, куда хотятъ, что будетъ онъ жить съ женой въ Беркушевѣ...

До суда Никита былъ оставленъ на свободѣ подъ особымъ надзоромъ полиціи, при чемъ полиція увѣдомила слѣдователя, что надзоръ за Никитою Сѣдыхъ учрежденъ по мѣсту его жительства въ Беркушевѣ, гдѣ Сѣдыхъ работаетъ на лѣсопилкѣ.

Предварительное слѣдствіе было окончено. Пріѣхалъ слѣдователь въ Беркушево предъявлять слѣдствіе Никитѣ Сѣдыхъ, и явился Никита вмѣстѣ съ женой. Въ Никитѣ за три мѣсяца произошла замѣтная перемѣна: онъ возмужалъ, держался самоувѣреннѣе и даже, пожалуй, гордо; въ глазахъ вмѣсто прежняго равнодушія свѣтилась мысль; онъ больше не вздыхалъ и говорилъ, хоть сдержанно, но связно и толково. Въ этотъ разъ онъ пожелалъ допол-

нить свое показаніе и объяснилъ, что ни отецъ, ни мачеха, никто и никогда не уговаривали его убивать жены, и только разъ, когда онъ впервые послѣ ухода на квартиру пришелъ работать къ отцу, отецъ сказалъ ему, что если онъ броситъ свою жену, то можетъ вернуться въ отчій домъ; что, кромѣ дома и Кремня, онъ ничего не зналъ и не понималъ, какъ можно жить иначе, если не работать по дому и хозяйству или не съ варнаками на пріискахъ; что онъ не вѣрилъ разсказамъ жены о томъ, что гдѣ-то люди живутъ по-другому, а не такъ, какъ здѣсь, въ Кремнѣ, и что теперь только, устроившись на лѣсопилкѣ, онъ понялъ, что и онъ чего нибудь да стоитъ и можетъ зарабатывать хлѣбъ, не имѣя дома, земли и покоса, и что жена начала учить его грамотѣ.

По уходѣ Никиты къ слѣдователю вошла Настасья и, поклонившись, заявила, что она теперь хотѣла бы мужа простить, и съ гордостью при этомъ замѣтила, что Никита получаетъ уже рубль восемь гривенъ въ день.

Слѣдователь объяснилъ, что преступленіе Никиты такого рода, что дѣло о немъ примиреніемъ окончено быть не можетъ и должно быть разсмотрѣно судомъ.

Выслушавъ это дѣло, присяжные засѣдатели вынесли Никитѣ оправдательный вердиктъ.

Прошло два года. Въ одну изъ своихъ рѣдкихъ поѣздокъ въ Беркушево судебный слѣдователь какъ-то въ праздникъ былъ остановленъ на улицѣ нарядно одѣтой женщиной въ яркомъ, шелковомъ полушалкѣ на головѣ; въ женщинѣ этой слѣдователь узналъ Настасью Сѣдыхъ.

Настасья улыбалась, кланялась, и очень просила зайти къ нимъ въ домъ, который былъ рядомъ. Оказалось, что Никита, выучивъ букварь, быстро научился и пристрастился читать, а такъ какъ грамотныхъ въ томъ краю немного, да къ тому же Никита не беретъ въ ротъ ничего хмельного,—онъ съ мѣсяцъ тому назадъ получилъ мѣсто старшаго нарядчика на Беркушевской лѣсопилкѣ какого-то большого акціонернаго общества. Это дало ему готовую квартиру и 40 рублей въ мѣсяцъ жалованья.

Слѣдователь вошелъ въ домъ. Кухня и двѣ горенки были опрятны и чисты: во всемъ была замѣтна заботливая женская рука. Скоро въ горницѣ на столѣ зашумѣлъ новенькій самоваръ, а изъ стеклянной горки была вынута серебряная чайная ложечка изъ полдюжины, симметрично расположенной по полкѣ въ горкѣ. На полу ползалъ здоровый, годовой бутузъ, все старающійся подняться на ноги. Подъ образами, на угольникѣ лежали книжки и сверху «Сельскій Вѣстникъ» и «Богъ-Помочь», взятые Никитою изъ волостного правленія.

За чаемъ Никита, ставшій похожимъ на степеннаго приказчика, со складкой на лбу, придававшей ему видъ человѣка, много и

упорно думающаго, разсказалъ слѣдователю свою жизнь съ самаго дѣтства, свою первую и единственную любовь къ пригрѣвшей его женщинѣ—молодой женѣ Настасьѣ, и о томъ, какъ онъ сознательно и обдуманно, страстно любя ее и не видя для себя другого выхода, рѣшилъ убить жену, чтобы не мучить ее голодной и бездольной жизнью, а самому вернуться къ отцу и къ мачехѣ въ вѣчные работники, и какъ онъ обрадовался и былъ потрясенъ, узнавъ, что любимая жена его, имъ утопленная, жива...

— Да, тяжелый грѣхъ! — закончилъ свой разсказъ Никита,— и не замолить мнѣ его никогда! Только я полагаю такъ, баринъ, что Господь милосердный видитъ все и знаетъ, Батюшка, что случился грѣхъ этотъ отъ невѣдѣнія да отъ нашей таёжной темноты.

С. П. Рудневъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПОВСТАНЦА.

Человѣкъ, которому принадлежатъ настоящія воспоминанія, не избѣжалъ общаго патріотическаго увлеченія, охватившаго Польшу въ 1863 г. Жестоко поплатившись за это увлеченіе и искупивъ рядомъ тяжелыхъ испытаній свои политическіе «грѣхи», онъ, спустя слишкомъ 30 лѣтъ послѣ событій, въ которыхъ принималъ участіе, когда и пылъ остылъ и страсти поулеглись, мирно доживая свой вѣкъ гдѣ-то на Украйнѣ, взялся за перо и записалъ свои «воспоминанія» [1]).

Изъ нихъ читатель узнаетъ немало любопытнаго и объ организаціи возстанія 1863 г. и о дѣятельности нѣкоторыхъ его вождей, въ ряду которыхъ авторъ мемуаровъ игралъ довольно значительную роль, и о дѣйствіяхъ правительственныхъ войскъ и въ концѣ концовъ, разумѣется, согласится со старымъ «довудцой», что «все это уже, слава Богу, миновало и повториться не должно». Г. В.

I.

Получили съ родины приказаніе вернуться: «время, — писали намъ, — приближается»... И вотъ съ Сигизмундомъ Падлевскимъ мы выѣхали изъ Парижа черезъ Берлинъ (гдѣ я въ послѣдній разъ

[1]) Объ авторѣ воспоминаній упоминаетъ Ягминъ («Воспоминанія бывшаго повстанца»), называя его то Кочинскимъ («Историческій Вѣстн.» 1892 г., кн. X, 75, 76, 77, 83,) то Рочинскимъ (ibid., XI, 427) или по забывчивости, или просто по ошибкѣ типографіи и корректора. Г. В.

виделся съ Іосифомъ Наржимскимъ) въ Варшаву. Падлевскій направился черезъ Познань и Краковъ, а я черезъ Торунь (Торнъ). Въ Торуни я долженъ былъ вручить Гутри (Gutremi) письмо генерала Высоцкаго и посоветоваться кое о чемъ съ Саладицкимъ, помещикомъ изъ-подъ Торуни, принимавшимъ тогда горячее участіе въ нашемъ деле.

Снова съехались мы съ Падлевскимъ въ Варшаве 15 октября 1862 г. Онъ остался тутъ, а я тогдашнимъ центральнымъ комитетомъ[1]) былъ назначенъ комиссаромъ Подляскаго воеводства[2]). Въ составъ последняго входили уезды Бяльскій, Седлецкій, Луковскій и Раздинскій. Предъ темъ временемъ агентомъ комитета тутъ былъ Эдвардъ Лисикевичъ, студентъ Кіевскаго университета, товарищъ Игнатія Хмелинскаго. Жилъ онъ съ матерью въ Збуржиме подъ Седлецомъ, где у нихъ была своя деревенька. Старшій братъ держалъ почту, а зять Лисикевича — Янъ Матлинскій, тоже проживавшій при матери, принималъ деятельное участіе въ общемъ деле.

Прибывъ на место, я нашелъ тайную организацію возстанія еще только въ зародыше. Задача заключалась въ томъ, чтобы, пропагандируя въ среде застянковой шляхты[3]), которая такъ многочисленна въ Подляскомъ воеводстве, вовлечь въ дело мещанъ, дворовыхъ, особенно же деревенскій людъ. Для этого надо было изъ отдельныхъ лицъ, проживавшихъ въ разныхъ пунктахъ, организовать небольшіе кружки, ознакомить ихъ съ собою и указать имъ, что должны дальше делать. Первое такое собраніе, въ которомъ принимали участіе агенты изъ четырехъ уездовъ, состоялось въ Лосицахъ, у д-ра Чарковскаго. Это былъ чрезвычайно энергичный деятель. Впоследствіи его разстреляли въ Седлеце, вскоре после свадьбы съ молодою интеллигентною женщиною. Она не перенесла смерти мужа — помешалась.

На этомъ собраніи были произведены выборы на разныя должности. Воеводою подляскимъ избрали Бронислава Дескура, а уездными гражданскими начальниками выбрали: седлецкимъ—Яна Матлинскаго, луковскимъ — известнаго ксендза, викарія Брзоску (впоследствіи начальникъ отдела, схваченный въ Ленде и разстрелян-

---

[1]) Komitet centralny еще года за два до возстанія принялъ на себя роль представительнаго правительства царства Польскаго, западной и южной Россіи. Г.В.

[2]) «Царство Польское въ это время, — пишетъ Ягминъ,—было разделено на воеводства. Каждое воеводство (губернія) въ свою очередь разделялось на уезды, округи и парафіи (приходы). Воеводы и уездные начальники (powiatowe) избирались жондомъ народовымъ въ Варшаве и отъ себя уже назначали окренговыхъ и парафіановыхъ. Воеводы и уездные начальники наблюдали за порядкомъ во вверенныхъ имъ областяхъ, творили судъ и расправу. Позже были установлены комиссары отъ жонда народоваго, власть которыхъ въ воеводстве была неограниченна». (Воспом. повстанца — «Ист. Вестн.», т. L, 85, 86).

[3]) Szlachta zaściankowa — одинъ изъ видовъ мелкопоместной шляхты (дворянства), которая сама пашетъ землю. Г. В.

ный), радзинскимъ — помѣщика Зелинскаго и бяльскимъ — тогдашняго помощника начальника уѣзда N.

Отъ нихъ уже зависѣли дальнѣйшія назначенія сотниковъ и десятскихъ. (Организаціоннымъ комитетомъ была принята десятичная система). Для сбора денегъ избрали для каждаго уѣзда отдѣльнаго сборщика.

Центральный комитетъ установилъ всеобщее въ краѣ обложеніе. Въ пріемѣ денегъ выдавались квитанціи, нумера которыхъ объявлялись въ тогдашнемъ подпольномъ изданіи «Ruch» («Мятежъ»), органѣ центральнаго комитета. Редакція этого изданія помѣщалась въ Варшавѣ, на улицѣ Видокъ, подъ № 11, въ квартирѣ г-жи Гейнрихъ, тетки Бронислава Шварца.

Шварцъ, интеллигентный юноша, инженеръ, былъ сыномъ эмигранта и служилъ на варшавско-петербургской желѣзной дорогѣ (французскаго общества). Его арестовали въ декабрѣ 1862 г., когда была обнаружена типографія «Ruch»'а, при помощи французской полиціи, состоявшей въ то время на послугахъ у русскаго правительства, арестуя подозрительныхъ личностей изъ поляковъ въ Парижѣ.

Своею резиденціей я выбралъ Бялу, откуда и разъѣзжалъ по подчиненнымъ мнѣ уѣздамъ. Въ то время въ Бялѣ былъ настоятелемъ ксендзъ Млечко, у котораго я квартировалъ. Время летѣло, событія предвѣщали скорое наступленіе бури. Организація дѣлала свое дѣло. Всѣ были проникнуты рвеніемъ, и каждый искалъ для себя работы. Мѣщане въ мѣстечкахъ, застянковая шляхта, дворовая челядь—всѣ сплотились въ одно цѣлое. Одинъ простой народъ оставался упорнымъ, не проявлялъ никакого рвенія и спокойно выжидалъ грядущихъ событій.

II.

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Подляскомъ воеводствѣ шла дѣятельная работа, требовалось подготовить умы къ общему дѣлу. Важное значеніе имѣлъ въ этомъ случаѣ съѣздъ ксендзовъ въ Мацѣіовицахъ. Здѣсь такъ же, какъ и на съѣздѣ въ Сандомирѣ, духовенство единогласно признало власть центральнаго комитета, отъ имени котораго присутствовалъ Янъ Майковскій. Другимъ такимъ съѣздомъ, имѣвшимъ еще болѣе значенія для Подляскаго воеводства, былъ устроенный мною съѣздъ уніатскихъ священниковъ. Онъ состоялся 22 декабря 1862 г. въ 10 м. отъ Бялы въ дер. Лешнѣ, въ монастырѣ паулиновъ (впослѣдствіи упраздненномъ).

Объ этомъ съѣздѣ немногіе знали въ Варшавѣ, кромѣ Сигизмунда Падлевскаго, Оскара Авейды и Стефана Бобровскаго. Объ немъ нигдѣ не упоминается, даже Гиллеру съѣздъ этотъ не извѣстенъ. А вѣдь на немъ участвовало 150 уніатскихъ священниковъ,

людей бѣдныхъ. Всѣ они приняли присягу на вѣрность народному правительству (rządowi narodowemu), общій трудъ и преданность дѣлу, что и доказали впослѣдствіи.

Этотъ съѣздъ вызвалъ довольно интересный розыскъ. О томъ, что съѣздъ состоится, узнали русскія власти въ Люблинѣ и сейчасъ же дали знать жандармамъ въ Бялѣ съ приказаніемъ не допускать его. Не знали только, гдѣ онъ будетъ. Бяльскій жандармскій начальникъ получилъ увѣдомленіе 23 декабря, т.-е. на другой уже день послѣ съѣзда. И вотъ, сообразивъ, что съѣздъ можетъ быть только у епископа въ Яновѣ Подляскомъ, онъ собралъ своихъ подчиненныхъ и сотню казаковъ и 24 декабря поѣхалъ въ Яновъ. По прибытіи на мѣсто онъ окружилъ костелъ. Былъ уже вечеръ, а у епископа большое освѣщеніе. За столомъ сидитъ онъ самъ, всѣ ксендзы и цѣлая семинарія. Это была вилія[1]). Жандармскій начальникъ готовъ былъ арестовать собравшихся, но ему вовремя объяснили, въ чемъ дѣло.

III.

Между тѣмъ люди были навербованы. Оставалось позаботиться объ ихъ вооруженіи. Приказали вооружить косами на манеръ косиньеровъ Гловацкаго[2]). Только... косамъ этимъ приходилось имѣть дѣло со штуцерами, бьющими на двѣ тысячи шаговъ!.. Огнестрѣльнаго оружія на Подлясьѣ не было. Желая помочь бѣдѣ, комиссаръ Плоцкаго воеводства, Эдвардъ Руликовскій, собралъ немного денегъ, поѣхалъ въ Льежъ, въ Бельгіи, и тамъ на одной фабрикѣ заказалъ 15 тысячъ ружей. Давъ задатокъ, онъ обязался остальную сумму уплатить къ 1 января 1863 г. въ Парижѣ. Фабрика, съ своей стороны, обязалась доставить это оружіе на границу царства Польскаго. Чтобы не потерять задатка и оружія, центральный комитетъ, хотя и съ большимъ трудомъ, собралъ остальную сумму и послалъ съ Франц. Годлевскимъ. Послѣдній пріѣхалъ въ Парижъ и остановился въ отелѣ Corneille. Тутъ жило много поляковъ и въ числѣ ихъ Ал. Чверчакевичъ и Владиміръ Миловичъ. Французская полиція слѣдила за поляками и такимъ образомъ, какъ я уже сказалъ, помогала Россіи. Отель окружили, арестовали поляковъ и забрали у нихъ деньги и документы. Такимъ-то способомъ и узнали о варшавскомъ адресѣ типографіи «Ruch»'а.

---

[1]) Общая братская трапеза наканунѣ Р. Х., устраиваемая во всѣхъ маломальски набожныхъ польскихъ домахъ. Г. В.

[2]) Косы превращали въ оружіе такимъ образомъ. Обыкновенную косу прикрѣпляли къ древку такъ, чтобы лезвіе косы находилось на одной прямой съ древкомъ, такъ что получалось нѣчто въ родѣ большого, нѣсколько своеобразнаго, копья. Съ другого конца такого копья придѣлывался еще желѣзный крюкъ, предназначенный для стаскиванья непріятельскихъ кавалеристовъ съ лошадей. Г. В.

Этотъ арестъ и захватъ денегъ могли дурно отразиться на подготовительныхъ къ возстанію работахъ.

Насъ всѣхъ — воеводскихъ комиссаровъ — вызвали въ Варшаву. Изъ Кіева пріѣхалъ представитель молодежи, Юрьевичъ тотъ самый, для освобожденія котораго впослѣдствіи былъ сдѣланъ изъ кіевской крѣпости извѣстный подкопъ въ 27 саж. длины, при помощи котораго Юрьевичъ получилъ свободу и, нѣсколько лѣтъ спустя, умеръ въ Швейцаріи.

На этомъ-то общемъ собраніи комиссаровъ и членовъ центральнаго комитета, въ составъ котораго входили: Сигизмундъ Падлевскій, — президентъ (naczelnik) Варшавы, Оскаръ Авейда, — министръ внутреннихъ дѣлъ, Стефанъ Бобровскій (впослѣдствіи убитъ на дуэли съ Грабовскимъ изъ Галиціи), Агатонъ Гиллеръ и др., порѣшили приготовиться къ возстанію, которое вспыхнетъ не раньше весны, въ виду того, что Литва и Русь не будутъ готовы раньше. Рѣшеніе это послѣдовало 11 января 1863 г. Въ виду распространившихся слуховъ о рекрутскомъ наборѣ нашли необходимымъ лицъ, подлежавшихъ воинской повинности, прятать путемъ переселенія изъ одного уѣзда въ другой. Для этой цѣли я, въ качествѣ подляскаго комиссара, получилъ 3.000 паспортныхъ бланковъ и съ ними выѣхалъ изъ Варшавы. Тѣмъ временемъ начали удалять молодежь изъ Варшавы; то же самое дѣлалось въ Плоцкѣ. Призывные собирались въ Кампиновской Пущѣ... Но большинство ихъ не успѣло выйти изъ города и попало въ наборъ. Тогда-то Сигизмундъ Падлевскій, видя, что планъ организаціи возстанія испорченъ, и получивъ одновременно извѣстіе, что въ крѣпости Модлинѣ [1]) заговорщики только дожидаются сигнала, чтобы пристать къ мятежу, настоялъ въ комитетѣ, гдѣ, надо замѣтить, онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ, начать возстаніе ночью 22 января [2]) 1863 г.

О Сигизмундѣ Падлевскомъ теперь не многіе даже и знаютъ, а между тѣмъ этотъ человѣкъ приказалъ Польшѣ возстать 22 января, и одного его слова оказалось достаточно. Не входитъ въ мою задачу вдаваться въ критическій разборъ такого приказанія и указывать несчастныя послѣдствія, какія оно вызвало. Я хочу лишь выразить здѣсь безграничное свое уваженіе къ памяти патріота, который за свою любовь къ родинѣ и готовность на всѣ для нея жертвы заплатилъ мученическою смертію [3]). Я желаю воздать почтеніе его благородной душѣ, его вѣрѣ въ будущее страны и въ тѣ идеалы, которымъ онъ служилъ въ теченіе своей, къ сожалѣнію, короткой жизни. Онъ жаждалъ освобожденія своей

---

[1]) Нынѣ Новогеоргіевскъ, на Вислѣ, между Варшавою и Плоцкомъ. Г. В.
[2]) 22—по нов. ст., а по старому—10 января. Г. В.
[3]) С. Падлевскій разстрѣлянъ въ Плоцкѣ въ 1863 г. Г. В.

отчизны отъ оковъ неволи. Въ другихъ странахъ такимъ апостоламъ свободы и любви къ родинѣ, искупленной жизнію, воздвигаютъ монументы, память объ нихъ, какъ священное преданіе, переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, у насъ же много уже значитъ, если на могилу ихъ не бросаютъ грязью,

С. Падлевскій происходилъ изъ Украйны, изъ деревни Чернявки, Бердичевскаго уѣзда. Отецъ его, Владиславъ, шляхтичъ стараго закала, когда вспыхнуло возстаніе, вскочилъ на коня, сталъ начальникомъ своего собственнаго отряда, потомъ попался въ плѣнъ и разстрѣлянъ вскорѣ послѣ смерти сына. Онъ оставилъ жену, двухъ дочерей и младшаго сына—Романа.

Одна изъ дочерей вышла замужъ за Михаила Подхорскаго. Когда императоръ Александръ II былъ въ Кіевѣ, она бросилась ему въ ноги, умоляя принять ея сыновей въ Пажескій корпусъ...

IV.

Приказъ взяться за оружіе я получилъ въ Бялѣ 17 января 1863 г.

Читая бумагу, я не вѣрилъ собственнымъ своимъ глазамъ и немедленно поскакалъ въ Варшаву, гдѣ засталъ еще Падлевскаго.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ я.—Ужели не понимаешь, что насъ разобьютъ въ пухъ и въ прахъ, что у насъ нѣтъ ни войска, ни оружія! Не ты ли самъ внушалъ намъ въ Кунео, что побѣждаетъ только солдатъ съ хорошимъ оружіемъ [1]).

— Совершилось!—отвѣтилъ мнѣ на это Падлевскій.—Спѣши назадъ! Если Богъ поможетъ—побѣдимъ. Вѣдь невозможно, чтобы Европа дала намъ погибнуть [2])! Прощай! Можетъ быть, въ послѣдній уже разъ видимся. Помни только: разъ мы дали клятву—не сдадимся.

---

[1]) По мысли Мирославскаго и при поддержкѣ Гарибальди, въ концѣ сентября 1861 г., въ Генуѣ открыта szkoła podchorąźych polskich, съ цѣлью подготовки офицеровъ для предполагавшагося возстанія въ Польшѣ. Школу эту потомъ перенесли въ Кунео (въ Піемонтѣ). Руководителемъ ея сначала былъ Мирославскій, а когда, благодаря своимъ интригамъ, сдѣлался невозможнымъ, руководство надъ школою принялъ на себя генералъ Іосифъ Высоцкій. Учили военные—поляки. Нѣкоторые изъ преподавателей школы впослѣдствіи получили громкую извѣстность, какъ, напримѣръ диктаторъ Маріанъ Лангевичъ (ум. въ 1887 г.). С. Падлевскій также состоялъ преподавателемъ школы въ Кунео. Число учащихся достигало 120 человѣкъ. Школа существовала только девять мѣсяцевъ. 26 іюня 1862 г. итальянское правительство, по настоянію Россіи и Пруссіи, ее закрыло. Г. В.

[2]) Вотъ новое доказательство, что попытка поляковъ отвоеваться отъ Россіи въ 1863 г. была вызвана не вѣрою въ собственную мощь, а успѣшнымъ вмѣшательствомъ Второй Французской имперіи въ дѣло итальянскаго освобожденія и увѣренностью, что такая интервенція послѣдуетъ и въ пользу поляковъ. Г. В.

Мы обнялись. Сигизмундъ сѣлъ въ бричку вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ, офицеромъ русской артиллеріи, Сейфридомъ.

Я еще забѣжалъ къ Авейдѣ.

— Зачѣмъ ты согласился?—спросилъ я его.

— Сигизмундъ одержалъ надъ нами верхъ на баллотировкѣ. Знаю, что рано, но жребій брошенъ. Если проиграемъ—встрѣтимся на эшафотѣ, но итти надо, разсуждать некогда.

Авейдѣ удалось, впрочемъ, избѣгнуть висѣлицы. Послѣ онъ описалъ исторію нашей организаціи. Сосланный въ Вятку, онъ (кажется) живъ еще и теперь (1896 г.).

Распрощавшись съ Авейдой, побѣжалъ на почту заказать лошадей. Тамъ встрѣтилъ Леона Франковскаго, величайшаго изъ всѣхъ насъ энтузіаста. Онъ бросился мнѣ на шею съ крикомъ:

— Итакъ, ѣдемъ биться за родину!

— Биться не штука,—отвѣтилъ я,—а только—чѣмъ?

— Шапками ихъ закидаемъ! Все Люблинское воеводство поднимется, какъ одинъ человѣкъ. Ѣду туда! Прощай!

И мы разстались.

Я отправился проститься сь родителями и сестрою.

Благословили они меня, я ихъ обнялъ, сѣлъ въ бричку и покатилъ на Подлясье.

Остановился на ночлегъ въ Сѣдлецѣ. Встрѣтилъ Левандовскаго, офицера временъ венгерской кампаніи, эмигранта. Онъ былъ назначенъ, въ чинѣ подполковника, «начальникомъ Подляскаго воеводства». Кромѣ него, встрѣтился тамъ же со своимъ товарищемъ по Кунео, Вл. Яблоновскимъ, студентомъ Кіевскаго университета. Отрядилъ его въ Соколовъ—поставить молодежь на военную ногу. Времени оставалось такъ мало, что мы едва только въ общихъ чертахъ могли посовѣтоваться касательно способа дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій. Порѣшили, что Левандовскій ударитъ на Сѣдлецъ. Съ нимъ будутъ нѣкоторые мѣстные жители, населеніе Соколова и Венгрова, подъ начачальствомъ Вл. Яблоновскаго, а также окрестныхъ деревень съ Матлинскимъ во главѣ, да сверхъ того часть застянковой шляхты изъ Лосицкаго округа, подъ начальствомъ Чарковскаго. Всѣхъ повстанцевъ, если бы они собрались во-время, набралось бы до двухъ тысячъ. Вооруженіе ихъ состояло изъ косъ и отчасти охотничьяго оружія.

Покончивъ съ Левандовскимъ, я поспѣшилъ въ Луковъ сообщить ксендзу Брзоскѣ, что возстаніе начинается. Брзоска имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточно людей, но трудно ему было собрать ихъ къ назначенному часу. Между тѣмъ онъ долженъ былъ ночью напасть на городъ, при содѣйствіи нѣсколькихъ десятковъ солдатъ - поляковъ, находившихся въ рядахъ русскаго войска. Декуру я послалъ приказъ ударить на Радзинъ, а самъ поспѣшилъ воротиться въ Бялу. На этотъ пунктъ я наиболѣе надѣялся.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ моего здѣсь пребыванія мнѣ удалось поднять всѣхъ мѣщанъ. Въ уѣздѣ, исключая чиновниковъ да дворовыхъ, вся застянковая шляхта была вовлечена въ наше дѣло. Можно положительно сказать, что не было ни одного, который бы всей душею не отдался ему.

Въ Бялѣ я разсчитывалъ застать офицера-сапера Мрочека (Mroczka), назначеннаго начальникомъ Бяльскаго уѣзда. Но расчетъ мой не оправдался. Вслѣдствіе переданнаго изъ Петербурга нашими желанія центральный комитетъ внезапно командировалъ Мрочека въ Казань. Тогда надѣялись вызвать на Поволжьѣ мятежъ и такимъ путемъ произвести военную диверсію[1]). Мрочекъ отправился. Но нашелъ въ Казани всего на все 18 революціонеровъ. Черезъ нихъ были пущены въ народъ такъ называемыя «золотыя грамоты». Скоро ихъ всѣхъ перехватали, а Мрочека съ тремя заговорщиками разстрѣляли въ Казани.

V.

Такимъ образомъ, приходилось дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Лишь только началось возстаніе, я сталъ набирать отряды, собирать ихъ вмѣстѣ и посылать туда, гдѣ нуждались въ помощи. Наша цѣль заключалась въ томъ, чтобы овладѣть двумя линіями: варшавско-брестъ-литовской и варшавско-люблинской въ направленіи Устилуга, Волыни и Руси. Если же не удалось бы сразу удержаться на которой нибудь изъ этихъ линій, то переправиться за Бугъ и тамъ сколь можно шире распространить возстаніе, дабы тѣмъ самымъ раздробить силы непріятеля. Въ нашихъ занятіяхъ въ Бялѣ принимали участіе два офицера русской службы: командиръ артиллерійской батареи Суходольскій и его адъютантъ Залевскій. Кромѣ того, въ этой же батареѣ находилось 16 канонировъ, поляковъ, да нѣсколько пѣхотныхъ солдатъ. Русскія силы въ Бялѣ состояли изъ артиллеріи, роты пѣхоты (250 человѣкъ), роты инвалидовъ (200 человѣкъ), сотни казаковъ и жандармовъ, всего 800 человѣкъ. Командовалъ ими генералъ Мамаевъ. Въ уѣздѣ же квартировали: въ Ломазахъ—эскадронъ уланъ, въ Коднѣ на Бугѣ—батарея артиллеріи да 400 человѣкъ, вооруженныхъ винтовками, въ Мендзыречѣ — два эскадрона улановъ; четвертый эскадронъ стоялъ въ Сѣдлецѣ.

Я—повторяю—очень надѣялся на Бяльскій уѣздъ, какъ наиболѣе подготовленный, по крайней мѣрѣ, въ Подляскомъ воеводствѣ. Не хватало ему огнестрѣльнаго оружія, но косъ и амуниціи было достаточно. То и другое достали черезъ солдатъ изъ Бреста при помощи еврейчиковъ. По списку значилось три тысячи человѣкъ, которые должны были явиться по первому требованію.

---

[1]) Т.-е. отвлечь военныя силы. Г. В.

Распорядился я слѣдующимъ образомъ. Въ Мендзыречѣ начальникомъ города (naczelnikiem miastu) состоялъ сынъ тамошняго чиновника, Крысинскій, энергичный, дѣльный юноша. Подъ его-то начальствомъ мѣщане должны были ударить на уланскія казармы, сжечь ихъ и забрать, что удастся. На помощь къ нему долженъ былъ прійти застянекъ Боярувъ въ составѣ слишкомъ ста человѣкъ. По взятіи казармъ Крысинскому надлежало спѣшить въ главный лагерь, въ Бялу. Этотъ Крысинскій затѣмъ командовалъ отдѣльною частью и отличился во многихъ битвахъ.

Въ Коденъ я назначилъ Ненцкаго, управляющаго коденскимъ имѣніемъ Крысинскихъ, бывшаго солдата одного изъ оренбургскихъ баталіоновъ, дослужившагося до унтеръ-офицера. Для нападенія отрядилъ коденскихъ жителей и два застянка Тучка и Визки, въ составѣ 250 человѣкъ.

Въ Ломазы послалъ своего товарища Чапинскаго, уроженца Бялы, съ шляхтою изъ застянка Хущи (250 человѣкъ) и съ ломазскими мѣщанами на придачу. Во главѣ же отдѣла тамъ всталъ ксендзъ-настоятель помянутыхъ застянковъ — Навроцкій, бывшій капелланомъ II уланскго полка въ 30-хъ годахъ,—прекрасный священникъ, солдатъ и гражданинъ. Сосланный въ Сибирь онъ впослѣдствіи умеръ въ Россіи.

Первую ночь я провелъ въ Бялѣ одинъ. Кромѣ мѣщанъ, я поджидалъ еще застянекъ изъ-подъ Лосицъ. Туда я командировалъ Бальтазара Волянина, учителя уѣздной бяльской школы. Изъ Янова-Подляскаго ожидалось до 400 повстанцевъ, подъ начальствомъ ксендза Розвадовскаго, настоятеля изъ Немирова на Бугѣ, да изъ Залѣсья около 100 человѣкъ съ Казимиромъ Богуславскимъ. Такимъ образомъ я могъ разсчитывать на подкрѣпленіе въ 800 человѣкъ, не считая тѣхъ, что находились въ городѣ.

Пока я дѣлалъ свои распоряженія, наступилъ памятный день 22 января... Предстояло объявить горожанамъ, что сегодня ночью, въ 12 часовъ, мы сдѣлаемъ нападеніе на русскія войска. Двадцать человѣкъ вмѣстѣ со мною ворвутся въ квартиру Мамаева, а остальные нападутъ на батарею, стоявшую на концѣ города, на сотню казаковъ, квартировавшихъ въ отдѣльныхъ казармахъ, и на пѣхоту. Я не терялъ надежды на успѣхъ, во-первыхъ, ожидалъ, что наше внезапное нападеніе вызоветъ переполохъ, во-вторыхъ, Суходольскій и Залевскій обязались, въ случаѣ тревоги, не оставлять своихъ квартиръ, а канониры—наши соумышленники, обѣщали выстрѣлами распугать артиллерійскихъ лошадей. Но судьба судила иное.

VI.

Когда я объявилъ жителямъ, что день возстанія наступилъ,—они бросились въ костелъ получить благословеніе и разрѣшеніе отъ грѣховъ. Не трусость ими руководила, а истинно-христіанское чувство. Ксендзы-реформаты перепугались и не хотѣли на исповѣди дать разрѣшенія, отговаривали отъ гибельнаго шага и отъ убійства ближнихъ. Мнѣ дали знать объ этомъ. Можно себѣ представить, какъ это меня взбѣсило! Бросился я въ костелъ; за мною толпа народу. Вижу—ксендзы разговариваютъ... но остаются непреклонными... Въ запальчивости обѣщаюсь сжечь ихъ живыми, если станутъ отказывать въ разрѣшеніи. Ксендзы уступили и начали исповѣдь. Однако, мои настойчивыя требованія вызвали нежелательныя послѣдствія для дѣла: уже вечеромъ изъ 200 настоятелей едва 80 оставалось на приходахъ.

Суходольскій и Залевскій, когда я зашелъ къ нимъ вечеромъ для послѣднихъ переговоровъ и объявилъ, что подъ утро начальство приметъ Суходольскій, — струсили оба и послѣ моего ухода поспѣшили къ Мамаеву предупредить, что черезъ нѣсколько часовъ вспыхнетъ мятежъ, что нужно пушки вывезти на рынокъ и собрать войско...

Десять часовъ утра... Тревога... Трубятъ. Войска стягиваются на рынокъ. Зажигаютъ костры. Я съ 80 человѣками на томъ же рынкѣ, около костела, жду подкрѣпленія, которое должно подойти къ 12 часамъ.

Когда началась тревога, сбѣжались ко мнѣ всѣ канониры. Эти не измѣнили — пристали къ намъ... Тутъ только я замѣтилъ, что косъ у насъ достаточно, зато огнестрѣльнаго оружія всего одиннадцать штукъ: семь двуствольныхъ ружей и четыре одноствольныхъ, да у одного бельгійскій револьверъ и кинжалъ...

Силы наши неравны, чтобы отважиться ударить на рынокъ. И я ждалъ покрѣпленія до 12 часовъ. Но вотъ пробило 12. Никто не показывался. Опоздали, думаю, что же удивительнаго? Каждый, вѣдь, хочетъ проститься съ родными, проститься, можетъ быть, навѣки!.. Прошелъ и полдень, а подкрѣпленія нѣтъ, какъ нѣтъ! Отправляю три экстра-почты съ приказами. Войска на рынкѣ ихъ пропускаютъ... Приказываю отрядамъ спѣшить въ направленіи Яновъ-Бяла. Я имѣлъ намѣреніе ихъ встрѣтить, если бы, конечно, мнѣ удалось выйти изъ города.

Прождалъ еще около часу. Напрасно. Надо было на что нибудь рѣшиться. Предполагая, что въ рядахъ русскаго войска, лишь только насъ увидятъ, произойдетъ переполохъ, я вытянулъ въ линію своихъ косиньеровъ и скомандовалъ: «маршъ впередъ!» Пойдемъ—думалъ себѣ—черезъ рынокъ, не затрогивая войска, а пока оно опомнится, пройдемъ черезъ городъ въ направленіи Янова

и тамъ встрѣтимъ своихъ. Съ ними, если будетъ возможно, вернемся сюда назадъ. Поднявши револьверъ кверху, крикнулъ: «Безъ моего приказанія ни одного выстрѣла... Братья, впередъ! Во имя Божіе!»...

Вышли на рынокъ. Тамъ стоялъ генералъ Мамаевъ со своею въ десять разъ превосходящею нашу, силою: съ 8 пушками, 400 винтовками и 100 пиками.

Проходимъ въ 30 шагахъ передъ фронтомъ русскихъ. Глухое молчаніе. Слышенъ только топотъ нашихъ мѣрныхъ шаговъ. Такъ мы прошли Яновской улицей до конца города.

Тогда только Мамаевъ, когда мы уже скрылись изъ глазъ, опомнился и выслалъ въ погоню за нами казаковъ. Казаки съ гиканьемъ налетѣли на насъ. Но мы устояли. Одно: «стой! цѣлься!» и казаки обратились вразсыпную. Снова: «Ребята, впередъ! не стрѣлять! пороху жалко!» И снова пошли дальше. Казаки провожали насъ 5 верстъ по Яновской дорогѣ до деревни Розкоши, не причинивъ выстрѣлами вреда. Тутъ я встрѣтилъ оба отряда: Розвадовскаго изъ Янова и Волянина изъ-подъ Лосицъ. Всего съ ними было 300 человѣкъ. Разбиваемъ тутъ лагерь, разводимъ костры, разставляемъ часовыхъ и ждемъ бѣлаго дня, чтобы силы свои привести въ порядокъ. Русскіе насъ не преслѣдовали, такъ что мы могли остаться въ Розкоши до утра. Отсюда я перешелъ на шоссе, идущее къ Залѣсье, чтобы встрѣтиться съ Казиміромъ Богуславскимъ и узнать о положеніи дѣлъ на другихъ пунктахъ. Когда мы стали подъ Залѣсье, мнѣ пришло въ голову уничтожить мостъ черезъ рѣку Крзну и болота, чтобы лишить русскихъ сообщенія между Брестомъ и Бялою. Только что мы тутъ остановились, прибылъ изъ Бреста почтовый экипажъ. Сидѣлъ въ немъ Черкасовъ, одинъ изъ важныхъ русскихъ чиновниковъ изъ Варшавы. Это былъ первый русскій, который попалъ въ наши руки... Я былъ раздраженъ, находился подъ впечатлѣніемъ неудачнаго начала возстанія. На вопросъ: кто онъ? — вижу, лжетъ, прикрываясь именемъ Вишневскаго. Рука задрожала, инстинктивно схватилъ револьверъ, спустилъ курокъ, и Черкасова не стало... Упрекали меня, зачѣмъ я это сдѣлалъ самъ, а не велѣлъ его разстрѣлять. Одно у меня на это оправданіе: было мнѣ тогда всего 24 года, и жаждалъ я крови непріятельской... Черкасовъ везъ важныя бумаги въ Варшаву—приказы и распоряженія, касавшіеся набора и дизлокаціи рекрутъ, общая численность которыхъ опредѣлялась въ 25 тысячъ человѣкъ. Трупъ Черкасова вмѣстѣ съ найденными при немъ бумагами положили въ тотъ же экипажъ и отослали въ Варшаву.

VII.

Расположившись лагеремъ подъ Залѣсьемъ, я оставилъ своихъ подъ командою Волянина, а самъ отправился въ застянки Тучну, Виски и Хущу узнать, что тамъ дѣлается, и забрать оттуда людей. Въ Тучнѣ нашелъ Ненцкаго. Онъ ночью сдѣлалъ нападеніе на Кодень. Русскіе не были приготовлены. Выстрѣломъ изъ револьвера Ненцкій положилъ на мѣстѣ часового при гауптвахтѣ и ударилъ въ барабанъ тревогу. Шляхта бросилась съ косами на караулъ и овладѣла гауптвахтой. Русскіе бѣжали со своимъ комендантомъ. Ненцкій, овладѣвши Коднемъ, захватилъ до 300 ружей, правду сказать, старыхъ, передѣланныхъ изъ кремневыхъ, но все же со штыками, и значительное количество готовыхъ патроновъ и пистоновъ. Кромѣ того, онъ взялъ въ плѣнъ 80 солдатъ. Ихъ отправилъ въ Тучну. Велика была моя радость. И это понятно. Подобная побѣда придавала мужества нашимъ!.. Собравъ шляхту, приказалъ ей готовиться къ выступленію. Самъ тѣмъ временемъ поскакалъ въ Хущу, главный застянокъ, которому далъ приказъ ударить на Ломазы. Хуща—длинное, растянувшееся на двѣ версты селеніе. По одной сторонѣ его стоятъ жилые дома, а по другой—хозяйственныя постройки.

Когда я въѣхалъ въ застянокъ, моимъ глазамъ представилась такая картина. У каждаго дома, сообразно тому, сколько человѣкъ изъ него принимало участіе въ возстаніи, стояли косы, опертыя на стѣны. Это была улица косъ. Проѣхалъ Хущу во всю длину до костёла. За мною бѣжалъ народъ съ косами въ рукахъ. Въ костельномъ домѣ засталъ нѣсколькихъ мѣщанъ изъ Ломазъ, Чапинскаго и Шанявскаго, помѣщика изъ Красувки. Послѣдній разсказалъ мнѣ, что по сигналу къ возстанію[1]) онъ собралъ дворовыхъ людей и вмѣстѣ съ ними и шляхтою напалъ на Ломазы. Энергичный, храбрый и живой, онъ, несмотря на свои 50 лѣтъ, вмѣстѣ съ кс. Навроцкимъ являлся душею нападенія на Ломазы[2]). Русскихъ и тутъ захватили врасплохъ. Не успѣли они даже осѣдлать лошадей и бѣжали въ Мендзыречь, оставивъ въ нашихъ рукахъ вахмистра, трехъ солдатъ, сѣдла на 70 лошадей, сабли и множество пикъ.

Такъ отличилась наша шляхта въ эту ночь! Если бы у насъ было оружіе и хотя бы одинъ на сто человѣкъ, ознакомленный съ тактикой, чтобы поставить нестройныя толпы на военную ногу,

---

[1]) Такимъ сигналомъ, по большей части, былъ ударъ въ колоколъ. Г. В.

[2]) Послѣ одномѣсячной дѣятельности его настигли правительственныя войска близъ почтовой станціи Соцпна по дорогѣ въ Варшаву, и онъ палъ въ стычкѣ. Жена его, ревностная патріотка «курьерка» (почталіонъ ržąd'a), въ концѣ 1863 г была арестована и выслана на жительство въ Сибирь. Г. В.

то—говорю это по прошествіи слишкомъ 30 лѣтъ, когда уже пылъ остылъ, и человѣкъ хладнокровно смотритъ на прошлое—мы вышли бы побѣдителями. Мы были проникнуты энтузіазмомъ, а русскіе, сверхъ ожиданія, проявили непонятную, просто, вялость. При такихъ условіяхъ перевѣсъ непремѣнно склонился бы на нашу сторону. Недостатокъ оружія все испортилъ. Даже теперь, какъ вспомню эту толпу, которая пошла за мною изъ трехъ застянковъ, съ одпѣми косами въ рукахъ противъ пушекъ и штуцеровъ, оставивъ дома беззащитныхъ женъ, стариковъ и дѣтей,—слезы невольно навертываются на глазахъ, какъ выраженіе почтенія къ людямъ, которые, пылая любовью къ родинѣ, рѣшились на величайшія для нея жертвы.

VIII.

Собравъ застянки, я повелъ ихъ въ отрядъ, оставленный у Залѣсья. Тамъ нашелъ своего товарища по Кунео, Адама Радовицкаго[1]), Валерія Голяна, эмигранта (брата покойнаго каноника Сигизм. Голяна), унтеръ-офицера алжирскихъ легіоновъ, и нѣкоего Павловича, молодого офицера русской арміи, только-что выпущеннаго изъ артиллерійскаго училища. Оба ѣхали изъ Варшавы въ Кіевъ и оба пристали къ отряду. Радовицкаго я назначилъ начальникомъ кавалеріи, Голяна—начальникомъ штаба, Шанявскаго—начальникомъ всѣхъ стрѣлковъ, съ титуломъ полковника, Волянина—капитаномъ стрѣлковаго баталіона, Ненцкаго—командиромъ косиньеровъ и Павловича—своимъ адъютантомъ. Другимъ при мнѣ адъютантомъ состоялъ Стасякевичъ, ех-клирикъ изъ Янова. Кромѣ того, назначилъ нѣсколько офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, какъ, напримѣръ, Богуславскаго, Жуковскаго и др., фамилій которыхъ теперь уже не могу припомнить.

Тогда же я получилъ отъ народнаго правительства воззваніе къ мужикамъ, или манифестъ, объявлявшій, что кто добровольно примкнетъ къ возставшимъ, тотъ получитъ въ вѣчное владѣніе пять морговъ земли. Воззваніе написалъ Гиллеръ.

Затѣмъ я двинулся къ Янову-Подляскому запастись лошадьми изъ тамошней казенной конюшни, да кстати заняться обмундированіемъ своихъ ротъ. Въ Яновѣ я пробылъ три дня. Отрядъ нашъ возросъ до тысячи чел. Поэтому я рѣшилъ напасть на Бялу и овладѣть ею. Хотѣлось взять съ собою изъ Янова епископа Веніамина, ех-капуцина, но онъ сказался больнымъ...[2]). Тащить его

---

[1]) А. Радовицкій, помѣщикъ Кобринскаго уѣзда Гродненской губ., отставной офицеръ русск. арміи, назывался иногда Мирославчикомъ. Впослѣдствіи разстрѣлянъ въ Сѣдлецѣ.

[2]) Любопытныя свѣдѣнія о личности этого епископа сообщаетъ въ своихъ запискахъ бывшій повстанецъ Ягминъ («Ист. Вѣстн.», т. XLI, X, 575; т. L, 84). Г. В.).

силою не хотѣлъ, хотя для меня было очень желательно имѣть его при себѣ въ виду его огромнаго вліянія на народъ. Дорогою узналъ, что Мамаевъ въ тотъ же день выступилъ въ Сѣдлецъ, и я занялъ, такимъ образомъ, Бялу безъ боя. Наступилъ уже вечеръ. Въ городѣ всюду огни. Все населеніе—на улицѣ. Гауптвахта занята евреями. Они держатъ караулы, прицѣпивъ къ шапкамъ національные значки. Повсюду ликованіе. Прошла ночь. На другой день, утромъ, еврейскія депутаціи пригласили меня въ синагогу. Тамъ евреи приносили присягу народному правительству. Во время молитвы я держалъ руку на талмудѣ (?), а евреи, молясь, выкрикивали нѣсколько разъ мое имя. Потомъ отправили богослуженіе въ костелѣ. Ксендзъ Млечко освятилъ наши знамена. Согласно данной мнѣ инструкціи, я вызвалъ помѣщиковъ на выборы мѣстнаго народнаго правленія. Въ составъ уѣзднаго управленія должны были входить семь членовъ: одинъ крестьянинъ, одинъ еврей, одинъ мѣщанинъ, одинъ ксендзъ и трое помѣщиковъ—дворянъ. Съѣздъ былъ большой. Пріѣхалъ и Буховецкій, уѣздное свѣтило. Но не явился Станиславъ Александровичъ. Вмѣсто того, чтобы выбрать значительныхъ помѣщиковъ, собравшіеся выбирали преимущественно своихъ служащихъ. Когда стала замѣтна такая трусость, желаніе заслониться другими, отозвался одинъ изъ нихъ, нѣкто Лойко изъ-подъ Пищацъ.

— Выбирайте сами изъ своей среды!—крикнулъ онъ.—Мы къ партіи мятежа не принадлежимъ, и до возстанія намъ нѣтъ никакого дѣла!

Такая выходка могла имѣть печальныя послѣдствія для Лойки. Я уже хотѣлъ отдать приказъ Радовицкому арестовать Лойку, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что русскіе, подъ начальствомъ генерала Ностица, въ составѣ 7 ротъ пѣхоты, 1 роты саперовъ, съ 2 пушками и сотнею казаковъ, вышли изъ Бреста и къ вечеру будутъ въ Бялѣ. Въ ожиданіи битвы отложилъ распоряженіе касательно Лойки до слѣдующаго дня и распустилъ собраніе.

Прошло нѣсколько часовъ.

Къ вечеру появились русскіе и расположились лагеремъ въ 3 верстахъ отъ Бялы, на шоссе, у корчмы Бялки. Одну роту пѣхоты съ ротой саперовъ Ностицъ оставилъ у моста черезъ Крзну, чтобы починить его. Видя, что непріятель имѣетъ намѣреніе заночевать и только на слѣдующій день напасть на насъ, я рѣшился предупредить его, понимая, что выгоднѣе нападать, чѣмъ защищаться. Такъ я и сдѣлалъ. Обозъ оставилъ въ городѣ, а самъ съ отрядомъ въ 10 ч. вечера выступилъ противъ Ностица. Я могъ итти или прямо по шоссе вплоть до корчмы, у которой стоялъ противникъ, или по дорогѣ на Воскрзеницы. Выбралъ послѣднюю дорогу. Непріятель расположился на полянѣ, противъ корчмы, окруженной небольшимъ лѣсомъ. Слѣдуя параллельно, мы были отдѣлены отъ

него небольшими кустами. Когда же подошли и находились на одной съ нимъ линіи, увидѣли разложенные костры. Построивъ своихъ фронтомъ къ непріятелю, я раздѣлилъ ихъ такимъ образомъ. Лѣвое крыло—подъ начальствомъ Шанявскаго. Къ нему же присоединилъ Чапинскаго съ его людьми (230 чел.). Ему поручилъ занять шоссе между Бялкой и мостомъ и такимъ образомъ прервать сообщеніе между главнымъ обозомъ противника и саперами и пѣхотой, занятыми наводкою моста. Съ праваго крыла отдѣлилъ 50 стрѣлковъ подъ командою Богуславскаго. Имъ приказалъ подойти къ противнику лѣсомъ и открыть противъ него фальшивый огонь со стороны Бялы. Я полагалъ, что этимъ способомъ мнѣ удастся обратить вниманіе непріятеля на Бялу и тогда-то съ остаткомъ отряда ударить на него съ боку.

IX.

Стрѣлками командовалъ Волянинъ, косиньеровъ велъ Ненцкій, кавалерію въ 80 лошадей—Радовицкій, при мнѣ находились Голянъ и Павловичъ. Подходимъ къ непріятелю близко-близко. Уже ясно его различаемъ у разложенныхъ костровъ. Богуславскій, опередивъ насъ на 300—400 шаговъ, открываетъ огонь. Непріятель, словно обваренный кипяткомъ, гаситъ огни и стрѣляетъ въ лѣсъ наобумъ. Спѣшимъ впередъ. Волянинъ со своими стрѣлками занимаетъ ровъ при шоссе противъ поляны и начинаетъ атаку. Ненцкій съ косиньерами овладѣваетъ корчмой, вытѣсняетъ оттуда врага, беретъ двоихъ офицеровъ въ плѣнъ, убиваетъ и ранитъ нѣсколькихъ солдатъ. Непріятель отступаетъ на поляну. Косиньерамъ слѣдовало направиться туда же, выбить оттуда врага, и тогда сраженіе было бы выиграно. И дѣйствительно косиньеры идутъ впередъ. Противъ нихъ направлены два орудія. Противникъ открываетъ изъ нихъ огонь картечью. Нѣсколько человѣкъ падаетъ. Шляхта съ крикомъ ура оставляетъ шоссе. Ненцкій собираетъ разсыпавшихся въ разныя стороны и снова двигается на шоссе. Снова залпъ картечью. Снова выбываетъ изъ строя нѣсколько человѣкъ, а остальные отступаютъ. Недоставало у насъ унтеръ-офицеровъ, которые бы понимали, что орудія страшны только до выстрѣловъ, послѣ же выстрѣловъ ихъ легко можно брать... Видя, что косиньеры не справятся, обращаюсь къ Радовицкому.

— Адамъ,—кричу ему,—надо взять эти пушки, иначе проиграемъ сраженіе!

Пройти бы могли только между корчмой и стоявшимъ съ боку ея овиномъ (stodola). По сторонамъ заборы и изгороди, такъ что итти развернутой линіей невозможно. А тутъ еще вдобавокъ наступили сумерки. Составляю шестерки (szóstki). Въ первой — я,

Радовицкій, Павловичъ и трое солдатъ. Выскакиваемъ на шоссе. Тутъ насъ встрѣчаетъ пушечный залпъ. Подо мною убита лошадь. Я падаю. Хотя не ранили, но лошадь придавила мнѣ ногу. Высвободиться не могу. Раздается новый залпъ. Происходитъ замѣшательство. Радовицкій, будучи увѣренъ, что я убитъ, отступаетъ. Солдаты за нимъ. Одинъ изъ солдатъ замѣтилъ меня и подалъ коня. Сажусь на него. Но уже моментъ потерянъ, тѣмъ болѣе, что и по отряду разнеслась вѣсть, будто я убитъ. Ненцкій отступаетъ съ косиньерами. Съ тѣхъ поръ я его уже больше не видалъ. Знаю, что позднѣе онъ погибъ въ одномъ изъ сраженій въ Люблинскомъ воеводствѣ. Волянинъ, хотя и не спѣша, но тоже ретируется, отстрѣливаясь безъ перерыва. Собираю отрядъ тутъ же подъ Бялкой. Хотѣлъ еще разъ повторить атаку, но долженъ былъ отказаться отъ этой мысли, такъ какъ отрядъ находился въ самомъ безпорядочномъ состояніи. А тутъ еще подоспѣло извѣстіе, что къ непріятелю подошли подкрѣпленія со стороны моста. Ихъ встрѣтилъ Шанявскій, но атаку велъ чрезвычайно слабо и позволилъ имъ соединиться. Такимъ образомъ силы генерала Ностица значительно увеличились. Поэтому я рѣшилъ вернуться въ Бялу и тамъ подготовиться снова. Ностицъ за мною не пошелъ. Онъ ждалъ наступленія дня. Въ Бялѣ мнѣ пришлось и приводить въ порядокъ свой отрядъ и наблюдать за Ностицемъ.

Былъ уже полдень, а онъ не показывался. Послѣ оказалось, что генералъ Ностицъ самъ поджидалъ подкрѣпленій изъ Бреста. Не возвращался и Шанявскій. Я видѣлъ, что трудно будетъ удержаться со своимъ отрядомъ въ Бялѣ, забралъ, что только было возможно: патроновъ, муки, овса, и выступилъ къ Янову, предполагая тамъ встрѣтить Шанявскаго. Дѣйствительно, мы встрѣтились на слѣдующій день по занятіи Янова. Въ качествѣ трофеевъ намъ достались два офицера, захваченные въ корчмѣ косиньерами. Бялу занялъ Ностицъ и тамъ похоронилъ 140 убитыхъ солдатъ и 2-хъ офицеровъ. Погребальный обрядъ исполнили ксендзы-базиліане, коихъ костелъ съ мощами св. епископа Іосафата находился въ Бялѣ.

Въ Яновѣ я пробылъ снова нѣсколько дней, обучая солдатъ и изготовляя мундиры для стрѣлковъ. Кавалерія моя здѣсь увеличилась на сто слишкомъ лошадей. Было у меня 40 конюховъ изъ яновской конюшни. Всѣ оказались отличными наѣздниками. Изъ кучеровъ и молодежи я сформировалъ недурный отрядецъ. Радовицкій, человѣкъ вообще очень отважный и превосходный наѣздникъ, служилъ для другихъ примѣромъ. Въ Яновѣ я узналъ о сраженіи подъ Венгровымъ,—сраженіи, хотя и не выигранномъ, но въ которомъ наши дрались геройски. Предводительствовалъ нашими Влад. Яблоновскій. Обыкновенно приписываютъ командованіе войсками въ этой битвѣ Янку Соколу (Матлинскому), но онъ

только принималъ въ ней участіе, войсками же не командовалъ. Узналъ также, что послѣ боя отрядъ переправился за Бугъ къ Дрогичину, и что за Бугомъ собираются значительныя силы.

Я имѣлъ распоряженіе центральнаго комитета: въ случаѣ невозможности удержаться на варшавско-брестской линіи — переправиться за Бугъ и тамъ распространять возстаніе. Теперь я рѣшилъ сдѣлать это.

Итакъ, собираю отрядъ, забираю серебра на нѣсколько тысячъ рублей. Лишь только нашъ обозъ выступилъ изъ города къ Немирову, узнаю отъ разъѣзда, высланнаго подъ Бялу, что Ностицъ двигается къ Янову. Отступая къ Бугу, мы каждую минуту ожидали нападенія. До Немирова оставалось 7 верстъ. Войска Ностица прошли черезъ Яновъ и настигали насъ. Казаки старались затруднять намъ движеніе. Ностицъ, повидимому, хотѣлъ встрѣтиться съ нами въ открытомъ полѣ и тамъ дать битву. Я спѣшилъ къ Бугу. Отстрѣливаясь отъ казаковъ, дошли мы до Немирова. Это — деревня, расположенная по обѣимъ сторонамъ Буга, извѣстная, какъ пограничный пунктъ трехъ государствъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши. Берега Буга—слишкомъ покатые, поросли ветлами. Впереди деревни—нѣсколько холмовъ. На берегу нашли поромъ. Обозъ началъ переправляться. А такъ какъ я имѣлъ при себѣ сто возовъ, ибо однѣхъ косъ везъ 2.000 штукъ, то переправа шла медленно. Отрядъ я выстроилъ напротивъ деревни фронтомъ къ противнику. На лѣвомъ флангѣ, на холмѣ, стала кавалерія Радовицкаго, середину заняли стрѣлки Волянина, на правомъ флангѣ—часть стрѣлковъ Шанявскаго, за ними косиньеры Голяна.

Въ такомъ порядкѣ мы отступали къ Бугу. Казаки назойливо атаковали стрѣлковъ, желая дать возможность ген. Ностицу настигнуть насъ. Посылаю приказъ Радовицкому разсѣять казаковъ. Тотъ строитъ колонну шестерками и атакуетъ казаковъ. Казаки не струсили. Эсаулъ ихъ развернулъ линію, по обычаю, татарскимъ полумѣсяцемъ. Повидимому, онъ хотѣлъ нашихъ окружить. Но тутъ случилось то, что можетъ случаться развѣ только съ отрядами повстанцевъ, а не съ обученными солдатами. Встали они, какъ вкопанные, въ облакахъ пыли, поднятой лошадиными копытами. Тогда Шанявскій бросился впередъ и выстрѣлилъ изъ пистолета. Это послужило сигналомъ. Наши ударили, и битва продолжалась не многимъ болѣе двадцати минутъ. Перевѣсъ оказался на нашей сторонѣ. Тридцать три лошади достались въ наши руки, нѣсколько раненыхъ казаковъ осталось на полѣ. Эсаула убилъ одинъ изъ конюховъ. Впрочемъ и самъ былъ раненъ: сперва эсауломъ—саблею, а потомъ однимъ изъ казаковъ—пикою. Кромѣ него, у насъ было еще нѣсколько раненыхъ, но ни одинъ изъ нихъ не пропалъ. До боя на штыкахъ не дошло. Непріятель только издали обдавалъ выстрѣлами.

Переправивъ обозъ за Бугъ, переправились и сами поочередно. Кавалерія перешла вплавь, осыпаемая гранатами. Когда послѣдній взводъ стрѣлковъ сѣлъ на поромъ, мы съ Волянинымъ переѣхали на лодкѣ. Мнѣ дали лошадь. Приказалъ всѣмъ собраться на приходѣ (na probostwie), а Волянину наблюдать за берегомъ. Поромъ вытащилъ на берегъ, надѣлалъ въ немъ дыръ и только что сѣлъ на коня, какъ какая-то шальная пуля ударила Волянина въ лобъ и уложила на мѣстѣ...

Это была немалая для насъ потеря. Лишились мы энергичнаго и очень отважнаго товарища. Въ первой битвѣ подъ Бялкой онъ все время находился на шоссе, у рва, изъ котораго наши стрѣляли, стоя на колѣняхъ. Одежда его была прострѣлена, какъ рѣшето, но самъ онъ вышелъ невредимымъ. И вдругъ теперь, послѣ битвы, падаетъ, сраженный шальною пулею! Если гибнетъ такой одинъ, съ нимъ гибнутъ тысячи. Вѣчная тебѣ память, братъ, Бальтазаръ Волянинъ! Похоронили мы его на другой день, послѣ богослуженія, въ Немировѣ.

Выстрѣлы уже достигали до насъ, лопались даже гранаты. Два русскіе офицера, взятые нами въ плѣнъ подъ Бялкой, закрывали головы плащами, чтобы не видѣть смерти отъ пуль собственныхъ солдатъ. Это смѣшило нашихъ, мы уже такъ къ этому привыкли, что перестали обращать вниманіе. Такъ прошла ночь. Отдыхъ — похороны Волянина. Двигаемся къ Высоко-Литовску. Не доходя семи верстъ, дѣлаемъ привалъ въ деревнѣ, принадлежавшей Земкевичамъ. На другой день съ нѣсколькими конными ѣду въ Литовскъ къ Сапѣгѣ. Застаю его дома и умоляю посвятить себя дѣлу обороны, стать во главѣ тысячнаго отряда, который уже два раза былъ въ огнѣ, убѣждаю, что достаточно ему отозваться, чтобы возстала вся Литва. Ничего не помогло. Увы! Это не былъ потомокъ тѣхъ Сапѣгъ, которые всегда имѣли сабли наготовѣ для защиты родины. Далъ онъ намъ шесть коней, двѣ двустволки да 250 р. денегъ. Вотъ жертва, которую онъ принесъ на алтарь отечества! Съ этимъ я воротился къ своему обозу.

X.

Узнавъ, что въ Семятичахъ, въ разстояніи 35 верстъ отъ Высоко-Литовска, стоитъ отрядъ повстанцевъ, неизвѣстно подъ чьимъ начальствомъ и какой численности, я послалъ туда письмо такого содержанія: «Начальникъ подляскаго отряда проситъ начальника отряда въ Семятичахъ безотлагательно прибыть со своимъ отрядомъ для дальнѣйшихъ совмѣстныхъ дѣйствій». Затѣмъ слѣдовали подпись, печать и подпись начальника штаба Голяна.

Если бы этотъ начальникъ послушался меня тогда, то, быть можетъ, и послѣдствія были бы болѣе благопріятныя для насъ.

Я имѣлъ тогда намѣреніе итти къ Бѣловѣжи, жилищу не однихъ только зубровъ, но и людей, которые помнили еще 1830 годъ.

Къ несчастію, въ Семятичахъ начальствовалъ человѣкъ надменный, случайно попавшій въ начальники, какой-то архитекторъ изъ Ланъ. Собралось тамъ много варшавской молодежи и окрестной шляхты. Предводителя не находилось. Этотъ имъ подвернулся, понравился, и всѣ бросились къ нему. Высокомѣріе, съ какимъ онъ трактовалъ возстаніе, достаточно выразилось въ его письмѣ ко мнѣ, присланномъ съ Юліаномъ Ходоровичемъ, моимъ школьнымъ товарищемъ. Отвѣтъ гласилъ: «Главный вождь подляской арміи приглашаетъ настоящимъ письмомъ начальника подляскаго отряда безотлагательно явиться въ Семятичи, въ главную квартиру, для дальнѣйшихъ совмѣстныхъ дѣйствій. Замечекъ vel Цихорскій. Начальникъ штаба Сейфридъ».

Такой отвѣтъ чрезвычайно меня удивилъ. Спрашиваю Ходоровича:

— Сколько тамъ васъ? Что дѣлаете?

Отвѣчаетъ, что ихъ навѣрное до трехъ тысячъ человѣкъ, что они шьютъ мундиры и изготовляютъ панцыри для улановъ.

— Нашъ генералъ,—прибавилъ онъ,—имѣетъ уже прекрасный мундиръ съ огромной лентой на груди, поэтому примкни къ намъ, иначе будетъ плохо...

Я колебался. Я могъ воспользоваться своими правами правительственнаго комиссара и итти туда, гдѣ мнѣ нравилось. Но, любя родину и дѣло, которому я отдался, я оставилъ личныя соображенія. Въ надеждѣ, что мой отрядъ останется мнѣ послушнымъ, и я буду имѣть перевѣсъ надъ семятичскимъ сборищемъ, — пошелъ туда.

Приходилось пройти 35 верстъ съ отрядомъ въ 950 человѣкъ и сотнею повозокъ. Переходъ нелегкій. Было уже темно, когда я остановился на ночлегъ въ придорожной корчмѣ, не доѣзжая верстъ 10 до Семятичъ.

Едва мы начали размѣщаться, какъ услышали гулъ пушечнаго выстрѣла. Догадался, что это сигналъ къ бою въ Семятичахъ. Перебѣжать 10 верстъ ночью съ тысячей человѣкъ представлялось невозможнымъ. Однако, нравственно связанный въ своихъ дѣйствіяхъ, я послалъ тѣхъ, которые могли поспѣть во-время: Радовицкаго съ кавалеріею и Голяна. Тѣ вбѣжали въ городъ въ ту минуту, когда непріятель оттуда уже выступалъ.

Прежде чѣмъ описать это ночное нападеніе, мнѣ слѣдуетъ остановиться на топографіи Семятичъ. Городъ расположенъ на дорогѣ къ Бугу, между Дрогичиномъ, Бѣлостокомъ, у широкихъ болотъ. Слѣдуя изъ Высоко-Литовска, Бѣльскомъ надо перейти и болота и рѣку по мосту, переброшенному черезъ нихъ и ведущему прямо на рынокъ. Отсюда налѣво идетъ аллея къ дворцу (palacu) и суконнымъ фа-

брикамъ, а дальше—дорога въ Дрогичинъ. Направо два костёла, католическій и уніатскій, а за ними два кладбища, опоясанныя стѣною. Уже на окраинѣ города, за кладбищами, при дорогѣ на Бѣльскъ и Бѣлостокъ, начинаются и тянутся на большое пространство помянутыя болота. На рынкѣ тогда стояла большая каменная корчма, а со стороны Высоко-Литовска, впереди болотъ, большой деревянный госпиталь изъ нѣсколькихъ павильоновъ, въ то время пустой. Городъ былъ майоратомъ барона Фаусхаве (Faushawe). Начальникъ Замечекъ стоялъ уже въ Семятичахъ десять дней, забавляясь шитьемъ мундировъ и изготовленіемъ панцырей изъ жести, обшитыхъ клеенкой. Окружилъ онъ себя нѣсколькими десятками молодыхъ людей, назвавъ ихъ своимъ штабомъ, назначалъ офицерами такихъ господъ, которые не могли быть и рядовыми. О томъ, гдѣ—противникъ, что онъ дѣлаетъ,—не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Никакихъ карауловъ! Никакихъ разъѣздовъ! Поэтому неудивительно, что, когда русскіе вошли со стороны Бѣльска въ городъ и были уже на рынкѣ, молодежь, расквартированная по домамъ, замѣтила ихъ только тогда и начала стрѣлять изъ оконъ наобумъ. Темная ночь и рана, полученная полковникомъ, предводительствовавшимъ непріятелемъ, заставили послѣдняго отступить. Тогда молодежь, никѣмъ не руководимая, опьяненная успѣхомъ, пускается за отступающимъ противникомъ въ поле и наскакиваетъ прямо на орудія. Слѣдуетъ выстрѣлъ. Нѣсколько нашихъ падаютъ мертвыми, остальные бѣгутъ. Русскіе, со своей стороны, ошеломленные пѣснею: «eszcze Polska nie zginęła!» тоже отступаютъ.

Утромъ Замечекъ рѣшилъ оставить городъ. Онъ выслалъ обозъ съ кавалеріей въ Дрогичинъ, подъ начальствомъ Плюцинскаго, начальника желѣзнодорожной станціи на Прагѣ. И хотя онъ зналъ отъ Радовицкаго, что я всего въ 10 верстахъ отъ него, однако не воздержался отъ высылки кавалеріи въ 200 коней, чѣмъ немало ослабилъ отрядъ.

Радовицкій возвращается съ рапортомъ, что врага уже не засталъ. Является съ нимъ и Сейфридъ (начальникъ штаба Замечека). Смотрю: тотъ самый, что̀ выѣхалъ съ Сигизмундомъ Падлевскимъ изъ Варшавы. Послѣ оказалось, что это былъ человѣкъ малой отваги, а большого самомнѣнія.

Повертѣвшись недолго, Сейфридъ вернулся въ Семятичи. Такимъ образомъ Замечекъ зналъ и отъ начальника своего штаба, съ какимъ я иду отрядомъ и что къ утру буду. Однако, это не удержало его отъ намѣренія оставить Семятичи.

XI.

Восемь часовъ утра. Подхожу къ городу и занимаю помянутыя строенія госпиталя. Привожу въ порядокъ обозъ и раздаю стрѣлкамъ всѣ, какіе имѣлъ, патроны... Является ко мнѣ Янъ Матлинскій (Янекъ Соколъ) съ нѣсколькими всадниками. Онъ пріѣхахъ отъ Яблоновскаго, который стоялъ лагеремъ съ 800 человѣкъ въ 6 верстахъ отъ Семятичъ. Послѣ битвы подъ Венгровымъ онъ переправился за Бугъ. Посылаю приказъ Яблоновскому прибыть немедленно, такъ какъ сраженіе ожидается съ минуты на минуту. Съ этимъ приказомъ поѣхалъ Матлинскій. Я былъ увѣренъ, что ожидаемое подкрѣпленіе подойдетъ самое долгое черезъ два часа. Расквартировавъ отрядъ, отправился въ городъ. Въѣзжаю на рынокъ, а съ другой стороны входитъ въ городъ съ 400 человѣкъ Левандовскій. Онъ послѣ недавняго дѣла подъ Сѣдлецомъ также переправился за Бугъ. При немъ находился докторъ Чарковскій изъ Лосицъ, о которомъ я уже упоминалъ.

Слѣзаю съ коня и вхожу въ корчму, гдѣ помѣщалась квартира главнаго вождя подляской арміи, Замечека. Въ избѣ, переполненной табачнымъ дымомъ, застаю до 50 молодцовъ въ яркихъ одеждахъ и уланскихъ мундирахъ. Среди нихъ замѣчаю подъ окномъ чуловѣка съ черною бородою, въ бѣлой шапкѣ, въ темнозеленомъ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ, съ широкою голубою лентою черезъ плечо. Это и былъ Замечекъ.

На мой вопросъ, что значитъ это собраніе,—одинъ изъ юношей отвѣтилъ, что это—штабъ генерала.

Возмущенный видѣннымъ, оборачиваюсь къ Радовицкому, съ съ которымъ стояли также Голянъ, Шанявскій и Левандовскій, и говорю:

— Сейчасъ же отправь ихъ всѣхъ въ строй. Намъ нужны солдаты, а не штабные.

Послышался ропотъ. Но когда Радовицкій скомандовалъ своимъ кавалеристамъ, стоявшимъ на улицѣ: «долой съ коней!» —всѣ оставили корчму.

Тогда произошелъ между мною и Замечекомъ горячій разговоръ. Я отрекомендовался правительственнымъ комиссаромъ и представилъ Левандовскаго, какъ главнаго начальника, назначеннаго народнымъ правительствомъ для Подляскаго воеводства. Замечекъ уступилъ.

Выѣхали мы съ нимъ за городъ осмотрѣть позиціи и посовѣтоваться насчетъ обороны. Время было дорого. Въ подзорную трубу мы различали направлявшіяся къ намъ русскія колонны.

Порѣшили такъ: Замечекъ съ своими силами займетъ часть города со стороны Бѣльска (откуда надвигался непріятель), заночевавъ на кладбищахъ. За послѣдними встанутъ косиньеры. Середину

города—рынокъ, займетъ Левандовскій со своимъ отрядомъ, а я займу лѣвый флангъ—дворецъ.

Спѣшу къ обозу. Вручаю начальство надъ косиньерами Голяну, отдаю часть стрѣлковъ Шанявскому, надъ остальными принимаю команду самъ, забираю ихъ и веду черезъ городъ и рынокъ аллеею къ дворцу.

Это была уже третья наша битва. Шли мы весело и въ порядкѣ. Когда вышли на рынокъ, отрядъ Левандовскаго привѣтствовалъ насъ криками: «niech żyją!» [1]).

Бѣжимъ къ дворцу и занимаемъ его. Шанявскій стоитъ на окраинѣ города, между мною и Левандовскимъ, Радовицкій съ кавалеріею — въ аллеѣ, а Голянъ со своими косиньерами—снаружи дворца.

Планъ у насъ былъ такой. Ежели намъ удастся отбить атаку непріятеля, то мы со всѣми косиньерами выйдемъ въ поле и тамъ съ нимъ расправимся окончательно...

Я разсчитывалъ на переполохъ противника, когда съ тылу на него ударитъ Яблоновскій, о которомъ непріятель ничего не зналъ. Такимъ образомъ все сводилось къ тому, чтобы храбро отбить атаку. Русскіе приблизились, окружили городъ и начали къ нему подступать развернутою цѣпью.

Тутъ я замѣтилъ, что силы ихъ гораздо значительнѣе, нежели это казалось. Къ нимъ пришелъ на помощь генералъ Манюкинъ [2]) изъ Бѣлостока съ двумя эскадронами улановъ, шестью орудіями, двумя баталіонами пѣхоты и двумя сотнями казаковъ.

Численностію мы ихъ превосходили, но наше оружіе было плохо, а солдаты не имѣли никакого понятія о военномъ дѣлѣ. Кромѣ того, нашимъ воинамъ недоставало отваги.

Пушечный выстрѣлъ. Граната ударила въ дворцовую крышу. Мусоръ посыпался на наши головы. Началась битва.

Русскіе бросились въ атаку. Ружейныя пули начали свистать, гранаты стали лопаться надъ головами. Мы же принуждены были ждать, пока непріятель не подойдетъ на разстояніе нашихъ двустволокъ. Иначе какая была бы польза отстрѣливаться?..

Но вотъ на атакующихъ двинулись косиньеры... Надо признаться, ударили они ловко, ибо врагъ на минуту поколебался... Мнѣ хотѣлось знать, такъ ли было на всей линіи, но дымъ не позволялъ окинуть взглядомъ позиціи. Посылаю къ Шанявскому узнать, какъ идетъ оборона. Вдругъ вбѣгаетъ Радовицкій съ запискою отъ Левандовскаго. Послѣдній увѣдомляетъ, что нашъ правый флангъ—Замечекъ, отступилъ, выбитый съ кладбищъ двумя

---

[1]) «Да здравствуютъ!» Г. В.

[2]) Дивизіонный генералъ, начальникъ августовскаго военнаго отдѣла въ 1863 г. Г. В.

ротами непріятельской пѣхоты, и что непріятель собирается атаковать рынокъ.

Итакъ, Замечекъ отступилъ... Отступилъ, не уступивъ силѣ, а просто по трусости. Этимъ онъ погубилъ цѣлый отрядъ и былъ причиною проигранной битвы подъ Семятичами. Отступая по болотамъ, онъ потратилъ понапрасну массу свинца.

Тѣмъ временемъ Шанявскій со своими отбиваетъ русскихъ стрѣлковъ. Они уже два раза отступали передъ его выстрѣлами... Осыпали насъ градомъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, однако попрежнему не подходили подъ наши пули... Такой неравный бой длился цѣлый часъ.

Смотримъ, непріятель снова собирается произвести атаку главнымъ образомъ на нашъ правый флангъ, и направляется прямо на рынокъ, гдѣ стоялъ Левандовскій. Новый гонецъ отъ него: «Отступаю. Насъ окружаютъ. Атаки не выдержу!»... Передъ нами всѣ силы непріятеля. Наши стрѣлки, прикрываясь рѣшеткою, окружающею дворецъ, мѣтко посылаютъ пули и, благодаря этому, нѣсколько задерживаютъ поступательное движеніе противника. Снова прибѣгаетъ Радовицкій съ извѣстіемъ, что врагъ уже на рынкѣ, что Левандовскій отступилъ и спрашиваетъ, что дѣлать. И что же? должны были, хотя это и было очень тяжело, отступать и спѣшить къ обозу, которымъ могли овладѣть казаки.

Минута настала критическая. Радовицкій стремительно перебѣгаетъ рынокъ, мостъ и достигаетъ обоза въ тотъ моментъ, когда казаки уже успѣли отрѣзать постромки у нѣсколькихъ лошадей. Радовицкій отбиваетъ обозъ, забираетъ его и выводитъ на дорогу, по которой мы пришли, къ той самой корчмѣ, гдѣ ночевали. Я тѣмъ временемъ освобождаю Шанявскаго и собираю отрядъ.

— Ребята!—обращаюсь къ своимъ:—мы отступимъ, но нога за ногу, отстрѣливаясь.

Этимъ способомъ мы заслоняемъ косиньеровъ, идущихъ впереди съ Голяномъ. Выходимъ на рынокъ. По одной сторонѣ—непріятель, по другой—мы... Идемъ на мостъ. Тутъ въ нашей сомкнутой колоннѣ падаетъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ нѣсколько человѣкъ. Спѣшимъ въ безпорядкѣ за городъ. Городъ, между тѣмъ, пылалъ. Загорѣлся отъ выстрѣловъ. Пожарище освѣщало нашъ путь отступленія. Скорбь и гнѣвъ овладѣвали нами... Приходилось отступать, когда еще такъ недавно мы были увѣрены въ побѣдѣ! Замечекъ позволилъ выбить себя изъ позиціи, а Яблоновскій не пришелъ, несмотря на приказаніе... Вотъ что насъ погубило. Этотъ Яблоновскій съ тѣхъ поръ совсѣмъ насъ оставилъ. Ушелъ за границу, сдѣлался агентомъ одной французской компаніи и, года два тому назадъ, умеръ въ Турціи.

XII.

Проигранное семятичское сраженіе дурно отразилось на развитіи возстанія въ Гродненской губерніи. Я остался безъ патроновъ. Стрѣлки имѣли ихъ едва по нѣскольку штукъ. Порохъ мы еще имѣли, но не имѣли времени приготовить патроны. Между тѣмъ солдаты были измучены и настоятельно нуждались въ отдохновеніи. Останавливаюсь на ночлегъ въ корчмѣ на дорогѣ къ Высоко-Литовску. Тамъ застаю Левандовскаго съ частью остатковъ отряда Замечека, его самого и Сейфрида, приготовившихся бѣжать. Какъ только насъ замѣтили, бѣгомъ пустились къ Бугу. И съ этихъ поръ ихъ слѣдъ простылъ.

Жалѣю, не велѣлъ ихъ тогда разстрѣлять!

Послѣ я узналъ, что они добѣжали до Дрогичина и, соединившись тамъ съ обозомъ, отправленнымъ впередъ, пошли дальше, что Замечекъ, приставъ къ отряду Падлевскаго, снова струсилъ и былъ причиною новаго проиграннаго сраженія... Что стало съ Замечекомъ,—не знаю. Вѣроятно перестал называться этимъ именемъ. Сейфридъ добился команды въ Мазовецкомъ воеводствѣ, но кто далъ ему такое назначеніе,—также не знаю. Знаю только, что въ памятной битвѣ, въ которой погибъ Юнгъ де-Бланкенхеймъ, а Влодекъ едва спасъ часть отряда (въ маѣ 1863 г.), Сейфридъ плохо отличился, покинулъ центръ и дозволилъ непріятелю окружить того и другого. За это былъ приговоренъ народнымъ правительствомъ къ разстрѣлянію, но вслѣдствіе безсилія комиссара, которому надлежало привести этотъ приговоръ въ исполненіе, былъ только разжалованъ, лишенъ команды и изъ-за позора ушелъ за границу.

Переночевавъ въ корчмѣ, собралъ свой отрядъ и остатки другихъ и двинулся назадъ къ Высоко-Литовску. Мнѣ хотѣлось или переправиться назадъ въ Подляское воеводство, или итти въ Бѣловѣжу, куда меня словно что-то тянуло... Меня особенно занимала мысль: распространить возможно шире возстаніе на Литвѣ, сдѣлать районъ его больше... Подъ вечеръ, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Зенкевичей, узнаю, что русскіе, подъ начальствомъ генерала Ностица, расположились тамъ бивуакомъ. Не въ завидномъ я очутился положеніи: нечѣмъ было атаковать и нечѣмъ было обороняться. Рѣшилъ уже направиться на Бѣловѣжу. Схожу съ дороги и останавливаюсь въ деревенькѣ, въ 3 верстахъ отъ Ностица, такъ что только небольшія болота да березнякъ насъ раздѣляли, пикеты же могли между собою разговаривать. Разбили обозъ и прежде всего занялись приготовленіемъ патроновъ, ожидая каждую минуту Ностица. Но онъ уже два раза съ нами встрѣчался и думалъ, что мы снова на него ударимъ. Притомъ, какъ оказалось послѣ, онъ не зналъ о нашемъ пораженіи, былъ увѣ-

ренъ, что я, собравъ семятическія силы, вернулся его атаковать... Такъ мы стояли недалеко другъ противъ друга почти сутки.

Тутъ-то собственно и завязалось между нами что-то въ родѣ знакомства.

Получаю отъ пани Зенкевичъ записку, что бывшій офицеръ русской арміи, какой-то Янишевскій, татаринъ, родомъ изъ-подъ Бялы, бывшій у меня въ отрядѣ и раненный подъ Немировымъ, когда возвращался домой, былъ взятъ въ плѣнъ генераломъ Ностицемъ, находится у него и, какъ офицеръ, вѣроятно, будетъ разстрѣлянъ.

У меня было двое русскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Бялкой.

Мнѣ пришло въ голову предложить Ностицу размѣнъ плѣнныхъ.

Сажу на бричку одного изъ этихъ офицеровъ, а на козлы косиньера съ письмомъ къ генералу:

«Генералъ! Предлагаю размѣнъ. Отпустите Янишевскаго, а я отошлю къ вамъ второго офицера. Если же нѣтъ, то разстрѣляю».

Въ теченіе двухъ часовъ офицеръ возвращается, привозитъ письмо отъ Янишевскаго, что онъ свободенъ, ѣдетъ домой, и записку отъ Ностица слѣдующаго содержанія: «Прошу сдержать слово».

Разумѣется, я сдержалъ. Сажу другого офицера въ бричку и отсылаю обоихъ. Косиньеръ съ бричкой, отвезя плѣнниковъ въ лагерь, воротился обратно.

Это было, какъ я сказалъ, мое первое знакомство съ Ностицемъ,—знакомство, которое имѣло для меня послѣ важныя послѣдствія.

Прошли цѣлыя сутки. Надежды выиграть сраженіе я не имѣлъ и рѣшилъ итти въ Бѣловѣжу. Тамъ я разсчитывалъ на позицію въ лѣсахъ, на мѣстное населеніе и на поголовное возстаніе.

Приказалъ сняться и двинулся къ пущѣ. Къ ночи достигли села помѣщика Снѣжка. Самого его я не засталъ дома. Пріѣхалъ онъ только ночью съ какимъ-то чиновникомъ. Снѣжко былъ вдовъ и имѣлъ сына, хорошенькаго мальчика 12—14 лѣтъ.

Здѣсь, у Снѣжка, я хотѣлъ передать главное начальство Левандовскому, какъ избранному народнымъ правительствомъ, желая этимъ показать примѣръ послушанія. Но всѣ, которые были со мною съ самаго начала, единогласно возстали противъ этого, прося меня остаться. Подъ утро направились въ сторону пущи. Ностицъ, узнавъ, что мы вышли, не атаковавъ его, двинулся слѣдомъ за нами и къ вечеру былъ уже у Снѣжка. Казаки его первыми ворвались во дворъ. Передъ домомъ встрѣтили помѣщичьяго повара. Онъ будто бы въ нихъ выстрѣлилъ. Снѣжко выскочилъ на дворъ,

чтобы предупредить бурю. Одинъ изъ казаковъ ударилъ его саблею и положилъ на мѣстѣ. Началась тревога. Подошло войско. Стали стрѣлять наобумъ изъ пушекъ, зажгли село и расхитили имущество. Въ одну минуту молодой Снѣжко потерялъ и отца и состояніе. Это—тотъ самый Снѣжко, который еще не такъ давно привлекался къ отвѣтственности за диффамацію противъ земскаго кредитнаго общества и былъ оправданъ судомъ. Въ настоящее время онъ состоитъ на службѣ гдѣ-то въ Россіи.

Только что мы вошли въ пущу, какъ Левандовскій вдругъ заявилъ, что дальше не пойдетъ, что онъ долженъ вернуться за Бугъ, въ царство Польское, такъ какъ назначенъ тамъ командиромъ. Не желая дѣлать раздвоенія, я объявилъ отряду, что освобождаю его отъ дальнѣйшаго похода, но, имѣя въ виду, что нужна диверсія, я вызвалъ охотниковъ, которые пожелали бы итти со мною. Тогда ко мнѣ пристало 150 молодыхъ людей, часть литвиновъ изъ-подъ Семятичъ, съ Брониславомъ Рыльскимъ и Легинымъ (Leginem), управляющимъ имѣніемъ изъ-подъ Семятичъ. Остальные были тѣ, что находились при мнѣ съ первой ночи возстанія. Я зналъ, что генералъ слѣдуетъ за нами по пятамъ, поэтому немедленно выдвинулся, взявъ съ собою двѣ повозки—одну съ амуниціею, а другую съ серебромъ, захваченнымъ въ Яновѣ. Это были великолѣпные сосуды, стоимостью въ нѣсколько тысячъ рублей. Выступилъ немедленно, желая обмануть Ностица. Но вотъ что случилось. Войдя въ пущу, я взялъ одного изъ пограничныхъ стражниковъ въ проводники. Проводникъ видѣлъ, что мы раздѣлились, и бѣжалъ къ Левандовскому. Попалъ на Ностица и разсказалъ ему, что я (т.-е. тотъ, что былъ въ красной гарибальдійской рубашкѣ) пошелъ къ сторожевому посту, называемому Крулевымъ мостомъ, а остальные повернули въ царство. Повидимому, Ностицъ считалъ меня важной особою, когда пропустилъ подлѣ себя Левандовскаго, такъ что тотъ безпрепятственно переправился за Бугъ, и пошелъ за мною съ 2 батальонами пѣхоты, 2 орудіями и казаками.

Ночуемъ на сторожевомъ посту при началѣ пущи. Отдѣляютъ насъ отъ нея болота и каналъ, черезъ который переброшенъ помянутый выше мостъ. Привожу въ порядокъ отрядъ, назначаю офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Все это была отважная молодежь, готовая на что угодно, немножко уже даже обстрѣленная, такъ что полезно было помѣщать въ ея среду новыхъ солдатъ. Передъ утромъ пріѣзжаетъ нѣкто Толачко, проживавшій тутъ вблизи, и заявляетъ, что оставилъ русскихъ въ 10 верстахъ отсюда. Дѣйствительно, не прошло и часа, какъ выстрѣлъ съ пикета далъ знать, что непріятель подходитъ. Хватаемся за оружіе. Вижу—непріятель хочетъ насъ окружить и развертывается цѣпью, чтобы отрѣзать намъ дорогу къ лѣсу. Между тѣмъ намъ надо перейти

плотину и мостъ. Выходимъ цѣпью. Начинается канонада. Два баталіона открыли противъ насъ огонь. Насъ значительно менѣе и поэтому отступаемъ, отстрѣливаясь. Теряемъ нѣсколько человѣкъ на плотинѣ, входимъ въ лѣсъ и сейчасъ же останавливаемся.

Проходитъ нѣсколько часовъ.

XIII.

Казаки и солдаты бросились за нами въ домъ, гдѣ мы ночевали. На дворѣ увидѣли повозки съ сундуками. Разбили одинъ. Увидѣли серебро и начали грабить. Отъ выстрѣловъ загорѣлась солома. Вспыхнулъ пожаръ. Разбиваютъ другой сундукъ, а тамъ былъ порохъ. Послѣдовалъ взрывъ. Въ результатѣ нѣсколько десятковъ раненыхъ и убитыхъ. По крайней мѣрѣ, даромъ не забрали порохъ!

Вижу, Ностицъ отправляетъ отрядъ по дорогѣ къ Бѣловѣжѣ. Чтобы избѣжать нападенія и выиграть время, не иду въ глубь пущи, а двигаюсь по ея краю. Уже поздно вечеромъ добираюсь до м. Щежева (Szczerzewa). Это—уже Пружанскій уѣздъ, и городъ Пружаны—отсюда всего въ 10 верстахъ.

Мы голодны, оборваны и снова безъ патроновъ и пороху. Щежевъ совершенно неожиданно далъ намъ всего въ изобиліи: и обуви, и бѣлья, и провіанту. Все мѣстечко сбѣжалось насъ накормить, а евреи доставили остальное. Когда же я заявилъ, что плачу за все, дали намъ то, въ чемъ больше всего ощущалась надобность: пороху, патроновъ и множество пистоновъ для ружей. И вотъ снова было чѣмъ стрѣлять. Прошло нѣсколько часовъ въ приготовленіи патроновъ.

Нечаянно узнаю, что въ Пружанахъ, въ казармахъ посреди города, стоитъ гарнизонъ въ 250 ч. Слѣдовало показать, что мы живы и отомстимъ за «Крулевинъ мостъ». Пригласилъ мѣщанъ приготовить для насъ, какъ можно скорѣе, повозки. Черезъ часъ мы уже были на пути въ Пружаны. Разсвѣтало. Входимъ въ спавшее еще мѣстечко и прямо къ казармамъ. Я—на первой повозкѣ. На караулѣ—солдатъ. Надо, чтобы онъ не поднялъ тревоги. Соскочилъ я съ повозки, и черезъ минуту солдата какъ не бывало. Мой кинжалъ его успокоилъ. Врываемся въ коридоръ казармъ. Тамъ лежатъ полусонные солдаты. Выстрѣлы. Всѣ сдаются. Намъ выносятъ на возы все оружіе и аммуницію... ихъ было вдвое болѣе насъ, а стоятъ, какъ бараны...

Идемъ въ казначейство. Забираемъ всю наличность—12 рублей, и съ полною аккуратностію расписываемся у кассира, не трогая тамъ же хранившихся денегъ вдовъ и сиротъ. Обезоруживаемъ тюремный караулъ и отпускаемъ всѣхъ на волю. Я положительно не зналъ, что дѣлать съ заключенными...

Въ полдень выступаю изъ Пружанъ, гдѣ къ намъ примкнуло только двое охотниковъ, и направляюсь къ Кобрину. Хотѣлъ пойти на Волынь, чтобы замести слѣдъ за собою. По дорогѣ заходилъ въ имѣніе Шеміота, майора 30-хъ годовъ, стараго вояки, человѣка еще крѣпкаго. У него ночуемъ. Тутъ я узнаю, что Ностицъ слѣдуетъ за мною, былъ уже въ Пружанахъ, и что изъ Кобрина вышло войско съ другой стороны, чтобы заступить мнѣ дорогу.

Приходитъ Гофмайстеръ изъ-подъ Пружанъ. Когда-то онъ былъ посланъ въ оренбургскіе баталіоны, человѣкъ въ высшей степени благородный и справедливый, гражданинъ, искренно любящій свою родину. Привозитъ ящикъ сигаръ. Я никогда не былъ страстнымъ курильщикомъ, и вотъ мнѣ пришла въ голову оригинальная мысль написать Ностицу письмо:

«Генералъ! Такъ какъ вы, не заставъ меня, вѣроятно, будете скучать, то оставляю вамъ сигары, чтобы вамъ было веселѣе скоротать время».

И въ самомъ дѣлѣ, когда Ностицъ пришелъ, Шеміотъ вручилъ ему письмо и сигары. Такимъ образомъ мои отношенія къ Ностицу стали еще тѣснѣе.

Избѣгая встрѣчи съ неравными силами, я шелъ все впередъ и впередъ. Хотѣлъ во что бы то ни стало пробраться на Волынь. Въ это время Сангинъ, коего родственники оставались подъ Семятичами, заявилъ, что хочетъ вернуться къ своимъ. Всѣ мои убѣжденія оказались напрасными. За нимъ послѣдовалъ и Бр. Рыльскій съ 50 молодыми людьми изъ-подъ Семятичъ. Съ грустію отдалъ имъ часть оружія, забраннаго въ Пружанахъ, половину амуниціи и денегъ.

— Возвращайтесь! — говорю. — Помоги вамъ Богъ! Я иду впередъ.

Они пошли назадъ. Ихъ постигла печальная участь. На другой же день встрѣтились съ русскимъ отрядомъ, шедшимъ изъ Кобрина, и всѣ погибли.

XIV.

Тѣмъ временемъ я дошелъ до Любешева. Тутъ представились двѣ дороги: итти на Волынь или къ Пинску. Извѣстія, полученныя мною (послѣ они оказались ложными), побудили меня итти къ Пинску. Гарнизонъ въ Пинскѣ былъ невеликъ: рота инвалидовъ, рота пѣхоты и сотня казаковъ. Городское населеніе, повидимому, хорошо подготовлено къ возстанію. Не доходя верстъ 10 до Пинска, посылаю туда Воловича, который хорошо зналъ положеніе дѣлъ въ городѣ. Самъ же пишу письмо къ предводителю дворянства Любомірскому. Прошу помочь мнѣ, когда я сдѣлаю нападеніе на городъ наступающею ночью. Насъ было 130 человѣкъ.

Городской гарнизонъ собрали подъ стѣнами православнаго собора. Любомірскій въ содѣйствіи отказалъ, а городъ, какъ оказалось, не имѣлъ никакой организаціи. Ко мнѣ примкнули двое: учитель гимназіи Остроменцкій и гимназистъ 7-го класса Круликовскій. Трудно было и разсчитывать на побѣдоносную атаку!.. Простоявъ подъ Пинскомъ два дня, перехожу на другой конецъ города, на дорогу, ведущую къ Слуцку и Минску. Тутъ перехватываю эстафету отъ городничаго къ губернатору. Изъ нея узнаю, что черезъ часъ высылаютъ 36 тысячъ рублей, опасаясь моего нападенія. Жду. Снова эстафета съ деньгами. Забираю деньги и иду къ Слуцку. Ночую въ имѣніи Любомірскаго. На разсвѣтѣ приказываю готовиться въ путь и снять караулы. Обознымъ при мнѣ находился нѣкто Закржевскій. При немъ состоялъ бывшій клирикъ изъ Янова, Жуковскій, дѣльный молодой человѣкъ. Начали снимать караулы. Одинъ изъ нихъ занималъ Остроменцкій. Раздался выстрѣлъ. Выстрѣлилъ Остроменцкій и ранилъ крупною дробью изъ двустволки Жуковскаго и Закржевскаго, а самъ бросился бѣжать. Потомъ я узналъ, что послѣ двухдневнаго скитанія онъ, помѣшанный, попалъ въ руки русскихъ и умеръ въ тюрьмѣ. Раненые, пока ихъ смотрѣли, отняли у меня нѣсколько часовъ времени. Взяли ихъ съ собою, но дорогою принуждены были оставить у одного шляхтича, такъ какъ у нихъ появился сильный жаръ. Двигаемся безостановочно.

Наконецъ, какъ-то разъ ночью останавливаемся въ Боркахъ, хуторѣ изъ нѣсколькихъ курныхъ избъ.

Ночь лунная, звѣздная. Видно все равно, какъ днемъ. У насъ много повозокъ и бричекъ. Одного оружія 18 возовъ. Разставляемъ пикеты. Всѣ полусонные спѣшатъ отдохнуть. Не тутъ-то было! Непріятель идетъ на насъ. Будетъ битва. Вскакиваемъ въ ту же минуту. Устанавливаемъ повозки. Изъ-за нихъ и изъ-за угловъ хатъ, съ ружьями въ рукахъ, поджидаемъ врага. Изъ лѣсу показываются русскіе ужемъ, подвое. Это были три роты Ревельскаго полка и сотня казаковъ. Казаки загораживаютъ намъ тылъ, а пѣхота двигается на насъ. Насъ въ семь разъ менѣе непріятеля. Тутъ уже не было рѣчи о побѣдѣ, каждый думалъ только о томъ, чтобы продать свою жизнь, какъ можно дороже. Начинаютъ стрѣлять.

— Ребята!—кричу своимъ.—Стрѣлять не спѣша! Мѣтить прямо въ грудь!

Выстрѣлы, надо правду сказать, были мѣтки. Рѣдѣли наши ряды. Не проходило минуты, чтобы кто нибудь изъ насъ не падалъ мертвымъ, не успѣвъ даже крикнуть. Остатокъ нашихъ строится клиномъ и начинаетъ отступать. Казаки хотятъ насъ окружить, но мы ихъ выбиваемъ выстрѣлами изъ сѣделъ и, въ концѣ концовъ, достигаемъ лѣса. Тѣмъ временемъ непріятельская пѣхота расхищаетъ на хуторѣ обозъ.

Это была послѣдняя битва.

Честь вамъ, отважные товарищи изъ-подъ Борокъ! Вы всѣ легли по-рыцарски, съ кликомъ: «Jeszcze Polska nie zginęła!»

Окрестности Пинска на всемъ пространствѣ, какое я прошелъ, покоились сномъ. Организаціи тамъ еще не было. Вильно и литовскіе комитеты только что принимались за дѣло. Русь едва просыпалась. Однѣ лишь коронныя земли были подготовлены, но тамъ были люди, а не было оружія; здѣсь же было оружіе, а не было людей, приготовленныхъ къ бою.

Я со своимъ отрядомъ прошелъ такое разстояніе, какого не проходилъ еще ни одинъ изъ отрядовъ повстанцевъ. Вертѣлись они, обыкновенно, на небольшомъ пространствѣ, пока ихъ не разбивали, не понимая задачи, какую преслѣдовало наше возстаніе... Все это уже, слава Богу, миновало и повториться не должно. Нашъ край инымъ путемъ долженъ достичь независимости.

Избѣжавъ погони, попадаемъ въ лѣсъ, въ имѣніе Обуховича, потомъ, черезъ пинскія болота добираемся до береговъ Припяти имѣнія Антона Еленскаго. Тутъ окружаетъ насъ толпа враждебно настроенныхъ противъ насъ мужиковъ, такъ что пришлось оружіемъ прокладывать себѣ дорогу. Узнавъ, что въ Туровѣ, у Млынскаго, завтра состоится съѣздъ шляхты, я съ однимъ изъ товарищей отправился въ Туровъ, а своихъ людей оставилъ ночевать у управляющаго.

Млынскаго, бывшаго уланскаго офицера, засталъ дома. У него былъ какой-то споръ съ мѣщанами. Послѣдніе всѣ—православные. Вижу, Млынскій труситъ. Сажусь на коня и назадъ. Впослѣдствіи, какъ я узналъ, онъ примкнулъ къ отряду ксендза Мацкевича [1]) и, взятый въ плѣнъ, былъ разстрѣлянъ.

Наконецъ пробилъ и мой роковой часъ. Мужики съ попомъ во главѣ окружили меня и держали цѣлый часъ до самаго пріѣзда русскаго командира Альбертова, сына плоцкаго губернатора. Не будучи въ силахъ защищаться, я сдался.

Долженъ признаться, что Альбертовъ обошелся со мною по-рыцарски. Пріѣхалъ и адъютантъ Ностица. Послѣдній послѣ сраженія при Боркахъ воротился въ Пинскъ. Сейчасъ же снарядили

---

[1]) Ксендзъ Владиславъ Мацкевичъ—одинъ изъ самыхъ выдающихся польскихъ партизановъ на Литвѣ въ 1863 г. Самъ Муравьевъ («Записки», гл. I, вступл.) о немъ говоритъ: «Человѣкъ необыкновенно ловкій, дѣятельный, умный... онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ народѣ, безпрестанно формировалъ шайки и появлялся въ разныхъ мѣстахъ»... А князь Имеретинскій (Воспоминанія о графѣ М. Н. Муравьевѣ, «Историческій Вѣстникъ», т. L, 615) прибавляетъ, что Мацкевичъ былъ «человѣкъ недюжиннаго ума, одаренный непреклонною волею и несокрушимою энергіею, въ стычкахъ съ нашими войсками онъ часто высказывалъ несомнѣнный военный талантъ». Пойманный въ концѣ 1863 г., онъ былъ повѣшенъ. Г. В.

поѣздъ изъ восьми повозокъ. На одну изъ нихъ посадили меня и подъ конвоемъ солдатъ и казаковъ отвезли въ Пинскъ.

Здѣсь въ первый разъ я встрѣтился лично съ генераломъ Ностицемъ.

Онъ вошелъ въ комнату, гдѣ собралось много офицеровъ, съ любопытствомъ разсматривавшихъ меня, и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ по-русски:

— Г-нъ Р., я вашу храбрость уважаю. Подалъ бы вамъ руку, но руки ваши обагрены кровью моихъ соотечественниковъ. Вы подняли мятежъ противъ нашего государя и народа. Если вамъ это будетъ прощено, останемся друзьями...

Спросивъ, не усталъ ли я и не голоденъ ли (36 часовъ я былъ въ походѣ), вызвалъ меня въ другую комнату, позволилъ мнѣ умыться и началъ разговоръ о судьбѣ нашего отряда. Окружили насъ офицеры, и стали мы толковать о стратегіи, о подробностяхъ нашей кампаніи и т. д.

Въ Пинскѣ пробылъ я нѣсколько дней. Отсюда генералъ Ностицъ лично отвезъ меня въ Брестъ и, снявъ съ меня фотографію, приказалъ меня отправить въ Варшаву.

Тамъ со станціи желѣзной дороги подъ конвоемъ кавалеріи и пѣхоты меня, какъ одного изъ первыхъ предводителей возстанія, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, доставили въ цитадель.

Открылась слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ Витковскаго. Объявленный мнѣ смертный приговоръ былъ замѣненъ, благодаря заступничеству Ностица, пожизненною ссылкою въ Сибирь. 14 августа 1863 г. вывезли меня изъ цитадели. О военной комиссіи, о Сибири и нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ времени возстанія разскажу послѣ, когда нибудь, ежели силы позволятъ.

Черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ, разрѣшенный отъ грѣховъ молодости, я получилъ свободу и навѣстилъ генерала Ностица, нынѣ (1896) уже старичка, доживающаго вѣкъ въ своемъ помѣстьѣ на Украйнѣ. Встрѣтилъ онъ меня съ непритворною радостью и радушіемъ...

НА «ЗЕБИЛЬНОМЪ» ПРОМЫСЛѢ.

I.

ЕДАВНО мнѣ случайно пришлось побывать на «тихомъ» Дону.

Пароходъ, на которомъ я ѣхалъ, нечаянно «приткнулся» къ мелкому мѣсту, приходилось нѣсколько часовъ ожидать, пока ему удастся сняться.

— Знаете что,—предложилъ мнѣ одинъ изъ пассажировъ,—чѣмъ намъ сидѣть здѣсь на пароходѣ выберемтесь-ка лучше на берегъ.

— Дѣйствительно, это будетъ самое лучшее, — согласился я.

— Нужно только хорошенько узнать, когда капитанъ надѣется сняться съ мели.

На нашъ вопросъ послѣдній только пожалъ плечами, неопредѣленно отвѣтивъ:

— Ничего не могу сказать, во всякомъ случаѣ сегодня не выбраться, придется здѣсь до утра остаться, ночью нельзя итти: еще больше на мель напорешься.

Мы имѣли полную возможность оставаться на берегу до самой ночи, пароходъ все равно безъ насъ не ушелъ бы, дали бы знать.

На небольшомъ челнокѣ перебрались мы черезъ отмель, выбрались на берегъ и взобрались на косогоръ.

Время приближалось къ вечеру, солнце давно уже начало склоняться на западъ.

Тихій Донъ лежалъ передъ нами, точно неподвижное зеркало: теченіе было незамѣтно. Нашъ пароходъ, приткнувшійся у мели, казался сверху какимъ-то большимъ, неуклюжимъ животнымъ. Замѣтно было, что всѣ попытки стащить его съ песковъ были тщетны, такъ какъ новыхъ не предпринималось до утра.

Мы съ товарищемъ дошли до станицы. Небольшая по числу домовъ, она, тѣмъ не менѣе, далеко раскинулась по берегу; кое-гдѣ хатки ютились по косогору, сбѣгая садами даже до самой воды. Садовъ дѣйствительно было немало, станица вся въ нихъ тонула, бѣло-розовый цвѣтъ яблонь и вишенъ, точно весенній легкій снѣгъ, слегка освѣщенный красноватыми лучами заката, закрывалъ собою зелень деревьевъ. Въ вечернемъ воздухѣ носился еле уловимый тонкій ароматъ отъ него.

Несмотря на то, что день далеко еще не окончился, въ станицѣ незамѣтно было работающихъ.

Въ палисадникахъ передъ хатами кое-гдѣ пили чай, одни ребята носились по пыльной улицѣ, играя въ рюхи.

— Раненько же у васъ работать кончаютъ!—замѣтилъ я рослому, еще не старому станичнику, курившему трубочку, развалившись на лавкѣ у хаты.

Онъ, лѣниво прищуривъ одинъ глазъ, посмотрѣлъ на меня и не торопясь отвѣтилъ:

— Рано зачинаютъ—поранѣ и кончать приходится, спину-то сколь часовъ гнутъ наши бабы!

Я изумился.

— Бабы! а вы-то, мужчины, развѣ не работаете?

— Каждому дѣла хватитъ, и у насъ работы немало, только всежъ бабамъ нашимъ за три мѣсяца немало потрудиться придется.

Насъ съ товарищемъ все больше и больше изумляли отвѣты казака. Мнѣ очень хотѣлось узнать, что это такое за дѣло, гдѣ, какъ видно, больше всего труды ложились на женщинъ.

— Чѣмъ же вы занимаетесь?

Станичникъ усмѣхнулся.

— «Зебильнымъ» промысломъ, чай, слыхали, господа?— отвѣтилъ онъ.

Намъ пришлось отозваться незнаніемъ.

— Мы—проѣзжіе съ парохода; дальше...

— Въ такомъ случаѣ, и въ правду знать вы про нашу «зебиль» не можете,—согласился онъ. — Если желаете, могу вамъ разсказать.

Мы охотно согласились, и присѣли около станичника на лавкѣ.

II.

— Споконъ вѣка промышляемъ мы рыбой, всѣ три промысловые мѣсяца ловимъ ее сѣтями, багромъ, на крючья беремъ, а то за садами ходимъ: груша, яблоко, вишня,—все у насъ родится, виноградъ выспѣваетъ, табакъ мѣстами у насъ сѣютъ, про пшеницу, овесъ, ячмень и не говорю...

Онъ остановился разсказывать, раскурилъ потухшую трубку и продолжалъ:

— Слава Тебѣ, Господи, живемъ безбѣдно, земли хватаетъ, жаловаться нельзя; станичка наша не велика, но справная. Долженъ вамъ, господа, сказать, по нашимъ мѣстамъ, окромя красной рыбы, крупной, ловится немало и мелочи разной. Мы на нее вниманія совсѣмъ не обращали, солили прямо не разбирая въ бочки, такъ ее у насъ на Ростовъ да на Аксай и покупали, все «донской хамсой» называли. Много наши ребята ее за промысловое время повытянутъ. Кто-то изъ досужихъ господъ сумѣлъ подсчитать: «подъ пятьдесятъ милліоновъ рыбъ, пудовъ тысячъ на двадцать пять».

— А дорого вы ею расторговываетесь?—невольно вырвался у меня вопросъ.

— Пустяковая цѣна на нее у насъ держится: 50—60 коп. за пудъ, а въ общемъ все же хорошая деньга выйдетъ. Къ намъ сюда за нею и ѣдутъ купцы, а мы имъ, куда нужно, и отправляемъ, такъ оно дѣло и шло до прошлогоднихъ промысловъ, а тутъ случай другой вышелъ.

Пріѣхали къ намъ за рыбой два жида съ Ростова; поторговались, потолковали, цѣною не сошлись съ нами, хотѣли было ѣхать ужъ обратно, да пароходъ, не въ примѣръ, какъ вашъ, приткнулся къ нашей мели и засѣлъ. Жиды туда-сюда, ѣхать нужно, а не на чемъ; такъ и пришлось имъ у насъ въ станицѣ заночевать.

Остановились они у одного нашего станичника въ хатѣ, онъ имъ всякое удовольствіе предоставилъ, на ужинъ ухи отварилъ изъ хорошей рыбы, виномъ нашимъ донскимъ угостилъ.

Жиды его угощенія не чураются, «хамсы» у него нѣсколько бочекъ купили...

Ложатся они спать, потушили лампу; занадобилось одному изъ нихъ, Арону, огонь вздуть ночью. Чиркнулъ онъ спичку, что-то подъ лавкой блеснуло, точно серебро горитъ. Ходовой парень Аронъ, все ему знать нужно, до всего дойдетъ, шаркъ это рукой подъ лавку и вытащилъ пригоршню рыбьей чешуи. Посмотрѣлъ, понюхалъ, чешуя—какъ чешуя, только больно сильно она серебрится, не въ примѣръ другимъ. Спряталъ онъ ее къ себѣ въ карманъ, а утромъ, какъ чай съ хозяевами пить, зачалъ, и спрашиваетъ:

— Что это у тебя, Семенъ Прокофьичъ, за чешуя подъ лавкой валяется?

— Такъ, глупость одна, дѣтишки, какъ «зебиль» на обѣдъ мать чистила, ухватили чешуйку да себѣ играть и приперли...

— Что это за «зебиль» такая?—перебилъ я разсказчика вопросомъ.

— Зебиль-то наша? такъ рыбка не великая... сейчасъ покажу,— и онъ ушелъ въ хату, откуда явился, неся въ рукѣ небольшую рыбку, въ которой я узналъ обыкновенную рѣчную уклейку.

— Вотъ и вся она, немудреная рыбешка,— проговорилъ онъ, показывая рыбку, и продолжалъ разсказывать.

— Я,—говоритъ Аронъ-то,—коли позволишь, эту горсточку чешуйки себѣ возьму.

— Бери, мнѣ не жалко, ея у насъ видимо-невидимо.

Уѣхали жиды, поблагодаривъ хозяина.

Погрузилъ онъ имъ купленную хамсу на пароходъ да совсѣмъ о нихъ и позабылъ.

III.

Больше полутора мѣсяца съ тѣхъ поръ прошло. Ловимъ мы рыбу попрежнему, дѣлами своими занимаемся, какъ и раньше, у Семена Прокофьева тоже работы немало.

Пришелъ пароходъ вотъ объ эту пору, мало кто въ нашей станицѣ останавливается, а тутъ вдругъ гости: оба жида припожаловали, и Аронъ и Маркъ.

Прямо идутъ къ Семену, онъ дома въ ту пору оказался, не узналъ было ихъ сразу.

— А мы къ тебѣ, Семенъ Прокофьичъ, по дѣлу заявились,—говорятъ гости.

— Что жъ, милости просимъ, будемте говорить!—отвѣчаетъ.

— Помнишь, прошлый разъ, какъ мы у тебя заночевали, взялъ я у тебя пястку рыбьей чешуйки?

— Помню,—сказываетъ.

— Такъ вотъ, мы за ней теперь и пріѣхали. Много ли можно ее насобирать?

Семенъ зачесалъ затылокъ, онъ еще хорошенько въ толкъ не могъ забрать, для чего жидамъ понадобилась чешуйка съ зебили.

— Коли съ нашими станичниками потолковать сообща, не мало набрать ее возможно,—отвѣчаетъ.

— Что жъ, зови ихъ скорѣй, обтолкуемъ дѣло, намъ чешуйка эта нужна, назначьте цѣну, сколь за нее платить мы должны.

— Ладно, сойдемся!

Созвали ловцовъ, говорить начали, все, какъ есть досконально, обтолковали, чище чистаго объяснили.

Рѣшили сообща, что будутъ жиды платить за каждый фунтъ сдернутой ножемъ чешуйки четвертакъ, послѣ того какъ изъ нея воду отожмутъ.

— Во что класть-то ее будемъ? — спросили наши ловецкіе люди.

— Банки мы особыя съ собой привезли, въ нихъ класть мы сами будемъ,—отвѣчаютъ покупатели,—и запаяемъ.

— Ну, ужъ это ваше дѣло,—согласились наши станичники.

Съ той поры и пошло это дѣло колесомъ. Все промысловое время ходъ зебили настоль великъ, что шапкой ловить ее возможно.

Всѣ ловятъ, а идетъ она въ извѣстное только время, а затѣмъ цѣлый день рыбешки не поймаешь.

Ловцы наши ее ловятъ, везутъ на берегъ, а тутъ уже бабы, подростки чистятъ ее, чешую соскребаютъ ножами, а саму рыбешку на солку въ бочку.

Вотъ почему наши бабы за все время промысловое съ солнышкомъ поднимаются и сейчасъ же становятся на чистку зебили, иной день, половчѣе которая, подъ четыре тысячи рыбешекъ освѣживать сумѣетъ; такъ ножикъ въ рукахъ у нея и скачетъ, такъ чешуя изъ-подъ него и брызжетъ, сама рыбешка въ бочку для солки прыгаетъ.

Нынѣшній годъ спервоначалу пятакъ на фунтъ за очистку прибавили, а послѣ и до тридцати пяти копеекъ съ очищеннаго фунта дошли.

— А что же ваши покупатели съ нею дѣлаютъ?— спросилъ я разсказчика.

— Они сами накладываютъ ее въ десятифунтовыя банки, пересыпаютъ особымъ какимъ-то порошкомъ, сказываютъ, что только отъ него и серебристость на чешуйкѣ сохраняется. А затѣмъ шлютъ ее куда-то въ заморскія страны, объ этомъ мы здѣсь не освѣдомлены.

Вы сами это лично увидите, коли пораньше встанете, у насъ бабы чуть свѣтъ за дѣло принимаются.

IV.

Меня очень заинтересовалъ этотъ своеобразный промыселъ, и я рѣшилъ подняться на другой день пораньше, чтобы посмотрѣть, какъ работаютъ женщины.

— Это тутъ же на берегу, пониже; тамъ вся эта бабья фабрика и происходитъ,—объяснилъ намъ станичникъ.

— Какъ бы пароходъ не ушелъ?—замѣтилъ мой товарищъ.

— И не могите думать! не скоро ему сползти съ песку удастся,— успокоивалъ казакъ:—раньше полдня не уйдете, не впервые это у

насъ случается. Ночевать, коли желаете, у меня можете, отведу вамъ помѣщеньице хорошее, муха тревожить не станетъ.

Мы согласились, на пароходъ итти не хотѣлось, все же тутъ около сада было лучше ночевать, и хозяинъ могъ пораньше насъ разбудить.

Остальное время дня мы пробродили по окрестностямъ станицы, полюбовались прекрасными видами, открывавшимися книзу на рѣку, на зеленыя кущи садовъ.

Солнце все ближе и ближе спускалось къ землѣ, оно кидало послѣдніе косые лучи на станицу, играло въ окнахъ хатъ, протянуло длинныя полосы, казавшіяся живыми и осязаемыми, благодаря двигавшейся въ нихъ пыли, ярко позолотивъ ими часть селенія. Позолота легкою тѣнью бѣжала все выше, загорѣлись однѣ только макушки деревьевъ, низы окрасились въ сѣроватые тоны. Въ послѣдній разъ взметнулись солнечные лучи вверху и расплылись въ небесной лазури.

Свѣтило исчезло за рѣчною лукою, мѣсто его захода окрасилось пурпуромъ, блѣднѣвшимъ мало-по-малу, краски смѣнялись красками, тоны, отблески перемѣшались между собою, засвѣтились перламутромъ.

Двѣ тучки, медленно двигавшіяся по вечернему небу, сразу заиграли янтаремъ...

Снизу, отъ рѣки, пахнуло легкой сыростью, потянулась чуть замѣтная дымка сумерекъ, густѣвшая незамѣтно.

Закатъ потухалъ, на синевѣ небосклона вырисовался легкій абрисъ луны, робко прорѣзалась первая звѣздочка, тихій вечеръ вступилъ въ свои права.

Огня въ хатахъ почти нигдѣ не было видно, некому было его жечь, всѣ уже спали.

Въ небольшой мазаной банѣ, гдѣ насъ помѣстилъ Егоръ Акиноіевъ, было не душно.

Она стояла въ глубинѣ сада, подъ старыми яблонями; полъ былъ земляной, крѣпко убитый; на чисто выстроганныхъ лавкахъ станичникъ подостлалъ кошмы изъ бѣлаго домашняго войлока.

— Вотъ я вамъ тутъ и закусить принесъ, господа почтенные,—услышали мы голосъ Егора, принесшаго намъ холодной отваренной рыбы, и балыка.—Ужъ не обезсудьте, огня вечеромъ не вздували, холоднымъ ужинали.

Онъ поставилъ намъ на липовый полокъ вмѣстѣ съ тарелками и сулейку изъ пузырчатаго зеленоватаго стекла.

— Винцомъ нашимъ побалуйтесь, може, по душѣ придется,— указалъ онъ мнѣ на сулею,—вино доброе, третій годъ держу. Спите спокойно, сбужу васъ поранѣ, коли занятно вамъ бабью работу поглядѣть.

Онъ ушелъ.

Чрезъ открытую дверь, изъ темнаго сада, до насъ долетало надоѣдливое стрекотаніе цикадъ, чуть слышное шипѣніе нашего парохода, державшагося подъ слабыми парами, и какой-то гармоническій, неясный гулъ...

Что было послѣднее, мы такъ и не могли догадаться.

V.

Солнце еще чуть показалось изъ-за холма, когда на другое утро мы проснулись отъ громкаго голоса хозяина.

— Вставайте, господа почтенные, наши бабы встали уже на работу, «зебиль» ходомъ пошла!

Я посмотрѣлъ на часы, было только три часа.

Мы быстро одѣлись, станичникъ подалъ намъ умыться свѣжей родниковой воды.

— Испейте водицы-то, она у насъ отмѣнна,—предложилъ онъ намъ, протягивая кованый желѣзный ковшъ.

Вода дѣйствительно была вкусная и холодная.

— Теперь пойдемте, я васъ доведу и укажу всю бабью фабрику,—усмѣхнулся Егоръ Акинѳіевъ.

Наверху косогора все уже было залито свѣтомъ, все блестѣло солнечной позолотой; внизу же еще низко стлались клочья ночного дыханія «тихаго» Дона. Рѣдкое покрывало бѣлесоватаго тумана, извиваясь, рвалось и спѣшило скрыться отъ ласки дневного свѣтила въ лога, ложбинки, овраги...

— Вонъ тамъ, пониже, на берегу,—указалъ мнѣ станичникъ,—онѣ и работаютъ!

Сквозь таявшій туманъ, въ указанномъ имъ мѣстѣ, виднѣлась довольно большая кучка женщинъ.

Мы спустились по тропинкѣ до нихъ.

Высоко подогнувъ юбки, съ голыми руками, длиннымъ рядомъ стояли женщины. Передъ каждой изъ нихъ была полубочка, прикрытая доской. Тутъ же помѣщались корзины съ только-что пойманной уклейкой.

Ловкими движеніями привычныхъ рукъ женщины съ помощью ножа соскабливали съ рыбешекъ чешую, лѣвой горстью ссыпали ее въ привѣшенный тутъ же кузовокъ, а правой скидывали очищенную уклейку въ полубочку.

Работа кипѣла, когда мы подошли къ работницамъ; непріятный запахъ сырой рыбы обдалъ меня.

Тутъ были женщины преимущественно молодыя и сильныя, между ними я замѣтилъ и подростковъ. Онѣ работали, не покладая рукъ. Снизу, съ рѣки, подносили все новыя корзины съ пойманной рыбой; нужно было торопиться, до другого дня уклейка не могла оставаться не вычищенная.

— Почему же нельзя оставлять чистку до слѣдующаго дня?—спросилъ я высокаго роста, моложавую казачку, старательно работавшую своимъ ножемъ.—Рыба что ли испортится?

— Нѣтъ, что ей сдѣлается, развѣ только солнцемъ малость ее посожжетъ,—отвѣчала она мнѣ, не отрываясь отъ работы,—изъ-за блестны торопиться надо!

— Какъ такъ?—изумился я.

— Жиды наши велятъ тотъ же день чешую снимать, блеска того она не имѣетъ, коли назавтра снимемъ, больно они ею дорожатъ.

— На какое же дѣло она имъ требуется?

Женщина неопредѣленно покачала головой.

— Не знаемъ, намъ болтаютъ, что бусу ею за моремъ серебрятъ, а доподлинно вѣрно не могу утвердить. Подождите, вотъ скоро Аронъ Абрамычъ придетъ, будетъ блестну у насъ обирать, по банкамъ ее раскладывать, его вы и спросите, онъ лучше все разскажетъ.

Она говорила, а руки ея машинально чистили рыбу, сбрасывали ее въ полубочку, огребали чешую.

— Сколько же нужно очистить рыбешекъ, чтобы фунтъ чешуи набрать?—снова полюбопытствовалъ я у работницы.

— Считывали не разъ: поровнѣе которая, такъ тысячи за четыре штукъ, а мелочи куда больше! Да вонъ и купецъ нашъ, ишь сколь рано нонѣ пришелъ! Должно, пронюхалъ, что чужіе понаѣхали, боится, какъ бы уловъ зебили не откупили.

Я обернулся, къ работницамъ подходилъ среднихъ лѣтъ типичный еврей въ котелкѣ и пальто, за нимъ слѣдомъ шелъ парень, несшій корзину.

VI.

Замѣтивъ новыя лица, онъ подошелъ къ намъ и вкрадчиво спросилъ:

— По дѣлу сюда, господа, пріѣхали?

Я поспѣшилъ успокоить его, сообщивъ, что мы—случайные проѣзжіе.

— Посмотрѣть нашу работу интересуетесь? Пустячное дѣло, совсѣмъ польза самая малая, такъ ужъ привыкли мы къ нему, ну, кидать и не хочется, а то, право, заниматься имъ не стоитъ!—разливался скупщикъ.

— Для чего идетъ эта чешуя?—спросилъ мой товарищъ съ наивнымъ видомъ.

На лицѣ Арона Абрамыча промелькнула тревога.

— Пустякъ изъ нея выдѣлываютъ за границей, клей дешевый, мазь какую-то тамъ, пользы намъ всего гривенникъ-пятиалтынный за банку приходится.

— У меня кузовъ полонъ, принимай, Аронъ Абрамычъ, — крикнула еврею пожилая работница, стоявшая въ концѣ ряда.

— И у меня! И у меня!—эхомъ откликнулись другія.

Купецъ, снявъ котелокъ, любезно съ нами раскланялся, предполагая, что этимъ онъ отъ насъ избавится, но мы пошли за нимъ слѣдомъ. Онъ подошелъ къ первой окликнувшей его женщинѣ, досталъ изъ ея кузовка горсть чешуи, внимательно посмотрѣлъ на нее, пощупалъ, насколько она влажна, на особыхъ вѣсахъ прикинулъ вѣсъ, велѣлъ высыпать въ корзину къ парню и перешелъ къ слѣдующей, гдѣ продѣлалъ то же самое.

— Развѣ вы не могли бы по окончаніи лова и чистки сами къ нему снести? — спросилъ я казачку, съ которой разговаривалъ раньше.

— Ему нужна свѣже-снятая, онъ сейчасъ же, какъ вернется домой, отожметъ отжимомъ воду изъ блестны, станетъ въ банки укладывать и своимъ порошкомъ пересыпать.

— А какой порошекъ?

— Не знаемъ, только однимъ нашимъ жидамъ и извѣстенъ, онъ серебристость блестны сохраняетъ.

Вслѣдъ за первымъ евреемъ появилось еще нѣсколько; у каждаго изъ нихъ были свои работницы, отъ нихъ они принимали чешую, на засолъ хамсы мало кто обращалъ вниманіе, бабы знали засолъ лучше, чѣмъ кто изъ нихъ, кидали нужное количество соли въ очищенную рыбу въ полубочкѣ.

Когда мы проходили съ товарищемъ мимо евреевъ, они покосились на насъ и еще громче заговорили на жаргонѣ.

Егоръ Акиноіевъ, снова оказавшійся около насъ, засмѣялся:

— Не любо имъ чужого человѣка здѣсь увидать! Боятся, какъ бы имъ дѣло не перебили, да цѣну нашимъ бабамъ за работу не нанесли. Шутка ли за тридцать пять копеекъ два пуда рыбы вычистить должны, за ловъ дороже платятъ, попудно полтину, а то и всѣ шесть гривенъ даютъ!

Онъ недовольно сплюнулъ.

— Много ли всего этой рыбешки вылавливаете? — спросилъ я его.

— О прошлые промысловые мѣсяцы до двадцати тысячъ зебили выволокли, двѣ тысячи банокъ невступно блестны жиды за море отвезли.

Снизу донесся рѣзкій свистокъ парохода.

— Никакъ васъ плыть дальше зовутъ, должно, съ песковъ сползъ! — продолжалъ онъ.

Пароходъ дѣйствительно былъ готовъ къ отплытію. Мы распростились съ нашимъ хозяиномъ, заплатили ему за ночевку и угощеніе и поспѣшили на пароходъ.

VII.

Немногочисленные пассажиры еще спали по каютамъ. Мы тоже заняли наши помѣщенія, когда станица осталась за нами.

Пароходъ медленно двигался по рѣкѣ, онъ боялся сѣсть снова на мель.

Довольно поздно вышелъ я снова изъ каюты на палубу, время за полдень, жарко было до изнуренія.

Кромѣ меня, на палубѣ находился только какой-то пассажиръ, костюмъ изъ чесунчи, таковая же фуражка и большая окладистая борода выдавали въ немъ торговаго человѣка. Онъ видимо скучалъ, недовольный полдневной невольной задержкой. Замѣтивъ меня, онъ вылилъ мнѣ свою жалобу.

— Ну, ужъ пароходики наши, нѣтъ - нѣтъ, да и уткнутся носомъ въ мель! Сколько времени сегодня потерялъ я даромъ!

Я долженъ былъ съ нимъ согласиться, мы разговорились.

Невольно разговоръ нашъ перешелъ на оставшуюся за нами станицу. Я разсказалъ моему новому знакомому о моемъ посѣщеніи ея, о видѣнномъ мною оригинальномъ промыслѣ. Оказывается, онъ тоже зналъ о немъ.

— Вотъ подите, господинъ, никто изъ нашихъ русскихъ и не подумалъ объ этой чешуйкѣ, вниманія на «зебиль» эту не обращалъ, а евреи цѣлое дѣло изъ него соорудили!

— Неужели этотъ промыселъ такъ великъ?

— Великъ—не великъ, а барыша больше большого приноситъ!

— Неужели?

— А какъ вы думаете? Прошедшій годъ шесть евреевъ съ одной этой чешуи болѣе шестидесяти тысячъ рублей за три промысловые мѣсяца чистой пользы взяли!

Я широко раскрылъ глаза отъ изумленія.

— А мнѣ одинъ изъ нихъ жаловался еще, что пользы почти совсѣмъ нѣтъ!

— Вы имъ вѣрьте больше, они не то еще поразскажутъ!

— Куда же идетъ эта чешуя, на какое дѣло?

— Они отправляютъ ее за границу, тамъ зебильная чешуйка пользуется большимъ спросомъ за ея серебристый блескъ; ее примѣняютъ при изготовленіи искусственнаго жемчуга, а также стеклянныхъ серебряно-матовыхъ издѣлій.

— Вотъ какъ! Да вѣдь и другой рыбы немало, чешуи сколько хотите вездѣ.

— Пробовали, все не то, только чешуйка съ нашей зебили передаетъ какъ есть въ разъ блескъ жемчуга, серебристо-матовый! Ну, вотъ на нее жидки наши и набросились, нюхомъ хорошій барышъ чуютъ. Спросъ на нашу чешую нынѣ такъ великъ, что заграничныя фирмы просятъ доставлять имъ ее по любой цѣнѣ!

— Что же мѣшаетъ нашимъ русскимъ купцамъ заняться этимъ дѣломъ и самимъ отправлять уклеечную чешую за границу? Можетъ быть, рынки сбыта неизвѣстны?

— Вовсе нѣтъ, чуть ли не всѣ покупатели извѣстны, дѣло не въ томъ...

— А въ чемъ же, нѣтъ денегъ что ли у русскихъ купцовъ?

— Какъ не быть, большія даже! Пробовали, пытались кое-кто посылать, ничего толку не вышло, потемнѣла вся чешуя, какъ на мѣсто пришла, не погодилась! У евреевъ какой-то порошокъ особенный имѣется, имъ они чешуйку пересыпаютъ, ну, она своего натуральнаго блеска и не теряетъ!

Я невольно задумался надъ вѣчной неудачей русскихъ промышленниковъ. Мой собесѣдникъ продолжалъ мнѣ объяснять:

— Здѣсь, на мѣстѣ, со всѣми расходами, товаръ этотъ не дороже цѣлковаго за фунтъ обходится, а продаютъ они его по четыре рубля, а то и дороже. Въ прошедшіе ловы было отправлено до пятисотъ пудовъ чешуйки, прикиньте-ка, сколько чистаго барыша евреи-то забрали, а!? Про «хамсу» не стоитъ и говорить!

Пароходъ приближался къ какой-то пристани, и нашъ разговоръ прекратился.

Г. Т. Сѣверцевъ (Полиловъ).

СЕМЬЯ НѢМЦЕВЪ-ХУДОЖНИКОВЪ ВЪ РОССІИ[1].

III.

ТРАГИЧЕСКАЯ смерть Гергарда Кюгельхена порвала тѣсную связь между братьями, и намъ остается лишь очертить дальнѣйшій жизненный путь младшаго брата Карла. Сходству между братьями, не разъ дававшему поводъ къ забавнымъ недоразумѣніямъ, суждено было еще разъ сыграть роль, и довольно тяжелую. Когда Елена фонъ-Кюгельхенъ съ семьею въ 1822 г. пріѣхала въ Эстляндію повидаться съ роднею, она и ея дѣти были совершенно потрясены, когда въ Куркюллѣ имъ навстрѣчу вышелъ Карлъ, въ которомъ предъ ними словно ожилъ Гергардъ. Карлъ фонъ-Кюгельхенъ до самой смерти оставался неизмѣннымъ другомъ и совѣтчикомъ своячиницѣ и племянникамъ.

По натурѣ, впрочемъ, не особенно сентиментальный, Карлъ личное утѣшеніе въ постигшей его утратѣ брата могъ легко найти въ творческой дѣятельности, которую онъ въ 20-хъ годахъ проявлялъ съ напряженной энергіей въ заботахъ о возстановленіи имущественнаго своего благосостоянія.

«Благодаря принятому рѣшенію продать фабрику,—писалъ онъ изъ Петербурга брату,—я чувствую себя, словно новорожденнымъ; правда, я также нагъ и бѣденъ, словно только на свѣтъ родился,

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CV, стр. 183.

но вовсе не безпомощенъ. Въ Петербургѣ я сумѣю снискать себѣ заработокъ своимъ искусствомъ и даже отложу кое-что. Ты знаешь веселость моего нрава, дарованную мнѣ Господомъ. Правда, я уже теперь далеко не тотъ, что прежде былъ, но и теперь всѣ меня радушно принимаютъ. Большое наслажденіе мнѣ доставляетъ жить здѣсь среди художественныхъ сокровищъ. Много уже и то, что я не отсталъ; иные даже удивляются сдѣланнымъ мною успѣхамъ, только самъ я похвалиться этимъ не могу. Во всякомъ случаѣ теперь ужъ вѣтеръ надуваетъ мои паруса... Государю очень понравились мои картины, и онъ приказалъ развѣсить ихъ въ своемъ кабинетѣ. Это одно ужъ болѣе чѣмъ оплачиваетъ мой трудъ. Получилъ я и перстень стоимостью въ 1.500 р.» [1]).

Дѣла у К. фонъ-Кюгельхена пошли бойко.

Лѣтомъ 1817 г. онъ уже могъ уплатить брату 5.440 р., въ 1818 г. опять 5.500 р., позднѣе же, послѣ смерти Гергарда, онъ вскорѣ и совсѣмъ погасилъ злобинскія обязательства.

«Въ Финляндіи мнѣ повезло,—хвалится Карлъ брату осенью 1818 г.:—въ 6 недѣль я съ большимъ терпѣніемъ и сходствомъ набросалъ не менѣе 55 этюдовъ, и мнѣ удалось закрѣпить всѣ характерныя особенности этого края».

«Будемъ же радостно пользоваться дарами жизни, не останавливаясь предъ широкими тратами на пользу ближнихъ, и будемъ безтрепетно продолжать земное странствіе, примиряясь съ готовностью въ каждую данную минуту и повѣситься».

Сохранивъ получавшееся имъ отъ академіи и по званію придворнаго художника жалованье, Карлъ Кюгельхенъ, по возвращеніи изъ Финляндіи, получилъ всемилостивѣйшее разрѣшеніе поселиться въ Эстляндіи, занимаясь изготовленіемъ для двора картинъ по наброскамъ, сдѣланнымъ за время путешествія по Финляндіи. Въ интересахъ дешевизны Карлъ фонъ-Кюгельхенъ, Штакельбергъ, Генрихъ и Петръ Мантейффели со своими семьями устроили нѣчто въ родѣ «родственной фаланстеры», поселившись всѣ вмѣстѣ въ имѣніи Штакельберговъ, Куркюллѣ.

Насколько общество было многочисленно, можно судить по тому, что господскій столъ ежедневно накрывался на тридцать человѣкъ, и въ домѣ функціонировали четыре гувернантки; многочисленное юное поколѣніе получало научную подготовку въ школѣ Якоби, подъ руководствомъ пастора Гершельмана; на дому подъ руководствомъ барона Генриха Мантейффеля, при дѣятельномъ участіи Георга Крюденера и Лиліенфельда, молодежь занималась музыкой и пѣніемъ. Кюгельхенъ устроилъ въ Куркюллѣ нѣчто въ родѣ школы рисованія, въ которой особенно ревностно подвизались его сынъ Константинъ и сынъ барона Генриха Мантейффеля, Тимо-

[1]) M. H. von Kügelchen. Loc. cit., p. 224.

леонъ Неффъ. Старый художникъ, постигшій свое искусство автодидактически, ограничивался только необходимыми указаніями своимъ питомцамъ въ отношеніи техники и требовалъ отъ нихъ самостоятельнаго почина, придавая особенное значеніе упражненіямъ въ копированіи съ оригиналовъ. Вставая въ 4 ч. утра, Карлъ фонъ-Кюгельхенъ предпринималъ съ сыномъ длинныя пѣшеходныя прогулки, а потомъ брался за кисти и во время работы забавлялся тѣмъ, что, варіируя приходившія ему мысли на разные лады, перекладывалъ ихъ въ стихи и басни и весьма удачно пародировалъ классическія стихотворенія.

Опытъ Куркюлльской «родственной фаланстеры», теоретически, можетъ быть, и остроумной, на практикѣ ни особенныхъ выгодъ, ни удобствъ ея участникамъ не далъ, и, проживъ вмѣстѣ два или три года, семьи обособились: Мантейффели, приведя къ окончанію семейный раздѣлъ, сѣли на хозяйство, а К. фонъ-Кюгельхенъ, окончательно раздѣлавшись съ долгами, пріобрѣлъ близъ Ревеля подгородную усадьбу Фридгеймъ, съ обширнымъ садомъ.

На закатѣ жизни К. фонъ-Кюгельхенъ сдѣлался страстнымъ садоводомъ и усиленно занимался выгонкою цвѣтовъ, ягодъ и плодоводствомъ. Студія его всегда была заставлена цвѣтущими растеніями. Эта склонность у художника, по замѣчанію его сына, развилась подъ старость, такъ какъ, повидимому, всякій почти человѣкъ въ сознаніи приближенія часа, когда и самъ онъ обратится въ персть, словно инстинктивно сознаетъ потребность войти въ тѣснѣйшее общеніе съ землею [1]).

Смерть государя Александра Павловича, которому была столь многимъ обязана семья Кюгельхеновъ, произвела на нее очень сильное впечатлѣніе.

Чувства признательности къ памяти Александра Павловича Кюгельхенъ воплотилъ въ аллегорической картинѣ, воспроизведенной литографіею. На заднемъ планѣ изображена пирамида, какъ символъ непреходящаго; на передней площади пирамиды буквы А и I составляютъ изъ сіяющихъ лучей крестъ, украшенный снизу сплетающимися пальмовыми вѣтвями въ воспоминаніе мира, творцомъ котораго усопшій государь явился въ Священномъ союзѣ.

Убѣгающая въ даль цѣпь горъ съ круто вздымающимися грозными вершинами знаменуетъ зловѣщаго Наполеона и тѣ безчисленныя препятствія, которыя великодушный государь сумѣлъ побѣдоносно преодолѣть и устранить. Развалины и дерево, разбитое молніею, олицетворяютъ бренность всего земного, сколь бы могуче оно ни созидалось природою и искусствомъ. Въ тѣни пальмъ—благодѣтельный источникъ, вносящій своимъ ниспадающимъ каскадомъ жизнь въ пейзажъ.

---

[1]) Const. von Kügelchen. Erinnerungen. (Стр. 48, 57, 63, 74.

Этимъ выражается та мысль, что единственно благодѣянія Александра и созданнаго имъ міра животворны, тогда какъ все окружающее, погруженное въ печаль, безмолвствуетъ. Подъ картиною значится подпись: «13 марта» (день похоронъ Александра) [1]).

Жизнь Кюгельхеновъ въ Фридгеймѣ (домъ мира) вполнѣ отвѣчала прозвищу уютнаго уголка. Въ рѣдкой семьѣ слагалось такое безмятежное и дружное существованіе, благодаря главѣ семьи, который своею веселостью и бодростью давалъ тонъ всему домашнему обиходу. Когда вся семья, состоявшая изъ троихъ сыновей и пятерыхъ дочерей, повыходившихъ замужъ и давшихъ многочисленныхъ внучатъ художнику, бывала въ сборѣ, размѣстить и угостить 26 человѣкъ, при штатѣ прислуги, достигавшемъ 11 человѣкъ, для хозяйки дома, Эмиліи фонъ-Кюгельхенъ, являлось задачею нелегкою, тѣмъ болѣе, что здоровье ея было сильно расшатано [2]).

Въ Ревелѣ Кюгельхены поддерживали особенно тѣсныя сношенія со своимъ родственникомъ, комендантомъ генераломъ Бергомъ, и де-Россильономъ. Послѣдній былъ молочнымъ братомъ императрицы Елисаветы Алексѣевны и съ нею же пріѣхалъ въ Россію. Ему всемилостивѣйше пожаловано было значительное помѣстье въ Эстляндіи, и онъ женился на баронессѣ Толль. При бѣдственныхъ обстоятельствахъ, постигшихъ Россію за время Наполеоновскихъ войнъ, Россильонъ разорился и, продавъ имѣніе, занялъ во время губернаторства Будберга должность члена губернскаго правленія въ Ревелѣ [3]).

Вообще живость нрава, мягкость, жизнерадостность и благородство характера невольно привлекали къ К. фонъ-Кюгельхену всѣхъ, кто его когда либо узнавалъ, и обезпечивали ему друзей на всю жизнь. Такія же сердечныя отношенія издавна сложились у него съ его знаменитымъ землякомъ, Е. Ф. Канкринымъ: несмотря на разность положеній, старые друзья при каждомъ пріѣздѣ Кюгельхена въ Петербургъ видѣлись запросто, и непринужденность художника всегда находила дружный откликъ въ сердечности министра, совершено понапрасну ославленнаго сухимъ и черствымъ человѣкомъ.

Послѣдніе годы жизни Кюгельхенъ посвятилъ воспроизведенію природы Ревеля и его окрестностей. Картины эти были пріобрѣтены государемъ и украшаютъ комнаты императорскаго дворца въ Катеринненталѣ (близъ Ревеля).

«Въ настоящее время,—писалъ онъ зимою 1831 г.,—я принимаюсь за работу утромъ съ половины девятаго, когда становится

---

[1]) C. Eichhorn. Die Geschichte der St.-Petersburger Zeitung (1727—1902), 1902, in 4°. Стр. 165.

[2]) Paul von Kügelchen. Gerhard und Karl von Kügelchen. Riga. 1902. Стр. 49, 58.

[3]) Const. von Kügelchen. Erinnerungen. Стр. 78.

свѣтло, и рисую до половины перваго часа пополудни. Послѣ обѣда выѣзжаю и остаюсь на воздухѣ, пока не стемнѣетъ» [1]).

Продолжительное пребываніе на воздухѣ вызывалось частыми приступами удушья вслѣдствіе грудной жабы.

Въ сочувственномъ некрологѣ, напечатанномъ въ «Petersburger Zeitung» отъ 14 февраля 1832 г., написанномъ академикомъ Парротомъ или академикомъ Шторхомъ, заключается довольно вѣрная оцѣнка творчества Карла фонъ-Кюгельхена, за которымъ его некрологистъ усвояетъ право именоваться художникомъ русскимъ, такъ какъ 35-ти-лѣтнее пребываніе въ Россіи и многочисленные его рисунки и картины, возсоздающіе природу сѣверной и южной Россіи, достаточно его натурализовали.

Несмотря на мучительную астму, отъ которой К. фонъ-Кюгельхенъ спасался крайнею воздержностью и строгою діэтою, онъ сохранилъ бодрую энергію, чему немало способствовала житейская философія, къ которой его привели испытанія бурной жизни.

«Съ чѣмъ только не сможетъ примириться человѣкъ, сохраняя душевную бодрость,—писалъ онъ 13 ноября 1831 г.,—если только сердце у него на мѣстѣ. Исполняй строго долгъ, обуздывай чувственность и старайся любить ближняго, въ этомъ весь секретъ, чтобъ избѣжать одряхлѣнія».

Незадолго передъ достиженіемъ 60-ти-лѣтней годовщины своего рожденія, которой по двухсотлѣтнимъ семейнымъ преданіямъ никто изъ Кюгельхеновъ будто бы не переживалъ, К. фонъ-Кюгельхенъ безъ страданій тихо скончался среди ночного сна (29 декабря 1831 г.).

Очертивъ дѣятельность старшаго поколѣнія Кюгельхеновъ, мы должны отмѣтить посмертное сходство и въ судьбахъ ихъ дѣтей. Гергардъ и Карлъ имѣли по нѣскольку сыновей и дочерей, но изъ нихъ только одинъ сынъ Гергарда—Вильгельмъ-Георгъ-Александръ и Карла—Константинъ проявили художественный талантъ, и точно такъ же, какъ у отцовъ, таланты обоихъ двоюродныхъ братьевъ диффренцировались: Вильгельмъ, какъ и его отецъ Гергардъ, спеціализировался на портретной и исторической, или, вѣрнѣе, религіозной, живописи, а Константинъ пошелъ по стопамъ Карла и сдѣлался пейзажистомъ.

Вильгельмъ Кюгельхенъ, авторъ «Юношескихъ воспоминаній старика», родился въ Петербургѣ 20 ноября 1802 г., а дѣтство и юность провелъ въ родной семьѣ въ Дрезденѣ. Съ той поры, какъ въ Дрезденъ вступили австрійскія войска подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго, т.-е. начиная съ 1809 г., его воспоминанія отра-

[1]) P. von Kügelchen. Gerhard und Karl von Kügelchen. Стр. 56.

жаютъ весьма точно пеструю смѣну явленій эпохи, часто отъ идилліи переходившихъ въ трагедію. Вильгельмъ по своимъ наклонностямъ и стремленіямъ тяготѣлъ къ ваянію, но Гергардъ хотѣлъ изъ сына сдѣлать живописца и настоялъ на своемъ; но, несмотря на успѣшность своего творчества, Вильгельмъ въ сущности всю жизнь чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ. Въ немъ съ юныхъ лѣтъ заговорили разносторонніе духовные интересы. На ряду съ религіозными и философскими вопросами Вильгельма интересовала политика и исторія, а безпритязательные его литературные опыты обличаютъ въ немъ незаурядный писательскій талантъ. Технику живописи Вильгельмъ изучилъ въ Дрезденской академіи художествъ, отчасти подъ руководствомъ отца, и, весьма вѣроятно, его талантъ при иныхъ условіяхъ развернулся бы шире, но на юношу, крайне чуткаго, вдумчиваго и чувствительнаго, страшно повліяла трагическая смерть отца. Послѣдній, проведя очень пріятно день въ семьѣ пастора Роллера, въ обществѣ князя Рейсса и его жены, графа Штольберга и его жены, графа и графини Дона и министра графа Эйнзиделя, отправился подъ вечеръ на обычную прогулку и исчезъ безслѣдно. Въ поиски за отцомъ былъ посланъ Вильгельмъ, котораго сопровождали нѣкоторые знакомые. Пробродивъ всю ночь по окрестностямъ Дрездена, онъ первый наткнулся на голое тѣло зарѣзаннаго отца. Если это происшествіе произвело потрясающее впечатлѣніе вообще на жителей мирнаго Дрездена, о чемъ свидѣтельствуетъ дневникъ поэта Фёрстера, то само собою разумѣется, что̀ Вильгельмъ пережилъ въ ночь 27 марта 1820 г. Ужасъ оставилъ въ немъ неизгладимый слѣдъ. Чтобы отвлечь сына отъ посѣщавшихъ его припадковъ меланхоліи, Елена фонъ-Кюгельхенъ, по совѣту друзей, рѣшила временно перемѣнить обстановку и предприняла въ 1822 г. поѣздку въ Эстляндію къ своей сестрѣ, баронессѣ Штакельбергъ.

Окончивъ образованіе въ Дрезденской академіи художествъ, Вильгельмъ Кюгельхенъ завершилъ его продолжительнымъ пребываніемъ въ Римѣ (съ 1826 г.), предпочтя освященный вѣками художественный искусъ приглашенію дяди, Карла фонъ-Кюгельхена, который настойчиво его уговаривалъ переселиться къ нему совсѣмъ въ Фридгеймъ: «Я всегда буду на тебя смотрѣть, какъ на собственнаго сына,— писалъ Карлъ племяннику,— не говоря уже о томъ, что меня съ тобою связываетъ искусство. Не бойся, твоимъ художественнымъ стремленіямъ я противорѣчить не стану, если бы у насъ даже и обнаружилось различіе во взглядахъ,— каждый долженъ всецѣло слѣдовать внушеніямъ своего таланта. Въ томъ и заключается прелесть искусства, что оно способно до безконечности разнообразиться» [1]).

---

[1]) M. H. von Kügelchen. Ein Lebensbild in Briefen.

Пребываніе въ Римѣ доставило Вильгельму рядъ интересныхъ литературныхъ и художественныхъ знакомствъ, но на развитіи его таланта особенно плодотворно сказаться не могло, такъ какъ въ Римѣ онъ перенесъ продолжительную и тяжелую болѣзнь; въ 1827 г. онъ уже былъ въ Бременѣ, женился тамъ 18 іюня 1827 г. на младшей дочери Круммахера [1]) — Юліи (род. въ 1804 г.), и поселился съ молодою своею женою у Штакельберговъ.

Здѣсь, въ Поллѣ, вскорѣ по пріѣздѣ племянника умерла хозяйка дома, небезызвѣстная намъ баронесса Софія, урожденная Цеге-фонъ-Мантейффель. Въ Поллѣ же въ 1828 г. родился у Вильгельма сынъ. Оставивъ жену у овдовѣвшаго Штакельберга, съ которымъ онъ очень сдружился въ первый свой пріѣздъ въ Эстляндію, Вильгельмъ осенью 1828 г. уѣхалъ въ Петербургъ.

Слабый здоровьемъ и чуствительный къ холоду, Вильгельмъ настолько измучился отъ путешествія изъ Полля въ Петербургъ, что нервы у него расшатались, а нездоровый петербургскій климатъ къ укрѣпленію ихъ послужить, конечно, не могъ.

Впрочемъ, вначалѣ художникъ крѣпился и всѣмъ восхищался.

«У самыхъ моихъ оконъ,—пишетъ онъ матери,—протекаетъ величественная Нева, а напротивъ разстилаются, какъ далеко хватаетъ глазъ, чудные фасады кунсткамеры, академіи, кадетскаго корпуса и морского корпуса, гдѣ живетъ Крузенштернъ. За десять копеекъ я на лодкѣ перебираюсь на Васильевскій островъ, — въ сущности я нахожусь въ близкомъ сосѣдствѣ отъ всѣхъ нашихъ друзей».

Въ Петербургѣ Кюгельхенъ былъ обласканъ старинными друзьями и пріятелями его отца Пезаровіусомъ, Бекомъ, Крузенштерномъ, Адеркасомъ и Парротомъ, принявшими художника привѣтливо и открывшими ему широкій доступъ въ петербургское общество. «Кругъ моихъ знакомствъ распространился по городу уже изъ края въ край,—пишетъ онъ,—и изъ семи дней недѣли я, по крайней мѣрѣ, шесть дней могу обѣдать внѣ дома».

Въ обществѣ Кюгельхенъ держалъ себя очень мило,—онъ старался быть занимательнымъ и веселымъ, чему помогала прирожденная ему юмористическая жилка, а, благодаря рекомендаціямъ и всесильнымъ знакомствамъ, на него посыпались заказы.

«У княгини Потемкиной,—пишетъ онъ,—которую Пезаровіусъ рекомендовалъ мнѣ въ качествѣ истинной христіанки, и которая, по его же словамъ, очень мною заинтересовалась, я нашелъ цѣлый придворный штатъ, на старинный русскій ладъ съ карликами и многочисленною челядью. Я показалъ княгинѣ, въ видѣ образчиковъ моей работы, портреты бабушки и твой (т.-е. жены

[1]) Пастора, педагога и автора популярныхъ въ Германіи «Притчей».

Вильгельма Клюгельхена). Поглядѣвъ на твой портретъ, княгиня воскликнула: «Ah, comme elle est jolie!»; увидавъ же портретъ бабушки, пришла въ восхищеніе, обѣщала рекомендовать меня своимъ знакомымъ и дала мнѣ скопировать ничтожную акварель; за эту работу я взялся только затѣмъ, чтобы имѣть предлогъ и впредь бывать у нея въ домѣ.

«Вчера вечеромъ у Майеровъ [1]) былъ концертъ. Представь себѣ до двадцати музыкантовъ, которые исполняли, большею частью, классическія произведенія Шпора, Бетховена и Моцарта и въ томъ числѣ нѣсколько милыхъ вещицъ самого Майера. Вѣнскій гитаристъ Штолль игралъ подъ аккомпанементъ оркестра,—можешь себѣ представить бѣдную гитару въ сопровожденіи трубъ и литавровъ. Въ литавры билъ самъ Майеръ съ увлеченіемъ. Посреди музыкальнаго исполненія въ залъ вплыла княгиня Куракина, разодѣтая въ огненно красный и желтый шелка, въ чепцѣ, ленты котораго спускались чуть ли не до земли, съ толстѣйшею золотою цѣпью и горделивымъ видомъ, преисполненнымъ милостиваго благоволенія. Все предъ нею склонилось ницъ, и княгиня удалилась въ боковой салонъ слушать музыку. Она привезла Майершѣ въ подарокъ настоящую турецкую шаль, и та внѣ себя отъ радости припала къ ручкамъ ея сіятельства и только-что ихъ не отъѣла. Тутъ присталъ ко мнѣ молодой Майеръ, чтобы я пошелъ представиться княгинѣ и поухаживалъ за нею хорошенько. Такъ какъ барыня эта ни слова не понимаетъ по-нѣмецки, а я на свое знаніе французскаго языка не полагался, то меня предложеніе это смутило. Однако я расхрабрился и, представленный ей, пустился болтать о гитарѣ, музыкѣ и картинахъ; Майерша меня все время поддерживала, и исторія кончилась тѣмъ, что княгиня позвала меня къ себѣ обѣдать. «Ну, вотъ видите ли,—тутъ же расхвасталась Майерша,—этого-то я и хотѣла; это прекрасно!—вы теперь можете бывать у княгини такъ часто и такъ много, какъ сами захотите, а это знакомство откроетъ вамъ путь въ самые знатные дома». Я излился всѣми французскими словами, какія только знаю, и, чтобы не испортить сдѣланнаго, повидимому, хорошаго впечатлѣнія, поспѣшилъ отретироваться въ концертный залъ, гдѣ было очень много милыхъ людей. Майеръ вчера игралъ божественно, и я нашелъ, что игра на рояли подъ аккомпанементъ полнаго оркестра производитъ чудное впечатлѣніе. Только въ два часа добрался я до постели».

«Представь себѣ, въ то время, какъ я тебѣ писалъ это, ко мнѣ вторглась m-lle Майеръ и возвѣстила, что она пріѣхала отъ полковницы Лихардовой, а та выразила желаніе, чтобы я нарисовалъ съ нея и ея дѣтей портреты».

---

[1]) Карлъ Майеръ, знаменитый тогда въ Петербургѣ піанистъ и композиторъ.

«Я надѣюсь, что все устроится прекрасно, и только изрѣдка нападаютъ на меня колебанія. На меня очень благотворно дѣйствуетъ сознаніе, что я здѣсь нахожусь среди бойкаго торжища и могу кое-чего добиться. Думается мнѣ, что я произвелъ бы на тебя впечатлѣніе болѣе довольнаго своею судьбою человѣка, чѣмъ въ Ревелѣ и даже въ Поллѣ».

«Мой домохозяинъ Венингъ,—продолжаетъ Кюгельхенъ,—давно бросилъ торговыя дѣла и посвящаетъ всѣ свои досуги служенію Господу Богу. Императрица-мать очень его цѣнила, онъ былъ принятъ при дворѣ, и государыня часто съ нимъ совѣщалась о разныхъ предметахъ. Императрица поручила ему наблюденіе за Обуховскою больницею, тюрьмами и другими учрежденіями, находящимися въ ея вѣдѣніи».

«Такъ вотъ въ Обуховской больницѣ императрица обратила вниманіе на женщину, впавшую въ умопомѣшательство. Въ сраженіи подъ Бородинымъ пали ея сыновья, и, получивъ объ этомъ извѣстіе, она лишилась разсудка. Она постоянно сидитъ неподвижно и все читаетъ какое-то письмо. Императрица самолично нѣсколько разъ посѣщала несчастную, привезла ей покойное кресло, новое платье,—она прежде ходила полуголая,—не разъ присылала разныя кушанья и лакомства, ласково съ ней заговаривала и всячески старалась ее утѣшить. Венингъ, который при этомъ находился, чрезвычайно тронутъ этою чертою добросердечія царицы и желаетъ видѣть воспроизведеніе этой сцены въ рисункѣ. Онъ хотѣлъ бы поднести рисунокъ государю Николаю Павловичу въ память благотворительной дѣятельности его родительницы. Венингъ и просилъ меня поспѣшить изготовить этотъ рисунокъ чрезъ шесть недѣль послѣ похоронъ императрицы (Марія Ѳеодоровна незадолго предъ тѣмъ скончалась). Венингъ собирается поднести мой рисунокъ императору. Развѣ мнѣ не везетъ?»

«Познакомился я лично также съ Шамбо, секретаремъ императрицы,—онъ мнѣ сказалъ, что если бы мнѣ что нибудь понадобилось, то онъ всегда къ моимъ услугамъ... Чрезъ двѣ недѣли,—пишетъ Кюгельхенъ позднѣе,—Венингъ вручитъ императору мой рисунокъ, и къ этому же времени я хотѣлъ бы поднести одну изъ моихъ картинъ императрицѣ съ тѣмъ, чтобы обо мнѣ заговорили при дворѣ. Тогда, быть можетъ, я отважусь и на просьбу разрѣшить мнѣ выставку» (картинъ, которыя Кюгельхенъ привезъ съ собою въ Петербургъ).

Въ это же время княгиня Юсупова для своего портрета дала нѣсколько сеансовъ художнику. «Княгиня меня просила,—пишетъ онъ,—пріѣхать въ воскресенье пораньше, чтобы сдѣлать набросокъ рисунка съ ея ребенка. Я отвѣчалъ, что въ воскресенье бываю въ церкви, и «par conséquence» не могу быть у нея. Княгиня нашла это очень похвальнымъ. Нужно тебѣ пояснить, что у нея

самой на столѣ разставлено, по крайней мѣрѣ, десятка два изображеній Іисуса Христа, всѣ въ одномъ форматѣ. Въ такомъ случаѣ она просила меня въ воскресенье пріѣхать хоть послѣ обѣдни, такъ какъ у нея будетъ братъ,—онъ въ кадетскомъ корпусѣ и пріѣзжаетъ въ отпускъ только по праздникамъ. Княгиня желаетъ, чтобы я съ брата ея набросалъ эскизъ для портрета, который она хотѣла бы имѣть въ масляныхъ краскахъ. Ты подумай, какъ это удачно выходитъ, — если портретъ княгини мнѣ удастся, я, конечно, получу заказъ и на портретъ ея брата, да и вообще я разсчитываю имѣть очень много заказовъ».

Вслѣдъ затѣмъ молодого художника позвалъ къ себѣ Канкринъ. «Уже въ $9^{1}/_{2}$ часовъ утра,—пишетъ Кюгельхенъ,—стоялъ я въ залѣ со многими другими господами, которые имѣли разныя дѣла къ министру. Вскорѣ онъ вышелъ изъ кабинета съ своею табачною трубкою, оглядѣлся вокругъ и, какъ только увидѣлъ меня, поманилъ меня со словами: «Пожалуйте сюда». Я въ напряженномъ ожиданіи послѣдовалъ за нимъ въ кабинетъ. Тутъ онъ мнѣ сказалъ: «Я имѣю сдѣлать вамъ маленькое предложеніе, и, хотя не особенно выгодное, оно можетъ послужить къ тому, что привлечетъ на васъ вниманіе государя. Я назначилъ соисканіе на изготовленіе проекта медали въ память усопшей императрицы. Если вамъ удастся сдѣлать рисунокъ, который бы понравился императору, то вы, конечно, получите маленькій подарокъ, а главное сдѣлаетесь извѣстны государю». Я спросилъ министра, не дастъ ли онъ мнѣ мысль для рисунка.—«Ну, нѣтъ,—отвѣчалъ мнѣ Канкринъ,—мнѣ нѣтъ времени думать о пустякахъ, но если бы я могъ этимъ заняться, то, конечно, придумалъ бы что нибудь поумнѣе, чѣмъ представленные уже мнѣ наброски, — вотъ цѣлая ихъ куча». Мы стали вмѣстѣ пересматривать эскизы, и дѣйствительно они оказались такою дрянью (Schund), что, какъ бы мои рисунки ни были неудачны, во всякомъ случаѣ они окажутся лучше этихъ, ибо такъ скверно, какъ послѣдніе сдѣланы, я не сумѣю даже нарисовать. Поэтому я съ признательностью принялъ заказъ и съ такимъ ожесточеніемъ рисую медаль за медалью, что у меня въ головѣ шумитъ. Только бы мнѣ удалось угодить Канкрину».

«...Недавно,—сообщаетъ Кюгельхенъ,—государь два дня подъ рядъ посѣщалъ морской кадетскій корпусъ и всѣмъ остался отмѣнно доволенъ. Крузенштернъ чрезвычайно этимъ счастливъ. Коцебу подалъ было въ отставку, и когда онъ на-дняхъ стоялъ во дворѣ адмиралтейства, гдѣ строится его судно, на дворъ внезапно пожаловалъ и царь. Коцебу тотчасъ же сбросилъ шинель и сталъ во фронтъ. Государь подошелъ и говоритъ ему: «Ты боленъ, поѣзжай домой и вылѣчись хорошенько, а отставки я тебѣ ни въ какомъ случаѣ не дамъ. Да надѣнь сейчасъ же шинель, а то простудишься». Коцебу хотѣлъ что-то сказать, но государь

настоялъ на томъ, чтобы онъ надѣлъ шинель, а затѣмъ милостиво заговорилъ съ нимъ о постройкѣ судна».

Вчера, — повѣствуетъ дальше о своихъ успѣхахъ Кюгельхенъ,— пригласила меня къ себѣ компаньонка княгини Потемкиной. Она такъ же, какъ и ея повелительница, желаетъ строить изъ себя мою покровительницу; вотъ она меня и спрашиваетъ, не соглашусь ли я сдѣлать акварель съ картины масляными красками,— если да, то это надо будетъ сдѣлать на мѣстѣ, такъ какъ картину изъ дома вывезти нельзя. При этомъ мнѣ было объяснено, что случай этотъ дастъ мнѣ возможность близко познакомиться съ княземъ А. Н. Голицынымъ. Я тотчасъ же согласился, и тутъ же было написано письмо, которое мнѣ откроетъ доступъ къ князю. Я отправлюсь туда, какъ только позволитъ время, въ которомъ я очень теперь обрѣзанъ, благодаря укоротившимся днямъ».

«Штоффрегенъ заказалъ мнѣ портреты свой собственный и жены, но погода стоитъ хмурая, и совсѣмъ работать нельзя. Хоть бы скорѣе выпалъ снѣгъ, и небо прояснилось!»

«Разсказываютъ, что какой-то каменщикъ просилъ разрѣшенія у государя на свой счетъ сдѣлать кладку для могилы императрицы-матери, которую онъ очень любилъ. Когда эта просьба была доложена государю, онъ расчувствовался и пожелалъ видѣть каменщика, котораго ему и представили. Когда онъ вышелъ отъ царя, его спросили, о чемъ съ нимъ разговаривалъ государь. «Не могу знать,—отвѣчалъ онъ:—какъ подошелъ ко мнѣ царь, я опамлѣлъ и ничего понять не могъ. Знаю одно, что батюшка-царь трижды меня поцѣловалъ, вотъ этого я во весь вѣкъ свой не забуду».

«Вообще объ императрицѣ-матери разсказываютъ чудныя вещи. Дѣйствительно она, должно быть, была дивная женщина.

«Передъ самою смертью она просила государя позаботиться объ учрежденіяхъ ея вѣдомства и заступить ея мѣсто, что̀ государь и обѣщалъ исполнить. Онъ уже побывалъ въ Обуховскомъ госпиталѣ, подробно его осмотрѣлъ и приказалъ инспектору, въ случаѣ надобности въ исправленіяхъ, прямо обращаться къ нему, всѣ же остальные порядки оставить въ томъ видѣ, какъ ихъ завела его родительница. Императрица имѣла милліонъ рублей дохода и изъ него 900.000 р. ежегодно тратила на благотворительныя цѣли. По крайней мѣрѣ, всѣ здѣсь это утверждаютъ.

«Трауръ по императрицѣ-матери становится поперекъ моимъ планамъ,—жалуется Кюгельхенъ,—и мое пребываніе здѣсь оказывается довольно безцѣльнымъ. Соблюденіе трауриаго этикета настолько занимаетъ время у здѣшнихъ баръ, что они ни о чемъ другомъ думать не могутъ, и тѣмъ менѣе станутъ теперь входить въ интересы какого-то живописца... Но все-таки благоразуміе повелѣваетъ выжидать здѣсь время, хотя бы оно и уходило только

на то, чтобъ я все шире распространялъ кругъ знакомствъ и пріобрѣталъ въ обществѣ извѣстность.

«Въ прошлое воскресенье я съ Зенгбушемъ, Цвейдингеромъ и Коллинсомъ ѣздилъ въ Петергофъ. О, какъ широко раскрылось мое сердце на просторѣ Божьяго міра! Погода стояла чудная, мы впивали въ себя свѣжій воздухъ и скакали по полю словно телята. Я такъ взбодрился, что самъ себѣ казался силачемъ. Это былъ самый лучшій день, какой я провелъ со времени разлуки съ тобою—такъ благотворно подѣйствовала природа и на мое тѣло, и на мой духъ. Если бы я могъ доставлять себѣ такое же удовольствіе каждое воскресенье!—по крайней мѣрѣ, человѣкомъ себя чувствуешь! Даже самая плоская и голая равнина кажется красивою по сравненію съ моремъ петербургскихъ домовъ».

По приведеннымъ отрывкамъ изъ писемъ Кюгельхена можно заключить, что художникъ имѣлъ всѣ шансы преуспѣть въ своихъ искательствахъ.

Временами Кюгельхенъ и утверждался въ этой увѣренности, но временами онъ утрачивалъ всякую бодрость; особенно его обезкураживало то, что, несмотря на вліятельность его доброжелателей, случай представиться императору и императрицѣ отдалялся за разными досадными обстоятельствами, и мечта объ устройствѣ выставки изъ собственныхъ картинъ, тѣшившая самолюбіе художника, уплывала въ даль.

Недовольство петербургскимъ климатомъ и суетностью столичной жизни, въ связи съ частыми недомоганіями, переполнило чашу долготерпѣнія Кюгельхена: проживъ въ Петербургѣ четыре мѣсяца и неожиданно порвавъ всѣ столь удачно завязанныя связи, сулившія ему такой же прочный успѣхъ, какого въ 1798—1803 г.г. достигъ его отецъ въ Петербургѣ, малодушно онъ уѣхалъ къ женѣ въ Эстляндію [1]).

Приведенныя письма Кюгельхена несомнѣнно любопытны въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ легко давался въ Россіи успѣхъ нѣмцамъ, благодаря ихъ умѣнію завязывать связи и использовать доступныя имъ отношенія.

Проживъ нѣкоторое время въ Поллѣ и выполнивъ начатые уже въ Петербургѣ заказные портреты, Вильгельмъ вернулся въ Дрезденъ и прожилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, занимаясь искусствомъ, литературою и исканіемъ божественной благодати.

Въ общемъ, Вильгельмъ, счастливый въ семейной жизни, полнаго удовлетворенія никогда не испытывалъ—наслажденіе, почерпаемое въ художественномъ творчествѣ, ему было чуждо, такъ какъ онъ не имѣлъ твердой увѣренности въ силѣ своего таланта. Строгій къ себѣ, онъ постоянно разочаровывался «неудачами худо-

---

[1]) M. H. von Kügelchen. Ein Lebensbild in Briefen. Стр. 323—334 passim.

жественныхъ своихъ предпріятій», хотя на внѣшній успѣхъ и не могъ жаловаться, ибо въ Германіи его работы превозносились и ставились порою выше произведеній болѣе талантливыхъ художниковъ. Внутреннее недовольство у Кюгельхена объясняется тѣмъ, что чуткій къ настроеніямъ и увлекавшійся разносторонними интересами умъ постоянно являлся художнику помѣхою для творчества, ибо вѣдь только страстное неудержимое тяготѣніе къ искусству, исключающее всякія иныя проявленія внутренней жизни, ставитъ все существованіе истиннаго художника подъ обаяніе непреодолимой потребности творить [1]).

Недовольство собою натолкнуло Вильгельма фонъ-Кюгельхена на измѣненіе жизненной обстановки: еще его отецъ сблизился съ герцогомъ Ангальтъ-Бернбургскимъ настолько, что младшій его сынъ Гергардъ Кюгельхенъ все дѣтство и юность прожилъ въ герцогской семьѣ, въ качествѣ товарища наслѣднаго принца Александра-Карла [2]). По смерти отца, принцъ Александръ-Карлъ номинально вступилъ на престолъ, но фактически всю жизнь находился подъ вліяніемъ набожной своей супруги, герцогини Фредерики, принцессы Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургской, которая, когда супругъ ея окончательно впалъ въ слабоуміе, офиціально (въ 1855 г.) сдѣлалась правительницей герцогства. По приглашенію герцогини, Вильгельмъ фонъ-Кюгельхенъ занялъ сначала въ Балленштедтѣ должность придворнаго живописца и въ этой синекурѣ главнымъ образомъ развлекалъ досуги больного герцога. Пользуясь свободнымъ временемъ, Кюгельхенъ нерѣдко предпринималъ поѣздки въ Бременъ и Мюнстеръ, гдѣ въ качествѣ художника «находилъ немало работъ и признанія своихъ талантовъ». Въ это же время по отношеніямъ къ Тимолеону Неффу, успѣвшему достигнуть виднаго положенія въ Россіи [3]), Вильгельмъ фонъ-Кюгельхенъ привлеченъ

---

[1]) W. von Kügelchen, Jugenderinnerungen eines alten Mannes, въ изданіи Гессе, введеніе Ад. Штерна, стр. 9.

[2]) Гергардъ фонъ-Кюгельхенъ младшій, при поѣздкѣ матери въ Эстляндію въ 1822 г., отправился туда съ нею вмѣстѣ, поступилъ въ Дерптскій университетъ и по окончаніи тамъ образованія осѣлъ въ Эстляндіи, пріобрѣтя имѣніе и занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. Позднѣе онъ женился на двоюродной своей сестрѣ, дочери Карла фонъ-Кюгельхена, и управлялъ въ Орренгофѣ образцовымъ имѣніемъ эстляндскаго рыцарства, гдѣ завелъ, между прочимъ, мериносовъ; завѣдывалъ онъ также и майоратомъ бароновъ Икскюлей. Const. von Kügelchen, Erinnerungen, стр. 93, 269.

[3]) Пройдя практическій искусъ подготовки подъ руководствомъ дяди Карла фонъ-Кюгельхена, Неффъ завершилъ художественное свое образованіе въ Дрезденской академіи художествъ подъ руководствомъ Гартмана и Ауе, вращаясь въ семьѣ Вильгельма фонъ-Кюгельхена. Послѣ освященнаго преданіями путешествія по Италіи Неффъ въ 1826 г. носелился въ Петербургѣ и здѣсь въ кругу знати своими портретами пріобрѣлъ извѣстность. Въ 1832 г. онъ получилъ званіе придворнаго живописца и академика, въ 1834 г. за образа, написанные для церкви Александрійскаго петергофскаго дворца, получилъ пожизненную пенсію;

былъ къ работамъ по украшенію Исакіевскаго собора фресками, а впослѣдствіи, по рекомендаціи того же Неффа, нарисовалъ запрестольную картину для собора св. Олафа въ Ревелѣ [1]).

Постепенно Вильгельмъ фонъ-Кюгельхенъ отъ профессіональныхъ занятій живописью отстранился, и въ должности камергера очутился почти неразлучнымъ собесѣдникомъ и сожителемъ слабоумнаго герцога, даря свои досуги литературнымъ занятіямъ. Въ 1842 г. онъ выступилъ съ лекціями объ искусствѣ [2]).

Примѣчательный переворотъ, совершившійся въ умственной жизни Германіи въ началѣ XIX вѣка и приведшій иныхъ послѣдователей сенсуалистическаго раціонализма къ исканію божественной благодати чрезъ изученіе библіи, отразился и на Вильгельмѣ фонъ-Кюгельхенѣ—общеніе его матери съ лучшими представителями гернгутерства, въ родѣ графа Дона, пастора Госснера и другихъ, привило къ нему то, что онъ называетъ «das Kontagium einer ewigen Heilung»; поэтому въ Петербургѣ онъ сближается съ Зенгбушемъ, а въ Балленштедтъ его привлекала набожность герцогини Фредерики; онъ радуется общенію и свиданіямъ съ Зарембою, но червь сомнѣнія и тутъ гложетъ Вильгельма фонъ-Кюгельхена, а послѣ уродливостей симоніи и мормонства, въ какія впалъ авторитетный апостолъ гернгутерства, пасторъ Штеффинъ [3]), прежнія вѣрованія у Вильгельма фонъ-Кюгельхена уступили мѣсто колебаніямъ, которыя и нашли себѣ выраженіе въ рѣдкой теперь его книгѣ: «Von den Widersprüchen in der heiligen Schrift für Zweifler (Berlin, 1850).

Смерть герцога Александра Карла возвратила независимость Кюгельхену; онъ купилъ въ Балленштедтѣ домъ съ обширнымъ садомъ и конецъ жизни провелъ въ мирной семейной обстановкѣ, посвятивъ полный свой досугъ писанію «Воспоминаній молодости стараго человѣка», интересныхъ по живому возсозданію типичныхъ особенностей быта и нравовъ начала XIX вѣка. Не меньшій интересъ, повидимому, представляетъ и та дѣятельная и долголѣтняя переписка, которую Вильгельмъ фонъ-Кюгельхенъ велъ съ своимъ братомъ Гергардомъ, эстляндскимъ помѣщикомъ. Послѣдній, пови-

---

послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Римѣ въ 1837 г. совершилъ путешествіе по Россіи, а въ 1839 г. исполнилъ рядъ работъ для малой церкви Зимняго дворца. Послѣ третьей поѣздки въ Римъ, въ 1842 г., Неффъ былъ вызванъ обратно въ Петербургъ для исполненія образовъ и фресокъ для Исакіевскаго собора и въ 1849 г. за эти работы получилъ званіе профессора. Занявъ въ 1855 г. штатную должность профессора въ академіи художествъ, Неффъ въ 1864 г. былъ сдѣланъ старшимъ хранителемъ картинной галлереи Эрмитажа, т.-е. фактическимъ ея директоромъ. Умеръ Неффъ въ 1876 г.

[1]) P. von Kügelchen. Gerhard und Karl von Kügelchen, стр. 62.

[2]) Die Vorlesungen über Kunst. Bremen. Hesse's Verlag.

[3]) Const. von. Kügelchen. Erinnerungen, стр. 149—151.

димому, даже приготовилъ для напечатанія извлеченія изъ писемъ художника, обнимающія три тома, но изданіе ихъ не состоялось и посейчасъ.

Въ общемъ нельзя сказать, чтобы удѣлъ Вильгельма фонъ-Кюгельхена былъ счастливъ: трагическія впечатлѣнія, съ какими онъ вступилъ въ сознательную пору юношества, перенеся всѣ ужасы, сопровождавшіе убійство его отца, имѣли такой же финалъ и въ эпоху старости Вильгельма фонъ-Кюгельхена: одну дочь онъ потерялъ отъ чахотки, другая дочь сгорѣла, одѣваясь на балъ (на ней вспыхнуло платье), а сынъ его, капитанъ, палъ на полѣ битвы при Скалицѣ (28 іюня 1866 г.). Эти тягостныя испытанія объясняютъ тяжелый приговоръ, который себѣ произноситъ художникъ незадолго передъ смертью: «Сколько я себя помню, я всю жизнь имѣлъ только два желанія—сдѣлаться хорошимъ художникомъ и хорошимъ христіаниномъ, но ни того ни другого я не достигъ. Сдѣлался же тѣмъ, къ чему не стремился и чего не хотѣлъ: ничтожнымъ я сдѣлался, совершенно ничтожнымъ, раздавленнымъ червемъ, но который все же питаетъ надежду, по милости Божіей, хотя бы ползкомъ пробраться въ узкія врата вѣчности» [1]). Умеръ Вильгельмъ фонъ-Кюгельхенъ 12 (24) мая 1867 г.

Другимъ представителемъ художественныхъ традицій во второмъ поколѣніи русскихъ Кюгельхеновъ явился пейзажистъ Константинъ Карловичъ фонъ-Кюгельхенъ, родившійся въ 1810 г. отъ брака Карла фонъ-Кюгельхена на баронессѣ Эмиліи Цеге-фонъ-Мептейффель. Получивъ общее образованіе частью дома, частью подъ руководствомъ пастора Гершельмана, Константинъ художественною своею подготовкою былъ почти всецѣло обязанъ своему отцу, Карлу фонъ-Кюгельхену.

Къ 1830 г. юноша, очень живой и веселый, достаточно уже понаторѣлъ въ живописи. «Я прилежно рисовалъ разныя картины масляными красками,—разсказываетъ онъ въ своей автобіографіи, не предназначенной для обращенія въ публикѣ,—а въ видѣ опыта писалъ и клеевыми красками. Теперь я принялся рисовать большую картину съ натуры, изображающую видъ Ревеля; она должна была меня зарекомендовать въ Петербургѣ, куда отецъ хотѣлъ меня свезти въ слѣдующемъ году, находя, что наступило уже время мнѣ ѣхать въ Римъ; отецъ хотѣлъ попробовать, не удастся ли ему выхлопотать мнѣ стипендію на это путешествіе. Едва ли бы это удалось, не имѣй мы могущественнаго покровителя въ лицѣ министра финансовъ, графа Е. Ф. Канкрина, который самъ былъ уроженецъ Прирейнскаго края и находился съ молодыхъ лѣтъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ. Петербургская академія художествъ тогда получила новый уставъ, и стипендіи на

---

[1]) Zum hunderjährigen Geburtstag des alten Mannes, стр. 9.

путешествія съ художественною цѣлью выдавались лишь чрезъ посредство академіи. А такъ какъ никогда я ученикомъ академіи не былъ, обучался только у отца, то, хотя отецъ самъ и былъ академикомъ, трудно было разсчитывать, чтобъ академія согласилась удостоить стипендіи юношу, ей посторонняго. Но съ вліятельными связями въ Петербургѣ чего не достигнешь! Отецъ привелъ въ исполненіе свои намѣренія наилучшимъ образомъ. Моя картина была принята въ академіи, гдѣ и теперь еще виситъ, а я получилъ званіе «академическаго художника» и былъ, такъ сказать, государственными властями признанъ за живописца. Самое же лучшее было то, что мнѣ назначили пособіе для совершенія путешествія, по 200 дукатовъ въ годъ, на четыре года. Въ Петербургѣ прожили мы два мѣсяца и нашли пристанище у стариннаго друга моего отца. Престарѣлый академикъ Парротъ, бывшій нѣкогда профессоромъ въ Дерптскомъ университетѣ, сдѣлался и мнѣ другомъ, несмотря на разницу лѣтъ. Нашъ радушный хозяинъ жилъ тогда со старухою-женою и двумя пріемными дочерьми въ казенномъ домѣ, занимая прекрасную помѣстительную квартиру, въ которой и для насъ, конечно, нашлось мѣстечко. Вообще такого гостепріимства, какъ въ Петербургѣ, тщетно было бы искать въ какомъ нибудь другомъ цивилизованномъ городѣ. Пока мой отецъ хлопоталъ о моемъ дальнѣйшемъ преуспѣяніи на житейскомъ поприщѣ, я только наслаждался, заводилъ знакомства, ѣздилъ представляться то туда, то сюда, игралъ съ пріемными дочерями Паррота и всячески развлекался. Особенное наслажденіе доставлялъ мнѣ императорскій Эрмитажъ, среди художественныхъ сокровищъ котораго я проводилъ много времени» [1]).

Весною 1831 г. Константинъ Кюгельхенъ уѣхалъ за границу, и большая часть его воспоминаній посвящена описанію путешествія его по Германіи, Италіи и Швейцаріи. Книга написана безпритязательно, но, такъ какъ авторъ имѣлъ цѣлью сохранить въ памяти своей и своихъ дѣтей пережитое въ разное время, поэтому точности и послѣдовательности въ ней напрасно искать.

Хотя воспоминанія К. К. Кюгельхена заключаютъ немало интересныхъ данныхъ о жизни художниковъ въ Римѣ и объ общественномъ бытѣ того времени, мы на нихъ здѣсь останавливаться не станемъ и ограничимся лишь выборкою наиболѣе крупныхъ въ біографическомъ отношеніи фактовъ.

Проѣздомъ чрезъ Саксонію Константинъ тѣсно сблизился съ своимъ двоюроднымъ братомъ, художникомъ Вильгельмомъ фонъ-Кюгельхеномъ, и нѣкоторое время прожилъ съ нимъ въ Гермсдорфѣ; чрезъ того же Вильгельма познакомился Константинъ съ

---

¹) Constantin von Kügelchen. Erinnerungen aus meinem Leben, als Manuscript gedruckt. Spb. 1881, in—8, стр. 93—94.

дочерью президента оберъ-апелляціоннаго суда въ Бауценѣ фонъ Цецвичша, Салли, на которой и женился по возвращеніи изъ Рима. Изъѣздивъ обстоятельно сѣверную Италію и ознакомившись съ ея музеями и картинными галлереями, К. Кюгельхенъ основался въ Римѣ, но не разъ скорбѣлъ о томъ, что для достиженія всей поучительности римскихъ древностей знанія его слишкомъ недостаточны, и онъ не позаботился пополнить ихъ изученіемъ спеціальныхъ сочиненій предъ своею поѣздкою; зато интересныхъ знакомствъ начиная съ художника Верне, писателя Андерсена и дипломата Бунзена и кончая духовидцемъ Гильденштуббе, Кюгельхенъ сдѣлалъ множество. Завѣтъ умершаго въ это время своего отца Константинъ постарался выполнить въ точности—Карлъ Кюгельхенъ незадолго предъ смертью въ 1831 г. писалъ Константину:

«Отпугиваетъ тебя отъ копированія (съ картинъ знаменитыхъ мастеровъ), конечно, только робость и любовь къ удобствамъ. Работать дома, конечно, пріятнѣе, чѣмъ въ галлереѣ. Тамъ твоя работа у всякаго на виду и можетъ заслужить порицаніе, да и самому подчасъ непріятно убѣждаться, насколько начатое другимъ ему лучше удается, чѣмъ тебѣ. Но что ты упустишь теперь, ты уже не наверстаешь во всю жизнь. Я и теперь готовъ плакать кровавыми слезами, когда вспоминаю потраченную зря молодость, хотя я гораздо больше занимался копированіемъ, чѣмъ это дѣлается теперь. Если бы мои лѣта не служили мнѣ извиненіемъ въ стремленіи къ семейному покою и удобствамъ, я даже и теперь засѣлъ бы за копіи въ Эрмитажѣ бокъ о бокъ съ юными пачкунами. Я чувствую, что научаюсь новому, даже когда по какой нибудь собачьей литографіи стараюсь исправить начатую уже работу. Поэтому прими мой отеческій совѣтъ—пока учишься, не рисуй ты ни одной картины изъ головы» [1]).

Этому совѣту и внялъ Константинъ, занимаясь за границею по преимуществу копированіемъ и зачерчиваніемъ этюдовъ, особенно во время поѣздки въ Неаполь и по Сициліи.

Женившись въ 1835 г. на Салли фонъ-Цецвичшъ, Константинъ фонъ-Кюгельхенъ вернулся въ Россію и, пріѣхавъ съ женою въ Петербургъ, опять поселился у академика Паррота. Здѣсь онъ получилъ отъ графа Канкрина порученіе закончить большую картину, начатую по заказу министра Карломъ фонъ-Кюгельхеномъ. Перебравшись затѣмъ въ Фридгеймъ, Константинъ въ отцовской же студіи закончилъ начатую послѣднимъ для гр. Канкрина картину и нарисовалъ цѣлый циклъ небольшихъ пейзажей. Зимою 1835—1836 г. Кюгельхенъ опять отправился въ Петербургъ «пытать счастія». Большую картину онъ Канкрину продалъ, но ничего больше ему устроить не удалось; въ мартѣ 1836 г., уѣзжая въ Фридгеймъ, онъ

---

[1]) P. von. Kügelchen. Gerhard und Karl von Kügelchen, стр. 56, 57.

оставилъ у Паррота 2 швейцарскихъ пейзажа — они очень нравились Парроту, и старый ученый хотѣлъ попробовать, не сможетъ ли съ ихъ помощью что нибудь устроить для молодого своего друга.

«Весною,—разсказываетъ Кюгельхенъ,—я неожиданно получилъ письмо отъ князя Волконскаго (министра императорскаго двора), въ которомъ тотъ меня увѣдомлялъ, что академикъ Парротъ представилъ государю Николаю Павловичу два швейцарскихъ пейзажа, которые государь пожелалъ пріобрѣсти, и освѣдомляется объ ихъ цѣнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ его величеству благоугодно назначить мнѣ 3.000 р. на два года, съ тѣмъ, чтобы я отправился въ Мюнхенъ и усовершенствовалъ свой талантъ копированіемъ картинъ съ старинныхъ мастеровъ» [1]).

Ликвидировавъ хозяйство въ Фридгеймѣ и продавъ усадьбу своему дядѣ, Карлу фонъ-Мантейффелю, Константинъ Карл. Кюгельхенъ въ 1836 г. уѣхалъ въ Мюнхенъ, завезя предварительно жену къ тестю въ Бауценъ; въ Мюнхенѣ, хотя въ картинной галлереѣ и запрещено было заниматься копированіемъ картинъ, Кюгельхенъ, вопреки протестамъ директора галлереи Диллиса, получилъ даже особую мастерскую по настояніямъ русскаго посланника при Баварскомъ дворѣ. Занятія Кюгельхена пошли весьма успѣшно: въ 1837 г., когда государь Николай Павловичъ пріѣзжалъ въ Мюнхенъ ближе познакомиться съ принцемъ Лейхтенбергскимъ, котораго прочилъ въ мужья великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ, Кюгельхенъ съ нарисованными за это время картинами былъ посланникомъ представленъ государю, и тотъ изволилъ ихъ одобрить. Благодаря этому, по мнѣнію посланника, для Кюгельхена обезпечивалась вѣроятность продленія ему пособія для дальнѣйшаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, если бы онъ о томъ возбудилъ ходатайство [2]). Такъ Кюгельхенъ и собирался поступить, но судьба распорядилась иначе—жена художника умерла отъ родильной горячки, и, желая обезпечить призоръ малолѣтнимъ своимъ дѣтямъ у своей сестры Альвины въ Оттенкюлѣ, онъ вернулся въ Эстляндію.

«Зимою 1837—1838 г.г.,—пишетъ К. фонъ-Кюгельхенъ,—я поѣхалъ въ Петербургъ и встрѣтилъ истинно братскій пріемъ у Неффа, который тѣмъ временемъ далеко пошелъ и пользовался уже большимъ вѣсомъ при дворѣ. Онъ оказалъ мнѣ поддержку дружескими совѣтами, и мнѣ удалось, къ большому моему удовольствію, написанныя картины продать государю. Какъ я потомъ узналъ, картины мои были одобрены его величествомъ непосредственно. Императоръ Николай обладалъ незауряднымъ талантомъ въ живописи и съ любовью рисовалъ сцены изъ лагерной жизни и солдатскаго быта. Но его тяготило рисовать для такихъ сценъ ланд-

---

[1]) Const. von Kügelchen. Erinnerungen, стр. 239—241 passim.

[2]) Тамъ же, стр. 252, 253.

шафтную обстановку, и онъ охотно пользовался готовыми уже картинами для вписыванія на нихъ своихъ солдатиковъ. Вотъ какая судьба постигла плоды моихъ двухлѣтнихъ занятій въ Мюнхенѣ! Куда дѣвались мои картины съ царскими къ нимъ придѣлками, я и не дознавался. Я совершенно былъ удовлетворенъ достигнутымъ результатомъ и могъ спокойно уѣхать домой, не заботясь больше о плодахъ моего художественнаго творчества, такъ какъ вмѣстѣ съ копіями сбылъ и самостоятельно мною написанныя картины» [1]).

На этомъ въ сущности и закончилась художественная дѣятельность К. К. фонъ-Кюгельхена. Женившись вторымъ бракомъ на своей двоюродной сестрѣ, Эмиліи-Александрѣ Цёге-фонъ-Мантейффель (дочери барона Генриха, а слѣдовательно единокровной сестрѣ Неффа), Кюгельхенъ поступилъ было учителемъ рисованія въ Ревельскую гимназію и сталъ давать частные уроки рисованія, но заработокъ былъ грошевый, а времени отнималъ много, поэтому онъ предпочелъ сѣсть на хозяйство, купивъ небольшое имѣньице Немме. Чрезъ пять лѣтъ Кюгельхенъ, схоронивъ и вторую жену, женился на третьей—на внучкѣ аббатиссы Адеркасъ, баронессѣ Тони фонъ-Майделль. Когда подросли многочисленныя дѣти, рожденныя ото всѣхъ трехъ его браковъ, Кюгельхенъ переселился въ Дерптъ ради удобства воспитанія и обзавелся тамъ домомъ. Поощряемый примѣромъ стариннаго пріятеля отца и его самого, художника Гагена, увлекавшагося на старости лѣтъ модною въ 50-хъ годахъ новинкою—фотографіею, и Кюгельхенъ вздумалъ тряхнуть стариною и вернулся опять къ живописи.

«Взялся я за рисованіе съ большимъ прилежаніемъ и охотою,— пишетъ онъ,—но пауза, въ теченіе которой я запустилъ искусство, оказалась слишкомъ продолжительна, и ничего путнаго не выходило изъ моей теперешней работы, поэтому дальнѣйшія занятія живописью мнѣ удовлетворенія доставить не могли» [2]).

Окруженный многочисленною семьею дѣтей и внучатъ, Кюгельхенъ безмятежно дожилъ до 70 лѣтъ и умеръ въ 1880 г., какъ и его двоюродный братъ Вильгельмъ, переживъ предѣльной возрастъ жизни Кюгельхеновъ.

Намъ остается еще сказать о третьемъ поколѣніи Кюгельхеновъ. У дѣтей Вильгельма фонъ-Кюгельхена художественныхъ талантовъ не обнаружилось, и изъ оставшихся въ живыхъ сыновей Вильгельма Адольфъ сдѣлался пасторомъ, а Бенно—чиновникомъ. Зато среди нисходящихъ отъ Карла Кюгельхена художественные таланты, кромѣ Константина, сказались въ младшемъ его сынѣ Германѣ, инженерѣ, подъ конецъ жизни сдѣлавшемъ рисованіе своею профессіею, и въ сынѣ послѣдняго, д-рѣ медицины Эрихѣ Кюгельхенѣ, получившемъ

---

[5]) C. von Kügelchen. Erinnerungen, стр. 259, 260.

[6]) Тамъ же, стр. 278.

художественное образованіе въ Берлинской академіи художествъ. Далѣе сыновья дочери Карла фонъ-Кюгельхена, вышедшей замужъ за врача Краузе,—Тео, питомецъ Берлинской академіи художествъ, пріобрѣлъ извѣстность, въ качествѣ портретиста, подвизаясь на этомъ поприщѣ въ Эстляндіи и Лифляндіи, а Гергардъ Краузе, получившій художественное образованіе въ рисовальной школѣ бар. Штиглица, состоялъ учителемъ рисованія въ нѣмецкой Петро-павловской школѣ въ С.-Петербургѣ. Наконецъ изъ нисходящихъ Конст. Карл. фонъ-Кюгельхена у одного изъ его сыновей, Павла, творческій талантъ принялъ другое направленіе: по окончаніи гимназіи въ Дерптѣ въ 1853 г. онъ поступилъ въ Дерптскій университетъ, изучалъ тамъ богословіе и право и получилъ въ 1868 г. золотую медаль за представленное сочиненіе по уголовному праву, а въ 1870 г.,—степень кандидата правъ. По окончаніи университета Пав. Конст. фонъ-Кюгельхенъ нѣкоторое время принималъ участіе въ редактированіи «Revalsche Zeitung», затѣмъ поступилъ на службу въ правительствующій сенатъ, но вскорѣ обратился къ преподавательской дѣятельности (репетитора въ Александровскомъ лицеѣ, преподавателя нѣмецкаго языка въ Патріотическомъ институтѣ и наставника въ семьѣ князя Дондукова-Корсакова). Въ 1873 г. Пав. Конст. фонъ-Кюгельхенъ вступилъ въ редакцію «St.-Petersburger Zeitung», а въ 1877 г., сдѣлавшись полноправнымъ распорядителемъ судебъ этой газеты, подвизался на поприщѣ журналиста вплоть до самой смерти.

Младшая сестра Павл. Конст. фонъ-Кюгельхена отъ брака Конст. Карл. на баронессѣ фонъ-Майделлъ, г-жа Салли фонъ-Кюгельхенъ, окончательно поселившаяся въ началѣ 80-хъ годовъ въ Римѣ, проявила незаурядный талантъ въ живописи портретной и исторической—между прочимъ, ею нарисованы фрески для Ревельской «Karlskirche» и запрестольный образъ Іисуса Христа для лютеранской кирки въ Ташкентѣ [1]).

Этимъ, кажется, исчерпывается полностью перечень членовъ «семьи нѣмцевъ-художниковъ», судьбы которой разсмотрѣны въ настоящей статьѣ на основаніи доступнаго намъ матеріала.

В. Ш.

[1]) Eichhorn. Die Geschichte der «St.-Petersburger Zeitung», стр. 228—229. P. von Kügelchen. Gerhard und Karl von Kügelchen, стр. 63 — 64.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО.

По архивнымъ документамъ.

Гроботатцы [1]).

I.

МПЕРАТОРСКАЯ академія наукъ съ 1736 г. выпустила въ свѣтъ роспись книгамъ, находящимся для продажи въ книжной лавкѣ академіи [2]). Между разными изданіями, перечисленными въ росписи, встрѣчаются и слѣдующія:

«Слово при погребеніи благороднаго господина лейтенанта Александра-Адама фонъ-Вейде, говоренное отъ Эккарда Фрейгольда въ 1743 г. Цѣна 6 коп.»

«Слово при погребеніи благороднаго графа и господина Данила Бриссе, говоренное отъ Эккарда фонъ-Фрейгольда 19 апрѣля 1735 г. Цѣна 12 коп.»

Въ росписи показаны и еще «два подобныхъ же слова при погребеніи высокоблагородныхъ господъ: фонъ-Гинтера и фонъ Карла Бирона». Всѣ эти «Слова» очень наглядно говорятъ о значеніи въ Россіи того иностраннаго вліянія, которое было такъ сильно въ эпоху составленія росписи.

---

[1]) Московскій архивъ министерства юстиціи. Книга правтельствующаго сената до раздѣленія на департаменты, № 1867, стр. 622—701. Собственныя и географическія имена, большинство разговоровъ, а равно и заголовокъ настоящаго очерка принадлежатъ подлиннику, содержаніе котораго и передается нами въ дословной обработкѣ. Указанія нѣкоторыхъ мѣстъ С.-Петербурга, встрѣчающихся въ очеркѣ, относятся къ тридцатымъ годамъ XVIII столѣтія, т.-е. къ однимъ изъ первыхъ его исторіи, и также взяты изъ слѣдственнаго дѣла.

[2]) Чтенія императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ, 1896 г., кн. 3, стр. 36—41.

Нѣсколько позже, въ то же царствованіе, именно 14 августа 1738 г., наканунѣ праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, въ новой Итальянской («Люторской») киркѣ, находящейся на Литейной, въ Московской части, происходили пышныя похороны «высокоблагороднаго господина», лейбъ-гвардіи Коннаго полка подполковника фонъ-Траутфеттера. Тѣло подполковника лежало въ дорогомъ гробу, часто обитомъ серебрянымъ золотнымъ позументомъ. Оно было одѣто въ богатомъ новомъ парадномъ мундирѣ, состоящемъ, по словамъ документа, «въ кафтанѣ суконномъ васильковомъ, съ краснымъ стамеднымъ подбоемъ, обшитомъ напереди, по бокамъ, по швамъ и по фалдамъ позументомъ золотымъ, съ пуговицами обшивными золотными и съ петлями, обитыми золотнымъ же пергаментомъ, и въ суконномъ же красномъ камзолѣ, на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и въ кафтанѣ, обшитомъ золотымъ позументомъ, и съ такими же пуговицами и петлями».

Похоронами распоряжался пріѣхавшій изъ Лифляндіи зять умершаго, подполковникъ Криднеръ.

Въ киркѣ присутствовали родственники и знакомые умершаго, а также множество посторонней публики, пришедшей просто поглазѣть на богатыя похороны. Въ числѣ послѣднихъ находился и молодой копіистъ слѣдственной комиссіи о подлогахъ при городовой канцеляріи, Никита Медвѣдевъ, 20 лѣтъ, не пошедшій въ свою комиссію, а очутившійся на похоронахъ фонъ-Траутфеттера. Медвѣдевъ простоялъ весь обрядъ похоронъ, продолжалъ стоять даже и тогда, когда гробъ съ тѣломъ подполковника поставили въ особую каменную палатку недалеко отъ клироса и заперли висячимъ замкомъ.

— Какая тебѣ нужда здѣсь? — услышалъ надъ собою Медвѣдевъ голосъ понамаря кирки, Ягана-Христофора Шифеля.

Копіистъ ничего не отвѣтилъ и молча пошелъ вонъ изъ кирки. Отсюда онъ направился въ Адмиралтейскую часть и, пройдя зданіе доимочной комиссіи, вошелъ въ одинъ изъ домовъ подлѣ Синяго моста. Здѣсь жилъ товарищъ Никиты, тоже копіистъ комиссіи сочиненія о доимкахъ подушнаго сбора, Василій Соловьевъ, 14 лѣтъ. Никита своего товарища засталъ дома и разсказалъ ему о присутствіи своемъ на похоронахъ фонъ-Траутфеттера.

— Положенъ онъ въ богатомъ уборѣ,—прибавилъ своему товарищу Медвѣдевъ,—и мыслю я, что ночнымъ временемъ можно намъ тайнымъ обычаемъ то тѣло въ киркѣ ограбить.

— У кирки, небось, караулъ,—возразилъ Соловьевъ.

— Караула нѣтъ,—замѣтилъ Медвѣдевъ,—для того, что кирка еще пуста. Я ее оглядѣлъ со всѣхъ сторонъ: съ поля внизу кирки есть окончина, и ее поднять можно.

— Страшное то дѣло! — сказалъ Соловьевъ: — я съ тобой не пойду.

Мѣсяца черезъ полтора послѣ похоронъ подполковника Траутфеттера къ молодому копiисту, Василiю Соловьеву, переѣхавшему жить изъ Адмиралтейской въ домъ отца своего, канцеляриста партикулярной верфи, Степана Соловьева, на Васильевскомъ острову, по зову копiиста пришелъ его товарищъ, переплетнаго дѣла ученикъ, Алексѣй Рыбкинъ, 13 лѣтъ. Прiятели «ходили париться въ торговую баню», послѣ которой Рыбкинъ остался ночевать у Соловьевыхъ. На другой день Василiй Соловьевъ и Алексѣй Рыбкинъ, послѣ обѣда, въ часу третьемъ пополудни пошли гулять. Пройдя на Адмиралтейскую часть, Соловьевъ и Рыбкинъ пришли за Мою-рѣку въ кабакъ, находящiйся въ новопостроенной слободѣ близъ новаго морского рынка. Здѣсь Соловьевъ увидѣлъ своего товарища, Никиту Медвѣдева, бывшаго 14 августа на похоронахъ Траутфеттера, «играющимъ въ билiаръ».

— Пожди малость,—сказалъ Соловьеву Медвѣдевъ,—а потомъ пойдемъ ко мнѣ на квартиру.

— Я не одинъ: со мною товарищъ Алексѣй Рыбкинъ,—указывая на послѣдняго, отвѣтилъ Соловьевъ.

— Возьмемъ и его съ собою, — вполголоса произнесъ Медвѣдевъ.

Черезъ полчаса оба копiиста и переплетный ученикъ находились въ комнатѣ Медвѣдева.

— Что я тебѣ говорилъ въ киркѣ тѣло ограбить, согласенъ ли ты мнѣ въ томъ помощь чинить? — спросилъ опять вполголоса Соловьева Медвѣдевъ, не стѣсняясь присутствiемъ 13-ти-лѣтняго Рыбкина.

— Нынѣ я готовъ, — отвѣтилъ Соловьевъ, — если только ты впредь провѣдаешь у кирки, что караула нѣтъ.

— Опасаюсь итти къ оной: тамъ меня можетъ понамарь встрѣтить, онъ меня примѣтилъ,—возразилъ Медвѣдевъ. — Если же ты провѣдаешь впредь у кирки, тогда я пойду.

На другой день 2 октября, передъ сумерками, Соловьевъ съ Рыбкинымъ вновь появились у дома Медвѣдева. Соловьевъ свистнулъ, и къ нимъ на улицу вышелъ Никита.

— Идешь ли ты съ нами, куда вчерашняго дня звалъ?—спросилъ Медвѣдева Соловьевъ.

— Ежели ты впредь не провѣдаешь, тогда нейду,— отвѣтилъ Никита.

— Оставайся тогда здѣсь!—сказалъ Соловьевъ.—Готовъ ли ты со мною, Алексѣй, итти?—обратился онъ къ Рыбкину.

Получивъ утвердительный отвѣтъ, молодой копiистъ 14 лѣтъ въ сопровожденiи 13-ти-лѣтняго ученика переплетнаго дѣла отправился въ Московскую часть къ «Люторской киркѣ». Стало уже смеркаться, когда они подошли къ ней. Оба товарища обошли кирку кругомъ и, «осмотрѣвъ, какъ сказано въ документѣ, что ка-

раула у оной нѣтъ, остановились у нижней окончины, находящейся съ лица кирки отъ поля». Большимъ гвоздемъ Соловьевъ поднялъ окончину.

— Ежели никого не примѣтишь, спускайся ко мнѣ, — сказалъ онъ Рыбкину, влѣзая черезъ окончину въ кирку. Спустя нѣсколько минутъ, осмотрѣвшись кругомъ, къ нему же спустился и Алексѣй.

Въ киркѣ было совершенно темно. По указанію присутствовавшаго на похоронахъ Медвѣдева, Василій Соловьевъ «ощупалъ особливый чуланъ, запертый висячимъ замкомъ».

— Стань тамъ насторожѣ! — указывая на клиросъ, сказалъ Рыбкину копiистъ,—а если узришь опасность, бѣги ко мнѣ.

Съ этими словами онъ тѣмъ же гвоздемъ, которымъ поднялъ окончину, сбилъ замокъ и, положивъ его въ карманъ, вошелъ въ «чуланъ». «Вонючiй запахъ» такъ и обдалъ копiиста. Со страхомъ онъ отшатнулся было назадъ, но потомъ поборолъ смущенiе и въ потемкахъ нащупалъ гробъ и на немъ набитый полосами позументъ. Съ силою сталъ онъ обдирать и рвать позументъ, помогая себѣ гвоздемъ. Когда позументъ былъ весь ободранъ, Соловьевъ попробовалъ было поднять гвоздемъ крышку гроба, но та не подавалась.

— Алексѣй!—прошепталъ Соловьевъ товарищу, — помоги поднять крышку.

Но и усилія ихъ обоихъ не привели ни къ чему: крышка не открывалась.

— Вылѣзай впередъ!—шепнулъ наконецъ копiистъ Рыбкину, идя къ окошку.

Черезъ полчаса Соловьевъ съ Рыбкинымъ были на квартирѣ Медвѣдева.

— Смотри, Никита!—сказалъ своему товарищу Соловьевъ, показывая позументъ, ободранный съ гроба. Медвѣдевъ съ удивленiемъ, вопросительно глядѣлъ на вернувшихся. Онъ сразу узналъ позументъ, такъ приковавшiй его вниманiе на похоронахъ подполковника конной гвардiи.

Соловьевъ разсказалъ копiисту подробности своего съ Рыбкинымъ путешествiя въ кирку.

— А крышки мы съ Алексѣемъ поднять не могли, — сказалъ въ заключенiе Василій,—и мундира на покойникѣ не видали.

— Тогда пойдемъ тотчасъ всѣ втроемъ вновь къ киркѣ,— сказалъ Медвѣдевъ.—Мы съ Василiемъ влѣземъ въ кирку, а ты, Алексѣй, останешься на улицѣ подлѣ на караулѣ.

Когда они подошли къ киркѣ, было уже совсѣмъ темно. Убѣдившись, что около кирки никого нѣтъ, Соловьевъ вновь гвоздемъ поднялъ окончину и спустился внизъ; потомъ, приподнявъ окончину, тихо свистнулъ: къ нему полѣзъ Медвѣдевъ.

— Держись за меня!—тихо шепнулъ Никитѣ Василій, подводя его къ «чулану», гдѣ находилось тѣло подполковника.

— Помогай мнѣ у того конца, а я буду гвоздемъ поднимать съ этого!—тихо сказалъ своему товарищу Медвѣдевъ, ощупывая гробъ.

Крышка заскрипѣла, гвозди, которыми она была приколочена ко гробу, начали выходить изъ своихъ мѣстъ, еще минута — и крышка осталась въ рукахъ копіистовъ.

— Охъ, страшно, страшно!—прошепталъ Медвѣдевъ.

Тяжелый смрадный запахъ понесся изъ гроба. Со дня погребенія прошло уже болѣе полутора мѣсяца.

— Очень запахло, подождемъ немного у двери, — сказалъ Соловьевъ Никитѣ, опуская крышку на полъ.

— Уйдемъ лучше, что-то мнѣ страшно! — прошепталъ Медвѣдевъ.

— Самъ говорилъ, что нарядъ у него парадный: снимемъ и тотчасъ же уйдемъ, — возразилъ спокойно Соловьевъ. — Теперь меньше стало вонять—пойдемъ!

— Положимъ его на край гроба и поднимемъ,—сказалъ Медвѣдевъ Соловьеву, входя вновь въ чуланъ.—Я буду его держать, а ты снимай платье.

Общими усиліями они подняли тѣло къ тому краю, гдѣ лежала голова. Никита сталъ держать его обѣими руками за поясъ.

— Ай!—закричалъ вдругъ Медвѣдевъ, опуская руки, когда голова покойника судорожно качнулась въ его сторону.

— Перестань бояться, Никита, онъ мертвъ и даже течь сталъ,— совершенно спокойно отвѣтилъ Медвѣдеву Соловьевъ.—Держи его; возьмемъ теперь только платье, а позументъ съ него сдеремъ на улицѣ.

Ощупью съ большими усиліями Соловьевъ снялъ съ тѣла кафтанъ, а затѣмъ камзолъ.

— Штаны не трогай—ноги точно пристыли,—сказалъ Медвѣдевъ, опуская руки изъ-подъ спины покойника.

— Тамъ позумента нѣтъ — на что они? Давай, положимъ его, опять на мѣсто!—обратился Соловьевъ къ Медвѣдеву.

— Сказываешь, что изъ него течь появилась, такъ оставимъ его, какъ есть; днемъ безъ насъ положатъ, а дверь затворяй,—сказалъ Медвѣдевъ, идя съ своимъ товарищемъ къ окончинѣ.

Такъ какъ передъ киркою разстилалось поле, то молодые копіисты и ученикъ переплетнаго дѣла, отойдя нѣсколько саженъ отъ кирки, сѣли на землѣ и стали всѣ втроемъ обдирать съ кафтана и камзола позументъ, который тутъ же клали въ платокъ.

— Все?—спросилъ наконецъ Медвѣдевъ товарищей.

— Кажется, все,—отвѣтилъ Рыбкинъ, «тайно укрывая 5 штукъ позумента и кладя ихъ въ штанный карманъ».

— Хоронить платье нечего, все равно завтра покойника увидятъ,—замѣтилъ Соловьевъ:— бросимъ его здѣсь на полѣ.

Изъ кирки они всѣ втроемъ отправились на Васильевскій островъ и здѣсь недалеко отъ квартиры Соловьева зашли къ маркитанту, купили хлѣба и здѣсь же стали его ѣсть. Такъ какъ у маркитанта «для обогрѣванія» топилась печь, то Никита незамѣтнымъ образомъ бросилъ въ огонь нѣсколько кусочковъ позумента, который быстро загорѣлся; получившійся отъ того слитокъ «также незамѣтно отъ маркитанта» Медвѣдевъ вынулъ и положилъ себѣ въ карманъ.

— Теперь уже поздно,—сказалъ Никита Соловьеву,—а завтра послѣ обѣда сойдемся вновь у маркитанта и сбудемъ позументъ.

Медвѣдевъ пошелъ домой, а къ Соловьеву направился ночевать Рыбкинъ.

II.

На слѣдующій день всѣ три «товарища» вновь сошлись у маркитанта на Васильевскомъ островѣ часу во второмъ пополудни. Здѣсь они «пили пиво и медъ», и здѣсь же они «продали невѣдомо какого чина человѣку 4 аршина позумента за одинъ рубль, изъ котораго Рыбкину дали 15 копеекъ». Здѣсь же на Васильевскомъ островѣ было расположено зданіе военной коллегіи; къ ней, по полученіи 1 рубля, и прошли Медвѣдевъ, Соловьевъ и Рыбкинъ, остановились и стали поджидать. Послѣ «выхода судейскаго» на крыльцѣ коллегіи появился сторожъ мундирной экспедиціи, Григорій Петровъ, знакомый Соловьева.

— Я посланъ отцомъ къ тебѣ, Григорій Петровичъ, продать позументъ для выжиги,—сказалъ, обращаясь къ сторожу, Соловьевъ.

— Почто не самъ онъ пришелъ?—спросилъ сторожъ.

— Сидитъ за счетами въ партикулярной верфи, а деньги нужно отдать вотъ имъ за работы,—указывая на Медвѣдева и Рыбкина, отвѣтилъ Соловьевъ.

— Намъ безъ порукъ покупать не велѣно, чтобы не взять краденаго, — недовѣрчиво поглядывая на «товарищей», сказалъ Григорій.

— Передъ Богомъ клянусь, — заговорилъ копіистъ,—что позументъ не краденый, а собственный отцовскій. «По знакомству проси его продать»,—сказалъ онъ, посылая меня къ тебѣ.

— Своихъ денегъ у меня нѣтъ,—произнесъ сторожъ, смягченный клятвою Соловьева, — пойдемъ къ Бородкину: онъ свѣшаетъ и, можетъ быть, за меня заплатитъ деньги.

— Ступай, Алексѣй, къ маркитанту и жди насъ съ Никитой: если получимъ деньги, принесемъ часть и тебѣ, — шепнулъ Рыбкину Соловьевъ.

Копіисты и сторожъ прошли Синій мостъ и вошли въ одну изъ лавокъ въ новомъ морскомъ рынкѣ, въ которой торговалъ кашинецъ, посадскій человѣкъ, Андрей Бородкинъ.

— Степанъ Соловьевъ прислалъ своего сына продать вотъ этотъ позументъ: свѣшай, что въ немъ будетъ,—обратился къ кашинцу сторожъ.

— Полтора фунта и 3 золотника,—отвѣтилъ тотъ, снимая съ вѣсовъ позументъ и щупая его руками.

— По какой же цѣнѣ Степанъ приказалъ тебѣ продать позументъ?—спросилъ Петровъ.

— Того мнѣ не объявлялъ, а велѣлъ отдать тебѣ по той цѣнѣ, что въ прошлый разъ онъ тебѣ съ верфи торговалъ.

— Тогда было по 9, а нынѣ болѣе 8 копеекъ за золотникъ дать не могу,—обратился Григорій Петровъ къ Соловьеву.

— Давай по 8 копеекъ,—отвѣтилъ Соловьевъ.

— Своихъ денегъ у меня нѣтъ, —обратился къ кашинцу сторожъ:—заплати, Андрей, а потомъ съ тобою счетъ сведемъ.

— Пожди малость,—отвѣтилъ Бородкинъ,— сбѣгаю въ Серебряный рядъ къ Ивану Филатову, спрошу, купитъ ли онъ выжигу.

— Позументъ Иванъ возьметъ,—сказалъ сторожу, возвращаясь, Бородкинъ:—«упреди только Григорія,—говорилъ онъ,—надеженъ ли человѣкъ, что беретъ безъ порукъ».

— Клянется Богомъ,—произнесъ Григорій, указывая на Соловьева,—что позументъ продаетъ за чисто, за собственный отцовскій.

— Вотъ 11 рублей 75 копеекъ,—сказалъ Бородкинъ, передавая копиисту деньги,—и скажи Степану, что болѣе 8 копеекъ за золотникъ мы съ Григорьемъ дать не могли.

— Продали позументъ сторожу за 1 рубль 40 копеекъ,—сказалъ, приходя къ маркитанту, Соловьевъ и далъ дожидавшемуся тамъ Рыбкину еще 15 копеекъ.

— Пойдемъ до темноты, погуляемъ,—проговорилъ ему переплетнаго дѣла ученикъ, вставая со скамьи.

— Василій тебѣ сказывалъ, что позументъ за 1 рубль 40 копеекъ продали,—обратился къ Рыбкину идущій Никита Медвѣдевъ, встрѣтивъ двухъ товарищей по выходѣ отъ маркитанта. — Вотъ тебѣ отъ меня 10 копеекъ,—продолжалъ онъ, кладя въ руку Алексѣя деньги.

— Имѣемъ намѣреніе,—сказалъ Соловьевъ Медвѣдеву,—пойти въ кабакъ за Моею-рѣкою: идешь ли съ нами?

— Туда, гдѣ «биліаръ»!—воскликнулъ Медвѣдевъ:—да я за тѣмъ и шелъ къ вамъ.

Поздно ночью вернулись товарищи изъ «кабака» и разошлись по домамъ.

4 октября утромъ «квартермейстеръ» Кириллъ Рыбкинъ, отецъ 13-ти-лѣтняго Алексѣя, замѣтилъ, что сынъ его, сбираясь итти изъ дома для обученія переплета книгъ, часто вынимаетъ изъ кармана какой-то поясокъ.

— Что это у тебя?—спросилъ онъ сына.

— Позументъ,—смущенно отвѣтилъ Алексѣй Рыбкинъ.

— Гдѣ взялъ?—строго спросилъ отецъ.

— Нашелъ возлѣ дровъ, что лежатъ у сломанной мельницы у насъ на Васильевскомъ острову,—дрожа отвѣтилъ мальчикъ.

— Надо объявить въ полицію!—сказалъ Алексѣю отецъ Рыбкинъ.—А потомъ пойдешь въ ученіе. Пойдемъ!

Однако въ полицеймейстерской канцеляріи, куда съ позументомъ привелъ Рыбкинъ сына, послѣдняго не отпустили, а оставили за карауломъ, объявивъ отцу, что сынъ будетъ къ нему доставленъ послѣ допроса.

Въ то время, когда «товарищи» сбывали позументъ, кража ихъ была уже обнаружена.

На другой день послѣ ихъ влѣзанія въ кирку, 3 октября, въ полдень, въ объѣзжей Литейной и Московской частей десятскій Семенъ Цѣпляковъ объявилъ кафтанъ васильковый и камзолъ суконный кармазинный, изрѣзанные и оборванные, съ остатками позумента не болѣе полъ-аршина. Десятскій объяснилъ, что это платье «онъ усмотрѣлъ на пустомъ мѣстѣ межъ Италіанской кирки и бассеина».

Вызванный въ полицеймейстерскую канцелярію понамарь кирки Шифель объяснилъ, что платье, принесенное съ поля въ полицію, снято ворами съ умершаго подполковника фонъ-Траутфеттера, положеннаго въ киркѣ въ каменномъ придѣлѣ, такъ какъ у кирки поблизости не имѣется даже рогаточнаго караула. По осмотру полиціей кирки, оказалось, что тѣло изъ гроба поднято и положено на край гроба, платья на немъ и позумента нѣтъ.

Когда въ полицеймейстерской канцеляріи сличили остатки позумента на представленномъ въ полицію платьѣ съ позументомъ, имѣвшимся при малолѣтнемъ Рыбкинѣ, то оба они оказались одинаковыми.

— Откуда у тебя позументъ?—спросилъ судья Алексѣя Рыбкина.

— Сего числа бывши на Санктъ-Петербургскомъ острову портовой таможни у досмотрщика Сергѣя Соболева, гдѣ обучаюсь переплету книгъ, возвращался я домой черезъ Васильскій островъ,—бойко началъ отвѣчать мальчикъ, — и здѣсь противъ губернской канцеляріи и близъ сломанной мельницы у коллегій, возлѣ дровъ нашелъ позументъ, лежитъ на землѣ, свернутъ клубкомъ. Пришедъ къ отцу въ казенную казарму, тотчасъ объявилъ ему, а имъ вмѣстѣ съ позументомъ приведенъ въ полицеймейстерскую канцелярію.

— А это платье ты знаешь?—спросилъ судья, показывая Рыбкину кафтанъ и камзолъ умершаго подполковника.

Мальчикъ затрясся, испуганно глядя на судью.

— Смотри, что твой позументъ, что на платьѣ одинаковы, а платье украдено изъ гроба умершаго Траутфеттера. Признавайся!—грозно крикнулъ на Соловьева судья:—не то въ застѣнкѣ будешь пытанъ кошками.

— Онаго позумента я дѣйствительно на острову не нахаживалъ!—со слезами на глазахъ отвѣчалъ мальчикъ и затѣмъ разсказалъ всѣ подробности кражи.

Вслѣдствіе признанія Алексѣя Рыбкина въ полицеймейстерскую канцелярію были взяты Никита Медвѣдевъ и Василій Соловьевъ, которые въ обдираніи позумента съ гроба Траутфеттера и съ платья его винились, подтвердивъ разсказъ Рыбкина. Медвѣдевъ же и Соловьевъ въ разспросахъ показали, что позументъ они продали сторожу Григорью Петрову, знавшему, что онъ завѣдомо краденый, тогда какъ лавочники Андрей Бородкинъ и Иванъ Филатовъ, по ихъ словамъ, про то не знали.

Оговоренные копіистами сторожъ Петровъ и торговцы Бородкинъ и Филатовъ также были вытребованы въ полицеймейстерскую канцелярію, но всѣ трое виновными въ томъ, что покупали завѣдомо краденое, себя не признали, объяснивъ, что пріобрѣтали позументъ за чисто, какъ собственный отца Василья Соловьева,—Степановъ.

15 октября 1738 г. всѣ шестеро изъ полицеймейстерской канцеляріи для слѣдствія были отосланы въ С.-Петербургскую губернскую канцелярію.

III.

Такъ какъ послѣ осмотра тѣла умершаго подполковника Траутфеттера, кромѣ похищеннаго позумента, не явилось еще въ рукавахъ запонокъ алмазныхъ, золотого эфеса шпаги да голландскаго полотна, выдраннаго изъ-подъ крышки гроба, то для открытія истины Медвѣдевъ и Соловьевъ были пытаны дважды, а Алексѣй Рыбкинъ за малолѣтствомъ въ застѣнкѣ дважды же битъ кошками, но они всѣ трое въ похищеніи запонокъ, эфеса и полотна изъ-подъ крышки не признались. Черезъ недѣлю копіисты были пытаны третично и огнемъ жжены, а Алексѣй Рыбкинъ спрашиванъ подъ кошками, однако и на этотъ разъ, вытерпѣвъ ужасныя мученія, они утверждались на прежнихъ рѣчахъ, что, кромѣ позумента, ничего другого не имывали и полотна изъ-подъ крышки не выдирали.

Такъ въ дѣлѣ и осталось не выясненнымъ, кѣмъ же были похищены запонки, эфесъ и полотно. Лазилъ ли за ними въ кирку тайкомъ отъ другихъ кто либо одинъ изъ «товарищей» и не сознался въ томъ даже съ трехъ страшныхъ пытокъ, или же то было дѣломъ новаго вора, быстро сумѣвшаго пойти по слѣду, оставленному предшественниками, документъ ничего не говоритъ.

На «очныхъ ставкахъ» копiистовъ съ сторожемъ и обоими торговцами, Медвѣдевъ и Соловьевъ продолжали утверждать, что Петровъ покупалъ позументъ за завѣдомо краденый, а что Бородкинъ и Филатовъ того не знали.

— Я покупалъ позументъ за чисто, а не за краденое,—горячо возражалъ сторожъ Петровъ,—шлюсь въ томъ на Андрея Бородкина и Ивана Филатова. Вина же моя въ томъ состоитъ,—продолжалъ Петровъ,—что простотою взялъ его безъ порукъ.

Бородкинъ и Филатовъ поддерживали сторону Петрова и говорили, что, по ихъ мнѣнiю, сторожъ покупалъ за чисто, а не за краденое.

Медвѣдевъ же и Соловьевъ настаивали на покупкѣ Петровымъ позумента, какъ завѣдомо краденаго. Сторожъ, уже пожилой человѣкъ, кипятился и выходилъ изъ себя, стараясь доказать свою невинность, а молодымъ копiистамъ видимо нравилось потѣшаться надъ задоромъ сторожа, и они показывали на него противное. На послѣдней «очной ставкѣ» Петровъ съ сжатыми кулаками чуть не бросился на Медвѣдева съ Соловьевымъ, когда они вновь подтвердили на него свой доносъ. Въ душѣ стараго служаки происходила видимо тяжелая внутренняя борьба.

— Не дамъ я имъ надъ собою посмѣяться!—съ какимъ-то отчаянiемъ, даже не смотря ни на кого, сказалъ онъ на «очной ставкѣ», выходя изъ «судейской комнаты».

Во время слѣдствiя Петровъ сидѣлъ въ острогѣ губернской канцелярiи. Содержавшiеся вмѣстѣ съ нимъ колодники стали замѣчать крайне угнетенное и безпокойное состоянiе его духа. 29 октября къ вечеру Петровъ нашелъ въ своей казармѣ подъ рогожей на лавкѣ довольно большой и острый ножикъ.

— Чей ножъ?—спросилъ онъ у сидѣльцевъ.

Тѣ отвѣтили, что не знаютъ.

— Тогда я спрячу у себя его тайно,—сказалъ Петровъ:—нахожусь нынѣ въ страхѣ и мыслю себя этимъ ножомъ зарѣзать.

Колодники переглянулись между собою, нѣкоторые улыбнулись. Однако многiе изъ нихъ, просыпаясь ночью, видѣли, что Петровъ на нары не ложился, а сидѣлъ на скамьѣ, понуривъ голову.

Утромъ 30 октября, во время смѣны караульныхъ, вошедшiй въ острогъ поручикъ Савельевъ не замѣтилъ, какъ въ отворенную дверь казармы юркнулъ сторожъ Григорiй Петровъ. Поручикъ обнаружилъ его исчезновенiе только тогда, когда сторожъ выбѣжалъ уже изъ острога. Савельевъ съ двумя солдатами бросился за нимъ. Петровъ бѣжалъ очень неровно, шатаясь изъ стороны въ сторону, отчаянно махая въ то же время ножомъ, а когда караульные стали его настигать, онъ остановился и изъ всей силы вонзилъ себѣ ножъ въ животъ, потомъ закачался и упалъ на землю. Подбѣжавшiе поручикъ съ двумя солдатами застали Пет-

рова лежавшимъ въ лужи крови: «кишки изъ его живота, по ихъ словамъ, были выпавши». Сторожъ былъ блѣденъ, порывисто дышалъ, а когда караульные понесли его въ казарму, онъ лишился чувствъ.

Къ Петрову изъ губернской канцеляріи былъ присланъ канцеляристъ Матвѣй Матчинъ. Придя въ себя, сторожъ ему и поручику Савельеву тихимъ голосомъ сказалъ:

— Я позументъ у Василья Соловьева и Никиты Медвѣдева купилъ подлинно за чисто, а не за краденое, и нынѣ, помня себѣ смертный часъ,—продолжалъ онъ, поднимая глаза вверхъ,—показываю вамъ сущую правду, а ежели меня не станетъ, скажите о томъ господамъ судьямъ.

Вскорѣ Петровъ вновь впалъ въ безпамятство, а черезъ полчаса умеръ.

Страшная смерть сторожа сильно подвинула рѣшеніе губернской канцеляріи, но когда она приступила къ рѣшенію, то увидѣла, что къ настоящему дѣлу изъ законовъ приложимъ только слѣдующій указъ 177 (1669) г.

«Церковныхъ татей, который войдетъ въ алтарь въ день или въ ночь и что возьметъ отъ святыхъ сосудъ или потиръ, или иныя какія вещи, и тѣмъ татемъ учинить казнь — отсѣчь лѣвую руку да правую ногу, а за двѣ церковныя татьбы такимъ татемъ учинить по уложенію —казнить смертію».

Губернская канцелярія, имѣя въ виду, что этотъ указъ и другіе пункты гласятъ не о гроботатцахъ, а что съ таковыми чинить, того въ «уложеньѣ» не напечатано и кромѣ точныхъ указовъ не имѣется, просила изъ Санктъ-Петербургскаго духовнаго правленія извѣстія, что̀ съ гроботатцами чинить по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, по грацкимъ законамъ и по Кормчей книгѣ.

Духовное правленіе сообщило слѣдующую «справку»:

66 правило о эпитиміяхъ кающимся Василія Великаго: «Гробный тать 10 лѣтъ запрещенія да пріиметъ: 2 лѣта да плачется, 3—да послушаетъ божественныхъ писаній, 4—да припадаетъ и едино лѣто да стоитъ съ вѣрными безъ общенія, и потомъ да причастится божественныхъ таинъ».

Святого Григорія Нискаго 200 правило: «Гробы же воскоповающіе, аще убо съ оружіемъ бываху, мечомъ главы ихъ да отсѣкутъ, аще же безъ оружія—на копаніе златыя руды бываютъ; аще же тѣлеса мертвыхъ или кости подвизающе или превращающе, убозіи суще конечно мучимы будутъ, аще же честніи и богатіи расхитится, въ заточеніе пошлются; инако же о гробѣхъ согрѣшающе, въ заточеніе посылаеми суть или на копаніе златыя руды».

С.-Петербургская губернская канцелярія, учиня подробную выписку изъ дѣла и еще разъ оговорившись, что точныхъ законовъ

о гроботатцахъ не имѣется, 3 ноября 1738 г. донесла сенату, что, по мнѣнію ея, Медвѣдевъ и Соловьевъ «за ихъ тяжкое и злое воровство, что они, не страшась будущаго суда Божія и за то вѣчнаго себѣ мученія, гроботатство и обруганіе мертвому тѣлу чинили, за ихъ вины подлежатъ жесточайшей смертной казни, а малолѣтному товарищу ихъ Рыбкину, который уже находится въ цѣломъ разумѣ, за общее съ ними воровство надлежитъ съ вырѣзаніемъ ноздрей быть въ вѣчной каторжной работѣ».

Сенатъ, слушавъ донесеніе канцеляріи, 20 декабря 1738 г. приказалъ: «Соловьева и Медвѣдева за ихъ воровство, по резонамъ губернской канцеляріи, казнить смертію—отсѣчь головы близъ вышеозначенной люторской кирки, гдѣ они грабежъ чинили, а Алексѣя Рыбкина, бивъ на томъ же мѣстѣ кошками, сослать на казенные сибирскіе заводы вѣчно и обучать его тамъ разнымъ мастерствамъ, и ежели къ наукамъ онъ будетъ способенъ и покажетъ свою заслугу и доброе житіе, то его производить, къ чему онъ будетъ достоинъ. Торговцевъ же Андрея Бородкина и Ивана Филатова отдать на добрыя и знатныя расписки».

На «сообщеніи» сената по этому дѣлу въ кабинетъ императрицы написано:

«По сему сообщенію изъ помянутыхъ воровъ копіистовъ Соловьева и Медвѣдева казнить смертію, а Рыбкина для малолѣтства, учиня наказаніе кошками, сослать на сибирскіе казенные заводы вѣчно. А понеже о такихъ ворахъ гробокопателяхъ,—что имъ за такое воровство чинить надлежитъ, въ уложеньѣ и въ указахъ не упомянуто, того ради сочинивъ указъ, публиковать, что ежели кто впредь въ такомъ воровствѣ явится, такихъ казнить смертію, и сей пунктъ внесть въ уложенье. У подлиннаго подписано ея императорскаго величества собственною рукою тако: «Анна». Февраля 8 дня 1739 года» [1]).

«Подъ тѣмъ же подписали господа кабинетъ-министры: Андрей Остерманъ, кн. Алексѣй Черкаской, Артемій Волынскій».

Во исполненіе этого именного указа послѣдовалъ слѣдующій печатный указъ, разосланный по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ имперіи и позже появившійся въ «Полномъ собраніи законовъ»:

«Божіею милостію мы, Анна, императрица и самодержица всероссійская, и прочая, и пр., и пр. Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Понеже предъ симъ въ Санктпетербургѣ явились такіе злодѣи, что, не боясь будущаго страшнаго суда Божія и здѣшнія казни, положенное въ киркѣ мертвое нѣкотораго знатнаго иностраннаго человѣка тѣло, поднявъ изъ гроба, воровски богатое съ него платье ограбили. Которые, за такое ихъ надъ мертвымъ тѣломъ умышленное ругательство и грабежъ, по изобличенію и по

---

[1]) Этого перваго указа въ «Полномъ собраніи законовъ» не напечатано.

повинкамъ ихъ въ розыскахъ, кажнены смертію. А понеже въ уложеньѣ и въ указахъ предковъ нашихъ о такихъ злодѣяхъ, что имъ за то воровство чинить надлежитъ, не упомянуто, и вышеписанное злодѣйское ругательное мертвому тѣлу грабительство паче чаянія послѣдовало, чего еще до сего времени мало слыхано,— того ради указали мы во всемъ нашемъ государствѣ симъ нашимъ указомъ публиковать, что ежели впредь кто въ такомъ злоумышленномъ воровствѣ явится, таковыхъ, какъ и вышеупомянутыхъ злодѣевъ, повелѣваемъ казнить смертію безъ всякаго милосердія. И для того сей нашъ указъ внесть въ уложенье. Подлинный за подписаніемъ ея императорскаго величества собственныя руки. Февраля 8 дня 1739 г.» [1]).

Такимъ образомъ настоящее дѣло, кромѣ бытовой стороны, представляетъ еще тотъ интересъ, что послужило первоисточникомъ для составленія общаго закона о «гроботатцахъ».

Послѣдній же указъ отъ 8 февраля 1739 г., говоря въ общихъ чертахъ о виновникахъ, повлекшихъ его составленіе, въ прошедшемъ уже времени, тѣмъ самымъ указываетъ послѣднюю участь Медвѣдева и Соловьева: они были казнены безповоротно.

И. С. Бѣляевъ.

[1]) Этотъ второй указъ напечатанъ въ «Полномъ собраніи законовъ» подъ № 7750.

ГОРОДЪ САНДОМИРЪ[1].

Его прошлое и настоящее.

САНДОМИРЪ, нынѣ незначительный уѣздный городокъ Радомской губерніи, представляетъ большой интересъ для любителей старины, какъ одинъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Польши. Объ немъ упоминается уже въ старинныхъ грамотахъ XI и XII вѣковъ на ряду съ Краковомъ, Гнѣзномъ и Люблиномъ, какъ о civitas principalis, т.-е. главномъ городѣ довольно обширнаго района. Древнѣйшее чисто-славянское названіе города Sudomir [Сѫдомїръ] постепенно превратилось въ Sondomir, потомъ — въ Sęndomir и наконецъ — въ Sandomierz.

Сандомиръ, окруженный садами, красиво раскинулся на лѣвомъ нагорномъ берегу Вислы, откуда открывается чудный видъ на равнину Галиціи, разстилающуюся до предгорій Карпатъ. За Вислой отчетливо видна австрійская граница «Надбржезе» и подходящіе къ ней желѣзнодорожные поѣзда. На этомъ мѣстѣ городъ стоитъ сравнительно недавно, съ конца XIII вѣка. Въ болѣе отдаленныя времена главная масса городскихъ построекъ находилась къ западу отъ нынѣшняго города, за оврагомъ, тамъ, гдѣ теперь одиноко стоятъ древнѣйшіе сандомирскіе костелы св. Якова и св. Павла; вокругъ нихъ, при обработкѣ полей, на обширномъ пространствѣ находили во множествѣ

---

[1]) При составленіи настоящаго очерка, мы, кромѣ личнаго осмотра города, пользовались соч. ксендза Куклинскаго «Monografia miasta Sandomierza» и статьей «Sandomierz», помѣщенной въ №№ 35 и 36 «Tygodnika Illustrowanego» за 1899 г.

остатки старыхъ фундаментовъ, кирпичные своды, обвалившіеся подземные ходы, а также кости людей и животныхъ. Спеціальныя же раскопки, произведенныя къ сѣверо-востоку отъ города, въ такъ называемыхъ Перцовыхъ горахъ, показали, что людскія поселенія существовали здѣсь еще во времена язычества: въ мелко-зернистомъ каменномъ грунтѣ этихъ горъ, отъ котораго онѣ и получили свое названіе, было найдено множество глиняныхъ урнъ съ остатками обугленныхъ человѣческихъ костей. Часть ихъ хранится до-

Городъ Сандомиръ.

нынѣ въ городской ратушѣ, а также у мѣстнаго любителя старины — содержателя «Польской» гостиницы.

Въ 1139 г., при раздѣлѣ Польши между сыновьями короля Болеслава Кривоустаго, Сандомиръ достался его сыну Генриху и сдѣлался столицей удѣльнаго княжества. Благодаря своему красивому мѣстоположенію, чудному климату, обилію фруктовъ и прекрасной охотѣ въ окрестныхъ лѣсахъ, городъ со своимъ замкомъ сталъ любимой лѣтней резиденціей польскихъ удѣльныхъ князей, а впослѣдствіи и нѣкоторыхъ королей. Въ концѣ XII вѣка въ Сандомирскомъ замкѣ жилъ Казимиръ Справедливый, а потомъ его вдова со своими дѣтьми. Одна изъ ея дочерей, княжна Аделаида, построила сохранившійся донынѣ костелъ св. Якова, при которомъ впослѣдствіи основался мужской монастырь Доминиканскаго ордена.

Благодаря также своему выгодному положенію на большой судоходной рѣкѣ и обширной торговлѣ съ Галиціей, городъ скоро разбогатѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался приманкой для воинственныхъ сосѣдей, что̀ и послужило главнымъ источникомъ его дальнѣйшихъ бѣдствій. Около 1200 г. Сандомиръ былъ разграбленъ и сожженъ войсками Романа, князя волынскаго и галицкаго, который, однако, при вторичномъ набѣгѣ на Польшу въ 1205 г.

Бывшій Сандомирскій замокъ, нынѣ тюрьма.

былъ разбитъ подъ Завихостомъ, верстахъ въ 15 отъ Сандомира, и самъ палъ въ этой битвѣ. Едва успѣлъ городъ оправиться отъ набѣга галичанъ, какъ въ 1241 г. былъ разоренъ снова однимъ изъ боковыхъ отрядовъ Батыя, шедшаго съ главными силами на Венгрію. Но еще болѣе пострадалъ Сандомиръ въ 1259 г., когда на него неожиданно обрушились грозныя орды монголовъ, предводимыхъ Телебогомъ и Ногаемъ. Разбивъ польскія войска, монголы безпощадно ограбили и выжгли городъ и перебили множество жителей; по свидѣтельству извѣстнаго историка Яна Длугоша, кровь убитыхъ стекала въ Вислу цѣлыми ручьями. Донынѣ сохранилось преданіе, что 2 февраля 1259 г. въ костелѣ доминиканскаго монастыря св. Якова шла обычная церковная служба. Когда пріоръ, т.-е. настоятель монастыря, Садокъ сталъ читать имена празд-

нуемыхъ въ этотъ день святыхъ мучениковъ, то съ удивленіемъ и ужасомъ увидѣлъ въ требникѣ, написанныя огненными буквами, имена: свое и своихъ 39 монаховъ. Въ эту минуту послышались сильные удары извнѣ; двери костела были выломаны, и ворвавшіеся въ него монголы изрубили всѣхъ доминиканцевъ, которые впослѣдствіи были причислены къ лику святыхъ и донынѣ считаются 40 сандомирскими мучениками.

Послѣдовавшіе за монгольскимъ нашествіемъ набѣги язвиговъ въ 1281 г. и литовцевъ въ 1282 г. были остановлены побѣдами поляковъ подъ Гожлицами и Люблиномъ.

Въ 1283 и 1286 г.г., при Лешкѣ Черномъ, городу Сандомиру впервые даны были многія привилегіи: магдебургское право, свобода торговли, освобожденіе отъ нѣкоторыхъ повинностей, право чеканить монету, пользоваться окрестными лѣсами, брать пошлину съ перевозимыхъ по Вислѣ товаровъ и т. д.

Въ 1287 г. Сандомиръ снова подвергся нападенію татаръ, но на этотъ разъ они успѣшно отражены. Сохранилась легенда о вдовѣ одного изъ польскихъ воиновъ, Halinie Krempiance, которая будто бы, мстя татарамъ за смерть отца и мужа, вызвалась провести ихъ въ осажденный городъ подземнымъ ходомъ; но какъ только враги втянулись за нею въ подземелье, выходъ изъ него былъ заваленъ, и всѣ до одного погибли вмѣстѣ съ нею.

Послѣ столькихъ непріятельскихъ нашествій городъ былъ, наконецъ, перенесенъ на то мѣсто, гдѣ существуетъ донынѣ; по всей вѣроятности, новое расположеніе города между рѣкой Вислой и глубокимъ оврагомъ, въ то время, быть можетъ, наполненнымъ водой, признавалось болѣе удобнымъ для обороны. Тѣмъ не менѣе, около 50 лѣтъ спустя, городъ былъ снова осажденъ литовцами и взятъ безъ большого труда, вслѣдствіе измѣны начальника сандомирскаго гарнизона, отворившаго имъ ворота. Измѣнникъ былъ впослѣдствіи осужденъ на изгнаніе, а сынъ его, доминиканскій монахъ Бернардъ, предназначавшійся папой Иннокентіемъ VI на должность епископа плоцкаго, не былъ допущенъ къ этому сану.

Въ 1362 г. Казимиръ Великій, взамѣнъ окружавшихъ городъ деревянныхъ стѣнъ, возвелъ прочную каменную ограду съ четырьмя высокими башнями. Тотъ же король исправилъ сандомирскій замокъ и построилъ уже не существующій нынѣ костелъ св. Петра. Отъ преемниковъ Казимира Великаго Сандомиръ получилъ еще новыя привилегіи, какъ, напримѣръ, право имѣть склады соли, привозимой изъ Бохніи и Велички, и многія другія. Благодаря этому, городъ сталъ опять поправляться, но благосостоянію его сильно повредили большіе пожары, бывшіе въ 1375, 1456, 1488, 1514 и 1525 гг., а также моровое повѣтріе 1602 г.

Въ самомъ началѣ XVII вѣка въ Сандомирѣ появились первые іезуиты; они учредили въ городѣ свой конвиктъ, а немного позже построили коллегію и типографію.

Въ 1612 и 1613 гг. сильные пожары снова опустошили городъ. Но еще больше пострадалъ онъ въ эпоху шведскихъ войнъ. Въ 1656 г. шведскій воевода Синклеръ подступилъ къ Сандомиру съ сильнымъ отрядомъ и, не находя иного средства овладѣть укрѣпленнымъ замкомъ, приказалъ зажечь городъ съ подвѣтренной стороны, въ расчетѣ, что горящія головни, искры и дымъ прину-

Опатовскія ворота.

дятъ защитниковъ сдаться. Замокъ, однако, держался. Шведы ворвались въ него лишь послѣ того, какъ взорвали миной часть его высокой стѣны, но владѣли имъ очень недолго, такъ какъ подоспѣвшія вскорѣ войска гетмана Чарнецкаго и кн. Любомирскаго принудили ихъ отступить.

Въ 1680 г. Янъ Собѣсскій возстановилъ замокъ и городскія стѣны, но городу уже не суждено было возвратиться къ своему прежнему цвѣтущему состоянію; повредили ему также новые пожары въ 1711 и 1754 г.г.; не помогла и особая комиссія «добраго

порядка», спеціально учрежденная въ 1784 г. для изысканія средствъ къ поднятію города, окончательно пришедшаго въ упадокъ.

Въ 1795 г., по третьему раздѣлу Польши, Сандомиръ временно достался Австріи, а послѣ войны 1809 г. вошелъ въ составъ великаго герцогства Варшавскаго, которое, какъ извѣстно, въ 1815 г. было навсегда присоединено къ Россіи подъ именемъ царства Польскаго.

Закончивъ на этомъ краткій историческій очеркъ Сандомира, скажемъ нѣсколько словъ о памятникахъ его старины, лично нами осмотрѣнныхъ.

Отъ древняго городского замка сохранилась на краю оврага лишь западная стѣна съ двумя восьмигранными башнями; въ царствованіе императора Николая I къ ней было пристроено довольно обширное зданіе нынѣшней тюрьмы. Многіе изъ мѣстныхъ жителей называютъ его замкомъ Марины Мнишекъ, хотя, какъ показали новѣйшія изслѣдованія, семья сандомирскаго воеводы Юрія Мнишка въ эпоху появленія перваго самозванца жила въ Самборскомъ королевскомъ замкѣ, въ Галиціи; прямо оттуда же Марина выѣхала въ Москву[1]). Отъ каменной городской ограды сохранилась донынѣ одна лишь высокая четырехъ-угольная башня, извѣстная подъ именемъ Опатовскихъ воротъ. Стѣна, обращенная къ Вислѣ, была, какъ говорятъ, постепенно подмыта водой и обрушилась вмѣстѣ съ Завихостской башней. Надо замѣтить, что въ старину подъ самымъ городомъ протекалъ не рукавъ рѣки Вислы, какъ нынѣ, а главное русло. Стѣны, окружавшія городъ съ остальныхъ сторонъ и мѣшавшія ему расширяться, были по минованіи внѣшней опасности постепенно разобраны и частью употреблены на новыя постройки.

Изъ старинныхъ построекъ, сохранившихся въ чертѣ города, замѣчательны слѣдующія:

1) Каѳедральный костелъ Св. Дѣвы Маріи, построенный еще при Казимирѣ Великомъ и впослѣдствіи много разъ реставрированный. Въ костелѣ, между прочимъ, хранится древній серебряный крестъ съ частицей Креста Господня, а также перчатки королевы Ядвиги. На внутреннихъ стѣнахъ костела много надгробныхъ плитъ съ барельефами и латинскими надписями; въ эпитафіи одного изъ магнатовъ упомянуто объ участіи его въ «Московской экспедиціи» 1605 г., т.-е., по всей вѣроятности, въ походѣ на Москву Лжедимитрія I. Въ костельномъ книгохранилищѣ много старинныхъ латинскихъ книгъ и рукописей.

2) Городская ратуша, построенная частью при Лешкѣ Черномъ, частью при Казимирѣ Великомъ, т.-е. въ XIII — XIV вв. Въ ратушѣ хранятся три старинныхъ обоюдоострыхъ меча, кото-

---

[1]) A. Hirschberg. «Dymitr Samozwaniec». 1898

рыми палачи рубили головы приговореннымъ къ смерти; на одномъ изъ нихъ сохранилась надпись: «1688. Pan Bóg nadzieja moja» (1688 г. Господь Богъ моя надежда); въ числѣ же старыхъ городскихъ счетовъ сохранился, между прочимъ, такой: «Mistrzowi za ucięcie glowy—groszy trzy», т.-е.: «Мастеру за отсѣченіе головы—три гроша». Тамъ же имѣются два большихъ портрета масляными

Каѳедральный костелъ Св. Дѣвы Маріи.

красками, какъ говорятъ, короля Станислава Понятовскаго и старосты Солтыка.

3) Зданіе бывшей іезуитской коллегіи, въ которомъ помѣщается нынѣ мужская прогимназія [1]), очень оригинальной архитектуры, построено въ 1616 г. При немъ довольно обширный садъ, а у входа въ него — статуя основателя іезуитскаго ордена Игнатія Лойолы.

Самый древній изъ частныхъ домовъ — полуразвалившійся домъ извѣстнаго польскаго историка Яна Длугоша, построенный во второй половинѣ XV вѣка.

Изъ старинныхъ построекъ, сохранившихся внѣ бывшей городской стѣны, замѣчательны слѣдующія:

1) Костелъ св. Якова (sw. Jakóba), при которомъ донынѣ существуютъ полуразвалившіяся кельи бывшаго доминиканскаго монастыря. Костелъ, какъ было сказано 'раньше, построенъ

---

[1]) См. большое зданіе на рис. № 1.

въ началѣ XIII вѣка и реставрированъ въ XVI вѣкѣ. Романскій стиль его наружныхъ дверей и толстый слой мха, покрывающаго сѣверныя стѣны,—все говоритъ о его глубокой древности. Въ ко-

Городская ратуша.

стелѣ достойны вниманія: надгробная плита княжны Аделаиды, умершей въ XIII вѣкѣ, на 18 году жизни, и дубовый рѣзной саркофагъ XVI в. съ грубымъ ея изображеніемъ въ видѣ барельефа;

Видъ съ окраины города на костелъ св. Якова.

масляныя картины, изображающія избіеніе доминиканцевъ монголами въ 1259 г. и средневѣковый судебный процессъ по обвиненію нѣсколькихъ сандомирскихъ евреевъ въ ритуальномъ убій-

ствѣ христіанскаго младенца. При костелѣ есть келья св. Яцка, передѣланная въ довольно обширную каплицу. На колокольнѣ висятъ старинные колокола съ латинскими надписями; одинъ изъ нихъ 1314 г., а другой 1389 г.

2) Костелъ св. Павла, расположенный недалеко отъ только что описаннаго и почти столь же древній; съ 1226 по 1426 г. былъ деревяннымъ, а затѣмъ—каменный. Въ немъ, между прочимъ, замѣчательна тонкая рѣзьба на дверяхъ, ведущихъ на хоры.

3) Женскій монастырь Бенедиктинскаго ордена близъ выѣзда изъ Опатовскихъ воротъ, основанный въ 1615 г.

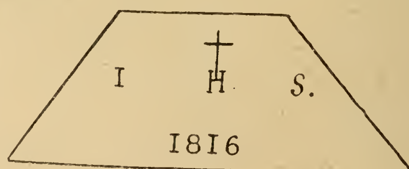
Женскій монастырь Бенедиктинскаго ордена.

4) Бывшій мужской монастырь съ такъ называемымъ пореформатскимъ костеломъ св. Іосифа; былъ построенъ въ 1685 г. и сильно пострадалъ отъ пожара въ 1809 г., но затѣмъ возобновленъ опять. При немъ небольшой тѣнистый садъ, окруженный каменной оградой, внутри которой въ нишахъ изображены земныя страданія Христа. Особенный интересъ представляютъ собой подземные склепы этого костела. Черезъ небольшой люкъ, устроенный въ полу, противъ главнаго алтаря, мы, имѣя въ рукахъ зажженныя свѣчи, спустились въ мрачное подземелье. Тяжелый могильный воздухъ, точно дыханіе смерти, непріятно пахнулъ намъ въ лицо и заколыхалъ огни свѣчей. Съ трудомъ осмотрѣвшись, мы увидѣли направо и налѣво ряды небольшихъ сводчатыхъ казематовъ со множествомъ гробовъ и грудами человѣческихъ костей. Въ большинствѣ гробовъ, открываемыхъ сторожемъ, лежали скелеты монаховъ, одѣтыхъ въ коричневыя рясы и подпоясанныхъ бѣлой веревкой съ тремя узлами. Въ одномъ же изъ

гробовъ отлично сохранился, точно высохшій, трупъ 18-тилѣтней дочери сандомирскаго воеводы Морштына, Терезіи-Изабеллы; уцѣлѣли также ея волосы, туфли и бѣлое атласное платье. Въ сосѣд-

Костелъ св. Іосифа.

немъ гробу покоится трупъ самого воеводы, въ конфедераткѣ и кунтушѣ съ широкимъ поясомъ. Почти всѣ гробы выкрашены охрой въ желтый цвѣтъ; на одномъ изъ нихъ, у изголовья, мы замѣтили лаконическую надпись чернаго цвѣта:

Особенное вниманіе обращаетъ на себя одинъ гробъ необыкновенно широкаго размѣра. Если вѣрить объясненію сторожа, то въ немъ были похоронены два близнеца, сросшихся между собою на подобіе извѣстныхъ сіамскихъ близнецовъ. Когда подняли крышку гроба, то въ немъ оказались кости двухъ скелетовъ, настолько пе-

ремѣшанныя между собою, что трудно было провѣрить его слова. Сторожъ говорилъ также, что будто бы, когда близнецовъ похоронили, одинъ изъ нихъ, еще продолжалъ жить и въ гробу въ предсмертной агоніи кусалъ себѣ руку. Дѣйствительно, одинъ изъ двухъ череповъ крѣпко сжималъ зубами кисть согнутой въ локтѣ правой руки. На голомъ полу, у юго-восточной стѣны склепа лежали рядомъ два монаха, похороненные безъ гробовъ; на нихъ— коричневыя рясы съ капюшонами, надвинутыми на черепа; оба подпоясаны бѣлыми веревками, руки же обмотаны четками; у обоихъ подъ головами положено по кирпичу.

Вотъ все, что намъ удалось видѣть при бѣгломъ осмотрѣ Сандомира; несомнѣнно, что всякій любитель старины, располагающій временемъ и заручившійся содѣйствіемъ мѣстнаго католическаго духовенства, всегда очень любезно относящагося къ туристамъ, найдетъ въ этомъ городѣ еще много другихъ памятниковъ, достойныхъ вниманія и изученія.

Анатолій Ив. Мартыновъ.

ОТЪ ЯРОСЛАВЛЯ ДО НИЖНЯГО.

(Путевые наброски).

Волгой-матушкой, быстрою, длинною,
Пароходъ нашъ стрѣлою летитъ,
И картина идетъ за картиною,
И за видомъ смѣняется видъ:
То лѣса вѣковые, дремучіе,
Словно грозные стражи, стоятъ,
То пески по прибрежью сыпучіе,
Полосою, желтѣя, лежатъ.
Надъ рѣкою туманъ разстилается,
А за нимъ то луга, то поля
Съ горизонтомъ далекимъ сливаются...
Хороша ты, родная земля!

Гиляровскій.

I.

Сопѣлки.

СНОЕ лѣтнее утро.

Ярославль, какъ въ зеркалѣ, отражается въ прозрачной глади Волги, искрящейся и переливающейся вдали тысячами золотистыхъ блестокъ. Надъ спокойною рѣкою далеко разносится благовѣстъ къ обѣднѣ.

На берегу, у подножья зеленаго откоса, круто сбѣгающаго къ Волгѣ, копошится народъ.

Согнувшись подъ бременемъ тяжелыхъ кулей, крючники носятъ ихъ съ пристани на берегъ и грузятъ на ломовыхъ, которые длинною вереницею тянутся вдоль берега, направляясь къ придѣланному въ откосѣ подъему въ городъ. Тутъ же на дребезжащихъ дрожкахъ снуютъ легковые извозчики, отвозя и подвозя къ пристани пассажировъ. Толкаются рабочіе, носильщики, золоторотцы, крестьяне. Все это движется взадъ и впередъ, разговариваетъ,

шумитъ, жестикулируетъ, залитое яркими лучами утренняго солнца.

Наибольшее оживленіе царитъ на широкихъ мосткахъ, ведущихъ на пристань. Здѣсь мелькаютъ пестрые платки бабъ, черные картузы купцовъ и приказчиковъ, котелки мѣстныхъ обывателей, бѣлые головные уборы туристовъ и среди нихъ—всклоченная, безъ шапки, голова босяка, собирающаго милостыню.

— Господинъ, а господинъ, перметте,—три дня не ѣлъ,—загораживаетъ онъ дорогу какому-то туристу съ краснымъ путеводителемъ въ рукахъ.

— Отчего же у тебя лицо опухло?

— Съ голоду, господинъ, съ голоду. Намъ безъ этого никакъ невозможно, чтобъ не опухнуть...

— Ванька! Ванька!—кричитъ на берегъ парень въ накинутомъ на плечи кафтанѣ:—Тащи скорѣе Дуняху-то! Чего она, дура?..

— На построеніе новаго храма, во имя Михаила Архангела, пожертвуйте, православные,—проносится въ толпѣ голосокъ монахини-сборщицы.

— А ты не больно толкайся,—урезониваетъ купецъ какого-то мужичка съ мѣшкомъ за плечами:—можетъ, такихъ людей толкаешь, которые во сто разъ лучше тебя...

Наконецъ, сжатая перилами мостковъ и медленно двигавшаяся въ этомъ узкомъ пространствѣ, толпа вынесла насъ на пристань, у которой стоялъ готовый къ отплытію пароходъ: «Братья Дерюгины».

Мы заняли мѣста на палубѣ, неподалеку отъ группы ярославскихъ «батюшекъ». Два изъ нихъ отправлялись куда-то внизъ по Волгѣ; остальные собрались проводить ихъ.

Много пришлось мнѣ постранствовать на своемъ вѣку, много приходилось видѣть разнаго духовенства, но красивѣе и щеголеватѣе ярославцевъ я не встрѣчалъ. Въ стройности ихъ сильныхъ, дородныхъ фигуръ, въ ясномъ, привѣтливомъ выраженіи широкихъ, открытыхъ лицъ, въ безукоризненномъ, часто щегольскомъ покроѣ одежды чувствуется какой-то особый аристократизмъ, какая-то степенная, чисто русская сановитость, полная сознанія своей силы и достоинства. Если бы предполагалась выставка красоты типичныхъ представителей разныхъ національностей, то представителемъ великоруссовъ я выбралъ бы ярославца, и именно ярославскаго «батюшку».

Сосѣди наши вели бесѣду о своемъ преосвященномъ. Спокойная рѣчь ихъ отличалась мѣткостью и остроуміемъ сужденій. Пріятно было слушать этихъ умныхъ, сановитыхъ людей, чинно засѣдавшихъ вокругъ чайнаго палубнаго столика.

— Родненькіе!—остановилась подлѣ нихъ растерявшаяся старушка.—А вѣдь я котомочку-то забыла! Куда я теперь безъ нея-то? А бѣжать—не добѣжишь: уйдетъ пароходъ-то.

— На слѣдующемъ поѣзжай, бабушка,—посовѣтовалъ ей одинъ изъ собесѣдниковъ.

— И то, и то, родной! Придется на слѣдующемъ. А я вѣдь ужъ дома-то и простилась со всѣми.

— Ну, ничего, лишній разокъ поздороваешься,—худого не будетъ. А билетъ-то есть?

— Нѣту, родной, нѣту,—заговорила старушка, понижая голосъ и наклоняясь къ батюшкѣ.—Билета-то я не брала. Пускай, думаю, народъ-отъ идетъ, а какъ у нихъ полный канплетъ наберется, такъ съ меня, старушонки, можетъ, и подешевле возьмутъ.

Батюшки улыбнулись.

— Догадлива же ты, бабушка,—замѣтилъ одинъ изъ нихъ.—Должно быть, наша, ярославская?

— А то какъ же, родной?—оживилась польщенная старуха.—Ярославская, природная.

— Оно и видно! Только вотъ котомочку-то забыла.

— Охъ, ужъ и не говори! Стара становлюсь, память-то не прежняя. Такъ ужъ, видно, итти домой, а тамъ на слѣдующемъ и поѣду.

— Самое лучшее.

— Счастливо оставаться!—и успокоенная старуха, захвативъ какой-то узелокъ, отправилась на пристань.

Мы пошли пройтись по пароходу. Матросы грузили боченки съ ярославскими бѣлилами. Бѣлила эти производятся на небольшомъ заводѣ, неподалеку отъ берега, противъ церкви Петра и Павла, красиво вырѣзавшейся своими пятью куполами позади пароходной кормы. Въ трюмѣ, кромѣ товара, помѣщались и люди—арестанты, отправляемые въ Сибирь. Большинство ихъ вслѣдствіе жары и духоты въ трюмѣ расположилось на ведущей въ него широкой лѣстницѣ. Тутъ были мужчины разныхъ возрастовъ, женщины, дѣти. Маленькіе невинные страдальцы за преступленія своихъ родителей производили особенно тяжелое впечатлѣніе.

Вскорѣ пароходъ тронулся.

Мимо насъ плавно потянулась панорама красавца-Ярославля: бульваръ на набережной, прибрежныя церкви, соборъ съ высокою колокольней, Демидовскій лицей, устье р. Которостки и за нимъ слобода Коровники съ красивымъ храмомъ Іоанна Златоуста; вдали, вся покрытая зеленью, возвышалась Тугова гора.

Городъ давно уже остался позади, а по правому берегу все еще тянулись предмѣстья, лѣсопильный заводъ, грузовая станція желѣзной дороги, носящая названіе «Вѣтки», склады общества для производства соды въ Россіи, склады торговой фирмы Шибаева и т. п.

Лѣвый берегъ, подернутый легкою дымкою, былъ пустъ и безжизненъ, какъ бы уступивъ всю дѣятельность и оживленіе правому.

Николо-Бабаевскій монастырь.

Подгородная слобода Коровники, которую мы только что миновали, помимо своего прекраснаго Златоустовскаго храма, интересна еще и въ другомъ отношеніи. Изъ нея началось распространеніе одного типичнаго раскольничьяго вѣроученія, о которомъ слѣдуетъ поговорить нѣсколько подробнѣе.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ Ярославскомъ уѣздѣ появилась шайка разбойниковъ, которая подъ предводительствомъ атамана Пашки приводила въ трепетъ не только Ярославскій, но и сосѣдніе съ нимъ уѣзды. Подкупленная разбойниками мѣстная полиція бездѣйствовала, и разбои день ото дня становились чаще и смѣлѣе.

Любимымъ мѣстопребываніемъ шайки былъ кабакъ въ деревнѣ Васильевской, извѣстный у окрестныхъ жителей подъ именемъ Обшары. «Сперва тебя тамъ обшарятъ начисто, а потомъ и карачунъ дадутъ»,—говорили о кабакѣ крестьяне.

По ночамъ изъ Обшары неслись звуки безшабашной оргіи и удалыхъ пѣсенъ, среди которыхъ порою можно было слышать и вирши въ родѣ слѣдующихъ:

Паспортъ у насъ изъ града вышняго Ерусалима,
Убѣжали мы на волю отъ злого господина.
Отпустилъ насъ другой Господинъ—
Богъ вышній единъ!
Онъ насъ къ себѣ призываетъ
И свои руцѣ къ намъ простираетъ,
И грѣхи наши не вспоминаетъ,
Но токмо цѣловати насъ желаетъ:
Во одежду свѣтлую насъ облекаетъ,
Въ сапоги нозѣ наши обуваетъ,
И тельца упитаннаго закалаетъ
И съ собою за трапезу посаждаетъ.
Мы здѣсь ни града, ни села не знаемъ,
Но къ нерукотворному граду шествовати желаемъ!
А кто будетъ насъ боятися,
Тотъ не хощетъ съ Господиномъ нашимъ знатися;
А кто насъ погонитъ,
Тотъ себя въ геенну готовитъ;
А кто будетъ принимать,
Тотъ получитъ благодать.

Слухи о безчинствахъ шайки дошли наконецъ до Ярославля. Въ дѣло вмѣшалась высшая администрація, и разбойники вмѣстѣ съ Пашкою, оказавшимся уроженцемъ приволжскаго села Сопѣлокъ,—были схвачены жандармами. Началось слѣдствіе. Допросы обнаружили, что въ числѣ разбойниковъ и ихъ благопріятелей было много лицъ, принадлежащихъ къ какой-то новой, неизвѣстной дотолѣ сектѣ, члены которой называли себя странниками. Наряженная министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ комиссія, въ которой однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ былъ И. С. Акса-

ковъ, горячо принялась за дѣло разслѣдованія новой секты и собрала 86 томовъ различнаго матеріала. Это было въ 1850 г. Въ началѣ слѣдующаго года комиссія окончила свои занятія, но дополнительныя изслѣдованія производились еще долгое время и послѣ нея.

Изъ всѣхъ собранныхъ данныхъ мало-по-малу выяснилось слѣдующее.

Въ половинѣ XVIII вѣка проживалъ въ г. Переяславлѣ Залѣсскомъ старообрядецъ, по имени Евфимій. Тихая, полудремотная жизнь маленькаго городка не удовлетворяла его пытливой натуры, и онъ рѣшилъ перебраться въ Москву. Здѣсь Евфимій примкнулъ къ сектѣ филипповцевъ, соблазненный, по всей вѣроятности, мрачнымъ и строгимъ аскетизмомъ ихъ вѣроученія. Наставники филипповскаго толка воспользовались имъ, какъ искуснымъ переписчикомъ книгъ и отчасти иконнымъ живописцемъ.

Но, ознакомившись покороче съ филипповцами, Евфимій вскорѣ убѣдился, что аскетизмъ ихъ выражается только въ словахъ, живутъ же они далеко несогласно своему ученію, допуская всевозможныя грѣховныя «блазни». Еще болѣе возмущало его, что, ярые на словахъ, они при столкновеніяхъ съ предержащею властью робѣли и покорно исполняли предписанія начальства. Всѣ свои сомнѣнія и недоумѣнія Евфимій изложилъ въ формѣ 35 вопросовъ, на которые начальники толка рѣшили не отвѣчать, признавъ автора за мятежника, «на тѣло церковное возстающаго».

Провѣдавъ, что въ Тверской губерніи есть раскольники, отдѣлившіеся отъ филипповцевъ и строго соблюдающіе правила древнихъ учителей благочестія, молодой скептикъ рѣшилъ было направиться къ нимъ, но въ это время былъ схваченъ полиціей. Вскорѣ ему удалось бѣжать, и, очутившись на слободѣ, онъ принялся странствовать въ поискахъ древняго благочестія. Встрѣтясь въ дорогѣ съ подобнымъ же бѣглецомъ, Иваномъ, произведшимъ на него сильное впечатлѣніе своею бесѣдою, Евфимій сталъ настоятельно просить у него крещенія. Иванъ крестить отказался, посовѣтовавъ Евфимію креститься самому, что̀ тотъ и исполнилъ, имѣя около 30 лѣтъ отъ роду.

Совершивъ надъ собою крещеніе, Евфимій какъ бы порвалъ нуты, связывавшія его съ раскольниками другихъ толковъ, и вступилъ на самостоятельную дорогу. Въ немъ уже зрѣло убѣжденіе, что спасти себя можно, только проводя жизнь въ странствіи отъ господствующаго надъ всѣми антихриста.

Полиція опять задержала его, какъ бродягу, и отправила на родину, въ переяславскія мѣста; мѣщанское общество отнеслось къ бѣглецу сурово и при первомъ же наборѣ сдало его въ солдаты. Со службы Евфимій дизертировалъ, пробрался сначала въ Москву, а оттуда вмѣстѣ съ своею сожительницей, бѣглою тверскою кре-

стьянкой, Ириной Өедоровой, отправился въ одинъ изъ поморскихъ скитовъ филипповскаго толка съ тайною цѣлью занять тамъ мѣсто настоятеля, но это ему не удалось, а борьба съ настоятелемъ скита Андріаномъ, привела его и къ полному разрыву съ московскими старовѣрами, принявшими сторону Андріана.

Съ этого времени Евфимій окончательно рѣшилъ сдѣлаться основателемъ своей особой секты и направился въ Ярославскую губернію, изобиловавшую раскольниками. Добравшись съ Ириною до Ярославля, Евфимій поселился съ нею въ слободѣ Коровникахъ, въ домѣ богатой купчихи Пастуховой, и здѣсь началъ пропаганду своего ученія.

Исходною точкою этого ученія является общая всѣмъ безпоповцамъ вѣра въ пришествіе антихриста, но это положеніе развито у Евфимія до крайней рѣзкости выраженія и обставлено множествомъ подобранныхъ отовсюду доказательствъ.

Евфимій признаетъ послѣдовательное появленіе на землѣ трехъ антихристовъ. Первымъ антихристомъ, по его ученію, былъ папа, воцарившійся въ Римѣ послѣ отпаденія западной церкви отъ восточной. Временемъ его воцаренія Евфимій считаетъ 1001 годъ, когда сатана, связанный узами при Рождествѣ Христовомъ на цѣлую тысячу лѣтъ, вновь получилъ свободу. Этотъ миѳическій папа[1]) имѣлъ будто бы и звѣриное антихристово число 666.

Ровно по прошествіи такого же звѣринаго числа лѣтъ, именно въ 1666 г., явился второй антихристъ — Никонъ, замѣнившій истинное имя Сына Божія: Ісусъ, ложнымъ—Іисусомъ. «Въ имени патріарха Никона,—прибавляетъ Евфимій: — число звѣрино 666, ибо онъ, по-гречески, въ бѣльцахъ Никитіосъ (н — 50, и — 8. к — 20, и — 8, т — 300, і — 10, о — 70, с — 200) речеся»[2]).

Вскорѣ послѣ Никона не замедлилъ явиться и третій, послѣдній антихристъ. «Кто убо есть скверный оный чувственный антихристъ?» — спрашиваетъ Евфимій и отвѣчаетъ: «Не инаго мню развѣ Петра I, врага же Божія послѣдняго: о немъ бо ясно св. Кириллъ Іерусалимскій рече: во имя Симона Петра имать всѣсти гордый князь міра сего, антихристъ». Далѣе: «Якоже въ сатанѣ число имени его знаменаетъ Титинъ (т — 300, и — 8, т — 300, и — 8, н — 50) 666, тако и въ Петрѣ властительное имя его: императоръ, тоже показуетъ 666. Понеже Петръ не пріятъ на ся царскаго имени; восхотѣ по-римски именоватися: императоръ, а въ римлянахъ оное императорское именованіе безъ м состоится, якоже то показуютъ троезычные букварн, сирѣчь иператоръ (і — 10, п — 80, е — 5, р — 100, а — 1, т — 300, о — 70, р — 100).

---

[1]) На самомъ дѣлѣ въ это время римскою паствою управлялъ Сильвестръ II, вступившій на папскій престолъ въ 999 г. и правившій до 1003 г.

[2]) Счетъ ведется славянскій, гдѣ цифры обозначаются буквами.

Исчисливъ обое: Титинъ и иператоръ изруши (въ томъ и другомъ) 666».

Дальнѣйшая характеристика Петра ведется въ томъ же смыслѣ уподобленія апокалиптическому звѣрю. «Онъ же седьмиглавый почтилъ семь главныхъ страстей: гордость или самолюбіе, стяжаніе богатства, сластолюбіе, гнѣвъ, зависть, чревоугодіе и небреженіе; установилъ многіе языческіе обычаи, какъ-то: брады брити, платье нѣмецкое носити, банты и петли на шеяхъ имѣти, табакъ носомъ пити и курити, въ комедіяхъ и маскарадахъ, пирахъ и балахъ нощеденствовати и прочее. Тѣ же страсти, которыми былъ одержимъ самъ, старался возжечь и усилить въ народѣ». Учрежденіе святѣйшаго синода Евфимій описываетъ такъ: «Четырехъ экзарховъ: Стефана Рязанскаго, Митрея Ростовскаго, Ѳедосея Новгородскаго и Шляхтича Смоленскаго (Ѳеофана Прокоповича), папежскаго отродія сущихъ, обливанцевъ, табачниковъ и усонадсѣкателей, въ таковое присутствіе избра; самъ же средь нихъ пятый сѣдѣ, разсуждати духовная, на мѣстѣ отставленнаго имъ патріарха, да не претитъ ему вводити языческіе обычаи, и назвася главою».

Произведенная Петромъ народная перепись и паспортная система представляются Евфимію «начатіемъ скверныя печати антихриста, налагаемой на тѣлѣхъ человѣческихъ». «Понеже,—говоритъ онъ,—до сей описи человѣцы свободни бѣша. Онъ же описавшійся народъ въ груду собра, хотя его во власти своей удержати, по реченному Ипполитомъ (римскимъ папой): антихристъ соберетъ расточенные люди».

Печать антихристову Евфимій видитъ и въ «козыряхъ червленыхъ», «кои повелѣлъ Петръ нашивать на плечахъ вѣрныхъ, съ надписью: еретикъ, раскольникъ, отступникъ», и въ троеперстномъ знаменіи, налагаемомъ на чело и правое плечо «въ знакъ помраченія ума направленія дѣятельности на все законопреступное», и въ императорскихъ гербахъ, налагаемыхъ на всемъ и между прочимъ на билетахъ, выдаваемыхъ на полученіе пособія изъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Указаніе на эти продовольственные билеты Евфимій находитъ въ словахъ Ефрема Сирина: «и дастъ малыя снѣди, печати ради тоя скверныя».

Съ тою же суровою подозрительностью относится Евфимій и къ указамъ преемниковъ Петра, усматривая въ нихъ продолженіе царства того же третьяго антихриста. «Апокалипсическій звѣрь,—пишетъ онъ,—есть царская власть; икона его—власть гражданская, тѣло же его—духовная», и далѣе: «Слушаяй повелѣній онаго чувственнаго антихриста, слушаетъ самого сатаны. Спасется лишь непокоривыйся мучителю».

Непокорство начальству, открытое непризнаніе ни царской, ни иныхъ властей считается Евфиміемъ дѣломъ богоудобнымъ, тою «бранью», которую истиннымъ христіанамъ слѣдуетъ вести «въ

день Христовъ» съ діаволомъ, бѣсами и Вавилономъ, великою блудницею, подъ которою подразумѣвалась церковь.

Но Евфимій понималъ, что подобная открытая брань съ правительствомъ на дѣлѣ совершенно неосуществима, и поэтому далъ своимъ послѣдователямъ выходъ изъ труднаго и опаснаго положенія.

Основываясь на текстѣ псалма: «се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни», и на словахъ Спасителя: «аще гонятъ вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другой», а также на замѣчаніи Кирилла Іерусалимскаго: «страшливіи да бѣгутъ»,—онъ предписалъ своимъ ученикамъ бѣгство, вѣчное странствованіе по лицу широкой земли Русской, безъ всякихъ бумагъ, напоминлющихъ о подданствѣ земной власти, съ однимъ паспортомъ отъ Царя Небеснаго, изъ вышняго града Іерусалима.

Согласно этому ученію секта получила названіе странниковъ, или бѣгуновъ.

Странникъ, по ученію Евфимія, не долженъ имѣть никакой собственности и, какъ Христовъ человѣкъ, жить на счетъ другихъ, во имя Христа, которому все принадлежитъ. Понятія о собственности и законы, ее охраняющіе, считаются измышленіемъ антихриста на пагубу людямъ.

Все имущество бѣгуна должно было состоять изъ мѣдной складной иконы, лѣстовки, подручника, чашки и ложки.

Переселясь не надолго изъ Коровниковъ въ деревню Малышеву, гдѣ онъ пріобрѣлъ еще нѣсколько послѣдователей, Евфимій съ цѣлію пропаганды перешелъ въ галицкіе, костромскіе лѣса. Здѣсь дѣло его пошло очень успѣшно. Бѣглые солдаты, бѣглые крестьяне, бродяги, крестьянскія дѣвки, искавшія полной свободы отъ родительской власти,—всѣ направлялись къ Евфимію для принятія его простого и удобнаго для нихъ ученія.

Отчета о прежней жизни Евфимій не спрашивалъ и требовалъ только уничтоженія законнаго паспорта, если таковой имѣлся. Послѣ шестинедѣльнаго оглашенія, во время котораго новопріемлемый училъ молитвы и посвящался въ тайны бѣгунства, совершалось надъ нимъ крещеніе обыкновенно въ ночное время, и непремѣнно въ рѣкѣ. При крещеніи новому члену давалось новое имя; на него надѣвали кипарисный крестъ и длинную бѣлую рубашку стариннаго покроя.

Изъ костромскихъ лѣсовъ Евфимій, быть можетъ, чувствуя приближеніе смерти, переселился опять въ Малышеву и, спустя немного времени, поѣхавъ навѣстить Пастухову, умеръ въ ея домѣ въ Коровникахъ 20 іюля 1792 г. Его похоронили по странническому обряду въ ямскомъ лѣсу.

Послѣ него осталось много переписанныхъ его рукою апокалипсисовъ и твореній св. отцовъ, а также до тринадцати собствен-

ныхъ сочиненій, между которыми особенно выдѣляются «Цвѣтникъ» и «Посланіе къ преображенскимъ старцамъ».

Преемницею Евфимія въ наставничествѣ была его сожительница Ирина Ѳедорова, перенесшая свою резиденцію на берегъ Волги, въ село Сопѣлки, мимо котораго мы теперь проѣзжали.

Сопѣлки находятся въ четырехъ верстахъ отъ Малышевой и въ пятнадцати отъ Ярославля. Здѣсь Ирина поселилась въ домѣ своего яраго приверженца, крестьянина Петра Крайнева, котораго окрестили съ именемъ Севастьяна и произвели въ наставники.

Бѣгуны настолько прочно и крѣпко утвердились въ Сопѣлкахъ, что получили у иныхъ даже названіе Сопѣлковскаго согласія.

Ирина и Крайневъ распространяли свое ученіе не только въ Сопѣлкахъ, но и по окрестнымъ деревнямъ. Съ разныхъ сторонъ шли къ нимъ люди послушать ихъ бесѣды и наставленій и многіе тутъ же принимали отъ Ирины крещеніе и вступали въ странничество, уничтоживъ свой видъ на жительство и получивъ взамѣнъ его, при крещеніи, кипарисный крестъ, называвшійся паспортомъ духовнымъ, подписаннымъ царемъ царей, прописаннымъ въ полиціи вышняго града Іерусалима и скрѣпленнымъ множествомъ рукъ св. отцовъ.

Но вскорѣ въ самой сектѣ произошли разногласіе и смута. Ирина и Крайневъ, снисходя къ немощи человѣческой зажиточныхъ людей, допускали къ крещенію лицъ, которыя давали только обѣтъ странничества, хотя бы въ будущемъ, но сопѣлковскій крестьянинъ, Яковъ Яковлевъ, держась буквы ученія, требовалъ, чтобы крещеніе совершалось лишь надъ тѣми лицами, которыя готовы были немедленно осуществить на себѣ ученіе Евфимія, т.-е. фактически сдѣлаться странниками. Споры по этому поводу кончились ничѣмъ, и Яковъ Яковлевъ покинулъ Сопѣлки.

Ученіе Ирины и Крайнева восторжествовало, такъ какъ секта приняла раздѣленіе своихъ членовъ на собственно странниковъ-скитальцевъ и на «жиловыхъ христіанъ», живущихъ осѣдло и принимающихъ и укрывающихъ у себя странствующихъ членовъ бѣгунства. Жиловымъ не воспрещается прикидываться православными, ходить въ церковь, даже бывать у исповѣди «страха ради іудейска», жениться на дѣвицахъ, не принадлежащихъ къ сектѣ, и повиноваться властямъ, «но только тѣлесно, а не душевно».

Для пріема своихъ странниковъ они устраиваютъ въ подпольяхъ домовъ тайники и секретныя жилища съ печами и прочими удобствами для безопаснаго и покойнаго житья. Нѣкоторые изъ нихъ не брезгуютъ и укрывательствомъ краденаго, давая пріютъ ворамъ и разбойникамъ, усматривая въ нихъ такихъ же бѣгуновъ, не признающихъ ни властей, ни начальства.

Впрочемъ, каждому жиловому христіанину вмѣнено въ обязанность, хотя передъ самою кончиною, исполнить обѣтъ странниче-

ства. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ умереть дома. Одряхлѣвъ и чувствуя приближеніе смерти, они покидаютъ свое село и плетутся странствовать, чтобы быть зачисленными «въ бѣгахъ». Въ случаѣ тяжкихъ болѣзней домашніе сами выносятъ ихъ въ поле или ближній лѣсъ, чтобы дать имъ возможность умереть, хотя бы за 100 саженъ отъ родного дома.

Во время моленія бѣгуны размѣщаются по уставу: женщины становятся сзади мужчинъ, а впереди всѣхъ, у налоя, занимаетъ мѣсто наставникъ, въ синемъ кафтанѣ, читающій положенныя на службѣ молитвы.

Число поклоновъ, установленныхъ за ежедневными службами, очень велико. Являясь на моленіе обязательно съ четками, или, по-старинному, лѣстовкою, заключающею въ себѣ, какъ извѣстно, сто зеренъ, бѣгунъ за полунощницею долженъ пройти три лѣстовки, т.-е. положить 300 поклоновъ; за заутреней—10 лѣстовокъ и послѣ канона Богородицѣ—еще три; за часами и вечерней—по 9 лѣстовокъ, за правиломъ—10, итого 4.400 поклоновъ въ сутки.

Но, несмотря на такую внѣшнюю строгость и благочестіе, нравы секты отличаются страшною распущенностью, и своими пороками бѣгуны далеко превосходятъ послѣдователей другихъ раскольническихъ ученій.

Особенно развитъ среди нихъ самый безстыдный развратъ. «Это тѣло играетъ,—говорятъ они, — а душа непорочна». По ихъ мнѣнію, бракъ есть большій грѣхъ, нежели блудъ, потому что въ супружествѣ сообщеніе съ женою никѣмъ не осуждается, а при блудѣ виновныхъ осуждаютъ и осужденіемъ «снимаютъ грѣхъ».

«Жена дана дьяволомъ,—учатъ они,—а дѣвка Богомъ».

Съ дѣтями они не церемонятся. Вытравливаніе плода, бросаніе новорожденныхъ въ воду, зарываніе въ землю—для нихъ вещи самыя обыкновенныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ пятидесяти беременныхъ дѣвицъ у нихъ рождали не болѣе пяти. Однажды при чисткѣ пруда въ мѣстности, населенной бѣгунами, найдено болѣе 30 труповъ младенцевъ.

Правда, что по странническому уставу за первый грѣхъ противъ седьмой заповѣди полагается 1.000 земныхъ поклоновъ, за грѣхъ во время поста—12.500 поклоновъ, а за «годичный грѣхъ»—50.000, но эти строгія епитиміи нисколько не удерживаютъ отъ грѣха даже самихъ наставниковъ и учителей. Они даже пользуются правомъ «починать дѣвицъ, назначившихъ себя въ «Христовы невѣсты».

Верховный совѣтъ изъ старцевъ, вершившій дѣла всего согласія, находился въ Сопѣлкахъ. Сюда съѣзжались представители отдѣльныхъ общинъ бѣгуновъ, широко разсѣянныхъ по средней и сѣверной Россіи: помимо Ярославскаго уѣзда, мы находимъ ихъ въ Пошехонскомъ, Романово-Борисоглѣбскомъ, Костром-

скомъ, Нерехотскомъ и Кинешемскомъ, въ губерніяхъ: Московской, Тверской, Вологодской, Олонецкой и даже въ Сибири, въ окрестностяхъ г. Тюмени.

Самымъ значительнымъ изъ преемниковъ Евфимія былъ крестьянинъ Рыбинскаго уѣзда, Никита Семеновъ. Дѣятельность его до поимки въ Вологдѣ въ 1854 г. продолжалось 30 лѣтъ. Бѣгуны называли его «главнымъ столбомъ вѣры», а противники «ядоносною змѣей». Обладая прекрасною памятью и бойкою рѣчью, Никита и по наружности своей рѣзко выдѣлялся изъ общаго уровня. Черные, какъ смоль, волоса его стояли щетиной, черная окладистая борода расчесана на двѣ пряди, сильныя, мохнатыя руки, большой горбатый носъ съ раздутыми ноздрями, мутно-каріе глаза. Проповѣдь этого человѣка дѣйствовала на простыя крестьянскія души неотразимо.

Пойманный въ Вологдѣ и посаженный въ тюрьму, онъ на допросахъ выказалъ необычайную начитанность, проницательность и изворотливость въ подборѣ доказательствъ не только изъ духовныхъ, но и изъ свѣтскихъ писателей. Вскорѣ онъ заявилъ, что сердце его тронуто воспоминаніемъ молодости, проведенной въ православіи, что онъ готовъ сдѣлаться снова покорнымъ сыномъ каѳолической церкви, и для блага своего и другихъ предлагаетъ даже содѣйствовать правительству въ дѣлѣ обращенія бѣгуновъ.

— Я съ десяти лѣтъ поступилъ въ расколъ, — говорилъ Никита.—Когда напитался ученіемъ суевѣровъ и превзошелъ ихъ познаніями, тогда во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ собратія стала обращаться ко мнѣ, какъ къ опытному и незазорной жизни мужу. Такимъ образомъ, я узналъ много потаенныхъ мѣстъ, гдѣ скрываются раскольники. Мнѣ хочется всѣхъ ихъ обратить къ православной церкви, ибо погибель ихъ погубитъ и меня, какъ наставника ихъ. Если правительство дозволитъ мнѣ, подъ маскою старовѣра, дѣйствовать въ его пользу, то я, надѣясь на помощь Божію, могу въ нѣсколько лѣтъ сдѣлать то, что правительство при всемъ усиліи не совершитъ и въ пятьдесятъ. Такимъ образомъ, Господь поможетъ мнѣ многихъ обратить, а непреклонныхъ предать въ руки полиціи, которая должна быть при мнѣ. Самихъ учителей я могу, подъ предлогомъ важнаго дѣла, созвать на соборъ и представить куда слѣдуетъ.

Но ему не довѣряли.

8 февраля 1856 г. Никита присоединенъ къ православной церкви и былъ пріобщенъ св. тайнъ. Съ него взята подписка, въ которой онъ навсегда отрекался отъ раскола и обѣщалъ быть до смерти вѣрнымъ сыномъ православія. Судъ рѣшилъ переслать Никиту въ Ярославскую губернію на мѣсто родины, но вологодское духовное начальство все еще скептически относилось къ раскаявшемуся грѣшнику и въ такомъ же смыслѣ дало отзывъ выс-

шей власти. Были задержаны новые бродяги, объявившіе себя «изъ братства Никиты», и министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ въ секретный комитетъ съ представленіемъ о помѣщеніи Никиты въ Соловецкій монастырь подъ строгій надзоръ настоятеля. Комитетъ согласился съ министромъ, постановленіе его было высочайше конфирмовано 21 іюля 1856 г., и Никита отправленъ къ архангельскому военному губернатору для препровожденія въ Соловки.

Убѣдившись, что дипломатическая хитрость его не удалась, Никита круто измѣнилъ тактику и бѣжалъ съ дороги отъ сопровождавшихъ его жандармовъ. Бѣглеца поймали уже за сорокъ верстъ отъ мѣста побѣга и водворили въ Соловецкомъ монастырѣ.

Никита прикинулся кроткимъ агнцемъ, выразилъ желаніе постричься, очаровалъ монаховъ и, пользуясь данною ему свободою, въ одинъ прекрасный день исчезъ изъ монастыря. Вскорѣ онъ уже опять разъѣзжалъ по Россіи.

Главное сочиненіе Никиты называется: «Малый образъ ересей», и направлено противъ раскольниковъ другихъ толковъ. Сочиненіе состоитъ изъ 30 обвинительныхъ пунктовъ, заканчивающихся осужденіями изъ разныхъ духовныхъ книгъ. Между прочимъ, Никита обвиняетъ раскольниковъ и въ томъ, что изъ нихъ «городскіе жители въ праздничные дни, табельные царскіе, плошки запаляютъ и свѣчи сальныя на окнахъ, вкупѣ съ нечестивыми позорище творятъ», что они ѣдятъ кровь животныхъ въ сахарѣ и колбасахъ, что носятъ нѣмецкое платье и не стригутъ маковокъ и т. п.

Любимыми учениками Никиты были Ѳедоръ Ивановъ и Иванъ Ивановъ. Послѣдній въ своемъ неистовомъ фанатизмѣ дошелъ до того, что убилъ своего ученика Василья и потомъ увѣрялъ остальныхъ, будто бы видѣлъ въ видѣніи, а не во снѣ, Василія на воздухѣ и уготованныя имъ обоимъ мѣста въ царствѣ небесномъ. «Всѣ книги сожгу,—говорилъ Иванъ,—у меня всѣ книги въ сердцѣ! Одно евангеліе оставлю... да и то сожгу, а свое напишу!» Онъ часто называлъ себя Богомъ и Христомъ и требовалъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они боялись прежде его, а потомъ уже Бога. Такія выходки привели въ негодованіе даже его собственныхъ учениковъ, которые «возгнушались» Иваномъ и выбрали себѣ другого учителя.

Начавшись въ Коровникахъ и сдѣлавъ Сопѣлкино своею резиденціею, бѣгунство далеко распространилось и внизъ по Волгѣ. Странниковъ можно найти и въ Казанской, и Симбирской, и въ Саратовской, и даже въ Астраханской губерніяхъ.

II.

Николо-Бабаевскій монастырь.

Столица бѣгуновъ давно уже осталась позади, и на лѣвомъ берегу Волги развернулось передъ нами другое большое село съ двумя церквами. Это были Дѣевы, или Діевы, Городища, принадлежавшія, въ свое время, князьямъ Дѣевымъ, родоначальникъ которыхъ, Иванъ Димитріевичъ Дѣй, былъ потомкомъ ярославскаго князя Василія Давидовича Грознаго.

Одна изъ церквей селенія построена еще въ XVII вѣкѣ, другая—въ XVIII-мъ.

Близъ Діевыхъ Городищъ указываютъ слѣды древней боярской усадьбы. Въ своей книгѣ: «Волга отъ Твери до Астрахани», Н. П. Боголюбовъ говоритъ, что усадьба составляла собственность «Ѳомы Колычева, въ иночествѣ Филиппа, митрополита московскаго». Это показаніе повторяется и во всѣхъ остальныхъ волжскихъ путеводителяхъ; нѣкоторые прибавляютъ, что Ѳома будто бы и родился здѣсь.

На самомъ дѣлѣ св. Филиппъ, митрополитъ московскій, сынъ Степана Ивановича Колычева и жены его Ѳеодоры, носилъ мірское имя Ѳеодора, а не Ѳомы, и, слѣдовательно, либо мѣстное преданіе ошибается, называя его Ѳомою, либо, если усадьба дѣйствительно принадлежала Ѳомѣ Колычеву, — св. Филиппъ здѣсь ни при чемъ.

Въ этихъ же мѣстахъ, но въ сторонѣ отъ Волги, находится сельцо Грешнево, гдѣ провелъ свое дѣтство и юношескіе годы нашъ родной, великій поэтъ Н. А. Некрасовъ. Грешнево принадлежало его отцу, поселившемуся здѣсь послѣ выхода въ отставку.

Не весела была жизнь чуткаго, впечатлительнаго мальчика въ отцовскомъ домѣ, и тяжелымъ гнетомъ легла она на молодую душу. Вотъ что говоритъ самъ Николай Алексѣевичъ о Грешневѣ въ своемъ стихотвореніи «Родина»:

«И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ;
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть»...

и далѣе:

«Нѣтъ! въ юности моей, мятежной и суровой,
Отраднаго душѣ воспоминанья нѣтъ;
Но все, что жизнь мою, опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легло неотразимымъ,—
Всему начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ!..

И, съ отвращеніемъ кругомъ кидая взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ темный боръ,—
Въ томящій лѣтній зной защита и прохлада,—
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,
Понуривъ голову надъ высохшимъ ручьемъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ.»..

Пароходъ приближался къ предѣламъ Костромской губерніи, и впереди, на правомъ берегу, показались бѣлыя стѣны и главы обширной обители, которая, подобно Толгской, широко раскинулась надъ Волгою, красуясь въ небѣ своими башнями, колокольнями и церковными куполами.

Это былъ широко извѣстный на всемъ среднемъ Поволжьѣ Николо-Бабаевскій монастырь.

Онъ расположенъ на устьѣ рѣки Солоницы, составляющей границу Ярославской и Костромской губерній. Названіе «Бабаевскаго» монастырь получилъ отъ слова «бабайки», которое въ просторѣчіи обратилось даже въ нарицательное для обители. Народъ иначе и не называлъ ея, какъ Бабайками. Слово бабайка означаетъ на Волгѣ длинное весло и, главнымъ образомъ, рулевое, сдѣланное изъ цѣлаго бревна, которымъ управляются барки и лѣсные плоты. Сплавляя лѣсъ изъ Шексны и Мологи, лѣсопромышленники пользуются во время спуска плотовъ по Волгѣ этими бабайками. Когда плоты, предназначенные для покупателей по Солоницѣ, входили въ эту небольшую рѣку, бабайки становились ненужными, и между рулевыми въ старину существовало обыкновеніе складывать ихъ на мыскѣ, образуемомъ Солоницею при впаденіи въ Волгу. На одной изъ бабаекъ явилась чудотворная икона св. Николая; эти же бабайки послужили и первымъ матеріаломъ при построеніи монастыря.

Къ сожалѣнію, вслѣдствіе пожаровъ и разныхъ опустошеній всѣ древніе документы обители уничтожены, и теперь не возможно съ точностью опредѣлить время ея основанія. Единственнымъ источникомъ о началѣ обители являются краткая запись въ одной изъ монастырскихъ богослужебныхъ книгъ (также уничтоженной пожаромъ), сохранившаяся въ копіи. Вотъ эта запись: «Икона чудотворная святого Николы, приплывъ рѣкою Волгою на бабайкѣ, большомъ веслѣ, приста къ берегу; благовѣрніи же и благочестивіи людіе обрѣтоша оную, изнесоша и поставиша на брегъ въ дуброву зѣло красну, идѣже монастырь нынѣ; и начаша людіе мнозіи стекатися на поклоненіе святой иконѣ, и чудеса дѣяхуся; и пріиде нѣкто инокъ Сергіева монастыря, Іоаннъ, и устрои первый храмъ молитвенный изъ бабаекъ и придѣлъ во имя Сергія Чудотворца Радонежскаго; и начаша монастырь созидати и велику нужду претерпѣваху отъ грабленія и разоренія злыхъ людей». Когда это произошло, опредѣлить невозможно. Древнѣй-

шимъ памятникомъ по исторіи монастыря являются писцовыя книги 1627—1628 г. Въ нихъ записана древняя церковь Николая Чудотворца съ придѣломъ св. Сергія, а о монастырѣ сказано только, что онъ построенъ «изъ давнихъ лѣтъ».

Вражескія нашествія казанскихъ татаръ при Грозномъ и поляковъ въ смутное время, а также пожары 1719 и 1870 г.г., уничтожившіе всѣ древніе документы, навсегда лишили насъ возможности знать прошлую жизнь монастыря въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Извѣстно только, что за это время вмѣсто деревяннаго храма былъ воздвигнутъ двухъэтажный каменный, что при Алексѣѣ Михайловичѣ въ монастырскій синодикъ внесены, по всей вѣроятности, въ качествѣ жертвователей, роды бояръ: Бориса Ивановича Морозова, окольничаго князя Семена Петровича Львова, князя Юрія Андреевича Сицкаго, княгини Хилковой и другихъ. Самъ тишайшій царь пожаловалъ монастырю «на пропитаніе» участокъ лѣса въ двѣ версты длиною и въ полторы шириною.

Но государевы и боярскія жертвы, повидимому, мало способствовали развитію благосостоянія обители, а Петровскій указъ 1701 г., предписывавшій оставить въ монастыряхъ только наличное количество монаховъ и самое необходимое число слугъ, а всѣхъ остальныхъ бѣльцовъ, проживавшихъ въ обителяхъ, вернуть обратно въ міръ, окончательно обезлюдилъ Бабаевскую пустынь.

Въ 1709 г., когда Петръ сражался на поляхъ Полтавы, въ обители было только четыре человѣка братіи, да и тѣ настолько не повиновались своему настоятелю Іосифу, что вывели его изъ терпѣнія и заставили подать жалобу мѣстоблюстителю патріаршаго престола, Стефану Яворскому. Слѣдствіемъ этой жалобы, въ томъ же 1709 г., былъ указъ изъ патріаршаго духовнаго приказа, коимъ монастырь былъ лишенъ самостоятельности и приписанъ къ Николаевскому монастырю въ Переяславлѣ Залѣсскомъ.

Девятнадцать лѣтъ продолжалось это подначальное состояніе, пока, наконецъ, управлявшій обителью іеромонахъ Филаретъ не подалъ 5 февраля 1728 г., вмѣстѣ съ братіею и вкладчиками, разныхъ чиновъ людьми, прошеніе о возвращеніи монастырю самостоятельности. Прошеніе, между прочимъ, мотивировалось и слѣдующимъ доводомъ. Недалеко отъ Бабаекъ находится посадъ Большая Соль съ пятью церквами, въ главной изъ которыхъ въ высокоторжественные дни служба совершалась въ прежніе годы бабаевскимъ игуменомъ. Теперь же, по словамъ просителей, въ Бабайки изъ Переяславля присылаются іеромонахи со скромнымъ званіемъ строителей монастыря, и, слѣдовательно, Большая Соль лишена игуменскаго служенія. Вѣроятно, въ числѣ доводовъ въ пользу самостоятельности монастыря находились и другіе, менѣе наивные, такъ какъ въ августѣ того же 1728 г. синодъ постановилъ исполнить просьбу бабаевцевъ, возвратилъ обители само-

стоятельное управленіе и произвелъ въ игумена мѣстнаго іеродіакона Галактіона, о которомъ просила не только вся братія, но и самъ Филаретъ, отказывавшійся за старостью отъ дальнѣйшаго управленія монастыремъ.

Во время своего десятилѣтняго игуменства Галактіонъ, правленіе котораго (1729—1739 гг.) почти совпадаетъ съ царствованіемъ Анны Іоанновны, значительно усовершенствовалъ хозяйственную часть и прилагалъ все стараніе къ матеріальному обезпеченію обители, изобрѣтая разныя статьи дохода.

Въ числѣ этихъ статей была аренда рыбной ловли на Волгѣ, чуть было не приведшая къ процессу, характеризующему нравы того времени.

22 іюня 1733 г. монастырскій работникъ, Степанъ Ивановъ Бабушкинъ, нанятый монастыремъ для ловли рыбы, занимался на Волгѣ своимъ дѣломъ. На него напали неизвѣстные ему люди, ограбили его, избили, похваляясь, что и впредь будутъ бить и грабить обительскихъ работниковъ. Связавъ Бабушкина, они бросили его въ монастырскую лодку вмѣстѣ съ рыболовными снастями и отвезли въ Костромской Ипатьевскій монастырь, гдѣ начальство заковало Бабушкина въ цѣпь и двое сутокъ морило голодомъ. Когда несчастный сталъ кричать, что умираетъ безъ пищи, его вытолкали изъ монастыря въ одной рубашкѣ.

Но этимъ дѣло не ограничилось.

10 августа того же года на Бабайки къ Галактіону явились лица, арендовавшія монастырскія рыбныя ловли, съ отказомъ отъ аренды, разсказывая, что слуги Ипатьевскаго монастыря пріѣзжаютъ на ихъ мѣста, сомовольно ловятъ рыбу, а имъ ловить не даютъ, подъ угрозою бить и грабить ихъ.

Галактіонъ на другой день съ монахами и Бабушкинымъ поѣхалъ на лодкѣ въ Кострому. Бабушкина оставили стеречь лодку, а сами пошли въ городъ. Стоя на берегу, Бабушкинъ увидѣлъ, что неизвѣстные люди спускаются по Волгѣ на той самой лодкѣ, которую отняли у него вмѣстѣ со снастями въ іюнѣ. Онъ бросился на Бабаевское подворье и извѣстилъ о томъ игумена. Галактіонъ побѣжалъ въ провинціальную канцелярію и просилъ костромского воеводу, подполковника Кольчугина, о помощи для поимки неизвѣстныхъ людей съ отнятою лодкою. Кольчугинъ далъ игумену капрала Соловьева и одного разсыльнаго. Галактіонъ поспѣшилъ вмѣстѣ съ ними вслѣдъ за лодкой и нашелъ ее на рыбной ватагѣ Ипатьевскаго монастыря. Завѣдывавшій ватагою инокъ Питиримъ наотрѣзъ отказался выдать заграбленную лодку, и когда капралъ Соловьевъ заявилъ, что онъ присланъ за нею изъ провинціальной канцеляріи, Питиримъ и монастырскіе работники отвѣчали: «если бы васъ изъ канцеляріи было послано и двадцать человѣкъ, то мы всѣмъ вамъ переломали бы ребра, а лодки не отдали».

Повидимому, увѣсистыя длани смиреннаго инока и его подручной шайки показались воеводѣ настолько внушительными, что онъ спасовалъ.

Но Галактіонъ, дѣйствовавшій, какъ говорится, «не для Христа Іисуса, а для хлѣба куса», оказался настойчивѣе костромского воеводы. Онъ лично поѣхалъ въ Петербургъ и въ январѣ слѣдующаго года подалъ въ синодъ прошеніе о позволеніи ему начать искъ противъ властей и слугъ Ипатьевскаго монастыря въ свѣтскомъ, гражданскомъ судѣ, такъ какъ онъ видѣлъ, что духовная власть не въ силахъ обуздать ипатьевскихъ насильниковъ. Повидимому, и самъ синодъ былъ того же мнѣнія, ибо разрѣшилъ Галактіону начать свѣтскій процессъ противъ своего духовнаго собрата.

Узнавъ о предстоящемъ гражданскомъ судѣ, ипатьевскій намѣстникъ Никаноръ присмирѣлъ, и въ апрѣлѣ 1734 г. черноризцы примирились «домашнимъ образомъ».

Интересно, что хозяйственно-экономическія старанія Галактіона на пользу монастыря совершенно не были оцѣнены братіей, и тѣ же монахи, которые передъ избраніемъ его дали письменный отзывъ, что онъ «житія добраго и игуменомъ быть достоинъ», послѣ смерти Галактіона писали съ неодобреніемъ, что покойный «всю свою бытность препровождалъ въ куплѣ, въ разныхъ городахъ, и за тою куплею былъ всегда отъ монастыря въ отлучкахъ, именно— продавалъ рыбу и капусту», что онъ «расходъ держалъ по своей волѣ, братству жалованья денежнаго и хлѣбнаго не давалъ, токмо давалъ одежду и обувь, а кормилъ братство общею трапезою». Очевидно, Галактіонъ стремился ввести въ монастырѣ такъ называемое общежитіе, но братіи, издавна привыкшей получать изъ общей кружки деньги на руки и распоряжаться ими по своему произволу, такое нововведеніе было не по вкусу, и въ его правленіе многіе даже ушли изъ монастыря. Общежитіе, по образцу Саровской и Флорищевой пустынь, было введено на Бабайкахъ, лишь сорокъ лѣтъ спустя, именно въ 1789 г.

При учрежденіи монастырскихъ штатовъ монастырь былъ причисленъ къ сверхштатнымъ и оставленъ на своемъ содержаніи. Въ семидесятыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія обитель снова опустилась настолько, что въ ней числились, кромѣ игумена, три іеромонаха и одинъ монахъ, да еще священникъ и діаконъ изъ бѣлаго духовенства.

Въ концѣ того же столѣтія Бабайки пріобрѣли новаго жертвователя въ лицѣ князя Григорія Александровича Потемкина, владѣвшаго около монастыря двѣнадцатью тысячами душъ крестьянъ. Потемкинъ глубоко вѣровалъ въ молитвенную помощь святителя Николая и, какъ извѣстно, приступъ къ Очакову въ 1788 г. назначилъ на Николинъ день, 6 декабря; основанный имъ Николаевъ

названъ также въ честь святителя. Кромѣ того, въ домѣ Потемкина хранилась и частица мощей св. Николая. Неудивительно поэтому, что князь пожелалъ сдѣлать пожертвованіе въ сосѣдній съ его вотчинами монастырь, посвященный имени уважаемаго имъ угодника. Потемкинъ рѣшилъ отлить для Бабаекъ новый большой колоколъ и съ этою цѣлью послалъ туда нѣсколько мѣдныхъ пушекъ, отнятыхъ у непріятеля. Пушки были отправлены Волгою на двухъ лодкахъ подъ присмотромъ управляющаго княжескими костромскими вотчинами Аладова. Но во время пути на Волгѣ поднялась такая сильная буря, что обѣ лодки съ пушками разбились и потонули. Извѣщая объ этомъ князя, Аладовъ ходатайствовалъ о какомъ либо иномъ пожертвованіи для обители. Тогда Потемкинъ задумалъ сдѣлать болѣе цѣнное приношеніе и, съ благословенія петербургскаго митрополита Гавріила, отправилъ въ монастырь съ тѣмъ же Аладовымъ хранившуюся въ его домовой церкви частицу мощей святителя Николая, которая и до нашихъ дней составляетъ одну изъ главныхъ святынь обители. Она помѣщается въ серебряномъ вызолоченномъ ковчегѣ, внутри котораго помѣщено изображеніе святителя, лежащаго въ гробѣ, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, украшенномъ драгоцѣнными камнями. Въ руки святого вложено евангеліе, въ которомъ и помѣщается частица мощей. Въ память этого пожертвованія иноки устроили въ своемъ храмѣ новый придѣлъ во имя св. Алексѣя, митрополита московскаго, и св. Григорія Арменскаго—ангела Потемкина.

Въ началѣ прошлаго столѣтія обителью управлялъ іеромонахъ Савва, одинъ изъ выдающихся ея настоятелей. Строгій подвижникъ, человѣкъ, отличавшійся крайне простодушнымъ, искреннимъ характеромъ и нестяжательностью, Савва былъ въ то же время дѣятельнымъ и заботливымъ устроителемъ ввѣреннаго ему монастыря. За время своего настоятельства (съ 1793 по 1810 г.) онъ расширилъ и украсилъ монастырскій храмъ, устроивъ въ немъ нѣсколько новыхъ придѣловъ, построилъ колокольню, слилъ колоколъ въ 150 пудовъ, обновилъ зданія монашескихъ келій и деревянную ограду замѣнилъ каменной.

Простодушная, симпатичная личность старца вызывала общую любовь, уваженіе и привлекала въ обитель много доброхотныхъ дателей. Въ числѣ послѣднихъ была нѣкто г-жа Побѣдимская, пожертвовавшая икону Успенія Божіей Матери — точную копію Кіево-Печерской, со вложенными въ нее частицами мощей кіевскихъ святыхъ. Получивъ этотъ священный даръ, Савва вознамѣрился построить въ честь иконы новый храмъ Успенія надъ святыми воротами.

Въ простотѣ души своей старецъ и не зналъ, что для того, чтобы построить въ обители Божій храмъ, требуется особое разрѣшеніе начальства. Устраивая придѣлы въ главной церкви, онъ из-

вѣщалъ владыку объ ихъ совершеніи и просилъ антиминсовъ для освященія. Пока костромскою паствою управлялъ епископъ Павелъ, дѣло строенія алтарей Господнихъ велось успѣшно и безпрепятственно. Но вотъ въ 1800 г. на мѣсто Павла архіереемъ въ Кострому былъ назначенъ Евгеній Романовъ — чиновникъ до мозга костей, и отъ Саввы было потребовано объясненіе по дѣлу о самовольномъ построеніи церкви. Бѣдный старикъ, не знакомый съ канцелярщиной, растерялся, не могъ представить въ свое оправданіе никакихъ иныхъ доводовъ, кромѣ желанія послужить Господу, и былъ наказанъ увольненіемъ отъ настоятельства. Ему даже не позволили остаться на Бабайкахъ и опредѣлили жить въ небольшомъ глухомъ монастырькѣ.

Настало время разстаться со своею обителью, которой Савва сдѣлалъ такъ много добра. И вотъ въ монастырскихъ воротахъ показалась одинокая фигура старца съ дорожной палкой въ рукахъ.

— Куда ты, отче, отправляешься пѣшій, съ однимъ посохомъ въ рукахъ? — спросилъ его кто-то изъ братіи.

— Да въ Песоченскій монастырь, куда приказано, — отвѣчалъ благодушно Савва.

— Что же ты не взялъ своего имущества?

— Мое имущество со мной, — сказалъ безсребреникъ, уносившій на себѣ только свое монашеское одѣяніе.

Преемникъ Саввы, Анастасій, неутомимо продолжалъ дѣло своего предшественника, и за время четырнадцатилѣтняго управленія монастыремъ (1810—1824 гг.) возвелъ Бабайки на степень одной изъ первыхъ обителей Костромской епархіи.

Съ 1861 г. въ Бабаевскомъ монастырѣ проживалъ на покоѣ епископъ Игнатій, свѣтлая личность котораго пользовалась глубокимъ уваженіемъ не въ одномъ только духовномъ мірѣ. Высоко гуманный, образованный человѣкъ, талантливый писатель, блестящій апологетъ православія и строгій подвижникъ въ собственной жизни, преосвященный Игнатій былъ истиннымъ свѣточемъ, горѣвшимъ на свѣтильникѣ, согрѣвавшимъ и просвѣщавшимъ сердца всѣхъ, кто обращался къ нему за совѣтомъ, наставленіемъ или за утѣшеніемъ въ тягостный борьбѣ жизни.

Онъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода Брянчаниновыхъ и родился 6 февраля 1807 г. въ Вологодской губерніи въ имѣніи своего отца, бывшаго пажа временъ Павла I. Въ міру его звали Димитріемъ Александровичемъ. Поступивъ на шестнадцатомъ году въ главное инженерное училище, онъ своими выдающимися способностями вскорѣ обратилъ на себя вниманіе великаго князя Николая Павловича, бывшаго въ то время генералъ-инспекторомъ инженеровъ. Пользуясь высочайшимъ расположеніемъ, отличаемый своимъ начальствомъ, молодой Брянчаниновъ, благодаря родственнымъ связямъ отца, вращался и въ высшемъ свѣтскомъ

обществѣ. Между прочимъ, онъ познакомился съ Гнѣдичемъ и Пушкинымъ, которые благотворно повліяли на его литературное развитіе. Передъ молодымъ человѣкомъ открывалась блестящая карьера но задушевные помыслы его еще съ дѣтства стремились къ иному міру, къ міру самоотреченія, аскетизма и душевнаго, нравственнаго совершенствованія. Свѣтская карьера, свѣтскія удовольствія, наслажденія, почести казались ему игрушками, въ которыя играютъ взрослыя дѣти; душа его жаждала болѣе высокихъ и чистыхъ наслажденій въ царствѣ вѣчной правды и любви. Наилучшею карьерою представлялось ему иночество въ лучшемъ значеніи этого слова.

Узнавъ, что любимецъ его Брянчаниновъ, блестяще окончившій курсъ, имѣетъ намѣреніе поступить въ монастырь, Николай Павловичъ, тогда уже императоръ, поручилъ брату своему Михаилу Павловичу отклонить молодого человѣка отъ этой мысли. Великій князь употребилъ на это все свое стараніе, прибѣгалъ и къ ласкѣ, и къ угрозамъ, но Димитрій Александровичъ остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и просилъ объ увольненіи отъ службы.

Разгнѣванный императоръ отказалъ ему въ отставкѣ и назначилъ на службу въ Динабургскую инженерную команду съ приказаніемъ въ 24 часа выѣхать изъ Петербурга. Брянчаниновъ въ точности исполнилъ приказъ государя, но на службѣ въ Динабургѣ пробылъ не болѣе года: и безъ того слабое здоровье его разстроилось настолько, что самъ великій князь Михаилъ Павловичъ сталъ хлопотать о его увольненіи отъ службы.

Получивъ свободу, Димитрій Александровичъ немедленно поступилъ въ Александро-Свирскій монастырь въ качествѣ послушника подъ руководство знакомаго ему еще по Петербургу старца Леонида, съ которымъ потомъ переселился въ одинъ изъ монастырей Орловской губерніи. Сюда пріѣхалъ къ нимъ также стремившійся къ иночеству другъ Брянчанинова, Чихачевъ, бывшій его товарищемъ по училищу. Оба молодые инженера ревностно отдались суровымъ подвигамъ умерщвленія плоти, но здоровье ихъ не вынесло тягости напряженія, и они серьезно заболѣли. Тогда старикъ Брянчаниновъ пригласилъ сына пріѣхать къ нему вмѣстѣ съ другомъ и навѣстить больную мать, надѣясь уговорить своего первенца вернуться къ мірской жизни. Но молодой Брянчаниновъ въ родительскомъ домѣ пробылъ недолго и вскорѣ вмѣстѣ съ Чихачевымъ уединился въ Кирилло-Новоезерскій монастырь, расположенный на островѣ среди озера. Суровый климатъ сырой мѣстности причинилъ имъ здѣсь жестокую лихорадку, такъ что Чихачевъ принужденъ былъ уѣхать въ Псковскую губернію къ роднымъ, а Брянчанинова родители перевезли для лѣченія въ Вологду. Здѣсь о молодомъ послушникѣ узналъ вологодскій архіерей Стефанъ, который принялъ въ немъ живое участіе и, исполняя его задушев-

ное желаніе, испросилъ у синода разрѣшеніе на постригъ его, тайно отъ родителей, въ монашество съ именемъ Игнатія. Это было 28 іюня 1831 г.

Вскорѣ Стефанъ посвятилъ Игнатія въ санъ іеромонаха, а, спустя немного времени, поручилъ ему управленіе Пельшемскою Лопотовой обителью, которая обязана Игнатію своимъ полнымъ возобновленіемъ. Узнавъ, что сынъ его возведенъ въ санъ игумена, старикъ Брянчаниновъ нѣсколько примирился съ его монашествомъ.

Между тѣмъ слухи о молодомъ пельшемскомъ администраторѣ дошли до московскаго митрополита Филарета, и онъ предложилъ Игнатію переселиться въ его епархію и настоятельствовать въ большомъ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ. Но дѣятельность молодого игумена привлекла на себя вниманіе другой еще болѣе высокой особы. Императоръ Николай Павловичъ вспомнилъ своего бывшаго любимца и вызвалъ его въ Петербургъ.

— Ты мнѣ нравишься, какъ и прежде,—сказалъ онъ Брянчанинову.—Ты у меня въ долгу за воспитаніе, которое я тебѣ далъ, и за мою любовь къ тебѣ. Ты не хотѣлъ служить мнѣ тамъ, гдѣ я предполагалъ тебя поставить, избралъ по своему произволу путь,—на немъ ты и уплати мнѣ долгъ твой. Я тебѣ даю Сергіеву пустынь (подъ Петербургомъ), хочу, чтобы ты жилъ въ ней и сдѣлалъ изъ нея монастырь, который въ глазахъ столицы былъ бы образцомъ монастыря.

Игнатій былъ возведенъ въ санъ архимандрита и въ продолженіе двадцати трехъ лѣтъ (съ 1834 по 1857 г.) управлялъ Сергіевской пустынью. Онъ вполнѣ оправдалъ высочайшее довѣріе: результаты его дѣятельности на глазахъ у всѣхъ жителей сѣверной столицы.

Послѣ двѣнадцати лѣтъ неусыпныхъ трудовъ по управленію пустынью, Игнатій тяжко заболѣлъ и весною 1847 г. подалъ прошеніе объ увольненіи на покой въ Николо-Бабаевскій монастырь. Вмѣсто увольненія ему дали отпускъ на одиннадцать мѣсяцевъ, которые онъ и провелъ въ полномъ уединеніи на Бабайкахъ.

Спокойная жизнь въ тихой, уютной обстановкѣ пустынной обители возстановила его силы. Онъ снова отправился къ мѣсту своего служенія, но воспоминаніе о скромныхъ Байбакахъ, гдѣ онъ провелъ столько отрадныхъ мирныхъ часовъ, глубоко врѣзалось въ его память.

Возведенный въ 1857 г. въ санъ епископа кавказскаго и черноморскаго, Игнатій правилъ епархіею только три съ небольшимъ года и по слабости здоровья, согласно прошенію, былъ уволенъ на покой въ свою любимую Бабаевскую обитель.

13 октября 1861 г. онъ снова увидѣлъ знакомое ему устье Солоницы и уже навсегда поселился въ Бабайкахъ.

Привезя съ собою нѣсколько человѣкъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, которые въ то же время были его духовными дѣтьми, преосвященный далъ обители тотъ кадръ истинно просвѣщенныхъ, дѣйствительныхъ иноковъ, который послужилъ примѣромъ для остальной братіи и легъ въ основу общаго подъема духовной жизни монастыря. Въ числѣ этихъ помощниковъ главное мѣсто занималъ игуменъ, впослѣдствіи архимандритъ, Іустинъ (въ міру Иванъ Григорьевичъ Татариновъ).

Прилагая особое попеченіе къ утвержденію на Бабайкахъ истиннаго иночества, Игнатій не былъ равнодушенъ и къ внѣшнему благолѣпію обители. Доказательствомъ этому служитъ новый, прекрасный соборъ, проектъ котораго по указаніямъ самого преосвященнаго былъ составленъ извѣстнымъ профессоромъ, Иваномъ Ивановичемъ Горностаевымъ. Соборъ достроенъ Іустиномъ уже послѣ кончины Игнатія.

Всю свою архіерейскую пенсію въ 1.500 р. преосвященный отдавалъ на нужды обители, которая, при вступленіи его въ управленіе, имѣла на себѣ 2.000 р. долга, а въ кассѣ 67 рублей наличными деньгами. Не имѣя собственныхъ средствъ, владыка тогда же рѣшился разстаться съ единственною дорогою для него вещью, именно съ панагіею, которую подарила ему императрица Александра Ѳеодоровна, и вырученную за панагію сумму 3.500 р. употребилъ на покрытіе неотложныхъ нуждъ обители.

Правою рукою Игнатія въ дѣлѣ внутренняго и внѣшняго благоустройства обители былъ вышеупомянутый Іустинъ, который ввелъ на Бабайкахъ и прекрасное церковное пѣніе. Большой знатокъ духовной музыки, Іустинъ и самъ обладалъ замѣчательнымъ по красотѣ теноромъ, обратившимъ на него, въ свое время, вниманіе М. И. Глинки, который даже занялся музыкальнымъ развитіемъ молодого инока.

Неусыпными трудами владыки и его духовнаго сына клонившійся къ упадку Бабаевскій монастырь вновь возведенъ на достодолжную высоту, на которой остается и донынѣ.

Игнатій скончался 30 апрѣля 1867 г., оставивъ послѣ себя пять томовъ прекрасно написанныхъ сочиненій и свѣтлую память, которая долго еще будетъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ.

Пароходъ стоялъ у пристани.

На берегу зеленѣлъ широкій лугъ, и нѣсколько поодаль тянулись бѣлыя стѣны монастыря. Среди многоглавыхъ монастырскихъ зданій величаво выдѣлялся украшенный иконами куполъ главнаго собора, напоминающій внѣшними очертаніями архіерейскую митру.

Съ пристани доносилось пѣніе. Тамъ служили молебенъ, и пассажиры частію наполняли устроенную на пристани часовню, частію толпились у иконной лавки, гдѣ продавались образки, крестики, просфоры, виды монастыря, житія святыхъ и разныя духовно-нрав-

ственныя брошюрки. Кое-кто гулялъ по берегу, но свистокъ, уже данный на пароходѣ, не позволялъ гуляющимъ далеко отходить отъ пристани. Черезъ нѣсколько минутъ молебенъ окончился, и пароходъ тронулся далѣе.

На рѣкѣ Солоницѣ, устье которой мы миновали подъ Бабайками, помимо вышеупомянутаго нами посада Большой Соли, находится верстахъ въ 30 отъ Волги и уѣздный городъ Нерехта.

Нерехотская волость была извѣстна еще въ XIV столѣтіи; такъ, великая княгиня Евдокія, супруга Димитрія Донского, пожертвовала св. Сергію Радонежскому свое сельцо Ѳеодоровское, входившее въ составъ этой волости. Въ XV вѣкѣ на берегахъ Солоницы было развито солевареніе, продержавшееся здѣсь до XVIII вѣка. Въ одной Нерехтѣ, въ эпоху развитія этого производства, насчитывалось болѣе двадцати варницъ, принадлежавшихъ частію разнымъ монастырямъ (въ томъ числѣ двѣ—Троице-Сергіевскому), частію мѣстнымъ жителямъ. Теперь соляной промыселъ давно уже оставленъ, и населеніе большею частію занимается работою на мѣстныхъ полотняныхъ фабрикахъ.

Нерехта небезызвѣстна и въ исторіи раскола: изъ нея вышелъ извѣстный расколоучитель, дьяконъ Александръ, основатель секты дьяконовцевъ, или новокадильниковъ. Во время правительственнаго гоненія на расколъ, во второй половинѣ царствованія Петра, онъ былъ однимъ изъ видныхъ борцовъ противъ нижегородскаго епископа Питирима. Въ 1719 г., устрашась угрозъ пыткою и смертною казнію, Александръ отказался было отъ своихъ взглядовъ, но угрызенія совѣсти замучили его настолько, что онъ отправился въ Петербургъ и тамъ подалъ на имя самого Петра донесеніе, въ которомъ обвинялъ дѣйствія Питирима и снова исповѣдалъ свои прежнія убѣжденія, которымъ остался вѣренъ до смерти. Ему отрубили голову въ Нижнемъ Новгородѣ, и тѣло послѣ казни было сожжено на кострѣ.

И. Тюменевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИНОСТРАННАЯ ПЕЧАТЬ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

I.

Благодаря измѣнившимся за послѣднее время цензурнымъ условіямъ, для русскихъ читателей сдѣлались доступными такія произведенія иностранной литературы, на которыя прежде налагался запретъ.

Въ числѣ такихъ новинокъ видное мѣсто занимаютъ сборники историка-профессора Шиманна: «Deutschland und die grosse Politik», съ послѣднимъ выпускомъ которыхъ (за 1905 г.) мы уже имѣли случай познакомить читателей «Историческаго Вѣстника» (см. майскую книжку за текущій годъ).

Выпуски «Deutschland und die grosse Politik» за 1901, 1902 и 1903 г.г., лишь недавно допущенные въ Россіи къ свободному обращенію, представляютъ для русскаго читателя не только ретроспективный интересъ, но въ смыслѣ тщательно подобранныхъ фактовъ и вдумчивыхъ соображеній объективнаго изслѣдователя, вообще съ большимъ сочувствіемъ относящагося къ нашей родинѣ, названные сборники даютъ немало любопытныхъ намековъ и данныхъ, по коимъ проф. Шиманнъ съ самаго начала XX вѣка предсказывалъ неизбѣжность болѣе или менѣе коренныхъ преобразованій въ русской государственности.

Такъ, напримѣръ, по поводу цензурнаго предостереженія, даннаго «Новому Времени» въ 1901 г. за статью о движеніи, происхо-

дившемъ тогда въ средѣ рабочихъ, и неотложности реформъ въ области фабричнаго законодательства (№ 9.051 отъ 24 мая 1901 г.), проф. Шиманнъ подчеркивалъ безобидность инкриминированной статьи и указывалъ на то, что при слабомъ развитіи капитализма въ Россіи правительство безпрепятственно можетъ взять на себя почннъ въ улучшеніи доли рабочаго класса, ибо и этическія и утилитарныя соображенія побуждаютъ къ введенію у насъ реформъ по рабочему вопросу сверху въ предупрежденіе того, чтобы рабочіе не начали сами рѣшительно выставлять своихъ требованій.

Если вдуматься хорошенько въ положеніе русскихъ дѣлъ, невольно бросается въ глаза чудовищное недоразумѣніе, закравшееся въ отношенія между правительствомъ и подчиненными ему народностями. Съ одной стороны, сложилась легенда о преднамѣренномъ и сознательномъ угнетеніи народа, а, съ другой, плодятся непрестанныя опасенія революціонныхъ происковъ. А между тѣмъ въ дѣйствительности ни того, ни другого налицо не оказывается. Вѣдь заправская революція въ Россіи едва ли мыслима. То, что наблюдается и впредь будетъ разыгрываться при благопріятныхъ условіяхъ, не идетъ дальше бунтовъ, направляемыхъ лишь противъ произвола, несправедливости и суровости чиновниковъ, но отнюдь не касается прерогативъ царской власти. Тотъ же ходъ развитія, по которому двинулась Россія съ 1861 г., указываетъ на неизбѣжную для нея необходимость приблизиться къ формамъ западно-европейской государственной жизни.

Роковой вопросъ заключается лишь въ томъ, сколько еще жертвъ поглотитъ народившееся недоразумѣніе, тѣмъ болѣе прискорбное, что Государь, по присущимъ ему свойствамъ, далеко не выступаетъ убѣжденнымъ поборникомъ абсолютизма.

Весьма любопытное на взглядъ проф. Шиманна знаменіе времени представляютъ откровенія кн. В. П. Мещерскаго въ его послѣднихъ дневникахъ. Кн. Мещерскій пишетъ: «Россія нуждается въ благоденствіи народа, либерализмѣ и прогрессѣ. Но спрашивается, какъ этого достигнуть. Борьба противъ чиновничьяго самовластія невозможна. Лучшія силы и самая свобода народа находятся подъ чиновничьимъ произволомъ, и наступитъ, пожалуй, такой моментъ, когда этотъ ракъ разъѣстъ и весь государственный организмъ. Единственный путь къ избавленію отъ этого — единеніе самодержца съ народомъ, преобразованіе управленія на почвѣ совмѣстной ихъ дѣятельности, облегченіе тяготъ народныхъ и излѣченіе націи отъ ея безсилія. По всемогущей своей волѣ и любви къ народу, самодержавный государь расширитъ свободу, ограничитъ произволъ властей и направитъ всѣ силы здороваго и благороднаго либерализма на то, чтобы въ дружномъ единеніи съ лучшими людьми Русской земли упрочить благосостояніе народное. Для расширенія свободы, какъ и для выполненія завѣтныхъ задачъ, направленныхъ къ пре-

успѣянію народному, государь нуждается лишь въ одномъ—въ честныхъ людяхъ».

Эта же мысль заставляетъ проф. Шиманна съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на знаменательной статьѣ, напечатанной въ «Temps» (отъ 13 іюля 1902 г.) подъ заголовкомъ «L'absolutisme et ses inconvénients».

«Вмѣсто самодержавія, — читаемъ мы здѣсь,—Россія нынѣ въ сущности всецѣло подпала власти бюрократіи, которая, исходя изъ центра, лучами протягивается по всей странѣ, и отдѣльные органы которой непрестанно воюютъ другъ съ другомъ. Самый талантливый министръ оказывается безсильнымъ справиться съ невыполнимыми задачами, на него возлагаемыми. Обычное право отдѣльныхъ провинцій и окраинъ настолько разнообразно, что требуетъ познаній, непосильныхъ для одной личности, и такимъ образомъ министръ обреченъ основывать свои рѣшенія на докладахъ низшихъ чиновниковъ, не подлежащихъ вовсе контролю. Хорошо, если бы можно было разсчитывать на вѣрность и преданность безчисленнаго чиновничества, но въ дѣйствительности это не такъ. Тѣ чиновники, которые прошли чрезъ университетъ, тяготѣютъ къ оппозиціи. Дисциплина вообще упала, и высшая администрація находится въ зависимости отъ тѣхъ, кого должна была бы сама направлять.

«Объ этой административной анархіи освѣдомленъ и самъ государь, котораго не можетъ не тревожить такое положеніе вещей. Чтобы дознаться правды, онъ нерѣдко прибѣгаетъ къ возложенію разныхъ порученій на выдающихся частныхъ дѣятелей, не принадлежащихъ къ чиновничьей средѣ, и къ которымъ питаетъ особое довѣріе, но кто же можетъ поручиться, что представляемыя донесенія не извращаютъ истины тенденціозностью. Такимъ образомъ въ Россіи на каждомъ шагу сказывается отсутствіе органовъ контроля, которые и надлежитъ неизбѣжно призвать къ жизни».

Съ другой стороны, по мнѣнію проф. Шиманна, для Россіи всегда являлось роковымъ рѣзкое противорѣчіе ея внутренней политики съ тою внѣшнею, какая преслѣдовалось имперіею по отношенію къ родственнымъ ей славянскимъ племенамъ. Начинаются эти историко-политическія недоразумѣнія съ 1815 г., когда императоръ Александръ I облагодѣтельствовалъ возрожденное королевство Польское конституціею, но отложилъ ad infinitum введеніе политическихъ преобразованій въ коренной Россіи. Эта же политика возводится въ правило по отношенію къ Греціи, дунайскимъ княжествамъ и балканскимъ государствамъ—имъ предоставляются не только либеральныя, но даже радикальныя конституціи, и Россія, не обинуясь, зачастую оказываетъ тамъ поддержку радикальнымъ партіямъ. На этихъ образцахъ Россія точно сознательно воспитывала отечественный радикализмъ, а дальнѣйшее косвенное поощреніе къ нему само собою вытекало изъ союза съ

французскою радикально-соціалистическою республикою. На ряду съ этимъ нѣтъ и не было такой русской газеты, которая бы не распространялась о нарушеніяхъ конституціонныхъ вольностей за границею и не возмущалась всякимъ проявленіемъ административнаго произвола у сосѣдей, не находя для этого достаточныхъ укоризнъ.

Какъ же въ такихъ непримиримыхъ противорѣчіяхъ было разобраться нарождавшимся новымъ поколѣніямъ?

Проф. Шиманнъ особенно внимательно останавливается на отношеніи учащейся молодежи къ злободневнымъ политическимъ вопросамъ.

Безпорядки, повторяющіеся изъ года въ годъ въ русскихъ университетахъ, наводятъ его на печальныя размышленія.

То обстоятельство, что студенты въ своихъ требованіяхъ рѣзко настаиваютъ на полномъ уравненіи въ правахъ евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, тогда какъ русскіе вообще люди почти безъ исключенія въ силу воспитанія, религіозныхъ побужденій и племенного инстинкта являются рѣшительными антисемитами, доказываетъ, насколько еврейскій элементъ, черезвычайно радикальный, среди руководителей студенческаго движенія представленъ сильно.

Русскимъ евреямъ, какъ извѣстно, выставившимъ большой процентъ «рабочихъ силъ» для нигилистической партіи и въ лицѣ даже студенчества представляющимъ вліятельный элементъ, терять нечего, выгадать же они могутъ многое. Поэтому едва ли будетъ ошибочно утверждать, что непринятіе студенчествомъ либеральныхъ правилъ, выработанныхъ генералъ-адъютантомъ П. С. Ванновскимъ, слѣдуетъ приписать именно еврейскимъ студентамъ, которымъ правила эти никакихъ новыхъ льготъ не сулили. Такъ какъ русское студенчество прежде всего либерально и даже радикально, то и движеніе его вообщеноситъ скорѣе космополитическую, чѣмъ націоналистическую окраску; студенты-евреи поэтому безъ труда увлекаютъ за собою массу и придаютъ всему движенію характеръ непримиримости.

Сюда присоединяется еще и комбинированіе студенческаго движенія съ рабочимъ соціализмомъ, все болѣе завоевывающимъ почву въ Россіи.

Поколѣніе рабочихъ, теперь занятое на русскихъ фабрикахъ, уже воспиталось на соціалистическихъ воззрѣніяхъ, въ 70-хъ годахъ почти невѣдомыхъ русскимъ рабочимъ, такъ какъ лишь въ послѣдніе годы университетская молодежь выступаетъ самоотверженными вожаками и руководителями въ рабочихъ агитаціяхъ и безпорядкахъ.

Такъ, недавно московскіе студенты выпустили прокламацію, гдѣ поясняютъ, что отнынѣ станутъ поддерживать не столько

студенческіе интересы, сколько притязанія всей Россіи на свободу. Прокламація эта заключаетъ въ себѣ законченную программу широкихъ конституціонныхъ вольностей, которыя скорѣе были бы умѣстны въ республикѣ, а не въ конституціонной монархіи.

Такой же характеръ носила прокламація, тогда же опубликованная и отъ петербургскаго студенчества.

Истинною опасностью этого увлеченія является то, что никакое въ мірѣ государство не потерпитъ, чтобы не созрѣвшая молодежь захватывала починъ въ жизненныхъ политическихъ вопросахъ, затрогивающихъ интересы всей націи.

Правильно разсуждая, никто, конечно, не станетъ отвергать въ этихъ программахъ, требующихъ, между прочимъ, для рабочихъ восьмичасового трудового дня, альтруистическихъ побужденій идеализма, изъ-за которыхъ молодежь фактически и ставитъ на карту все свое существованіе.

Но только этотъ нетерпѣливый, судорожный идеализмъ носитъ чисто политическій характеръ, тогда какъ дѣйствительно плодотворный идеализмъ, изъ коего каждое поколѣніе почерпаетъ новыя силы, т.-е. исканіе истины и вдумчивое отношеніе къ накопленію знанія, оказывается не ко двору для теперешней русской молодежи—возбужденной, преждевременно издерганной и носящейся съ позаимствованнымъ съ чужого голоса скептицизмомъ.

Этому, впрочемъ, нечего и удивляться, если вспомнить характеръ новѣйшей литературы, подъ вліяніемъ которой воспитывалась русская молодежь. Изъ произведеній Максима Горькаго и его единомышленниковъ молодежь впитываетъ въ себя только ненависть къ современной государственности, какъ коренной причинѣ всего общественнаго зла, и во всѣхъ произведеніяхъ новой школы не найдется ни единаго типа, который бы дѣйствовалъ на читателя бодряще и облагораживающе; всѣ типы новѣйшей беллетристики—въ сущности безотрадная вереница законченныхъ или подготовляющихся, безнаказанныхъ или неуличенныхъ разновидностей uomo delinquente.

Въ смыслѣ конечнаго результата «хожденія въ народъ» студентовъ и иныхъ энтузіастовъ социально-революціоннаго движенія получилось вполнѣ нынѣ доказанное постепенное и непрестанное проникновеніе отвлеченныхъ соціалистическихъ теорій въ среду фабричныхъ рабочихъ; что же касается аграрныхъ безпорядковъ въ южныхъ губерніяхъ, то таковые обосновываются тяжелою матеріальною нуждою крестьянства, которую лишь умѣло использовали революціонные элементы, вышедшіе изъ круга интеллигенціи.

Конечно, можно съ увѣренностью предсказать, что правительство быстро возстановитъ спокойствіе потому уже, что огромныя разстоянія въ Россіи исключаютъ возможность дружнаго напора бунтовщиковъ, а войска до сихъ поръ всюду доблестно выполня-

ютъ свой долгъ, но этотъ конкретный случай не измѣняетъ по существу тягостности общаго положенія.

Приводя изъ текущей газетной хроники длинный рядъ фактовъ, знаменующихъ нестроенія русской жизни, проф. Шиманнъ задается вопросомъ, какое впечатлѣніе можетъ производить на русскаго читателя подобная политическая пища, ежедневно ему предподносимая. На ряду съ послѣдовательно воспитываемымъ ненавистничествомъ къ Германіи, кривотолками по польскому вопросу и трактованіемъ балканскаго вопроса въ духѣ, чуждомъ правительству, во всѣхъ газетныхъ статьяхъ звучитъ недовольство существующимъ, затаенное стремленіе къ расширенію народныхъ правъ и почти не скрываемое сочувствіе проявленіямъ протеста противъ теперешняго строя. А на ряду съ этимъ рисуются мрачныя картины народнаго обѣднѣнія и чиновничьяго произвола, царящихъ будто бы во всей странѣ.

За исключеніемъ «Гражданина» и «Московскихъ Вѣдомостей» почти всѣ русскія газеты, въ зависимости отъ большей или меньшей талантливости и пылкости темперамента редакторовъ, рисуютъ ярче или блѣднѣе тожественную картину, наводящую на одно и то же заключеніе: для Россіи, повидимому, наступаетъ пора, когда чѣмъ дальше, тѣмъ властнѣе станетъ о себѣ заявлять необходимость коренныхъ внутренныхъ преобразованій. Истинная же опасность настоящаго положенія вещей лежитъ въ отсутствіи всякой умственной и нравственной дисциплины у интеллигенціи, въ невѣжествѣ сельскаго населенія и въ бюрократическомъ произволѣ чиновничества; если присоединить сюда еще все болѣе возрастающій радикализмъ учащейся молодежи, побудившій правительство закрыть всѣ почти университеты, становится понятнымъ, почему правящіе петербургскіе круги не проявляютъ особаго желанія привлечь народъ къ дѣлу государственнаго управленія—правящія сферы вертятся въ заколдованномъ кругу: чѣмъ сильнѣе и бурнѣе проявляются либеральныя притязанія массъ, тѣмъ сильнѣе натягиваются поводья, а этимъ достигается только еще большее возрастаніе недовольства.

Нѣсколько далѣе, описывая разгорѣвшіеся въ Орловской губерніи крестьянскіе безпорядки, проф. Шиманнъ останавливается на перепечатанной въ вѣнской «Рабочей Газетѣ» прокламаціи русскихъ соціалъ-революціонеровъ, открыто проповѣдующей давнишнюю теорію нигилистическихъ убійствъ. «Разъ у насъ отнята возможность бороться съ тираніею мирными средствами, мы признаемъ не только за право, но и за священную обязанность, какъ ни непріятна подобная тактика, отвѣчать на насиліе насиліемъ и пролитую народомъ кровь смывать кровью насильниковъ». Прокламація эта заканчивается угрозою не прекращать борьбу, доколѣ не откроется возможность обуздывать произволъ властей болѣе мирными и цивилизованными средствами.

Другими словами, социаль-революціонеры угрожаютъ политическими убійствами впредь до дарованія конституціи, т.-е. выступаютъ съ системою кровавыхъ устраненій, что обыкновенно приводитъ къ результату, противоположному поставляемой цѣли, т.-е. къ усиленію репрессивныхъ мѣръ. Именно къ репрессіи самооборона и можетъ теперь побудить правительство, какъ то случилось въ 1881 г. Къ революціоннымъ проискамъ проф. Шиманнъ относится столь же несочувственно, какъ и къ конституціоннымъ замысламъ. Что офиціальная Россія вовсе не имѣетъ охоты испробовать эксперимента всероссійскаго народнаго собранія, вполнѣ естественно, и весьма желательно бы было, чтобы правительство и впредь устояло въ этомъ намѣреніи, утверждаетъ нашъ историкъ.

Столько же желательнымъ на взглядъ Шиманна представляется дальнѣйшее расширеніе правъ, первоначально усвоенныхъ за органами земскаго самоуправленія. «На нашъ взглядъ,—говоритъ онъ,— было бы весьма опаснымъ игнорировать пожеланія земствъ въ отношеніи предоставленія большаго простора самоуправленію и общественной жизни, такъ какъ чрезмѣрное развитіе системы абсолютизма влечетъ за собою не только ея отрицаніе, но и искреннія увлеченія противоположною крайностью.

«Въ этомъ-то и лежитъ опасность настоящаго момента.

«Хотя В. К. фонъ-Плеве... связалъ еще раньше свое имя съ суровыми репрессіями, а потому невольно вызываетъ въ насъ опасенія, тѣмъ не менѣе первые сдѣланные имъ шаги производятъ скорѣе благопріятное впечатлѣніе. Личное мужество, проявленное имъ при объѣздѣ и успокоеніи южныхъ губерній, гдѣ бушевали бунты, показало, что Плеве не останавливается передъ рѣшимостью исправлять очевидные промахи предшественниковъ, а если онъ, твердо держа власть въ своихъ рукахъ, сумѣетъ сознать, что на одномъ подавленіи безпорядковъ нельзя успокоиваться, и покажетъ это на дѣлѣ, мы охотно повѣримъ, что онъ—не только заслуженный чиновникъ, но и впрямь государственный человѣкъ».

Къ характеристикѣ дѣятельности Плеве проф. Шиманнъ возвращается неоднократно.

Наступило мгновеніе въ началѣ 1904 г., — пишетъ проф. Шиманнъ,—когда высказывались предположенія, не удастся ли въ связи съ кишиневскимъ погромомъ вызвать паденіе Плеве. Но недоразумѣнія были устранены, и, если не обманываетъ внѣшность, положеніе министра внутреннихъ дѣлъ еще болѣе упрочилось, чѣмъ когда либо. Къ значенію этого факта русское общество отнеслось самымъ различнымъ образомъ. Все, что есть либеральнаго въ Россіи, т.-е. вся почти интеллигенція за ничтожными исключеніями, усматривало въ этомъ несчастіе, такъ какъ одно уже имя Плеве знаменовало продолженіе прежней внутренней политики, діаметрально противоположной пожеланіямъ и запросамъ общественнаго мнѣнія.

Съ другой же стороны, люди осторожные не закрывали глазъ и на то, что выполненіе либеральной программы вовлекло бы Россію въ административный кризисъ и временныя замѣшательства, а современный для этого моментъ оказывался совсѣмъ уже не подходящимъ.

Конституціонная реформа, если бы она была даже и желанна для правительства, чего не замѣчалось на самомъ дѣлѣ, требуетъ для проведенія болѣе покойныхъ временъ, а надвигавшаяся угроза внѣшнихъ военныхъ столкновеній исключала ее eo ipso. Оспаривать это положеніе никакой здравомыслящій человѣкъ не станетъ.

Правда, впрочемъ, и то, что война на Дальнемъ Востокѣ загорѣлась въ видѣ сюрприза внѣ всякихъ предвидѣній.

На основаніи показаній инженера и публициста Демчинскаго, одно время стоявшаго близко къ придворнымъ сферамъ, проф. Шиманнъ указываетъ, что вся Восточная Азія оказывалась обширною ареною для всевозможныхъ концессій, и по утвержденіямъ не голословнымъ, но опирающимся на «подлинные документы» по исторіи новѣйшей русской политики, съ которыми г. Демчинскій имѣлъ случай ознакомиться, онъ, къ своему удивленію, совершенно убѣдился, что «всѣ лица, принадлежащія къ правящей сферѣ», были рѣшительными противниками активной политики на Дальнемъ Востокѣ.

Спрашивается, кто же въ дѣйствительности подготовлялъ исподтишка боевую политику, потому что не могла же она явиться плодомъ слѣпой случайности.

Опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ проф. Шиманнъ не даетъ, но указываетъ на другой любопытный фактъ.

Авторитетъ по русскимъ дѣламъ въ газетѣ «l'Européen», г. Невуа (Nesvoy) въ интересахъ конституціонныхъ преобразованій выражалъ пожеланіе, чтобы Россія понесла пораженія въ войнѣ съ Японіею. Ибо, разсуждалъ онъ, если Россія выйдетъ изъ войны побѣдительницею, за этимъ послѣдуетъ новый періодъ произвола и безразсудствъ; наоборотъ, если Россія понесетъ пораженіе, правительству неизбѣжно придется обратиться къ странѣ, покаяться передъ нею въ своихъ ошибкахъ и неспособности и признать, что отнынѣ оно не считаетъ себя въ правѣ одно руководить дѣлами и судьбами народа. «Ainsi pensent beaucoup de patriotes éclairés»,— увѣрялъ Невуа, хотя, по мнѣнію проф. Шиманна, такія разсужденія могли обличать только мудрость отчаянія и оправданіе дѣйствій, предпринимаемыхъ безъ руля и безъ вѣтрилъ.

По открытіи кампаніи правительству пришлось считаться съ затрудненіями непредвидѣнными. Прежде всего, на русское желѣзнодорожное и военное управленія навалилась чудовищная задача, и, при всей добросовѣстности, осуществленіе ея оказалось очень не совершеннымъ, да инымъ и быть не могло. Строго говоря, Россіи въ военное время пришлось прибѣгнуть къ импровизаціи.

Безконечная тонкая нить Сибирской желѣзной дороги протягивается чрезъ безпривѣтныя, почти не заселенныя мѣстности, и за исключеніемъ немногихъ большихъ городовъ (Омска, Томска, Красноярска и Иркутска) нельзя даже и указать ни на одну станцію, которая бы представляла собою нѣчто лучшее, чѣмъ пустыри, гдѣ поѣзда останавливаются затѣмъ только, чтобы запасаться дровами, углемъ или водою.

Совершенно ясно, насколько затруднялась для правительства задача веденія войны, разъ ему приходилось считаться съ отсутствіемъ споспѣшествованія его цѣлямъ со стороны мѣстнаго населенія, которое, казалось бы, и собственнымъ интересомъ побуждалось на услуги проходящимъ войскамъ. Но Сибирь—вообще не привѣтливая страна, и тѣ тысячи русскихъ переселенцевъ, что изъ года въ годъ возвращаются изъ Сибири въ Европейскую Россію, хотя передъ переселеніемъ на родинѣ ликвидировали все хозяйство, распродавъ скотъ, движимость, усадьбы и надѣльную землю,—краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о пригодности пустынной и мрачной тайги служить убѣжищемъ только для кочевниковъ. Такимъ образомъ, несмотря на существованіе Сибирской желѣзной дороги, перевозка на Дальній Востокъ арміи достаточно многочисленной, чтобы противостоять японцамъ, оказывалась еще болѣе тяжелою задачею, чѣмъ та, съ какою пришлось считаться императору Николаю I въ 1854 г., когда онъ перекидывалъ по русскому бездорожью войска на Таврическій полуостровъ.

Съ другой стороны,—пишетъ проф. Шиманнъ,—когда при открытіи военныхъ дѣйствій мы предполагали, что патріотическое и религіозное сознаніе русскаго народа оттѣснитъ на задній планъ всякія иныя чувства, мы ошибались. Ошиблись мы въ томъ смыслѣ, что оцѣнивали не по заслугамъ высокій умъ и патріотизмъ русскихъ радикаловъ. Вмѣсто того, чтобы примолкнуть въ годину бѣдствій и не ослаблять внутренними смутами силъ націи, напрягаемыхъ для преодолѣнія внѣшняго столкновенія, русскіе радикалы сочли себя въ правѣ тутъ-то и выступить съ воззваніями, которыя не могли не будоражить страну. «Освобожденіе» выпускало непрерывно летучіе листки, и они распространялись среди учащейся молодежи, которая приглашалась использовать настоящій моментъ для конституціонной пропаганды и ознакомленія улицы съ идеями свободы. Это не только было ошибкою, подобною той, какую совершили въ 1863 г. Герценъ и Бакунинъ, принявъ сторону Польши, но прямо таки преступленіе, учиненное надъ русскою молодежью, а послѣдняя, конечно, не сумѣла дать отпора софизмамъ г. Струве. Послѣдствія этого не замедлили сказаться. Въ «Journal des Débats» изъ Петербурга сообщали, что въ мартѣ 1904 г. полиція въ Петербургѣ и другихъ большихъ городахъ произвела многочисленные аресты лицъ, заподозрѣнныхъ въ революціонныхъ замыслахъ. Несомнѣнно.

усиленіе полицейской дѣятельности вызывалось главнымъ образомъ распространеніемъ многочисленныхъ революціонныхъ прокламацій. Цѣлью же воззваній «Освобожденія» въ средѣ студентовъ и рабочихъ было использовать столкновеніе на Дальнемъ Востокѣ и создать правительству новыя затрудненія, съ тѣмъ чтобы добиться ниспроверженія современной русской общественности. Неоспоримо и то, что современныя замѣшательства въ значительной степени облегчили свободу дѣятельности и безнаказанности агитаторамъ.

Съ русской точки зрѣнія подобныя дѣйствія тѣмъ позорнѣе и недопустимѣе, что общее политическое положеніе для Россіи въ 1904 г. слагалось крайне неблагопріятно, и возникали серьезныя опасенія не только болгарско-турецкаго столкновенія, но и расторженія австро-русскаго соглашенія.

При такихъ условіяхъ вполнѣ были понятны нѣкоторыя ограниченія свободы, проводившіяся правительствомъ. Мы рѣшительно высказываемся за то, — пишетъ проф. Шиманнъ, — что теперь далеко не своевременно предоставлять Россіи полную свободу печати. Достаточно подумать, напримѣръ, о томъ, что произошло бы, если бы теперь графъ Л. Н. Толстой взялся за пропаганду своихъ антимилитаристическихъ теорій, когда государству приходится напрягать силы, чтобы совладать съ тяжелыми задачами, вызываемыми войною. Государство, конечно, не можетъ потерпѣть распространенія ученій, подкапывающихся подъ коренные устои государственности, отвергающихъ принципіально долгъ повиновенія государственному авторитету и приглашающихъ офицерство открыто заявлять предъ фронтомъ, будто всякое участіе въ войнѣ составляетъ грѣхъ и преступленіе. Едва ли возможно такое попустительство по отношенію къ населенію, которое совершенно неспособно разбираться въ ложности выводовъ, которыми хотятъ ему одурманить головы.

Точно также нельзя же «освобожденцамъ» разрѣшать распространеніе ихъ соображеній о томъ, будто какъ разъ теперь пришла пора добиваться конституціи. Столь же несвоевременно было бы предоставить полную свободу и соціалъ-демократической агитаціи въ средѣ рабочихъ.

Можно, конечно, питать увѣренность въ томъ, что въ конечномъ итогѣ благодѣтельное право на свободный обмѣнъ мысли пересилитъ вредъ, всегда и вездѣ сопрягаемый съ полною свободою печати, но во всякомъ случаѣ одно ограниченіе оказывается непремѣннымъ условіемъ для введенія свободы печати — слѣдуетъ напередъ создать извѣстныя условія умственной образованности въ массѣ, такъ какъ иначе свобода печати вмѣсто благодѣянія можетъ составить сущую напасть. А, между тѣмъ, сознаніе и чувство въ русской печати представлено столь же слабо, какъ се-

рьезная и твердая любовь къ истинѣ. Подобные недочеты сказываются въ печати и другихъ странъ, но, пожалуй, нигдѣ такъ сильно не развито глубокое равнодушіе къ правдѣ, какъ въ Россіи. По цѣлому ряду серьезнѣйшихъ вопросовъ пресловутое общественное мнѣніе сознательно насыщено ложью, которая услужливо и преподносится газетами подъ видомъ истины. «Если бы потребовалось представить доказательства этому утвержденію, — оговаривается проф. Шиманнъ, — я готовъ представить длинный рядъ фактовъ, которые тщательно подбираю и храню».

За всѣмъ тѣмъ уже въ началѣ 1904 г. проф. Шиманнъ выражалъ увѣренность въ томъ, что консервативное направленіе политики Плеве, исключающее возможность серьезныхъ преобразованій, не можетъ удержаться надолго.

Съ одной стороны, узкій національнзмъ за послѣднія десятилѣтія обездолилъ Россію, лишивъ ее многихъ даровитыхъ силъ, съ другой же стороны — торопливая политика территоріальнаго расширенія чрезмѣрно ускорила стихійное и прочное, но медленное въ своей непрестанности, стремленіе на востокъ, и такимъ образомъ переселенцы не успѣли твердо осѣсть и заселить Сибирь, а вслѣдствіе этого Сибирскую желѣзную дорогу пришлось прокладывать, большею частью, по совершенно незаселеннымъ пустынямъ; въ довершеніе ко всему правительство оказывало боязливый отпоръ земскимъ стремленіямъ достигнуть болѣе широкаго участія и самостоятельности въ дѣлѣ мѣстнаго управленія. Всѣ эти причины и породили то зло, которое наглядно сказалось во время русско-японской войны. Даже и при благопріятномъ для Россіи конечномъ исходѣ войны ей затѣмъ пришлось бы считаться уже съ крупнымъ увеличеніемъ хозяйственныхъ тяготъ, а справиться съ ними едва ли бы оказалось возможнымъ при помощи тѣхъ способовъ и средствъ, которые съ 1881 г. выдавались за единственно правильные и законные. «Кто, какъ мы, желалъ бы видѣть Россію оздоровленною, — прибавляетъ проф. Шиманнъ,— не можетъ не сочувствовать преобразованіямъ, которыя бы совершились не подъ внѣшнимъ напоромъ революціонныхъ элементовъ, но черезъ расширеніе правъ земскаго самоуправленія и установленіе болѣе дѣйствительнаго контроля за правительственными органами», т.-е., другими словами, путемъ ослабленія бюрократическаго характера всѣхъ проявленій государственной жизни, что постепенно и подготовило бы націю къ высшей хозяйственной и умственной зрѣлости.

По поводу убійства генералъ-губернатора Н. И. Бобрикова проф. Шиманнъ писалъ: «Чрезвычайно прискорбно, что до сихъ поръ удерживавшій чистоту политическій стягъ Финляндіи запятнанъ политическимъ убійствомъ, сопряженнымъ съ самоубійствомъ преступника. Мораль Брута не уживается съ христіан-

скимъ міросозерцаніемъ, и никакая Шарлотта Кордэ, ни Карлъ Зандъ никогда не сдѣлаются въ нашихъ глазахъ объектами восторженнаго преклоненія. Подобныя преступленія, конечно, находятъ себѣ психологическое объясненіе и логическое обоснованіе, но прощены быть не могутъ. При любыхъ обстоятельствахъ они все же составляютъ нарушеніе всего нравственнаго и правового міропорядка и подлежатъ искупленію. Доселѣ неумолимая Немезида всегда дѣйствовала такъ, что политическое убійство разыгрывалось послѣдствіями, прямо противоположными тѣмъ видамъ, ради которыхъ совершалось».

Богатая злодѣйскими замыслами исторія Россіи являетъ разительныя подтвержданія выставленному положенію. Политическія убійства неизмѣнно вызывали пріостановку въ томъ развитіи, которое клонилось къ постепенной подготовкѣ народа для конституціонныхъ формъ жизни, не говоря уже о томъ, что заговоры вносили во внутренній бытъ народа нездоровую анормальность, которая временами у послѣднихъ трехъ поколѣній проявлялась, если можно такъ выразиться, въ «политическихъ судорогахъ». Уже выступленіе декабристовъ надолго отбросило Россію на путь реакціи; когда же, тридцать лѣтъ спустя, былъ сверху вновь предпринятъ починъ къ реформамъ, и онѣ въ главной своей сущности были счастливо проведены, тутъ ужъ гораздо болѣе зловредная, чѣмъ декабристы, нигилистическая политическая партія сумѣла своими дѣяніями вызвать новую реакцію, а повторныя покушенія вполнѣ оправдали право правительства на суровыя репрессіи. Отвѣчать насиліемъ на насиліе сдѣлалось лозунгомъ правительства, а, благодаря этому, какъ всегда бываетъ, конечно, наносится сильный ущербъ и правамъ всего народа на свободу и индивидуальной свободѣ отдѣльной личности.

«Знакомясь съ длиннымъ рядомъ русскихъ преобразовательныхъ начинаній, — продолжаетъ проф. Шиманнъ далѣе, — всякій приходитъ къ удивительному выводу, что наилучшіе и наизрѣлѣе обдуманные проекты реформъ разбивались не столько о злую волю правительства, сколько объ орудія, призванныя ихъ выполнять, и о человѣческій матеріалъ, подлежавшій преобразованію и переустройству. На ряду съ немногими свѣтлыми головами, значительно опережавшими современниковъ и преслѣдовавшими, какъ, напримѣръ, старый адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, осуществленіе дѣйствительно жизненныхъ реформъ,—надъ преобразовательными работами въ Россіи изощряются не знающіе чувства мѣры утописты, добиваясь такого положенія, до какого народъ и не дозрѣлъ вовсе, или же просто болтуны, весьма рѣшительно выступающіе съ требованіями, но и не помышляющіе принять на свою долю трудовыя обязанности выполненія реформъ, о которыхъ красно разсуждаютъ. Мы не станемъ здѣсь описывать промаховъ, допущен-

ныхъ при освобожденіи крестьянъ, но нельзя не напомнить того факта, что введенное Александромъ II мѣстное самоуправленіе чрезъ нѣсколько уже лѣтъ по его введеніи начало шататься прежде всего по той причинѣ, что въ земствѣ мало кто серьезно работалъ. Тутъ сказались тѣ же причины, которыя привели къ крушенію права на самоуправленіе, дарованныя Екатериною II русскому дворянству: оно въ теченіе цѣлаго столѣтія обнаруживало существенный недочетъ самосознанія и чувства долга передъ родиною. Въ общемъ можно признать за доказанное, что въ Россіи добровольный трудъ приносится лишь въ пылу оппозиціи, но оппозиція тотчасъ же нѣмѣетъ, когда правительство ее вводитъ въ кругъ бюрократіи. То же въ еще болѣе сильной степени слѣдуетъ отмѣтить о студенческой оппозиціи. Въ Россіи можно насчитать лишь немногихъ студентовъ, которые бы не прошли чрезъ періодъ крайняго радикализма, но послѣдній испаряется безслѣдно по преодолѣніи экзаменовъ на послѣднемъ курсѣ, особенно разъ вчерашній радикалъ добьется мѣста, и ему открывается доступъ въ сплоченные ряды чиновничества».

Дѣйствительно же опасными становятся юнцы, которые въ стадіи чрезмѣрныхъ конституціонныхъ и освободительныхъ потугъ попадаютъ въ руки правосудія или администраціи и въ качествѣ гонимыхъ «мучениковъ» и впрямь утверждаются въ превратныхъ убѣжденіяхъ, которыя первоначально обусловливались лишь пыломъ молодости и извѣстнымъ «façon de parler». Разительныя подтвержденія этому представляетъ даже исторія декабристовъ,— при первоначальныхъ убѣжденіяхъ остались лишь заарестованные участники движенія, всѣ же остальные чуть что не подъ звуки торжественнаго марша перебрались во враждебный лагерь. Личности въ родѣ Герцена составляютъ въ Россіи только исключеніе и находятъ себѣ объясненіе въ примѣси иноземной крови, которая видоизмѣнила славянскую натуру. Такъ, у Герцена мать была нѣмка.

«Поэтому на нашъ взглядъ совершенно естественно и понятно, если русское правительство, не впадая въ иллюзіи насчетъ свойствъ русскаго народа, устрашается предъ экспериментомъ всероссійскаго національнаго представительства, а въ тѣхъ, кто стремится къ конституціонализму, провидитъ опасныхъ враговъ самаго существованія русской самобытной государственности. Да и мы лично скорѣе склоняемся къ тому убѣжденію, что для современной Россіи единственно жизненною формою государственности и впрямь, пожалуй, является просвѣщенный абсолютизмъ. Но абсолютизмъ, конечно, долженъ быть дѣйствительно просвѣщеннымъ, проявляя неизмѣнную благожелательность къ народу не только чрезъ органы высшей, но и низшей власти.

«Но вотъ тутъ-то и сказывается чудовищный недочетъ: орудія отказываются отъ дѣятельнаго сослуженія правительству и про-

являютъ такую же халатность, какъ и въ болѣе независимой земской дѣятельности; мало того, и превозносимый не по заслугамъ русскій мужикъ, на которомъ столько же зиждутся упованія радикальныхъ преобразователей, революціонеровъ и анархистовъ, сколько и абсолютизма, есть вѣдь тотъ самый безсознательный субъектъ, который принимаетъ дѣятельное участіе во всякихъ погромахъ.

«Поэтому въ концѣ концовъ намъ кажется, что затѣваемый нынѣ г. фонъ-Плеве (писано въ іюлѣ 1904 г.) опытъ проведенія реформы сверху при возможномъ ограниченіи соучастія земскаго самоуправленія обѣщаетъ бо̀льшую плодотворность, чѣмъ починъ какихъ либо преобразованій снизу, ибо послѣдній, если не обманываютъ видимости, грозилъ бы выродиться въ невообразимый сумбуръ».

По поводу убійства В. К. Плеве проф. Шиманнъ отмѣчаетъ: «Не разъ уже и не безъ основанія указывалось, что безсовѣстность (Ruchlosigkeit), проявившаяся въ убійствѣ Плеве, еще болѣе усугубляется условіями времени. Въ эпоху Александра II даже и нигилисты воздерживались отъ активныхъ дѣйствій, пока длилась русско-турецкая война. А вѣдь та война, которую Россіи приходится теперь вести противъ японцевъ, безконечно сложнѣе».

«Для правильнаго сужденія о суровости дѣйствій Плеве надо вспомнить и то еще, что революціонныя организаціи всемѣрно старались и въ своихъ прокламаціяхъ и устною пропагандою отвратить армію, отправляющуюся на Дальній Востокъ, отъ присяги и воинскаго долга».

«Плеве настаивалъ на томъ, что нарождающаяся революція, серьезность опасности которой онъ прекрасно сознавалъ, подлежитъ подавленію въ корнѣ. Лишь по достиженіи этого результата допускалъ онъ возможнымъ предоставить русскому обществу извѣстныя вольности въ той мѣрѣ, въ какой оно способно переварить эту свободу. Соучастіе народа въ политической дѣятельности Плеве ограничивалъ лишь областью мѣстнаго земскаго самоуправленія; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ подготовлялись широкія преобразованія въ области административаго управленія, введеніе болѣе широкаго народнаго образованія и т. д. Повидимому, программа Плеве была ко времени его смерти уже разработана детально, и ее предполагалось въ ближайшемъ же будущемъ отпечатать для всеобщаго свѣдѣнія. Несомнѣнно, программа эта дастъ много поучительнаго, такъ какъ Плеве неоспоримо былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Россіи, какова она есть на самомъ дѣлѣ».

«Дѣлать оцѣнку безвременно сошедшаго со сцены министра, и при томъ возбудившаго противъ себя немало ненависти, преждевременно. По происхожденію выходецъ изъ восточной Пруссіи, Плеве былъ богато одаренъ умомъ, волею и вѣрностью долгу, былъ неподкупенъ и обладалъ не знавшею устали работоспособностью. Убѣжденный русскій патріотъ, Плеве, однако же, проявлялъ черты,

чуждыя русской натурѣ. Неумолимо послѣдовательный въ дѣйствіяхъ, онъ былъ такимъ же фанатикомъ своихъ убѣжденій, какъ графъ М. Н. Муравьевъ (Виленскій), но только не былъ, какъ тотъ, доступенъ ни непослѣдовательности, ни смягченію. Послѣ убійства Плеве нѣсколько мѣсяцевъ среди близкихъ ко двору партій велась ожесточенная борьба изъ-за портфеля министра внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ выборъ палъ на князя М. Д. Святополкъ-Мирскаго, бывшаго виленскаго генералъ-губернатора, за которымъ установилась репутація либерала и сторонника земствъ».

То и другое дѣйствительно оправдалось на дѣлѣ. Тогда какъ при Плеве вся Россія силою вещей превращена была въ полицейское государство, и дѣятельность полиціи сосредоточивалась почти исключительно на выслѣживаніи политически неблагонадежныхъ, а административный произволъ повсюду давалъ себя чувствовать, Святополкъ-Мирскій выступилъ поборникомъ закономѣрныхъ порядковъ.

Но какъ же можно было это осуществить? Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ было бы ограничить чрезвычайныя полномочія генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ; въ этомъ направленіи и положено было начало. Кромѣ того, общественное мнѣніе выставляло требованіе свободы печати и совѣсти и установленіе такихъ формъ государственности, которыя бы обезпечивали за земствами соучастіе въ государственномъ управленіи. Слѣдовало ли бы въ этихъ видахъ воспользоваться идеею М. Н. Каткова, предлагавшаго усилить составъ государственнаго совѣта включеніемъ представителей отъ земствъ, или создать особый органъ въ видѣ центральнаго земства для всей Россіи, на этотъ счетъ мнѣнія расходились.

Партій въ западно-европейскомъ смыслѣ слова въ Россіи пока существовать не могло, точно такъ же государственныя задачи всестороннему общественному обсужденію подвергаться не могли; благодаря этому, представленія объ истинныхъ потребностяхъ Россіи вырисовываются крайне смутно, а въ головахъ не перебродившей молодежи слагаются въ оторванныя отъ жизни формы. Повидимому, кн. Святополкъ-Мирскій вовсе не склонялся къ предоставленію земствамъ какихъ либо формъ соучастія въ политической дѣятельности; онъ не прочь былъ предоставить земствамъ широкій просторъ въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія, но пойти дальше этого едва ли предполагалъ; равнымъ образомъ кн. Святополкъ-Мирскій готовъ уменьшить зависимость земствъ отъ губернаторовъ и возстановить первоначальныя права земствъ, сильно урѣзанныя въ эпоху Плеве, но на этой границѣ и останавливаются всѣ его уступки.

Такимъ образомъ, хотя кн. Святополкъ-Мирскій и идетъ по пути, обезпечивающему ему сочувствіе общественнаго мнѣнія, но опасность положенія заключается въ томъ, что требованія вольностей съ

тѣхъ поръ, какъ печать стала говорить о нихъ открыто, уже и теперь значительно превышаютъ то, что правительство могло бы предоставить обществу, не выпуская поводьевъ изъ своихъ рукъ.

Въ обществѣ наблюдается глухое броженіе, всѣ нащупываютъ будущее, всѣ имѣютъ тѣ или иныя пожеланія и запросы и довольно единодушно сходятся на порицаніи существующаго строя, но никто съ ясною и опредѣленною программою преобразованій не выступаетъ.

Печать вначалѣ ни словомъ не упоминала о происходившемъ въ ноябрѣ 1904 г. въ Петербургѣ съѣздѣ земскихъ представителей, о резолюціяхъ котораго нѣмецкія газеты въ свою очередь распространялись такъ, словно рѣшенія съѣзда представляютъ обязательную силу для правительства. Въ дѣйствительности же за этими резолюціями нельзя признать даже значенія благожелательнаго совѣта, высказываемаго совѣтчикомъ, заслуживающимъ довѣрія.

«На самомъ дѣлѣ председатели и члены отдѣльныхъ земскихъ управъ и привлеченные ими «уполномоченные» отъ земствъ составляли совершенно частное собраніе, которому позволили въ Петербургѣ собираться на частной квартирѣ и за запертыми дверьми обсуждать интересы страны. Мы не имѣемъ точныхъ указаній, какъ состоялась разработка программы земскаго совѣщанія, и въ какой формѣ она была доведена до свѣдѣнія правительства. Повидимому, путемъ частнаго сообщенія кн. М. Д. Святополкъ-Мирскому, и, вѣроятно этимъ же путемъ будетъ онъ освѣдомленъ и о принятыхъ на совѣщаніи резолюціяхъ. Разумѣется, петербургскій съѣздъ и сравнивать нельзя съ собраніемъ французскихъ нотаблей 1789 г., но петербургскій съѣздъ земцевъ, конечно, представляетъ собою крупное событіе. Какихъ нибудь полгода назадъ подобное собраніе было бы закрыто, какъ представляющее опасность для государства, и его участники были бы разсѣяны по всѣмъ четыремъ сторонамъ свѣта. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что пожеланія петербургскаго съѣзда идутъ значительно дальше расширенія круга вѣдомства земствъ. Земство вѣдь въ сущности является представителемъ земельной собственности съ малою примѣсью крестьянства. То же, чего теперь домогается съѣздъ или почти требуетъ, есть всесословное представительство для соучастія не только въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправленія, но и управленія государственнаго.

«Далѣе земцы выражаютъ пожеланіе получить русскую Magna charta, на манеръ той, какую Александръ I задумывалъ даровать подданнымъ въ начальную пору своего царствованія. Но къ этой Magna charta присоединены еще всѣ новѣйшіе лозунги, которые въ политической жизни Западной Европы нашли себѣ сначала вдумчивое теоретическое обоснованіе, а затѣмъ и постепенное осуществленіе. Требованія земцевъ на словахъ и на письмѣ выра-

жаются съ большою страстностью, претворяются въ политическія стихотворенія, распространялись въ рукописныхъ спискахъ, и начали проскальзывать въ печать сначала намеками, а затѣмъ постепенно высказывались уже и прямо съ недвусмысленною ясностью».

Относясь къ почину ноябрьскаго земскаго съѣзда весьма сдержанно, проф. Шиманнъ вполнѣ понимаетъ тѣхъ убѣжденныхъ русскихъ патріотовъ, которые страшатся осуществленія предъявляемыхъ земскимъ съѣздомъ запросовъ. Гдѣ тѣ люди, въ руки которыхъ возможно ввѣрить судьбы Россіи?

«Если судить по современной печати и тѣмъ типамъ, которые отъ пушкинской эпохи вплоть до гр. Толстого и М. Горькаго находятъ себѣ воплощеніе въ русской словесности, можно по справедливости усомниться, наступила ли въ Россіи и впрямь пора для народнаго представительства.

«Мы, конечно, совершенно согласны, что недочеты управленія, обнаруженные японскою войною, вопіютъ о неотложности серьезныхъ преобразованій. Но столь же неотложенъ и крутой поворотъ въ воззрѣніяхъ того общества, отъ имени котораго земскій съѣздъ изрекаетъ свои постановленія.

«Mutatis mutandis всѣ тѣ затрудненія, съ которыми пришлось бороться въ русско-японскую войну, выступали еще въ эпоху русско-турецкой войны 1877 г. Разница только та, что въ 1904 г. противникъ оказался несравненно болѣе опасный. И недочеты управленія тогда и теперь оказывались тѣ же самые, и сказалось одинаковое легкомысліе, съ которымъ былъ затѣянъ крупный рискъ безъ достодолжной къ нему подготовки. Хотя въ турецкой войнѣ успѣхъ завершилъ подъятые труды, опытность, которую слѣдовало почерпнуть изъ войны, пропала даромъ. Я, конечно, разумѣю здѣсь не технически-военные опыты, ибо извѣстно, что съ 1878 г. русская армія подвергалась весьма дѣятельно и съ знаніемъ дѣла различнымъ усовершенствованіямъ, но говорю тутъ объ опытности, которую слѣдовало почерпнуть относительно свойствъ и качествъ людей, съ которыми необходимо считаться. Теперь же, повидимому, людей Россія перевоспитала не къ лучшему, но скорѣе къ худшему. Если сопоставить факты, которые за послѣдніе мѣсяцы опубликованы русскою печатью и не вызвали опроверженій, такое сопоставленіе показалось бы невѣроподобнымъ преувеличеніемъ. И вотъ эти-то факты заставляютъ насъ относиться съ большимъ недовѣріемъ къ современному преобразовательному движенію.

«Мы не видимъ и не намѣчаемъ тѣхъ людей, которые бы на своихъ плечахъ могли вынести конституцію. Къ идеалистамъ въ возрастѣ отъ 18 до 25 мы относимся довольно скептически, ибо русская молодежь, благополучно преодолѣвъ критическій періодъ своей жизни и достигнувъ пристани оплачиваемаго казною служебнаго положенія, становится въ большинствѣ случаевъ тѣмъ, что въ Россіи называютъ «тяжелымъ чиновникомъ».

«Что же касается дѣяній руководителей русскаго либерализма, то весьма характерный образчикъ ихъ недавно описанъ въ «Фоссовой Газетѣ» (Vossische Zeitung отъ 14 декабря 1904 г.).

«Въ Кіевѣ на засѣданіе «литературнаго общества» собралось до 800 человѣкъ, въ томъ числѣ много адвокатовъ, офицеровъ, представителей мѣстнаго самоуправленія и чиновничества. Десять профессовъ реферировали все на одну и ту же злободневную тему: «Что теперь неотложно нужно Россіи?» и единодушно приходили къ одному заключенію: «Единственно конституція можетъ быть спасеніемъ для Россіи».

«Каждый здравомыслящій человѣкъ естественно допуститъ, что мнѣнія, принимаемыя въ собраніи указаннаго состава, заслуживаютъ вниманія, ибо серьезные, повидимому, люди должны же сами знать, что требуется для ихъ родины. Но у того же здравомыслящаго человѣка наступаетъ полное разочарованіе и опускаются руки при прочтеніи конца отчета объ этомъ пресловутомъ засѣданіи: «Память Балмашева, убившаго Сипягина, была почтена вставаніемъ, а затѣмъ произнесена здравица за убійцу Плеве, при дѣятельномъ участіи, до апплодисментовъ включительно, со стороны представителей прокуратуры и офицерства».

«Если такое продѣлываютъ прокуроры и офицеры, то чего же нельзя ожидать отъ студентовъ? Очевидно, въ засѣданіи литературнаго общества не было трезвенныхъ головъ и спокойной разсудительности.

«Въ отвѣтъ на подобный доводъ иные охотно ссылаются на примѣръ престарѣлаго канцлера, свѣтлѣйшаго кн. А. М. Горчакова, который первый принялся апплодировать присяжнымъ, вынесшимъ оправдательный приговоръ Вѣрѣ Засуличъ, послѣ ея покушенія на ген.-ад. Трепова.

«Это только показываетъ, что современные россіяне по своей натурѣ «переметныя сумы» (Durchgänger), а въ болѣе юныхъ поколѣніяхъ проявляютъ отсутствіе серьезнаго отношенія къ жизни и сознанія истинно гражданской вѣрности долгу. Кто же этому не научился, наврядъ ли окажется полезнымъ дѣятелемъ, и объ эту простую истину разобьются скороспѣлыя требованія русскихъ конституціоналистовъ, а если, тѣмъ не менѣе, ихъ затѣи получатъ осуществленіе, то онѣ поведутъ лишь къ чреватому опасностями провалу.

«Вѣдь, когда только кн. Святополкъ-Мирскимъ была возвѣщена «весна», и нѣсколько ослабили поводья, печать и общество принялись дружно требовать конституціи, хотя при сколько нибудь трезвомъ размышленіи, казалось бы, каждый долженъ понять, сколь неизбѣжно напередъ изжить цѣлый рядъ подготовительныхъ стадій, чтобы дѣйствительно плодотворно осуществить тѣ формы соучастія въ законодательной и административной дѣятельности, надъ которыми

и по сей часъ культурные западные народы, воспринявшіе болѣе раннюю подготовку, ломаютъ себѣ зубы. Въ чемъ Россія прежде всего нуждается и, конечно получила бы своевременно, если бы обнаружила больше хладнокровія, — это Habeas corpus Act, который бы оградилъ гражданъ отъ административнаго произвола, а равно законы, регулирующіе свободу совѣсти, что̀ является предпосылкою и основою всѣхъ дальнѣйшихъ вольностей.

«Но тутъ явилось вмѣшательство русскаго студенчества, уличные безпорядки, безнадежная болтовня въ собраніяхъ, которымъ путемъ насилія придавался характеръ публичности, и наконецъ, что̀ хуже всего, объявилась революціонная агитація: на сцену открыто выступили соціалъ-демократы, соціалъ-революціонеры, анархисты и пр. и пр.

«Русская интеллигенція на 1/3 состоитъ изъ чиновничества, въ которомъ всѣ теперь хотятъ видѣть главное зло, хотя въ общемъ чиновничество представляетъ собою наиболѣе образованную часть народа, остальныя 2/3 интеллигенціи—частью недоучки, частью безпочвенные идеалисты и теоретики, либо не нашедшіе примѣненія своимъ дарованіямъ въ казенной служебной дѣятельности, либо занимающіеся свободными профессіями и частною службою, а потому будирующіе правительство.

«Позади же интеллигенціи выступаетъ учащаяся молодежь, которая въ школахъ и университетахъ ничему или мало чему научилась и чаетъ, будто свобода и вольности, ею нетерпѣливо призываемыя, свершатъ и то еще чудо, что сразу преобразятъ ихъ въ дѣльныхъ и полезныхъ работниковъ.

«Романистъ П. Д. Боборыкинъ въ недавно прочтенной въ Московскомъ музеѣ лекціи о русской интеллигенціи ставитъ послѣдней въ вину четыре психическихъ недуга: преклоненіе предъ ученіемъ ясно-полянскаго лже-пророка, проповѣдь банкротства науки, преклоненіе предъ разнообразными формами эстестическаго декадентства и, наконецъ, отрицаніе нравственныхъ устоевъ. На этой-то почвѣ и выросло чудовище босячества съ его пресловутою проповѣдью ничшеанства.

«Что же такая интеллигенція могла бы предложить народу, жаждущему пищи духовной, какъ не камни вмѣсто хлѣба?

«Единственный исходъ почтенный референтъ видитъ въ томъ, чтобы народъ шелъ рука объ руку съ тою вѣрною свѣтлымъ преданіямъ русскою интеллигенціею, которая создала все цѣнное, что представляетъ русская жизнь — знаніе, сознаніе солидарности и чувства долга предъ отчизною и всѣми обездоленными, религіозную терпимость, уваженіе къ труду и результатамъ, добытымъ прикладными знаніями, такъ какъ только это и можетъ воспитать въ массѣ сознаніе истиннаго человѣческаго достоинства.

«Такая интеллигенція дѣйствительно достойна своего имени, по-

лагаетъ свою душу на просвѣщеніе народа и готова бороться за истинное его благо.

«Слова г. Боборыкина звучали, конечно, очень красиво, но въ сущности мало утѣшительны. Оказывается, что и эта истинная интеллигенція, какъ тѣ милліоны народа, за которые она готова вступиться, находится подъ давленіемъ того прошлаго, котораго съ себя не скинешь, и той трезвой дѣйствительности, которой не отмѣнишь голыми пожеланіями. Коренная же ломка всего строя русской общественности, съ которою иные теперь столь страстно носятся, достижима лишь путемъ чудовищныхъ потрясеній, если русскіе люди не найдутъ въ себѣ достаточно терпѣнія и не примирятся съ несовершенствами настоящаго, ради болѣе прочнаго зиждительства будущаго».

Съ воззрѣніями проф. Шиманна на позднѣйшую эпоху «освободительнаго движенія» мы ознакомили читателей «Историческаго Вѣстника» уже раньше, а потому, слѣдуя хронологическому порядку, остановимся на свидѣтельскомъ показаніи другого наблюдателя всероссійской революціи.

Адріанъ Полли [1]), побывавшій, повидимому, на короткое время корреспондентомъ отъ «Hamburger Nachrichten» на Русско-Японской войнѣ, большую часть своей интересной книги посвящаетъ лично пережитому, фактическимъ наблюденіямъ, собраннымъ въ русскихъ центрахъ въ эпоху, непосредственно предшествовавшую войнѣ, и во время «освободительнаго движенія», а равно и свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ надежныхъ офиціальныхъ источниковъ.

Печальный исходъ столкновенія съ Японіей со всѣми побочными вытекшими отсюда явленіями заставляетъ русское общество все настойчивѣе задаваться вопросомъ о томъ, кто же собственно былъ истиннымъ проводникомъ маньчжурской политики, и на кого падаетъ за нее отвѣтственность.

Такъ какъ вслѣдствіе и по сей часъ еще длящагося господства бюрократіи исторія столкновеній съ Японіею затемняется дипломатически глубокомысленнымъ молчаніемъ освѣдомленныхъ офиціальныхъ сферъ, то общественное мнѣніе на этотъ счетъ составилось изъ причудливаго сплетенія истины съ заблужденіями и злостными выдумками.

Статсъ-секретарь Безобразовъ, С. Ю. Витте и генералъ-адъютантъ Алексѣевъ то порознь, то вмѣстѣ, то въ разные моменты выдаются за предполагаемыхъ зачинщиковъ маньчжурской авантюры, и столь же часто вина эта взваливается на графа Ламсдорфа и его нераспорядительность. Хотя о непрочности и необоснованности большей части такихъ нареканій и можно догадываться, но до сихъ

---

[1]) Dr Adr. Polly. *Zu Russlands Revolution und Neugeburt. Selbsterlebtes und Geschichtliches.* Лейпцигъ. 1906.

поръ, кажется, не дѣлалось даже и попытки собрать и сопоставить доступный документальный матеріалъ для выясненія истины.

Въ сущности активная политика Россіи на Дальномъ Востокѣ начинается съ 1895 г., когда по окончаніи Японо-Китайской войны Россія, совмѣстно съ Германіею и Франціею, потребовала отъ Японіи, чтобы та отказалась отъ плодовъ своихъ побѣдъ на китайскомъ материкѣ и въ южной Маньчжуріи и вернула богдыхану Портъ-Артуръ и Таліенванъ.

Затѣмъ Россія приняла на себя гарантію займа, когда Китаю пришлось выплачивать Японіи военную контрибуцію, а этимъ дальновиднымъ шагомъ русское правительство обезпечило себѣ признательность и сближеніе не только со стороны Китая, но и Кореи.

Престижъ Россіи и довѣріе къ ея политикѣ быстро возрастали, и осенью 1896 г. корейскій императоръ, отдавшись подъ покровительство русской миссіи, просилъ о назначеніи совѣтника при его особѣ и о присылкѣ военныхъ инструкторовъ для его войскъ.

Къ этому же моменту пріурочивается заключеніе между Россіею и Китаемъ трактата, по которому Россія обязалась поддерживать независимость Китая и неприкосновенность его владѣній, а Китай, въ свою очередь, предоставилъ Россіи право на сооруженіе желѣзнодорожнаго пути чрезъ Маньчжурію съ тѣмъ, чтобы связать Забайкалье съ принадлежащею Россіи Приморскою областью, такъ какъ изысканія показали, что продолженіе желѣзной дороги вдоль Амура встрѣтитъ почти непреодолимыя техническія трудности, направленіе же чрезъ Маньчжурію дастъ сбереженіе въ 15 милліоновъ рублей.

Въ многочисленныхъ запискахъ и печатныхъ сообщеніяхъ министерство финансовъ подробно развивало ту мысль, что съ проведеніемъ желѣзной дороги чрезъ сѣверную Маньчжурію экономическое вліяніе Россіи получитъ преобладаніе въ этой странѣ, изобилующей естественными богатствами, и что Владивостокъ для этого района сдѣлается вполнѣ естественно отпускнымъ портомъ.

Это представлялось тѣмъ болѣе выгоднымъ, что чрезъ сооруженіе желѣзной дороги въ сѣверной Маньчжуріи интересы Китая сравнительно мало задѣвались, такъ какъ намѣченная дорога пересѣкала удаленныя отъ центровъ китайской торговли и пустынныя области, и не предвидѣлось, чтобы это предпріятіе нарушило серьезные интересы западно-европейскихъ державъ.

По этимъ соображеніямъ и состоялось особое соглашеніе съ русско-китайскимъ банкомъ, вызвавшее къ жизни общество восточно-китайской желѣзной дороги. Съ большою осторожностью, шагъ за шагомъ это предпріятіе было проведено столько же по почину С. Ю. Витте, какъ и тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, князя Лобанова-Ростовскаго, и амурскаго генералъ-губернатора Гродекова. Сходить съ намѣченнаго пути, по мнѣнію Полли, не пред-

ставлялось ни малѣйшаго основанія и о распространеніи за предѣлы благоразумія задачъ русской политики и на южную еще Маньчжурію Витте столь же мало помышлялъ, какъ и вдумчивый князь Лобановъ-Ростовскій. Точкою отправленія для дальнѣйшаго развитія маньчжурскаго вопроса явилось умерщевленіе въ 1897 г. христіанскихъ миссіонеровъ въ Шантунѣ; это и послужило предлогомъ для Пруссіи занять Шантунъ. Тогда китайское правительство взмолилось къ Россіи послать нѣсколько военныхъ судовъ въ Таочу; тогда же въ нѣкоторыхъ вліятельныхъ кругахъ Россіи запала мысль воспользоваться обращеніемъ Китая къ услугамъ Россіи и заручиться въ южной Маньчжуріи незамерзающимъ портомъ, который бы въ то же время далъ и Сибирской желѣзной дорогѣ выходъ въ Тихій океанъ; выборъ для этого естественно падалъ на Таліенванъ и Портъ-Артуръ.

Наиболѣе энергичнымъ поборникомъ этой идеи выступилъ графъ М. Н. Муравьевъ, который, опираясь на генералъ-адъютанта Ванновскаго, доказывалъ неотложную необходимость для Россіи во что бы то ни стало заручиться обладаніемъ обоихъ портовъ. Противъ «парфорсной» политики новаго министра иностранныхъ дѣлъ и управлявшій въ то время морскимъ министерствомъ Авеланъ и министръ финансовъ Витте высказывались весьма рѣшительно. Въ обстоятельной запискѣ Витте указывалъ на недавно состоявшійся съ Китаемъ договоръ и обязательства, принятыя Россіею, охранять неприкосновенность Китая, что̀ исключало возможность предпринимать дѣйствія, направленныя къ ослабленію Китая, вмѣсто обѣщанной защиты. Чрезъ это престижъ Россіи несомнѣнно долженъ былъ потерпѣть сильный уронъ. Равнымъ образомъ этотъ шагъ могъ за собою, по предсказаніямъ С. Ю. Витте, повлечь и международныя осложненія, такъ какъ примѣру Россіи, конечно, захотятъ послѣдовать и другія великія державы; при подобныхъ обстоятельствахъ Японія безпрепятственно вторгнется въ Корею, несмотря на утѣшительные результаты, уже тамъ достигнутые русскимъ вліяніемъ. И въ финансовомъ отношеніи С. Ю. Витте опасался, что занятіе Таліенвана и Портъ-Артура повлечетъ за собою огромныя издержки, ибо въ случаѣ осуществленія этого плана неизбѣжнымъ окажется ускореніе сооруженія южно-маньчжурской желѣзнодорожной вѣтви, которая бы связала вновь пріобрѣтаемые порты съ владивостокскою магистралью.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ Витте признавалъ необходимымъ въ маньчжурскомъ вопросѣ дѣйствовать съ чрезвычайною осторожностью и осмотрительностью. Принципіально, конечно, и возражать нельзя было противъ пріобрѣтенія незамерзающаго порта, но въ данномъ случаѣ особенно желательнымъ представлялось достигнуть этого миролюбивымъ путемъ, не прибѣгая и къ тѣни насилій.

Вышеозначенная записка Витте, по словамъ Полли, была оцѣнена по достоинству, и временно планъ о пріобрѣтеніи Портъ-Артура былъ какъ будто совсѣмъ покинутъ, но графъ М. Н. Муравьевъ, хотя бы изъ-за самолюбія, не могъ примириться съ мыслію о постороннемъ вмѣшательствѣ въ дѣла его вѣдомства и, внѣшнимъ образомъ поддерживая самыя дружелюбныя отношенія съ Витте, постарался настоять на проведеніи своего облюбованнаго плана.

По увѣреніямъ Полли, осуществленіе этого плана было обставлено большою тайною, и Витте лишь окольнымъ путемъ узналъ въ началѣ декабря 1897 г. о занятіи Таліенвана и Портъ-Артура русскими судами, когда уже этотъ фактъ совершился.

Этотъ шагъ, въ сущности далеко не осмотрительный, возымѣлъ для Россіи далеко не желанныя осложненія: отношенія между Россіею, Китаемъ и Японіею поколебались, Китай отъ довѣрія перешелъ къ подозрительности и съ опаской слѣдилъ за каждымъ шагомъ и движеніемъ Россіи и въ концѣ концовъ сталъ заискивать у Японіи, ожидая отъ нея поддержки.

Съ другой стороны, занятіе Квантунской области и проведеніе желѣзной дороги, нарушивъ прежніе торговые и экономическіе интересы мѣстнаго населенія, возстановило послѣднее противъ европейскихъ пришельцевъ. Наконецъ, завоевательная политика Россіи, встревоживъ Англію, Францію, Пруссію и Италію, пробудила и въ нихъ аппетиты къ завоеваніямъ и захватамъ.

Очертивъ боксерское движеніе 1899 г. и соединенную европейскую экспедицію противъ Китая, Полли отмѣчаетъ, что вторженіе И-Чше-Шуанскихъ шаекъ въ Маньчжурію вызвало вполнѣ естественно введеніе туда русскихъ войскъ, и такимъ образомъ было положено начало къ фактической военной оккупаціи сѣверныхъ провинцій Китая.

Отношеніе Витте къ разыгравшимся тогда столь неожиданно въ Китаѣ событіямъ Полли характеризуетъ находящимися въ его распоряженіи документами; изъ нихъ явствуетъ, что Витте внушалъ русской желѣзнодорожной администраціи всемѣрно избѣгать столкновеній съ китайскими властями. Равнымъ образомъ Витте указывалъ на необходимость возможно большей осторожности дѣйствій по отношенію къ боксерскому движенію и воздержаніе отъ участія въ Пекинскомъ походѣ. Указывалъ Витте и на необходимость выведенія русскихъ войскъ изъ Чжили и открытія дружественныхъ переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ, но всѣ эти предостереженія оказались безуспѣшными. Маньчжурія подверглась военной оккупаціи въ цѣляхъ рѣшительнаго подчиненія этой китайской окраины русскому вліянію, хотя Витте и заявлялъ категорически, что «для проведенія аггрессивной политики Россія далеко не достаточно подготовлена».

Повидимому, постепенно и русская дипломатія нѣсколько прониклась правильностью доводовъ министра финансовъ, что́ и побу-

дило ее завязать съ Китаемъ переговоры объ очищеніи Маньчжуріи отъ русскихъ войскъ.

26 марта 1902 г. по этому предмету состоялось между Китаемъ и Россіею соглашеніе: Россія обязалась вывести изъ Маньчжуріи свои войска въ три опредѣленныхъ срока. Въ первый срокъ договоренная часть войскъ была дѣйствительно выведена, но къ наступленію второго и третьяго срока въ русской политикѣ аггрессивное начало опять взяло верхъ, и дальнѣйшій выводъ войскъ не состоялся.

Всѣ эти смутные моменты Японія не преминула использовать къ своей выгодѣ,—повѣствуетъ Полли:—съ одной стороны, она натравливала Китай на Россію, а съ другой—пыталась завязать непосредственныя сношенія съ Россіею и прійти къ дружелюбному соглашенію. Въ этихъ видахъ, между прочимъ, маркизъ Ито въ концѣ 1901 г. посѣтилъ Петербургъ, но, не добившись опредѣленнаго соглашенія съ русскимъ правительствомъ, отправился непосредственно вслѣдъ затѣмъ въ Англію, гдѣ былъ принятъ съ распростертыми объятіями и вскорѣ заключилъ англо-японскій союзный договоръ.

Вмѣсто того, чтобы оцѣнить по достоинству это серьезное предостереженіе, русское правительство въ непонятномъ ослѣпленіи начало на Дальнемъ Востокѣ дѣйствовать еще рѣшительнѣе, совершенно игнорируя виды Японіи. Тутъ Полли опять приводитъ характерную цитату изъ записки Витте: «Я вполнѣ понимаю великое значеніе охраны Корейскаго полуострова отъ русскихъ посягательствъ съ точки зрѣнія жизненныхъ японскихъ интересовъ. Мало того, я готовъ былъ бы видѣть весьма счастливое разрѣшеніе настоящихъ недоразумѣній, если бы между Россіею и Японіею состоялось соглашеніе на почвѣ взаимныхъ уступокъ,—писалъ С. Ю. Витте.—Только этимъ путемъ сможетъ Россія избѣжать вооруженнаго столкновенія съ Японіею, война же съ Японіею чревата для насъ тягостнѣйшими послѣдствіями, ибо стратегическое положеніе наше на Дальнемъ Востокѣ отнюдь не можетъ почитаться прочнымъ. По этой причинѣ борьба съ Японіею потребуетъ со стороны Россіи неисчислимыхъ жертвъ».

Не менѣе назидательны приводимыя г. Полли соображенія, высказанныя въ всеподданнѣйшимъ докладѣ, представленномъ статсъ-секретаремъ Витте по возвращеніи изъ инспекціонной поѣздки для осмотра Сибирской и Восточно-Китайской желѣзныхъ дорогъ.

«Темною тучею на горизонтѣ дальневосточной русской политики выступаютъ, помимо маньчжурского вопроса, отношенія къ Японіи въ Маньчжуріи и Кореѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Кореѣ, которая для Японіи составляетъ вопросъ жизни.

«Значительность прироста населенія понуждаетъ Японію прійскивать новыя области для разселенія ея подданныхъ. Но такъ какъ переселенческое движеніе на югъ за островъ Формозу на-

talкивается на значительныя препятствія (ибо приморскія территоріи средняго и южнаго Китая, а равно и колоніальныя владѣнія великихъ державъ страдаютъ переполненіемъ собственнаго населенія), то столь первостепенный для государственной жизни Японіи вопросъ можетъ найти разрѣшеніе только въ возможно болѣе безпрепятственномъ заселеніи Кореи. Впрочемъ, не одинъ только вопросъ объ избыткѣ населенія, но и разнообразныя отрасли непрестанно развивающейся японской промышленности властно требуютъ открытія для нихъ новыхъ рынковъ, во избѣжаніе перепроизводства, а эту экономическую потребность можетъ удовлетворить только Корея.

«До занятія Портъ-Артура Россіею и сооруженія южной вѣтви восточно-китайской желѣзной дороги Японія могла еще разсчитывать подчинить своему вліянію Маньчжурію; послѣ побѣдоноснаго военнаго столкновенія съ Китаемъ ею и предпринимались въ этомъ направленіи многочисленныя попытки.

«По этой причинѣ преобладаніе вліянія, захваченнаго нами теперь въ Маньчжуріи, для японскаго правительства отнюдь не безразлично; наоборотъ, оно противорѣчитъ насущнѣйшимъ интересамъ Японіи. Японія вполнѣ естественно зорко слѣдитъ за каждымъ шагомъ, предпринимаемымъ въ Кореѣ великими державами, и ради охраненія своего вліянія надъ этимъ полуостровомъ должна прибѣгнуть при извѣстныхъ обстоятельствахъ хотя бы и къ крайнимъ средствамъ.

«Само собою разумѣется, и Россія имѣетъ кругъ своихъ интересовъ въ Кореѣ; первыя попытки къ утвержденію въ этой странѣ нашего вліянія восходятъ къ 1897 г. и ознаменовались успѣхомъ. Но это только заставило Японію насторожиться, и чѣмъ прочнѣе будетъ утверждаться вліяніе Россіи на Дальнемъ Востокѣ, тѣмъ большая опасность станетъ угрожать корейскимъ интересамъ Японіи.

«Отсюда вытекаетъ, что, доколѣ мы не поступимся нашими замыслами на Корею, враждебное противодѣйствіе Японіи намъ будетъ сказываться не только въ области корейскаго, но и всего дальневосточнаго вопроса. Многіе придерживаются того взгляда, будто Россіи въ корейскомъ вопросѣ не слѣдуетъ итти ни на малѣйшія, хотя бы и преходящія уступки; война де съ Японіею во всякомъ случаѣ неизбѣжна, ранѣе или позднѣе; поэтому всего лучше объявить Японіи войну теперь же и разгромить ее раньше, чѣмъ она успѣетъ усилить свой флотъ. Такихъ воззрѣній я, съ своей стороны, отнюдь раздѣлять не могу. Скорѣе вѣроятно то, что въ ближайшемъ уже будущемъ, по окончаніи сооруженія восточно-китайской желѣзной дороги, между Японіею и Россіею состоится сближеніе на почвѣ торговыхъ и промышленныхъ интересовъ; именно на этой основѣ общность интересовъ между народами и

составляетъ одну изъ вѣрнѣйшихъ гарантій для устраненія вооруженныхъ столкновеній.

«Поэтому имѣется обоснованная надежда разсчитывать, что намъ въ будущемъ на почвѣ дружнаго соревнованія на Дальнемъ Востокѣ удастся достигнуть мирнаго разрѣшенія вопросовъ, нынѣ служащихъ поводомъ къ коллизіи русско-японскихъ интересовъ. Если бы надежда эта не оправдалась, и правота оказалась бы на сторонѣ утверждающихъ противное, то и въ этомъ случаѣ выгоднѣе отдалить вооруженное столкновеніе съ Японіею, а пока изыскать временный выходъ, чтобы путемъ какого нибудь компромисса не задѣвать японскихъ интересовъ въ Кореѣ.

«На мой взглядъ вооруженное теперь столкновеніе съ Японіею представляетъ чрезвычайно серьезныя опасности. Я не сомнѣваюсь, что окончательно въ этой борьбѣ побѣда останется за Россіею, но при наличныхъ обстоятельствахъ побѣда эта потребуетъ огромныхъ жертвъ и отразится тяжелыми послѣдствіями на экономическомъ положеніи Россіи. Дабы предотвратить или умалить значеніе такихъ послѣдствій Россіи необходимо напередъ тщательно подготовиться къ войнѣ. Не слѣдуетъ забывать, что при натянутыхъ отношеніяхъ къ Китаю Россіи во время войны съ японцами ужъ, конечно, на дружественную поддержку китайскаго правительства разсчитывать нельзя. Поэтому, прежде чѣмъ затѣвать борьбу съ Японіею, Россіи слѣдовало бы выяснить свои отношенія къ Китаю. Кромѣ того, рѣшающее значеніе для Россіи имѣло бы подготовить себѣ въ Маньчжуріи возможно лучшее стратегическое положеніе. Сюда относится полное оборудованіе восточно-китайской желѣзной дороги, цѣлесообразная организація совокупнаго административнаго аппарата и разрѣшеніе цѣлаго ряда доселѣ еще не распутанныхъ вопросовъ. Кромѣ того, необходимо бы было значительно усилить провозоспособность Средне-Сибирской желѣзной дороги, осуществить постройку Круго-Байкальской желѣзной дороги и широко обезпечить Портъ-Артуръ запасами, при чемъ одно уже приведеніе портовыхъ сооруженій на военную ногу въ должныхъ размѣрахъ, по смѣтнымъ предположеніямъ морского министерства, потребуетъ не менѣе десяти лѣтъ.

«При такихъ обстоятельствахъ я могу только настаивать на поддержаніи и развитіи мирныхъ отношеній съ Японіею и нахожу, что въ случаѣ необходимости слѣдуетъ временно отказаться отъ Кореи, если бы возможно было убѣдить Японію на предоставленіе намъ за это извѣстныхъ компенсацій. Изъ двухъ золъ — войны съ Японіею или отказа отъ Кореи, по моему мнѣнію, слѣдуетъ предпочесть второе; прежде всего потому уже, что Россіи придется считаться не только съ приведенными выше непосредственными опасностями и ихъ послѣдствіями, но еще и съ ослабленіемъ ея положенія на Западѣ и ближнемъ Востокѣ, къ выгодѣ другихъ державъ.

«Въ виду наличнаго положенія вещей я почитаю быстрое улаженіе недоразумѣній съ Японіею на почвѣ взаимныхъ предупредительныхъ уступокъ за наиважнѣйшую задачу русской политики на Дальнемъ Востокѣ. Счастливое проведеніе ея успокоило бы Японію на счетъ тѣхъ видовъ, которые мы преслѣдуемъ въ Кореѣ, примирило бы ее съ тѣмъ положеніемъ, которое мы заняли въ сѣверномъ Китаѣ, а такимъ образомъ устранился бы главный поводъ къ пролитію крови на Дальнемъ Востокѣ, чего при существующихъ условіяхъ можно опасаться въ каждую данную минуту».

Вышеозначенная записка Витте была въ офиціальныхъ кругахъ Петербурга, по увѣреніямъ Полли, встрѣчена весьма сочувственно, и почти всѣ министры высказались противъ аггрессивной политики въ Кореѣ. Если, тѣмъ не менѣе, противоположное теченіе взяло верхъ надъ увѣщаніями благоразумія, то объясняется это лишь тѣмъ, что при существующемъ строѣ рѣзко сказывается отсутствіе объединяющей правительственной власти—отдѣльныя главы вѣдомствъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются собственнымъ произволеніемъ и влеченіями минуты, и свои рѣшенія и дѣйствія подвѣдомственныхъ имъ органовъ ради безнаказанности прикрываютъ высокимъ именемъ Государя.

Очертивъ домогательства концессій для разработки естественныхъ богатствъ Кореи, какъ главный источникъ авантюризма въ дальневосточной политикѣ, г. Полли утверждаетъ, что вопреки всѣмъ прежнимъ заявленіямъ ген.-ад. Алексѣевъ довольно неожиданно перешелъ на сторону статсъ-секретаря Безобразова и принялся настойчиво отождествлять интересы государственности съ коммерческими интересами Безобразова, Вонляpлярскаго, Матюнина и пр. Насколько это было непослѣдовательно, явствуетъ уже изъ того, что на происходившемъ осенью 1903 г., по возвращеніи ген.-ад. Куропаткина изъ Японіи, совѣщаніи (въ Портъ-Артурѣ), въ коемъ участвовали Алексѣевъ, Безобразовъ, Куропаткинъ и русскіе посланники въ Китаѣ и Кореѣ: Лессаръ и Павловъ, всѣ они, за исключеніемъ Безобразова, высказывались за выведеніе русскихъ войскъ изъ Маньчжуріи подъ условіемъ предоставленія извѣстныхъ гарантій Россіи со стороны Китая. При этомъ ген.-ад. Куропаткинъ обращалъ особенное вниманіе совѣщанія на то, что стратегическое положеніе Россіи исключаетъ возможность аггрессивныхъ дѣйствій противъ Японіи, а ген.-ад. Алексѣевъ, въ свою очередь, указывалъ и на то еще, что Японія подготовляетъ вооруженное столкновеніе съ Россіею; поэтому при обсужденіи даннаго положенія вещей ген.-ад. Алексѣевъ рекомендовалъ чрезвычайную осторожность, дабы устранить возможность дипломатическаго разрыва съ Японіею.

Тѣмъ не менѣе, по возвращеніи изъ вторичной командировки на Дальній Востокъ, Безобразовъ выступилъ уже съ разработан-

нымъ проектомъ войны, и этотъ послѣдній пришлось опровергать ген.--ад. Куропаткину, который и тутъ опять настаивалъ на томъ, что всѣ основанія складываются въ пользу того, чтобы Россія не нарушала добрыхъ и мирныхъ отношеній къ Японіи.

Разсказывая далѣе о послѣдовавшихъ неудачахъ въ войнѣ, затѣянной столь неосмотрительно, Полли по поводу цусимской катастрофы отмѣчаетъ: «Особенно же удивительно то спокойное равнодушіе, которое приходится здѣсь теперь наблюдать. Притупилъ ли длинный рядъ предшествовавшихъ неудачъ впечатлительность народную, или упованія на окончательную побѣду русскаго оружія продолжаютъ окрылять народное самосознаніе, или, быть можетъ, все прочнѣе складывается то воззрѣніе, что всякая дальнѣйшая военная неудача приближаетъ дѣло къ желанному для всѣхъ миру, при чемъ иные утѣшаются еще и тѣмъ, будто разгромъ третьей эскадры заставитъ наконецъ правительство приступить къ преобразованіямъ, насущно необходимымъ для страны, — сказать трудно. Несомнѣнно, та или другая изъ приведенныхъ выше аргументацій отражается на кругозорѣ каждаго, въ зависимости отъ политической зрѣлости, партійности и личнаго темперамента. Главная же причина для этого спокойствія, кажущагося на первый взглядъ чуть ли не героическимъ, обосновывается русскою прирожденною или привитою національною самобытностью. Вѣдь русскій человѣкъ, большею частью, представляетъ собою первобытный типъ флегматика. Русскій человѣкъ флегматиченъ до лѣни въ физическомъ отношеніи, тогда какъ въ области мышленія онъ обнаруживаетъ непреодолимую робость выслѣживать вещи до корня и выводить изъ нихъ крайнія послѣдствія. Рука объ руку съ флегматичностью идетъ неискоренимый россійскій фатализмъ, нашедшій себѣ столь выпуклое воплощеніе въ чисто народномъ словѣ «авось». За свою вѣру въ «авось» Россія, кажется, ужъ достаточно поплатилась. Это «авось» породило смѣщеніе краеугольныхъ основъ, которое столь наглядно сказалось въ столкновеніи русскаго великана на глиняныхъ ногахъ съ ославленной за ничтожество Японіею. Присущіе народу лѣность мысли и фатализмъ подвергались издавна широкому использованію «сильныхъ міра» въ эгоистическихъ цѣляхъ послѣднихъ; ради этого въ области государственности подавлялся всякій общественный починъ, а подъ предлогомъ неприкосновенности самодержавія народъ подчинялся игу всесильной бюрократіи. Теперь же, когда бюрократія проявила въ полномъ блескѣ свою несостоятельность, что же можетъ оплакивать и защищать русскій человѣкъ? Такіе идеалы, которыхъ онъ никогда не зналъ и которыми никогда не обладалъ?

«Совершенно новые идеалы русскимъ людямъ услужливо стали навязывать своимъ примѣромъ и внушеніями инородческія окраины».

Любознательность привлекла г. Полли въ іюнѣ 1905 г. въ Варшаву при объявленіи тамъ военнаго положенія, которое нашъ авторъ вполнѣ оправдываетъ уличными безчинствами, какія производились много недѣль подъ рядъ подъ вліяніемъ революціонной агитаціи, взбаламутившей въ Польшѣ всѣ народныя страсти.

Хотя въ настоящее время,—отмѣчаетъ Полли подъ 12 іюня,—внѣшнія проявленія разбушевавшихся страстей и подавлены, но далеко не устранено вліяніе ихъ, глубоко проникающее во всю общественную жизнь и торговлю. Подъ видимо покойною поверхностью броженіе продолжается попрежнему, и ни одного дня не проходитъ безъ вспышекъ подземной работы, которую терпѣливо ведутъ враждебныя правительству силы. По всему городу раскидываются революціонныя прокламаціи, при чемъ не возможно прослѣдить происхожденіе, изготовленіе и способы распространенія подпольныхъ листковъ; чуть ли не каждый день то одинъ, то другой представитель администраціи находитъ у своего обѣденнаго прибора таинственную бумажку, возвѣщающую ему смертный приговоръ. Одну такую бумажку я и самъ имѣлъ въ рукахъ, но ни внѣшній ея видъ, ни лаконическій текстъ, отпечатанный на машинкѣ, ни краткая подпись P. P. P. (parti polonais prolétaire) не могли послужить ключомъ къ изобличенію отправителя.

«Въ настоящее время надъ общественною жизнью и мнѣніемъ царства Польскаго сказывается властное вліяніе четырехъ параллельныхъ теченій соціальной революціи разной окраски.

«Таковы: а) P. S. D. (партія соціалъ-демократическая), руководящая соціальнымъ движеніемъ рабочихъ, б) еврейская организація, такъ называемый «Бундъ», в) P. P. S. (польская соціальная партія), преслѣдующая соціально-политическія стремленія, и г) P. P. P. (польская пролетарская партія). Всѣ эти группы связаны другъ съ другомъ и оказываютъ одна другой посильную поддержку, преслѣдуя родственныя стремленія. Недовольство существующимъ строемъ явилось благодарною почвою, которая питаетъ и развиваетъ терроризмъ, проникнутый анти-русскимъ и анти-имперіалистическимъ воззрѣніями.

«Стройная организація, желѣзная дисциплина и образцовая солидарность отличаютъ всѣ соціалистическія группы, какъ носящія международный характеръ (P. S. D. и Бундъ), такъ и ограничивающіяся только польскою пропагандою (P. P. S. и P. P. P.). Настоящіе заправилы обѣихъ категорій движенія укрываются въ покойной безопасности за границею — польскіе «гранды» въ Краковѣ и Лембергѣ, руководители P. S. D. въ Берлинѣ и Парижѣ, главы Бунда въ Парижѣ. Каждая изъ группъ имѣетъ, кромѣ того, и въ Польшѣ по исполнительному комитету, распоряженія и приказы котораго членами соотвѣтственной партіи выполняются безпрекословно, съ слѣпымъ послушаніемъ.

«На ряду съ общностью цѣли борьбы каждая изъ четырехъ соціалистическихъ партій преслѣдуетъ естественно и свою особую програму, а въ соотвѣтствіи съ нею и степень радикально-террористическихъ стремленій принимаетъ болѣе или менѣе сильные оттѣнки.

«Въ частности Р. Р. S. конечною отдаленною цѣлью ставитъ полное отторженіе края отъ Россіи на республиканско-соціалистической основѣ; пока же пропаганда сосредоточивается на достиженіи автономіи, учрежденіи самостоятельнаго польскаго сейма и введеніи польскаго языка въ обиходъ школы и всѣхъ офиціальныхъ сношеній.

«Партія Р. Р. Р. въ основѣ руководствуется такою же національною программою, но дѣйствуетъ несравненно болѣе радикальными мѣрами, проводя ихъ съ помощью анархическихъ пріемовъ.

«Р. S. D.—порожденіе международной рабочей партіи, и, принявъ обще-извѣстную соціалъ-демократическую программу, чуждается всякихъ польскихъ поползновеній, но зато сильно проникается революціонно-террористическимъ духомъ.

«Равнымъ образомъ и выросшій на международной почвѣ «бундъ» ставитъ высшимъ своимъ заданіемъ уравненіе евреевъ въ политическихъ и соціальныхъ правахъ и, какъ къ наиболѣе подходящему для этого средству, прибѣгаетъ къ разжиганію демагогическихъ страстей.

Помимо этихъ четырехъ соціалистическихъ группъ, русскому правительству приходится еще считаться съ могущественною великопольскою національно-демократическою партіею (Р. Р. N.), а она совершенно открыто выставляетъ своимъ лозунгомъ отторженіе отъ Россіи при помощи автономіи и возстановленіе независимости Великой Польши.

«Для развитія всѣхъ этихъ антирусскихъ и противоправительственныхъ теченій война на Дальнемъ Востокѣ, конечно, пришлась какъ нельзя болѣе кстати; всякая новая неудача и бѣдствіе, постигавшія Россію, использовались мѣстными и зарубежными руководителями смутъ неиуспѣшнѣйшимъ образомъ. При такихъ условіяхъ нисколько не удивительно, что въ настоящую пору (лѣтомъ 1905 г.) въ Польшѣ, какъ и на другихъ окраинахъ, наблюдается полнѣйшій анархизмъ рабочей массы, задурманиваемой революціонными прокламаціями и подзуживаемой опаснѣйшими происками; на каждомъ шагу сказывается поощреніе ея къ всевозможнымъ насиліямъ и злодѣяніямъ, какъ никогда и нигдѣ еще не наблюдалось».

Для подавленія революціонной анархіи Полли не усматриваетъ другого выхода, какъ обращеніе къ тѣмъ же рѣшительнымъ пріемамъ, какими была въ 1871 г. подавлена парижская коммуна.

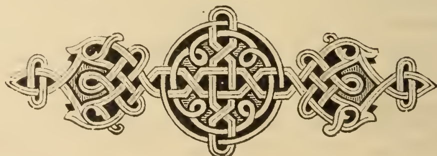
Манифестомъ 17 октября и избирательными законами 11 декабря 1905 г. правительство весьма широко удовлетворило требованіямъ конституціонныхъ вольностей.

«То, что еще сохранилось отъ народныхъ богатствъ Россіи послѣ неимовѣрныхъ напряженій и затратъ на продолжительную кровопролитную войну, однако же, подвергается разграбленію и уничтоженію въ какомъ-то дикомъ ослѣпленіи и ожесточеніи. Еще какое нибудь полугодіе тому назадъ апостолы революціи, конечно, подверглись бы самой безпощадной расправѣ, если бы тогда же агитаціи былъ положенъ предѣлъ дарованіемъ народу умѣренныхъ вольностей. Теперь же съ разительною поспѣшностью возвѣщаются и близятся къ претворенію въ дѣйствительность широкое избирательное право и свобода личности, слова и вѣрованій—словомъ, западно-европейскія конституціонныя преобразованія во всей полнотѣ, но какого же результата этимъ достигло правительство? Смуты, убійства, грабежи, уличные безпорядки, броженіе въ войскахъ, глумленіе надъ правительствомъ, забастовки, почти полное прекращеніе торговли и промышленности, паденіе государственной ренты и анархія, разливающаяся отъ низа до общественныхъ верховъ.

«Проявленная правительствомъ нерѣшительность по отношенію къ возникшей смутѣ безгранично усилила смѣлость революціонеровъ и позволила пожару разлиться чуть ли не по всей странѣ.

«Очевидно, противъ посягательства на убійства и грабежи, метанія бомбъ и прочихъ злодѣяній, учиняемыхъ подъ предлогомъ «освободительнаго движенія», самозащита государственности находитъ полное себѣ оправданіе; всѣмъ извѣстные факты давнымъ давно доказали, что успѣшность борьбы съ анархіею возможна лишь при примѣненіи драконовскихъ мѣропріятій, такъ какъ насилія ничѣмъ другимъ не обуздываются, какъ насильственными же мѣропріятіями, а какой же внимательный наблюдатель не видитъ, что господа революціонеры, среди которыхъ евреи чуть ли не преобладаютъ, насильственно нарушаютъ кровные интересы не только правительства, но и всего благомыслящаго общества и трудящейся массы».

В. И. фонъ-Штейнъ.

ТРЕТІЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ ГУБ. Г. ВЛАДИМИРѢ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ученыхъ архивныхъ комиссій, этихъ провинціальныхъ историко-археологическихъ обществъ, за послѣднее десятилѣтіе настолько расширилась и въ отношеніи все продолжающаго возрастать числа самихъ комиссій (нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ возникла новая, счетомъ 27-ая, Ставропольская архивная комиссія), и въ смыслѣ развитія ихъ задачъ, что она, можно сказать, уже вышла изъ предѣловъ извѣстности только въ небольшомъ кругу спеціалистовъ и становится все болѣе и болѣе доступной и интересной для такъ называемаго большого общества. Однимъ изъ могучихъ въ этомъ отношеніи средствъ надо признать устройство архивными комиссіями областныхъ историко-археологическихъ съѣздовъ. Первый такой съѣздъ былъ устроенъ въ Ярославлѣ въ 1901 г.; второй черезъ два года въ Твери и наконецъ третій съ 20 іюня сего года во Владимирѣ губернскомъ.

Въ свое время немало писалось и говорилось о томъ интересѣ и вниманіи, которые возбудили среди ученыхъ и общества первые археологическіе съѣзды—Ярославскій и Тверской; а изданные ими обширные «Труды» надолго послужатъ достойными памятниками ихъ плодотворной работы.

Если въ устройствѣ вышеозначенныхъ съѣздовъ и было участіе сосѣднихъ архивныхъ комиссій, то по отношенію къ Вла-

димирскому археологическому съѣзду сказать этого нельзя: онъ подготовленъ и устроенъ исключительно трудами однихъ главнѣйшихъ дѣятелей Владимирской ученой архивной комиссіи, сумѣвшихъ поставить молодую еще Владимирскую комиссію въ рядъ выдающихся мѣстныхъ историко-археологическихъ обществъ. Въ числѣ этихъ дѣятелей нельзя не назвать прежде всего А. В. Селиванова, А. В. Смирнова, Н. Вл. Малицкаго, В. Г. Добронравова, В. Т. Георгіевскаго и др. О широкой и плодотворной дѣятельности членовъ Владимирской комиссіи говоритъ еще и то, что, несмотря на свое шестилѣтнее существованіе, комиссія имѣетъ собственный двухъэтажный домъ, отстроенный къ открытію съѣзда.

Третій областной историко-археологическій съѣздъ въ г. Владимирѣ открылся въ помѣщеніи дворянскаго собранія 20 іюня 1906 г. молебствіемъ, совершеннымъ муромскимъ епископомъ Александромъ. Среди цѣлаго ряда выраженныхъ ему привѣтствій—отъ епископа, вице-губернатора, городского управленія, архивныхъ комиссій, ученыхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ,—особое вниманіе обратила на себя рѣчь предсѣдателя съѣзда, директора императорскаго археологическаго института, Н. В. Покровскаго, который, между прочимъ, началъ такъ: «Вниманіе учредителей областныхъ историко-археологическихъ съѣздовъ остановилось на Владимиро-Суздальской области, и къ ней пріурочены археологическія занятія съѣзда, въ виду ея выдающагося историко-археологическаго значенія и изобилія сохранившихся до насъ разнообразныхъ памятниковъ старины. Извѣстно, что Суздальскій край съ незапамятныхъ временъ заселенъ былъ преимущественно финнами; въ X вѣкѣ, какъ показали археологическія раскопки, господствующее населеніе здѣсь было уже русское. Въ XII вѣкѣ Андрей Боголюбскій перенесъ сюда великокняжескій престолъ, и Владимиръ становится столицею княжества. Это былъ первый шагъ по направленію къ Москвѣ,—шагъ смѣлый, гарантированный преимуществами вновь зарождающагося государственнаго центра... Вмѣстѣ съ великокняжескимъ дворомъ Андрей Боголюбскій сталъ переносить сюда и обычаи Кіева: видимо, онъ подражалъ Кіеву. Подъ вліяніемъ этой мысли онъ заложилъ во Владимирѣ новый городъ-крѣпость, по образцу Ярославова города, съ такими же Золотыми воротами, какъ въ Кіевѣ; перенесъ во Владимиръ кіевскія названія мѣстностей, напримѣръ, Печерный городъ, Лыбедь, Иринины ворота и проч. Онъ же сооружалъ здѣсь и первые христіанскіе храмы. Отселѣ начинается исторія христіанскаго искусства Владимиро-Суздальской области. Періодъ процвѣтанія этого искусства былъ непродолжителенъ, онъ оканчивается съ перенесеніемъ столицы въ Москву (1325 г.); тѣмъ не менѣе памятниковъ искусства отъ этой непродолжительной эпохи сохранилось до насъ очень много: сюда относятся памятники архитектуры, живописи, металлическаго производства и даже эмали»...

Указавъ затѣмъ на то, что эти памятники давно уже обратили на себя вниманіе изслѣдователей и ученыхъ, создавшихъ цѣлую литературу, ораторъ справедливо замѣчаетъ, что, хотя «на первомъ всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ (1869 г.) и былъ широко поставленъ вопросъ о характерѣ и генезисѣ Владимиро-Суздальской архитектуры», тѣмъ не менѣе «ученая дѣятельность этого рода несомнѣнно обновилась съ учрежденіемъ во Владимирѣ въ 1899 г. ученой архивной комиссіи», которой, однако, въ этомъ направленіи предстоитъ еще немало работы.

Древнѣйшая послѣ Кіева великокняжеская столица, уступившая мѣсто Москвѣ и затѣмъ Петербургу, г. Владимиръ въ настоящее время принадлежитъ къ числу заурядныхъ губернскихъ городовъ. Расположенный на высокомъ берегу узкой и мелководной рѣки Клязьмы, вдали отъ фабрикъ и заводовъ, съ 26—27-ью-тысячнымъ населеніемъ, онъ въ торгово-промышленномъ отношеніи считается захудалымъ городомъ и былъ бы еще бѣднѣе, если бы не былъ административнымъ центромъ въ губерніи. Но обиліе памятниковъ старины какъ въ немъ, такъ и въ прилегающихъ къ нему уѣздныхъ городахъ: Суздалѣ, Муромѣ, Юрьевѣ Польскомъ, Переяславлѣ Залѣсскомъ и другихъ, дѣлаютъ г. Владимиръ и всю его область богатымъ историческимъ центромъ, приковывающимъ къ себѣ вниманіе всѣхъ истинныхъ любителей и цѣнителей памятниковъ древности.

Самыми крупными такого рода памятниками въ г. Владимирѣ являются его соборы: Успенскій и Дмитріевскій. По поводу перваго изъ нихъ авторъ книги: «Городъ Владимиръ на Клязьмѣ и его достопримѣчательности», В. Т. Георгіевскій, говоритъ: «Немного на Руси такихъ храмовъ, которые были бы такъ богаты святынею, древностями и славными историческими воспоминаніями, какъ Владимирскій Успенскій соборъ, построенный въ центрѣ кремля св. благовѣрнымъ великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. Болѣе семи вѣковъ пронеслось надъ нимъ, и въ бурномъ теченіи ихъ соборный храмъ Успенія пережилъ, вмѣстѣ съ древлестольнымъ Владимиромъ, и блестящую славу главнаго святилища великокняжеской столицы и цѣлый рядъ ужаснѣйшихъ бѣдствій... Обозрѣвая лѣтописныя сказанія о началѣ соборнаго храма Успенія, мы встрѣчаемъ у всѣхъ лѣтописцевъ единодушное восторженное удивленіе предъ величіемъ, красотою и богатствомъ этого дѣтища «христолюбиваго князя Андрея», создавшаго такой храмъ, «яковаго не бысть на Руси и никогда же не будетъ» [1]). Но дра-

---

[1]) Подробная «Исторія каѳедральнаго Успенскаго собора въ губ. г. Владимирѣ» составлена прот. А. Виноградовымъ (Владимиръ, 1905 г., 3 изданіе). См. также «Древнія гробницы во Владимирскомъ каѳедральномъ Успенскомъ соборѣ и Успенскомъ княжномъ монастырѣ»—архимандрита Порфирія (Владимиръ, 1903 г., 2 изданіе).

гоцѣннѣе всѣхъ украшеній и сокровищъ храма была поставленная въ немъ чудотворная икона Богоматери, писанная по преданію евангелистомъ Лукою и принесенная Андреемъ Боголюбскимъ изъ Вышгорода. Въ 1395 г. эта святыня была перевезена въ Московскій Успенскій соборъ, а ея мѣсто во Владимирскомъ заняла копія, писанная московскимъ митрополитомъ Петромъ.

Какъ историческій памятникъ, Владимирскій Успенскій соборъ имѣетъ такое же значеніе для русскаго человѣка, какъ св. Софія Кіевская и Новгородская, какъ непосредственный преемникъ славы его—соборный храмъ Успенія въ Москвѣ. Какъ усыпальница цѣлыхъ поколѣній князей, княгинь и святителей земли Русской, онъ предваряетъ славою своею Архангельскій соборъ въ Москвѣ и Петропавловскій въ Петербургѣ; наконецъ, какъ рѣдкій памятникъ древнерусскаго зодчества и древней настѣнной живописи, онъ—замѣчательное явленіе. «Не напрасно,—читаемъ въ книгѣ В. Т. Георгіевскаго, — вызывалъ Боголюбскій лучшихъ мастеровъ изъ всѣхъ земель для построенія храма! При взглядѣ на это величественное зданіе, освобожденное въ настоящее время отъ всѣхъ искажавшихъ его ранѣе пристроекъ, всякаго невольно поражаетъ стройность и соразмѣрность всѣхъ его частей, красота арокъ, перекинутыхъ по 18 столбамъ его, поддерживающихъ хоры, своды и купола,—изящество главъ его и крѣпость стѣнъ... Не напрасно въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ онъ былъ идеальнымъ образцомъ для многихъ древнерусскихъ храмовъ; въ Юрьевѣ, Ростовѣ, Звенигородѣ и другихъ мѣстахъ по лицу земли Русской были выстроены храмы по образцу собора Успенскаго. Когда великій князь Іоаннъ Васильевичъ III, утверждая единодержавіе въ Москвѣ, пожелалъ устроить въ ней соборный храмъ, то не нашелъ лучшаго образца, какъ во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ. Его мастера пріѣзжали во Владимиръ и сняли точную мѣру его; затѣмъ знаменитый зодчій Аристотель Фіоравенти, строившій храмъ Успенія въ Москвѣ, нарочито пріѣзжалъ во Владимиръ для обозрѣнія собора и былъ пораженъ красотою его архитектуры».

Его фрески XII в., обновленныя въ XV в. искусной кистью знаменитаго Андрея Рублева, «по полнотѣ иконографическихъ сюжетовъ и по художественности исполненія не имѣютъ себѣ равныхъ среди памятниковъ древнерусскаго искусства и иконографіи, сохранившихся до сего времени, за исключеніемъ развѣ кіево-софійскихъ мозаикъ и фресокъ Спасъ-Нередицкой близъ Новгорода церкви». Въ особенности замѣчательны фрески, изображающія второе пришествіе Христа и страшный судъ, сохранившіяся во всей своей первобытной полнотѣ... Здѣсь не лишне замѣтить, что такого рода художественныя сокровища долгое время были скрыты подъ толстыми слоями штукатурки и масляной краски, и увидали свѣтъ только въ 1882—1884 г. г., благодаря просвѣ-

щенной дѣятельности бывшаго архіепископа владимирскаго Ѳеогноста.

Начавъ рѣчь объ Успенскомъ соборѣ, нельзя, конечно, не упомянуть о томъ, что въ немъ покоятся мощи: 1) св. благовѣрнаго великаго князя Георгія Всеволодовича, убитаго татарами въ сраженіи на р. Сити въ 1237 г. (съ 1645 г.); 2) Андрея Боголюбскаго (съ 1702 г.) и 3) сына его, князя Глѣба Андреевича (съ 1702 г.); что въ числѣ древнѣйшихъ его иконъ обращаютъ на себя вниманіе: 1) икона Владимирской Божіей Матери, писанная св. митрополитомъ Петромъ; 2) икона Божіей Матери, такъ называемая Максимовская, написанная вслѣдствіе видѣнія, бывшаго митрополиту Максиму въ 1299 г.; 3) икона Знаменія Пресвятой Богородицы, написанная въ 1640 г.; 4) икона великаго князя Георгія; 5) икона Спасителя, въ золотой ризѣ, высокой греческой живописи, и другія, и что на ряду съ древними церковными предметами сохранились въ немъ и замѣчательныя рукописи: Минея XVI в., синодикъ, переписанный со стараго въ 1651 г., «Лѣтописецъ о покореніи Казанскаго царства и о другихъ событіяхъ», рукопись, написанная въ 1695 г., съ расписными заглавными листами, и заключающая въ себѣ службу благовѣрному великому князю Георгію, владимирскому чудотворцу, и повѣсть объ убіеніи великаго князя Георгія и другія.

Второй вышеназванный нами Дмитріевскій соборъ рѣзко выдѣляется своимъ наружнымъ видомъ среди окружающихъ его зданій и храмовъ и представляетъ собою рѣдкій памятникъ церковнаго зодчества XII в. Построенный въ 1193—1197 г. г. великимъ княземъ Всеволодомъ III на великокняжескомъ дворѣ, много разъ подвергавшійся разграбленіямъ и разореніямъ со стороны татаръ, литовцевъ и поляковъ, онъ, однако, сохранилъ свои древнія стѣны со всѣми наружными украшеніями. Правда, въ царствованіе Іоанна Грознаго IV къ нему пристроили придѣлы съ южной и сѣверной стороны, и притворъ и двѣ небольшія колокольни съ западной, которыя закрывали собою многія изъ древнѣйшихъ украшеній, но императоръ Николай Павловичъ, посѣтившій Владимиръ въ 1834 г., приказалъ уничтожить эти пристройки и возобновить соборъ въ его первоначальномъ видѣ, что̀ и было исполнено къ 1847 г.

Дмитріевскій соборъ, сложенный изъ бѣлаго известковаго камня, вывезеннаго изъ Волжской Болгаріи, имѣетъ видъ правильнаго четыреугольника, продолговатыя стороны котораго обращены къ сѣверу и къ югу. «Восточная алтарная сторона выступаетъ тремя полукружьями, изъ которыхъ среднее больше другихъ. Западная, сѣверная и южная стѣны раздѣляются каждая на части тонкими колоннами... По рединѣ стѣнъ, кругомъ всего собора, идетъ роскошный узорчатый поясъ. Своды, опираясь на четырехъ

внутреннихъ столбахъ, поддерживаютъ высокій куполъ, увѣнчанный шлемообразною главою съ мѣднымъ рѣзнымъ четырехконечнымъ крестомъ» [1]).

Главное отличіе этого собора отъ подобныхъ ему древнерусскихъ кіевскихъ храмовъ составляютъ наружныя украшенія, которыми испещрено почти все зданіе. Эти барельефы не имѣютъ ничего себѣ подобнаго въ произведеніяхъ византійскаго искусства, украшавшихъ собою византійскіе храмы, и свидѣтельствуютъ о томъ, что въ постройкѣ собора участвовали западные зодчіе, и именно романскіе. Благодаря ихъ склонности къ барельефнымъ украшеніямъ, послѣднія получили широкое примѣненіе и въ Дмитіевскомъ соборѣ. «Всѣ стѣны на наружныхъ впадинахъ между колонками, начиная отъ пояса до кровли, и самый куполъ были испещрены этими украшеніями, состоящими изъ рельефно высѣченныхъ на камняхъ фигуръ святыхъ, различныхъ травъ, птицъ и животныхъ, почти исключительно фантастическихъ» [2]). Главная и центральная фигура среди этихъ украшеній представляетъ неизвѣстнаго святого, сидящаго на богато убранномъ престолѣ съ короной на головѣ и сіяніемъ вокругъ нея. По мнѣнію однихъ, это—Господь Вседержитель, а по мнѣнію другихъ—царь и пророкъ Давидъ...

Во время реставраціи храма была открыта и часть древнихъ фресокъ, сохранившаяся подъ штукатуркою, на парусахъ сводовъ и подъ хорами у западной стороны. Фрески эти составляютъ часть одной картины страшнаго суда, который издавна былъ излюбленнымъ сюжетомъ для церковной стѣнописи. Изъ древнихъ иконъ въ соборѣ замѣчательна икона св. великомученика Димитрія Солунскаго, по всей вѣроятности, копія съ иконы, писанной при Всеволодѣ III. Внутри собора около одной изъ стѣнъ его обращаетъ на себя вниманіе памятникъ изъ бѣлаго каррарскаго мрамора надъ могилой графа Романа Иларіоновича Воронцова, перваго намѣстника владимирскаго, умершаго въ 1783 г.

Послѣ Успенскаго и Дмитріевскаго соборовъ, какъ главнѣйшихъ «достопримѣчательностей» г. Владимира, слѣдуетъ указать еще на Рождественскій монастырь (нынѣ архіерейскій домъ), которому при самомъ его основаніи великій князь Всеволодъ III Юрьевичъ указалъ быть «старѣйшимъ изъ монастырей великой Руси», и который «писался первымъ до 1561 г.», когда это первенство перешло къ Троице-Сергіевой лаврѣ. Древнѣйшая его церковь во имя Рождества Богородицы была построена въ 1191 г. и оставалась въ своемъ первоначальномъ видѣ до конца XV вѣка. Послѣдовавшіе

---

[1]) Стр. 94 цитированнаго уже сочиненія В. Т. Георгіевскаго: «Губернскій городъ Владимиръ и его достопримѣчательности» (Владиміръ, 1896).

[2]) Ib., стр. 95.

затѣмъ пожары и всевозможныя пристройки значительно измѣнили и испортили его, и только въ 1858 г., благодаря знатокамъ древне-русскаго зодчества, первоначальный видъ церкви былъ возстановленъ. 23 ноября 1263 г. здѣсь былъ погребенъ великій князь Александръ Невскій, во имя котораго существовала здѣсь и небольшая церковь «на святыхъ вратахъ». Въ 1723 г., по повелѣнію императора Петра I, почивавшія въ ней мощи св. Александра Невскаго были перенесены въ Александро-Невскую лавру въ С.-Петербургѣ.

Подъ одной изъ церквей этого монастыря (нынѣ архіерейскаго дома) помѣщается открытое въ 1886 г. при Александро-Невскомъ братствѣ церковно-историческое древлехранилище, весьма богатое по собранію рукописей и древнихъ старопечатныхъ книгъ, а также и предметовъ церковной утвари. Изъ числа рукописныхъ сборниковъ единственный Требникъ XVI в., списанный съ рукописи 1426 г., послужилъ даже предметомъ особаго доклада проф. А. Дмитріевскаго на засѣданіи съѣзда 24 іюня, какъ имѣющій по находящимся въ немъ «чинамъ», практиковавшимся въ великой Константинопольской церкви и неизвѣстнымъ до сихъ поръ въ наукѣ, высокій научный интересъ[1]).

Нѣсколькими годами позже былъ основанъ во Владимирѣ другой замѣчательный и богатый древностями монастырь, называемый «Княгининъ Успенскій женскій монастырь», состоящій съ 1900 г. въ первомъ классѣ. Основательница его—супруга великаго князя Всеволода III княгиня Марія Шварновна, отличавшаяся необыкновенной добротой и благочестіемъ. Древнѣйшая церковь монастыря—Успенская, сохраняется и понынѣ почти въ своемъ первоначальномъ видѣ, за исключеніемъ крыши и главъ, передѣланныхъ еще въ XVII вѣкѣ; кромѣ того, она единственная въ Суздальской области отъ XII—XIII вѣковъ—кирпичная. Въ 1230 г. въ нее были перенесены мощи св. Авраамія, замученнаго въ Великихъ Булгарахъ (или Болгарахъ), и покоятся съ 1804 г. въ особой серебряной ракѣ съ балдахиномъ, отличной рѣзной работы, вызолоченнымъ червоннымъ золотомъ.

Въ началѣ XVII вѣка въ монастырѣ жили несчастныя инокини изъ царскаго рода—Прасковья Михайловна Сомовыхъ, вторая супруга царевича Іоанна, сына Грознаго, и царевна Ксенія, дочь Бориса Годунова [2]).

---

[1]] Краткое описаніе древлехранилища напечатано В. Т. Георгіевскимъ въ 1895 г.; кромѣ того, отдѣльно было издано къ настоящему съѣзду составленное С. Недешевымъ «Краткое описаніе рукописей церковно-историческаго древлехранилища при братствѣ св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго», вып. I, Владимиръ, 1906 г.

[2]) О Княгининомъ монастырѣ см. «Историческое описаніе первокласснаго Княгинина Успенскаго женскаго монастыря въ губ. г. Владимирѣ» (М., 1900) и «Древнія гробницы во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ и Успенскомъ Княгининомъ дѣвическомъ монастырѣ и погребенные въ нихъ князья, княгини и святители», соч. архим. Порфирія (Владимиръ, 1903 г., изданіе 2-е).

Отъ того же XII вѣка во Владимирѣ имѣются двѣ приходскихъ церкви: Спасопреображенская и Георгіевская, долгое время бывшія монастырями и, къ сожалѣнію, очень мало сохранившія предметовъ отдаленной древности.

Какъ соборы: Успенскій и Дмитріевскій, такъ и монастыри: Рождественскій и Княгининъ, были предметомъ особаго обозрѣнія и изученія со стороны членовъ владимирскаго историко-археологическаго съѣзда, главнымъ руководителемъ которыхъ былъ извѣстный нашъ знатокъ церковныхъ древностей, Н. В. Покровскій, съ достаточною ясностью выяснившій происхожденіе стѣнописей того и другого собора.

Цѣлый день затѣмъ былъ посвященъ и ознакомленію членовъ съѣзда съ суздальскими соборами и монастырями, подъ руководствомъ В. Т. Георгіевскаго, затѣмъ Н. В. Покровскаго, архимандрита Исидора и проф. И. А. Шляпкина.

Изъ достопримѣчательностей Суздаля нельзя не указать, прежде всего, на соборъ во имя Рождества Богородицы, который считается выдающимся въ архитектурномъ отношеніи съ примѣтами древне-суздальской архитектуры (звѣриная обронная орнаментика на стѣнахъ). Въ немъ самымъ замѣчательнымъ памятникомъ древнерусскаго искусства признаются двое колоссальныхъ двустворчатыхъ дверей (западныя и полуденныя), на которыхъ имѣется 28 пластинокъ, украшенныхъ живописными сценами. Обращаютъ также вниманіе: деревянный крестъ, на которомъ вырѣзаны праздники Господніе и Богородичные; икона Спаса Нерукотвореннаго, вывезенная святителемъ Ѳеодоромъ изъ Греціи въ 990 г.; икона Богородицы Одигитріи 1382 г. и др. Затѣмъ богатъ разнаго рода церковными предметами (но преимущественно иконами царскихъ иконописцевъ, съ Симономъ Ушаковымъ во главѣ) и историческими гробницами Покровскій женскій монастырь, извѣстный болѣе, какъ мѣсто ссылки для княгинь и царицъ, съ постриженіемъ ихъ въ иночество. Такъ, въ 1526 г. здѣсь была водворена невольная постриженица, безплодная супруга великаго князя Василія Ивановича, Соломонія, съ иноческимъ именемъ Софіи, прожившая въ монастырѣ 16 лѣтъ († 1542 г.); здѣсь же была заключена Іоанномъ Грознымъ въ 1576 г. четвертая его супруга Анна Колтовская; сюда были сосланы въ XVIII вѣкѣ и Марія Петровна, молодая супруга царя Василія Ивановича Шуйскаго, послѣ его сверженія съ престола въ 1610 г., и царица Евдокія Ѳеодоровна (Лопухина), супруга Петра Великаго, постриженная подъ именемъ Елены.

Близъ усыпальницы князей Пожарскихъ съ казематами недавно упраздненной монастырской тюрьмы—Спасо-Евѳиміева мужского монастыря, находится и древнѣйшій суздальскій монастырь Ризположенскій, бывшій мѣстомъ иноческихъ подвиговъ преподобной Евфросиніи, дочери князя Михаила Черниговскаго, замученнаго въ

ордѣ. Храмы его—Ризположенскій и Троицкій (XVI—XVII вѣковъ), колокольня, башня и святыя ворота (XVII вѣка), украшенныя разноцвѣтными изразцами, представляютъ немало особенностей, важныхъ для археолога, занимающагося изученіемъ древнерусской архитектуры. Нѣкоторые же предметы церковной утвари, шитыя пелены, иконы и въ особенности рукописное житіе преподобной Евфросиніи, украшенное мастерскими миніатюрами, въ спискахъ XVII и XVIII вѣковъ, являются цѣннѣйшими памятниками древнерусскаго искусства. Входныя ворота монастыря уже обратили вниманіе академика В. В. Суслова и описаны имъ въ его академическомъ изданіи: «Памятники древне-русскаго зодчества» [1]).

Помимо указанныхъ владимиро-суздальскихъ достопримѣчательностей, спеціально для членовъ съѣзда была устроена Владимирской архивной комиссіей особая археологическая выставка. Въ ней, кромѣ комиссіи, приняли участіе своими древними рѣдкостями — древлехранилище при Александровскомъ братствѣ, Владимирскій Успенскій соборъ (ризница), музей Рязанской архивной комиссіи, нѣкоторые частные владѣльцы старинныхъ коллекцій, какъ, напримѣръ, Д. Г. Бурылинъ изъ г. Иваново-Вознесенска, Е. И. Голышева изъ Голышевки (близъ слободы Мстеры), гг. Цѣпковы изъ Мстеры, А. В. Селивановъ изъ Владимира и др. Наиболѣе богаты отдѣлы: церковныхъ древностей, гдѣ много древнихъ иконъ, доставленныхъ мстерскими иконописцами-старинщиками, коллекція крестовъ, деревянныхъ брачныхъ вѣнцовъ, царскихъ вратъ и т. п. Но во главѣ всѣхъ этихъ предметовъ стоитъ золотой наплечникъ великокняжескаго кафтана, украшенный лиможскою эмалью XII—XIII вѣка, и затѣмъ отдѣлъ бытовыхъ памятниковъ (здѣсь, между прочимъ, довольно значительная коллекція русскаго фарфора и фаянса А. В. Селиванова).

Послѣ этого краткаго обозрѣнія наиболѣе выдающихся древностей Владимиро-Суздальской области, послужившихъ предметомъ изученія какъ для членовъ Владимирской архивной комиссіи, такъ и для членовъ настоящаго историко-археологическаго съѣзда, мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію самыхъ рефератовъ, числомъ около 30, читанныхъ на засѣданіяхъ съѣзда, по необходимости останавливая вниманіе только на болѣе крупныхъ изъ нихъ.

Сообразно программѣ занятій съѣзда работы членовъ его касались: 1) первобытныхъ древностей; 2) областной исторіи: древностей историческихъ (письменныхъ) и географическихъ; 3) па-

---

[1]) См. «В. Георгіевскій. Суздальскій Ризположенскій женскій монастырь. Историко-археологическое описаніе» (Владимиръ, 1900 г.). Въ приложеніяхъ къ нему описано много памятниковъ древне-русскаго искусства, появляющихся впервые въ печати, и помѣщенъ рядъ архивныхъ документовъ, вмѣстѣ съ «житіемъ» преподобной Евфросиніи, по списку XVII вѣка.

мятниковъ (вещественныхъ) церковной и гражданской старины (памятниковъ церковнаго и гражданскаго зодчества, памятниковъ быта и иконописи); 4) живой старины; 5) архивовѣдѣнія и 6) архивныхъ комиссій.

По первому отдѣлу наиболѣе цѣннымъ былъ докладъ А. В. Селиванова: «О древнѣйшемъ населеніи Пріокскаго района, предшествовавшемъ славянской колонизаціи». Основныя его положенія слѣдующія: «древняя культура Пріокскаго района, къ которому относятся, съ одной стороны, какъ пріокскіе могильники Борковскаго типа, такъ, съ другой, городища Дьякова типа, — является древнѣйшей изъ культуръ желѣзнаго вѣка, начало котораго можно отнести къ IV—V ст., а болѣе поздній періодъ къ VIII вѣку. Господствующій характеръ погребеній этой культуры—обыкновенныя погребенія не въ курганахъ, какъ у славянъ, а въ могильникахъ, на смѣну которымъ во вторую эпоху появляются смѣшанныя: трупосожженіе и сидячія. Пріокскую культуру можно считать посредствующей между каменнымъ вѣкомъ и позднѣйшей бронзовой культурой X—XII в.». По вопросу же о племени, къ которому относится древнее населеніе Пріокской области, референтъ, согласно другому изслѣдователю этого края, весьма небезызвѣстному археологу Черепнину, недавно скончавшемуся, склоненъ признать его за мерянское.

Затѣмъ прочитаны были два сообщенія о древностяхъ нынѣшней Тверской губерніи: П. Ѳ. Симсономъ — «Стоянка каменнаго вѣка подъ г. Зубцовомъ Тверской губерніи», и И. А. Ивановымъ — «О раскопкахъ В. Н. Мальковскаго кургановъ въ с. Рыбинскомъ Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи».

Къ сожалѣнію, спеціальнаго доклада о раскопкахъ во владимирскихъ курганахъ, порученныхъ Н. Г. Макаренко организаціоннымъ комитетомъ настоящаго съѣзда, услышать не удалось, такъ какъ «нѣкоторыя вещи, найденныя при раскопкахъ, до сихъ поръ еще не возвращены изъ императорской археологической комиссіи». Равно не состоялся и докладъ Ю. Г. Гендуне: «О раскопкахъ въ Покровскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи»; но весьма важнымъ пособіемъ для ознакомленія съ владимирскими курганами можетъ послужить обширная статья А. А. Спицына, напечатанная въ пятнадцатомъ выпускѣ «Извѣстій императорской археологической комиссіи», появившемся въ свѣтъ незадолго до съѣзда. Въ статьѣ этой, носящей названіе «Владимирскіе курганы», авторъ даетъ критическій разборъ раскопокъ гр. А. С. Уварова и П. С. Савельева въ 1851—1854 г.г., а также и другихъ лицъ до позднѣйшаго времени, сообщаетъ систематизацію кургановъ и находимыхъ въ нихъ вещей и въ заключеніе останавливается на вопросѣ: «Кому принадлежатъ владимирскіе курганы», рѣшая его въ пользу кривичскаго племени, вопреки раздѣляемому до сихъ поръ почти всѣми археологами мнѣнію графа А. С. Уварова, сторонника мерянъ. Въ виду

такого крупнаго разнорѣчія нельзя, конечно, вмѣстѣ съ авторомъ вышеприведенной статьи не пожелать, чтобы владимирскіе курганы подверглись новымъ и болѣе точнымъ раскопкамъ, и чтобы на ряду съ ними были изслѣдованы почти нетронутые еще могильники и городища.

По отдѣлу «областной исторіи» первыми были заслушаны доклады Н. И. Троицкаго и Н. П. Травчетова. Н. И. Троицкій въ своемъ докладѣ — «Изъ исторіи славянской колонизаціи средняго Поволжья» — старался доказать, что «начавшаяся въ концѣ XVI столѣтія колонизація средняго Поволжья, какъ явленіе, параллельное съ колонизаціей верхняго Дона и его притоковъ, объясняется занятіемъ Казани, уничтоженіемъ враждебныхъ дѣйствій Крымскихъ татаръ, укрѣпленіемъ и обороной окраинъ Московскаго государства боярами и особенно княземъ Воротынскимъ въ его вотчинахъ и ихъ окрестностяхъ». Второй референтъ, задавшійся вопросомъ: «Кого изъ муромскихъ князей слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ св. благовѣрнаго князя Петра, въ иночествѣ Давида, муромскаго чудотворца», и рѣшившій въ пользу Давида Юрьевича, умершаго въ 1228 г., по нашему мнѣнію, болѣе правъ, нежели г. Квашнинъ-Самаринъ, который на второмъ областномъ историко-археологическомъ съѣздѣ въ г. Твери сдѣлалъ попытку связать его съ именемъ князя Петра, жившаго въ началѣ XIV вѣка.

Затѣмъ Г. А. Ряжскій, на основаніи дѣла 1722 г., извлеченнаго имъ изъ архива Суздальской духовной консисторіи, «о мощахъ благовѣрнаго князя Ѳеодора Стародубскаго», котораго почитать за святого строго воспретила Суздальская консисторія, доказалъ, что «князь Ѳеодоръ Ивановичъ (Никон. лѣт.) или Михайловичъ (по родосл. кн.) Стародубскій, по прозванію «благовѣрный»,—лицо историческое, дѣйствительно убитъ въ ордѣ Узбекомъ въ 1330 г. и по всѣмъ даннымъ погребенъ въ с. Алексинѣ, которое было его вотчиной», и что въ настоящемъ случаѣ народное преданіе, отвергнутое церковью, историческими данными подтверждается, между тѣмъ какъ обыкновенно бываетъ наоборотъ [1]).

Изъ послѣдующихъ рефератовъ: «О лицевомъ цвѣтникѣ»—Д. И. Скворцова; «Слѣды существованія особой Муромской лѣтописи»—С. Н. Введенскаго, пытавшагося доказать дѣйствительность этого упоминаемаго В. Н. Татищевымъ лѣтописнаго источника; «Откуда

---

[1]) Г. Ряжскому принадлежитъ и другая работа, изданная Владимирской архивной комиссіей къ настоящему съѣзду: «Топографическое описаніе Владимирской губерніи, составленное въ 1784 г.». Но, къ сожалѣнію, это ученое изданіе, «имѣвшее цѣлію воспроизвести одинъ изъ любопытныхъ памятниковъ русской топографіи XVIII вѣка»—«Атласъ Владимирской губерніи», извлеченный г. Ряжскимъ изъ Московскаго Румянцевскаго музея,—не было имъ резюмировано на съѣздѣ.

произошло имя офеней»—того же автора и «Помѣщики Владимирскаго края—князья Пожарскіе»—Л. М. Савелова, напечатавшаго полное родословіе Пожарскихъ въ 4—5 выпускѣ «Лѣтописи занятій историко-родословнаго общества въ Москвѣ» (1906 г.),—наибольшее вниманіе и пренія возбудилъ докладъ проф. М. Н. Бережкова, прочитавшаго «О лѣтописи Владимирской со стороны состава и содержанія». Отправляясь отъ изданной обществомъ любителей древней письменности Радзивиловской или Кенигсбергской лѣтописи (XV вѣка) и отъ изслѣдованія о ней академика А. А. Шахматова, докладчикъ привелъ главные выводы послѣдняго о составѣ владимирскихъ лѣтописей XII—XIII вѣковъ и ихъ содержаніе, отмѣтилъ разнорѣчивыя показанія старыхъ владимирскихъ лѣтописей, а равно и рисунковъ въ Радзивиловской, объ Успенскомъ соборѣ, разнорѣчія въ «Сказаніяхъ о кончинѣ Андрея Боголюбскаго» XIV—XV и XVI—XVII вѣковъ и т. д. Болѣе всего вызвали толковъ рисунки Радзивиловской лѣтописи, которымъ проф. С. Ѳ. Платоновъ не придавалъ никакого значенія, и наоборотъ Н. В. Покровскій и академикъ А. И. Соболевскій видѣли въ ихъ повтореніе старыхъ рисунковъ, дающихъ болѣе или менѣе правильное представленіе объ изображаемыхъ ими предметахъ. Затѣмъ проф. С. Ѳ. Платоновъ, вопреки докладчику, настаивалъ на наличности искаженій и выпусковъ въ Московскомъ сводѣ лѣтописей.

Наиболѣе интересными и цѣнными, какъ и слѣдовало ожидать, были доклады по третьему отдѣлу: «Памятники (вещественные) церковной и гражданской старины. Памятники церковнаго и гражданскаго зодчества. Памятники быта. Иконопись».

На утреннемъ засѣданіи 21 іюня, которое открылъ рѣчью почетный предсѣдатель, извѣстный историкъ Д. И. Иловайскій, пожелавшій, между прочимъ, заняться съѣзду и архивной комиссіи рѣшеніемъ вопросовъ: 1) о выясненіи самаго происхожденія Ростово-Суздальской, Владимирской Руси, т.-е. происхожденія великорусской народности, населяющей этотъ край, и 2) о храмовомъ зодчествѣ Владимиро-Суздальскаго стиля,—А. А. Титовъ прочелъ: объ «иконѣ св. Троицы (Господь въ лонѣ Отчемъ)», извѣстной въ Москвѣ съ XVI вѣка; объ иконѣ Казанской Божіей Матери, находящейся въ Тульскомъ соборѣ, и о портретѣ нѣкоего Тимоѳея Архипыча, который жилъ при дворѣ царицы Прасковьи Ѳеодоровны, пріобрѣлъ извѣстность росписью церкви въ Чудовомъ монастырѣ и затѣмъ роздалъ свои деньги бѣднымъ и сталъ юродствовать.

Вслѣдъ за А. А. Титовымъ академикъ А. И. Соболевскій доложилъ: «Двуперстіе, сугубая аллилуія и хожденіе посолонь съ точки зрѣнія исторической». Въ виду высокаго интереса этого доклада мы позволимъ себѣ привести его здѣсь въ извлеченіи.

«Нѣкоторые вопросы въ области русской церковной археологіи,— началъ академикъ А. И. Соболевскій,—были до сихъ поръ предметомъ только полемическихъ сочиненій православныхъ авторовъ, съ одной стороны, и старообрядцевъ, съ другой. Послѣдній авторъ, объ нихъ писавшій, академикъ Е. Е. Голубинскій, старавшійся быть безпристрастнымъ историкомъ, тѣмъ не менѣе, имѣлъ въ виду полемику и далъ своему труду характерное заглавіе: «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами» (М., 1905 г., 2-е изд.). Понятно, полемическія цѣли мѣшали смотрѣть на данныя научнымъ образомъ даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ выступали ученые. Наше время имѣетъ одну хорошую сторону: мы можемъ оставить въ сторонѣ полемическіе интересы и перенести намѣченные нами вопросы въ область науки»... Вопросы эти приведены въ заголовкѣ реферата и имѣютъ, по словамъ автора, тѣсную связь съ четвертымъ общимъ вопросомъ «объ авторитетѣ грековъ у русскихъ въ дѣлахъ вѣры и обряда».

Выясняя, затѣмъ, отношенія между Русью и Греціей и Константинопольской церковью въ особенности, референтъ утверждаетъ, что Россія, подчиненная въ церковныхъ дѣлахъ Константинополю, до конца XII вѣка всегда строго слѣдовала въ области церковнаго обряда за Константинополемъ. Но со взятіемъ Константинополя латинянами и нашествіемъ на Россію татаръ, прежнія частыя сношенія съ Византіей и Аѳономъ должны были прекратиться и возобновились лишь во второй половинѣ XIV вѣка, чрезъ посредство проживавшихъ тамъ южно-славянскихъ монаховъ; и хотя послѣ 1453 г. сношенія русскихъ съ греками вновь сократились, но «нѣсколько десятковъ лѣтъ общенія оказали значительное вліяніе на русскую литературу, культуру и церковную обрядность».

«Константинополь въ половинѣ XIV вѣка съ императоромъ и дворомъ, съ патріархомъ и высшимъ духовенствомъ сохранялъ еще много изъ того, что было принесено имъ изъ Никеи, послѣ изгнанія латинянъ. Между тѣмъ большинство простого греческаго населенія въ Европѣ держалось прежнихъ обычаевъ, унаслѣдованныхъ отъ старины; стремленія императоровъ и патріарховъ съ ихъ близкими къ уніи съ Римомъ были ему не симпатичны... Южные славяне, жившіе въ Константинополѣ и на Аѳонѣ, мало посвященные во взаимныя отношенія греческаго населенія, слѣдовали, конечно, тому, чего держались греческіе духовные сановники, если они были строго православными, а не тому, что сохранялось греческой народной массой. Отсюда распространеніе особенностей малоазійскихъ церквей въ южно-славянскихъ книгахъ, а за ними и въ богослужебной практикѣ. Русскіе, подобно южнымъ славянамъ и подъ ихъ вліяніемъ, также пошли за греческими духовными сановниками и стали переносить малоазійскую обрядность на русскую церковную почву»... «До XIV вѣка мы не имѣемъ ни въ лѣтопи-

сяхъ, ни вообще въ русской литературѣ никакихъ слѣдовъ спора о пѣніи аллилуйя. Очевидно, въ древней Руси всѣ пѣли аллилуйя одинаково. Только въ XV вѣкѣ возникло разногласіе. Во Псковѣ, гдѣ всѣ привыкли трегубить аллилуйя, появилось двоеніе этой пѣсни, заставившее псковичей около 1469 г. обратиться за разрѣшеніемъ къ митрополиту Фотію»... «Фотій, родомъ грекъ изъ Мореи, въ то время освоившійся вполнѣ уже со старыми московскими обычаями, далъ псковичамъ отвѣтъ въ пользу троенія. Но лѣтъ черезъ 35 послѣ отвѣта Фотія во Псковѣ вновь появилось двоеніе. Его распространялъ монахъ Аѳанасій, нѣкоторое время жившій въ Константинополѣ и на Аѳонѣ и познакомившійся съ практикой главныхъ греческихъ храмовъ. Споры возобновились и окончились во Псковѣ приговоромъ псковичей въ пользу троенія. Но авторитетъ Константинополя и Аѳона былъ такъ силенъ въ Россіи XV вѣка, что и въ Москвѣ и въ Литовской Руси преобладаніе въ концѣ концовъ получило двоеніе»...

«Паисіевскій сборникъ, памятникъ псковскаго письма конца XIV или начала XV вѣка, имѣетъ на своихъ страницахъ отрывокъ съ проклятіемъ тѣмъ, кто не крестится тремя перстами. Неизвѣстный псковичъ, защищавшій въ половинѣ XV вѣка трегубленіе аллилуйя, укоряетъ грековъ за принятіе «печати антихристовой на челѣ и на десницѣ» при крестномъ знаменіи, т.-е. за неправильное перстосложеніе. Очевидно, рядомъ со споромъ объ аллилуйя во Псковѣ велся споръ о перстосложеніи. Е. Е. Голубинскій говоритъ, что Псковъ держался двуперстія, а новшествомъ являлось троеперстіе. Мы думаемъ наоборотъ, считая двуперстіе за обычай греческой малоазійской церкви»...

Что касается послѣдняго вопроса—о торжественномъ хожденіи вокругъ церкви по солнцу или противъ солнца, то объ этомъ заговорили только въ концѣ XV вѣка. «Въ 1478 г., когда митрополитъ Геронтій при освященіи Успенскаго собора совершилъ хожденіе противъ солнца, великій князь (Іоаннъ III) прогнѣвался на него, находя, что хожденіе должно быть по солнцу; но нѣкоторые архимандриты и игумены вступились за митрополита и сослались на аѳонскую практику»...«Повидимому, хожденіе противъ солнца, котораго держался митрополитъ Геронтій, было для Москвы новшествомъ, перешедшимъ изъ Константинополя и Аѳона при большемъ или меньшемъ посредствѣ южныхъ славянъ уже въ XV вѣкѣ, а хожденіе по солнцу, напротивъ, обычаемъ «старшимъ», господствовавшимъ въ Россіи до конца XV вѣка».

Довольно интереснымъ и живымъ, затѣмъ, былъ докладъ В. Т. Георгіевскаго — «Объ иконописи во Владимиро-Суздальскомъ краѣ», сущность котораго сводилась къ слѣдующему: «Изученіе памятниковъ древней иконописи Владимиро-Суздальскаго края еще почти совсѣмъ не начато. Трудность изученія этихъ памятниковъ

обусловливается отсутствіемъ опредѣленнаго метода, каковой наукой еще не выработанъ. Изслѣдователи русскаго иконописанія до сихъ поръ болѣе всего обращали вниманіе на иконографію памятниковъ иконописи, между тѣмъ какъ стиль, техника этихъ памятниковъ затрогивались изслѣдователями мало». Разобравъ недостатки метода изслѣдованія русской иконописи у Ровинскаго, проф. Н. В. Покровскаго и его учениковъ, братьевъ Успенскихъ, выступившихъ въ качествѣ вторнаго эхо своего учителя, на одномъ изъ послѣднихъ археологическихъ съѣздовъ, референтъ далъ рядъ методическихъ указаній, которыми, по его мнѣнію, долженъ руководиться изслѣдователь русскаго иконописанія, при описаніи памятниковъ иконописи. Завязавшійся по поводу этого сообщенія споръ между Н. В. Покровскимъ и докладчикомъ грозилъ затянуться надолго и былъ отложенъ, повидимому, до появленія работы послѣдняго въ печати, съ выходомъ въ свѣтъ «Трудовъ» Владимирскаго съѣзда.

Особое вниманіе и лестные отзывы со стороны спеціалистовъ изъ состава членовъ съѣзда вызвалъ читанный на утреннемъ засѣданіи 24 іюня, въ присутствіи муромскаго епископа Александра, рефератъ проф. Кіевской духовной академіи, А. А. Дмитріевскаго: «Къ исторіи христіанской фресковой живописи XIV—XV вв. по аѳонскимъ (святогорскимъ) памятникамъ». Выходя изъ того положенія, что «изученіе аѳоно-византійскихъ фресокъ, современныхъ фрескамъ владимирскихъ храмовъ—Успенскаго и Дмитріевскаго соборовъ, можетъ имѣть важное значеніе въ дѣлѣ изученія этихъ послѣднихъ, съ одной стороны, и, съ другой, что фрески Святопавловскаго монастыря въ параклисѣ св. Георгія доселѣ никѣмъ изъ нашихъ археологовъ не изучались и совершенно не изданы въ свѣтъ», референтъ познакомилъ какъ съ временемъ происхожденія аѳонскихъ святопавловскихъ фресокъ, такъ и съ ихъ научнымъ значеніемъ въ исторіи христіанской иконографіи вообще и аѳонской иконописи въ частности. Значеніе этихъ фресокъ заключается въ томъ, что, благодаря ихъ изученію и изданію въ свѣтъ по фотографіямъ, сдѣланнымъ Л. Д. Никольскимъ, является нынѣ возможность утверждать съ положительностью, 1) что на Аѳонѣ существовала живопись до XVI в., и типы ея опредѣлялись уже вполнѣ въ XIV—XV в.в., 2) что иконопись аѳонская находится въ прямой генетической зависимости отъ иконописи византійской, 3) что нѣтъ никакихъ основаній считать въ исторіи христіанской иконописи существеннымъ пробѣломъ отсутствіе въ аѳонской иконописи росписей XIV—XV в., лучшимъ и драгоцѣннѣйшимъ образчикомъ коихъ долженъ быть признанъ параклисъ св. Георгія 1423 г. въ Святопавловскомъ Аѳонскомъ монастырѣ, и 4) что эти послѣднія фрески въ сопоставленіи съ фресками того же XV столѣтія владимирскихъ соборовъ отличаются

громадными художественными преимуществами и заставляютъ глубоко скорбѣть о реставраціи и яркой колоритности первыхъ, утратившихъ обаятельную типичную простоту сѣдой старины. Въ заключеніе референтъ описалъ фрески, изображающія Ангела великаго совѣта, «Живоносный источникъ» (Богоматерь съ младенцемъ-Христомъ у персей въ чашѣ), Іоанна Предтечу, апостоловъ Петра и Павла, архидіакона Стефана, Киріака-отшельника, Спасителя на тронѣ и во гробѣ и др., и демонстрировалъ ихъ по фотографіямъ, вывезеннымъ изъ Аѳона.

Изъ числа остальныхъ рефератовъ этого отдѣла: И. А. Тихомирова («О нѣкоторыхъ ярославскихъ гербахъ»), П. Ѳ. Симсона («Затерянное Петровское изданіе притчей Эзоповыхъ съ гравюрами»), Н. Г. Первухина («Символизмъ старой русской иконописи»), І. К. Линдемана («Выводъ символическаго значенія обруча на основаніи поправки одного историческаго мѣста лѣтописи») и др.,—нельзя не остановиться на сообщеніи проф. И. А. Шляпкина: «Замѣтка объ иконографіи Александра Невскаго». Указавъ на то, что представленное имъ изображеніе Александра Невскаго на конѣ отражаетъ народное воззрѣніе на него, какъ на князя-воина, защитника Русской земли, проф. И. А. Шляпкинъ разсказалъ и исторію его канонизаціи. «Въ Новгородской лѣтописи, въ разсказѣ о смерти Александра Невскаго, еще нѣтъ о немъ рѣчи, какъ о святомъ. Въ XV в. во Владимирѣ появляется преданіе о чудѣ, совершенномъ при погребеніи Александра Невскаго. Затѣмъ до XVI столѣтія свѣдѣній о князѣ не имѣется. Въ XVI столѣтіи образъ его начинаетъ особенно блестѣть. Создаются сказанія объ участіи его на Куликовомъ полѣ, о чудѣ въ Рождественскомъ монастырѣ, во время котораго видѣли князя, сидящаго на конѣ. Въ 1547 г. Александръ Невскій причисляется къ лику святыхъ, и появляются иконныя изображенія его, но въ схимѣ. Въ 1724 г. святѣйшій синодъ запретилъ изображеніе Александра Невскаго въ схимѣ и повелѣлъ изображать его въ княжескихъ одѣяніяхъ»...

По отдѣлу «живая старина» имѣли мѣсто два доклада М. Е. Соколова: «Великорусскія весеннія и хороводныя пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи», и В. А. Андроникова: «Страничка изъ исторіи народно-бытовой медицины (лѣчебныя средства, употребляемыя простымъ народомъ въ предѣлахъ Костромской губерніи)».

Изъ области архивовѣдѣнія члены съѣзда были ознакомлены В. Е. Рудаковымъ съ исторіей и содержаніемъ архива департамента герольдіи правительствующаго сената, который, по мнѣнію докладчика, какъ совершенно самостоятельное и особое учре-

жденіе-хранилище и по своему исключительному роду дѣлъ, и по той живой и непрерывной связи дѣлъ прежнихъ лѣтъ съ текущимъ дѣлопроизводствомъ, какой не наблюдается нигдѣ изъ департаментовъ сената,—является общимъ центральнымъ, всероссійскимъ дворянскимъ архивомъ, заключающимъ въ себѣ очень много дѣлъ и документовъ высокаго государственнаго, общественнаго и научнаго значенія и, къ сожалѣнію, весьма нуждающимся въ новомъ помѣщеніи и средствахъ къ его переустройству.

Второй докладчикъ, Л. М. Савеловъ, указавъ на цѣнность «семейныхъ архивовъ», обратился къ съѣзду и представителямъ архивныхъ комиссій съ призывомъ оказать дѣятельную помощь въ спасеніи ихъ въ настоящую смутную и тяжелую годину. По отношенію къ частнымъ дворянскимъ архивамъ постановлено было, между прочимъ, просить предводителей дворянства оказать необходимое содѣйствіе къ ихъ сохраненію, напримѣръ, путемъ передачи въ архивную комиссію.

Наконецъ, въ послѣдней секціи былъ поднятъ вопросъ о реорганизаціи губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Трудно даже себѣ представить тотъ живѣйшій интересъ, который возбудилъ этотъ вопросъ. Большинство членовъ комиссій, участниковъ съѣзда, изъ которыхъ до 6 или 7 человѣкъ было предсѣдателей комиссій, съ чисто патетическимъ чувствомъ отзывались о родныхъ своихъ дѣтищахъ-комиссіяхъ, ярко рисовали ихъ тяжелое, а по временамъ и прямо безотрадное, положеніе отъ произвола губернаторовъ (какъ, напримѣръ, бывшаго ярославскаго губернатора, г. Роговича, разогнавшаго комиссію съ первыхъ же дней своего управленія губерніей и въ 1905 г. охотившагося съ громилами за мѣстной интеллигенціей и студентами), которымъ подчинило ихъ высочайше утвержденное «Положеніе объ архивныхъ комиссіяхъ» 1884 г., ихъ полнѣйшую матеріальную зависимость отъ мѣстныхъ городскихъ и земскихъ учрежденій и полное безправіе и безпомощность членовъ ихъ, особенно обнаруживаемыя при нерѣдкихъ случаяхъ уничтоженія цѣнныхъ предметовъ старины или при ознакомленіи съ мѣстными правительственными архивами. «Денежныхъ средствъ и правъ нужно добиваться для архивныхъ комиссій»—было общимъ возгласомъ. И дѣйствительно только «съ деньгами и правами» можно съ пользою приступить къ выработкѣ детальныхъ положеній объ архивныхъ комиссіяхъ, которыя уже давно переросли Положеніе 1884 г.; только тогда онѣ станутъ желательными и дѣйствующими на самостоятельной почвѣ мѣстными историко-археологическими обществами, и только тогда станетъ возможнымъ уберечь отъ уничтоженія и порчи, какъ вещественные памятники старины, такъ равно и малоизвѣстные еще, разсѣянные по лицу всей земли Русской, архивные матеріалы.

Какъ ни трудна настоящая година, какъ ни далеко, повидимому, нынѣшнее время отъ обсужденія, научныхъ, хотя и живыхъ историческихъ вопросовъ, все же это не могло поколебать и отвлечь членовъ съѣзда и представителей архивныхъ комиссій отъ заботъ о неотложныхъ нуждахъ послѣднихъ, Не видя возможности въ настоящій моментъ прибѣгать къ какимъ либо отдѣльнымъ мѣрамъ, указываемымъ нѣкоторыми изъ членовъ съѣзда, напримѣръ, передачѣ въ архивныя комиссіи тѣхъ 2.000 рублей, которые идутъ теперь на пребывающіе въ полномъ покоѣ статистическіе губернскіе комитеты,—члены съѣзда рѣшили въ теченіе 1906—1907 академическаго года, вмѣсто прежнихъ отдѣльныхъ келейныхъ совѣщаній о комиссіяхъ, составить новый съѣздъ, изъ представителей всѣхъ архивныхъ комиссій, исключительно для обсужденія нуждъ послѣднихъ и выработки для нихъ новаго устава, и непремѣнно въ Петербургѣ, при посредствѣ директора императорскаго археологическаго института, которому, какъ объединяющему центру, и подвѣдомственны по офиціальному «Положенію» архивныя комиссіи.

Вполнѣ раздѣляя это послѣднее постановленіе, я бы только посовѣтовалъ не ограничиваться на съѣздѣ присутствіемъ однихъ 25 — 30 представителей комиссій, а пригласить и по возможности, и стороннихъ лицъ, которымъ не менѣе дороги интересы архивныхъ комиссій, и которыя съ готовностью отзовутся на призывъ новаго съѣзда. Чѣмъ разностороннѣе будетъ обсуждаться основной вопросъ, чѣмъ будетъ больше заинтересованныхъ лицъ, тѣмъ больше будетъ и желанныхъ результатовъ.

Это продолжительное, затянувшееся до поздняго часа, засѣданіе было завершено краткимъ докладомъ члена-учредителя Русскаго библіологическаго общества въ С.-Петербургѣ, В. Е. Рудакова, обратившагося къ съѣзду съ предложеніемъ позаботиться о составленіи и изданіи общаго библіографическаго Указателя по періодическимъ изданіямъ всѣхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Въ отвѣтъ на него «собраніе постановило просить отъ имени съѣзда архивныя комиссіи заняться составленіемъ (карточнаго) указателя къ своимъ изданіямъ и затѣмъ составленные такимъ путемъ указатели передать (при посредствѣ Владимірской архивной комиссіи) В. Е. Рудакову для общей ихъ сводки»[1]).

Вечеромъ 26 іюня состоялось заключительное засѣданіе съѣзда, на которомъ были констатированы въ общихъ чертахъ доклады членовъ; выяснены результаты археологическихъ экскурсій, главнымъ образомъ, въ Суздалѣ и въ самомъ Владимірѣ, при обозрѣніи соборовъ: Успенскаго и Дмитріевскаго; прочитано, между про-

---

[1]) См. стр. 42 «Справочнаго Листка 3-го областного историко-археологическаго съѣзда въ губ. г. Владимірѣ», № 6.

чимъ, Н. А. Холоднякъ сообщеніе объ «учрежденіи въ Петербургѣ школы имени преп. Евфросиніи Суздальской», «на чисто національныхъ началахъ, гдѣ бы объ руку съ серьезнымъ научнымъ курсомъ шло и воспитаніе нравственное, основанное на крѣпкой вѣрѣ и любви къ своей родинѣ», и послѣ обмѣна теплыми благодарственными привѣтствіями между членами съѣзда и его организаторами постановлено назначить слѣдующій четвертый областной историко-археологическій съѣздъ въ 1909 г. въ городѣ Костромѣ.

Въ дополненіе къ научной дѣятельности съѣзда перечисляемъ изданія Владимирской архивной комиссіи, предпринятыя ею спеціально къ этому съѣзду и демонстрированныя на немъ.

1. А. В. Смирновъ. Библіографическій указатель статей къ неофиціальной части «Владимирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и «Владимирскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». 1905 г.

2. Я. О. Кузнецовъ. Становые управители Ярославской провинціи. Влад. 1904 г.

3. С. И. Недешевъ. Краткое описаніе рукописей церковно-историческаго древлехранилища при Братствѣ святого благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Вып. I. Вл. 1906 г.

4. Г. А. Ряжскій. Топографическое описаніе Владимирской губерніи, составленное въ 1784 г. Влад. 1906 г.

5. М. И. Трегубовъ. Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Владимирской губерніи. Влад. 1905 г.

6. Ѳ. К. Сахаровъ. Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивахъ губ. г. Владимира. Часть первая (1720—1855 гг.). Влад. 1905 г.

7. И. Ф. Масановъ. Библіографія Владимирской губерніи. (Подъ редакціей А. В. Смирнова). Влад. 1905 г.

8. В. В. Касаткинъ. Монастыри, соборы и приходскія церкви Владимирской епархіи, построенныя до начала XIX столѣтія. Краткія историческія свѣдѣнія, съ приложеніемъ описей сохраняющихся въ нихъ древнихъ предметовъ. Часть I. Монастыри. Влад. 1906 г.

9. Каталогъ археологической выставки, устроенной по случаю 3-го областного историко-археологическаго съѣзда въ губ. г. Владимирѣ. Влад. 1906 г.

Редакція «Историческаго Вѣстника» впервые посвящаетъ съ такими подробностями, хотя въ то же время и весьма бѣглый очеркъ дѣятельности областного историко-археологическаго съѣзда; впервые она имѣла въ числѣ его членовъ и своего представителя, и потому съ бо́льшимъ удовольствіемъ привѣтствуетъ всѣхъ членовъ-дѣятелей настоящаго съѣзда и въ особенности устроителей его, членовъ молодой, но уже далеко опередившей результатами своей научной дѣятельности старыхъ собратій, Владимирской архивной комиссіи.

Необходимость устройства всероссійскихъ археологическихъ съѣздовъ сознана уже давно. Они созываются съ 1869 г., и въ будущемъ году долженъ состояться двѣнадцатый археологическій всероссійскій съѣздъ въ г. Черниговѣ.

До учрежденія ученыхъ архивныхъ комиссій и до болѣе или менѣе значительнаго развитія ихъ дѣятельности, конечно, не могло быть и рѣчи объ областныхъ археологическихъ съѣздахъ. Но чѣмъ больше возникало архивныхъ комиссій, чѣмъ больше расширялся кругъ ихъ дѣятельности, становящейся одновременно и болѣе извѣстной въ мѣстномъ обществѣ, тѣмъ сильнѣе должна была ощущаться потребность въ обмѣнѣ мыслей у дѣятелей съ одинаковыми задачами, тѣмъ больше чувствоваться ими необходимость подѣлиться результатами своихъ научныхъ и коллекціонныхъ работъ, провѣрить свои мысли и, благодаря этому, получить новый запасъ силъ и бодрости для продолженія дальнѣйшихъ трудовъ. Поэтому неудивительно, что у нѣкоторыхъ изъ дѣятелей архивныхъ комиссій мысль объ устройствѣ областныхъ археологическихъ съѣздовъ возникала значительно раньше открытія перваго такого съѣзда въ г. Ярославлѣ, состоявшагося ровно чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ начала дѣятельности древнѣйшихъ архивныхъ комиссій: Рязанской, Тверской, Тамбовской и Орловской. Но отъ возникновенія мысли до ея осуществленія, какъ мы видимъ, немало воды утекло; немало нужно было побѣдить препятствій матеріальныхъ и моральныхъ, разсѣять сомнѣній и недовѣрій. Уже первый Ярославскій съѣздъ наглядно показалъ, что къ такимъ съѣздамъ архивныя комиссіи съ ихъ мѣстными дѣятелями вполнѣ готовы; а второй Тверской сломалъ и послѣднюю брешь. Болѣе всѣхъ другихъ сомнѣвавшееся въ результативности областныхъ съѣздовъ Московское археологическое общество на нынѣшнемъ съѣздѣ во Владимірѣ выступило уже участникомъ его, въ лицѣ своего председателя, графини П. С. Уваровой. Избранная почетной предсѣдательницей въ засѣданіи секціи «первобытныхъ древностей», она обратилась къ съѣзду съ такою рѣчью: «Открывая засѣданіе, позволяю обратиться къ членамъ съѣзда съ выраженіемъ глубокой благодарности за оказанную мнѣ честь назначеніемъ почетнымъ предсѣдателемъ нынѣшняго засѣданія. Я далека отъ мысли приписать эту честь лично мнѣ, какъ графинѣ Уваровой, но вижу въ этомъ назначеніи справедливую оцѣнку широкой просвѣтительной дѣятельности императорскаго Московскаго археологическаго общества, которое съ 1868 г. стало во главѣ археологическихъ съѣздовъ и съ тѣхъ поръ неустанно завѣдуетъ ихъ устройствомъ и изданіемъ ихъ трудовъ. Нашлись, правда, люди, которые хотятъ увѣрить архивныя комиссіи, что я противъ областныхъ съѣздовъ, но я смѣю увѣрить, что вижу въ нихъ только младшихъ братьевъ нашихъ всероссійскихъ съѣздовъ,

желающихъ поработать въ той же области изученія родной старины, и думаю, что дѣлить намъ нечего, такъ какъ дѣла много, а дѣятелей, въ особенности при безобразной постановкѣ учебнаго дѣла за послѣдніе годы, къ сожалѣнію, все меньше и меньше».

Отнынѣ, такимъ образомъ, по счастливому выраженію графини П. С. Уваровой, областные археологическіе съѣзды — «меньшіе братья» всероссійскихъ съѣздовъ, поэтому они въ полномъ правѣ ожидать отъ старѣйшихъ и бо̀льшаго къ себѣ сочувствія и бо̀льшаго участія, чѣмъ наблюдалось до сихъ поръ. А то и другое крайне необходимо.

Мѣстные безкорыстные труженики науки нуждаются въ авторитетной поддержкѣ со стороны представителей ученыхъ учрежденій и ученыхъ обществъ, до послѣдняго времени дѣлившихся своими свѣдѣніями лишь на всероссійскихъ съѣздахъ. Имъ необходимо еще, какъ выразился Н. В. Покровскій въ своей привѣтственной рѣчи при открытіи настоящаго съѣзда, «помочь разобраться въ обширной массѣ цѣнныхъ матеріаловъ, расширить, по возможности, ихъ ученый кругозоръ». А вмѣстѣ съ этимъ увеличится энергія у старыхъ работниковъ, и появятся новыя силы, новые преданные наукѣ дѣятели, которыми всегда была и будетъ полна наша матушка-Россія, какъ показалъ и настоящій съѣздъ, привлекшій въ нынѣшнее смутное и опасное время, вопреки ожиданіямъ, свыше 200 членовъ, лишь бы только былъ просторъ и свободный доступъ къ источникамъ науки. Пробудится тогда и въ мѣстномъ обществѣ интересъ къ родной старинѣ, знаніе которой составляетъ основу истиннаго просвѣщенія и помогаетъ познать будущее.

Въ нынѣшнемъ Владимирскомъ историко-археологическомъ съѣздѣ участвовали многіе университеты, ученыя общества и архивныя комиссіи. Изъ числа членовъ ихъ, какъ на наиболѣе видныхъ дѣятелей на съѣздѣ, слѣдуетъ указать, кромѣ, конечно, мѣстной комиссіи, А. И. Соболевскаго, директора императорскаго археологическаго института—Н. В. Покровскаго, проф. С. Ѳ. Платонова, проф. И. А. Шляпкина, проф. А. А. Дмитріевскаго, Д. И. Иловайскаго (депутата отъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ), В. Т. Георгіевскаго, И. А. Иванова, П. А. Илинскаго и др.

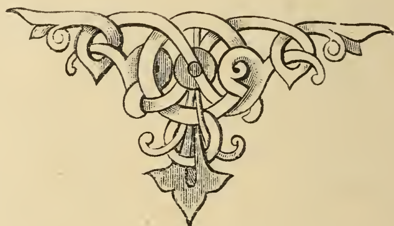
Судить о результатахъ научныхъ занятій съѣзда до отпечатанія всѣхъ его работъ [1]) въ «Трудахъ» съѣзда, конечно, трудно, но и по тому краткому изложенію, какое дается въ нашей замѣткѣ, можно съ положительностью сказать, что Владимирскій съѣздъ

[1]) Цѣлый рядъ весьма содержательныхъ рефератовъ не былъ доложенъ на съѣздѣ или за недостаткомъ времени или за неявкою референтовъ, но многіе изъ нихъ, съ согласія авторовъ, навѣрное будутъ напечатаны въ «Трудахъ» съѣзда.

далъ много цѣннаго научнаго матеріала, указалъ новыя задачи для будущихъ изслѣдователей, намѣтилъ имъ вѣрные пути и во многомъ подвинулъ изученіе мѣстныхъ древностей и мѣстной исторіи.

Въ то же время, на нашъ взглядъ, онъ еще больше утвердилъ добрыя отношенія между собравшимися съ разныхъ концовъ обширной нашей родины научными дѣятелями, истинно любящими свою родную старину, способствовалъ взаимному обмѣну насиженными въ центрахъ и захолустьяхъ свѣдѣніями и многихъ «окрылилъ» къ дальнѣйшей научной работѣ.

В. Рудаковъ.

ПАМЯТИ С. П. ЯКОВЛЕВА.

Ряды популярныхъ москвичей все больше и замѣтнѣе рѣдѣютъ: 3 іюля не стало еще одного изъ нихъ, замѣчательнаго общественнаго дѣятеля и человѣка,— я бы сказалъ «истинно-русскаго» человѣка, если бъ это выраженіе не было столь опошлено нашими черносотенными «патріотами», — не стало Сергѣя Павловича Яковлева.

Кто только не зналъ въ Москвѣ этого имени? Оно было извѣстно рѣшительно во всѣхъ слояхъ общества, да и не мудрено: почти вся жизнь и дѣятельность покойнаго протекли въ Бѣлокаменной, и лишь самую раннюю молодость онъ провелъ въ Петербургѣ. Родившись въ 1838 г. и происходя изъ потомственныхъ дворянъ Владимирской губерніи, Яковлевъ отданъ былъ на воспитаніе въ пажескій корпусъ. Нѣкоторое время онъ состоялъ камерпажомъ при императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. По окончаніи курса, юноша поступилъ въ лейбъ-гвардіи стрѣлковый батальонъ, но прослужилъ здѣсь недолго, и, перебравшись въ Москву, куда его всегда неудержимо влекло, сдѣлался чиновникомъ особыхъ порученій при тогдашнемъ московскомъ генералъ-губернаторѣ Тучковѣ. Должность эта какъ нельзя болѣе отвѣчала природнымъ склонностямъ молодого, свѣтскаго жуира, какимъ былъ въ то время Яковлевъ. Живой, веселый, остроумный, онъ имѣлъ доступъ въ самые лучшіе аристократическіе дома и вездѣ былъ желаннымъ гостемъ, всюду его встрѣчали съ распростертыми объятіями. Тогда же онъ сдѣлался записнымъ театраломъ, пристрастившись, главнымъ

образомъ, къ балету, которымъ сильно увлекалось въ то время все русское общество. Впрочемъ, надо сказать правду, Сергѣя Павловича не столько прельщало хореграфическое искусство, сколько изящество и миловидность одной второстепенной танцовщицы, по фамиліи Дюшенъ, сдѣлавшейся потомъ его подругою жизни.

Обращаясь къ дѣятельности покойнаго, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что это былъ рѣдкій, выдающійся по энергіи филантропъ. Съ молодыхъ лѣтъ посвятивъ себя службѣ въ императорскомъ человѣколюбивомъ обществѣ, С. П. Яковлевъ отдалъ всѣ свои силы великому, святому дѣлу благотворительности. Множество учебно-воспитательныхъ, больничныхъ, богадѣльныхъ учрежденій въ Москвѣ тѣсно связано съ его именемъ. Безъ его участія не вырабатывались для нихъ никакіе уставы, не составлялись никакіе штаты, не предпринималась ни одна болѣе или менѣе крупная реформа,— здѣсь все носило печать его смѣлой иниціативы, находчиваго, изобрѣтательнаго ума.

Въ сущности, это не былъ просто благотворитель, а благотворитель-виртуозъ, всей душой преданный своему искусству. И нужно было видѣть, какъ онъ въ совершенствѣ имъ владѣлъ, какъ онъ умѣлъ привлекать отовсюду денежныя пожертвованія, съ какою легкостью онъ достигалъ въ подобныхъ случаяхъ цѣли. Ужъ если онъ намѣтитъ какого нибудь «толстосума», хотя бы и совершенно неподатливаго въ смыслѣ благотворенія, то рано или поздно непремѣнно заставитъ его раскошелиться.

— Представьте, господа, Яковлевъ обработалъ таки этого купчину Z.!—съ удивленіемъ передавалось въ интимномъ кружкѣ его друзей.—На тридцать тысячъ обработалъ!

Но С. П. не только «обработывалъ» другихъ, онъ немало жертвовалъ и своихъ собственныхъ денегъ, добытыхъ личнымъ трудомъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ.

Надо сказать, что въ молодости Яковлевъ не имѣлъ никакихъ средствъ къ жизни, кромѣ службы, и, тѣмъ не менѣе, въ сравнительно короткое время, благодаря природной энергіи и работоспособности, онъ сумѣлъ составить себѣ кругленькое состояніе. Отчасти ему помогъ въ этомъ Катковъ, съ которымъ онъ познакомился вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, и, бойко владѣя перомъ, даже сотрудничалъ у него въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Подъ вліяніемъ, вѣроятно, новыхъ литературныхъ встрѣчъ и знакомствъ, С. П. вдругъ задается неожиданной идеей: завести свою собственную типографію и заняться издательствомъ. Кто-то, кажется, П. М. Леонтьевъ, посовѣтовалъ ему издавать на первыхъ порахъ спортивную газету, какъ органъ печати, не имѣвшій еще въ то время конкуррентовъ. Мысль эта понравилась Яковлеву, но для осуществленія задуманнаго предпріятія нужно было прежде всего раздобыть денегъ. И вотъ, недолго думая, онъ ѣдетъ къ одному

изъ богатыхъ московскихъ коммерсантовъ, В. Д. К—ну, съ которымъ немного былъ знакомъ, и проситъ у него взаймы пять тысячъ.

— Когда вы вернете долгъ?—спрашиваетъ К—нъ.

— Черезъ три съ половиной мѣсяца,—безъ запинки отвѣчаетъ Яковлевъ, уже заранѣе вычислившій самымъ добросовѣстнымъ

Сергѣй Павловичъ Яковлевъ.

образомъ всѣ свои будущіе приходы и расходы; при этомъ его голосъ звучитъ такою неподдѣльною искренностью и прямотой, такою увѣренностью въ себѣ и въ своихъ силахъ, что у К—на не остается и тѣни сомнѣнія, что долгъ будетъ ему возвращенъ какъ разъ въ назначенный срокъ. Не колеблясь ни минуты, онъ отсчи-

тываетъ Яковлеву пять тысячъ и даже отказывается взять съ него вексель.

К—нъ не ошибся: ровно черезъ три съ половиной мѣсяца Яковлевъ вернулъ ему долгъ. Но какихъ трудовъ ему это стоило! Первое время онъ одинъ работалъ у печатнаго станка: онъ былъ и наборщикомъ, и метранпажемъ, и машинистомъ, и факторомъ въ своей типографіи, онъ же былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и корректоромъ, и издателемъ печатавшейся имъ собственноручно газеты. Энергіей этого человѣка были побѣждены всѣ трудности; начатое предпріятіе быстро пошло впередъ, быстро развивалось, и вотъ маленькій, ничтожный печатный станокъ незамѣтно выросъ въ огромную, богатую типографію.

Пріобрѣтя солидный капиталъ, Яковлевъ еще успѣшнѣе сталъ заниматься филантропіей, такъ какъ теперь онъ получилъ возможность пополнять опустѣвшія кассы разныхъ благотворительныхъ учрежденій не только изъ чужихъ кармановъ, но и изъ своихъ личныхъ средствъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и служебная карьера его въ императорскомъ человѣколюбивомъ обществѣ быстрыми шагами подвигалась впередъ. Какъ изъ рога изобилія, сыпались на него всякія награды и отличія. Онъ получалъ высокіе чины, ордена, имѣлъ придворное званіе, сначала камеръ-юнкера, а потомъ и камергера высочайшаго двора, и неоднократно удостоивался знаковъ милостиваго вниманія отъ особъ царской фамиліи. Съ теченіемъ времени С. П. занялъ высокій постъ члена совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества и одновременно получилъ мѣсто предсѣдательствующаго въ московскомъ попечительномъ о бѣдныхъ комитетѣ.

Высокое служебное и общественное положеніе, кругленькое состояніе и обширныя связи въ Петербургѣ—все это было въ рукахъ Яковлева могущественнымъ средствомъ для достиженія намѣченныхъ имъ благотворительныхъ цѣлей. И онъ широко имъ пользовался, до такой степени широко, что иные «строгіе моралисты» готовы были осуждать его за недостаточную разборчивость въ пріемахъ, съ помощью которыхъ ему нерѣдко приходилось извлекать крупныя денежныя пожертвованія. Напримѣръ, онъ видитъ, что комитетская касса начинаетъ пустѣть, и тотчасъ же придумываетъ комбинацію: предлагаетъ извѣстному милліонеру Кнопу занять должность казначея за «приличный» ежегодный взносъ. Кнопъ съ радостью принимаетъ предложеніе, такъ какъ заманчивая перспектива всевозможныхъ наградъ представляется ему довольно ясно, но вмѣстѣ съ тѣмъ его тревожитъ мысль: а что, если ему придется работать на новой должности? И онъ высказываетъ свои опасенія вслухъ.

— О, не безпокойтесь!—съ добродушнѣйшей улыбкой заявляетъ ему С. П.:—за васъ будутъ работать другіе...

Такимъ именно путемъ нѣкоторые московскіе мѣщане, какъ гласитъ стоустая молва, получили чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Владимира и потомственное дворянство.

Въ общежитіи Яковлевъ былъ, что называется, душа-человѣкъ. Большой мастеръ произносить застольные спичи, веселый, остроумный разсказчикъ, любитель краснаго словца, но безъ ѣдкой ироніи, добродушный и мягкій, онъ пользовался всеобщей любовью. Въ гостиной иногда не клеился разговоръ, гости скучали, но стоило появиться среди нихъ Яковлеву, какъ сейчасъ же наступало оживленіе. Обыкновенно онъ принимался разсказывать что нибудь забавное, передавалъ случай изъ дѣйствительной жизни, сильно прикрашивая его узорами собственной фантазіи, или смѣшилъ удачнымъ каламбуромъ. Правда, къ его «художественнымъ» разсказамъ большинство относилось скептически, зная его страсть къ преувеличиванію, къ гиперболизму, тѣмъ не менѣе его всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ,—такъ онъ увлекательно говорилъ. Къ тому же онъ блестяще владѣлъ французскимъ языкомъ, и этотъ маленькій «плюсъ» дѣлалъ его уже настоящимъ кладомъ въ любомъ аристократическомъ салонѣ.

Находчивъ С. П. былъ изумительно. Создать какой нибудь хитроумный планъ, придумать великолѣпную комбинацію, дать дѣльный совѣтъ—на все это онъ былъ великій мастеръ. Будучи по преимуществу человѣкомъ инициативы, онъ способенъ былъ инспирировать какую нибудь новую идею по всякому интересовавшему его вопросу, но разбираться въ разныхъ деталяхъ и мелочахъ, но переходить отъ общихъ контуровъ предмета къ «скучнымъ» подробностямъ не любилъ, да, въ сущности, и не могъ за отсутствіемъ надлежащей научной или технической подготовки. Не забудемъ, однако, что вѣдь Яковлевъ окончилъ курсъ въ Пажескомъ корпусѣ 50-хъ годовъ, и что, слѣдовательно, научной эрудиціи ему неоткуда было достать. Еще удивляться нужно, откуда у него взялось умѣнье писать безукоризненно чистымъ литературнымъ языкомъ, и какъ онъ могъ чуть ли не прямо со школьной скамьи сотрудничать въ большой политической газетѣ.

Но его талантливость была общеизвѣстна и порою даже поражала окружающихъ. Напримѣръ, онъ садится и пишетъ на память длиннѣйшій протоколъ какого нибудь засѣданія. Кругомъ оживленный разговоръ, шутки и смѣхъ. Казалось бы, трудно работать при такихъ условіяхъ. Но Яковлева это ничуть не смущаетъ. Онъ быстро водитъ перомъ, ни на секунду не отрываясь отъ бумаги, а самъ въ то же время безъ умолку говоритъ. Смотришь,—протоколъ уже готовъ и безъ одной помарки.

На ряду съ выдающимися достоинствами у Яковлева была одна непріятная черта, которая, по всей вѣроятности, даже и свела его преждевременно въ могилу: это—страсть къ кутежамъ.

Будучи замѣчательно тонкимъ гастрономомъ, онъ любилъ, главнымъ образомъ, вкусно поѣсть и ради ѣды не щадилъ своего здоровья. Нерѣдко цѣлыя ночи напролетъ онъ проводилъ въ пиршествахъ, перекочевывая изъ одного ресторана въ другой, а утромъ, не подкрѣпившись сномъ, усталый и разбитый, уже приступалъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ. При этомъ, надо сказать правду, С. П. нерѣдко окружалъ себя компаніей людей, стоявшихъ неизмѣримо ниже его, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи; среди нихъ были настоящіе проходимцы, которые пользовались лишь случаемъ, чтобы втереться къ нему въ дружбу. Въ удобный моментъ они пили съ нимъ «брудершафтъ», а потомъ весьма развязно говорили ему «ты», открыто афишируя, такимъ образомъ, свои мнимыя дружественныя отношенія съ вліятельной особой. А С. П., разумѣется, тотчасъ же забывалъ всѣ эти «брудершафты», и, когда встрѣчался впослѣдствіи съ какимъ нибудь новоявленнымъ «другомъ», который вдругъ начиналъ его «тыкать», самымъ искреннимъ образомъ изумлялся.

Неразборчивость Яковлева въ выборѣ пріятелей очень коробила многихъ и даже заставляла радикально измѣнять къ нему прежнія отношенія. Такъ поступилъ съ нимъ, между прочимъ, и П. И. Чайковскій, который не могъ простить ему дружбы съ В. И. Сафоновымъ, бывшимъ директоромъ Московской консерваторіи.

Характеристика С. П. Яковлева, какъ человѣка, вышла бы далеко не полной, если бъ я не упомянулъ объ одномъ драгоцѣнномъ свойствѣ души, которымъ онъ въ высокой степени обладалъ,— свойствѣ, вообще говоря, рѣдко встрѣчающемся у людей,—о способности чувствовать благодарность: онъ никогда въ жизни не забывалъ ни одной оказанной ему услуги. Такъ, до самой своей смерти онъ чувствовалъ признательность къ К—ну, когда-то ссудившему ему пять тысячъ для оборудованія типографіи.

Лѣтъ 15 тому назадъ «Товарищество печатни С. П. Яковлева» праздновало свой 25-ти лѣтній юбилей. На торжественномъ обѣдѣ присутствовалъ въ числѣ другихъ приглашенныхъ гостей и К—нъ. Когда наступилъ моментъ провозглашенія обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ тостовъ, С. П. вдругъ поднимается съ мѣста и взволнованнымъ голосомъ произноситъ:

— Господа! Мой первый тостъ будетъ за присутствующаго здѣсь среди насъ Владимира Дмитріевича К—на, ибо это онъ далъ мнѣ возможность начать типографское дѣло, изъ котораго образовалось наше товарищество... И я счастливъ, что могу теперь публично выразить ему свою горячую признательность... Дѣлаю ему низкій земной поклонъ...

Всѣ были тронуты такимъ глубокимъ выраженіемъ благодарности за услугу, оказанную, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 30 тому назадъ. Но таковъ ужъ былъ Яковлевъ: время не могло стереть изъ его памяти сдѣланное ему добро.

Этимъ же свойствомъ характера объясняется, почему Яковлевъ, будучи директоромъ-распорядителемъ товарищества, не любилъ увольнять старыхъ служащихъ въ типографіи, и, дѣйствительно, ни одного изъ нихъ ни разу не уволилъ: онъ чувствовалъ къ нимъ благодарность за ихъ прежнюю службу.

И за это его любили рабочіе. Они цѣнили въ немъ прежде всего человѣка, и, когда онъ умеръ, всѣ единодушно оплакивали его, несмотря на то, что по своимъ политическимъ воззрѣніямъ С. П. былъ убѣжденный монархистъ.

Князь Б. А. Щетининъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Памятная книжка Воронежской губерніи на 1906 г. Составлена подъ редакціей члена-секретаря губернскаго статистическаго комитета, Д. Г. Тюменева. Изданіе Воронежскаго статистическаго комитета. Воронежъ. 1906.

ЕЩЕ НЕ ТАКЪ давно наши губернскіе статистическіе комитеты были единственными учеными учрежденіями въ неуниверситетскихъ городахъ. Теперь рядомъ съ ними стоятъ губернскія архивныя комиссіи; немало также возникло научныхъ «кружковъ» и «обществъ» по частной иниціативѣ. Это ли раздѣленіе малочисленныхъ провинціальныхъ дѣятелей или что другое послужило причиною, — только въ дѣятельности бóльшей части статистическихъ комитетовъ въ настоящее время замѣчается упадокъ. Лишь очень немногіе изъ нихъ поддерживаютъ славныя традиціи былыхъ временъ. Къ числу этихъ счастливыхъ исключеній принадлежатъ комитеты: Вятскій, Воронежскій и нѣкоторые другіе, которые, не довольствуясь одною офиціальною статистикою и изданіемъ «адресъ-календарей», продолжаютъ свою работу на почвѣ всесторонняго изученія мѣстнаго края. И «Памятныя книжки» такихъ комитетовъ представляютъ большой интересъ не для однихъ только мѣстныхъ читателей.

Такова именно послѣдняя «Памятная книжка» Воронежскаго комитета, въ которой мы встрѣчаемъ особый «научно-литературный отдѣлъ». Изъ пяти статей этого отдѣла наибольшій интересъ представляетъ статья А. Путинцева: «Андрей Порфирьевичъ Серебрянскій (его жизнь и литературныя произведенія)». А. П. Серебрянскій—извѣстный другъ Кольцова, но «извѣстный» больше

только по имени, такъ какъ біографы Кольцова очень мало касаются этой замѣчательной во многихъ отношеніяхъ личности. А. Путинцевъ собралъ въ своей статьѣ все, что только можно было узнать о жизни Серебрянскаго, пользуясь, какъ печатными источниками, такъ и данными мѣстныхъ архивовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ издалъ по рукописи большую часть стихотвореній безвременно погибшаго автора.

Ѳ. Поликарповъ въ своей статьѣ «Бытовыя черты изъ жизни крестьянъ села Истобнаго, Нижнедѣвицкаго уѣзда» даетъ всестороннее, хотя и краткое, описаніе мѣстнаго крестьянскаго быта. Авторъ иногда грѣшитъ публицистической манерой — сгущать краски въ цѣляхъ единства впечатлѣнія; но приводимые имъ факты не теряютъ отъ этого своего значенія, и читателю не трудно составить свое собственное, объективное, сужденіе о жителяхъ описываемаго села. Картина въ общемъ получается очень печальная. Сильное развитіе воровства, отсутствіе религіозности, «рѣдкость супружеской вѣрности» («уходя на «линію», т.-е. къ донскимъ и кубанскимъ казакамъ, въ голодные годы, стебенскія женщины зарабатываютъ здѣсь деньги огульнымъ развратомъ»),—эти черты «стебенцевъ» какъ-то слишкомъ рѣзко противорѣчатъ общему характеру русскаго крестьянина. Гдѣ же разгадка этому? Авторъ ищетъ ея чуть ли не въ предположеніи, что таково все русское крестьянство. Разгадка, однако же, ясна. Стебенцы—потомки бывшихъ «однодворцевъ», этой полуискусственно созданной, странной, какой-то межеумочной, соціальной группы. Какъ потомки «однодворцевъ», стебенцы никогда не знали крѣпостного права, и, несмотря на это, ихъ теперешнее положеніе, какъ и всѣхъ вообще воронежскихъ «талагаевъ» (подъ этимъ полупрезрительнымъ именемъ извѣстны въ народѣ вообще потомки былыхъ «однодворцевъ»), гораздо хуже бывшихъ рабовъ помѣщичьяго произвола. Фактъ очень поучительный: онъ наглядно доказываетъ, какъ искусственно созданныя сословныя группы ведутъ лишь къ вырожденію членовъ этихъ группъ.

Стоитъ еще отмѣтить, что среди стебенцовъ, никогда не знавшихъ крѣпостного права, «съ удивительнымъ упорствомъ» ходитъ слухъ, что «царь-батюшка будетъ дѣлить помѣщичью землю».

Статья В. В. Литвинова: «Первая Памятная книжка Воронежской губерніи. Ея содержаніе и сотрудники», написана по поводу истекшаго 50-ти-лѣтія со времени выхода въ свѣтъ этой первой книжки (въ 1856 г.). Авторъ излагаетъ біографію иниціатора и перваго редактора «Книжки», Н. И. Второва, а также сотрудниковъ ея: Малышева, Скрябина и Тарачкова.

«Указатель статей, напечатанныхъ въ Памятныхъ книжкахъ Воронежской губ. за 50 лѣтъ ихъ изданія (1856—1906 г.г.)», появляется какъ нельзя болѣе кстати. У нашихъ ученыхъ спеціалистовъ даже словно принято игнорировать эти скромныя провинціальныя изданія. Напримѣръ, въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Этнографическаго Обозрѣнія» мы прочли статью С. К. Кузнецова объ инородческой общинѣ, гдѣ авторъ сильно жалуется на полное отсутствіе литературы по затронутому имъ вопросу. Между тѣмъ, въ «Памятной книжкѣ Вятской губерніи» (1896 г.) г. Кузнецовъ нашелъ бы, если бы только пожелалъ, очень обстоятельную статью г. Верещагина объ общинѣ у вотяковъ.

Замѣтка С. Н. Введенскаго «Изъ Воронежскаго прошлаго» посвящена «Нищей Слободкѣ» въ г. Воронежѣ XVII в. и одному эпизоду съ воронежскими подьячими 1685 г.

Таково разнообразное содержаніе «научно-литературнаго отдѣла» разсматриваемой книги. Въ другихъ отдѣлахъ мы находимъ справочныя свѣдѣнія, адресъ-календарь и очень обстоятельно составленный «статистическій обзоръ губерніи за 1904 г.». Заимствуемъ изъ этого послѣдняго слѣдующія свѣдѣнія изъ жизни мѣстныхъ сектантовъ. Среди хлыстовъ Коротоякскаго уѣзда въ 1904 г. возникла новая секта «лубковцевъ», названная такъ по имени главы ея Василія Лубкова, котораго послѣдователи почитаютъ за «Христа». «Секта имѣетъ много послѣдователей преимущественно среди молодежи обоего пола, которую привлекаетъ въ эту секту проповѣдуемое Лубковымъ ученіе о свободной любви. Секта отличается крайней распущенностью, допускаетъ двоеженство, частую мѣну женъ и т. д. Сектанты крайне фанатичны. Къ православной церкви и духовенству относятся враждебно и допускаютъ нетерпимыя хулы и кощунства надъ православной святыней» (стр. 53). Мѣстные штундисты и другіе сектанты, «въ концѣ 1904 г., подъ вліяніемъ слуховъ о вѣротерпимости, стали усиленно ходатайствовать передъ свѣтской властью о дарованіи имъ полной религіозной свободы и особенно права безпрепятственно устраивать свои собранія съ пѣніемъ сектантскихъ стиховъ, открывать новыя молельни, свободно проповѣдывать свое ученіе и т. п.».

Дм. Зеленинъ.

Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской академіи. Отдѣленіе II (1721—1795 г.г.). Томъ II (1751—1762 г.г.). Со введеніемъ и примѣчаніями Н. И. Петрова. Кіевъ. 1906.

Приближается небывалое еще у насъ торжество русскаго просвѣщенія — трехсотлѣтіе существованія старѣйшаго духовно-учебнаго заведенія, давшаго начало Кіевской духовной академіи. Къ юбилейному году, по всей вѣроятности, будетъ закончено все изданіе «Актовъ и документовъ», относящихся къ прошлому академіи — изданіе солидное по размѣрамъ и научной цѣнности; но пока выходитъ только та серія документовъ, подготовленіе которой къ печати приняль на себя проф. Н. И. Петровъ. Это — часть XVIII вѣка. Остальныя серіи еще разработываются другими лицами и готовятся къ печати.

Второй томъ «Актовъ и документовъ», посвященный архіепископу херсонскому Димитрію, такъ же интересенъ, какъ и первый, хотя обнимаетъ періодъ всего десятилѣтній (предыдущій томъ захватывалъ періодъ въ 30 лѣтъ), падающій на вторую половину царствованія Елисаветы Петровны и все правленіе Петра III. Поэтому по изданнымъ документамъ можно прослѣдить, насколько возстановленное въ 1750 г. гетманство, носившее узко-сословный («казацко-старшинный») характеръ, отразилось на жизни южно-русскаго духовенства и его главнаго учрежденія. Если припомнимъ общую централистическую тенденцію правительства въ церковно-общественной области, то намъ отчасти будетъ уже ясно, каковы были перемѣны въ епархіальной жизни и

въ положеніи духовной академіи, замѣтно превратившейся теперь въ учрежденіе «епархіальное». Графъ К. Г. Разумовскій былъ полноправнымъ министромъ казацкихъ дѣлъ, не подчинялся ни иностранной коллегіи, ни другимъ, вѣдалъ всѣ свѣтскія и духовныя дѣла, чѣмъ возбудилъ естественныя опасенія среди малорусскаго духовенства. И дѣйствительно, на первыхъ же порахъ духовная власть столкнулась съ болѣе сильной свѣтской. Кіевскому митрополиту оказалось не легко получить аудіенцію у недавняго «сына Розумихи» въ Глуховѣ: утромъ гетманъ еще опочивалъ, а вечеромъ поѣхалъ на прогулку. Фактъ—самъ по себѣ, быть можетъ, и незначительный, но для престижа перваго человѣка въ митрополіи онъ явился стимуломъ довольно печальнаго грядущаго порядка. Вслѣдъ за нимъ начались факты и посерьезнѣе. Въ томъ же 1751 г. гетманъ издалъ ордеръ, запрещавшій духовенству винокуреніе, и сдѣлалъ это въ виду голода; но въ то же время духовенство не могло не замѣтить, что это же запрещеніе не распространялось почему-то на казаковъ и ихъ старши́ну. Въ слѣдующемъ году гетманъ показалъ, что ему принадлежитъ право утверждать или не утверждать кандидатовъ на архіерейскія мѣста. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ ограниченій правъ бѣлаго малорусскаго духовенства, напримѣръ, указъ о включеніи въ ревизскіе списки для выполненія ратныхъ повинностей среди «другихъ разночинцевъ»—«имѣющихъ грунта и дворы свои дьячковъ, понамарей, ктиторовъ и другихъ тому подобныхъ, не обходя и не минуя никого»; иногда митрополитъ не имѣлъ возможности сноситься непосредственно съ гетманомъ и получалъ отказъ на просьбы по значительнымъ дѣламъ отъ второстепенныхъ чиновниковъ; протопопскія дѣти внесены были въ списки значковыхъ казаковъ, а поповскія—казаковъ выборныхъ и т. д.

Въ виду общаго приниженія духовнаго вѣдомства гетманомъ Разумовскимъ, нельзя было ожидать отъ него, по словамъ предисловія, «особеннаго благоволенія и къ Кіевской академіи, все болѣе и болѣе становившейся епархіескимъ учрежденіемъ. Чтобы снискать это благоволеніе, кіевскій митрополитъ Тимоѳей Щербацкій въ первые два года по возстановленіи гетманства посылалъ къ новому гетману, для новогодняго поздравленія и сказыванія проповѣдей въ Рождественскіе праздники, префектовъ Кіевской академіи. Въ концѣ 1751 г. посланъ былъ дѣльный и тактичный Георгій Конисскій, который сказалъ въ присутствіи гетмана двѣ проповѣди и получилъ въ подарокъ 100 рублей. Но преемникъ Георгія, префектъ Давидъ Нащинскій, въ слѣдующемъ году говорилъ при гетманѣ только одну проповѣдь и получилъ въ подарокъ только 40 рублей, т.-е. сумму, едва достаточную для поѣздки въ Кіевъ и обратно. Съ тѣхъ поръ, кажется, подобныхъ поздравительныхъ депутацій не посылалось больше въ Глуховъ, и отношенія гетмана къ Кіево-Братскому монастырю и академіи оставались письменныя, чисто формальныя, холодныя и даже недоброжелательныя» (стр. X—XI). Этотъ мелкій фактъ очень характеренъ и стоитъ въ связи съ дальнѣйшими всегда послѣдовательными ограниченіями, отказами въ субсидіяхъ, проектомъ о превращеніи академіи въ университетъ и т. д. По остальнымъ документамъ можно прослѣдить, какія индивидуальныя черты, въ зависимости отъ разныхъ митрополитовъ, ло-

жились на организацію академіи, на систему преподаванія, бытъ профессоровъ и студентовъ, на экономическое положеніе Кіево-Братскаго монастыря, учено-литературныя занятія старшихъ и учащихся, наконецъ, на другія стороны экономической и культурной ея жизни.

Какъ и прежнія работы проф. Н. И. Петрова, изданіе актовъ и документовъ, вошедшихъ во второй томъ избраннаго имъ отдѣла, исполнено научно: тексты напечатаны согласно всѣмъ археографическимъ требованіямъ; иногда сдѣланы важныя поясненія; гдѣ надо—приводятся справки и ссылки на другія изданія; въ концѣ помѣщенъ именной и географическій указатели. Жаль, что нѣтъ указателя предметнаго; для многихъ вопросовъ онъ былъ бы незамѣнимъ. Въ то же время предисловіе обобщающаго характера и толковое оглавленіе дѣлаютъ книгу не только справочной. Поэтому въ концѣ нашей замѣтки мы не можемъ не сдѣлать самаго грустнаго упрека по адресу тѣхъ лицъ, особенно нынѣшнихъ архіереевъ, которые получили образованіе въ Кіевской академіи и не приходятъ на помощь изданію ея историческихъ актовъ и документовъ. Недостатокъ средствъ—единственное препятствіе къ успѣшному продолженію изданія. Синодъ отпустилъ только 1.000 рублей, высокопреосвященный Димитрій пожертвовалъ болѣе 5 тысячъ рублей, которыя уже израсходованы, а для дальнѣйшихъ томовъ трудно найти средства, если не откликнутся всѣ бывшіе питомцы академіи, особенно, повторяемъ, архіереи, нерѣдко накапливающіе «отъ алтаря» сотни тысячъ—просто по старческой скаредности.

А. И. Яцимирскій.

И. Покровскій. Казанскій архіерейскій домъ, его средства и штаты, преимущественно до 1764 г. Церковно-археологическое, историческое и экономическое изслѣдованіе. (Въ память 350-лѣтія существованія Казанской епархіи). Казань. 1906.

Книга даетъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ нѣсколько спеціальное и слишкомъ «мѣстное» заглавіе ея. На самомъ дѣлѣ она представляетъ значительный интересъ. Помимо того, что книга написана съ полнымъ знаніемъ дѣла, доступно,—она даетъ много новаго, цѣннаго еще тѣмъ, что казанскіе духовные архивы, нѣсколько разъ горѣвшіе, сохранили мало матеріаловъ, особенно стараго періода. Автору приходилось искать ихъ въ петербургскихъ и московскихъ архивахъ, постепенно расширяя рамки изслѣдованія и размѣры книги,— и изслѣдованіе никоимъ образомъ нельзя назвать «провинціальной работой», какъ скромно оговаривается авторъ въ предисловіи. Дѣло въ томъ, что избранный профессоромъ И. Покровскимъ, повидимому, частный вопросъ въ сущности далеко не узокъ, такъ какъ исторія архіерейскаго дома любой епархіи это — почти то же, что и исторія цѣлой епархіи, потому что подъ «архіерейскимъ домомъ» въ старину разумѣли «архіерейскую каѳедру», которая вѣдала кругъ дѣлъ, гораздо большій, чѣмъ нынѣшнія консисторіи, и совмѣщала въ себѣ всѣ епархіальные приказы вмѣстѣ съ экономическими интересами соборовъ. Кромѣ того, на свою задачу изслѣдователь смотритъ широко, совсѣмъ не съ одной мѣстной точки зрѣнія, обращается за аналогіями или сравне-

ніями къ фактамъ другихъ епархій, а иногда и къ исторіи Византіи. Такимъ образомъ, взятое въ общемъ, его изслѣдованіе носитъ вполнѣ научный сравнительный характеръ. А это одно выдѣляетъ его объемистую книгу (болѣ 750 страницъ) изъ круга типичныхъ «провинціальныхъ работъ»; что же касается умѣнія разработывать серьезные историческіе вопросы первостепенной важности, то это И. Покровскій показалъ въ магистерской диссертаціи: «Русскія епархіи въ XVI—XIX вѣкахъ, ихъ открытіе, составъ и предѣлы» (Казань, 1897). Поэтому за новое изслѣдованіе авторъ имѣетъ полное право получить высшую ученую степень.

Вполнѣ естественно, что изученіе первоисточниковъ, касающихся хозяйства епархіальныхъ домовъ, привело автора къ выводу, что домовыя земли являлись опорными точками для русской колонизаціи Казанскаго края, а образцовая церковно-хозяйственная администрація—оплотомъ русскаго вліянія. «Изслѣдуя историческіе факты и давно отжившіе свой вѣкъ порядки на Руси — владѣть населенными землями, мы осмѣливаемся,—говоритъ И. Покровскій,— высказаться, что владѣніе архіерейскимъ домомъ населенными землями не было «рабовладѣльчествомъ». Достаточно указать на то, что изъ 11.830 десятинъ пахотной земли, принадлежавшей архіерейскому дому, 10.045 десятинъ находились въ пользованіи самихъ крестьянъ на весьма выгодныхъ для нихъ условіяхъ; къ этому нужно прибавить обширные сѣнные покосы, выгоны и огромныя площади лѣсовъ. Нѣтъ надобности доказывать, что на церковныхъ, особенно домовыхъ земляхъ крестьянамъ жилось гораздо легче, чѣмъ на помѣщичьихъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что чаще не духовныя власти, а сами крестьяне искали церковныя земли, гдѣ и селились съ платой болѣе дешевой аренды, чѣмъ у частныхъ владѣльцевъ. Ниоткуда также не видно, чтобы архіерейскій домъ преслѣдовалъ исключительно домовыя выгоды и на крестьянъ смотрѣлъ только, какъ на рабочую и платежную силу. Лучшимъ доказательствомъ нашей мысли можетъ служить то, что домовые крестьяне поступили въ коллегію экономіи (1764 г.) не маломощными; вмѣстѣ съ другими церковными крестьянами они были положены, вмѣсто рублеваго, въ полутора-рублевый оброкъ». Далѣе авторъ доказываетъ, и дѣлаетъ это вполнѣ умѣло, что доходы Казанскаго архіерейскаго дома въ значительной степени возвращались къ плательщикамъ въ видѣ тѣхъ культурно-благотворительныхъ учрежденій, которыя въ половинѣ XVIII вѣка правительство взяло въ свои руки вмѣстѣ съ секуляризаціей церковныхъ имуществъ и обѣщаніемъ поддерживать эти учрежденія. Что сдѣлало съ этимъ правительство, извѣстно слишкомъ хорошо, почему и вся секуляризація, по мнѣнію автора, оказалась чѣмъ-то очень похожимъ на обманъ. **И. Александровъ.**

Къ церковному собору. Сборникъ группы петербургскихъ священниковъ. Спб. 1906.

Почти два вѣка тому назадъ наша церковная жизнь подверглась коренному преобразованію. Учрежденіе святѣйшаго синода, со всѣмъ остальнымъ механизмомъ церковно-государственныхъ учрежденій, вдвинуло русскую церковь въ

общую систему Русскаго государства, лишило ее канонической свободы и живой церковной жизнедѣятельности. Церковь оказалась въ параличѣ. Съ середины прошлаго столѣтія произошелъ переломъ. Хомяковъ, Кирѣевскій, Самаринъ и др. имъ близкіе создали новое направленіе въ православномъ богословіи, и теперь насчитывается немало учениковъ Хомякова, какъ бы родоначальника цѣлой школы. Эта школа лелѣяла надежду, что русская церковь когда либо возвратится въ свое прежнее русло и возстановитъ у себя тѣ основныя черты церковнаго строя, которыя, какъ каноническія, характеризуютъ собою древнюю православную церковь. Историческія событія значительно подвинули осуществленіе этой надежды, и вотъ группа священниковъ Петербурга рѣшила выступить со своими мыслями о томъ, что и какъ должно быть преобразовано въ церковномъ строѣ, чтобы каноническія начала были возстановлены. Голосъ этой группы не былъ одинокимъ, хотя они о своихъ желаніяхъ заявили наиболѣе громко двумя докладными записками къ митрополиту с.-петербургскому, послѣ напечатанными въ разныхъ газетахъ и вошедшими наконецъ въ настоящій сборникъ. Эти записки вызвали нѣкоторыя недоумѣнія, для устраненія которыхъ, а также въ отвѣтъ на одно секретное предписаніе синода, явились три послѣднія статьи сборника, принадлежащія перу спеціалиста по церковному праву, Н. П. Аксакова. Такимъ образомъ всѣ статьи сборника представляютъ собою научно-публицистическіе трактаты, находящіеся во внутреннемъ единствѣ между собою, за исключеніемъ случайной — «Государственная дума и пастырь церкви». Характеристическая черта этихъ трактатовъ — та, что они исполнены, такъ сказать, юношескаго идеализма и несомнѣнной вѣры въ исповѣдываемую каноническую истину, что придаетъ имъ много силы и убѣдительности. Особеннаго вниманія послѣ первыхъ двухъ статей — записокъ митрополиту — «Неотложность возстановленія канонической свободы православной церкви въ Россіи» и «Составъ церковнаго собора», въ которыхъ доказывается таковая необходимость и то, что соборъ долженъ состоять изъ всѣхъ членовъ тѣла-церкви: епископовъ, клира и мірянъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ полемическая статья Аксакова: «Церковное вѣдомство и церковный соборъ», направленная противъ канцелярской таинственности, съ которою предполагалось синодомъ и оберъ-прокуроромъ рѣшить столь важные въ жизни церковной вопросы, а затѣмъ его же статьи: «Соборъ и выборное начало въ церкви (отвѣтъ епископу Антонію Волынскому)» и «Соборы и патріархи». Это — двѣ самыя обширныя и самыя тяжеловѣсныя по своей аргументаціи статьи и въ научномъ отношеніи самыя интересныя. Преосвященный Антоній допускаетъ къ участію на соборѣ только епископовъ, ссылаясь при этомъ на синодальное изданіе книги правилъ, въ научномъ отношеніи неудовлетворительное и недостаточное. Аксаковъ возражаетъ ему во всеоружіи историческихъ свѣдѣній и знакомства съ греческими подлинниками. Къ тому, что сказано Аксаковымъ, можно еще многое прибавить, но не согласиться съ нимъ безпристрастному изслѣдователю, по нашему мнѣнію, невозможно. Въ послѣдней статьѣ Аксаковъ предупреждаетъ возможность надѣленія будущаго патріарха такими правами, которыя могутъ повредить церкви еще больше, чѣмъ повредило государственное положеніе святѣйшаго синода, и которыхъ согласно канонамъ патріархи никогда не имѣли.

Безспорно, что затронутые въ сборникѣ вопросы могутъ интересовать очень многихъ, а потому сборникъ, какъ болѣе или менѣе популярно отвѣчающій на современныя недоумѣнія, захватывающій подъ вліяніемъ жизни то, что по частямъ разсѣяно въ тысячахъ ученыхъ сочиненій,—можетъ сослужить русскимъ читателямъ большую службу. Возстановленіе каноническаго строя потребуетъ отъ всѣхъ членовъ церкви сознательности, а таковая возможна только при соотвѣтствующемъ просвѣщеніи.

Павелъ Верховской.

Университетъ и политика. Изданіе «Союза студентовъ С.-Петербургскаго университета» и «Академическаго союза слушательницъ С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ». Спб. 1906.

Послѣдняя половина XIX и начальные годы XX столѣтія для будущаго историка Россіи представятъ любопытную, хотя и грустную, картину постепеннаго извѣтшанія прежняго уклада русской жизни и извращенія почти всѣхъ нашихъ государственныхъ учрежденій. Несносныя болѣе политическія условія жизни и начавшаяся сначала тайно, а затѣмъ и явно борьба за освобожденіе привели къ тому, что даже такое близкое къ самымъ интимнымъ чувствамъ человѣка установленіе, какъ церковь, пріобрѣло полицейскій характеръ, и служители ея получили функціи, ничего общаго съ ихъ назначеніемъ не имѣющія. Съ другой стороны, и освободительныя тенденціи забирали все большую и большую силу, оттѣсняя въ учрежденіяхъ ихъ прямое дѣло. Нѣтъ ничего мудренаго, что въ процессъ этого извращенія были уже давно и неудержимо вовлечены и наши высшія учебныя заведенія. Политика, или, лучше сказать, политиканство, прочно угнѣздилась въ аудиторіяхъ, интересуя иногда студентовъ гораздо больше, чѣмъ наука, за которой они пришли. За послѣднее время политика даже совершенно оттѣснила науку и дала совершенно ложное мѣрило для оцѣнки явленій академической жизни. Профессора стали пользоваться авторитетомъ среди студенчества не по своимъ научнымъ заслугамъ, а по своему либеральному и даже радикальному направленію. Самыя науки подраздѣлялись студентами, еще не успѣвшими хорошенько и ознакомиться съ ними, на ретроградныя и передовыя. Однѣ бойкотировались, въ другихъ искали поощренія и оправданія революціоннымъ поползновеніямъ. Наконецъ въ прошломъ году, когда правительство сдѣлало громадную ошибку и объявило свободу университетовъ, не давъ предварительно ни свободы слова, ни свободы собраній, университеты окончательно сбились съ настоящаго пути, и изъ храмовъ науки превратились въ бурные политическіе клубы. Вмѣсто ректора и правленія власть въ нѣкоторыхъ изъ нихъ временно попала въ руки особаго «президіума», составленнаго изъ неизвѣстно кѣмъ выбранныхъ и уполномоченныхъ лицъ, оказавшихся для большинства студентовъ таинственными незнакомцами. Вмѣсто научныхъ лекцій въ аудиторіяхъ слышались яростныя рѣчи, призывавшія къ вооруженной борьбѣ; вмѣсто студентовъ на скамьяхъ возсѣдали рабочіе; вмѣсто химическихъ, физіологическихъ и иныхъ опытовъ производи-

лись денежные сборы на покупку браунинговъ. Процессъ извращенія университетовъ достигъ высшей точки: они исчезли въ странѣ, а на мѣстѣ ихъ явились настоящіе якобинскіе клубы, нетерпимые ни въ одномъ государствѣ. Университетъ, какъ мѣсто науки, умеръ, лежитъ въ гробу, и воскреснетъ ли онъ, покажетъ только будущее.

Къ счастью для страны, среди университетской молодежи, всецѣло подпавшей подъ гипнозъ революціонной борьбы, нашлась въ Петербургѣ кучка студентовъ, не потерявшихъ изъ виду настоящаго назначенія университета и не утратившихъ уваженія къ благородному источнику чистаго знанія. Они образовали «Союзъ студентовъ С.-Петербургскаго университета» и всѣми силами боролись противъ политиканствующаго большинства. Ихъ примѣръ вызвалъ подражаніе и на высшихъ женскихъ курсахъ, гдѣ часть курсистокъ составила особый «академическій союзъ», также задавшійся цѣлью оздоровить жизнь высшихъ учебныхъ заведеній и освободить науку отъ порабощенія политикой. Но, какъ всегда бываетъ въ эпохи бурнаго возбужденія, голосъ благоразумныхъ и уравновѣшенныхъ людей остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Безсильные повліять на академическую жизнь личной оппозиціей, нѣкоторые члены этихъ двухъ союзовъ рѣшили прибѣгнуть къ силѣ общественнаго мнѣнія и въ своей книгѣ апеллируютъ ко всему обществу во имя чистой науки и интеллектуальнаго подъема страны.

Реакція противъ господства политики начинается у насъ уже въ разныхъ областяхъ духовной жизни. Живопись, гдѣ одно время считалось обязательнымъ разрабатывать непремѣнно гражданскіе мотивы, теперь уже отказывается отъ своего прежняго положенія служанки политики. Раздавались и теперь особенно усилились голоса въ пользу изгнанія политическихъ тенденцій изъ беллетристики.

Очередь за наукой, и лежащая передъ нами книжка, очевидно, будетъ первой ласточкой съ того берега. Надо надѣяться, что съ обновленіемъ русской жизни, съ предоставленіемъ странѣ свободы печати, слова и собраній, политика перемѣнитъ квартиру и изъ университета переселится въ болѣе свойственное ей мѣсто, въ будущіе политическіе клубы. **Б. А.**

Н. Н. Зворыкинъ. Крестьянское землеустройство и неотложная аграрная реформа въ Россіи. Спб. 1905.—Д. Н. Бороздинъ. Крестьянскій вопросъ наканунѣ созыва народныхъ представителей. Спб. 1905.—Его же. Какъ остановить аграрное движеніе. Аграрная программа. Спб. 1905.

Три брошюры, названіе которыхъ выписано, представляютъ наглядный примѣръ того, какъ въ короткое время углубился и расширился вопросъ о наилучшемъ устройствѣ крестьянскаго населенія. Г. Зворыкинъ разсматриваетъ его только съ экономической точки зрѣнія. Центральная его идея—это необходимость учредить общеимперскій банкъ, который сосредоточилъ бы въ своихъ рукахъ, путемъ скупки земель, аграрный фондъ, при помощи котораго

государство могло бы утолять земельный голодъ наиболѣе нуждающихся крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ банкъ долженъ выдавать имъ ссуды на обзаведеніе и пріобрѣтеніе сельско-хозяйственнаго инвентаря. Авторъ стоитъ за три типа хозяйства: мелкое, крестьянское, среднее и крупное, необходимое для внесенія въ сельское хозяйство улучшеній, требующихъ значительныхъ затратъ, которыя доступны только собственникамъ богатымъ. Но весь планъ упорядоченія нашего земледѣлія и землевладѣнія возможенъ, по мнѣнію автора, только тогда, когда будетъ уничтожена община, вяжущая крестьянъ по рукамъ и по ногамъ и все равно не предохраняющая отъ образованія безземельнаго пролетаріата.

Съ этимъ положеніемъ совершенно согласенъ и г. Бороздинъ. Но онъ идетъ еще дальше и беретъ крестьянскій вопросъ не только съ экономической, но и съ политической стороны. Авторъ исходитъ изъ того, что нашу деревню угнетаетъ не только малоземелье, но и безправіе. Противъ перваго онъ рекомендуетъ конфисковать тѣ земли, которыя не имѣютъ значенія для землевладѣльцевъ, упорядоченіе переселеній, введеніе учрежденій мелкаго кредита, развитіе и поощреніе побочныхъ крестьянскихъ промысловъ, замѣну выкупныхъ платежей подоходнымъ налогомъ, наконецъ—широкую поддержку сельско-хозяйственнаго образованія. Во второмъ случаѣ, по мнѣнію автора, необходимо спѣшить съ отмѣной не только общины, но и закрѣпощенія крестьянъ спеціальнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ въ родѣ волостныхъ судовъ и земскихъ начальниковъ, которые только задерживаютъ ростъ крестьянскаго правосознанія.

Вотъ что требовалось въ литературѣ не далѣе, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Теперь эти требованія уже гораздо шире, говорятъ и пишутъ о національзаціи всей земли, о полной отмѣнѣ всякихъ сословныхъ правъ и преимуществъ. Думается, что такіе слишкомъ радикальные проекты могутъ только повредить дѣлу. Національзація и передача земли въ руки крестьянства, несомнѣнно, приведутъ къ пониженію сельско-хозяйственной культуры, ибо, какъ бы зажиточенъ ни былъ крестьянинъ, онъ по недостатку знаній не въ состояніи пользоваться усовершенствованіями сельско-хозяйственной техники, требующими иной разъ продолжительнаго изученія. Съ другой стороны, есть отрасли сельскаго хозяйства, гдѣ необходимы большія площади, какъ, напримѣръ, для правильнаго лѣсоводства или разведенія овецъ, быковъ, лошадей. Съ раздробленіемъ національзированной земли откуда будутъ добываться такія пространства? Затѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что какъ бы щедро ни прирѣзали земли крестьянамъ, все равно черезъ десятка два лѣтъ, вслѣдствіе естественнаго и довольно у насъ быстраго прироста населенія, мы вернемся къ тому же положенію, изъ котораго теперь такъ страстно ищемъ выхода. На нашъ взглядъ, корень зла лежитъ не столько въ малоземельѣ, которое остро чувствуется только мѣстами, а въ общей некультурности страны, въ первобытномъ, непродуктивномъ способѣ веденія хозяйства и въ отсутствіи элементарныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній въ массахъ. А. Б.

Н. В. Сорокинъ. Разсказы и очерки. Казань. 1906.

Очерки г. Сорокина напоминаютъ до нѣкоторой степени разсказы изъ крѣпостной эпохи С. Н. Терпигорева (Атавы). Авторъ, проведшій дѣтство въ богатой помѣщичьей семьѣ, разсказываетъ происшествія, совершавшіяся на его глазахъ въ то время, когда крѣпостной человѣкъ не былъ защищенъ ни законами, ни правами отъ произвола барской воли. Въ очеркѣ «Помѣщикъ Ротовъ», рядомъ съ лирическими воспоминаніями автора о собственномъ дѣтствѣ, напоминающемъ своими чертами русскую «обломовку»,—выведенъ сосѣдъ по имѣнію помѣщикъ Ротовъ, задушившій вдовую мачеху и правившій крѣпостными при помощи пытокъ въ приспособленныхъ къ тому «застѣнкахъ» въ его обширной усадьбѣ, но въ концѣ концовъ разорившійся и служившій подъ старость лѣтъ лакеемъ у смотрителя почтовой станціи на шоссейной дорогѣ.

Въ томъ же мрачномъ стилѣ написана авторомъ и его «Параша» — крѣпостная дѣвушка, которая нянчила его, развлекала сказками и былью о томъ, какъ ее, «мастерицу кружева плести», продали его родителямъ отдѣльно при ея живой матери и т. д.

Въ нѣсколько иномъ направленіи, но изъ того же «добраго, стараго времени», излагаются разсказы о томъ, какъ души умирающихъ людей приходятъ наканунѣ къ дорогимъ имъ лицамъ увѣдомлять о своей кончинѣ и т. д. («Страничка изъ далекаго прошлаго»).

Большая, однако, половина разсказовъ Н. В. Сорокина, натуралиста по профессіи, исполнена этнографическихъ наблюденій далекихъ окраинъ нашего обширнаго отечества.

Весьма интересенъ его очеркъ: «На новыхъ мѣстахъ» близъ Батума, тотчасъ послѣ завоеванія его у турокъ, когда населенію черноморскаго побережья русскими людьми грозили не только болотныя лихорадки и дикіе звѣри, но и разоренные турки, обратившіеся за средствами жизни къ разбою и грабежамъ.

Автору хорошо знакомы также пространства между Оренбургомъ и Ташкентомъ, безводная пустыня «Кизылъ-Кумъ» между Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, съ песчаными барханами, кудуками (колодцами) и разбойничьими типами проводниковъ, какой нибудь наложницы (таковъ разсказъ «Шукуръ»). Авторъ долгое время пробылъ также «Въ пескахъ Кара - Кума» на верблюдахъ, съ киргизами, вблизи солончаковъ, подъ бѣлымъ налетомъ которыхъ во время дождей находится топь. Изъ этой топи еще никому не удавалось выбраться, если только вслѣдствіе незнанія или неосторожности онъ попадалъ въ нее.

Не менѣе интересно путешествіе автора изъ Оренбурга до Самарканда («Піонеры») по степямъ съ сильнымъ запахомъ полыни, съ восточными типами городовъ.

Описывая г. Ташкентъ, авторъ разсказываетъ исторію его возникновенія и завоеванія. съ нѣкоторыми легендами объ историческихъ окрестностяхъ, сохранившихъ теперь отъ славнаго прошлаго однѣ разрушенныя мечети. Много удѣлено авторомъ страницъ внутренней жизни туземцевъ и инородцевъ, при чемъ разоблачаются ея внутреннія стороны, какъ, напримѣръ. поклоненіе красивому мальчику...

Кромѣ культа мужской красоты, у азіатовъ вообще, а у сартовъ въ частности, существуетъ еще много возмутительныхъ пороковъ, о которыхъ нельзя говорить въ печати.

«Піонеры» изъ русскихъ имѣли также свои особенности: нагайка и право сильнаго составляли законъ, передъ которымъ должны были преклоняться кочевники. Въ числѣ разбойниковъ встрѣчалось немало русскихъ бѣглыхъ, владѣвшихъ превосходно киргизскимъ нарѣчіемъ. Такими же «разбойниками» были и почтовые чиновники. Они не только ломали печати у чужихъ писемъ, но распарывали посылки съ новыми вещами, выдавали ихъ своимъ женамъ и уже обношенными отправляли впослѣдствіи по адресу. Понаѣхавшіе «ташкентцы» окончательно разорили и киргизовъ, и сартовъ.

Освоившись съ этнографіей и флорой степныхъ пространствъ Сыръ и Аму-Дарьи, г. Сорокинъ очутился «Въ горахъ и долинахъ русскаго Тянь-Шаня», интересно описывая попутные города, любопытное озеро Иссыкъ-Куль, берега котораго у прибоя загромождены человѣческими костями; эти кости даютъ автору поводъ высказать предположеніе о томъ, что озеро образовалось вслѣдствіе внезапной катастрофы, поглотившей старинный городъ съ массою человѣческихъ жертвъ.

Подробно говоритъ авторъ о живописныхъ ущельяхъ и горныхъ перевалахъ Тяньшанскаго края, съ любопытными районами, гдѣ (по берегамъ озера Сонъ-Куля) между корнями засохшей травы разбросаны въ громадномъ количествѣ сѣроватаго цвѣта шарики, величиною отъ горошины и до лѣсного орѣха. Поверхность ихъ морщиниста; они ломки и сильно разбухаютъ въ горячей водѣ. Это—не что иное, какъ лишайникъ (Lichen esculentus прежнихъ ботаниковъ), который растетъ и въ южной Россіи, напримѣръ, на Дону; онъ можетъ быть употребляемъ въ пищу и называется по-русски «земляной хлѣбъ».

Киргизы не знаютъ, что они топчатъ ногами суррогатъ весьма вкусный, который могъ бы имъ пригодиться.

Научныя изслѣдованія занесли автора и къ сибирскимъ инородцамъ. Въ очеркѣ «У вогуловъ» ознакомляешься съ бѣдностью звѣробоевъ, рыболововъ и оленеводовъ, весьма часто, однако, татуированныхъ и пьяненькихъ... Но въ украшеніяхъ вогуловъ, кромѣ кокетства, заключаются и болѣе практическія цѣли: «мужчины во время охоты иногда забираются въ непроходимыя чащи лѣса, и для того, чтобы давать знать другимъ охотникамъ или членамъ своего семейства о томъ направленіи, по которому они шли, вырѣзаютъ на стволахъ деревьевъ узоры, начертанные у нихъ на тѣлѣ». А. Фаресовъ.

Проф. Мих. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Изданіе второе, дополненное. Спб. 1906.

Обратно-пропорціональное отношеніе между ученостью и авторскимъ самолюбіемъ—фактъ, о которомъ можно не говорить, и каждый, кто ведетъ болѣе или менѣе систематически критическій отдѣлъ въ журналѣ или слѣдитъ за чужими рецензіями,—прекрасно знаетъ, что обижаются на замѣчанія рецен-

зентовъ только бездарности. Люди же талантливые, а потому независимые, принимають во вниманіе самыя мелкія замѣчанія, разъ они мало-мальски пріемлемы. Этими мыслями мы и начинаемъ небольшую замѣтку о новомъ изданіи книги львовскаго профессора.

Первое изданіе его «Очерка исторіи украинскаго народа» вышло въ прошломъ году, и отзывъ о немъ въ свое время былъ помѣщенъ въ нѣсколькихъ журналахъ, въ томъ числѣ и въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Поэтому можно не говорить подробно о новомъ изданіи. Замѣтимъ только, что наиболѣе слабыя части перваго изданія настолько исправлены, что даже безъ построчнаго сличенія замѣтны слѣды серьезной авторской переработки. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить чистку языка, въ первомъ изданіи страдавшаго малорусскими оборотами въ частности и въ общемъ тяжелаго. Авторъ объяснялъ это тѣмъ, что за время десятилѣтней жизни въ Галиціи нѣсколько отвыкъ отъ русской литературной рѣчи. Теперь же слогъ неузнаваемъ, конечно, въ положительную сторону. Мы думаемъ, что серія новѣйшихъ «русскихъ» работъ М. Грушевскаго дала ему практику въ этомъ направленіи,—и текстъ «Очерка» въ разбираемомъ изданіи уже не затруднитъ читателей. Во-вторыхъ, сдѣланы небольшія измѣненія въ этнографической картѣ, и тѣ мѣстности, гдѣ преобладаніе малорусскаго населенія подлежитъ сомнѣнію, уже не покрыты голубымъ тономъ. Затѣмъ идутъ перемѣщенія въ расположеніи отдѣльныхъ частей, новыя ссылки на источники-пособія, нѣкоторые новые факты, двѣ историческихъ карты, которыхъ не было раньше, и т. д. Особенное вниманіе обращаютъ на себя послѣднія главы «Очерка», которыхъ также не было раньше. Онѣ введены историкомъ подъ вліяніемъ пожеланій тѣхъ рецензентовъ, которые находили періодъ новой исторіи украинскаго народа (XVIII и XIX в. в.) сравнительно бѣднымъ и, такъ сказать, сокращеннымъ за счетъ древняго періода. Теперь оба періода вышли почти одинаковыми по размѣрамъ, и особенно интересны двѣ послѣднія главы: «Современное состояніе украинства въ Австро-Венгріи» и «Современное состояніе украинства въ Россіи». Несмотря на то, что автору пришлось говорить здѣсь о слишкомъ больномъ вопросѣ не для однихъ украинцевъ, тонъ его почти ни разу не становится пристрастнымъ или вызывающимъ. Такимъ образомъ, его книга не должна обидѣть никого, кромѣ развѣ шовинистовъ.

Успѣхъ перваго изданія, распроданнаго въ теченіе полугода, вполнѣ обезпечиваетъ успѣхъ и новаго изданія, обѣщая дать и третье, условія выхода котораго, по всей вѣроятности, будутъ много благопріятнѣе, чѣмъ второго. Предисловіе помѣчено сентябремъ 1905 г., т.-е. оно закончено за мѣсяцъ до значительнаго облегченія условій цензуры въ Россіи. Послѣдняя дата лишаетъ рецензента права предъявлять къ книгѣ, посвященной попрежнему жгучему національному вопросу, тѣ требованія, какія хотѣлось бы предъявить къ книгѣ, совершенно свободной отъ офиціальной цензуры, написанной лучшимъ знатокомъ дѣла и передовымъ патріотомъ. Вотъ почему, повторяемъ, въ слѣдующемъ изданіи авторъ можетъ и долженъ воспользоваться правомъ называть собственными именами все то, что теперь названо еще все-таки нѣсколько деликатно. М. Грушевскій какъ будто изъ осторожности говоритъ,

что при корректурѣ послѣднихъ главъ, о которыхъ собственно и идетъ рѣчь, онъ «уже имѣлъ въ виду измѣненія въ положеніи дѣлъ, принесенныя бурнымъ полугодіемъ», но сейчасъ же прибавляетъ: «впрочемъ, увы, существенныхъ фактическихъ измѣненій въ положеніи дѣлъ за это время не произошло. «Такъ мало прожито — такъ много пережито», но въ концѣ концовъ, собственно говоря, почти все остается по-старому». Отъ души желаемъ, чтобы въ новомъ изданіи не было такихъ оговорокъ, и нашли бы себѣ мѣсто и «фактическія измѣненія». А. Я.

Отчетъ императорскаго Россійскаго историческаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ за 1905 годъ. М. 1906.

Отчетъ Московскаго историческаго музея, о собраніяхъ котораго до сихъ поръ знали только тѣ, кто былъ близокъ къ самому музею, и догадывались всѣ, кому дорога національная старина, —является болѣе, чѣмъ кстати. Небольшіе размѣры перваго отчета и появленіе его черезъ нѣсколько мѣсяцевъ позволяютъ надѣяться, что и слѣдующіе выпуски будутъ выходить также аккуратно въ началѣ каждаго года и безъ обычныхъ опаздываній, по крайней мѣрѣ, на три года, какъ отчеты Публичной библіотеки въ Петербургѣ, своимъ запаздываніемъ значительно ослабляющіе интересъ къ новымъ пріобрѣтеніямъ. А вмѣстѣ съ отчетами, можно думать, пойдутъ и систематическія описанія отдѣльныхъ коллекцій музея, подробные путеводители и изданія памятниковъ, конечно, болѣе доступныя по цѣнѣ и въ извѣстной системѣ, а не случайныя по цѣнности памятниковъ и научнымъ достоинствамъ изданій ихъ. Таковы наши дезидерата. Выполненіе ихъ едва ли затруднительно для такого солиднаго учрежденія, какъ историческій музей, обладающій опредѣленными, хотя и очень скромными, матеріальными средствами.

Судя по отчету, Московскій музей, до сихъ поръ мало доступный и знакомившій публику съ русской стариной главнымъ образомъ по своимъ копіямъ, становится популярнымъ. Присоединеніе къ нему самаго богатаго и разнообразнаго въ Россіи бытовыми древностями музея П. И. Щукина дастъ историческому музею какъ разъ то, что раньше въ немъ было представлено въ довольно жалкомъ видѣ и пополнялось случайными покупками. Щукинскій музей хорошо извѣстенъ москвичамъ, любителямъ старины; собиратель никогда не жалѣлъ средствъ и трудовъ на пріобрѣтеніе лучшихъ вещей; человѣкъ онъ съ широкой инипіативой, обладаетъ артистическимъ вкусомъ и за 10 лѣтъ успѣлъ основательно изучить бытовую археологію практическимъ путемъ. Кое-что изъ предметовъ, рукописей и документовъ уже описано и издано имъ самимъ, къ сожалѣнію, въ изданіяхъ, не поступавшихъ на книжный рынокъ. А потому не приходится много говорить о выдающемся значеніи пожертвованія, столь характернаго для одной Москвы. У насъ лично соединены съ Щукинскимъ музеемъ лучшія воспоминанія, воспоминанія о своеобразномъ археологическомъ самообразованіи—среди работы не по книгамъ, а надъ подлинными памятниками старины, которые приходилось опредѣлять, изучать и описывать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ во время нашего студенчества. И

цѣльное обаяніе отъ этого оригинальнаго уголка старины на окраинѣ Москвы, созданнаго живой любовью одного только лица,—живо у насъ до сихъ поръ. А потому отъ всей души привѣтствуемъ этотъ достославный даръ и вѣримъ, что жертвователь и послѣ передачи музея не перестанетъ расширять свои коллекціи и не прекратитъ своихъ историческихъ изданій.

За музеемъ П. И. Щукина слѣдуетъ тоже богатое собраніе А. П. Бахрушина. отказанное историческому музею въ 1904 г. Теперь оно приводится въ порядокъ. Конечно, сравнивать оба эти собранія не приходится, но, не будь перваго,—второе составило бы украшеніе любого правительственнаго музея; теперь оно совершенно блѣднѣетъ предъ единственнымъ въ полномъ смыслѣ слова музеемъ Щукина. Изъ болѣе мелкихъ пріобрѣтеній укажемъ переданныя археологическимъ обществомъ курганныя древности изъ разныхъ мѣстностей средней и восточной Россіи, а также Сибири; купленныя на средства музея церковныя вещи, предметы домашняго обихода, портреты, гравюры, нѣсколько рукописей. Кое-что поступило въ отдѣлы Грибоѣдова и Толстого, которые въ ближайшемъ будущемъ обѣщаютъ быть интересными. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что рукописный отдѣлъ теперь открытъ для всѣхъ, и законченъ подвижной карточный каталогъ для всего рукописнаго собранія. Такимъ образомъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ подготовительныхъ работъ историческій музей въ Москвѣ сталъ достояніемъ публики, и надо надѣяться, что его собранія найдутъ преданныхъ дѣлу изслѣдователей и издателей.

А. Яцимирскій.

Собраніе стихотвореній декабристовъ. Томъ I. Стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева, А. И. Одоевскаго, А. А. Бестужева (Марлинскаго) и Г. С. Батенкова съ ихъ портретами, краткими біографическими очерками и литературнымъ указателемъ. Изданіе И. И. Ѳомина. М. 1906.

Декабристы-писатели занимали уже многихъ изслѣдователей русской литературы, и статьи проф. Котляревскаго, кажется, еще не оконченныя, занимаютъ выдающееся мѣсто въ первыхъ опытахъ—опредѣлить нѣчто общее въ литературныхъ портретахъ отдѣльныхъ писателей-декабристовъ. Несмотря на богатую литературу о декабрьскомъ движеніи и отдѣльныхъ его дѣятеляхъ, у насъ нѣтъ пока полнаго собранія сочиненій декабристовъ, хотя бы однихъ поэтовъ. Одоевскій и Рылѣевъ — счастливыя и случайныя исключенія, конечно, съ неизбѣжными цензурными ограниченіями. Не было до сихъ поръ и хрестоматіи съ лучшими образцами поэтическихъ произведеній декабристовъ. Послѣдній пробѣлъ восполняетъ изданіе И. И. Ѳомина, напечатанное изящно и содержащее болѣе 300 страницъ.

Оно предназначается для широкой публики, и въ предисловіи составитель книги даетъ объясненія, которыя лучше всего характеризуютъ хрестоматію. «Въ сборникѣ помѣщены только избранныя стихотворенія въ тѣхъ видахъ, что опубликованіе всѣхъ стихотвореній, не говоря уже о многотомности изданія, было бы совершенно неинтересно и ненужно для читателя-неспеціа-

листа (для котораго главнымъ образомъ оно и предназначается), такъ какъ многія изъ стихотвореній декабристовъ слишкомъ неуклюжи по формѣ и неинтересны по содержанію, выражая мимолетное настроеніе поэта. По этимъ же соображеніямъ не помѣщены и варіанты, изъ которыхъ выбраны только лучшіе или еще неимѣющіеся въ русской печати». Можно не согласиться только съ однимъ: стихотворенія, выражающія «мимолетное настроеніе поэта», не всегда оказываются неинтересными и по содержанію. Если по нимъ трудно уловить основное настроеніе ихъ автора, то во всякомъ случаѣ они характерны для отдѣльныхъ моментовъ творчества или біографіи, а послѣдніе очень важны для натуръ яркихъ, съ сильно развитой индивидуальностью, какими и были большинство декабристовъ. Не дальше какъ второй томъ новаго академическаго изданія Пушкина далъ намъ опять возможность узнать Пушкина именно по пустякамъ, по совершенно уже мимолетнымъ настроеніямъ, предъ которыми болѣе крупныя произведенія его отходятъ на задній планъ. Конечно, эта оговорка не уменьшаетъ значенія сборника, и наше замѣчаніе какъ бы подтверждаетъ дальнѣйшія мысли предисловія, сводящіяся къ тому, что «угодить всѣмъ невозможно».

Составитель отдаетъ замѣтное предпочтеніе гражданскимъ мотивамъ, послѣ которыхъ уже слѣдуютъ стихотворенія только художественныя. Такой выборъ—вполнѣ правильный пріемъ, почему сборнику можно пожелать успѣха. Толково и интересно написано введеніе — сжатый очеркъ общественнаго и политическаго состоянія Россіи предъ декабрьскимъ заговоромъ, главные моменты заговора и его послѣдствія. Хорошее впечатлѣніе нѣсколько портятъ слишкомъ длинныя цитаты, которыхъ не трудно было избѣжать. Такого же характера и отдѣльные біографическіе очерки Рылѣева, Одоевскаго, Бестужева-Марлинскаго и Батенкова. Очерки понравятся читателямъ болѣе требовательнымъ и будутъ доступны читателямъ «начинающимъ». Жаль, что меньшее вниманіе въ нихъ удѣляется литературной дѣятельности названныхъ лицъ, о чемъ какъ разъ меньше всего извѣстно. Указатель главнѣйшей литературы предмета, намъ кажется, не замѣнимъ и несомнѣнно дастъ толчекъ къ знакомству широкаго читателя съ декабристами-писателями, впервые соединившимися вмѣстѣ въ сборникѣ, изданномъ Н. Н. Ѳоминымъ. Воскресшій интересъ къ нимъ такъ понятенъ.

А. Я.

В. С. Сопиковъ. Опытъ россійской библіографіи. Редакція, примѣчанія, дополненія и указатель В. Н. Рогожина. Части IV и V. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1906.

Переизданіе перваго у насъ опыта поставить русскую библіографію на почву болѣе или менѣе научную, какъ мы упоминали въ рецензіи на первые три выпуска «Россійской библіографіи» В. Сопикова, —предпріятіе грандіозное, характеризующее нѣкоторый идеализмъ издателя, съ одной стороны, и авторитетность стараго труда Сопикова, съ другой. Несмотря на почтенную давность, Сопиковъ до сихъ поръ остается піонеромъ,—и съ нимъ считаются. Въ упомянутой рецензіи мы дали общую характеристику этого удивительнаго

для своего времени труда,—труда, исполненнаго съ необыкновенной любовью къ «книгѣ», любовью, граничащей съ трогательною привязанностью къ ней, исполненнаго согласно съ тѣми научными требованіями, которыя въ началѣ прошлаго столѣтія составляли явленіе болѣе, чѣмъ выдающееся. Однимъ словомъ, протекшіе со дня перваго изданія годы не только не ослабили, но какъ будто еще больше усилили авторитетъ Сопикова, имя котораго и теперь звучитъ чѣмъ-то непреклоннымъ и въ то же время симпатичнымъ.

Все это даетъ намъ поводъ остановиться болѣе подробно на непосредственно вытекающемъ отсюда вопросѣ: что же новаго, кромѣ удешевленія предыдущаго изданія, даетъ новое изданіе, прошедшее чрезъ руки лица, опытнаго въ дѣлѣ старой русской библіографіи, В. Н. Рогожина? У насъ принято думать, что всякаго рода библіографическія изданія создаются лишь для справокъ. Это вѣрно лишь отчасти. Дѣло въ томъ, что только тотъ, кто способенъ найти нѣчто живое во всякомъ «мертвомъ», только тотъ можетъ опредѣлить одухотворенность въ той области, которая для «непосвященныхъ» заранѣе обречена на удѣлъ однихъ спеціалистовъ. Мы убѣждены, что смотрѣть на вещи такъ узко нельзя. Живой духъ всюду вноситъ за собой жизнь, будь то самая сухая на первый взглядъ область гуманитарныхъ знаній,—и ученый, преданный самой узкой спеціальности, но творящій свое дѣло въ непреклонной любви къ ней, непонятнымъ для себя самого образомъ дѣлаетъ живое дѣло. Такимъ намъ представляется В. Н. Рогожинъ.

Онъ сумѣлъ въ далеко не благопріятной для популярности области гуманитарныхъ знаній создать себѣ имя неумытнаго и объятаго живою любовью работника, и эта любовь непосредственно отражается на результатахъ его скромной библіографической работы. Читателямъ «непосвященнымъ», быть можетъ, остается непонятнымъ наше впечатлѣніе, но тогда обратимъ вниманіе на примѣчанія В. Н. Рогожина къ нѣсколькимъ изданіямъ, заглавія которыхъ приводятся въ «Опытѣ» Сопикова безъ всякихъ объясненій. Собственныя разысканія редактора устанавливаютъ, какъ непоколебимый фактъ, авторство, а не переводъ книги: «Присутствіе Божіе» 1798 г. Дмитріевскому (IV, стр. 145—146). Прочтите затѣмъ замѣчанія редактора къ «стихамъ» «Чортикъ на дрожкахъ» (V, стр. 76—77), и вы убѣдитесь, что они никоимъ образомъ не могутъ принадлежать Денису Фонвизину, какъ это значилось до сихъ поръ, а на самомъ дѣлѣ принадлежатъ неизвѣстному пока и довольно безграмотному автору. Не имѣя возможности передавать и остальныя наши впечатлѣнія цѣликомъ, охотно отсылаемъ къ примѣчаніямъ В. Н. Рогожина, сдѣланнымъ при заглавіяхъ слѣдующихъ изданій: «Мой досугъ», «Парнасскій Мотылекъ», «Елисавета»—драма, Отрывокъ соч. Кодра и «Кодръ» Кирѣевской, къ примѣчаніямъ къ «Московскому Вѣстнику» и «таинственному» знаку *И. М. В.*, обнаруживающимъ полнѣйшую наивность нашихъ прежнихъ библіографовъ.

Однимъ словомъ, переизданный и отчасти объясненный «Опытъ» Сопикова, нисколько не нарушающій первоначальнаго его вида, представляетъ цѣнность не для одной библіографіи: историкъ литературы и культуры найдетъ въ немъ много новаго и незамѣнимаго.

А. Я.

Лхасса и ея тайны. Аустинъ Уоддель. Переводъ съ англійскаго Е. М. Чистяковой-Веръ. Спб. 1906.

Сочиненіе это представляетъ собою очеркъ Тибетской экспедиціи 1903—1904 г.г., когда полковникъ Іонгхёзбендъ, во главѣ дипломатической миссіи англійскаго правительства, направлялся въ столицу Тибета для заключенія торговаго договора. Экспедицію сопровождалъ военный эскортъ изъ трехъ родовъ оружія съ генераломъ Макдональдомъ во главѣ.

Авторъ подробно описываетъ попытки европейцевъ проникнуть въ Лхассу и тотъ интересъ, который представлялъ собой этотъ буддійскій Римъ со своимъ человѣкомъ-богомъ, далай-ламой, окруженнымъ вѣковой завѣсой таинственности и недоступности. Цѣлый рядъ попытокъ изслѣдовать Тибетъ разбивался фанатическою обособленностью народа, управляемаго ламами, и проникновеніе туда европейцевъ казалось совершенно невозможнымъ, но къ услугамъ ихъ явилась политическая миссія Іонгхёзбенда, и столица далай-ламы предстала глазамъ изслѣдователей.

Изложенію описанія экспедиціи предшествуетъ историческій обзоръ эволюціи далай-ламы, какъ представителя политической власти, независимо отъ духовной, а также и историческое описаніе самаго Тибета, попавшаго въ зависимость отъ Китая, правящаго тамъ чрезъ своихъ эмиссаровъ-амбаней.

Со смертью далай-ламы, духъ его перевоплощается въ ребенка, на котораго при выборѣ новаго далай-ламы и падаетъ жребій при непосредственномъ участіи китайскаго амбаня. До 18-ти-лѣтняго возраста его страной управляетъ регентъ, и вотъ цѣлый рядъ юношей—перевоплощеній бога, не переживаютъ этого возраста, что̀ и даетъ возможность регентамъ править народомъ за малолѣтствомъ вновь выбраннаго святого. Нынѣшній далай-лама избѣгнулъ преждевременной смерти при помощи друзей національной партіи, арестовавшихъ регента и заточившихъ его въ монастырь. Кромѣ того, онъ воспользовался слабостью Китая, потерпѣвшаго пораженіе въ 1895 г. и 1900 г., и открыто сталъ пренебрегать указаніями амбаней.

Подпавъ подъ вліяніе ученаго ламы Дорджіева, бурята по происхожденію и русскаго подданнаго, далай-лама попалъ, по словамъ автора, въ цѣпкія руки русскихъ и пожелалъ протектората Россіи. Дорджіевъ ѣздилъ неоднократно въ Петербургъ, и въ 1903 г. былъ заключенъ тайный договоръ между Россіей и Тибетомъ, который, открывая русскимъ Тибетъ, давалъ имъ въ руки горные проходы въ Индію, угрожая этимъ англійскимъ интересамъ. Это побудило англичанъ разстроить опасное посягательство Россіи на аванпостъ Индіи и потребовать отъ Тибета открытыхъ дверей для торговли и политическихъ сношеній. Правительство Тибета медлило съ отвѣтомъ, Китай также уклонялся, и лордъ Керзонъ снарядилъ экспедицію Іонгхёзбенда съ генераломъ Макдональдомъ во главѣ войскъ.

Движеніе по неразработаннымъ переваламъ на высотѣ 14.390 ф. надъ уровнемъ океана зимою при морозахъ, доходившихъ до 57°, было поистинѣ подвигомъ, вызывающимъ удивленіе. Преодолѣть всѣ трудности похода удалось, благодаря самоотверженной выносливости людей и умѣлой организаціи

Макдональда. Разработка путей, подвозъ на вьюкахъ и на людяхъ съѣстныхъ припасовъ, организація тыла, все это дѣлаетъ несомнѣнную честь начальнику отряда, твердая же настойчивость въ достиженіи политическихъ цѣлей, пренебреженіе къ опасностямъ и система доведенія задуманнаго до конца характеризуютъ Іонгхёзбенда, какъ политическаго дѣятеля, которыми такъ богата его родина.

Замѣчательна выдержка людей Макдональда, которые не должны были открывать огня, и систематическое накаливаніе тибетцевъ до открытія ими перваго выстрѣла, который развязалъ англичанамъ руки, давъ имъ возможность начать избіеніе храбрыхъ, но скверно вооруженныхъ туземцевъ.

Рядъ побѣдъ англичанъ привелъ ихъ къ стѣнамъ Лхассы. Далай-лама бѣжалъ въ Монголію. Его замѣститель подписалъ договоръ съ Англіей.

Описаніе храмовъ, монастырей, религіозныхъ воззрѣній ламаитскаго буддизма проводится систематически во всей книгѣ и свидѣтельствуетъ о большой эрудиціи автора, извѣстнаго знатока и изслѣдователя буддизма, въ которомъ онъ видитъ свѣтъ и поясненія къ тому ученію Христа, которое по своему смыслу ближе подходитъ къ Буддѣ, нежели къ апостолу Павлу, Августину и Лютеру. Знаніе святыми отцами вѣрованій Азіи спасло бы католическую церковь отъ паденія, которое такъ обезобразило ее послѣ того, какъ исчезъ ея безсмертный основатель.

Итакъ, земной рай «живого Будды» уже не представляетъ собою мѣста фантастическихъ сказаній; ограду, созданную фанатизмомъ страны ламъ, разломала желѣзная рука англичанъ, сумѣвшая своевременно изъ мирной перчатки политической миссіи выпустить когти военной экспедиціи. Двери таинственной страны открыты для путешественника, изслѣдователя и для туриста. Проложены сотни миль прекрасныхъ дорогъ, и свѣтъ цивилизаціи разсѣетъ туманъ невѣжества и нездоровыхъ суевѣрій: миссія англичанъ сдѣлается настоящимъ благословеніемъ для запретной страны монаховъ, и даже въ Лхассѣ будетъ учрежденъ подъ британскимъ протекторатомъ университетъ.

Авторъ не скупится на похвалы своимъ соотечественникамъ, но въ то же время даетъ весьма талантливое и интересное описаніе страны и ея жителей съ наружной и духовной стороны. Изложено сочиненіе сжато и вообще весьма талантливо. Переводъ и изданіе вполнѣ хороши. Иллюстраціи, которыми весьма богата книга, взяты съ натуры, поэтому въ сильной степени украшаютъ книгу.

П. фонъ-Лангъ.

П. Г. Мижуевъ. Исторія великой американской демократіи. Спб. 1906.

По справедливому замѣчанію автора, С. Американскіе Соединенные Штаты представляютъ собой одно изъ самыхъ замѣчательныхъ государствъ современнаго культурнаго міра, занимая выдающееся положеніе во многихъ и весьма важныхъ отношеніяхъ.

Между тѣмъ изъ богатой иностранной литературы по исторіи Америки на русскій языкъ переведено очень мало, а оригинальныхъ сочиненій у насъ со-

всѣмъ не было, и г. Мижуевъ первый написалъ исторію американскаго народа отъ перваго знакомства англичанъ съ Америкой въ XVI вѣкѣ вплоть до нашихъ дней. Жаль только, что авторъ не предпослалъ главы о доисторической эпохѣ, которую не трудно было бы составить, такъ какъ американская археологія сдѣлала большие успѣхи. Г. Мижуевъ ничего не говоритъ о туземцахъ, называя ихъ по традиціи индѣйцами, хотя это названіе явилось, какъ извѣстно, по недоразумѣнію вслѣдствіе того, что первые путешественники, открывшіе Америку, воображали, что они находятся въ Индіи.

Пріятно было бы видѣть достовѣрныя свѣдѣнія о происхожденіи туземцевъ вмѣсто тѣхъ сомнительныхъ разсказовъ, которые мы читаемъ въ главѣ о первыхъ англійскихъ поселеніяхъ. Авторъ сообщаетъ, что въ началѣ XVII вѣка англійскихъ колонистовъ постигъ голодъ, и что они ѣли мышей и крысъ; былъ будто бы даже случай, когда нѣсколько болѣе бѣдныхъ колонистовъ вырыли изъ могилы индѣйца, убитаго за три дня передъ тѣмъ, и съѣли его. Многіе въ отчаяніи уходили въ лѣсъ, пробовали питаться тамъ разными кореньями, умирали отъ истощенія и были нерѣдко затѣмъ съѣдаемы тѣми, кто находилъ ихъ тѣла.

И все-таки представляется невѣроятнымъ, чтобы англичане всего 300 лѣтъ тому назадъ могли питаться разлагающимся трупомъ человѣка.

Къ недостаткамъ разбираемой книги относится нѣкоторое отсутствіе исторической перспективы и чрезмѣрное увлеченіе Америкой. Такъ, напримѣръ, первому президентству Джефферсона (1801—1805 г.г.) отведено 11 страницъ, а такому выдающемуся дѣятелю, какъ президентъ Линкольнъ, при которомъ произошла частичная отмѣна невольничества, посвящено всего 7 страницъ.

Авторъ заканчиваетъ свою книгу такими словами: «Начиная свое изложеніе исторіи американской демократіи, мы сказали, что С. Штаты представляютъ собой одну изъ наиболѣе замѣчательныхъ и наиболѣе любопытныхъ странъ въ политическомъ отношеніи, такъ какъ въ этой республикѣ производится въ самыхъ широкихъ размѣрахъ опытъ народовластія, т.-е. такой организаціи общественныхъ учрежденій, при которой, выражаясь историческими словами Линкольна, правительственная власть исходитъ отъ народа, существуетъ для блага народа и приводится въ дѣйствіе народомъ. Мы льстимъ себя надеждой, что предшествующее изложеніе заключаетъ достаточно убѣдительныхъ доказательствъ того, что указанный строй, столь рѣзко отличающій великую американскую демократію отъ странъ Стараго свѣта, оказывается болѣе согласнымъ съ истинными интересами главной массы населенія, чѣмъ завѣщанный отъ прошлаго общественный укладъ съ болѣе или менѣе рѣзкимъ дѣленіемъ народа на дирижирующіе классы и инертную массу».

Г. Мижуеву слѣдовало указать и на тѣневыя стороны американской жизни, напримѣръ, на деспотизмъ капитала и на подкупы при выборахъ. **П. Б.**

Проф. М. Красноженъ, докторъ церковнаго права. Иновѣрцы на Руси. Томъ I. Положеніе неправославныхъ христіанъ въ Россіи. 3-е исправленное и дополненное изданіе. Юрьевъ. 1906. —Его же. Къ вопросу о свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости. Юрьевъ. 1906. Съ приложеніемъ: Границы вѣротерпимости. Юрьевъ. 1906. —Его же. Старые и новые законы о разводѣ. По поводу изданія проекта новаго гражданскаго уложенія. Юрьевъ. 1906.

Отзывъ на первое изданіе книги Иновѣрцы на Руси былъ данъ нами въ нашемъ журналѣ въ 1901 г. (іюль, стр. 320—322). Касаться вновь существа книги нѣтъ теперь надобности, тѣмъ болѣе, что при ближайшемъ изслѣдованіи третье изданіе книги оказывается исправленнымъ и дополненнымъ въ крайне незначительной степени, такъ что можно сказать, что между первымъ и третьимъ изданіемъ книги нѣтъ никакой разницы. Поэтому, если третье изданіе и вызывалось потребностью на него книжнаго рынка, то для науки оно не имѣетъ никакого значенія. Болѣе того, третья глава книги о положеніи неправославныхъ христіанъ по дѣйствующему русскому законодательству оказывается въ настоящее время совершенно устарѣвшею, и очень многое въ ней является послѣ указа 17 апрѣля 1905 г. анахронизмомъ. Впрочемъ, какъ историческая справка, книга можетъ быть полезна во всякое время.

Слѣдующая за нею брошюрка представляетъ собою краткое извлеченіе изъ книги объ иновѣрцахъ, прочитанное въ засѣданіи учено-литературнаго общества при Юрьевскомъ университетѣ. Какъ вышедшая въ 1905 г., вѣроятно, до апрѣля, она тоже устарѣла, хотя распространеніе ея все же можетъ быть полезно ради нѣсколькихъ мыслей общаго, принципіальнаго характера.

Зато приложеніе на 6 страницахъ для доктора церковнаго права кажется намъ совершенно неудобнымъ. Оно вышло послѣ указа 17 апрѣля 1905 г., который самъ по себѣ могъ послужить для г. Красножена, на всѣ лады трактующаго одинъ и тотъ же вопросъ послѣ перваго изданія своихъ «Иновѣрцевъ», предметомъ особой обстоятельной работы. Однако, кромѣ упоминанія объ указѣ 17 апрѣля, мы читаемъ на остальныхъ 5 страницахъ все тѣ же извлеченія изъ «Иновѣрцевъ».

Брошюрка о разводѣ даетъ краткое, довольно безжизненное изложеніе законовъ о разводѣ, начиная съ евреевъ и до нашихъ дней. Что касается дѣйствующаго русскаго законодательства, то брошюра совершенно устарѣла въ отношеніи послѣдствій развода по причинѣ невѣрности. Высочайшимъ указомъ 28 мая 1904 г. рѣзко измѣнена 253 ст. устава духовныхъ консисторій, а это обстоятельство пробило глубокую брешь въ нашемъ бракоразводномъ правѣ.

Вообще говоря, особенно въ брошюрахъ, у г. Красножена не замѣчается того широкаго теоретическаго размаха, который ожидается читателемъ отъ работъ профессора-спеціалиста. Не пересказы законовъ, а ученая критика и живая творческая мысль можетъ двигать впередъ и жизнь и просвѣщеніе.

П. В. В.

Библіотека «Свѣточа». № 4. Самодержавіе и печать въ Россіи. Спб. 1906.

Ядро этой сборной брошюры составляетъ извѣстное всеподданнѣйшее прошеніе, поданное въ январѣ 1895 г. русскими писателями, и пояснительная къ нему записка о нуждахъ русской печати. Печальная судьба записки и нѣкоторыхъ литераторовъ, подписавшихся подъ прошеніемъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ десять лѣтъ тому назадъ правительство было глухо и слѣпо. Въ запискѣ испрашивалась лишь отмѣна явно несправедливыхъ и даже противозаконныхъ цензурныхъ стѣсненій, но и это скромное ходатайство въ то время было сочтено «продерзостью». Въ видѣ иллюстраціи къ цензурному произволу въ концѣ брошюры приведенъ длинный списокъ всевозможныхъ запрещеній съ 1873 г. по 1895 г. Нельзя не подивиться дикости большинства такихъ запрещеній. Не позволялось, напримѣръ, говорить въ печати о закупкѣ муки С.-Петербургской городской управой въ голодный 1892 годъ. Строго запрещалось писать о холерѣ, о соляномъ налогѣ, о бѣдныхъ, нуждающихся въ помощи, объ убійствѣ московскаго городского головы Алексѣева, о предстоящихъ выборахъ въ С.-Петербургскую думу и т. п.

Дѣло дошло наконецъ до того, что предписывалось хранить строгое молчаніе о спорѣ Франціи и Нидерландовъ по поводу владѣній въ Гвіанѣ! Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! **Б. А.**

А. К. Джivелеговъ. Очерки по исторіи Германіи 1806—1871 г.г.

Маленькая книжка г. Джпвелегова не представляетъ собою самостоятельнаго изслѣдованія: это—просто компилятивный очеркъ, въ которомъ авторъ, по его словамъ, пытался дать картину эволюціи нѣмецкихъ отношеній XIX вѣка, понимая, однако, отношенія эти довольно своеобразно. «Народная кровь никогда не проливается даромъ, и навсегда потопить въ крови свободу—вещь невозможная»,—таковъ руководящій мотивъ работы г. Джпвелегова, сообразно чему его главною задачею является разсмотрѣніе не столько эволюціоннаго, сколько революціоннаго движенія германской національности. Распредѣленіе матеріала въ книжкѣ потому самое неравномѣрное; изъ 200 страницъ цѣлыхъ 145 посвящены бурной эпохѣ 1848 г., изложенной, правда, очень интересно, но крайне односторонне и даже тенденціозно; особенно въ этомъ отношеніи любопытны стр. 88—97, повѣствованіе о мартовскихъ дняхъ въ Берлинѣ; перемываніе черныхъ щенятъ набѣло доведено здѣсь до прямого извращенія фактовъ, не говоря уже о томъ саркастическомъ тонѣ, въ какомъ ведется разсказъ, лишь только заходитъ рѣчь о дѣйствіяхъ злополучнаго «романтика на тронѣ Цезарей», Фридриха-Вильгельма IV, и его правительства. И само изложеніе фактовъ, и его настроеніе при этомъ таковы, что у читателя и этихъ страницъ, и страницъ, посвященныхъ описанію вѣнской революціи, невольно является предположеніе, будто авторъ умышленно желалъ сдѣлать возможнымъ проведеніе параллелей и аналогій между 1848 г. въ Германіи и 1905 г. въ Россіи. Страницы 7—40 посвящены обзору событій,

связанныхъ съ господствомъ системы Меттерниха въ области внутреннихъ отношеній Германіи; эта глава представляется, невзирая на интересъ затронутыхъ въ ней вопросовъ, наименѣе интересной въ книжкѣ г. Дживелегова; здѣсь авторъ не идетъ дальше общеизвѣстныхъ анекдотовъ объ австрійскомъ канцлерѣ и его пресловутой «системѣ» и декламаторскихъ выходокъ «гражданскаго» пошиба (напримѣръ, на стр. 29, гдѣ Стурдза названъ «добровольцемъ мракобѣсія, которые ядовитымъ роемъ всегда появляются надъ гніющею лужей реакціи», или изображеніе сыщиковъ, жандармовъ и полиціи на стр. 36), совершенно замалчивая тотъ фактъ, что историческая наука далеко не такъ односторонне смотритъ на Меттерниха.

Цѣли своей дать очерки по исторіи Германіи 1806—1871 г.г. авторъ не достигъ, событій 1849—1871 г.г. онъ даже не подвергъ и самому поверхностному разсмотрѣнію; но надо думать, что не эта задача и занимала г. Дживелегова; для него было важнѣе дать читателю сводъ «гражданскихъ мотивовъ» и уроковъ «сознательной» политики. Это ему удалось, поскольку читатель, не имѣющій спеціальной подготовки, не уличитъ автора въ односторонней тенденціозности изложенія. Но при чемъ же здѣсь исторія? **М. П—ій.**

Б. В. Варнеке. Наблюденія надъ древнеримской комедіей. Къ исторіи типовъ. Казань. 1905.

Давно уже замѣчено, что древнеримская комедія отличается поразительной разработкой типовъ дѣйствующихъ въ ней лицъ и въ этомъ отношеніи всецѣло можетъ быть названа родоначальницей типовъ современной драмы. Эти отдѣльные типы древней комедіи выступаютъ въ ней до такой степени рельефно, что каждый можетъ составить предметъ особаго изслѣдованія. Первымъ, кто занялся болѣе детально подобными изысканіями, былъ талантливый нѣмецкій филологъ Риббекъ († 1898), давшій блестящіе этологическіе очерки хвастуна, паразита и поселянина. Продолжателемъ Риббека является нашъ молодой ученый, профессоръ Варнеке. Въ лежащей предъ нами книгѣ онъ разсматриваетъ типы гетеры, кормилицы и наперсницы, сводни, сводника и супруги. Наиболѣе, кажется, удались г. Варнеке главы о гетерѣ и своднѣ. Впрочемъ, повсюду авторъ обнаруживаетъ поразительную эрудицію и знакомство не только съ античной театральной литературой, но и съ позднѣйшей, что даетъ ему возможность дѣлать временами интересныя сопоставленія Плавта и Теренція съ Мольеромъ и Шекспиромъ, и даже прибавить любопытную заключительную главу: «По вопросу о началѣ слезной комедіи». Такъ какъ г. Варнеке приходится въ своей области итти почти по непротоптаннымъ тропинкамъ, то читается его книга очень не легко. Не говоря уже о томъ, что авторъ, какъ это и обычно для ученаго трактата, даетъ цѣлыя страницы изъ латинскихъ и греческихъ цитатъ, оставляя ихъ безъ перевода, онъ, кромѣ того, попутно дѣлаетъ пространные экскурсы по поводу еще не достаточно разъясненныхъ текстовъ комедій, большинство которыхъ дошло до насъ, какъ извѣстно, въ отрывкахъ, что сообщаетъ его изложенію очень неровный характеръ. Кромѣ

комедій, г. Варнеке вполнѣ правильно широко пользуется для своихъ изысканій имѣвшей близкое сродство съ комедіей литературой элегической, эпистолографической и беллетристической, давая и здѣсь много любопытныхъ сопоставленій и объясненій. Между прочимъ, авторъ вступаетъ въ полемику съ рецензентомъ по вопросу о томъ, какихъ женщинъ имѣлъ въ виду Овидій, когда писалъ свою «Науку любви». Доводы г. Варнеке, что Овидій составилъ свою поэму исключительно для гетеръ, а не для всѣхъ женщинъ вообще, совершенно не убѣждаютъ рецензента уже по одному тому, что для обольщенія гетеры не требовалось прибѣгать къ массѣ тѣхъ ухищреній и подходовъ, которые перечисляетъ поэтъ; затѣмъ Овидій самъ признается во второй книгѣ «Скорбей», что элегическіе поэты учили и тому, какъ замужнія женщины должны обманывать мужей. Впрочемъ, детальное разсмотрѣніе этого вопроса, конечно, можетъ имѣть мѣсто только на страницахъ спеціальныхъ органовъ. Отмѣчу еще, что въ главѣ о своднѣ г. Варнеке правильно привлекаетъ къ сравненію псевдоовидіеву поэму «О старухѣ», замѣчая, что про автора ея мы ничего не знаемъ. Между тѣмъ, объ этой поэмѣ имѣется довольно детальное изслѣдованіе французскаго ученаго Cocheris (La vieille ou les derniers amours d'Ovide, Paris, 1861), гдѣ приведено такое свидѣтельство объ авторѣ «Старухи», съ которымъ по меньшей мѣрѣ надо считаться. Кромѣ того, въ диссертаціи г. Варнеке есть еще двѣ главы, посвященныя разсмотрѣнію политическихъ и литературныхъ мотивовъ въ древнеримской комедіи. Корректура книги отнюдь не отличается тою исправностью, которая присуща въ общемъ ученымъ трактатамъ; между прочимъ, родственный по спеціальности съ г. Варнеке нѣмецкій ученый Wilhelm на протяженіи всего сочиненія именуется Wilchelm. Въ заключеніе еще разъ привѣтствую изслѣдованіе г. Варнеке, какъ пролагающее, подобно нѣкоторымъ другимъ его работамъ, мостъ между древней и новой литературой и этимъ наглядно доказывающее всю несокрушимую мощь античной культуры.

А. Малеинъ.

Некрасовъ, П. Государство и академія. Синтезъ авторитетныхъ сужденій добросовѣстнаго меньшинства съ мнѣніями моральныхъ силъ доблестнаго большинства. М. 1905.

Настоящій трудъ изданъ въ видѣ особаго приложенія къ циркулярамъ по Московскому учебному округу, когда авторъ былъ его попечителемъ. Въ своей работѣ г. Некрасовъ стремится обслѣдовать связь между государствомъ и академіей, съ одной стороны, и наукой и политикой, съ другой. Этотъ вопросъ теперь является однимъ изъ насущныхъ, живыхъ: политика, такъ властно ворвавшаяся за послѣднее время въ нашу академическую жизнь, внесла въ нее полнѣйшій разладъ. Но, несмотря на то, что трудъ посвященъ столь живому вопросу, отъ него вѣетъ схоластикой, рутиной. Напрасно мы будемъ искать въ работѣ г. Некрасова яснаго отвѣта на поставленный вопросъ, мы не найдемъ его, а натолкнемся на отвлеченныя формулы, сложныя математическія выкладки; вмѣсто хлѣба авторъ предлагаетъ камень. Позволимъ себѣ задать вопросъ г. Некрасову: зачѣмъ понадобилась высшая отвлеченная

математика для рѣшенія столь жизненнаго вопроса? Не знаемъ, кто явится читателемъ архи-ученѣйшаго трактата г. Некрасова, но осмѣливаемся утверждать, что люди, дѣйствительно заинтересованные затронутымъ вопросомъ, отвернутся отъ труда автора: онъ оттолкнетъ ихъ дѣланной научностью, схоластичностью. Едва ли также его будутъ читать и тѣ, которые по роду службы должны прочитывать циркуляры и разныя приложенія къ нимъ: не думаемъ, чтобы среди нихъ нашлись охотники одолѣвать математическія построенія г. бывшаго попечителя. Всего вѣрнѣе, трудъ г. Некрасова и стигнетъ участь различныхъ, ему подобныхъ циркуляровъ и приложеній къ нимъ—забвеніе. И едва ли въ этомъ будетъ несправедливость: общественнаго вниманія заслуживаетъ лишь то, что жизненно, что даетъ отвѣтъ науки на вопросъ жизни, а не туманныя отвлеченныя выкладки, затемняющія его еще болѣе.

Нельзя еще не указать на поразительно нелитературный языкъ и слогъ г. Некрасова. Онъ неоднократно проситъ извиненія за недостатки своего изложенія, объясняя ихъ трудностью передачи философской мысли на популярный языкъ. Съ этимъ мы никоимъ образомъ не можемъ согласиться: какъ бы ни была отвлеченна мысль, ее всегда можно передать въ формѣ, понятной для образованнаго человѣка, если, конечно, умышленно не выражать ея въ мало понятныхъ и излишнихъ терминахъ, неологизмахъ и варваризмахъ, какъ это дѣлаетъ авторъ.

Кто претендуетъ на малое, съ того мало и спрашивается, но разъ г. Некрасовъ претендуетъ на большое, то мы въ правѣ много и требовать отъ него.

А. Ф—нъ.

А. П. Барсуковъ. Автографы извѣстныхъ и замѣчательныхъ людей. (Изъ архива С. Ю. Витте). Спб. 1905.

Бывшій премьеръ-министръ, графъ С. Ю. Витте, предоставилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ распоряженіе Общества ревнителей русскаго просвѣщенія въ память императора Александра III рукописный сборникъ, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Сборникъ этотъ былъ заведенъ дѣдомъ, по женской линіи, графа Витте, извѣстнымъ дѣятелемъ кавказскаго гражданскаго управленія при князѣ Воронцовѣ и князѣ Барятинскомъ, Андреемъ Михайловичемъ Фадѣевымъ, и продолженъ его сыномъ, извѣстнымъ военнымъ писателемъ, Ростиславомъ Андреевичемъ Фадѣевымъ. Андрей Михайловичъ Фадѣевъ отъ брака съ княгиней Еленой Павловной Долгоруковой имѣлъ, кромѣ сына, дочерей: Екатерину, бывшую замужемъ за Юліемъ Ѳедоровичемъ Витте; Елену, извѣстную писательницу, подъ псевдонимомъ «Зенаида Р—ва», и Надежду, избранную за свои литературные труды въ члены-корреспонденты Нью-Іоркскаго теософическаго общества.

Всѣ 177 документовъ этого сборника, изъ которыхъ 64 документа—XVIII столѣтія и 113—XIX столѣтія, авторъ предисловія, А. П. Барсуковъ, раздѣляетъ на шесть группъ: 1) документы, относящіеся къ дѣламъ Калмыцкимъ, Астраханскимъ и Персидскимъ (это—старѣйшіе документы сборника, начиная

съ 1720 г.); 2) Потемкинскія бумаги, всего 12, относящіяся ко времени управленія Потемкина Новороссійскимъ краемъ; 3) Долгоруковскія бумаги; 4) письма, записки, стихотворенія и т. п. разныхъ лицъ, всего 49 документовъ; 5) Фадѣевскія бумаги: переписка Андрея Михайловича и Елены Павловны Фадѣевыхъ и дѣтей ихъ; всего 64 №№; и 6) патенты, дипломы, свидѣтельства, разные печатные листы и т. п. Изъ отдѣльныхъ документовъ, какъ на наиболѣе обращающіе на себя вниманіе, слѣдуетъ указать на слѣдующіе: въ I группѣ—на письмо епископа астраханскаго Лаврентія (1724) къ астраханскому губернатору А. П. Волынскому по дѣлу объ обученіи и крещеніи въ православную вѣру калмыковъ; во II группѣ—письмо архіепископа Георгія Конисскаго къ князю Г. А. Потемкину (1787) по поводу обиды, нанесенной церковнику священникомъ Максимомъ Боровикомъ; въ III-й—письмо генералъ-губернатора могилевскаго П. Б. Пассека къ князю Н. В. Долгорукову о буйствѣ офицеровъ его полка въ Купіольской почтовой конторѣ; въ IV-й—нигдѣ ненапечатанное поздравительное стихотвореніе А. Е. Измайлова Д. М. Княжевичу; нигдѣ ненапечатанная сатира Мих. Вас. Милонова на Д. И. Хвостова («Балдуса»), В. Л. Пушкина («Вздоркина»), кн. А. А. Шаховского («Мевія»), А. С. Шишкова («Злослова») и др.; письмо герцога Ришелье о новороссійскихъ колоніяхъ; и въ V группѣ — нигдѣ ненапечатанное разсужденіе Е. А. Ганъ («Зенеида Р—ва») о значеніи и смыслѣ человѣческой жизни (1839 г.), и др. Документы напечатаны, большею частью, полностію и снабжены необходимыми примѣчаніями.

В. Рудаковъ.

Берлинскій Братскій Ежегодникъ. Православныя церкви и русскія учрежденія за границею. Съ 86 рисунками. Протоіерея А. П. Мальцева. Справочникъ съ календаремъ на 1906 годъ. Изданіе Берлинскаго св. Князь-Владимирскаго братства, состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ его императорскаго высочества, великаго князя Владимира Александровича. Спб. 1906.

Всякій изъ русскихъ, кому приходилось подолгу живать за границей, охотно признаетъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ тѣмъ притягательнымъ центромъ, около котораго группируется наша колонія, являются православные храмы и служащее при нихъ духовенство. Поэтому можно только горячо привѣтствовать мысль—дать путешествующимъ соотечественникамъ такую книгу, которая представляла бы подробный перечень заграничныхъ православныхъ церквей, а также дипломатическихъ представителей Россіи во всемъ мірѣ. Эта благая мысль явилась у одного изъ самыхъ видныхъ представителей нашего заграничнаго духовенства, берлинскаго протоіерея А. П. Мальцева, о плодотворной и разносторонней дѣятельности котораго недавно писалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» Н. Н. Лендеръ. Слѣдуетъ замѣтить, что книга о. Мальцева даетъ несравненно больше, чѣмъ обыкновенный справочникъ, такъ какъ содержитъ весьма много историческихъ и историко-литера-

турныхъ данныхъ изъ прошлаго нашихъ заграничныхъ церквей. Таковы особенно статьи про Аѳины, Берлинъ и Потсдамъ, Вѣну, Лондонъ, Парижъ, Пекинъ, Римъ, Штутгартъ (гдѣ сообщены малоизвѣстныя стихотворенія князя Вяземскаго и Жуковскаго), Токіо, Флоренцію, Ѳедорвальде (въ Восточной Пруссіи) и мн. др. Но и на протяженіи всей книги замѣтно, что почтенный авторъ относился къ излагаемому предмету съ великимъ усердіемъ и любовью, тщательно подбиралъ матеріалъ, какъ печатный, такъ и рукописный. Наконецъ, сочиненіе украшено многочисленными видами заграничныхъ русскихъ церквей и портретами наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей изъ нашего зарубежнаго духовенства, преимущественно почившихъ. Нельзя не пожелать, чтобы наша публика поддержала это симпатичное изданіе и, такимъ образомъ, дала возможность почтенному автору постепенно расширять и дополнять свой кропотливый трудъ. Судя по вложенному въ книгу листку Desiderata для слѣдующихъ изданій, видно, какую широкую и разностороннюю программу изъ исторіи русской жизни за границей имѣетъ въ виду выполнить о. Мальцевъ. А. М.

Д-ръ Н. Эристовъ-Шарвашидзе. Памятная записка о нуждахъ грузинскаго народа. Съ картой Грузіи. Москва. 1906.

Записка эта была въ рукописи отправлена еще въ прошломъ году изъ Иркутска въ Тифлисъ къ кавказскому намѣстнику, гр. Воронцову-Дашкову. Авторъ собралъ всѣ нужныя справки о вопіющихъ нуждахъ грузинскаго народа, предпославъ имъ историческое введеніе съ характеристикой культурнаго состоянія Грузіи до начала XIX вѣка, когда по манифесту Александра I, согласно заявленному желанію грузинскаго царя, владѣніе послѣдняго вошло въ составъ Россійской имперіи. Анализъ трактата 1783 г. между Екатериной и Иракліемъ II, царемъ грузинскимъ, приводитъ автора къ тому заключенію, установленному въ юридической наукѣ, что Грузія, добровольно вступая подъ державную руку русскаго царя, выговорила себѣ независимое внутреннее самоуправленіе, установила вассальныя отношенія къ своему сюзерену. Для возрожденія раздираемой нынѣ смутою Грузіи составитель «Записки» настаиваетъ на возвращеніи ей обусловленнаго въ трактатѣ широкаго самоуправленія, или, какъ онъ его мѣстами называетъ, автономіи, лозунгъ современныхъ грузинъ, провозглашенный въ резолюціяхъ дворянъ, духовенства, горожанъ и крестьянъ. Считая дарованіе автономіи единственнымъ исходомъ и спасительнымъ средствомъ для возстановленія порядка въ Грузіи, составитель «Записки» перечисляетъ тѣ прискорбныя послѣдствія, которыми сопровождался бюрократическій режимъ на Кавказѣ, окрестившій грузинъ «азіатами» и объединившій разноплеменныя его народности въ одну безцвѣтную группу «туземцевъ» для попранія его нравовъ, традицій, выговоренныхъ правъ. Обрусеніе школы и церкви, ограниченіе правъ грузинъ селиться по Черноморскому побережью, аграрные безпорядки—результатъ малоземелья въ краѣ, отправленіе суда на русскомъ языкѣ, примѣненіе къ грузинамъ системы отбыванія воинской повинности внѣ предѣловъ родины, въ суровыхъ климатиче-

скихъ условіяхъ, жалкое состояніе врачебной помощи и путей сообщенія—все это составляетъ комплексъ тѣхъ плодовъ водворенія русскаго владычества, которые не соотвѣтствуютъ предначертаніямъ Александра I, возвѣстившаго міру, что грузины познаютъ цѣну добраго правленія, увѣренность какъ личную, такъ и имущественную подъ сѣнію «законовъ». Записка написана живо и даетъ довольно полную картину современнаго состоянія Грузіи въ связи съ рѣзкой критикой идей соціализма, успѣшно насаждаемаго грузинскими марксистами (даспетами). А. Хах—овъ.

Политическій строй современныхъ государствъ. Томъ II. Спб. 1906.

Второй томъ этого полезнаго изданія посвященъ конституціямъ Германіи, Бельгіи, Швейцаріи, Австро-Венгріи, Швеціи и Японіи, и написанъ знатоками государственнаго права: М. М. Ковалевскимъ, О. О. Кокошкинымъ, г. Іоллосомъ и др. Онъ появляется очень кстати и помогаетъ разобраться въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ.

Исторія Пруссіи и прусская конституція напоминаютъ исторію и строй нашей конституціи.

Въ 1847 г. въ Берлинѣ созванъ былъ соединенный ландтагъ, представлявшій объединеніе 8 провинціальныхъ ландтаговъ. Соединенный ландтагъ потребовалъ расширенія своихъ полномочій и періодическаго созванія. Въ отвѣтъ на это король Фридрихъ-Вильгельмъ IV закрылъ ландтагъ.

Вскорѣ послѣ этого подъ вліяніемъ увеличивавшагося раздраженія во всѣхъ классахъ общества правительство вынуждено было сдѣлать существенную уступку оппозиціи. Въ январѣ 1848 г. комиссія соединеннаго ландтага снова созвана была въ Берлинѣ для обсужденія проекта уголовнаго уложенія, а 6 марта король обратился къ ней съ посланіемъ, въ которомъ выражалъ согласіе исполнить требованіе перваго соединеннаго ландтага относительно періодическаго его созыва, который впредь не долженъ былъ зависѣть отъ доброй воли короны, но основываться на собственномъ правѣ народа и происходить не менѣе одного раза въ годъ.

Было уже поздно. Народъ потерялъ довѣріе къ правительству. Поднялось вооруженное возстаніе. Двухдневный уличный бой кончился тѣмъ, что войска были выведены изъ Берлина, и король капитулировалъ передъ народомъ. Министерство было распущено и образовано новое съ вождями либераловъ. Король обратился къ прусскому народу съ воззваніемъ, заключающимъ знаменательныя слова: «единственнымъ средствомъ упрочить порядокъ и внутреннюю свободу мы признаемъ введеніе истиннаго конституціоннаго режима съ отвѣтственностью министровъ, равными политическими и гражданскими правами для всѣхъ исповѣданій и свободомыслящей, опирающейся на народное довѣріе, администраціей».

Въ Берлинѣ собрался соединенный ландтагъ, и съ его согласія изданы распоряженія относительно основныхъ положеній прусской конституціи и о порядкѣ выборовъ въ народное собраніе. Послѣднее состояло изъ 402 депута-

товъ, избранныхъ всѣми пруссаками, достигшими 24 лѣтъ, и выборы были не непосредственные, а черезъ выборщиковъ, какъ это сохранилось и въ нынѣшней прусской выборной системѣ.

Бюрократическій произволъ довелъ всю страну до матеріальнаго и нравственнаго банкротства, и для короны въ собственныхъ ея интересахъ было выгоднѣе дать добровольно населенію участіе въ законодательствѣ и управленіи страны, чтобы такимъ образомъ привлечь на свою сторону мирные просвѣщенные круги и имѣть гарантію противъ разрѣшенія политическихъ споровъ на баррикадахъ. Прусская монархія дала усмиренной демократіи конституцію 5 декабря 1848 г. Въ маѣ слѣдующаго года изданъ былъ избирательный уставъ, по сей день съ незначительными измѣненіями дѣйствующій въ Пруссіи, основанный на плутократическомъ раздѣленіи избирателей по тремъ разрядамъ. Монархія уже прямо незаконнымъ путемъ самовольно измѣнила характеръ верхней палаты, сдѣлавъ изъ нея нынѣшній Herrenhaus, состоящій изъ пожизненныхъ перовъ по назначенію, съ микроскопической примѣсью представительства отъ городовъ, университетовъ и корпорацій.

Очень полезно познакомиться съ бельгійской конституціей, считающейся одной изъ наиболѣе совершенныхъ, чтобы убѣдиться, что нигдѣ нѣтъ безграничной свободы.

Въ Бельгіи признана свобода сходокъ, но подъ двумя условіями: чтобы собирающіеся не носили при себѣ оружія, и чтобы мѣстомъ собранія было закрытое помѣщеніе. На открытомъ воздухѣ сходка подчиняется полицейскимъ распоряженіямъ, принимаемымъ въ интересахъ охраны мира муниципальными властями.

«Можно было бы думать,—замѣчаетъ М. М. Ковалевскій, — что по бельгійской конституціи личныя вольности обезпечены отъ возможности какого бы то ни было посягательства на нихъ со стороны администраціи, что бельгійцы всегда судятся своими естественными судьями и имѣютъ возможность повсюду распространять свои взгляды свободно путемъ печати, но мѣстные судьи не разъ говорили мнѣ, что власть всегда располагаетъ возможностью избѣжать въ процессахъ болѣе или менѣе политическаго характера шансовъ оправданія виновнаго присяжными: для этого имъ стоитъ только подвести его правонарушеніе подъ понятіе полицейскаго проступка, судимаго безъ участія народныхъ избранниковъ».

Каждому легко убѣдиться, что и распространеніе извѣстныхъ взглядовъ путемъ печати въ извѣстныхъ мѣстахъ находитъ препятствія со стороны администраціи. Такъ, на желѣзнодорожныхъ станціяхъ по распоряженію министра путей сообщенія запрещена продажа газеты «Peuple», органа соціалистовъ. Нужно ли прибавлять, что и свобода преподаванія подвергается значительнымъ ограниченіямъ, когда дѣло идетъ объ иностранцахъ. Извѣстны случаи недопущенія конференцій не только младотурковъ, но и французскихъ гражданъ, въ виду ожидаемыхъ съ ихъ стороны нападковъ на одну изъ великихъ державъ. Бельгійское правительство, подобно французскому, въ правѣ ежечасно удалить изъ своихъ предѣловъ иностранца, подъ предлогомъ злоупотребленія имъ оказываемымъ ему гостепріимствомъ, и не разъ уже пользовалось этимъ правомъ.

При всемъ томъ ни въ одной странѣ необходимыя вольности не пользуются большимъ признаніемъ, и автономія личности не поставлена въ такой мѣрѣ подъ защиту законовъ и конституціи.

Менѣе удовлетворительна статья о государственномъ устройствѣ Австро-Венгріи. Она составлена двумя авторами, и поэтому приходится читать два раза то же самое. Объ отношеніяхъ между Австріей и Венгріей говорится и въ отдѣлѣ, посвященомъ Австріи, и въ главѣ, отведенной Венгріи.

П. Б.

Отчетъ императорской Публичной библіотеки за 1900 и 1901 г.г. Спб. 1906.

Нельзя не пожалѣть, что отчеты нашего лучшаго книгохранилища запаздываютъ цѣлыми годами. О любопытныхъ и цѣнныхъ пріобрѣтеніяхъ библіотекой, сдѣланныхъ въ 1900 г., публика можетъ узнать лишь въ 1905 г., т.-е. черезъ 5 лѣтъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что, повидимому, нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ къ такому запаздыванію. Финансовымъ затрудненіемъ объяснить его трудно, такъ какъ, судя по отчету, на его печатаніе полагается по бюджету особая сумма. Единственно, что могло бы помѣшать библіотекѣ держать нашихъ библіофиловъ au courant своихъ новинокъ, это описаніе поступающихъ въ нее рукописей и бумагъ. Но ихъ не такъ ужъ много, и при добромъ желаніи дѣло могло бы быть сдѣлано гораздо раньше. Положимъ, спеціалисты имѣютъ возможность знать о новыхъ пріобрѣтеніяхъ, такъ какъ имъ разрѣшается заниматься не въ читальной залѣ, а въ отдѣленіяхъ библіотеки. Но, во-первыхъ, не всѣ же туда вхожи, а, во-вторыхъ, многимъ, можетъ быть, приходится работать по вечерамъ, когда отдѣленія уже закрыты, а функціонируетъ уже читальная зала, куда можно было бы выписать ту или другую интересующую новинку.

Отъ этого замѣчанія переходимъ къ нѣкоторымъ даннымъ о жизни библіотеки за 1900—1901 г.г. Содержаніе книгохранилища въ 1900 г. потребовало не много болѣе 300 тыс. рублей, въ слѣдующемъ же году расходъ по библіотекѣ сократился почти вдвое. Разница въ цифрахъ объясняется тѣмъ, что въ 1900 г. заканчивалось устройство новой читальной залы, на которую потребовались сверхсмѣтные расходы. Посѣтителей за 2 года перебывало въ библіотекѣ болѣе 13 тыс.; изъ нихъ почти треть приходится на долю учащихся, 1.200—на долю лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, остальное количество—на долю представителей свободныхъ профессій. Характерно, что среди читателей библіотеки за оба года меньше всего было агрономовъ и спеціалистовъ по сельскому хозяйству (всего 83).

За два отчетные года библіотека увеличилась на 53 тысячи книгъ по разнымъ спеціальностямъ. Другими словами, ежедневное поступленіе въ нее новыхъ книгъ равнялось 150 экземплярамъ. Рукописей и автографовъ поступило почти 2 тысячи, эстамповъ и фотографій—790.

Изъ рукописныхъ пріобрѣтеній считаемъ нужнымъ отмѣтить экземпляръ лекцій проф. Бодянскаго по древней исторіи славянъ и Польши, составленныхъ въ 1851 г., рукописное, нигдѣ не напечатанное сочиненіе извѣстнаго

профессора 20 годовъ прошлаго столѣтія Тимковскаго о жизни и сочиненіяхъ князя Курбскаго, рукописная исторія Екатерины II, неизвѣстно кѣмъ и съ какой книги переписанная въ 1823 г. съ новыми эпизодами и анекдотами.

Puschkiniana увеличилось четырьмя дѣлами, имѣющими прямое отношеніе къ личности поэта; 1) Дѣло кишиневской городской полиціи о взысканіи съ коллежскаго секретаря Александра Пушкина 2 тыс. рублей, должныхъ дворовому человѣку капитана фонъ-Лоде, Ѳедору Росину; 2) Дѣло бессарабскаго областного правительства по поводу того же взысканія; 3) Дѣло архива рижскаго военнаго губернатора о высланномъ изъ столицы коллежскомъ секретарѣ Пушкинѣ и 4) Дѣло архива канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ о перевозѣ тѣла камеръ-юнкера Пушкина въ Псковскую губернію.

Очень любопытны поступившія въ библіотеку бумаги извѣстнаго шефа жандармовъ, князя Долгорукаго, касающіяся польскаго возстанія и дѣятельности графа Муравьева. Но не менѣе интересенъ по содержанію цѣлый сборникъ бумагъ по дѣлу Петрашевскаго. Часть этихъ бумагъ по мѣрѣ того, какъ подвигалось слѣдствіе, докладывалась наслѣднику Александру Николаевичу.

Много цѣнныхъ изданій пріобрѣтено библіотекой и по всеобщей исторіи. Отмѣтимъ здѣсь драгоцѣнное для египтологовъ изданіе папирусовъ Британскаго музея, сдѣланное библіотекаремъ музея Беджомъ, книгу Больтона о народныхъ развлеченіяхъ въ Англіи съ XVII по XIX вѣкъ, прекрасно иллюстрированную и дающую богатый матеріалъ для исторіи культуры. Для лицъ, интересующихся новѣйшей англійской литературой, представитъ большой интересъ полное критически провѣренное собраніе сочиненій Диккенса съ его собственноручными рисунками. Много новинокъ поступило и по исторіи искусства и его археологіи. Укажемъ здѣсь на монументальный трудъ Фуртвенглера о древнихъ камеяхъ. Занимающіеся исторіей великой французской революціи получаютъ возможность пользоваться собраніемъ документовъ, относящихся къ Парижу во время революціи. Собраніе это составляетъ уже 30 томовъ и редактируется лучшими знатоками этой эпохи. А. Б.

Полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова. Подъ редакціей А. И. Введенскаго. Изд. товарищества «Просвѣщеніе». Спб. 1906.

Столь популярныя прежде иллюстрированныя изданія сочиненій писателей въ настоящее время уже перестали удовлетворять нашего читателя. Онъ началъ требовать критически провѣреннаго текста, комментаріевъ, разъясненій и т. п. Мысль товарищества «Просвѣщеніе» удовлетворить эту потребность изданіемъ цѣлаго ряда полныхъ собраній сочиненій русскихъ и иностраныхъ писателей, подъ редакціей лучшихъ знатоковъ ихъ творчества, заслуживаетъ вниманія и сочувствія. Фирмой уже выпущены сравнительно хорошія изданія сочиненій Пушкина, Лермонтова, Крылова, Островскаго, Помяловскаго и др. Теперь передъ нами — сочиненія Кольцова.

Стихотворенія поэта выдержали нѣсколько изданій. Первое, заключающее всего только восемнадцать стихотвореній, выпущено въ 1835 г. Станке-

вичемъ. Несмотря на то, что съ этого времени стихотворенія поэта появляются во многихъ тогдашнихъ распространенныхъ журналахъ, и его имя дѣлается очень популярнымъ, старанія Кольцова найти издателя своимъ произведеніямъ не увѣнчались успѣхомъ. Только въ 1846 г. появилось первое посмертное изданіе, сдѣланное Некрасовымъ — Прокоповичемъ, со вступительной статьей Бѣлинскаго о жизни и творчествѣ поэта. Въ это изданіе вошли нѣсколько стихотвореній прямо съ рукописей и появившіяся до того времени въ различныхъ журналахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, которыя, надо думать, не нравились Бѣлинскому по своимъ идеямъ и настроенію. Изданіе 1846 г. нѣсколько разъ перепечатывалось К. Т. Солдатенковымъ (послѣднее, десятое изданіе 1889 г.), при чемъ статья Бѣлинскаго то сокращалась, то вновь расширялась. Юбилейный 1892 г. вызвалъ нѣсколько изданій, поставившихъ себѣ цѣлью — собрать по возможности все написанное Кольцовымъ. Изъ этихъ изданій выдѣлялось — подъ редакціей А. Лященка, въ которое вошли многочисленныя письма Кольцова изъ журналовъ и съ копій, принадлежащихъ Е. И. Якушкину. Стихотворенія, вошедшія въ это изданіе, свѣрены были съ рукописями, хранящимися въ Публичной библіотекѣ, въ собраніи П. Я. Дашкова и съ черновыми тетрадями поэта. Вскорѣ послѣ этого изданія появилось — подъ редакціей А. И. Введенскаго, въ которое были внесены много дополненій, окончательно установленъ текстъ и нѣкоторыя даты. Послѣднее изданіе, какъ лучшее, съ нѣкоторыми поправками выпущено товариществомъ «Просвѣщеніе».

Книга издана очень хорошо: въ ней мы находимъ критически провѣренный текстъ, многочисленные варіанты, критико-біографическій очеркъ редактора, различныя приложенія, примѣчанія, портретъ поэта, его факсимиле и проч., — однимъ словомъ, все то, что мы требуемъ отъ хорошаго изданія. Эта книга, безъ сомнѣнія, займетъ свое мѣсто среди уже выпущенныхъ, объединенныхъ общимъ заглавіемъ — «Всемірная Библіотека», въ которую долженъ войти цѣлый рядъ сочиненій русскихъ и иностранныхъ писателей. А. Ф.

Записныя книги и бумаги старинныхъ дворцовыхъ приказовъ. Документы XVIII—XIX в.в. бывшаго архива оружейной палаты. Составилъ архиваріусъ Московскаго отдѣленія общаго архива министерства императорскаго двора, Александръ Успенскій. М. 1906.

Настоящимъ изданіемъ составитель имѣлъ въ виду восполнить тотъ пробѣлъ, который былъ имъ замѣченъ въ извѣстномъ двухтомномъ трудѣ А. Е. Викторова: «Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725 г.» (М., 1877—1883 г.). А. И. Успенскій нашелъ цѣлый рядъ оставшихся неописанными А. Е. Викторовымъ дѣлъ, книгъ и документовъ казеннаго приказа, мастерской и оружейной палаты, конюшенной казны, дворцовыхъ церквей и разныхъ дворцовыхъ учрежденій и описалъ ихъ съ значительными извлеченіями изъ документовъ, представляющими наибольшій историко-археологическій интересъ. Въ его описаніе вошло до 355 №№ документовъ, съ № 1220 по № 1574 (опись 35-я),

На первомъ мѣстѣ помѣщены «Описи казеннаго приказа (1727—1779 г.г.)» церковныхъ предметовъ, царскихъ креселъ, коронаціонныхъ вещей Екатерины II и мног. др. За ними идутъ «Описи мастерской палаты (1727—1810 гг.)», изъ которыхъ извлечены подробныя описанія вещей Петра Великаго; вещей, оставшихся послѣ кончины великой княжны Наталіи Алексѣевны, церковныхъ сосудовъ Спасскаго и Воскресенскаго «верховыхъ» соборовъ, книгъ печатныхъ и рукописей и «книгъ, бывшихъ въ 1755 г. въ царицыной мастерской палатѣ», царскихъ регалій и проч. Далѣе слѣдуютъ «Описи, приходныя и расходныя книги вещей оружейной палаты (1727—1810 г.г.)»; «Описи конюшенной казны»; «Описи шатерной казны (1737—1751 г.г.)», въ составъ которыхъ входятъ: «иконы, богослужебныя книги, церковная утварь, императорскія мѣста и кресла» и проч.; подробныя «Описи дворцовыхъ церквей (1737—1792 г.г.)», преимущественно Воскресенской и Успенской (свыше 40 стр.); «Описи книгъ и дѣлъ и извлеченія изъ нихъ (1750—1789 г.г.)», гдѣ наиболѣе интересны «выписки изъ статейныхъ списковъ о вещахъ, поднесенныхъ иностранными послами русскимъ государямъ», «реестръ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ», съ начала XVII в. и др. Вслѣдъ за этими описями приведено до 148 №№ книгъ мастерской и оружейной палаты: «приходныхъ деньгамъ (1725—1739 г.г.)», «расходныхъ (1727—1768 г.г.)», «записныхъ входящихъ бумагъ (1727—1830 г.г.)», «записныхъ исходящихъ бумагъ (1727—1795 г.г.)» и «журналовъ и протоколовъ засѣданій мастерской и оружейной палаты (1725—1831 г.г.)», а за ними 18 №№ разныхъ книгъ (окладныхъ, доимочныхъ), рукописей, дѣлъ «по приходу и расходу денегъ (1726—1744 г.г.)» и «по отпуску, пріему и описанію вещей (1728—1800 г.г.)».

Наконецъ, послѣдній и наиболѣе крупный отдѣлъ «Описанія» составляютъ «Дѣла разныхъ дворцовыхъ учрежденій, переданныя 15 октября 1863 г. изъ архива московской дворцовой конторы». Здѣсь нельзя не указать на слѣдующія болѣе подробно «извлеченныя» дѣла и документы: 1) «Дѣло 1751—1762 г.г. по разбору и описанію архива оружейной палаты, столбцовъ, тетрадей и книгъ», рукопись на 382 листахъ; 2) «Роспись взятымъ по именнымъ высочайшимъ повелѣніямъ изъ мастерской и оружейной палаты книгамъ, грамотамъ, указамъ, письмамъ, чертежамъ и прочимъ рукописямъ»; 3) Историческая записка о мастерской и оружейной палатѣ, съ ея основанія до 1805 г., рукопись подъ № 1495 («Описи»), напечатанная на 10 страницахъ; 4) «О краткомъ каталогѣ древностей оружейной палаты» (историческій каталогъ этотъ былъ составленъ въ 1836 г. по желанію императора Николая I) и 5) «О помѣщеніи въ 1846—1847 г.г. въ оружейной палатѣ древностей», найденныхъ при раскопкахъ въ Саратовской губ. близъ Царева и около дер. Бижи Енисейской губ. Здѣсь же и о сочиненіи Вельтмана: «О сохранности утварей царскаго чина».

Къ «Описанію» приложенъ «Указатель именъ и предметовъ».

Все это составляетъ первую часть интересной для историковъ и археологовъ книги А. И. Успенскаго. Во вторую же меньшую ея половину вошли «Указатели» именъ и предметовъ, составленные А. Е. Викторовымъ, но не вошедшіе въ его «Описаніе». Указателей этихъ шесть: 1) «именъ царской

фамилій», 2) «личныхъ именъ» (наиболѣе обширный), 3) «московскихъ соборовъ, дворцовыхъ церквей, сельскихъ и иногороднихъ церквей и монастырей, какъ московскихъ, такъ и внѣ Москвы, 4) «топографическій указатель города Москвы», съ обозначеніемъ ея «мѣстностей, слободъ, урочищъ, башенъ, воротъ, рядовъ, крестцовъ» и проч. (XVI—XVIII в.в.); 5) «географическій» и 6) «археологическихъ предметовъ».

Таково содержаніе давно желаннаго для историко-археологической науки изданія, которое обязано своимъ появленіемъ въ свѣтъ неутомимому А. И. Успенскому.

В. Рудаковъ.

И. И. Замотинъ. Литературныя эпохи XIX столѣтія. Очерки по исторіи русской литературы. I—VI. Варшава. 1906.

Книга привать-доцента Варшавскаго университета, И. И. Замотина, представляетъ собою рядъ прочитанныхъ имъ лекцій по исторіи русской литературы XIX столѣтія. Какъ видно изъ предисловія, авторъ предполагаетъ сдѣлать обзоръ нашей литературы XIX вѣка въ ея главныхъ моментахъ и теченіяхъ. Настоящій же первый выпускъ очерковъ обнимаетъ пока три первыя десятилѣтія XIX столѣтія. Авторъ дѣлаетъ сначала попытку вычертить схему развитія русской литературы и общественности на протяженіи всего истекшаго столѣтія и съ этой цѣлью описываетъ «главные моменты выраженія духовныхъ стремленій вѣка» въ нашемъ обществѣ и литературѣ сравнительно съ западно-европейскимъ общественно-литературнымъ настроеніемъ. Приступая затѣмъ къ описанію «перваго момента», «романтическаго идеализма», г. Замотинъ предварительно даетъ краткій очеркъ эпохи «наканунѣ XIX столѣтія», характеризуя основныя стихіи русской общественно-литературной жизни второй половины XVIII вѣка, когда зарождались новыя общественныя и литературныя понятія. Описаніе «перваго момента» въ общественно-литературномъ развитіи вѣка начинается съ выясненія «мотивовъ индивидуализма и идеализма въ западно-европейской романтикѣ», которая была предметомъ увлеченія и подражанія для русскихъ идеалистовъ начала вѣка; затѣмъ очерчивается та общественная и литературная почва русской жизни въ началѣ XIX вѣка, на которой возникаетъ и укрѣпляется въ обществѣ и литературѣ такъ называемый «романтическій идеализмъ»; наконецъ, въ двухъ послѣднихъ очеркахъ авторъ группируетъ въ одно цѣлое воззрѣнія русскихъ романтиковъ на религію, искусство, личныя и общественныя отношенія, при чемъ особенно подробно останавливается на романтической поэтикѣ, посвящая ей отдѣльную главу.

Имѣя въ виду скромную задачу дать прежде всего учебное пособіе при прохожденіи курса литературы, г. Замотинъ не претендуетъ на спеціально-научное значеніе своихъ очерковъ. Дѣйствительно, въ первыхъ трехъ главахъ онъ пользуется компилятивнымъ изложеніемъ и часто цитируетъ Тэна, Брандеса, Пыпина, Шахова и др.; тѣмъ не менѣе, и эти очерки уже носятъ характеръ своеобразности въ подборѣ и освѣщеніи матеріала. Что же касается до трехъ

послѣднихъ главъ (IV—VI), то онѣ представляютъ вполнѣ самостоятельную работу автора, въ основу которой легли его же собственныя статьи, посвященныя русскому литературному романтизму начала XIX столѣтія. Послѣдняя глава (о романтической поэтикѣ) представляетъ сокращенное изложеніе нѣкоторыхъ главъ изъ магистерской диссертаціи г. Замотина («Романтизмъ 20-хъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ», Варшава, 1903 г.).

Задачу автора—дать дополнительное пособіе при преподаваніи новѣйшей русской литературы въ средней школѣ—можно считать вполнѣ достигнутой примѣнительно къ началу XIX столѣтія: вопросъ о литературномъ романтизмѣ и романтическомъ міровоззрѣніи настолько еще не усвоенъ въ огромномъ большинствѣ нашихъ учебныхъ руководствъ, что всякое разъясненіе и всякая поправка въ этомъ отношеніи должны быть приняты съ благодарностью. Кромѣ того, теперь, когда проблемы идеализма завоевываютъ опять замѣтное вниманіе общества и литературы, доступное и живое изложеніе идеалистическаго міросозерцанія начала XIX вѣка можетъ быть интереснымъ не только для людей, причастныхъ къ учебному курсу русской словесности, но и для болѣе широкаго круга читателей. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свои очерки такъ же интересно, какъ онъ ихъ началъ.

А. М—нъ.

Гравюры И. П. Пожалостина. Каталогъ. Составилъ С. П. Виноградовъ. М. 1905.

Съ выходомъ въ свѣтъ книжки г. Виноградова небогатая литература по исторіи русской гравюры пополнилась старательно составленнымъ описаніемъ работъ талантливаго гравера-бюрениста И. И. Пожалостина. Собраніе гравюръ этого художника представляетъ особенно большой иконографическій интересъ, заключая до 60 превосходныхъ портретовъ русскихъ дѣятелей, преимущественно за время царствованія Александра II. Въ брошюрѣ г. Виноградова помѣщены: краткая біографія художника, подробный каталогъ его работъ и перечень статей о немъ и его произведеніяхъ. Описанія гравюръ сдѣланы довольно полно и точно, хотя, какъ всякій подобнаго рода трудъ, и настоящій каталогъ не свободенъ отъ пропусковъ. Такъ, между прочимъ, не указано состояніе гравюры Несеніе креста съ подписями однихъ мастеровъ и адресомъ печатальщика; пропущено такое же состояніе гравюры Птицеловъ; не описаны пробные, неоконченные, отпечатки портретовъ Ал. и Ильи Глазуновыхъ и Державина (въ колпакѣ); не отмѣченъ портретъ Ив. Глазунова до овала, но съ замѣткою. Въ перечнѣ статей о Пожалостинѣ не упомянуты Энциклопедическій словарь Брокгауза, т. XXIV, и Большая энциклопедія, т. XV. Несмотря на указанные недостатки, брошюра г. Виноградова значительно пополняетъ и исправляетъ свѣдѣнія, сообщенныя въ «Подробномъ словарѣ» Д. А. Ровинскаго, и представитъ интересъ для любителей искусства и собирателей гравюръ.

Б. Д.

Marjan Gumowski. Portrety Kościuszki. Nakład „Kurjera Lwowskiego". L. 1906. (М. Гумовскій. Портреты Костюшки. Изданіе „Львовскаго Курьера").

Въ рѣдкомъ польскомъ домѣ не увидите на стѣнѣ портрета одного изъ симпатичнѣйшихъ героевъ польской исторіи конца XVIII и начала XIX ст. — Тадеуша Костюшки. Громадная популярность его объясняется не только величіемъ идеи, за которую онъ боролся, не только цѣлями, которыя онъ преслѣдовалъ, но и его личнымъ характеромъ и благородствомъ сердца. Тѣмъ не менѣе, исторія портретовъ главнаго «начальника войскъ польскихъ» 1794 г. до сихъ поръ оставалась неизвѣстною. Г. Гумовскій восполняетъ этотъ пробѣлъ въ историко-эстетической литературѣ. Первымъ, по времени, портретомъ Костюшки авторъ считаетъ пастель неизвѣстнаго художника 1790 г., находящуюся въ собраніи Оссолинскихъ (Zakład narodowy imienia Ossolińskich) во Львовѣ. Она извѣстна коллекціонерамъ по литографіи Б. Курнатовскаго въ Познани (1845 г.). Наиболѣе распространенъ портретъ, писанный І. Грасси (1786—1838), представляющій Костюшку въ генеральскомъ мундирѣ съ орденами на груди: «Virtuti Militari»—за кампанію 1792 г. и «Cyncynata» —за американскую войну за независимость. Портретъ этотъ, написанный, по всему вѣроятію, въ 1794 г., извѣстенъ въ двухъ гравюрахъ John'а и Каппелера. Портретъ кисти Грасси подвергся передѣлкамъ. Изъ послѣднихъ наиболѣе распространена гравюра Ант. Олещинскаго (1829 г.), извѣстная въ безчисленныхъ воспроизведеніяхъ въ видѣ олеографій, литографій и ксилографій. Не ограничивая своей задачи портретами, М. Гумовскій описалъ медали, бюсты и статуи Костюшки—произведенія Давида Дмоховскаго, Маркони, Регульскаго и др. Добросовѣстно составленную монографію украшаютъ 20 снимковъ съ изображеній знаменитаго генерала-гражданина. Г. А. Воробьевъ.

Ончуковъ, Н. Е. Печорская старина (рукописи и архивы церквей Низовой Печоры). Спб. 1906.

По сообщенію г. Ончукова, онъ, находясь на крайнемъ сѣверѣ Россіи съ цѣлями этнографическими, не упускалъ случая посѣтить каждую попадавшуюся на пути церковь, познакомиться въ ней съ иконами, архивами и библіотекой. Онъ также всегда спрашивалъ у мѣстныхъ жителей о рукописяхъ и старинныхъ книгахъ, знакомился съ ними, а, гдѣ можно, и покупалъ. Собранными свѣдѣніями онъ и дѣлится съ читателями.

Какъ извѣстно, низовье Печоры по своему этнографическому составу представляетъ какъ бы «живой музей племенъ», сохранившихъ еще многое изъ быта XVII и XVIII вѣковъ, а, можетъ быть, и болѣе раннихъ. Здѣсь сохранились и памятники того стариннаго быта въ видѣ церквей, иконъ, книгъ, рукописей и т. п. Авторъ послѣдовательно описываетъ то, что онъ встрѣчалъ на пути, преимущественно останавливаясь на описаніи церковныхъ архивовъ, библіотекъ и собраній рукописей въ частныхъ рукахъ. Особенно замѣчатель-

ныхъ рукописей и старинныхъ книгъ онъ уже не нашелъ, хотя есть еще кое-что любопытное. Напримѣръ, любопытны рукописные матеріалы, касающіеся исторіи старообрядчества и вопроса о крещеніи самоѣдовъ.

Г. Ончуковъ, очевидно, руководясь собственнымъ горькимъ опытомъ, предостерегаетъ новыхъ изслѣдователей отъ излишнихъ иллюзій и надеждъ найти въ Печорскомъ краѣ что либо важное и новое. По его увѣренію, будущій путникъ не встрѣтитъ здѣсь сокровищъ, потому что ихъ уже нѣтъ. Причины оскудѣнія—небрежное отношеніе къ старинѣ, пожары и постоянная продажа старинныхъ книгъ и рукописей на сторону въ руки скупщиковъ и старообрядцевъ.

М.

Н. Лихачевъ. Письмо папы Пія V къ царю Ивану Грозному въ связи съ вопросомъ о папскихъ бреве. Этюдъ по дипломатикѣ папъ. Спб. 1906.—Его же. Древнѣйшая сфрагистика. Изъ лекцій по дипломатикѣ, читанныхъ въ археологическомъ институтѣ за 1904—1905 уч. годъ. Спб. 1906.

Въ теченіе многихъ лѣтъ слѣдя за новыми изслѣдованіями и мелкими работами русскихъ ученыхъ по разнымъ дисциплинамъ археологіи, мы не разъ удивлялись богатству и разнообразію матеріала, привлеченнаго для изученія иногда сравнительно маловажнаго памятника или второстепеннаго историческаго факта. И естественно, что рецензіи на такія книги, даже рецензіи-рефераты, невольно превращались въ сплошную похвалу. Но очень рѣдко наше удивленіе достигало такихъ границъ, какихъ достигло оно, также совершенно невольно, при знакомствѣ съ новой работой Н. П. Лихачева, который оказывается такимъ же спеціалистомъ по западной дипломатикѣ, какимъ мы въ правѣ были считать его до сихъ поръ въ дипломатикѣ русской. Сказать, что его работа даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе, было бы слишкомъ мало, и одно заглавіе говорило бы только о скромности автора. Это—большое по размѣрамъ, строгое по методу, точное по техникѣ, глубокое по знаніямъ автора и законченное въ деталяхъ изслѣдованіе одного всего документа, къ тому же написанное съ видимой любовью къ дѣлу. До сихъ поръ не выходило ни одного такого же обстоятельнаго труда на русскомъ языкѣ по западно-европейской археологіи; если же къ этому прибавимъ, что папская дипломатика разработана на западѣ много лучше другихъ ея отдѣловъ, то читателямъ будетъ понятенъ нашъ восторженный отзывъ.

Поводомъ и основой для аналитическаго изслѣдованія послужили тѣ дипломатическіе вопросы, которые возбуждаетъ пріобрѣтенный г. Лихачевымъ документъ, изданный, впрочемъ, и раньше, въ извѣстной серіи Тейнера (1861 г.), но не по оригиналу, а по регистрамъ Ватиканскаго архива. Это—посланіе папы Пія V къ Грозному съ предложеніемъ присоединиться къ лигѣ европейскихъ христіанскихъ правителей противъ турокъ, относящееся къ 1570 г. Въ открытомъ оригиналѣ пропущено имя посла—папскаго нунція въ Польшѣ Винченцо даль Портико, которому папа предоставляетъ право избрать вмѣсто

себя иное лицо для отправленія къ Москву; этотъ пропускъ, вмѣстѣ съ подписью папскаго секретаря Ѳомы Альдобрандини, которой не было въ копіи у Тейнера, указываетъ на то, что принадлежащій изслѣдователю документъ— подлинникъ. Такимъ образомъ, посланіе возбуждаетъ рядъ вопросовъ дипломатическаго характера, которые Н. Лихачевъ освѣщаетъ сравнительными данными, иллюстрируя ихъ 22 фототипическими снимками на отдѣльныхъ листахъ и массой автотипій въ текстѣ; кое-что изъ оригиналовъ принадлежитъ самому изслѣдователю и появляется впервые. Безъ этихъ снимковъ многое не было бы понятно для тѣхъ, кто не знакомъ съ латинскими документами XV—XVI в.в. Такъ, объясняются термины «бреве» въ отличіе отъ «письмо», «булла», «motu proprio», «fiat» и многіе другіе. Изъ отдѣльныхъ экскурсовъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе: подробный разборъ разнаго вида папскихъ печатей и ихъ прикрѣпленій къ актамъ, подписей, разныхъ способовъ складыванія и запечатыванія актовъ, почерковъ, адресовъ, гербовъ, первыхъ печатныхъ папскихъ документовъ, собственныхъ резолюцій папъ, сигнатуръ, сушилкъ и регистровъ ихъ, иниціаловъ подписей папъ, документовъ, написанныхъ папами собственноручно, и т. д. Въ виду отсутствія оглавленія текста, намъ кажется, было бы необходимо самому автору выдѣлить всѣ эти экскурсы, какъ имѣющіе и самостоятельное значеніе.

О лекціяхъ по древнѣйшей сфрагистикѣ, захватывающей только востокъ, можно сказать не многое, такъ какъ избранный авторомъ періодъ изъ исторіи официальной письменности слишкомъ далекъ отъ Византіи и Руси. Несмотря на нѣкоторую доступность изложенія и на оживленіе спеціальнаго отдѣла общими культурными картинами, «Древнѣйшая сфрагистика» читается съ меньшимъ интересомъ, повидимому, потому, что авторъ не вкладываетъ сюда почти ничего «своего». Подъ послѣднимъ мы разумѣемъ не новые взгляды, такъ какъ догматичность неизбѣжна во всякихъ лекціяхъ, а то воодушевленіе, которое невидимымъ образомъ проникаетъ въ самый сухой на первый взглядъ ученый трудъ, разъ объектъ его близокъ автору. Снимки исполнены удачно и «демонстративно» для цѣлей педагогическихъ. **А. Я.**

Н. В. Малицкій. Исторія Суздальской духовной семинаріи (1723—1788 гг.). Владиміръ-губернскій. 1905.

Въ XVIII вѣкѣ городъ Суздаль съ прилегающими къ нему уѣздами составлялъ самостоятельную епархію, именовавшуюся Суздальской. Вскорѣ послѣ образованія епархіи суздальскіе іерархи, въ силу петровскихъ указовъ, должны были открыть и свою собственную духовную школу или, «семинаріумъ». Открытый въ 1723 г. Суздальскій «семинаріумъ» просуществовалъ до 1788 г., когда, съ образованіемъ одной Владимірской епархіи, онъ долженъ былъ слиться съ Владимірской семинаріей. До сихъ поръ о суздальской семинаріи было извѣстно очень мало, и только недавно, съ переводомъ архива суздальской консисторіи во Владиміръ, удалось дѣйствительному члену Владимірской архивной комиссіи, Н. В. Малицкому, ознакомиться съ матеріалами этого

архива. Среди нихъ онъ нашелъ и около 500 дѣлъ, касающихся Суздальской семинаріи, и на основаніи нихъ представилъ довольно подробный и живо написанный очеркъ состоянія и дѣятельности семинаріи за указанный періодъ. Въ первой главѣ авторъ сообщаетъ внѣшнюю исторію семинаріи до 1763 г., когда она должна была, за отсутствіемъ средствъ къ существованію нѣсколько разъ закрываться и вновь открываться. Болѣе правильное ея существованіе началось лишь съ 1765 г., когда на содержаніе семинарій были положены особые штаты. Наиболѣе интересными изъ послѣдующихъ четырехъ главъ очерка являются третья глава, трактующая о «начальствующихъ и учащихъ» семинаріи, и затѣмъ пятая, посвященная вопросу о воспитательной части. Обѣ главы рисуютъ положеніе семинаріи въ мрачныхъ краскахъ. «Начальствующіе», почти всѣ одержимые порокомъ «необузданнаго опьянѣнія», отличались «продерзостнымъ поведеніемъ», «непомѣрною жестокостью» къ учащимся и даже учащимъ. Учителя, большею частью, изъ воспитанниковъ семинаріи, не соотвѣтствовали своему назначенію, не уступали въ пьянствѣ «префектамъ» и были суровы съ воспитанниками. Но и среди послѣднихъ, говоритъ г. Малицкій, «наиболѣе распространеннымъ порокомъ было безмѣрное пьянство». Были между ними и воры и «бѣгуны», къ которымъ примѣнялись такія же суровыя мѣры, какъ и къ совершеннолѣтнимъ преступникамъ, иногда распространявшіяся и на нихъ родителей. О литературныхъ занятіяхъ учениковъ семинаріи свѣдѣній почти не сохранилось никакихъ.

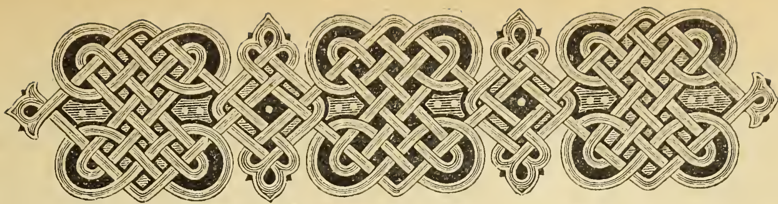
Въ приложеніи къ своему очерку г. Малицкій представилъ «списки учениковъ Суздальской семинаріи» за 1744 и за 1755—1788 гг. (безпрерывно), съ біографическими замѣтками о каждомъ изъ нихъ. **В. Рудаковъ.**

В. Грибовскій. Что такое «зубояжа», какъ преступленіе. Спб. 1905.

Настоящая статья нашего талантливаго изслѣдователя въ области права и археологіи—В. М. Грибовскаго, представляетъ собою актовую рѣчь, читанную имъ въ императорскомъ археологическомъ институтѣ 8 мая 1905 г. Въ ней авторъ останавливается на одномъ словѣ, одномъ преступленіи, упоминаемомъ въ уставѣ св. Владиміра о церковныхъ судахъ. Это слово «зубояжа», которое до сихъ поръ представляется загадочнымъ, несмотря на попытки со стороны многихъ выдающихся русскихъ ученыхъ (Карамзина, Неволина, а позднѣе В. И. Сергѣевича и М. Ф. Владимірскаго-Буданова) истолковать его. Г. В. Грибовскій съ своей стороны дѣлаетъ попытку объясненія этого загадочнаго слова: по его мнѣнію, «зубояжа» церковнаго устава св. Владиміра означало звѣроядину, употребленіе которой въ пищу представлялось съ церковной точки зрѣнія серьезнымъ преступленіемъ. Свою гипотезу г. Грибовскій подтверждаетъ рядомъ весьма любопытныхъ данныхъ.

Профессоръ М. Красноженъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

РЕХСОТЛѢТІЕ Рембрандта. 15 іюля вся Голландія, а въ особенности Амстердамъ и Лейденъ, праздновали трехсотлѣтнюю годовщину рожденія великаго художника Рембрандта. Относительно его такъ же, какъ и другихъ артистовъ, мнѣнія критиковъ съ годами измѣняются. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ было въ модѣ считать, что Рембрандтъ не умѣлъ рисовать и относился къ возвышеннымъ предметамъ съ низкой реальной точки зрѣнія, а теперь серіозные знатоки искусства признаютъ его однимъ изъ величайшихъ и наиболѣе глубокихъ художниковъ всѣхъ временъ. Конечно, быть можетъ будущія поколѣнія найдутъ теперешніе панегирики Рембрандту излишними, Однако подобныя соображенія не должны смущать усвоенныхъ нами взглядовъ на него. Впрочемъ вопросъ о его геніи все-таки еще представляется спорнымъ, и по случаю его юбилея вышли въ Германіи двѣ книги совершенно противоположнаго направленія: одна касается его картинъ, а другая—его гравюръ и рисунковъ перомъ и сепіей. Первая основана на художественныхъ изслѣдованіяхъ доктора Бодэ, который признаетъ за Рембрандтомъ около шестисотъ произведеній различнаго характера. Его талантъ, по мнѣнію Бодэ и автора книги, доктора Зингера, прошелъ, какъ обыкновенно бываетъ со всѣми художниками, чрезъ различныя эпохи: усовершенствованія, блестящаго развитія и упадка. Напротивъ, другая книга о гравюрахъ Рембрандта держится совершенно другого воззрѣнія. Авторъ ея полагаетъ, что великій художникъ имѣлъ естественныя способности непогрѣшимаго свойства, и если у него встрѣчаются неудовлетворительныя произведенія, то онѣ принадлежатъ не ему, а его безчисленнымъ ученикамъ. Вообще гравюръ Рембрандта насчитываютъ до трехсотъ, и ученый авторъ новаго труда приписы-

вает самому Рембрандту только половину ихъ. Такимъ образомъ менѣе двухсотъ истинно Рембрандтовскихъ гравюръ составляютъ несомнѣнное ядро таланта великаго художника, которому приписываютъ всего шестьсотъ произведеній самаго разнообразнаго достоинства. Въ послѣднее время такого же взгляда придерживаются художественные критики относительно произведеній Леонардо Да-Винче, Микель Анджело и Тиціана, приписывая имъ самимъ только лучшія ихъ произведенія, остальныя же относя къ работѣ ихъ учениковъ. Но если придерживаться этой теоріи не только касательно гравюръ, но и картинъ Рембрандта, то естественно является вопросъ: если Рембрандтъ не исполнялъ большинства приписываемыхъ ему картинъ и гравюръ, то кто же ихъ воспроизвелъ? Объ его ученикахъ мы знаемъ все до мельчайшихъ подробностей и можемъ судить, въ состояніи ли они были создать даже такія несовершенныя произведенія. Поэтому безопаснѣе придерживаться традиціоннаго взгляда на картины, гравюры и рисунки Рембрандта, признавая ихъ всѣ принадлежащими болѣе или менѣе его кисти. Что касается до біографіи великаго художника, то мы знаемъ, что онъ родился въ Лейденѣ въ семьѣ Рейнъ, а Рембрандтомъ только прозывался. Его отецъ имѣлъ на Рейнѣ мельницу и хотѣлъ сдѣлать сына ученымъ, но хотя будущій художникъ и поступилъ въ Лейденскій университетъ, однако съ молодыхъ лѣтъ выказалъ любовь къ живописи. Родители, наконецъ, уступили желаніямъ юноши и отдали его сначала лейденскому художнику Яну Ванъ-Сванenбургу, а потомъ послали въ Амстердамъ къ Питеру Ластману. Однако оба его учителя, какъ воспитанники итальянской школы, не имѣли большого вліянія на своего ученика, который стремился къ національному искусству. Любимымъ предметомъ его живописи были портреты старыхъ людей, при чемъ собственная мать часто служила ему моделью, и отдѣлка свѣтотѣни, при чемъ рѣзко выдѣлялась игра свѣтовыхъ эффектовъ. Картина «Апостолъ Павелъ въ тюрьмѣ» была первымъ его замѣчательнымъ произведеніемъ и послужила основаніемъ его славы. Содержаніе своихъ картинъ онъ заимствовалъ преимущественно изъ исторіи Новаго и Ветхаго завѣта. Но его кисть главнымъ образомъ отличалась реальностью сюжета, и потому онъ съ такой же охотой изображалъ самыя обыденныя сцены, какъ это видно, напримѣръ, въ его знаменитой «Ночной стражѣ». Въ 1631 г. онъ перебрался изъ Лейдена въ Амстердамъ, и тамъ женился на красавицѣ Саксіи ванъ-Уленбургъ. Но, къ сожалѣнію, она прожила только восемь лѣтъ и за годъ предъ смертью родила ему сына Тита. Саксія была богата и оставила мужу все свое состояніе, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ никогда не женился. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ взялъ въ служанки молодую дѣвушку Гендрику Штофельсъ, которая замѣнила его сыну мать и совершенно овладѣла его сердцемъ, такъ что, проживъ съ нею незаконно нѣсколько лѣтъ, онъ не выдержалъ и женился на ней, чѣмъ причинилъ полное разореніе своему семейству. Подъ конецъ своей жизни онъ лишился второй своей жены и, несмотря на свою чрезмѣрную нищету, женился въ третій разъ на Екатеринѣ ванъ-Викъ. Онъ умеръ на 63 г. жизни, и среди знаменитыхъ живописцевъ старины Рембрандтъ всѣхъ ближе подходитъ къ новѣйшимъ воззрѣніямъ на искусство.

— Пять племянницъ кардинала Ришелье. Уже много было писано о знаменитыхъ пяти сестрахъ-красавицахъ Манчини, но, несмотря на это, англійскій писатель, Ноэль Вильямсъ, знатокъ французской исторіи, взялъ на себя задачу представить въ рельефныхъ чертахъ этотъ итальянскій эпизодъ [1]) изъ исторіи двора Людовика XIV. Старшая изъ этихъ такъ называемыхъ «мазаринетокъ», Лаура, вышла замужъ за герцога Меркёра, цезаря Вандомскаго, незаконнаго внука Генриха IV. Она была счастлива въ брачной жизни, хотя и умерла довольно рано. Замѣчательно, что предъ смертью ее соборовалъ самъ кардиналъ Мазарини, чѣмъ выясняется спорный вопросъ о его священническомъ званіи, что не дозволяло ему жениться на королевѣ Аннѣ Австрійской, его любовницѣ. Знаменитѣйшая изъ сестеръ, Олимпія, прибыла во Францію ребенкомъ и воспитывалась вмѣстѣ съ Людовикомъ XIV, который, по всей вѣроятности, находился съ нею въ любовной связи, хотя до безумія былъ влюбленъ въ ея сестру, Марію. Эта любовь дошла до того, что король во что бы то ни стало хотѣлъ жениться на Маріи, умнѣйшей и прелестнѣйшей изъ пяти красавицъ, но Мазарини и королева мать не соглашались на этотъ бракъ, такъ какъ имъ всего болѣе улыбалась испанская женитьба, и они опасались, чтобы Марія, сдѣлавшись королевой, не уничтожила ихъ политическаго вліянія. Пользуясь красотою Олимпіи, они заставили ее сыграть самую низкую роль по отношенію къ сестрѣ и королю, который, однако, хотя и отказался отъ брака съ Маріей, но никогда не простилъ Олимпіи ея гнуснаго поступка. Выйдя замужъ за графа Суассонъ, она интриговала точно также противъ Лавальеръ, и ее обвиняли въ подстрекательствѣ извѣстной Вуазэнъ на отраву короля. Хотя новый біографъ сестеръ Манчини, Вильямсъ, увѣряетъ, что это не вѣроятно, но въ сущности многое подтверждаетъ это обвиненіе. Сенъ-Симонъ же удостовѣряетъ, что она еще отравила испанскую королеву, хотя это послѣднее преступленіе совершенно не доказано. Что касается до послѣдующей жизни Маріи Манчини, бывшей замужемъ за принцемъ Коллоной, констаблемъ Неаполя и вице-королемъ Арагона, то она имѣла самую несчастную брачную жизнь и вмѣстѣ съ сестрой Гортензіей бѣжала во Францію въ пиратской фелукѣ. Тамъ король защищалъ ее всѣми силами отъ папскихъ стремленій возвратить ее мужу. Пребываніе Маріи въ Испаніи составляетъ забавный эпизодъ, такъ какъ она постоянно переселялась изъ одного монастыря въ другой, чтобы избавиться отъ преслѣдованій своего мужа. Наконецъ, видя невозможность заключить ее въ крѣпость или заточить въ монастырь, онъ далъ ей свободу. Она отправилась въ Версаль, а оттуда въ Италію, гдѣ умерла въ Пизѣ. Самой красивой изъ сестеръ всѣ признавали Гортензію, герцогиню Мелёрэ; она была любимой племянницей кардинала и передала своему мужу титулъ герцога Мазарини. Онъ боялся постоянныхъ визитовъ короля къ его женѣ и потому безъ устали возилъ ее съ мѣста на мѣсто, что̀ надоѣло красавицѣ Гортензіи, и она бѣжала отъ мужа сначала къ своему брату, герцогу Неверу, потомъ въ аббатство Шелль, наконецъ въ Италію. Три года она провела въ

---

[1]) Five fair sisters; Italian episode at the court of Louis XIV. By H. Noel Williams. London. 1906.

Савойѣ при дворѣ Карла-Эммануила и затѣмъ перебралась въ Англію, гдѣ Карлъ II прежде своего восшествія на престолъ, неудачно просившій ея руки у Мазарини, сталъ пламенно ухаживать за нею. Онъ уже хотѣлъ объявить ее своей офиціальной любовницей, но Гортензія предпочла ему принца Монако. Послѣдняя изъ «мазаринетокъ», Маріанна, вышла замужъ за герцога Бульонскаго и долго была въ Парижѣ баловнемъ короля и всего двора. Она отличалась любовью къ литературѣ и покровительствовала литераторамъ, особенно поэтамъ, первымъ изъ которыхъ былъ Лафонтенъ. Конечно, по примѣру своихъ сестеръ она имѣла много любовныхъ интригъ, за что мужъ заперъ ее въ монастырь на нѣсколько мѣсяцевъ. Вмѣстѣ съ своей сестрой Олимпіей она была замѣшана въ процессѣ Вуазэнъ, и ее сослали въ Неракъ. Послѣ непродолжительнаго времени она вернулась въ Парижъ и стала попрежнему играть блестящую роль въ великосвѣтскомъ и литературномъ обществѣ.

— Дѣйствительно ли Шиллеръ былъ апостоломъ свободы? Профессоръ Вильгельмъ Стеффэнъ безжалостно разрушаетъ въ іюньскомъ нумерѣ «Preussische Jahrbücher» легенду о республиканизмѣ Шиллера, этого непримиримаго врага тирановъ и упорнаго поклонника свободы. Не прошло еще и года съ юбилейнаго прославленія Шиллера, какъ является публичное развѣнчиваніе его славы. Ученый профессоръ старается доказать, что въ сущности Шиллеръ былъ мирнымъ буржуа, очень консервативнымъ и мало разборчивымъ въ средствахъ достиженія успѣха. Конечно, подобное уничтоженіе Шиллеровской легенды, насколько бы оно ни оказалось въ сущности несправедливымъ, все-таки чрезвычайно интересно и заслуживаетъ полнаго вниманія. По словамъ Стеффэна, Шиллеръ былъ сыномъ храбраго вюртембергскаго офицера и тринадцати лѣтъ поступилъ въ Карловскую школу, нѣчто въ родѣ лицея и военнаго корпуса, основаннаго герцогомъ Карломъ-Евгеніемъ Вюртембергскимъ. Чтобы пріобрѣсть милости герцога, молодой Шиллеръ осаждаетъ его цѣлымъ дождемъ посланій и комплиментовъ въ прозѣ и стихахъ, даже переходя при этомъ предѣлы обычнаго низкопоклонства. У герцога была офиціальная любовница, извѣстная красавица Франциска Гогенгеймъ, и Шиллеръ обращается къ ней съ безконечными хвалебными стихами. «Сегодня,—говоритъ онъ въ день ея рожденія,—не видно ни малѣйшихъ слезъ, не слышно никакихъ вздоховъ, но къ небу подымаются радостные крики благодарности. Въ сердцѣ каждаго счастливо запечатлѣно имя Франциски. Она идетъ по дорогѣ своей жизни, усыпанной розами, и ея существованіе, ознаменованное тысячею добродѣтельныхъ поступковъ,—полно гармоніи: если вы хотите видѣть добродѣтель вознагражденную, то взгляните на нее». На слѣдующій годъ, въ тотъ же день рожденія красавицы Франциски, Шиллеръ удостоиваютъ честью произнести подобающую рѣчь въ присутствіи герцога и его любовницы въ Храмѣ Добродѣтели. Послѣ безконечныхъ похвалъ герцогу, котораго онъ сравниваетъ съ Цезаремъ и Августомъ, храбрый юноша безъ зазрѣнія совѣсти гордо восклицаетъ: «Мои уста не умѣютъ произносить лицемѣрныхъ рѣчей, которыя вызываютъ на челѣ краску. О великій герцогъ, я не вѣдаю лести, ей не обучаютъ въ вашей славной школѣ. Нѣтъ, нѣтъ, высоко поднявъ чело и чувствуя только любовь къ правдѣ, я громко произношу: «Да здравствуетъ прелестная

подруга Карла! Да здравствуетъ другъ рода человѣческаго! Да здравствуетъ общая пріятельница, мать всѣхъ, о Франциска!» Въ 1781 г. онъ написалъ «Оду на возвращеніе нашего милостиваго герцога». И въ своей пьесѣ «Семелэ» онъ прославляетъ любовь Карла-Евгенія къ добродѣтельной Францискѣ. Когда же Шиллеръ поссорился съ своимъ благодѣтелемъ и покинулъ Виртембергъ, то писалъ хвалебные гимны и мадригалы въ честь герцоговъ Мейнингенскаго, Августенбургскаго и многихъ другихъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ получилъ мѣсто совѣтника при веймарскомъ дворѣ и посвятилъ своего «Донъ-Карлоса» герцогу Карлу-Августу Саксенъ-Веймарскому и въ предисловіи къ этой драмѣ выразилъ радость, которую чувствовалъ, сдѣлавшись подданнымъ одного «изъ самыхъ благородныхъ нѣмецкихъ герцоговъ, друга музъ, имѣвшаго самое мягкое сердце, и къ которому онъ питалъ безграничное уваженіе». Но, прежде чѣмъ добиться доступа ко двору, ему пришлось много писать лестныхъ стиховъ въ честь своей новой государыни, и ухаживать за преданными поклонниками достопочтеннаго веймарскаго мецената — Виландомъ, Гердеромъ и Гёте. Въ это же время онъ добился званія почетнаго совѣтника герцога Мейнингенскаго. Незадолго до своей смерти Шиллеръ получилъ отъ шведскаго короля, бывшаго проѣздомъ въ Веймарѣ,—перстень съ брильянтами, о чемъ по его настоянію было напечатано во всѣхъ газетахъ, а въ томъ же году онъ въ торжественныхъ стихахъ славилъ свадьбу наслѣднаго принца съ русской великой княжной. Вотъ всѣ доказательства, которыя набралъ профессоръ Стеффэнъ въ подтвержденіе низкопоклонства Шиллера. Напротивъ, онъ же приводитъ слова великаго апостола свободы: «Моя гордая лира никогда никому не льститъ и вѣчно призываетъ тѣни Катона, Брута и Регула, а также клеймитъ тирановъ и побѣдителей». Онъ же написалъ «Разбойниковъ», пьесу революціонную и почти анархическую, герой которой, Карлъ фонъ-Mooръ, врагъ всѣхъ законовъ, мечтаетъ сдѣлать Германію республикой, въ сравненіи съ которой Римъ и Спарта покажутся женскими монастырями». Онъ создалъ «Фьеско», республиканскую трагедію, одно изъ дѣйствующихъ лицъ которой говоритъ: «Первый король былъ убійцей, скрывавшимъ въ складкахъ своей пурпурной мантіи слѣды преступленія», наконецъ его перу принадлежатъ «Донъ-Карлосъ» и «Коварство и любовь», гдѣ выведенъ нелѣпый, смѣшной, жестокій и развратный король, который продаетъ своихъ солдатъ чужимъ государямъ, какъ скотину, и живетъ среди развратныхъ женщинъ. Достаточно, такимъ образомъ, того, что говоритъ самъ Стеффэнъ, чтобы доказать всю неосновательность его обвиненія Шиллера въ низкопоклонствѣ. Если онъ дѣйствительно позволялъ себѣ нѣкоторыя лестныя выраженія въ отношеніи высокихъ особъ, то въ тогдашнее время это было въ модѣ, и даже такіе люди, какъ Вольтеръ и Мирабо, распространялись въ диѳирамбахъ монархамъ, а съ своей стороны образованные монархи пикировались между собою въ чрезвычайномъ либерализмѣ и дозволяли писателямъ всякаго рода свободомысліе. «Толкуйте себѣ, сколько вамъ угодно, лишь бы вы слушались», — говорилъ Фридрихъ II. Только французская революція измѣнила этотъ двоедушный порядокъ вещей. Поэтому рѣшительно нельзя сказать, чтобы ученый профессоръ былъ правъ, полагая, что онъ доказалъ всю нелѣпость легенды, что

Шиллеръ—не апостолъ свободы. Въ сущности онъ останется вѣчнымъ символомъ освобожденія человѣческой мысли не только въ Германіи, но и во всей Европѣ, особенно во Франціи, гдѣ его величайшимъ ученикомъ былъ Викторъ Гюго, авторъ «Hernani» и «Les Misérables».

— Переписка графа Нессельроде въ 1812 г. Недавно вышелъ въ Парижѣ четвертый томъ «Писемъ и бумагъ канцлера, графа Несельроде, извлеченныхъ изъ его архива» [1]). Онъ посвященъ исключительно событіямъ 1812 г., и хотя не такъ интересенъ, какъ предыдущая часть, потому что Нессельроде не участвовалъ въ главнѣйшихъ эпизодахъ отечественной войны, но все-таки, какъ въ его личныхъ воспоминаніяхъ, такъ и близкихъ ему лицъ заключается немало интереснаго. Переписка самого Нессельроде начинается въ апрѣлѣ по дорогѣ въ Вильну, куда онъ сопровождалъ императора Александра, оставившаго его въ арміи послѣ своего отъѣзда. Потомъ его на время вызываютъ въ Петербургъ, и, наконецъ, онъ отправляется снова въ Вильну съ государемъ, а оттуда за границу. Главными его корреспондентами являются его жена, дочь министра финансовъ, графиня Марія Гурьева, на которой онъ женился весной того же года, и его товарищъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, Анштедтъ. Въ это время они оба были назначены государемъ состоять при главной арміи въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ для редактированія военныхъ реляцій. По словамъ издателя настоящаго труда, внука канцлера, Анштедтъ «былъ болѣе блестящимъ редакторомъ и человѣкомъ бо̀льшей иниціативы, чѣмъ Нессельроде, но зато послѣдній отличался болѣе солиднымъ поведеніемъ и болѣе надежными дипломатическими отношеніями, поэтому на немъ остановилось вниманіе императора, и Нессельроде сдѣлался настоящимъ выразителемъ мысли и воли своего повелителя». Первымъ документомъ въ четвертомъ томѣ переписки Нессельроде служитъ его докладъ императору Александру I относительно бумагъ, привезенныхъ полковникомъ Чернышевымъ изъ Тюильри въ мартѣ мѣсяцѣ. По его мнѣнію, не слѣдовало отвергать переговоровъ, предложенныхъ Наполеономъ, а надо было отвѣтить чрезъ князя Куракина или Лористона, что Россія готова переговорить съ Франціей объ Ольденбургскомъ дѣлѣ и о тарифахъ, если она немедленно покинетъ прусскія владѣнія. Въ случаѣ, если переговоры и не удадутся, то Франція будетъ поставлена въ невыгодное положеніе, и у нея будетъ отнято единственное средство утверждать, что она права относительно причины войны. Вслѣдъ за этимъ дипломатическимъ вступленіемъ слѣдуетъ частная переписка Нессельроде и его жены между Петербургомъ и Вильной, куда отправился будущій канцлеръ вмѣстѣ съ императоромъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Упоминая въ своихъ письмахъ о различныхъ лицахъ, окружающихъ императора, Нессельроде отзывается о Винцингероде гораздо сочувственнѣе, чѣмъ обыкновенно о немъ говорили. «Правда,—говоритъ онъ,—этотъ генералъ не отличается талантами выше начальника кавалерійской дивизіи, и напрасно ему, едва умѣющему говорить по-французски, довѣрили дипломати-

---

[1]) Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode 1760—1850. Tome IV. Paris. 1906.

ческія порученія. Это—его величайшій недостатокъ, но онъ не трусъ и не измѣнникъ, какъ увѣряли послѣ Аустерлица; его послѣдующее поведеніе дало серьезныя опроверженія подобной клеветѣ, потому что онъ покрытъ ранами и не упустилъ ни одного случая выказать достойную храбрость во время войны». Что же касается до самого себя, то графъ увѣряетъ, что онъ попрежнему не выставляетъ себя впередъ, а исполняетъ лишь то, что ему предписываютъ. Празднества и удовольствія въ Вильнѣ слѣдовали одно за другимъ, и особенно, по словамъ Нессельроде, удалось торжество, устроенное въ честь государя генералами и офицерами, хоть выстроенный по этому случаю въ имѣніи Бенингсена временный залъ наканунѣ рушился и едва не погубилъ всего его семейства. Впрочемъ это не помѣшало устроить танцы въ домѣ, а ужинать въ великолѣпно иллюминованныхъ садахъ Армиды, какъ выразился Нессельроде. Письма графини къ мужу отличались рѣзкостью и остроуміемъ. По ея словамъ, Петербургъ послѣ отъѣзда двора сдѣлался чисто провинціальнымъ городомъ во всемъ значеніи этого слова. Что касается до политическихъ дѣлъ, то она отзывается очень неодобрительно о Барклай-де-Толли, который причинялъ непріятности ея отцу, министру финансовъ, постоянно соглашаясь на опредѣленныя суммы денегъ, а потомъ требуя все большихъ и большихъ милліоновъ. «Государь,—прибавляетъ она,— болѣе всѣхъ удивляется, что денегъ мало, а при подобныхъ порядкахъ не хватитъ никакихъ средствъ, и въ означенномъ безпорядкѣ мой отецъ нисколько не виновенъ, поэтому онъ все просится въ отставку, а его не пускаютъ, что̀ для него чрезвычайно тяжело. Правда, отпустить министра финансовъ во время войны было бы публичнымъ признаніемъ въ пустотѣ кассы». Переходя къ военнымъ вопросамъ, она увѣряетъ, что напрасно опасаются наступленія Наполеона, и гораздо опаснѣе военный планъ Фульда, тактика котораго всегда была чрезвычайно пагубна для Пруссіи. Еще графиня опасалась Польши, которая, по ея мнѣнію, измѣнитъ Россіи при малѣйшей возможности. «Увѣряю тебя, — прибавляетъ она,—что у меня голова идетъ кругомъ, и я одинаково ненавижу и боюсь поляковъ. Ты, быть можетъ, будешь смѣяться надо мною, но мои опасенія, право, основательны». Далѣе она высказываетъ мнѣніе объ Анштедтѣ самое неблагопріятное. Въ Петербургѣ, по ея словамъ, всѣ недовольны его вліяніемъ, по случаю отсутствія канцлера. Всѣ его считаютъ измѣнникомъ, несмотря на то, что самъ Нессельроде отзывается о немъ очень лестно. Пребываніе государя въ Вильнѣ очень не нравилось графинѣ, и она замѣчаетъ, что если «хотѣли отдать городъ Наполеону, то незачѣмъ было въ него вступать». Съ еще большей злобой графиня отзывается объ извѣстномъ дѣятелѣ Александровскаго времени — Новосильцовѣ, который за послѣдніе мѣсяцы впалъ въ немилость, но теперь снова оказался въ сильномъ фаворѣ, несмотря на то, что онъ, по ея словамъ, совершенная ничтожность. «Этого пустого человѣка,—прибавляетъ она,—посылаютъ въ Англію, въ страну, гдѣ всѣ надъ нимъ смѣются». Въ началѣ іюля Александръ уѣхалъ въ Москву, а потомъ въ Петербургъ и оставилъ Нессельроде и Анштедта при главнокомандующемъ съ обязанностью составлять военные бюллетени. О безконечной любезности послѣдняго его товарищъ отзывается съ большой похвалой и говоритъ, что «онъ становится тѣмъ веселѣе

и остроумнѣе, чѣмъ положеніе труднѣе». До Вязьмы и Гжатска Нессельроде оставался на своемъ постѣ и, видя, что въ арміи все идетъ хорошо, увѣрялъ жену, что обѣимъ столицамъ нечего бояться. Наконецъ въ первыхъ числахъ августа онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ и оставался при государѣ до глубокой осени. Въ этотъ промежутокъ времени Анштедтъ былъ единственнымъ его корреспондентомъ относительно военныхъ дѣйствій. По словамъ этого дипломата, отступленіе отъ Смоленска Багратіонъ объяснялъ овладѣвшей всѣми паникой, такъ какъ «Смоленскъ могъ еще продержаться съ мѣсяцъ». Что же касается до Бородинской битвы, то Анштедтъ отъ нея въ восторгѣ и говоритъ, что «это было побоище героевъ, и земля дрожала на восемнадцать верстъ». «Да что, — прибавляетъ онъ, — мнѣ и разсказывать объ этомъ сраженіи? Вы лучше узнаете всѣ подробности изъ реляціи; я же скажу, что когда въ первый день князь Кутузовъ отправился на рекогносцировку, то надъ его головой леталъ орелъ, и онъ ему поклонился, а вся армія дружно закричала ура». Со времени Бородинскаго побоища Анштедтъ считалъ гибель Наполеона рѣшенной, и хотя многіе изъ русскихъ были противоположнаго мнѣнія, но «онъ называлъ ихъ ослицами, ибо ослами ихъ называть было бы слишкомъ лестно, такъ какъ оселъ мужского пола». О занятіи французами Москвы и о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ до рокового отступленія французовъ въ письмахъ Анштедта не встрѣчается почти ни слова. Онъ только довольно подробно описываетъ битву подъ Малымъ Ярославцемъ, отступленіе отъ котораго считаетъ большой ошибкой Кутузова. Онъ имѣлъ по этому поводу довольно характерный разговоръ съ фельдмаршаломъ, который, повидимому, полагалъ, что врагу лучше всего сдѣлать золотой мостъ для отступленія. «Я не имѣю другого желанія,—говорилъ онъ, — какъ увидѣть Наполеона покинувшимъ Россію». «Въ такомъ случаѣ,—осмѣлился возразить ему дипломатъ,— фельдмаршалъ ничего не сдѣлалъ бы для своей родины. Послѣ столькихъ жертвъ и въ ту минуту, когда Россія можетъ освободить всю Европу, ее необходимо вознаградить, именно обезпечить всеобщій миръ на цѣлыхъ десять лѣтъ. Висла должна течь въ ея предѣлахъ, Австрія — сдѣлаться ея авангардомъ, Рейнская конфедерація и Швейцарія—стать независимыми отъ Франціи. Безъ этого, повторяю, будетъ заключено только перемиріе, и ничего не сдѣлано для счастья Европы». Кутузовъ ничего не отвѣчалъ и только улыбнулся. При этомъ Анштедтъ вспоминаетъ, что послѣ Бородинскаго сраженія Кутузовъ сказалъ: «Я далъ пощечину Наполеону», и замѣчаетъ, что онъ могъ бы дать послѣ того еще бо̀льшую пощечину, если бъ преслѣдовалъ его болѣе форсированнымъ маршемъ. Когда Кутузовъ узналъ о переходѣ Наполеона чрезъ Березину, то онъ погнался за нимъ изо всѣхъ силъ и вступилъ въ Вильну 29 ноября. Быстрота бѣгства французовъ была такъ велика, что, по словамъ Анштедта, Наполеонъ не осмѣлился вступить въ этотъ городъ, а съ отрядомъ лишь въ 1.500 человѣкъ направился на Ковно. Холодъ и голодъ продолжали уничтожать непріятеля, хотя русскій штыкъ щадилъ его. «Нѣмецкіе офицеры, говоритъ дипломатъ, — увѣряютъ, что они зарѣжутъ Бонапарта, если онъ ускользнетъ изъ русскихъ рукъ». До отступленія французовъ въ Смоленскъ Наполеонъ сохранилъ свое наружное спокойствіе, и, говоря о послѣднихъ событіяхъ въ

Парижѣ, онъ выражался: «Повидимому, меня болѣе не хотятъ во Франціи. Ну, что же, пусть выберутъ себѣ другого; посмотримъ, какъ онъ сумѣетъ справиться». «Этотъ кажущійся стоицизмъ императора поддерживается крѣпкими напитками, которые, по словамъ дипломата, онъ теперь употребляетъ въ бо̀льшомъ количествѣ, чего прежде не было. Въ Смоленскѣ онъ продавалъ остатки вина арміи и сжегъ свое столовое бѣлье. Онъ носитъ продранную на локтяхъ сѣрую одежду и желтый галстукъ. Вицъ-король итальянскій въ полной парадной формѣ слѣдовалъ за нимъ вмѣстѣ съ Нансути, Викторомъ, Удино, Даву, Ларибосьеромъ, Коленкуромъ». Послѣдними словами Анштедта въ его перепискѣ съ Нессельроде служатъ предсказанія отъ 30 ноября, что русская армія займетъ въ январѣ Варшаву. Письма Нессельроде къ женѣ начинаются снова отъ 13 декабря изъ той же Вильны. По его словамъ, дѣла идутъ настолько отлично, какъ и не подозрѣваютъ въ Петербургѣ. Пріѣздъ императора произвелъ на всѣхъ безъ исключенія самое лучшее впечатлѣніе. Увѣдомивъ жену о сдачѣ прусскаго отряда генерала Іорка, онъ выбылъ съ государемъ изъ Вильны и по дорогѣ въ Мерицѣ 31 декабря 1812 г. окончилъ свою переписку въ этомъ памятномъ году. Къ этимъ документамъ, извлеченнымъ изъ архива графа, его внукъ прибавляетъ: 1) депешу графа Румянцева къ Бассано, уже напечатанную ранѣе этого, но какъ написанную Нессельроде и входящую въ составъ его архива; 2) докладъ Гентца графу Нессельроде о берлинскомъ и миланскомъ декретахъ и 3) донесеніе князя Чарторижскаго императору Александу I о возстановленіи Польши. Къ этому послѣднему документу прибавлена собственноруская записка Нессельроде, который объясняетъ въ ней Александру I всю невыгоду для Россіи возстановленія Польши, какъ мѣры антинаціональной и противорѣчащей интересамъ Россіи.

— Бальзакъ, какъ защитникъ. Въ первой іюльской книгѣ «La Revue» Эдмонъ Пилонъ передаетъ въ своей статьѣ [1]) объ одномъ фактѣ изъ жизни Бальзака, отравившемъ его существованіе едва ли не болѣе, чѣмъ всѣ придирки кредиторовъ,—именно о неудачной защитѣ вмѣстѣ съ извѣстнымъ рисовальщикомъ карикатуръ, Гаварни, нѣкоего нотаріуса, Пейтеля. Послѣдній обвинялся въ убійствѣ жены и своего слуги, за что̀ былъ приговоренъ къ смертной казни, и, несмотря на всѣ старанія Бальзака, доказывавшаго его невинность, и ходатайство г-жи Абрантесъ, король Луи-Филиппъ не хотѣлъ его оправдать. Неумолимое упрямство короля было вызвано памфлетами и сатирами Пейтеля, когда-то, еще студентомъ, сотрудничавшаго въ журналѣ «Le Voleur» и «La Caricature», издаваемыхъ Шарлемъ Филиппономъ, гдѣ осмѣивалась буржуазная монархія и король Луи-Филиппъ. Послѣдній всегда былъ представленъ тамъ въ видѣ груши, такъ какъ форма его головы очень походила на нее, и сотрудники журнала не пропускали ни одного нумера, чтобы не восхвалить вкуса этого «восхитительнаго плода» и особенно его наружнаго вида. Форма груши, толстая внизу и остроконечная наверху, поражала своимъ сходствомъ съ головою Луи-Филиппа. Въ этомъ журналѣ, между прочимъ, надѣлала шуму острота: «Чортъ возьми грушу! Адамъ погубилъ насъ изъ-за яблока, а Лафайетъ изъ-за груши».

---

[1]) Une affaire dans la vie de Balzac. «La Revue». 13 Juillet 1809.

Находя, что подобный журналъ, хотя бы въ немъ сотрудничалъ Бальзакъ и помѣщалъ свои карикатуры Дамье, не можетъ служить достаточнымъ матеріаломъ для болѣе яростныхъ нападокъ на короля, Пейтель придумалъ написать книгу о «блаженномъ плодѣ, о которомъ въ то время говорили болѣе при дворѣ, чѣмъ въ саду». Выпустивъ въ свѣтъ эту книгу подъ заглавіемъ: «Физіологія груши», Пейтель подписался подъ нею именемъ «Луи Бенуа, садовника». Она не отличалась ничѣмъ отъ маленькаго трактата по разведенію плодовыхъ деревьевъ, и только виньетки, украшенныя то тутъ, то тамъ королевскими коронами и орденскими лентами, выдавали истинный смыслъ книги. Это сочиненіе начиналось юмористическимъ письмомъ отъ автора къ книгопродавцу. Затѣмъ Луи Бенуа, извинившись, прямо начиналъ съ общей современной политики: «Городская ратуша,—восклицаетъ онъ,—послѣ прогулки по Парижу я очутился тамъ 29 іюля 1830 г., въ обществѣ политехниковъ, артиллеристовъ, а также генераловъ Лафайета и Дюбура. Но эта благородная революція, народный порывъ, республиканская лихорадка—все это было не что иное, какъ надувательство и подготовленіе къ режиму «груши». Сдѣлайся садовникомъ, мой другъ,—прибавляетъ авторъ,—и не вмѣшивайся болѣе въ дѣла королевства». Затѣмъ онъ направляется въ ботаническій садъ и лирическимъ тономъ восклицаетъ: «Грушъ, пожалуйста, грушъ!» Перебирая различные сорта грушъ, онъ доходитъ до сорта «Короля Луи» и «Короля Лѣта» и замѣчаетъ: «Эти плоды появились у насъ, какъ извѣстно, въ іюлѣ. «Король Луи» былъ привезенъ во Францію въ лѣто послѣ Рождества Христова 1830-е. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался толстый, широкій, расплывшійся, нескладный плодъ, какимъ вы его видите». Въ такомъ тонѣ была написана эта маленькая книжка, въ сущности довольно невинная, однако впослѣдствіи Пейтель дорого за нее заплатилъ. Славы, впрочемъ, онъ не добился на литературномъ поприщѣ и, покинувъ его, отправился въ Ліонъ, гдѣ принялся за ученіе и, сдавъ экзаменъ, поступилъ клеркомъ къ нотаріусу, а затѣмъ самъ купилъ нотаріальную контору въ Беллеѣ и женился на Фелиціи Альказаръ, имѣвшей порядочное состояніе. Этотъ бракъ послужилъ причиной его гибели. Фелиція была легкомысленной и насмѣшливой отъ природы, Пейтель же—вспыльчивый и порывистый. Поэтому они съ самаго начала совмѣстной жизни ссорились и когда, три мѣсяца спустя, въ сопровожденіи слуги они отправились въ Масонъ на три дня по дѣлу, и она оказалась убитой, то злые языки обвинили Пейтеля въ убійствѣ жены. Это случилось въ 1838 г., 1 ноября, между десятью и одиннадцатью часами вечера. Дѣло разбиралось, много мѣсяцевъ спустя послѣ преступленія, въ Энскомъ судѣ 26 августа 1839 г. Свидѣтельскія показанія были разнорѣчивы; такъ, одинъ кузнецъ показалъ, что онъ живетъ недалеко отъ мѣста преступленія, и въ ту ночь къ нему громко постучался какой-то человѣкъ, сказавъ, что онъ преемникъ нотаріуса Седрона. Онъ былъ, какъ помѣшанный, говорилъ быстро и кричалъ, чтобы къ нему пришли на помощь, что его жену убилъ на дорогѣ слуга. Этотъ незнакомецъ былъ Пейтель. Свидѣтель отправился съ нимъ и въ уединенномъ полѣ увидѣлъ при лунномъ освѣщеніи на краю болота лежавшій лицомъ внизъ трупъ женщины. Немного далѣе на дорогѣ лежалъ трупъ мужчины, мимо котораго проѣхалъ экипажъ. При видѣ его Пейтель воскликнулъ:

«Вотъ разбойникъ, убившій мою жену; онъ заслуживалъ бы, чтобъ я проѣхалъ по его тѣлу». Затѣмъ онъ объяснилъ, что слуга убилъ его жену и думалъ подвергнуть и его той же участи, зная, что онъ везетъ съ собою 7.500 франковъ. Его жена была убита первая, и, чтобъ отомстить за нее, онъ выскочилъ изъ экипажа и убилъ молоткомъ слугу. Самъ Пейтель на допросѣ показалъ, что его жена, будучи беременной, устала въ пути и задремала на его плечѣ. Въ этотъ моментъ въ трехъ шагахъ отъ нихъ раздался выстрѣлъ, ранившій ее. «Мой бѣдный мужъ, возьми свои пистолеты»,—едва могла она произнести эти слова. Затѣмъ Пейтель выскочилъ изъ экипажа и бросился догонять Луи Рея, котораго убилъ молоткомъ. Однако, врачи заявили, что его жена не могла произнести ни слова, такъ какъ ея языкъ былъ поврежденъ, и, кромѣ того, по изслѣдованіямъ артиллерійскихъ офицеровъ, въ каретѣ не нашлось ни малѣйшаго слѣда пуль. Особенно неблагопріятныя показанія далъ прежній владѣлецъ нотаріальной конторы, завидовавшій успѣхамъ Пейтеля. Однако, друзья послѣдняго надѣялись, что за отсутствіемъ явныхъ уликъ его оправдаютъ, но судъ приговорилъ его къ смертной казни. Тогда Бальзакъ и Гаварни, охладѣвшіе другъ къ другу нѣкоторое время и даже разссорившіеся, примирились ради дѣла Пейтеля и отправились вмѣстѣ въ Буръ, чтобы лично собрать всѣ данныя для защиты. Въ это время Бальзакъ работалъ, какъ каторжный. Постройка его дома близъ воротъ Сенъ-Клу поглотила всѣ его деньги, и въ этомъ уютномъ уголкѣ, вдали отъ кредиторовъ, свѣтскаго шума и политики, авторъ «Человѣческой комедіи» весь предался работѣ. 1839 годъ былъ самый плодовитый; въ это время Бальзакъ создалъ «Les Secrets de la princesse de Codignan», «Pierre Grassou», «Massimilia Doni» и «Pierette». Послѣдняя стоила ему немалаго труда, и онъ писалъ графинѣ Ганской, что исправилъ тринадцать корректурныхъ листовъ, т.-е. «она была написана тринадцать разъ». Въ этомъ же году онъ написалъ четыре очерка «Français peints par eux mêmes». Онъ былъ такъ занятъ, что пріостановилъ переписку съ своей матерью, и только графиня Ганская, «ангелъ по любви» и «демонъ по фантазіи», получала отъ него длинныя письма. Но въ сентябрѣ она вдругъ получила отрывистое лихорадочное письмо: «Я необычайно взволнованъ однимъ ужаснымъ дѣломъ, дѣломъ Пейтеля. Я видѣлъ этого бѣднаго малаго три раза... Его приговорили къ смерти; чрезъ два часа я отправляюсь въ Буръ». Бальзакъ такъ лихорадочно спѣшилъ достичь Бура, какъ можно скорѣе, что, по словамъ Гаварни, торопилъ почтальона, говоря: «Везите насъ скорѣе; тотъ господинъ зарабатываетъ 50 франковъ въ день, а я сто... Вы понимаете, что каждый часъ опозданія можетъ погубить насъ». И на каждой станціи онъ прибавлялъ цифру заработка ихъ обоихъ. По прибытіи въ Буръ, Бальзакъ и Гаварни нѣсколько разъ видѣлись съ Пейтелемъ и добыли всѣ свѣдѣнія. Возвратившись домой, онъ цѣлыхъ два мѣсяца потерялъ на разборъ документовъ по этому дѣлу. Защита въ газетѣ «Siècle» не произвела, однако, ни на публику, ни на судей должнаго впечатлѣнія. Г-жа Абрантесъ, всѣми силами хлопотавшая у короля и королевы о помилованіи Пейтеля, ничего не добилась и писала: «Вамъ невозможно понять, какое установилось мнѣніе о Пейтелѣ во дворцѣ. Я объясняю такую положительную ненависть только тѣмъ, что въ «Siècle» появились

письма Бальзака, а это—оппозиціонный журналъ. Можетъ быть, это способствовало такой ненависти». По словамъ другого придворнаго лица, король говорилъ о Пейтелѣ съ горечью и называлъ его чудовищемъ за то, что онъ позволилъ такъ клеветать на умершую женщину. Онъ не пожелалъ видѣть сестры Пейтеля, которая лично хотѣла просить о помилованіи брата. Когда она вторично попыталась добиться свиданія съ королемъ, то послѣдній отказалъ чрезъ генерала, и г-жа Абрантесъ замѣчаетъ: «Нельзя учтивѣе отвѣчать «нѣтъ»; этотъ генералъ прямо заявилъ, что защита Бальзака, помѣщенная въ оппозиціонной газетѣ, погубила Пейтеля въ общественномъ мнѣніи». Гаварни съ своей стороны дѣлалъ всѣ усилія для его спасенія и рѣшился итти на проломъ. Собравъ различные аргументы и воспользовавшись представленными ему Пейтелемъ и Бальзакомъ свѣдѣніями, онъ составилъ меморандумъ и лично отнесъ его во дворецъ. Къ этому меморандуму было прибавлено письмо Пейтеля съ надписью: «Послѣднее письмо несчастнаго осужденнаго къ королю, къ одному королю». Въ этомъ письмѣ несчастный Пейтель намекалъ на свою «Физіологію груши», такъ какъ Гаварни разсчитывалъ этимъ смягчить сердце короля, но рѣшеніе министровъ оставалось прежнее, и вечеромъ Гаварни получилъ обратно письмо Пейтеля къ королю съ надписью: «Fidèlement recachetée». По словамъ г-жи Абрантесъ, король былъ такъ озабоченъ этимъ дѣломъ, что сорокъ восемь часовъ ничего не ѣлъ и не пилъ. Онъ остался убѣжденнымъ, что Пейтель убилъ свою жену преднамѣренно. 21-го Гаварни узналъ, что король отказалъ Пейтелю въ помилованіи. Прошла недѣля, послѣдняя недѣля жизни для осужденнаго; поддерживаемый нравственно только преданностью своей сестры, Пейтель проводилъ свое время, записывая свои мысли, заявляя о своей невинности и воспѣвая въ стихахъ свою сестру. Но, несмотря на видимое хладнокровіе, онъ дрожалъ въ ожиданіи ужаснаго конца и просилъ у Гаварни прислать ему въ Библіи опія. 28 октября утромъ его казнили. При извѣстіи объ этой казни у Бальзака вырвался крикъ негодованія и стыда. Онъ писалъ графинѣ Ганской: «Вы хорошо угадали дѣло этого несчастнаго малаго. Въ жизни есть роковыя случайности! Обстоятельства были болѣе чѣмъ смягчающія, но невозможныя для доказательства. Есть такое благородство, которому люди никогда не захотятъ повѣрить. Наконецъ все кончено! Я вамъ дамъ когда нибудь прочитать то, что онъ написалъ, прежде чѣмъ войти на эшафотъ. Я могу поклясться въ его невинности, и многія ошибки будутъ мнѣ за это прощены. Онъ былъ мученикомъ своей чести! То, чему рукоплещутъ въ произведеніяхъ Кальдерона, Шекспира и Лопе-де-Вега,—въ Бурѣ гильотинировали». Бальзакъ очень страдалъ отъ неудачной попытки спасти Пейтеля, и со дня казни послѣдняго въ его письмахъ проглядывала какъ бы горькая жалоба. Съ отчаянья онъ набросился на работу, видя въ ней единственное спасенье, и залпомъ написалъ нѣсколько своихъ произведеній, которыя лаконически перечислялъ въ письмахъ: «Я ставлю драму «Vautrin» въ пяти актахъ въ театрѣ Портъ-Сенъ-Мартэнъ. Я оканчиваю «Curée du Village», также «Soeur Marie des Anges». также «Les paysans», также «Les Petites misères de la vie conjugale». также «Pierette». Когда все это было готово, онъ самъ удивился, какъ это у него не сдѣлалось воспаленіе мозга. Затѣмъ онъ снова сосредоточился, но эта неудачная защита, которою онъ не могъ спасти человѣка отъ смерти, отравляла ему жизнь.

— Россини и Берліозъ. Въ недавно появившемся одиннадцатомъ томѣ «Histoire de l'Empire libéral» Эмиля Оливье находится, между прочимъ, интересная характеристика отношеній Россини и Берліоза. Джоакино Россини, начавшій свою карьеру опернаго композитора въ 1810 г. въ Венеціи, какъ извѣстно, окончившій ее на новой своей родинѣ, во Франціи, никогда ни къ кому не чувствовалъ непріязни, даже своему французскому сопернику, Гектору Берліозу. Послѣдній же, напротивъ, иногда питалъ къ нему такую ненависть, что сожалѣлъ о невозможности лично взорвать театръ, гдѣ исполняли произведенія перваго, и говорилъ Тэну: «Я его ненавижу, презираю, и я этимъ доволенъ. Его талантъ искусственный, это—кутила». Но такіе порывы происходили лишь отъ необдуманной вспыльчивости, такъ какъ онъ же называлъ «Севильскаго цирульника» блестящимъ, образцовымъ произведеніемъ, а «Вильгельмъ Телль» такъ его взволновалъ, что, по его словамъ, онъ долженъ былъ выйти изъ залы, такъ вздымалась его грудь, а во время исполненія хоромъ «Si parmi nous il est des traitres» съ нимъ едва не сдѣлался обморокъ. Перечисляя пробудителей въ себѣ музыкальной религіи, онъ ставилъ Россини между Бетховеномъ и Веберомъ. Онъ былъ совсѣмъ не такимъ, какъ его представляли: говорили, напримѣръ, что онъ—жаденъ, тогда какъ онъ былъ человѣкъ добрый и подобно Микелю Анжело сначала старался не о завоеваніи славы, а о добываніи хлѣба для отца и матери, которыхъ обожалъ. Когда его спросили, что онъ думаетъ о создателяхъ новой музыки, то онъ отвѣтилъ: «Они ученѣе насъ, но мы пишемъ болѣе этимъ»,—и онъ положилъ руку на сердце. Онъ вовсе не былъ скептикомъ, какимъ его обыкновенно представляли, а напротивъ вѣрилъ въ великія идеи, какъ въ идею о Богѣ, о родинѣ. Въ его «Моисеѣ» выражено чувство божественности, а въ его «Вильгельмѣ Теллѣ»—чувство патріотизма. Онъ никогда не говорилъ объ этомъ чувствѣ, но выразилъ свое ощущеніе въ немногихъ словахъ: «всю жизнь я питалъ любовь къ своей родинѣ, хотя дѣлалъ это молча». Его называли лѣнивымъ, тогда какъ его умъ проявлялся съ удивительной дѣятельностью, и онъ также удачно доводилъ до конца биржевую операцію, какъ удачно дирижировалъ партитурой оперы. Только онъ работалъ очень легко, незамѣтно, безъ усилій, что̀ всѣхъ вводило въ заблужденіе. Онъ работалъ, болтая съ какой нибудь влюбленной въ него женщиной, и разсказываютъ, что не разъ онъ имѣлъ случай подъ горячими лучами итальянскаго солнца, слушая концертъ невидимаго оркестра, который всегда игралъ въ его душѣ, и отдаваясь поэзіи, создавать свои чудныя мелодіи. Совершенно инымъ является Берліозъ въ характеристикѣ Оливье. Это былъ вѣчно кипящій вулканъ, даже когда онъ не производилъ изверженій. На его выразительной и изящной головѣ орла, впавшаго въ отчаяніе, былъ всегда трагическій отблескъ души, пожираемой неугасимымъ пламенемъ. Онъ жилъ въ вѣчномъ неистовствѣ; началъ жизнь съ борьбы, которую велъ съ отцемъ, противившимся его призванію и морившимъ его голодомъ. Его любовныя исторіи были лихорадочныя и скоропреходящія: онъ мѣнялъ предметы любви и одинаково всѣхъ ихъ любилъ до бѣлаго каленья, и изъ любви онъ дѣлалъ пытку, какъ для себя, такъ и для нихъ. Только одна музыка была его подругой, которая не стра-

дала отъ его порывовъ и непостоянства. Хотя онъ давно съ нею жилъ, но всегда находилъ ее восхитительной, говоря, что «музыка—какъ двадцатидвухлѣтній молодой человѣкъ, передъ которымъ громадная будущность; другія искусства утомлены, стары». Онъ полюбилъ своего сына только послѣ того, какъ грубо обошелся съ нимъ. Онъ былъ уменъ, но его умъ былъ саркастическій, и даже: «я васъ люблю», онъ говорилъ съ яростью. Его литературныя произведенія и главнымъ образомъ «Мемуары» отличаются необычайнымъ вдохновеніемъ и отводятъ ему такое же мѣсто среди писателей, какое онъ занимаетъ среди музыкантовъ. Въ публичныя дѣла онъ вмѣшивался не болѣе Россини. Судьба обоихъ композиторовъ такъ же, какъ ихъ характеръ, была не одинакова. Россини вскорѣ обезпечилъ себѣ нѣкоторое состояніе: успѣхъ явился къ нему съ первыхъ же шаговъ. У него, правда, были и противники, даже очень упорные, но имъ удалось лишь на время остановить все прогрессирующій успѣхъ его музыкальной репутаціи. Былъ моментъ, когда, казалось, счастье измѣнило ему, но это была лишь минутная неудача; его «Вильгельмъ Телль» не былъ оцѣненъ по достоинству, но онъ хотя этимъ не огорчился, однако пересталъ давать публикѣ тѣ мелодіи, которыя пѣли въ немъ. Слава, которую онъ презиралъ, преслѣдовала его, и еще при жизни онъ присутствовалъ при настоящемъ его апоѳеозѣ: ему воздвигли статую на публичной площади его родного города и въ перистилѣ Парижской оперы. Самыя разнообразныя знаменитости считали за честь быть принятыми въ его салонѣ. Нельзя сказать того же о Берліозѣ, который долго боролся противъ матеріальной нужды; хотя у него всегда были пылкіе друзья, первый изъ нихъ Листъ. Въ то время въ «Revue des Deux Mondes» музыкальнымъ критикомъ былъ поклонникъ Россини, Пьеръ Скудо, который очень недурно писалъ, а такъ какъ въ то время музыкальное образованіе не было распространено, то его сужденія признавались за истину. Онъ произнесъ приговоръ, что произведенія Берліоза были лишь шумнымъ безталантливымъ хаосомъ, а его слава поддерживалась лишь дюжиной отупѣвшихъ мозговъ. Въ ожиданіи, пока отупѣніе будетъ всеобщимъ, ему рукоплескали въ Германіи, Россіи, даже въ Парижѣ, но лишь въ нѣкоторыхъ концертахъ, Опера же для него была закрыта. «Троянцы» имѣли лишь условный успѣхъ въ Лирическомъ театрѣ. Произведенія обоихъ музыкантовъ отличны другъ отъ друга не менѣе, чѣмъ ихъ характеры и судьба. Россини—богъ мелодіи и сынъ Моцарта; онъ особенно производилъ впечатлѣніе человѣческими голосами. Никто не умѣлъ лучше его руководить ими, дѣлать ихъ болѣе гибкими и патетическими, болѣе увлекательными неотразимыми crescendo. А когда онъ извлекалъ изъ нихъ все, что было въ нихъ выразительнаго и очаровательнаго, то создавалъ тотъ восхитительный ensemble, въ которомъ эта мелодія все увеличивалась и доходила до чудной звучности. Онъ не брезгалъ помощью оркестра и даже отважился ввести въ оркестръ два барабана, какъ было въ увертюрѣ «Gazza ladra», но онъ хотѣлъ, чтобы оркестръ всегда подчинялся, а не господствовалъ, поддерживалъ пѣніе, а не заглушалъ его. Берліозъ также умѣлъ извлечь изъ человѣческаго голоса слезы и волненіе, и ни одна самая проникновенная кантилена Россини не превосходила очарованія септуара «Троянцевъ». Однако его мелодія волновала, но она не веселила и скорѣе декламировала, чѣмъ

пѣла; онъ заставлялъ плакать Дидону, но не заставилъ смѣяться Розину, и въ произведеніяхъ, которыя наиболѣе обезпечили ему извѣстность, какъ «Гибель Фауста» и «Ромео и Юлія», оркестру принадлежитъ главное мѣсто. Не распространяя своего владычества на энгармонію, онъ даетъ оркестру колоритъ, звучность, ширину и головокружительную смѣлость «Онъ—геніальный симфонистъ,—говоритъ въ заключеніе Оливье,—гораздо менѣе по красотѣ линій, чѣмъ по тембру, а такъ какъ тембръ —колоритъ музыки, то слѣдовательно Берліозъ—первый колористъ звуковъ. Благодаря этому, онъ скорѣе, чѣмъ Россини, приближается къ вершинѣ искусства, такъ какъ послѣдній ближе къ болѣе серьезной драмѣ или комедіи». Конецъ Россини не былъ столь же счастливъ, какъ его жизнь. Онъ умеръ въ страшныхъ страданіяхъ. Патеру онъ сказалъ передъ смертью: «Изъ меня хотѣли сдѣлать скептика, пусть же знаютъ, что, напротивъ, я хочу умереть добрымъ католикомъ». Послѣднимъ его словомъ было имя жены. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ приказалъ въ благодарность за гостепріимство, оказанное ему Франціей, чтобы послѣ его смерти и смерти его жены въ Парижѣ были основаны исключительно для французовъ двѣ преміи по 3.000 франковъ каждая для ежегодной раздачи одной автору религіозной или лирической музыки, которая главнымъ образомъ должна относиться къ мелодіи, въ настоящее время находящейся въ пренебреженіи; другой—автору либретто (прозы или стиховъ) для переложенія на музыку, съ тѣмъ чтобы, авторы придерживались законовъ нравственности, что̀ не всегда бываетъ. Кончина Берліоза была еще тяжелѣе. Публика начала уже его понимать и восхищаться имъ, и первые лучи славы уже блестѣли на его челѣ. Но въ немъ самомъ и вокругъ него уже все померкло. Онъ порвалъ дружбу съ своимъ старымъ другомъ Листомъ, похоронилъ своего страстно любимаго сына. Когда онъ умеръ, все померкло для Берліоза, его жизнь потянулась безъ радости, мрачная. Онъ умеръ шестидесяти пяти лѣтъ и, когда его ученикъ и другъ Рейе спросилъ его, какъ бы ему облегчить страданія, то онъ отвѣтилъ: «Мнѣ все равно». Это были его послѣднія слова.

Также очень благодушно относился Россини и къ создателю музыки будущаго, Ричарду Вагнеру, хотя злые языки распускали клеветы, будто первый долго, тщетно переворачивалъ партитуру «Лоенгрина» и наконецъ въ одинъ прекрасный день сказалъ: «Наконецъ-то я понялъ что нибудь». Россини никогда этого не говорилъ, и въ недавно появившихся воспоминаніяхъ его близкаго друга, Мишота, о посѣщеніи Вагнеромъ Россини передается бесѣда композиторовъ. Мишотъ убѣдилъ Вагнера, что Россини никогда этого не произносилъ, и уговорилъ его отправиться съ нимъ къ Россини. Маэстро ихъ ожидалъ, и какъ только они вошли, онъ воскликнулъ: «Ахъ, г. Вагнеръ, вы, какъ новый Орфей, не опасаетесь переступить этого опаснаго порога. Я знаю, что меня очернили въ вашемъ умѣ. Они не правы. Я ни Моцартъ ни Бетховенъ. Я не имѣю притязанія быть ученымъ, но у меня есть притязаніе на учтивость, и я никогда не оскорблю музыканта, который старается, какъ мнѣ говорили, расширить границы нашего искусства. Притомъ, даже нельзя судить о произведеніи по чтенію партитуры, предназначенной для сцены. Я

только и слышалъ, что вашъ маршъ изъ «Тангейзера» и совершенно искренно нахожу его очень прекраснымъ. Карвальо не дастъ ли намъ цѣлой оперы?» — «Онъ былъ бы на это не прочь,—сказалъ Вагнеръ,—но злая воля, свирѣпствующая противъ меня, принимаетъ оборотъ настоящей кабалы». — «Кабалы? но кто же отъ нея не страдалъ? Что до меня, то я всегда плевалъ плевкомъ на всѣ нападки. Шутники меня зовутъ Вакармини, и я никогда не жалѣлъ ради нихъ барабаннаго боя. Повѣрьте, если я ношу парикъ, то эти мерзавцы не заставили выпасть ни одного моего волоса». Россини, чтобы расположить къ себѣ Вагнера, сказалъ ему, что любитъ нѣмецкую музыку. Онъ передалъ ему, что въ Вѣнѣ видѣлъ Бетховена и сдѣлалъ тысячи шаговъ, чтобы вывести изъ нищеты этого несчастнаго великаго человѣка. Бетховенъ отвлекъ его отъ opera seria, говоря, что «итальянцы не достаточно музыкально образованы», но въ оперѣ-буффъ они не подражаемы. «Вашъ Севильскій цирюльникъ—образцовое произведеніе, которое всегда будутъ играть. Г-нъ Россини, напишите намъ побольше «Севильскихъ цирульниковъ».—Вагнеръ учтиво замѣтилъ, что въ области серьезной музыки Россини далъ прекрасныя вещи, какъ сцена «Мрака» въ «Моисеѣ», заговора въ «Вильгельмѣ Теллѣ».—«Вы мнѣ перечисляете,—перебилъ его Россини,—лучшія минуты въ моей карьерѣ. Но что это значитъ рядомъ съ произведеніями Моцарта, Гайдна? А Бахъ? Какой подавляющій геній! Если Бетховенъ—человѣческое чудо, то Себастьянъ Бахъ—божественное чудо. Я абонировался на большое изданіе его произведеній. Какъ бы я хотѣлъ прежде, чѣмъ умереть, слышать его «Страсти Господни»!— Когда Вагнеръ напомнилъ, что Мендельсонъ первый познакомилъ берлинцевъ съ его произведеніями, то онъ воскликнулъ: «О Мендельсонъ, какая симпатичная натура! Когда я его встрѣтилъ во Франкфуртѣ, то спросилъ многое о Бахѣ. Онъ, казалось, очень удивился. «Какъ,—спросилъ онъ,—вы итальянецъ, и до такой степени любите нѣмецкую музыку?—Но я люблю только ее,—отвѣтилъ я:—я хочу... на итальянскую музыку!— Потомъ я узналъ, что Мендельсонъ сказалъ Гиллеру: «Что, этотъ Россини дѣйствительно ли серьезный человѣкъ? Во всякомъ случаѣ это—чудакъ!» Но довольно обо мнѣ и о другихъ. Все это прошлое. Поговоримъ о настоящемъ, г. Вагнеръ, и особенно о будущемъ. Почему вы по примѣру Глюка, Спонтини, Мейерберга не напишите оперу прямо на французское либретто?» На это Вагнеръ отвѣчалъ, что подобное предпріятіе кажется ему невозможнымъ. «Я буду неспособенъ вернуть къ себѣ манеру «Тангейзера». Я могу сочинять лишь въ стилѣ «Тристана», а такого рода трудъ произведетъ такой переполохъ въ привычкахъ парижанъ, что онъ не будетъ имѣть шансовъ быть принятымъ французами». Потомъ Вагнеръ высказалъ свои взгляды на лирическую драму. Онъ сказалъ, какимъ образомъ необходимость реформъ пробудилась въ его умѣ, скорѣе благодаря литературнымъ причинамъ, чѣмъ музыкальнымъ, и какъ его совѣсть драматическаго поэта довела его до отрицанія бравурныхъ арій пошлыхъ дуэтовъ, неизбѣжныхъ септуаровъ, всѣхъ препятствій, противодѣйствующихъ выразительной истинѣ всемогущей слѣпой рутиной. «Ахъ, септуаръ,—воскликнулъ Россини,—знаете ли вы, какъ я его называю? рядами артишокъ. Я чувствую всю его смѣшную сторону. Это всегда производитъ на меня впечатлѣніе

банды facchini, которые приходятъ пѣть, чтобы получить на чай. А бравурныя аріи! Это былъ мой кошмаръ. Надо удовлетворить разомъ примадонну, перваго тенора и перваго баса! Эти молодчины считали количество тактовъ и отказывались пѣть, если одинъ изъ ихъ товарищей имѣлъ трелью больше. Какъ вы правы, что стремитесь къ правдѣ! Но какъ ее поддержать въ музыкальномъ искусствѣ, которое условно? Вѣдь наконецъ въ жизни не поютъ; еще для влюбленныхъ, куда ни шло, но человѣкъ разгнѣванный, заговорщикъ, ревнивецъ, они не поютъ. Очевидно, маэстро, я не думаю отмѣнить всѣ условности: это значило бы уничтожить лирическую драму. Мнѣ приписываютъ и такую нелѣпость. Развѣ не говорятъ, что я разжаловалъ Моцарта?—Моцарта? angelo della musica? Было бы святотатствомъ, если бы кто нибудь осмѣлился прикоснуться къ нему. Я далекъ отъ того, чтобы отвергать образцовыя произведенія композиторовъ, но я возмущаюсь ролью, на которую обречена ихъ восхитительная музыка, когда, исключенная изъ сценическаго дѣйствія, она служитъ лишь увеселительной закуской». «Если я васъ хорошо понимаю, композиторъ долженъ быть въ то же время своимъ собственнымъ либреттистомъ?» «Почему бы и не такъ?—сказалъ Вагнеръ. — Среди драматическихъ композиторовъ, я думаю, мало есть, которые при случаѣ не переправили бы сцены, которую они понимали лучше своего сотрудника. Скажите, а сами вы, маэстро, слѣдовали вѣрно въ «Вильгельмѣ Теллѣ» за своимъ либреттистомъ? Когда поближе съ нимъ познакомиться, такъ не трудно открыть, что вы сами написали эту музыкальную фреску». Россини признался, что либретто составлялъ онъ съ помощью двухъ будущихъ заговорщиковъ: Кремье и Марра, которые помогли ему составить въ стихахъ сцену заговора. Наконецъ Россини замѣтилъ Вагнеру: «Но съ музыкальной точки зрѣнія ваша реформа окончится мелодіей; это — надгробное слово мелодіи». — «Мелодіи, — повторилъ Вагнеръ,—напротивъ, я ее требую, какъ можно больше, и не стиснутую въ узкихъ границахъ традиціонныхъ формъ, но свободную, независимую, безконечную,—я требую мелодію свою собственную для каждой личности, для каждаго факта, для каждаго эпизода, чтобы она, подходя подъ всякія измѣненія текста, могла распространяться, сокращаться, расширяться по желанію музыканта. Такую мелодію вы намъ дали, маэстро, въ «Вильгельмѣ Теллѣ», гдѣ пѣсня «Sois immobile» достигаетъ самой высокой вершины лирическаго выраженія?» «Такъ, значитъ, я написалъ музыку будущаго»,—замѣтилъ Россини.—«Лучше того, маэстро, музыку всѣхъ временъ». Затѣмъ Вагнеръ объяснилъ, при какихъ обстоятельствахъ онъ допускаетъ хоры и дуэты, когда одно чувство, одна общая мысль воодушевляетъ разомъ нѣсколькихъ лицъ. Потомъ Вагнеръ попенялъ Россини, зачѣмъ онъ бросилъ свою музыку въ тридцать семь лѣтъ, написавъ «Вильгельма Телля». «Вы сами не знаете, что могли бы извлечь изъ своего мозга. Тогда только было начало».—«Что вы хотите? у меня нѣтъ дѣтей,—отвѣтилъ Россини.—Если бы они у меня были, то, безъ сомнѣнія, я продолжалъ бы работать. Но, потрудившись пятнадцать лѣтъ, сочинивъ сорокъ оперъ,—это кое-что значитъ для лѣнивца,—я испытывалъ необходимость отдыха. Я отправился спокойно жить въ Италію. Я нашелъ тамъ театры въ полномъ упадкѣ; тамъ не было больше ни castrati ни bel canto, ни публики для opera seria. Мнѣ оставалось только умолкнуть».

Затѣмъ, поднявшись и горячо пожавъ руки посѣтителя, онъ прибавилъ: «Я слишкомъ старъ, чтобы направить взоръ на новые горизонты; но ваши идеи, что бы ни говорили ваши противники, такого рода, что могутъ заставить поразмыслить молодежь. Послѣ Моцарта можно ли было предвидѣть Бетховена? Послѣ Глюка,—Вебера? Почему же послѣ Вебера долженъ быть конецъ?» Проходя чрезъ столовую, Россини остановился передъ старинным органомъ флорентійской работы. Онъ нажалъ пружину, и раздались звуки старинныхъ народныхъ пѣсенъ. «Что вы объ этомъ скажете?—спросилъ Россини. — Вотъ прошлое и даже очень далекое прошлое. Это просто и наивно. Кто этого авторъ? Это далекое прошлое, но оно все еще живетъ. Останется отъ насъ столько же?»—На прощаніе Вагнеръ поблагодарилъ Мишота за знакомство съ Россини и прибавилъ: «Это—геній, это—геній, котораго обстоятельства помутили. Но изъ всѣхъ музыкантовъ, какихъ я видѣлъ въ Парижѣ, это — единственный истинно великій».

— Новыя письма Тургенева къ г-жѣ Віардо. Франко-прусская война принудила извѣстную г-жу Віардо, близкаго друга Тургенева, переѣхать изъ Бадена въ Лондонъ, при чемъ его драгоцѣнныя письма затерялись. Они нашлись, только спустя двадцать пять лѣтъ, у одного берлинскаго букиниста, который въ свою очередь купилъ ихъ у вдовы какого-то французскаго доктора. Теперешній ихъ собственникъ долго считалъ своей обязанностью не печатать этихъ писемъ до смерти г-жи Віардо, и только по просьбѣ извѣстнаго переводчика Е. Гальперина-Каменскаго и разрѣшенію самой г-жи Віардо согласился напечатать тѣ изъ нихъ, которыя выбрала знаменитая пѣвица. Часть изъ этихъ писемъ, относящихся къ 1846—1850 г.г., издана Гальперинымъ-Каменскимъ въ «Revue hebdomadaire» въ 1898—1899 г.г., а вторая серія [1]), относящаяся до 1851—1883 г.г., появляется теперь подъ редакціей того же Каменскаго въ «Revue Bleu» съ 16 іюля настоящаго года. Къ сожалѣнію, въ числѣ этихъ глубоко-интересныхъ и важныхъ для исторіи русской литературы документовъ г-жа Віардо пропустила тѣ страницы, которыя, по ея мнѣнію, имѣютъ чисто частное значеніе, драгоцѣнное лишь для нея одной. При этомъ совершенно справедливо замѣчаетъ Каменскій, что, «напротивъ, все, или почти все, слѣдовало напечатать, такъ какъ, прочитавъ всю переписку, онъ рѣшительно ничего не находитъ, что слѣдовало бы выпустить, ибо, въ сущности, это лишь изліяніе одной художественной души предъ другой». Въ предисловіи Каменскаго мы находимъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній насчетъ ихъ историческої дружбы. Тургеневъ познакомился въ первый разъ съ г-жею Віардо и ея мужемъ въ 1843 г. въ Петербургѣ, и онъ былъ тогда двадцатипятилѣтнимъ неизвѣстнымъ писателемъ. Напротивъ, г-жа Віардо, хотя и было ей тогда только двадцать два года, уже славилась во всей Европѣ, какъ знаменитая пѣвица, а ея мужъ былъ извѣстенъ, какъ ученый писатель по иностранной литературѣ. Оказалось, что талантъ будущаго автора «Записокъ Охотника» былъ признанъ его французскими пріятелями раньше, чѣмъ его соотечественниками. Четыре года

[1]) Lettres inédites d'Ivan Tourguéneff à madame Viardot. «Revue Bleu» 16, 23 et 30 Juin, 7 Juillet.

спустя, Тургеневъ, находясь за границей, оказался безъ средствъ, такъ какъ его мать не хотѣла ему помогать по причинѣ его литературныхъ занятій. Тогда пришли къ нему на помощь Віардо и его жена и оказали ему широкое гостепріимство въ своемъ помѣстьѣ «Куртавенель», которое сдѣлалось литературной колыбелью великаго романиста. Тутъ для пріобрѣтенія денегъ онъ написалъ бо́льшую часть своихъ «Записокъ Охотника». Съ тѣхъ поръ и до самой его смерти, послѣдовавшей въ 1883 г., Тургеневъ жилъ большею частью во Франціи и только по временамъ посѣщалъ Россію. Въ эти промежутки времени онъ постоянно переписывался съ г-жею Віардо. «Вотъ, наконецъ, вы въ Германіи, — пишетъ онъ 1844 г. изъ Парижа, — и надо надѣяться, что эти храбрые бюргеры сумѣютъ заслужить свое счастіе. Вы въ Дрезденѣ, а вчера мы были въ Куртавенелѣ. Время всегда идетъ быстро, наполнено ли оно чѣмъ нибудь или пусто, но оно приближается медленно, какъ колокольчикъ русской тройки». Въ то время въ его письмахъ всего болѣе говорилось о музыкѣ, которую онъ очень любилъ, и особенно цѣнилъ грандіозные гимны французской революціи. Что касается литературы, то онъ вообще тогда предпочиталъ старыхъ писателей и всего болѣе восторгался Шекспиромъ и Кальдерономъ, которыхъ считалъ наиболѣе славными драматургами: перваго—католическимъ, а второго—гуманнымъ и антихристіанскимъ. Изъ современныхъ писателей онъ всего болѣе цѣнилъ Жоржа Санда и ея романъ «François de Champi», выходившій въ 1848 г. въ фельетонахъ «Journal des Débats», называлъ настоящимъ совершенствомъ. Въ политическомъ отношеніи Тургеневъ великолѣпно описывалъ въ письмахъ къ г-жѣ Віардо памятные дни революціи 1848 г.: «Я рѣшительно не понимаю,—писалъ онъ между прочимъ,—чего хочетъ народъ въ настоящую минуту, и чего онъ боится; онъ попросту другъ порядка или реакціонеръ или, наконецъ, революціонеръ. Онъ, повидимому, дожидается конца грозы, и однако, что такое исторія? Случай, иронія или судьба и Провидѣніе?.. Невольно подумаешь, сколько ненужнаго и дурного на свѣтѣ, например, холера, градъ, короли, солдаты и т. д. Право, можно подумать, что Богъ—мизантропъ». Эти послѣднія слова были обращены къ Луи Віардо, а не къ его женѣ. Тургеневъ написалъ ихъ въ 1850 г., когда онъ въ первый разъ разстался со своими друзьями. Онъ увѣрялъ въ этомъ письмѣ, что не будетъ себя чувствовать счастливымъ, прежде, чѣмъ снова вернется во Францію изъ Россіи. Конечно, по его словамъ, родина имѣетъ свои права, но настоящая родина—та, гдѣ находишь наиболѣе любви, и гдѣ сердце и умъ чувствуютъ себя хорошо. «Поэтому,—прибавляетъ онъ,—нѣтъ мѣста на свѣтѣ, которое я любилъ бы болѣе, чѣмъ Куртавенель». Новыя письма Тургенева къ Полинѣ Віардо начинаются 1 января 1851 г., и за этотъ годъ ихъ всего семь, и они всѣ относятся къ январю, когда онъ находился въ Москвѣ. Ихъ содержаніе главнымъ образомъ касается до представленія его небольшой пьесы «Провинціалка», которую сначала давали любители въ домѣ графини Сологубъ, а потомъ московскіе казенные актеры на сценѣ Малаго театра. Первые играли, по словамъ Тургенева, отвратительно, особенно княгиня Черкасская, но это не мѣшало публикѣ страшно рукоплескать, а автору горячо благодарить актеровъ за кулисами. На сценѣ успѣхъ этой пьесы былъ необыкновенный, и автора такъ шумно вызывали, что онъ поспѣшилъ

убѣжать изъ театра, хотя впослѣдствіи объ этомъ сожалѣлъ, такъ какъ публика могла думать, что онъ жеманничалъ. Пьеса была довольно хорошо исполнена всѣми актерами за исключеніемъ актрисы, игравшей первую роль: она, по словамъ Тургенева, была отвратительна, но зато молодой актеръ Шумскій игралъ прелестно. «Въ ту минуту, когда поднялся занавѣсъ,—прибавляетъ онъ, —я тихонько произнесъ ваше имя: оно принесло мнѣ счастье. Нечего сказать, пріятно имѣть успѣхъ; это меня подзадоритъ!» На слѣдующій годъ одно письмо написано Тургеневымъ изъ Петербурга 1 мая, и въ немъ находятся интересныя подробности объ его арестѣ въ полицейскомъ домѣ по приказанію императора Николая за напечатаніе въ одномъ московскомъ журналѣ статьи о Гоголѣ. Въ сущности это былъ только предлогъ, такъ какъ статья не имѣла никакого значенія, а правительство уже давно смотрѣло на него искоса и привязалось къ нему, благодаря первому удобному случаю. Онъ не жаловался на императора, такъ какъ дѣло было ему представлено въ такомъ коварномъ видѣ, что онъ не могъ иначе поступить. Правительство хотѣло положить конецъ всему, что писалось по случаю смерти Гоголя, и въ то же время наложить печать на литературную дѣятельность Тургенева. Черезъ двѣ недѣли его должны были отправить въ деревню, на сколько времени—неизвѣстно. Съ нимъ обращались въ полиціи очень гуманно. У него была хорошая комната, ему давали книги, позволяли писать и принимать посѣтителей. Несмотря на это, онъ порядочно скучалъ и надѣялся, что ему разрѣшатъ ѣздить по внутренней Россіи. «Я не теряю мужества,—писалъ онъ,—въ деревнѣ меня ждетъ охота, и, кромѣ того, я постараюсь устроить свои дѣла. Я буду продолжать изученіе русскаго народа, самаго страннаго и удивительнаго народа на свѣтѣ. Я буду работать надъ своимъ романомъ тѣмъ съ большой свободой, что не намѣренъ отдавать его въ когти цензуры. По всей вѣроятности, мой арестъ сдѣлаетъ невозможнымъ печатаніе моего труда въ Москвѣ; я объ этомъ сожалѣю, но что дѣлать? Излишне говорить вамъ, что все это должно сохраниться въ самой глубокой тайнѣ; достаточно малѣйшаго упоминанія объ этомъ въ какой нибудь газетѣ, чтобы со мною покончили». Извѣстно, что Тургеневъ въ 1852 г. былъ сосланъ въ его помѣстье «Спасское» за статью о Гоголѣ и оставался въ ссылкѣ два года. Освобожденъ онъ былъ, благодаря ходатайству наслѣдника, будущаго императора Александра II, и возвратился тогда же во Францію. Изъ Спасскаго Тургеневъ написалъ г-жѣ Віардо въ 1852 г. только четыре письма, напечатанныя Гальпериномъ. Въ нихъ онъ распространяется о природѣ и описываетъ снѣжный ураганъ и небольшую мятель. Въ октябрѣ онъ ѣздилъ на два дня въ Орелъ, но провинціальная жизнь ему не понравилась, и онъ рѣшился остаться въ четырехъ стѣнахъ и усидчиво работать. 1 ноября онъ вспоминаетъ, что девять лѣтъ тому назадъ онъ въ первый разъ встрѣтилъ Полину Віардо въ Петербургѣ, въ домѣ Демидова, и распространяется въ художественныхъ выраженіяхъ о томъ глубокимъ впечатлѣніи, какое произвела на него эта первая встрѣча. На слѣдующій годъ г-жа Віардо снова посѣтила Петербургъ и имѣла громадный успѣхъ, что, конечно, заставляло Тургенева въ письмѣ отъ 20 февраля 1853 г. сожалѣть, что онъ въ русскихъ газетахъ узналъ объ ея бенефисѣ, «но,— прибавляетъ онъ,— я васъ за это не упрекаю,

такъ какъ вы живете въ водоворотѣ, и если только вы меня не забываете, то я большаго не требую». Въ этомъ же году Тургеневъ написалъ къ Віардо еще два письма, согласно перепискѣ, напечатанной Каменскимъ, самъ же великій романистъ признается, что писалъ ей каждый день, но куда дѣвались эти письма—неизвѣстно. Изъ тѣхъ, которыя сохранились, видно, что Тургеневъ надѣялся на ея пріѣздъ въ Москву въ будущемъ году, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на ея посѣщеніе Спасскаго, гдѣ у него «удивительный паркъ и чудесный садъ, полный соловьевъ, иволгъ и пѣвчихъ дроздовъ—прямо благодать». Затѣмъ слѣдуетъ значительный промежутокъ, и чрезъ четыре года мы находимъ два его письма къ мужу г-жи Віардо, а еще чрезъ два года одно письмо къ ней изъ Спасскаго. Въ нихъ нѣтъ ничего интереснаго, и намъ приходится снова перескочить чрезъ пять лѣтъ и остановиться на письмѣ изъ Берлина по дорогѣ въ Петербургъ. Къ этому 1864 г. относятся четыре письма Тургенева, еще одно изъ Берлина и три изъ Петербурга. Онъ туда былъ вызванъ правительствомъ, чтобы дать отвѣтъ на обвиненіе его сенатомъ въ участіи, которое онъ принималъ въ революціонныхъ замыслахъ русскихъ эмигрантовъ за границей. По его словамъ, онъ отправился въ сенатъ въ 12 часовъ и былъ введенъ съ нѣкоторой помпой въ большую комнату, гдѣ онъ увидалъ шесть чиновниковъ въ мундирахъ и лентахъ. Его продержали, стоя, около часа и ему прочитали тѣ отвѣты, которые онъ отправилъ изъ-за границы. Потомъ его спросили, имѣетъ ли онъ что прибавить, и затѣмъ отпустили, сказавъ, что онъ еще понадобится для очной ставки съ однимъ обвиняемымъ. Всѣ обращались съ нимъ очень любезно, и по слухамъ дѣло окончится скорѣе, чѣмъ онъ надѣялся. Два дня сряду онъ обѣдалъ у своего друга, литератора Анненкова, а въ первый изъ нихъ посѣтилъ русскую оперу, гдѣ давали пьесу Сѣрова «Юдиѳь». Она ему очень понравилась, какъ оригинальное и величественное подражаніе Вагнеру. Князь В., бывшій въ театрѣ, сказалъ Тургеневу очень серьезно: «У Вагнера мелодія хроматическая, а у Сѣрова діатоническая». На другой день Анненковъ повезъ великаго романиста на вечеръ къ Сѣрову. Онъ сыгралъ своимъ гостямъ отрывки изъ оперы «Рогнѣда», и Тургеневъ замѣчаетъ, что этотъ «маленькій, странный, нервный человѣчекъ одаренъ большимъ талантомъ». По его мнѣнію, «Рогнѣда», либретто которой взято изъ русской исторіи, отличается бо̀льшимъ талантомъ, чѣмъ «Юдиѳь», искренностью и оригинальностью, и вліяніе Вагнера въ ней менѣе чувствительно. Въ послѣднемъ письмѣ Тургеневъ сообщаетъ Віардо, что его сенатское дѣло окончено, и ему объявлено, что онъ можетъ ѣхать, куда угодно, даже за границу, почему онъ рѣшился покинуть Петербургъ въ февралѣ. Въ этотъ день утромъ умеръ его пріятель, литераторъ Дружининъ, давно страдавшій чахоткой.. Тургеневъ его видѣлъ, за нѣсколько дней, и былъ пораженъ его исхудалымъ видомъ. Онъ казался настоящимъ призракомъ и умеръ совершенно спокойно, безъ всякихъ страданій. «Смерть,—прибавляетъ Тургеневъ,—нѣчто великое и страшное, и если она слышитъ то, что ей говорятъ, то я попросилъ бы ее оставить меня на землѣ. Я хочу еще васъ видѣть и долго, если это возможно. О дорогой другъ, живите долго, и позвольте мнѣ жить возлѣ васъ всѣхъ». Послѣ того въ ихъ перепискѣ наступаетъ промежутокъ въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, и

она снова начинается въ Петербургѣ въ мартѣ 1867 г. Въ двухъ письмахъ онъ говоритъ преимущественно о музыкѣ: о вечерѣ у г-жи Абазы, гдѣ «Рубинштейнъ игралъ, какъ левъ, хотя немного слишкомъ махалъ своей гривой, выражаясь музыкально», а также о концертѣ въ консерваторіи, въ которомъ принимала участіе прекрасная пѣвица Лавровская. Въ публикѣ находился старикъ Петровъ, который со слезами на глазахъ много говорилъ о г-жѣ Віардо и увѣрялъ Тургенева, что не проходитъ дня, когда бы онъ не вспоминалъ о ней. «Конечно, это мнѣ доставило большое удовольствіе,—прибавляетъ онъ,—и я вамъ объ этомъ говорю, такъ какъ убѣжденъ, что вы также будете очень довольны». Этимъ кончается до сихъ поръ напечатанная въ «Revue Bleu» переписка Тургенева съ г-жею Віардо.

— Двѣ парижскія статуи. Въ іюнѣ мѣсяцѣ воздвигнуты въ Парижѣ статуи двухъ истыхъ парижанъ —поэта Альфреда Мюссе и драматурга Александра Дюма-сына. Двадцать лѣтъ тому назадъ Легуве на одной публичной лекціи удивлялся, что Парижъ не имѣлъ статуи Ламартина и Мюссе. Его желаніе исполнилось относительно Ламартина еще при его жизни, а теперь въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ двѣ статуи Мюссе красуются на улицахъ Парижа, хотя впрочемъ одна изъ нихъ не въ центрѣ Парижа, а въ одномъ изъ его предмѣстьевъ—Нёльи, у воротъ Мальо. Скульпторъ Гранэ представилъ его юношей въ черномъ длинномъ сюртукѣ, съ цилиндромъ въ рукѣ, съ длинными волосами, окаймлявшими его прекрасное чело, и со взглядомъ, устремленнымъ на Парижъ, который онъ такъ любилъ. Несмотря на то, что Парижъ платилъ за его любовь пламенною привязанностью, но на торжествѣ открытія второй статуи изъ парижанъ никто не присутствовалъ. Зато всѣ жители Нёльи собрались толпами, и всѣ мѣстные литераторы присутствовали безъ исключенія. Первый говорилъ рѣчь мэръ Нёльи, Гекторъ Депассъ, а вслѣдъ за нимъ Эмиль Блемонъ отъ имени общества французскихъ поэтовъ. Послѣдній очень умѣстно замѣтилъ: «Передъ нами ни Геркулесъ ни Юпитеръ, въ лицѣ Аполлона, но самъ Аполлонъ въ лицѣ парижанина 1830 г.; таковъ во всемъ своемъ побѣдоносномъ блескѣ поэтъ юной страсти». Другой писатель, Камиль Ле-Сеннъ, также воспѣвалъ поэта молодости и любви. «Это единственный Мюссэ, который пережилъ себя,—воскликнулъ онъ въ концѣ своей рѣчи:—можетъ быть, васъ будутъ увѣрять, что сохранился другой Мюссэ, постарѣвшій, мрачный, удрученный скукой. Но не вѣрьте, нѣтъ другого Мюссэ, какъ изображеннаго въ этой статуѣ». Товарищъ министра народнаго просвѣщенія, Дюжарденъ-Бомецъ, краснорѣчиво говорилъ на ту же тему, что Мюссэ былъ поэтъ молодости и вѣрнѣйшій ея выразитель. Никто лучше его не обнаруживалъ ея энтузіазма и ея увлеченія. Послѣ этого прославляли Мюссэ въ стихахъ и читали его собственные стихи. Этимъ и кончилось торжество совершенно парижское, хотя безъ участія парижанъ. Другой настоящій парижанинъ, котораго прославлялъ Парижъ, былъ Александръ Дюма-сынъ. Его восхваляли взапуски официальные представители академіи въ лицѣ Сарду и Буржэ, театра Французской Комедіи въ лицѣ Жюля Кларетн, министры, префекты и члены различныхъ литературныхъ обществъ. Всѣ одинаково превозносили таланты драматурга, оригинально изображеннаго сидящимъ въ кре-

слѣ и окруженнымъ пятью женскими фигурами, въ томъ числѣ и «дамой съ камеліями». Во всѣхъ рѣчахъ слышалось что-то оффиціальное, что-то искусственное и холодное, какъ и самъ Дюма въ своихъ драматическихъ сочиненіяхъ былъ натянутъ, неестественъ и пошлъ. Онъ самъ, французская критика и публика называли его пьесы идейными, но въ сущности никакой идеи въ нихъ не было, развѣ только нелѣпые тезисы, и вмѣсто дѣйствующихъ лицъ выводились имъ маріонетки, въ которыхъ были воплощены отвлеченныя, общія мѣста. Всегда онъ изображалъ факты изъ своей собственной жизни, какъ, напримѣръ, его особенно занималъ вопросъ о незаконныхъ дѣтяхъ, потому что онъ самъ былъ незаконный сынъ. Хотя онъ увѣрялъ, что держался всегда философскихъ взглядовъ, но его философія была всегда площадная и буржуазная, логика, которой онъ придерживался, отличалась самой разношерстной пестротой. Онъ то проповѣдывалъ, чтобы женщину убивали за супружескую невѣрность, то требовалъ не только для мужчинъ, но и для женщинъ полнаго прощенія за адюльтеръ; относительно денегъ онъ то увѣрялъ, что онѣ—губители и враги человѣческаго рода, то считалъ ихъ величайшей культурной силой. Подобныя противорѣчія встрѣчались у него на каждомъ шагу, и все же пьесы Дюма имѣли въ свое время громадный успѣхъ, благодаря блестящему остроумію діалоговъ, интересной интригѣ, хотя онѣ были не рѣдко скучны своимъ нескончаемымъ резонерствомъ. Быть можетъ, одна «Дама съ камеліями», хотя очень мелодраматична, но еще до сихъ поръ интересуетъ зрителей, конечно, при хорошемъ исполненіи актерами. Вообще же всѣ комедіи Дюма, главнымъ образомъ построенныя на разонерствѣ, пережили свое время и только отъ времени до времени даются во Франціи изъ искусственнаго уваженія къ нѣкогда популярному автору. Еще не много лѣтъ, и онѣ совершенно выйдутъ изъ моды, и заглохнетъ тропа къ памятнику, только что воздвигнутому въ честь Александра Дюма-сына.

— Смерть Альбера Сореля. Въ послѣдній разъ извѣстный французскій историкъ, Альберъ Сорель, явился предъ публикой и произнесъ одну изъ своихъ краснорѣчивыхъ рѣчей на Корнелевскомъ юбилеѣ. Самъ нормандецъ, Сорель съ удивительнымъ жаромъ славословилъ своего великаго земляка на его родинѣ, въ Руанѣ, и послѣ торжественнаго засѣданія, на которомъ онъ предсѣдательствовалъ, историкъ занемогъ и уже болѣе не вставалъ съ постели до того рокового дня, когда смерть унесла его въ могилу. Альберъ Сорель родился въ 1842 г. въ Гонфлерѣ, въ департаментѣ Кальвадосъ, и, окончивъ свое образованіе, сначала избралъ дипломатическую карьеру, а въ послѣдніе годы Второй имперіи былъ назначенъ состоящимъ при посольствѣ въ Пруссіи, при правительствѣ же народной обороны былъ прикомандированъ къ делегаціямъ въ Турѣ и Бордо. Первымъ его литературнымъ трудомъ была «Дипломатическая исторія франко-германской войны», составленная на основаніи оффиціальныхъ документовъ. Не желая болѣе покидать Франціи, онъ вышелъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ и принялъ мѣсто генеральнаго секретаря въ сенатѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ 1872 г. ему была поручена каѳедра дипломатической исторіи въ школѣ политическихъ наукъ. Ученикъ Тэна, онъ блестяще доказалъ, что нимало не отсталъ отъ своего учителя и вскорѣ сдѣлался

извѣстнымъ историкомъ, что побудило академію нравственныхъ и политическихъ наукъ избрать его академикомъ на мѣсто почтеннаго ученаго Фюстеля де-Куланжа, а впослѣдствіи въ 1893 г. онъ занялъ кресло Тэна во французской академіи. Изъ сочиненій Сореля обратили особое вниманіе публики «Восточный вопросъ въ XVIII столѣтіи» и «Раздѣлъ Польши». Наконецъ онъ предпринялъ свой великій трудъ: «Европа и французская революція», въ восьми томахъ. Недавно онъ окончилъ его и занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди французскихъ историковъ. Кромѣ того, онъ написалъ двѣ монографіи: «Монтескье» и «Г-жа Сталь», а также интересные романы «La grande Falaise» и «Le docteur Egra». За свои ученые труды онъ получилъ двѣ академическія преміи Гобера и Озириса въ сто тысячъ франковъ. Въ послѣднее время Сорель собирался написать исторію Нормандіи, въ которой главную роль играли бы нормандскіе великіе писатели: Корнель, Флоберъ, Мопасанъ, а также нормандскіе военные герои и живописцы. Конечно, главная слава Сореля заключалась въ созданіи имъ дипломатической исторіи, и въ этомъ отношеніи его «Европа и французская революція» познакомили впервые публику съ дипломатическимъ положеніемъ французской революціи и имперіи, а также съ дипломатическимъ строемъ всей Европы.

СМѢСЬ.

Похороны великаго князя Сергѣя Александровича. 4 іюля, наканунѣ дня тезоименитства его императорскаго высочества великаго князя Сергѣя Александровича, состоялось погребеніе останковъ почившаго князя во вновь устроенномъ храмѣ-усыпальницѣ, въ Чудовомъ монастырѣ. Въ этотъ день утромъ состоялось освященіе храма-усыпальницы, сооруженнаго во имя св. преподобнаго Сергія Радонежскаго. Чинъ освященія совершалъ протоіерей Н. В. Благоразумовъ соборнѣ съ намѣстникомъ Чудова монастыря, архимандритомъ Арсеніемъ, и протоіереемъ К. П. Звѣревымъ. Послѣ освященія была отслужена литургія. При богослуженіи присутствовали: ихъ императорскія высочества великая княгиня Елисавета Ѳеодоровна, великій князь Дмитрій Павловичъ и великая княжна Марія Павловна, а такъ же лица свиты ихъ высочествъ и старшіе чины генералъ-губернаторскаго управленія. Храмъ-усыпальница устроенъ въ той части зданія Чудова монастыря, которая непосредственно примыкаетъ къ Николаевскому дворцу. Имъ заняты два пустовавшія помѣщенія подъ Алексѣевскимъ храмомъ обители. Склепъ для упокоенія останковъ тѣла великаго князя устроенъ въ лѣвой части храма, надъ которою какъ разъ приходится гробница съ мощами святителя Алексія, митрополита московскаго и всея Россіи чудотворца, почивающими въ Алексѣвскомъ храмѣ. Устроенный въ храмѣ алтарь украшенъ двухъярусным художественной работы иконостасомъ изъ бѣлаго мрамора съ иконами, написанными академикомъ К. Степановымъ. Отдѣлка иконостаса произведена въ итальянскомъ стилѣ по идеѣ и рисункамъ П. В. Жуковскаго. Завѣдывалъ устройствомъ храма, архитекторъ высочайшаго двора, академикъ архитектуры, В. П. Загорскій. Полы въ храмѣ, а также панель, сдѣланы изъ бѣлаго мра-

мора. Надъ мѣстомъ упокоенія великаго князя будетъ установленъ саркофагъ, который еще не готовъ. За алтаремъ, вдающимся во второе внутреннее помѣщеніе, будетъ помѣщаться ризница: здѣсь же расположены вѣнки, возложенные на гробницу великаго князя. Усыпальница имѣетъ два входа: однимъ она непосредственно соединяется съ Николаевскимъ дворцомъ, а другой выходитъ въ проѣздныя ворота, ведущія на внутренній дворъ Чудова монастыря. Въ восьмомъ часу вечера въ Николаевскомъ дворцѣ и въ Чудовомъ монастырѣ собрались дамы высшаго столичнаго общества, завѣдующій придворною частью въ Москвѣ генералъ-адъютантъ, графъ А. В. Олсуфьевъ, начальникъ окружного штаба генералъ-лейтенантъ баронъ Е. А. Раушъ-Траубенбергъ, генералъ-квартирмейстеръ Московскаго военнаго округа генералъ-майоръ С. М. Шейдеманъ, московскій градоначальникъ генералъ-майоръ А. А. Рейнботъ, исполняющій должность московскаго губернатора флигель-адъютантъ В. Ѳ. Джунковскій, лица свиты ихъ высочествъ, исправляющій должность московскаго губернскаго предводителя дворянства П. А. Базилевскій, чины управленія московскаго генералъ-губернатора съ управляющимъ канцеляріей церемоніймейстеромъ А. А. Воронинымъ во главѣ, офицеры Кіевскаго гренадерскаго полка съ командиромъ полковникомъ Чекмаревымъ во главѣ. Отъ Кіевскаго полка на царской площади передъ мѣстомъ послѣдняго упокоенія великаго князя была выстроена учебная команда; кромѣ того, въ Чудовъ монастырь были введены нижніе чины Кіевскаго полка съ фельдфебелями. Въ девятомъ часу вечера въ Андреевскій храмъ Чудова монастыря, гдѣ покоились останки великаго князя, изъ Николаевскаго дворца прослѣдовали: ея величество королева эллиновъ Ольга Константиновна, ихъ императорскія высочества великая княгиня Елисавета Ѳеодоровна, великій князь Алексѣй Александровичъ, великій князь Борисъ Владимировичъ, великій князь Константинъ Константиновичъ съ великой княгиней Елисаветой Маврикіевной, великій князь Дмитрій Павловичъ, великая княжна Марія Павловна и королевичъ Христофоръ греческій. Здѣсь же въ храмѣ собрались прибывшія на погребеніе лица. Началось заупокойное всенощное бдѣніе, совершенное архимандритомъ Арсеніемъ и протоіереями Н. В. Благоразумовымъ и К. П. Звѣревымъ. Послѣ всенощнаго бдѣнія была отслужена у гроба великаго князя литія. Затѣмъ состоялся выносъ гроба въ усыпальницу. Гробъ съ останками великаго князя подняли на плечи великіе князья, лица свиты и кіевцы. Изъ Андреевской церкви печальная процессія направилась въ десятомъ часу вечера въ Алексѣевскій храмъ. По обѣимъ сторонамъ стояли шпалерами кіевцы; за гробомъ слѣдовали королева эллиновъ, великая княгиня Елисавета Ѳеодоровна и другія августѣйшія особы. Въ Алексѣевскомъ храмѣ передъ ракой съ мощами святителя Алексія гробъ былъ поставленъ на катафалкъ. Здѣсь духовенствомъ была отслужена литія. Затѣмъ процессія въ прежнемъ порядкѣ направилась коридоромъ и чрезъ парадныя сѣни Николаевскаго дворца въ храмъ-усыпальницу. Всѣ шли съ зажженными свѣчами, пѣвчіе тихо пѣли Святый Боже. Впереди процессіи шли кіевцы; они же замыкали шествіе. Среди необыкновенной тишины, въ чудный лѣтній вечеръ, гробъ былъ вынесенъ на Царскую площадь. Учебная рота Кіевскаго полка взяла «на караулъ».

Процессія направилась въ усыпальницу чрезъ наружный входъ. Нѣкоторыя лица, стоявшія на площади, опустились на колѣна; на глазахъ были видны слезы. Гробъ съ останками былъ установленъ посреди храма-усыпальницы. Здѣсь у гроба была совершена панихида, послѣ которой гробъ былъ опущенъ въ приготовленный съ лѣвой стороны въ нишѣ склепъ. Высочайшія особы посыпали на гробъ песокъ, и затѣмъ на отверстіе была наложена бѣлая мраморная плита. Въ половинѣ одиннадцатаго часа вечера закончена была задѣлка склепа, и августѣйшія особы послѣдовали въ Николаевскій дворецъ. Похороны были обставлены чрезвычайною строгостью и тайною. Не только населеніе, но даже газеты не были освѣдомлены о назначенномъ на этотъ день погребеніи останковъ великаго князя.

Къ изданію полнаго «Кобзаря» Т. Шевченка. До сихъ поръ «Кобзарь» Т. Г. Шевченка извѣстенъ былъ широкой россійской читающей публикѣ далеко не въ полномъ видѣ, хотя многое изъ непопавшаго въ россійское изданіе «Кобзаря» давно уже можно было бы издать полностью. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что оба послѣднія изданія (начала 80-хъ и начала 90-хъ годовъ) повторялись безъ измѣненій. Наиболѣе полное и наиболѣе исправное изданіе появилось въ 1902 г. во Львовѣ (изданіе галицкаго общества «Просьвита» подъ редакціей члена парламента Ю. Романчука). Но и въ этомъ изданіи имѣется достаточное количество дефектовъ—неясностей, неточностей въ текстѣ, путаницы въ хронологіи и т. п. Болѣе точная редакція текста и хронологія могутъ быть установлены лишь послѣ критической провѣрки всего печатнаго и рукописнаго матеріала, входящаго въ «Кобзарь». Въ настоящее время такая работа отчасти предпринята издательской комиссіей «благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» въ Петербургѣ, предпринимающаго изданіе полнаго «Кобзаря»; поручено украинскому писателю В. Доманицкому произвести провѣрку и сличеніе съ печатнымъ текстомъ всѣхъ рукописей Шевченка, сохранившихся въ различныхъ музеяхъ и въ частныхъ рукахъ. Въ настоящее время г. Доманицкимъ изслѣдованъ богатѣйшій матеріалъ въ музеѣ В. Тарновскаго, гдѣ имѣется спеціальный Шевченковскій отдѣлъ, заключающій въ себѣ драгоцѣннѣйшій матеріалъ: его подлинники, письма, дневникъ, много его вещей, письма разныхъ лицъ къ нему, богатѣйшее собраніе печатнаго матеріала о немъ. Въ этомъ отдѣлѣ имѣется немало автографовъ Шевченка, до сихъ поръ не изслѣдованныхъ. Послѣдніе даютъ возможность установить съ точностью редакцію многихъ произведеній Шевченка, искаженныхъ главнымъ образомъ въ первоначальныхъ изданіяхъ, а также и хронологію нѣкоторыхъ произведеній, до сихъ поръ опредѣляемую гадательно. При изслѣдованіи автографовъ, г. Доманицкимъ собранъ значительный матеріалъ (новые варіанты, одно неизвѣстное стихотвореніе и т. п.), позволяющій освѣтить нѣкоторые моменты жизни и дѣятельности Шевченка, до сихъ поръ не освѣщенные или неправильно освѣщенные біографами его. Настоящій матеріалъ, а равно и собранный при изслѣдованіи другихъ рукописей, будетъ помѣщенъ г. Доманицкимъ въ «Кіевской Старинѣ». Такимъ образомъ, можно надѣяться, что предстоящее изданіе «Коб-

заря» будетъ не только наиболѣе полнымъ изъ всѣхъ до сихъ поръ бывшихъ, но и наиболѣе точнымъ. Принимая во вниманіе незначительную цѣну новаго изданія (1 рубль по подпискѣ и 1 рубль 50 коп. по выходѣ въ свѣтъ), можно питать увѣренность, что изданіе разойдется въ скоромъ времени. Подписка на него принимается въ книжномъ магазинѣ «Кіевской Старины» въ Кіевѣ (Безаковская 14) только до 1 октября.

Библіотечное дѣло на Сибирской желѣзной дорогѣ поставлено такъ широко и хорошо, какъ ни на одной желѣзной дорогѣ въ Россіи. Кромѣ большой—центральной—при управленіи дороги библіотеки, лучшей въ г. Томскѣ, организованы: 2 передвижныя библіотеки въ особо приспособленныхъ вагонахъ 4-го класса, обслуживающія 2 раза въ мѣсяцъ всю линію дороги (отъ Томска къ Челябинску и отъ Томска къ Иннокентьевской) и 21 отдѣленіе библіотеки на станціяхъ: Челябинскъ, Курганъ, П.-Павловскъ, Омскъ, Татарская, Обь, Боготолъ, Красноярскъ, Иланская, Тайшетъ, Нижнеудинскъ, Тулунъ, Зима, Иннокентьевская, и при желѣзнодорожныхъ больницахъ на ст. Челябинскъ, Омскъ, Томскъ, Красноярскъ и Иннокентьевская.

Центральная библіотека основана въ 1889 г. при управленіи бывшей Средне-Сибирской дороги по иниціативѣ одного изъ служащихъ, поддержанной бывшимъ начальникомъ дороги, инженеромъ Ф. М. Валуевымъ. Имѣвши въ 1900 г. всего 3.000 томовъ книгъ и періодическихъ изданій и 310 человѣкъ подписчиковъ, библіотека къ 1 января 1906 г. заключаетъ въ себѣ около 20.000 томовъ книгъ и періодическихъ изданій и имѣетъ 806 человѣкъ подписчиковъ; кромѣ того, въ 2-хъ вагонахъ-библіотекахъ имѣется около 6.000 томовъ книгъ и періодическихъ изданій. Всѣ линейныя отдѣленія библіотеки (кромѣ больничныхъ) къ 1 января 1905 г имѣли 2.570 подписчиковъ и около 30.400 томовъ книгъ и періодическихъ изданій. Назначеніе желѣзнодорожныхъ библіотекъ главнымъ образомъ образовательное—для внѣшкольнаго самообразованія, въ чемъ такъ нуждаются желѣзнодорожные служащіе, въ большинствѣ имѣющіе весьма невысокій образовательный цензъ. Помимо этой цѣли хорошая книга, въ особенности на Сибирской дорогѣ, пролегающей по безлюднымъ таежнымъ мѣстамъ, составляетъ источникъ здороваго и полезнаго развлеченія, отвлекающаго служащихъ во внѣслужебное время отъ такихъ нежелательныхъ и, къ сожалѣнію, весьма обычныхъ источниковъ увеселенія, какъ вино и карты. Незначительность казеннаго пособія не даетъ возможности развить на дорогѣ библіотечное дѣло до желательныхъ размѣровъ. Въ настоящее время, въ виду ассигнованія по министерству путей сообщенія крупной суммы на улучшеніе быта служащихъ, въ томъ числѣ и на развитіе школъ и библіотекъ, библіотечной администраціей составлена особая смѣта на увеличеніе числа вагоновъ-библіотекъ, размѣра пособія линейнымъ отдѣленіямъ библіотеки при всѣхъ дежурныхъ комнатахъ паровозныхъ и кондукторскихъ бригадъ и на содержаніе необходимаго штата библіотечныхъ служащихъ. Всѣмъ библіотечнымъ дѣломъ на Сибирской дорогѣ вѣдаетъ библіотечный отдѣлъ, состоящій изъ 5 членовъ, въ томъ числѣ завѣдующаго библіотеками по назначенію начальника дороги. На завѣдующаго библіотеками, которымъ въ настоящее время состоитъ К. Н. Васьковъ, кромѣ того,

возложено завѣдываніе продажею полезныхъ книгъ для народнаго чтенія, организованною по порученію бывшаго управляющаго дѣлами Сибирскаго комитета, статсъ-секретаря А. Н. Куломзина, на 19-ти станціяхъ. Чистая выручка отъ продажи означенныхъ книгъ поступаетъ въ главную кассу дороги, періодически переводится статсъ-секретарю Куломзину и идетъ въ пользу недостаточныхъ переселенцевъ изъ Европейской Россіи. Продажа книгъ на станціяхъ производится членами семействъ служащихъ подъ наблюденіемъ и отвѣтственностью начальниковъ станцій. Всего книгъ было прислано на 7.452 рубля 26 коп. До 1 января 1905 г. продано на 3.943 рубля 46 к. Сначала продажа книгъ производилась весьма успѣшно, но затѣмъ, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Японіи, въ виду отвлеченія начальниковъ станцій отъ своихъ прямыхъ обязанностей, продажа почти прекратилась, и до окончанія военныхъ перевозокъ и упорядоченія движенія трудно ожидать улучшенія этого полезнаго дѣла. Надо надѣяться, что библіотечное дѣло при просвѣщенномъ содѣйствіи начальника дороги, инженера И. К. Ивановскаго, будетъ развиваться и совершенствоваться и далѣе до предѣловъ, удовлетворяющихъ потребностямъ такой громадной и находящейся въ исключительныхъ условіяхъ дороги, какъ Сибирская.

Новый русскій городъ. Возбужденный еще въ 1899 г. вопросъ объ образованіи изъ Зейской пристани города наконецъ-то получилъ надлежащее разрѣшеніе, и теперь молодой городъ быстро обзаводится новыми учрежденіями: городскимъ самоуправленіемъ, полицейскими организаціями и казначействомъ. Исторія образованія Зейскаго поселка—не сложна. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія образовалась Верхне-Амурская золотопромышленная компанія, разрабатывавшая пріиски по р. р. Амуру и Зеѣ, на правомъ берегу которой, въ 600 верстахъ отъ устья, была построена резиденція этой компаніи, гдѣ и приставали пароходы съ грузомъ для пріисковъ. Съ теченіемъ времени вокругъ резиденціи стали лѣпиться домики рабочихъ, мелкихъ подрядчиковъ и торговцевъ, а за ними стали возводить болѣе цѣнныя постройки поставщики на пріиски хлѣба, овса и т. п. Въ восьмидесятыхъ годахъ число жителей дошло до солидной цифры, и поселокъ получилъ наименованіе пристани. Съ праваго берега постройки перекинулись на лѣвый (Зарѣчная слобода). Въ 1904 г. въ этой слободѣ насчитывалось 243 дома, а въ Зейской пристани—1.153 зданія. Число жителей болѣе четырехъ тысячъ, а со слободой—до пяти тысячъ. На Зеѣ, кромѣ резиденціи, находились: канцелярія горнаго исправника и горнаго инженера, почтово-телеграфная контора, камера мирового судьи, отдѣленіе Русско-Китайскаго банка, аптеки, нотаріальныя конторы и много частныхъ. Торговыя операціи 37 фирмъ выражались въ общей суммѣ около 2.000.000 рублей. Новый городъ имѣетъ сообщеніе по р.р. Зеѣ и Амуру пароходами; проектируемая амурская желѣзная дорога должна пересѣчь Зею и, такимъ образомъ, пріобщить къ сѣти сибирской магистрали, что дастъ еще болѣе сильный толчокъ къ развитію поселенія, являющагося центромъ горнопромышленныхъ предпріятій этого района.

Переименованіе кіевскихъ улицъ. Предсѣдатель комиссіи о возстановленіи древнихъ наименованій улицъ представилъ городскому головѣ докладъ ко-

миссіи по этому вопросу. Комиссія, руководствуясь указаніями знатоковъ древностей и любителей старины, опредѣлила возстановить нѣкоторыя древнія наименованія улицъ. Комиссія предлагаетъ назвать участокъ Б.-Житомирской ул. вдоль присутственныхъ мѣстъ Владимировъ Валъ, а улицу, идущую отъ Золотыхъ воротъ до Львовской площади,—Ярославовъ Валъ; Крещатикскую площадь переименовать въ Козье Болото; спускъ съ Андреевской лѣстницы на Боричевъ Токъ наименовать Издыхательница. За улицей Черная Грязь оставить ея наименованіе (существуетъ же въ Москвѣ Вшивая горка, и населеніе противъ такого наименованія не протестуетъ). Трехсвятительскую улицу слѣдуетъ раздѣлить на 2 участка: первый участокъ отъ Андреевской церкви до Михайловской площади наименовать «Княжій дворъ», а второй участокъ—отъ Михайловскаго монастыря до Крещатика—Варваринской. Набережно-Никольскую ул. комиссія рекомендуетъ назвать Петро-Могилянской, Почаевскую—Почайнинской, Ильинскую—улицей Сагайдачнаго. На пересѣченіи Б.-Владимирской и Б.-Житомирской слѣдуетъ прикрѣпить гдѣ-нибудь надпись: «Батыевы ворота», въ память о томъ, что здѣсь когда-то были таковыя. Докладъ комиссіи будетъ доложенъ думѣ.

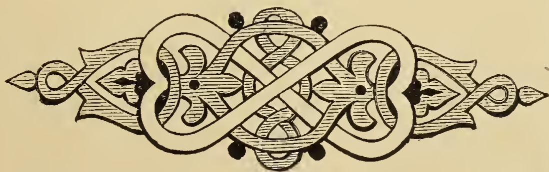
Памятники Остзейской старины. Въ Ригѣ предпринято изданіе альбома видовъ баронскихъ и помѣщичьихъ дворцовъ, разрушенныхъ въ 1905—1906 г. Альбомъ будетъ выходить выпусками. Первый выпускъ будетъ заключать въ себѣ виды Рижскаго и Венденскаго округа.

Переселенческое дѣло. По даннымъ челябинской регистраціи за 5 мѣсяцевъ текущаго года въ Сибирь прошло 64.119 переселенцевъ и 23.588 ходоковъ, а всего 86.707 человѣкъ. При сравненіи этихъ данныхъ со свѣдѣніями минувшаго года оказывается, что число переселенцевъ увеличилось въ три раза, число ходоковъ въ 15 разъ, а размѣръ общаго движенія приблизительно въ четыре раза. Надлежитъ отмѣтить, что этотъ размѣръ превышаетъ размѣры движенія не только двухъ послѣднихъ лѣтъ, но и года, непосредственно предшествовавшаго военнымъ осложненіямъ на Дальнемъ Востокѣ, а именно: за 5 первыхъ мѣсяцевъ 1903 г. въ Сибиръ прослѣдовало всего 80.253 души обоего пола. Кромѣ движенія на Челябинскъ, въ настоящее время наблюдается также движеніе въ Оренбургъ-Кустанай и Оренбургъ-Актюбинскъ. Этими переселенцами еще въ минувшемъ апрѣлѣ разобрано 10.000 душевыхъ долей, отведенныхъ въ Тургайской области, а въ теченіе мая заняты вновь открытыя въ этой области для заселенія 3.600 душевыхъ долей. Часть переселенцевъ, направившихся на Оренбургъ, не находя тамъ заготовленныхъ земель для водворенія, прошла, минуя Челябинскъ, въ Сибирь. Точный размѣръ этого движенія пока не установленъ. Въ всякомъ случаѣ оно довольно значительно, такъ какъ въ одной Акмолинской области насчитывалось къ 1 іюня свыше 15.000 такихъ переселенцевъ. Главнѣйшими пріемниками переселенческаго движенія въ текущемъ году являются Енисейская губернія и области Акмолинская, Тургайская и Семипалатинская. Въ Енисейской губерніи за отчетные 5 мѣсяцевъ разобрано свыше 40.000 душевыхъ долей, а въ трехъ степныхъ областяхъ до 50.000 душевыхъ долей.

Общество офицеровъ флота. Во флотѣ образовано общество офицеровъ флота. Цѣль общества заключается въ распространеніи знаній, полезныхъ для морскихъ офицеровъ, въ поддержаніи среди офицеровъ постояннаго интереса ко всѣмъ отраслямъ военно-морского дѣла и содѣйствіи его развитію. Общество будетъ издавать «Журналъ общества офицеровъ флота». Чтобы пробудить интересъ къ флоту, редакція этого журнала, между прочимъ, возлагаетъ обязанность печатать отчеты о дѣятельности общества въ «Морскомъ сборникѣ», газетѣ «Котлинъ» и въ одной изъ столичныхъ петербургскихъ газетъ. По уставу, морской министръ является почетнымъ президентомъ общества, товарищъ министра, начальникъ главнаго морского штаба, главный командиръ и начальники эскадръ—почетными товарищами президента. Въ параграфахъ общества находится полезный пунктъ, гласящій, что чины и служебное положеніе не имѣютъ никакого значенія во время засѣданія общества, гдѣ всѣ члены равны.

Библіотека А. С. Пушкина. Академіей наукъ пріобрѣтена подлинная библіотека, принадлежавшая А. С. Пушкину. На многихъ книгахъ сохранились собственноручныя замѣтки поэта. Библіотека эта куплена у наслѣдниковъ покойнаго за 18 тысячъ рублей и, составляя государственную собственность, будетъ храниться въ академіи впредь до постройки проектированнаго «Пушкинскаго Дома», которому будетъ присвоено значеніе пантеона русской литературы. Здѣсь предполагается сосредоточить по возможности все, что имѣетъ какое либо отношеніе къ русскимъ писателямъ послѣдняго времени, начиная А. С. Пушкинымъ и кончая Ан. П. Чеховымъ. Объекты для будущаго пантеона-музея проектируется собирать по всей Россіи какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ учрежденій и уже существующихъ музеевъ и библіотекъ. Особенно много въ этомъ отношеніи могутъ дать Москва и преимущественно музеи Румянцовскій и Историческій.

Общежитіе имени В. Ф. Голубева. Совѣтъ по управленію домомъ писателей имени В. Ф. Голубева объявляетъ, что въ домѣ (Спб., по набережной Карповки, 17) есть въ настоящее время нѣсколько свободныхъ помѣщеній (отдѣльныхъ комнатъ), цѣною отъ 10 до 18 р. въ мѣсяцъ, съ полной обстановкою, освѣщеніемъ, прислугой, постельнымъ бѣльемъ и стиркой его. За справками просятъ обращаться въ смотрительницѣ, г-жѣ Ивановой, въ томъ же домѣ.

НЕКРОЛОГИ.

ЛЕКСѢЕВЪ, П. А. 14 іюля скончался генералъ отъ артиллеріи Павелъ Александровичъ Алексѣевъ, посвятившій свою дѣятельность военно-учебному вѣдомству. Почившій получилъ образованіе въ Константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Михайловской артиллерійской академіи, въ которой окончилъ курсъ по первому разряду. Педагогическая дѣятельность его началась въ Константиновскомъ военномъ училищѣ; затѣмъ онъ былъ репетиторомъ въ Орловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Перенеся снова дѣятельность въ Петербургъ, П. А. состоялъ воспитателемъ во 2-мъ и Пажескомъ кадетскихъ корпусахъ, помощникомъ инспектора классовъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, инспекторомъ Александровскаго и Пажескаго корпусовъ. Въ 1879 г. покойный былъ назначенъ директоромъ Кіево-Владимірскаго кадетскаго корпуса, гдѣ оставался до 1897 г. Въ послѣднее время П. А. состоялъ при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 179).

† **Безобразовъ, П. А.** 17 іюля скончался вице-адмиралъ Петръ Алексѣевичъ Безобразовъ, одинъ изъ славныхъ адмираловъ русскаго флота, который и въ исторіи японской войны оставилъ нѣсколько свѣтлыхъ строкъ для нашего флота. Покойный происходилъ изъ дворянъ Тверской губерніи, родился въ 1845 г.; по окончаніи морского корпуса выпущенъ гардемариномъ въ 1864 г. Постоянно плавая, въ 1885 г. П. А. въ чинѣ капитана 2-го ранга получилъ въ командованіе канонерскую лодку «Туча», затѣмъ другую

лодку—«Гроза». Въ чинѣ кап. I ранга командовалъ отрядомъ миноносцевъ, крейсеромъ «Генералъ-Адмиралъ», эскадреннымъ броненосцемъ «Наваринъ». Въ 1897 г. произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ начальникомъ штаба Кронштадтскаго порта, съ 1901 по 1903 годъ былъ младшимъ флагманомъ Черноморскаго флота. Назначенный въ 1904 г. командующимъ 1-й эскадрой флота Тихаго океана на Дальнемъ Востокѣ, вице-адмиралъ Безобразовъ прибылъ туда вмѣстѣ съ командующимъ флотомъ, вице-адмираломъ Скрыдловымъ. Покойному поручено было крейсерство въ морѣ и дѣйствія на морскія сообщенія японской арміи. 30 мая отправился отрядъ крейсеровъ: «Россія» подъ флагомъ вице-адмирала Безобразова, «Громобой» и «Рюрикъ». 2 іюня эскадра открыла японскіе транспорты: «Идзуми-Мару», «Садо-Мару» и «Хитачи-Мару», каждый около 6.000 тонъ, перевозившіе полки, телеграфные понтонные парки, котлы и военный грузъ. Суда были затоплены, люди по возможности спасены. На обратномъ пути взятъ, какъ призъ, британскій пароходъ «Алонтоунъ». Эскадра подходила къ берегамъ Японіи, наполняла ихъ страхомъ и искусно уходила отъ глазъ японскаго адмирала Камимуры, гнавшагося за ней съ большимъ флотомъ. У насъ мало было извѣстно подробностей объ этомъ крейсерствѣ, но англичане, спортмэны въ душѣ, оцѣнили искусство адмирала, и цѣлые столбцы въ англійскихъ газетахъ были посвящены Безобразовскимъ набѣгамъ. Впрочемъ изъ Россіи, въ томъ числѣ и отъ одесскихъ газетъ, Безобразовъ получилъ привѣтствія и поздравленія. Въ высшей степени скромный и не любившій никакого шума возлѣ себя, Безобразовъ ничего самъ не разсказывалъ о своихъ дѣлахъ, но лихія крейсерства отразились на его здоровьѣ: онъ захворалъ астмой. По выздоровленіи онъ былъ вызванъ въ Петербургъ на должность старшаго флагмана Балтійскаго флота и назначенъ исполнять обязанности начальника главнаго морского штаба. Болѣзненное состояніе вынудило его просить отпуска, а затѣмъ онъ оставался въ должности старшаго флагмана и производилъ инспекторскіе смотры. Незадолго до его смерти ему предложенъ былъ постъ одного изъ главныхъ командировъ, но болѣзнь не позволила ему принять его. Трудолюбивый, безукоризненный во всѣхъ отношеніяхъ, но требовательный по службѣ, адмиралъ Безобразовъ пользовался общимъ уваженіемъ и любовью и адмираловъ, и офицеровъ, и матросовъ. За крейсерство Безобразовъ получилъ владимирскую звѣзду съ мечами; покойный имѣлъ также много иностранныхъ орденовъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.899).

† **Бѣляевъ, А. И.** Скончавшійся 3 іюля непремѣнный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета, тайный совѣтникъ, Алексѣй Ивановичъ Бѣляевъ, былъ извѣстенъ, какъ опытный врачъ и авторъ нѣсколькихъ цѣнныхъ работъ по своей спеціальности. Покойный, происходя изъ духовнаго званія, родился въ 1832 г., окончилъ курсъ Владимирской духовной семинаріи, а затѣмъ поступилъ въ Петербургскую медико-хирургическую (нынѣ военно-медицинскую) академію. Выпущенный отсюда въ 1859 г. съ золотою медалью и степенью лѣкаря, А. И. былъ прикомандированъ ко второму военно-сухопутному госпиталю. Спустя три года, онъ успѣшно защитилъ свою докторскую диссерта-

цію, подъ заглавіемъ: «Всасываніе ртутныхъ препаратовъ животнымъ организмомъ» (Спб., 1862 г.), послѣ чего отправился съ ученою цѣлью за границу. По возвращеніи на родину, А. П. занялъ мѣсто главнаго врача Казанскаго военнаго госпиталя и одновременно почти десять лѣтъ преподавалъ теоретическую хирургію въ качествѣ приватъ-доцента мѣстнаго университета. Затѣмъ съ 1879 г. покойный состоялъ главнымъ докторомъ Варшавскаго Уяздовскаго госпиталя, а въ послѣднее время—помощникомъ главнаго военно-медицинскаго инспектора и непремѣннымъ членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Среди работъ покойнаго, разсѣянныхъ по разнымъ спеціальнымъ изданіямъ, нѣкоторыя переведены на французскій и нѣмецкій языки. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 173).

† **Герценштейнъ, М. Я.** Убитый 19 іюля въ Теріокахъ бывшій членъ государственной думы, Михаилъ Яковлевичъ Герценштейнъ, родился въ 1859 г. Образованіе М. Я. получилъ въ Новороссійскомъ университетѣ, который окончилъ по юридическому факультету въ 1884 г. Послѣ экзамена на магистра политической экономіи и прочтенія пробныхъ лекцій М. Я. обратился въ московскій юридическій факультетъ съ просьбою о допущеніи его въ университетъ къ чтенію лекцій по политической экономіи въ качествѣ приватъ-доцента. На званіе это М. Я. получилъ право согласно дѣйствовавшему тогда университетскому уставу 1884 г. Мнѣнія въ факультетѣ раздѣлились, и въ результатѣ министромъ народнаго просвѣщенія Деляновымъ было утверждено мнѣніе меньшинства, несогласнаго на допущеніе М. Я. къ чтенію лекцій. Вскорѣ послѣ этого М. Я. пришлось совершенно отказаться отъ мысли объ университетской дѣятельности и посвятить себя банковской службѣ, главнымъ образомъ у милліонера Полякова. Одновременно М. Я. не оставлялъ научныхъ занятій и помѣстилъ рядъ статей по экономическимъ вопросамъ въ «Русской Мысли», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Юридическомъ Вѣстникѣ». Въ брошюрѣ «Кредитъ для земствъ и городовъ» М. Я. разработалъ проектъ правильной организаціи кредита для органовъ земскаго и городского самоуправленія. Незадолго до выборовъ въ государственную думу М. Я. оставилъ банковскую службу и занялся главнымъ образомъ изученіемъ аграрнаго вопроса. Принадлежа къ партіи народной свободы, онъ принималъ дѣятельное участіе въ предвыборной агитаціи въ городѣ Москвѣ и прошелъ отъ этого города въ государственную думу. Въ самой думѣ покойный говорилъ главнымъ образомъ въ засѣданіяхъ, посвященныхъ земельному вопросу, и между прочимъ отвѣчалъ на рѣчи Стишинскаго и Гурко, представившихъ правительственную программу по аграрному вопросу. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10,901).

† **Казнаковъ Н. И.** 1 іюля скончался членъ адмиралтействъ-совѣта, генералъ-адъютантъ, адмиралъ Николай Ивановичъ Казнаковъ. Покойный пользовался большой извѣстностью въ морскихъ кругахъ. Въ ноябрѣ 1904 г. онъ былъ назначенъ представителемъ Россіи въ международную слѣдственную комиссію по дѣлу о стрѣльбѣ со второй тихоокеанской эскадры въ англійскую рыбачью флотилію при Dogger-bank, однако болѣзнь не позволила покойному

исполнить эту обязанность, и онъ былъ отозванъ въ Петербургъ. Съ этого времени здоровье покойнаго замѣтно пошатнулось. Предыдущая служба адмирала Казнакова протекла всецѣло въ морскомъ вѣдомствѣ и дѣятельности по обществу спасанія на водахъ, въ которомъ онъ въ послѣднее время былъ председателемъ. Н. П. родился 5 ноября 1834 г., образованіе получилъ въ Александровскомъ и морскомъ кадетскихъ корпусахъ. Затѣмъ кончилъ курсъ въ офицерскомъ классѣ морского корпуса (нынѣ морская академія). Во время Крымской кампаніи находился въ составѣ флотиліи, оборонявшей Кронштадтъ, затѣмъ отправился въ кругосвѣтное плаваніе въ отрядѣ судовъ Кузнецова. По возвращеніи въ Петербургъ былъ назначенъ адъютантомъ къ великому князю Константину Николаевичу и состоялъ при немъ въ Варшавѣ во время польскаго мятежа. Съ 1863 г. по 1870 г. командовалъ послѣдовательно мониторомъ «Вѣщунъ», клиперомъ «Яхонтъ», корветомъ «Аскольдъ» и пароходнымъ фрегатомъ «Рюрикъ». Затѣмъ послѣ годового пребыванія въ Англіи въ качествѣ морского агента, Н. И. былъ начальникомъ штаба главнаго командира Черноморскаго флота. Передъ началомъ русско-турецкой войны 1877—1878 гг. ему пришлось много поработать надъ приведеніемъ черноморской флотиліи въ боевой порядокъ, во время войны онъ выходилъ изъ Одессы на рекогносцировку къ устьямъ Дуная и принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ качествѣ командира Нижне-Дунайскаго флота. Въ 1880 г. Н. П. былъ назначенъ директоромъ канцеляріи морского министерства и потомъ директоромъ инспекторскаго департамента. Когда департаментъ былъ преобразованъ въ главный морской штабъ, покойному было поручено командованіе отрядомъ судовъ въ греческихъ водахъ. Затѣмъ съ 1886 г. онъ занималъ послѣдовательно должности главнаго инспектора морской артиллеріи, командующаго практической эскадрой Балтійскаго моря, начальника эскадры Атлантическаго океана, главнаго командира Кронштадтскаго порта и военнаго губернатора Кронштадта и съ 1899 г. члена адмиралтействъ-совѣта. Въ Кронштадтѣ по его иниціативѣ было приступлено къ сооруженію морского собора. Какъ на знатока военно-морского дѣла, на него возлагались въ разное время отвѣтственныя порученія. Такъ, въ 1899 г. онъ былъ делегатомъ нашего правительства на международной конференціи по морскимъ вопросамъ въ Вашингтонѣ, въ 1890 г.—главнымъ судьею на морскихъ маневрахъ въ Финскимъ заливѣ и въ 1904 г.—нашимъ представителемъ въ слѣдственной комиссіи въ Парижѣ. Досуги своей служебной дѣятельности посвящалъ обществу спасанія на водахъ. Въ 1904 г. при образованіи исполнительной комиссіи общества Краснаго Креста по подачѣ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ ея членовъ. Перу адмирала Казнакова принадлежитъ. нѣсколько печатныхъ трудовъ по военно-морскому дѣлу. Николаевская морская академія избрала его въ 1892 г. въ члены академической конференціи. Какъ человѣкъ, Н. П. обладалъ замѣчательно милымъ характеромъ и добрымъ сердцемъ. Онъ отавилъ по себѣ хорошую память среди всѣхъ знавшихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.883).

† **Макъ-Дональдъ, И. Г.** На-дняхъ въ Варшавѣ скоропостижно скончался одинъ изъ талантливыхъ представителей нашего военно-инженернаго корпуса, генералъ-лейтенантъ, Иванъ Георгіевичъ Макъ-Дональдъ. Происходя изъ древней шотландской фамиліи, покойный былъ русскимъ по своему воспитанію и служебной дѣятельности. Онъ получилъ образованіе въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, гдѣ окончилъ курсъ съ дипломомъ первой степени. Поступивъ съ 1872 г. на военную службу, И. Г. вскорѣ перешелъ въ морское вѣдомство и, какъ неутомимый работникъ, обратилъ здѣсь на себя особенное вниманіе. Ему было поручено много отвѣтственныхъ работъ по переустройству нашихъ крѣпостей и сооруженію новыхъ батарей и фортовъ. Покойный оказалъ неоцѣнимыя услуги въ дѣлѣ сооруженія грандіознаго порта имени Императора Александра III (около Старой Либавы), который подъ его руководствомъ сдѣлался грозною, неприступною крѣпостью. Немало потрудился также И. Г. надъ укрѣпленіемъ Кронштадта, гдѣ имъ было построено нѣсколько новыхъ батарей и фортовъ. Причисленный съ 1893 г. къ морскому техническому комитету, покойный въ 1895 г. получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. Скончался И. Г. еще не старымъ, на 53 году жизни, оставивъ по себѣ хорошую память. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1906 г., № 172).

† **Мельниковъ, И. А.** Въ ночь на 25 іюня скончался извѣстный пѣвецъ-художникъ, Иванъ Александровичъ Мельниковъ. Для друзей, видѣвшихъ И. А. въ Петербургѣ весной бодрымъ, здоровымъ передъ отъѣздомъ въ Финляндію, гдѣ онъ около Выборга уже давно проводилъ лѣтніе мѣсяцы, кончина его была совершенно неожиданной, печальной вѣстью. Болѣзнь захватила И. А. въ Финляндіи. Видя, что мѣстные доктора не могутъ ему помочь, онъ переѣхалъ въ Петербургъ, но уже было поздно. Слава исполнителей, по большей части, преходяща. Только имена немногихъ виртуозовъ и пѣвцовъ живутъ въ потомствѣ, и ихъ слава по преданію передается изъ устъ въ уста. Къ числу такихъ немногихъ именъ, по крайней мѣрѣ, въ Россіи можно отнести и имя Мельникова, какъ исполнителя многихъ ролей, въ которыхъ онъ былъ замѣстимъ, но не замѣнимъ. Послѣ Мельникова не являлось такого исполнителя Руслана, какимъ онъ былъ. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о глубокохудожественномъ исполненіи Бориса Годунова, Кочубея. Въ продолженіе своей долголѣтней дѣятельности на сценѣ императорской русской оперы въ Петербургѣ, И. А. расширилъ свой репертуаръ до громадныхъ размѣровъ, внося въ каждую роль массу той художественной силы, которою онъ былъ такъ щедро одаренъ. И А. родился въ 1831 г. Окончивъ коммерческое училище, онъ занялся торговлей, но вскорѣ перешелъ на музыкальное поприще. Впервые онъ дебютировалъ, какъ концертный пѣвецъ, въ 1860 г. въ одномъ изъ концертовъ безплатной музыкальной школы, управляемой въ то время Ломакинымъ. Семь лѣтъ спустя, онъ дебютировалъ въ императорской русской оперѣ въ Петербургѣ въ «Пуританахъ» Беллини и сразу очаровалъ всѣхъ своимъ чуднымъ баритономъ, чрезвычайно натуральнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ художественнымъ пѣніемъ. Неизмѣнныя симпатіи публики въ продолженіе долголѣтней художественной дѣятель-

ности И. А. приняли особенно внушительные размѣры въ день 25-ти-лѣтняго юбилея этого артиста. Этотъ юбилей былъ однимъ изъ самыхъ почетныхъ и блестящихъ. Послѣ юбилея И. А. недолго оставался на сценѣ, которую покинулъ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, хотя и въ расцвѣтѣ артистическихъ силъ. Привычка къ труду вызвала И. А. къ новой дѣятельности. Въ 1892 г. онъ основалъ хоровой классъ (подъ руководствомъ хормейстера Беккера), сразу обратившій на себя общее вниманіе. Хоровые концерты этого класса пользовались особенно блестящимъ успѣхомъ въ 1897—1898 г.г. И. А., покинувъ сцену, изрѣдка выступалъ въ концертахъ, и въ 1899 г. нѣсколько разъ пѣлъ партію мельника въ «Русалкѣ» на частной оперной итальянской сценѣ. Эти рѣдкія появленія И. А. передъ слушателями были истиннымъ торжествомъ, такъ какъ публика не забывала своего любимца и привѣтствовала въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ служителей русскаго искусства. Нѣкоторое время И. А. былъ профессоромъ пѣнія въ С.-Петербургской консерваторіи, оставивъ которую, онъ все же до послѣдняго времени занимался педагогической дѣятельностью. Кончина И. А. скорбно отзовется въ сердцахъ очень многихъ друзей того искусства, которому И. А., эта чисто русская натура, былъ такъ страстно и неизмѣнно преданъ. И. А. былъ солистомъ его величества. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1906 г., № 9861).

† **Перлисъ, В. С.** Въ ночь на 24 іюня въ Кіевѣ скончался отъ зараженія крови одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ и уважаемыхъ кіевскихъ врачей, Василій Сидоровичъ Перлисъ. Покойный родился въ 1846 г. Окончивъ въ 1873 г. медико-хирургическую академію, онъ служилъ сначала въ земствѣ, а затѣмъ въ обществѣ попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ. Съ конца 1878 г. по 1880 г. В. С. состоялъ ассистентомъ при профессорѣ медико-хирургической академіи по каѳедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней Горвицѣ. Въ 1881 г. онъ переѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ и занялся частной практикой. Въ теченіе этого времени В. С. получилъ степень доктора медицины. Съ 1889 г. и до смерти покойный завѣдывалъ родильнымъ домомъ и гинекологическимъ отдѣленіемъ кіевской еврейской больницы. Всецѣло погруженный въ науку, В. С. не пріобрѣлъ извѣстности, какъ общественный дѣятель. Но, какъ прекрасный врачъ съ обширными познаніями и огромнымъ опытомъ и какъ хорошій, отзывчивый человѣкъ, В. С. пользовался широкой популярностью среди больныхъ, особенно среди бѣдноты. Смерть В. С. была слѣдствіемъ несчастнаго случая. Обѣдая, какъ и всегда, на скорую руку, покойный проглотилъ кость. Въ результатѣ получилось зараженіе крови. Промучившись 12 дней, В. С. умеръ въ полномъ сознаніи. Послѣ покойнаго остался цѣлый рядъ научныхъ трудовъ по его спеціальности—акушерству, изъ коихъ нѣкоторые переведены на иностранные языки. В. С. былъ членомъ многихъ медицинскихъ обществъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. (Некрологъ его: «Кіевскіе Отголоски Жизни», 1906 г., № 140.)

† **Чухнинъ, Г. П.** Вице-адмиралъ Григорій Павловичъ Чухнинъ скончался въ ночь на 29 іюня отъ пулевыхъ ранъ, нанесенныхъ преступникомъ. Онъ умеръ на посту главнаго командира Черноморскаго флота и черно-

морскихъ портовъ, неся до послѣдняго дня своей жизни тяжелыя и отвѣтственныя обязанности. Покойный находился во главѣ Черноморскаго флота въ теченіе двухъ лѣтъ, со времени отозванія на Дальній Востокъ Н. И. Скрыдлова. На его долю выпали трудныя задачи. Сперва ему пришлось закончить работы адмирала Скрыдлова по приведенію Черноморскаго флота къ боевой готовности на случай посылки флота на театръ военныхъ дѣйствій, затѣмъ бороться съ революціонной пропагандой среди нижнихъ чиновъ флота. Предыдущая дѣятельность Г. П. протекла преимущественно въ строевой морской службѣ. Онъ родился въ 1848 г., образованіе получилъ въ морскомъ корпусѣ. Начавъ службу въ флотѣ мичманомъ, онъ совершилъ по 1894 г. двадцать морскихъ кампаній, неся разнообразныя обязанности на различныхъ морскихъ судахъ. Въ чинѣ капитана 2 ранга покойный находился въ составѣ Тихоокеанской флотиліи и съ 1886 г. по 1890 г. командовалъ канонерской лодкой «Манчжуръ». Послѣ командованія броненосцемъ береговой обороны «Не тронь меня» и крейсеромъ I ранга «Память Азова», Г. П. былъ произведенъ въ 1896 г. въ контръ-адмиралы и занималъ по 1901 г. должности младшаго флагмана эскадры Тихаго океана и командира Владивостокскаго порта. Когда въ 1900—1901 г.г. боксерское движеніе въ Китаѣ вызвало военныя событія, и въ дѣлахъ съ китайцами приняла участіе наша тихоокеанская эскадра, покойный много поработалъ надъ организаціей флотскихъ военныхъ силъ, направленныхъ въ Китай. По успокоеніи Китая онъ отправился въ Россію во главѣ отдѣльнаго отряда судовъ, возвращавшихся изъ Тихаго океана. По прибытіи въ Петербургъ былъ назначенъ начальникомъ Николаевской морской академіи и директоромъ морского кадетскаго корпуса. Одновременно въ 1903 г. командовалъ учебнымъ отрядомъ морского кадетскаго корпуса. Осложненія въ военныхъ дѣйствіяхъ съ Японіей и гибель адмирала Макарова въ Портъ-Артурѣ не позволили ему довершить начинанія по улучшенію морского корпуса и вызвали назначеніе его на постъ главнаго командира Черноморскаго флота. Прибывъ въ Севастополь, Г. П. обратилъ особенное вниманіе на состояніе черноморской флотиліи и предпринялъ энергичную борьбу съ различными непорядками, внѣдрившимися въ морскую службу и жизнь. Имъ отданъ цѣлый рядъ морскихъ приказовъ, въ которыхъ онъ съ одинаковой строгостью и справедливостью отнесся къ дисциплинарнымъ проступкамъ, не различая чиновъ и служебныхъ положеній нарушителей порядка и не скрывая недочетовъ морской службы. При отправкѣ второй тихоокеанской эскадры на Дальній Востокъ въ числѣ кандидатовъ на должность командующаго этой эскадрой на ряду съ именемъ адмирала Рожественскаго появилось и имя покойнаго. Несмотря на служебную молодость адмирала Чухнина, его замѣчательная энергія, знаніе Дальняго Востока и качества опытнаго флотоводца служили основательными данными къ избранію именно его въ командующіе эскадрой. Однако на дальній Востокъ отправился адмиралъ Рожественскій, покойный же остался во главѣ черноморской флотиліи и въ теченіе прошлаго и нынѣшняго года пережилъ рядъ мучительныхъ моментовъ при безпорядкахъ на «Потемкинѣ Таврическомъ», «Очаковѣ» и другихъ судахъ Чернаго моря. Его тактикой,

своевременными и энергичными мѣрами были во время локализированы, а затѣмъ потушены морскіе мятежи. Исполненіе служебнаго долга было учтено боевой революціонной бандой, и въ январѣ нынѣшняго года на его жизнь было совершено покушеніе. Едва оправившись отъ ранъ, Г. П. подвергся 28 іюня новому злодѣйскому покушенію и скончался отъ ранъ на 58 году жизни, оставивъ по себѣ славную память среди всѣхъ знавшихъ его и цѣнившихъ его заслуги. (Некрологъ его: «Новое Время», 1906 г., № 10.881).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Секретный приказъ о розыскѣ государственнаго преступника Өедора Николаевича Юрковскаго.

Въ распоряженіе редакціи «Историческаго Вѣстника» присланъ неизвѣстнымъ лицомъ нижевоспроизводимый документъ, попавшій, по его словамъ, къ нему случайно: въ гастрономическомъ магазинѣ ему былъ отпущенъ сыръ, завернутый въ эту дѣловую бумагу! Редакція охотно воспроизводитъ этотъ документъ, служащій нѣкоторымъ дополненіемъ и иллюстраціей къ статьѣ И. П. Ювачева «Сашка-инженеръ» («Истор. Вѣстн.», 1906 г., т. CIV), и приноситъ вмѣстѣ съ тѣмъ признательность за интересную присылку своему неизвѣстному корреспонденту.

Нужное.

Секретно.

Циркулярно.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

НАЧАЛЬНИКА
Нижегородской губерніи

ПО ГУБЕРНСКОМУ ПРАВЛЕНІЮ

Іюля 24 дня, 1879 года.
№ 692.

Нижній-Новгородъ.

ПО СЕКРЕТНЫМЪ ДѢЛАМЪ,
порученнымъ секретарю
№ дѣла 99, 1879 года.

Гг. полицеймейстеру, уѣзднымъ исправникамъ и исполнительнымъ чиновникамъ.

Предписываю Вамъ немедленно принять всѣ зависящія отъ Васъ мѣры для тщательнаго розыска и ареста государственнаго преступника, сына капитана 1-го ранга, Өедора Николаева **Юрковскаго**, обвиняемаго въ распространеніи политической пропаганды и важномъ государственномъ преступленіи, и, въ случаѣ разысканія этой личности, арестовать и обыскать его и вмѣстѣ съ актомъ обыска и ареста, а также что при немъ окажется, препроводить къ начальнику Нижегородскаго губернскаго жандармскаго управленія, о чемъ одновременно донести губернскому правленію, отнюдь не допуская никакой медленности по сему секретному порученію, возложенному на личную Вашу отвѣтственность.

Въ случаѣ же неразысканія **Юрковскаго**, предписываю Вамъ имѣть неослабное наблю-

деніе за появленіемъ его, записавъ объ немъ въ особый секретный алфавитный списокъ, установленный для сего рода дѣлъ, дабы, при появленіи его, Вы могли бы въ точности исполнить порученіе, возложенное на Васъ настоящимъ распоряженіемъ, и таковое наблюденіе не прекращать, пока не получите о томъ особое распоряженіе.

Изъ имѣющихся свѣдѣній даю Вамъ знать, для руководства при розыскахъ, что примѣты разыскиваемаго слѣдующія: 32 лѣтъ, состоялъ народнымъ учителемъ въ селѣ Малой Лепетихѣ, на Днѣпрѣ, Таврической губерніи, роста средняго, брюнетъ, тѣлосложенія крѣпкаго, черты лица рѣзкія, правильныя, глаза темные, выразительные, живые; **Юрковскій** очень сильный и замѣчательный гимнастъ, одѣвается весьма прилично въ черный длинный сюртукъ изъ матеріи шашечнаго узора, въ которой одна шашка матовая, а другая бестящая, жилетъ и брюки черные суконные, фуражка—одна очень изящная изъ шелковой матеріи, а другая соломенная шляпа, съ маленькими полями, имѣетъ при себѣ револьверъ и ножъ, въ родѣ кинжала.

О послѣдствіяхъ розыска исполнительные полицейскіе чиновники обязываются безотлагательно подробно донести, по принадлежности, начальникамъ полицій, а послѣдніе, наблюдая за точнымъ исполненіемъ полицейскими чиновниками порученія, возложеннаго на полицію настоящимъ предписаніемъ, обязаны мнѣ доносить подробно какъ о послѣдствіяхъ розыска, такъ и о сдѣланныхъ распоряженіяхъ.

Губернаторъ графъ Кутайсовъ.

Вице-губернаторъ Всеволжской.

Скрѣпилъ: секретарь Езерскій.

Вѣрно: секретарь Езерскій.

На полѣ этого отношенія имѣется помѣтка перомъ: «Немедленно разослать становымъ приставамъ и надзирателямъ».

II.

Къ статьѣ «Дѣла давно минувшихъ дней».

Въ разсказѣ «Дѣла давно минувшихъ дней» князя Шаховского, помѣщенномъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за іюль мѣсяцъ 1906 г., хотя и составленномъ по архивнымъ документамъ,—вкралась большая неточность. Въ 1863 г.

наслѣдникомъ цесаревичемъ былъ не Александръ Александровичъ, впослѣдствіи императоръ Александръ III, а Николай Александровичъ, умершій въ Ниццѣ. Вотъ ему-то и былъ предложенъ дворянствомъ и городомъ балъ, на которомъ и я былъ, какъ дворянинъ Харьковскаго уѣзда. Его высочество принялъ живое участіе въ танцахъ и до того увлекъ всѣхъ танцоровъ, что въ мазуркѣ, въ фигурѣ, гдѣ пары проходятъ подъ сплетенными руками,—многіе танцоры забыли разнять руки и заставили будущаго вѣнценосца наклонить голову и пройти подобно другимъ парамъ. Это показалось для многихъ участвовавшихъ слишкомъ безтактнымъ. По окончаніи бала наслѣдникъ обратился къ присутствующимъ со слѣдующими словами: (не «благодарю», какъ говорятъ царственныя особы) «позвольте благодарить за радушный пріемъ», что крайне умилило всѣхъ и расположило къ еще болѣе радостному настроенію. Такія слова, какъ сказанныя наслѣдникомъ цесаревичемъ, и самый балъ не забываются въ жизни. И я вполнѣ убѣжденъ, что очень немногіе оставшіеся въ живыхъ участники бала подтвердятъ мною сказанное.

Глубокій старикъ **С. Г. Богдановичъ.**

ТАЙНА КОРОЛЕВЫ ЕЛИСАВЕТЫ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Р. Н. СТИВЕНСА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

В. А. МАГСКОЙ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1906

I.

Первое представленіе «Гамлета».

ъ ТРИ ЧАСА ПОПОЛУДНИ, въ холодный мартовскій день, въ понедѣльникъ, 1601 г., на маленькой башенкѣ огромнаго деревяннаго зданія, расположеннаго на берегу Темзы, немного западнѣе Лондонскаго моста, взвился красный флагъ и раздался звукъ трубы. Это огромное зданіе имѣло круглую форму, и большая часть его была даже безъ крыши; построено оно было отчасти на кирпичномъ, отчасти на каменномъ фундаментѣ. Это былъ знаменитый, такъ называемый «Круглый» театръ (Globe theatre); красный флагъ и трубный звукъ обозначали, что «слуги оберъ-гофмейстера» сейчасъ начнутъ представленіе. Въ этотъ день, какъ гласила афиша на дверяхъ, должна была итти «Трагическая исторія Гамлета, принца датскаго», написанная Вильямомъ Шекспиромъ. Лондонскіе жители хорошо знали, что этотъ «Вильямъ Шекспиръ»—одинъ изъ вышеупомянутыхъ «слугъ оберъ-гофмейстера» и написалъ уже нѣсколько пьесъ, разыгранныхъ этими «слугами». Многіе изъ прочитавшихъ афишу сразу угадали, что «трагическая исторія», вѣроятно, заимствовала свой сюжетъ изъ пьесы какого нибудь стариннаго автора, и что она уже не впервые появляется на сценѣ.

Шумная аудиторія всевозможныхъ возрастовъ и сословій, въ фуфайкахъ, штанахъ, въ брыжахъ и въ плащахъ, въ шляпахъ съ перьями и въ простыхъ шапкахъ нетерпѣливо ждала, чтобы раздвинулась наконецъ потертая занавѣсь, отдѣлявшая сцену отъ зрительнаго зала, похожаго на огромный, круглый амбаръ. Вдоль стѣнъ этого театра шли деревянныя галлереи, а подъ ними возвышалась площадка, раздѣленная на ложи, называвшіяся «комна-

тами» и украшенныя спереди цвѣтною матеріей. Сцена и комната актеровъ были покрыты соломенною крышею, а деревянныя галлереи замѣняли крышу ложамъ.

Самая внутренность театра, имѣвшая форму буквы «О» и называвшаяся «дворомъ», была вся заполнена почтенными гражданами, учеными, судьями и адвокатами въ черныхъ одеждахъ, здоровенными солдатами, всевозможнымъ другимъ народомъ самыхъ различныхъ профессій или совсѣмъ безъ профессій. Всѣ они говорили, смѣялись, покупали фрукты, пиво и вино отъ безчисленныхъ продавцовъ, сновавшихъ повсюду, и надъ ихъ головами не было никакой крыши, кромѣ голубого неба. Здѣсь не было ни сидѣній, ни пола подъ ногами, всѣ стояли прямо на землѣ.

Толпа въ этомъ такъ называемомъ «дворѣ» ждала начала представленія съ нетерпѣніемъ. Разодѣтая же въ бархатъ и шелкъ, знатная публика сидѣла въ своихъ ложахъ и лѣниво посматривала на болѣе интересную публику въ галлереяхъ, при чемъ имѣла скучающій, разочарованный видъ. Наиболѣе солидные граждане въ галлереяхъ и во дворѣ, очевидно, пришли сюда, чтобы за шесть или восемь пенсовъ получить то удовольствіе, на которое они могли разсчитывать за свои деньги. Въ самой верхней галлереѣ собрались мальчики, поѣдавшіе яблоки и грызшіе орѣхи; они боролись между собою и рады были смѣяться своимъ собственнымъ шуткамъ такъ же, какъ и тому, что происходило на сценѣ. Во дворѣ виднѣлась группа разодѣтыхъ женщинъ извѣстнаго пошиба, онѣ курили, какъ мужчины, и отстаивали, какъ могли, свои мѣста отъ другихъ. Двѣ или три дамы, мало заботившіяся объ общественномъ мнѣніи и презиравшія его, сидѣли открыто въ ложахъ, но въ маскахъ.

Время отъ времени, до начала представленія, появлялся какой нибудь молодой аристократъ, надушенный, украшенный перьями и драгоцѣнными камнями, вооруженный шпагой съ золотой рукояткой и вложенной въ бархатныя ножны; онъ высокомѣрно и презрительно, поглядывая кругомъ, проходилъ въ «комнату» лордовъ, т.-е. въ главную ложу, выходившую къ сценѣ, или же отправлялся прямо на сцену, покрытую цыновкой, и садился тамъ на треножный стулъ, который онъ приносилъ самъ, или ему подавалъ его пажъ, получившій этотъ стулъ у театральнаго служителя за шесть пенсовъ. Тамъ, на такихъ же стульяхъ, по бокамъ сцены, возсѣдали другіе такіе же аристократы; нѣкоторые изъ нихъ разговаривали между собою, другіе играли въ карты; отсюда ясно можно было разслышать, какъ актеры смѣялись и болтали въ актерской, дѣлая послѣднія приготовленія къ началу представленія.

Одинъ изъ франтовъ, возсѣдавшихъ на стульяхъ около сцены, зажегъ свою трубку и сказалъ, обращаясь къ другому и слегка пришепетывая:

— Много пройдетъ еще времени раньше, чѣмъ лордъ Соуптгемптонъ явится сюда посмотрѣть на своего друга Вильяма.

Соуптгемптонъ въ это время сидѣлъ въ Тоуэрѣ (въ крѣпости), такъ какъ онъ былъ замѣшанъ въ заговорѣ, душою котораго былъ герцогъ Эссекскій, окончившій свою жизнь на плахѣ въ февралѣ мѣсяцѣ; теперь судили его сообщниковъ.

— Можетъ быть, и мы всѣ не скоро увидимъ опять игру Вильяма послѣ этой недѣли,—отвѣтилъ его собесѣдникъ, щекотавшій тростникомъ ухо третьяго лорда. — Развѣ вы не знаете, что актерамъ оберъ-гофмейстера приказано теперь отправляться играть въ провинцію за то, что они играли «Ричарда II» въ присутствіи приверженцевъ герцога Эссекскаго, когда тѣ замышляли свой заговоръ?

— Дѣло въ томъ, что я былъ погруженъ съ головой въ любовь къ одной прелестной дамѣ въ Блекфіарѣ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, и поэтому я ничего не знаю о томъ, что происходило здѣсь за послѣднее время.

— Происходило то, что я вамъ сейчасъ говорилъ, и вотъ потому-то у насъ за двѣ послѣднихъ недѣли было столько новыхъ пьесъ и между ними двѣ пьесы, написанныя Вильямомъ Шекспиромъ. Актеры должны имѣть въ запасѣ нѣсколько новыхъ пьесъ для провинціи, особенно для университетскихъ городовъ. Вѣдь эти актеры были, собственно говоря, въ большой дружбѣ съ эссекскими заговорщиками; счастье ихъ, что у нихъ при дворѣ много другихъ друзей, въ родѣ Уотъ-Ралея, иначе они тоже очутились бы въ Тоуэрѣ вмѣсто провинціи.

Первый франтъ, посматривая на черную занавѣсь, закрывавшую часть сцены, сказалъ сквозь зубы:

— Вильямъ Шекспиръ долженъ быть сегодня въ надлежащемъ расположеніи духа, чтобы разыгрывать свою трагическую исторію: другъ его Соуптгемптонъ въ тюрьмѣ, Эссексъ казненъ, самъ онъ высылается изъ столицы. Удивляюсь только, какъ такой сердечный человѣкъ, какъ Шекспиръ, этотъ джентльменъ въ полномъ смыслѣ слова, можетъ находить удовольствіе въ подобной компаніи, какъ онъ вообще можетъ быть актеромъ и въ состояніи писать пьесы для увеселенія этой вонючей черни.

Каковы бы ни были воззрѣнія самого Шекспира на этотъ счетъ, въ данную минуту у него были другія заботы въ головѣ. Въ пустой актерской, закрытой занавѣской со стороны сцены, онъ ходилъ отъ одного актера къ другому; многіе изъ нихъ не были еще совсѣмъ одѣты, другіе уже наклеили себѣ парики и фальшивыя бороды, иные успѣли уже загримироваться и ходили взадъ и впередъ, повторяя про себя свою роль съ озабоченнымъ видомъ. Шекспиръ успокоивалъ всѣхъ, и, казалось, волновался меньше всѣхъ присутствующихъ. Онъ уже отчасти облачился въ свое

одѣяніе духа отца Гамлета, и только его волнистые волосы, слегка рыжеватые, какъ и его заостроенная клиномъ бородка, еще не были спрятаны подъ шлемъ, который онъ долженъ былъ потомъ надѣть. Его добрые карія глаза быстро и осторожно оглядывали всѣхъ актеровъ, и когда онъ убѣдился, что актеры для первой сцены уже совершенно готовы и другіе тоже скоро будутъ одѣты, онъ подалъ наконецъ знакъ поднять флагъ и затрубить въ трубы.

При видѣ этого флага послѣдніе запоздавшіе въ театръ ускорили свои шаги, чтобы поспѣть во-время. Многіе аристократы подъѣзжали на лодкахъ прямо изъ своихъ роскошныхъ дворцовъ, расположенныхъ на набережной, ѣхали также верхомъ на лошадяхъ или въ колясkахъ, или же переплывали Темзу на яликахъ; простые граждане, адвокаты, солдаты, матросы и простой народъ стекались со всѣхъ сторонъ на поромахъ или пѣшкомъ отъ Лондонскаго моста и изъ ближайшаго сосѣдства. При звукѣ трубы публика въ театрѣ громко воскликнула: а—а! послышались и другія восклицанія въ этомъ же родѣ. Всѣ актеры высыпали изъ актерской, нѣкоторые подошли къ самой занавѣси, другіе остановились недалеко отъ нея, сейчасъ должно было начаться первое представленіе «Гамлета», обезсмертившаго потомъ имя своего автора—Шекспира.

Въ актерской, гдѣ оставалось всего только нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ реплики, вызывавшей ихъ на сцену, ясно было слышно все, что говорилось на сценѣ, а также слышны были комментаріи и громкія замѣчанія публики во «дворѣ» и напыщенный смѣхъ аристократовъ, смѣявшихся надъ собственными шутками. Въ узкія высокія окна врывался холодный блѣдный свѣтъ мартовскаго дня и падалъ прямо на лицо молодого стройнаго актера, усы котораго были такъ хорошо прикрѣплены, что ихъ не трудно было принять за настоящіе; въ тѣ времена, когда вообще было въ модѣ красить волосы, настоящія бороды и усы часто казались фальшивыми. Волосы молодого человѣка были чуднаго каштановаго цвѣта, но это былъ ихъ естественный цвѣтъ. Его голубые глаза и даволько рѣзкія черты лица придавали ему отчасти добрый, отчасти горделивый видъ, онъ старался стоять спокойно, чтобы ни однимъ движеніемъ не выдать безпокойства, снѣдавшаго его, какъ это всегда бываетъ съ главными актерами, когда они впервые выступаютъ въ новой пьесѣ.

Въ это время къ нему подошелъ вдругъ юноша въ женской одеждѣ—въ длинномъ платьѣ съ пышными рукавами, фижмами и на высокихъ каблукахъ; онъ шелъ медленно и плавно, какъ подобаетъ граціозной дѣвушкѣ, которую онъ игралъ, или же подпрыгивалъ и скакалъ, какъ мальчикъ, каковымъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ весело замѣтилъ:

— Смѣлѣе, Гель, не дѣлай такой похоронной мины, у тебя, кажется, ноги дрожатъ больше, чѣмъ у самого Шекспира, между тѣмъ пьесу-то написалъ онъ, посмотри-ка на него: вотъ онъ надѣлъ свой шлемъ и идетъ играть духа такъ же спокойно, какъ будто надѣлъ шапку, чтобы итти въ таверну выпить стаканъ пива.

Гель сначала было хотѣлъ принять обиженный видъ, но, понявъ во-время, что умница-мальчикъ, игравшій Офелію, видитъ его насквозь, тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Вѣдь мнѣ впервые приходится играть такую отвѣтственную роль. Мнѣ кажется, что меня поднимутъ на смѣхъ сегодня, ужъ лучше бы отдали «Лаэрта» Джилю Грове, въ концѣ концовъ.

— Вздоръ, Мерріотъ, если ты будешь такъ трусить, ты никогда не сможешь играть отвѣтственныхъ ролей. А, между тѣмъ, вѣдь въ тавернѣ ты первый затѣваешь драку, ты не изъ трусливыхъ. Посмотри-ка на Бурбеджа—онъ забылъ себя, насъ, весь міръ и воображаетъ, что онъ на самомъ дѣлѣ—Гамлетъ!

Гель Мерріотъ, зная напередъ то, что увидитъ, посмотрѣлъ все же на Бурбеджа, шагавшаго какъ бы въ глубокомъ раздумьѣ около входа на сцену. Невысокаго роста, красивый человѣкъ, онъ поражалъ своимъ сосредоточеннымъ видомъ и величественной осанкой; онъ былъ спокоенъ, какъ и самъ Шекспиръ, но въ то время, какъ послѣдній думалъ обо всемъ, кромѣ своей роли, Бурбеджъ напротивъ только и думалъ о ней, какъ будто онъ дѣйствительно сталъ Гамлетомъ съ той минуты, какъ облачился въ его одѣяніе.

— На что это вы такъ заглядѣлись, Джиль Грове?—спросилъ вдругъ Гель Мерріотъ другого актера, смотрѣвшаго на него съ насмѣшливой улыбкой, какъ будто онъ догадывался о внутреннемъ безпокойствѣ дебютанта.—Право, я бы совѣтовалъ вамъ оставить въ покоѣ другихъ людей и заняться своимъ дѣломъ. Вы бы лучше оставались сапожникомъ, чѣмъ итти въ актеры.

— Конечно,—отвѣтилъ Грове, одѣтый въ одежду Розенкранца,—я гораздо менѣе отрицаю то, что былъ сапожникомъ (что совершенно вѣрно), чѣмъ нѣкоторые кричатъ о томъ, что они—дворяне (въ чемъ можно еще сомнѣваться).

Глаза Мерріота гнѣвно сверкнули, но раньше, чѣмъ онъ успѣлъ что нибудь отвѣтить, въ разговоръ вмѣшался другой актеръ въ богатомъ платьѣ съ фальшивой сѣдой бородой.

— Послушайте, Грове,—сказалъ онъ:—вы несправедливы къ этому молодому человѣку. Развѣ онъ когда нибудь хвастался своимъ происхожденіемъ? Оставьте его въ покоѣ. Вы, кажется, опять слишкомъ часто прикладывались къ боченку съ пивомъ.

— Дѣло въ томъ,—воскликнулъ юноша, игравшій Офелію и стоявшій, красиво подбоченившись:—Грове разсчитывалъ, что будетъ играть роль Лаэрта, а Шекспиръ отдалъ эту роль Гелю, и поэтому послѣдній только хвастаетъ, что онъ—дворянинъ.

— Ахъ, ты, дерзкій мальчишка!—крикнулъ Грове:—если бы я не боялся испортить твоего грима, я бы научилъ тебя разговаривать съ старшими. Я бы могъ играть Лаэрта, но этотъ...

Онъ запнулся, но сѣдобородый актеръ, игравшій Полонія, кончилъ за него:

— Но этотъ молодой человѣкъ получилъ эту роль, потому что разсчитывать на васъ невозможно: вы могли напиться такъ, что не были бы въ состояніи играть.

— Что касается этого,—подхватилъ Грове,—то вотъ этотъ господинъ засидится въ тавернѣ навѣрное позже меня и будетъ кричать громче меня до самаго разсвѣта.

Мерріотъ ничего не отвѣтилъ на эту послѣднюю дерзость. Грове тоже молча отошелъ въ другой уголъ комнаты. Полоній перешелъ къ другой группѣ актеровъ, а Офелія отправилась смотрѣть, какъ надѣваютъ роскошное платье на актера, которому предстояло играть роль Озрика. Предоставленный теперь своимъ думамъ, Лаэртъ задумчиво крутилъ свои фальшивые усы и обдумывалъ дерзости, которыя наговорилъ ему бывшій сапожникъ. И чѣмъ больше онъ думалъ объ этомъ и чѣмъ больше сознавалъ, что не нашелся, что отвѣтить ему на это, тѣмъ въ большую ярость онъ приходилъ. Гнѣвъ его, однако, послужилъ прекраснымъ средствомъ отъ того безпокойства, которое только что передъ тѣмъ волновало его. Онъ такъ глубоко задумался надъ всѣмъ этимъ, что даже не слѣдилъ за тѣмъ, что происходило на сценѣ, и поэтому невольно вздрогнулъ, когда вдругъ Шекспиръ схватилъ его за лѣвый рукавъ и повлекъ его ко входу на сцену, говоря:

— Что съ тобой, Гарри? Тебя вѣдь ждутъ уже на сценѣ!

Проснувшись будто отъ сна и видя, что Бурбеджъ и другіе уже на сценѣ, онъ бросился тоже туда и такъ внезапно очутился вдругъ передъ королемъ Клавдіемъ и Бурбеджомъ, что послѣдній съ негодованіемъ взглянулъ на него, чѣмъ еще больше увеличилъ его смущеніе. Бѣдный Гель стоялъ неподвижно, уставившись взглядомъ на вывѣшенный плакардъ, на которомъ значилось, что сцена изображаетъ комнату во дворцѣ Эльсиноръ. Публика волновалась и перешептывалась во время длиннаго монолога короля. Гель вообразилъ, что смущеніе его замѣчено въ театрѣ, и такъ перепугался, что отступилъ шагъ назадъ и наступилъ прямо на ногу одному изъ аристократовъ, толпившихся тутъ же на сценѣ; тотъ сердито вскрикнулъ. Чувствуя, что надо что нибудь предпринять, чтобы наконецъ овладѣть собою, Гель вспомнилъ, что, разсердившись на Грове, онъ забылъ всякій страхъ, и поэтому опять постарался возобновить въ своей памяти сцену, происшедшую въ актерской. Онъ такъ глубоко задумался, что чуть не подскочилъ отъ испуга, когда вдругъ замѣтилъ, что на сценѣ водворилось глубокое молчаніе, и увидѣлъ, что всѣ актеры съ удивленіемъ смотрѣли на него.

— Что тебѣ надо, Лаэртъ?—въ третій разъ уже спрашивалъ его король.

Гель, видя, что его спрашиваютъ уже не въ первый разъ, открылъ ротъ, чтобы отвѣтить, и тутъ только замѣтилъ, что совершенно забылъ первыя слова своей роли. Страшно смущенный, онъ невольно взглянулъ на дверь, ведшую за кулисы, и встрѣтился съ глазами Шекспира, стоявшаго такъ, чтобы видѣть оттуда все, что происходитъ на сценѣ. Скорѣе удивленный, чѣмъ негодующій, онъ прошепталъ ему вполголоса первыя слова его роли, и Гель, точно воскресшій изъ мертвыхъ, сразу пришелъ въ себя и началъ свой монологъ. Публика, молчавшая только при самомъ началѣ дѣйствія и при появленіи духа отца Гамлета, опять заволновалась и стала разговаривать довольно громко, до тѣхъ поръ, пока наконецъ не заговорилъ самъ принцъ Гамлетъ.

Когда Гель вышелъ опять за кулисы вмѣстѣ съ королемъ и придворными, онъ подошелъ тотчасъ же къ Шекспиру и извинился передъ нимъ за свою разсѣянность; тотъ спокойно отвѣтилъ ему:

— Вздоръ, Гель, съ кѣмъ изъ насъ это не случалось въ свое время?

Насмѣшливая улыбка Грове, конечно, не способствовала успокоенію Геля, пока онъ стоялъ за кулисами, выжидая опять время своего выхода на сцену.

Онъ горько упрекалъ себя за то, что чуть не испортилъ всей пьесы Шекспира, своего благодѣтеля, который довѣрилъ ему отвѣтственную роль Лаэрта. Глубоко опечаленный, онъ вернулся затѣмъ на сцену вмѣстѣ съ Офеліей и Полоніемъ.

Сцена эта прошла такъ хорошо, что Гель совсѣмъ было пріободрился, но въ ту минуту, какъ онъ говорилъ свои послѣднія слова, обращаясь къ Полонію, онъ совершенно нечаянно взглянулъ черезъ цѣлый рядъ головъ на ложи и тамъ увидѣлъ личико, заставившее его широко раскрыть глаза отъ удивленія и остаться стоять съ открытымъ ртомъ.

Личико это принадлежало, конечно, женщинѣ, онъ никогда не видалъ его раньше, иначе бы онъ, конечно, сразу узналъ его. Онъ и теперь бы не увидалъ его, но молодая дѣвушка сняла маску, подъ которой ей стало, вѣроятно, слишкомъ душно. Она, повидимому, совсѣмъ не безпокоилась о томъ, что могутъ подумать, увидѣвъ ее безъ маски въ театрѣ. Личико ея поражало своимъ гордымъ и энергичнымъ выраженіемъ, казалось, что подъ прелестнымъ женскимъ обликомъ скрывается огненный гордый характеръ юноши. Волосы и глаза у нея были темные, кожа поражала своею бѣлизною и свѣжестью, лобъ былъ невысокій, подбородокъ твердый и энергичный, но въ то же время очаровательнаго очертанія. Однимъ словомъ, это была форменная красавица, иначе, конечно, Мерріотъ не былъ бы такъ пораженъ при видѣ ея. Подбо-

родокъ ея утопалъ въ батистовыхъ брыжахъ, платье ея было изъ темной матеріи съ бархатными полосами и тѣсно облегало ея стройную изящную фигурку. Рукава съ разрѣзами, но въ то же время очень пышные, не скрывали дивныхъ формъ ея рукъ; на видъ ей можно было дать не болѣе двадцати двухъ лѣтъ.

Рядомъ съ этимъ дивнымъ созданіемъ сидѣлъ пожилой, роскошно одѣтый господинъ, крѣпко уснувшій на своемъ стулѣ, а дальше въ ложѣ виднѣлась еще дама въ маскѣ, она откинулась какъ можно дальше назадъ, чтобы ея не видали. Во дворѣ, около самой ложи стоялъ стройный смуглый юноша въ зеленомъ платьѣ, которое носили обыкновенно пажи великосвѣтскихъ дамъ.

Конечно, всѣхъ этихъ подробностей Лаэртъ не могъ замѣтить сразу, онъ только видѣлъ дѣвушку и былъ такъ пораженъ ея красотой, что послѣднія слова свои произнесъ такимъ равнодушнымъ голосомъ, что ближайшіе зрители расхохотались: настолько былъ великъ контрастъ между этимъ тономъ и тѣмъ пыломъ, съ которымъ онъ только что говорилъ. Полоній и Офелія, удивленные этимъ рѣзкимъ переходомъ, невольно тоже посмотрѣли въ ту сторону, куда смотрѣлъ Лаэртъ. Онъ въ эту минуту съ большимъ чувствомъ произнесъ «прощай», относившееся по ходу дѣйствія къ Офеліи, но на самомъ дѣлѣ онъ сказалъ это слово, обращаясь къ прелестной незнакомкѣ. Онъ съ такой неохотой покидалъ сцену, что Полоній, которому теперь предстояло говорить въ отсутствіи Лаэрта, сердито крикнулъ ему вполголоса: «Убирайся къ чорту!»—что̀ заставило покатиться со смѣху сидѣвшихъ около сцены щеголей.

При видѣ Шекспира, говорившаго о чемъ-то съ Гораціо около входа на сцену, Мерріотъ почувствовалъ опять угрызеніе совѣсти, но ненадолго; воспоминаніе о чудномъ видѣніи въ ложѣ затмило собой все, онъ даже забылъ о своей ссорѣ съ Грове. Гель охотно бы пошелъ теперь на балконъ, находившійся на заднемъ планѣ сцены, куда обыкновенно уходили всѣ актеры, не занятые въ пьесѣ, и откуда онъ могъ бы прекрасно видѣть даму, плѣнившую его сердце, но какъ разъ сегодня этотъ балконъ долженъ былъ служить площадкой около замка, гдѣ сходятся Гамлетъ и духъ его отца.

Услужливое воображеніе рисовало уже Гелю счастливую перспективу, будто красавица эта тоже влюбилась въ него, и онъ совершенно не слѣдилъ за тѣмъ, что происходило на сценѣ, пока наконецъ не раздался торжественный голосъ духа-Шекспира, говорившаго на сценѣ и водворившаго сразу молчаніе въ зрительномъ залѣ съ первыхъ же своихъ словъ.

Во второмъ актѣ Гель долженъ былъ перемѣнить платье и играть роль одного изъ придворныхъ на сценѣ. Какъ только онъ вышелъ изъ за-кулисъ, онъ первымъ долгомъ взглянулъ на свою красавицу, но, увы, она надѣла снова черную бархатную маску.

Вернувшись въ актерскую, онъ долженъ былъ приклеить себѣ теперь сѣдую бороду, чтобы изображать престарѣлаго царедворца въ сценѣ, гдѣ давалось театральное представленіе, устроенное Гамлетомъ. Важно выступая въ свитѣ короля подъ звуки трубъ и барабановъ, онъ снова увидѣлъ, что красавица его все еще въ маскѣ. Но на этотъ разъ онъ не могъ смотрѣть на нее, такъ какъ онъ долженъ былъ смотрѣть то на короля и королеву, то на мимическихъ актеровъ въ глубинѣ сцены.

Когда окончилась эта сцена, и актеры снова очутились за кулисами, они невольно стали обмѣниваться впечатлѣніями. Одинъ замѣтилъ:

— Публикѣ, повидимому, понравилось наше представленіе: какъ она кричала, когда король бросился бѣжать въ ужасѣ!

— Ну, шумъ еще ничего не значитъ,—возразилъ другой:—гораздо важнѣе то, что всѣ они притихли и слушали почти всю сцену молча: небось, когда играли Гамлета—Тома Кида, навѣрное, этого не было.

— Посмотримъ, удастся ли еще конецъ,—замѣтилъ тихо Шекспиръ, но на лицѣ его играла довольная улыбка.

Гель Мерріотъ нацѣпилъ опять свои усы и облекся въ одежду Лаэрта съ твердымъ намѣреніемъ съ своей стороны тоже способствовать успѣху пьесы. Слѣдующая за тѣмъ сцена, гдѣ онъ долженъ былъ потребовать отъ короля удовлетворенія за смерть отца, узнать о томъ, что сестра его сошла съ ума, эта сцена должна была дать ему возможность доказать Шекспиру, что онъ не ошибся, выбравъ его для такой отвѣтственной роли; она должна была послужить первымъ шагомъ къ блестящей карьерѣ, которая дала бы ему возможность встать на одну доску съ богатой аристократкой. Можетъ быть, она принадлежала къ числу тѣхъ, которыя пользовались привилегіей присутствовать на рождественскихъ придворныхъ представленіяхъ. Если бы ему удалось заслужить ея вниманіе, въ первый же разъ, какъ актеры оберъ-гофмейстера будутъ играть при дворѣ, и составить себѣ такое же состояніе, какъ Аллейнъ и другіе актеры, онъ смѣло можетъ разсчитывать на то, что будетъ ей равенъ по богатству и происхожденію. Все это промелькнуло въ его головѣ, какъ молнія, съ свойственной юношамъ безпечностью.

Онъ стоялъ, погруженный въ раздумье, въ углу актерской и подобно Бурбеджу старался сосредоточиваться на своей роли, отгоняя актеровъ, подходившихъ къ нему поболтать. Вездѣ раздавались шутки и смѣхъ, слышались разговоры, всѣ сидѣли на столахъ, стульяхъ и креслахъ и даже на шкапахъ, такъ какъ все это было приготовлено для предстоящей сцены; въ тѣ времена въ театрѣ употреблялись не только костюмы и гримъ, но также декораціи и обстановка. Наконецъ настала минута выхода на сцену. Гель былъ совершенно готовъ и вошелъ въ свою роль: когда онъ услышалъ реплику, вызывавшую его на сцену, онъ быстро выско-

чилъ изъ-за кулисъ и съ такимъ жаромъ воскликнулъ: «гдѣ король?» что публика примолкла, и даже всѣ сидѣвшіе около сцены франты на минуту прекратили свой разговоръ.

Приказавъ своимъ датчанамъ отойти немного назадъ, Гель снова обернулся къ королю и бросилъ быстрый взглядъ по направленію къ интересовавшей его ложѣ: она была пуста. Ему показалось, что полъ уходитъ у него изъ-подъ ногъ, въ ту же секунду интонація голоса его совершенно измѣнилась, и онъ снова монотонно и машинально продолжалъ свой монологъ, обращенный къ королю. Онъ все еще, время отъ времени, посматривалъ на пустую ложу, чтобы убѣдиться, что глаза не обманываютъ его, но тамъ не было больше ни его красавицы, ни другой дамы въ маскѣ, ни спящаго мужчины, ни пажа въ зеленомъ платьѣ. Гелю показалось, что въ театрѣ вдругъ стало темно, хотя попрежнему свѣтъ лился въ окна.

Почти совершенно не понимая, что онъ дѣлаетъ, Гель кое-какъ окончилъ эту сцену и другую, слѣдующую за ней, очень длинную и неинтересную. Онъ вышелъ, какъ въ туманѣ, въ актерскую и сѣлъ на стулъ въ глубокомъ раздумьѣ.—Развѣ жизнь утратила для тебя всякую прелесть?—послышался вдругъ голосъ Шекспира, вѣрно угадавшаго настроеніе своего протеже. Онъ говорилъ это полунасмѣшливо, полусострадательно. При этихъ словахъ Гель почувствовалъ раскаяніе совѣсти при мысли о томъ, какъ онъ обманулъ довѣріе своего патрона и почти провалилъ его пьесу. И поэтому онъ сказалъ ему совсѣмъ невпопадъ:

— Простите меня, я постараюсь исправиться въ послѣднемъ актѣ.

И онъ всталъ съ мѣста съ твердымъ намѣреніемъ дѣйствительно взять себя въ руки. Вѣдь, можетъ быть, та дѣвушка и ея спутники только перешли въ другую ложу, или же ушли на время и снова затѣмъ вернутся въ театръ. Къ тому же съ его стороны было очень глупо пренебрегать единственнымъ средствомъ когда либо сравняться съ ней въ смыслѣ богатства, и надо было принять во вниманіе и злорадство, свѣтившееся въ лицѣ Джильберта Грове.

Теперь ему предстояла сцена встрѣчи съ Гамлетомъ на кладбищѣ. Стараясь увѣрить себя, что очаровавшая его дѣвушка смотритъ изъ какого-то неизвѣстнаго ему мѣста, онъ игралъ съ такимъ жаромъ, что когда вышелъ за кулисы послѣ этой сцены, самъ Бурбеджъ привѣтствовалъ его восклицаніемъ:

— Прекрасно сыграно, сэръ!

— Недурно сыграно,—подтвердилъ и Полоній, а Офелія, скинувшая свое женское платье и оставшаяся въ мужской курткѣ, воскликнула съ торжествомъ:

— Посмотрите, какое кислое выраженіе лица у Джильберта!

Но Мерріотъ былъ настолько благороденъ, что не сталъ радоваться униженію своего врага, а обрадовался тому, что Шекспиръ самолично поблагодарилъ его за игру, а затѣмъ онъ отошелъ не-

много въ сторону и сталъ упражняться съ своей рапирой, приготовляясь къ сценѣ поединка.

Отчасти благодаря именно его умѣнію обращаться съ рапирой, Шекспиръ и поручилъ ему играть роль Лаэрта; будучи самъ дворяниномъ отъ рожденія, Гель прекрасно владѣлъ этимъ благороднымъ оружіемъ, замѣнившимъ вездѣ мечи и щиты. Будучи еще въ Оксфордѣ, при жизни своихъ родителей, когда процессъ, затѣянный Беркширской отраслью его фамиліи, еще не лишилъ его крова и не заставилъ бѣжать въ Лондонъ, чтобы найти какія нибудь средства существованія, онъ каждый день упражнялся въ фехтованіи подъ руководствомъ всевозможныхъ учителей. Въ Лондонѣ онъ научился въ этомъ отношеніи всему, что могли ему дать новаго французы въ изгнаніи, воевавшіе когда-то во Фландріи и въ Испаніи. Въ искусствѣ владѣть рапирой онъ не зналъ себѣ соперниковъ, и хотя въ сценѣ поединка въ Гамлетѣ всѣ движенія были уже заранѣе заучены, все же требовалось немало умѣнья и искусства, чтобы выполнить ихъ безукоризненно. Въ тѣ времена, когда почти каждый человѣкъ умѣлъ владѣть тѣмъ или другимъ оружіемъ, поединокъ самъ по себѣ имѣлъ для всѣхъ огромный интересъ.

Вся публика была настроена очень нервно, напряженіе ея дошло до высшей степени, какъ и должно быть всегда въ пятомъ актѣ, передъ концомъ пьесы. Всѣ мужчины: солдаты, ученые, приказчики, лорды, всѣ они принимали живое участіе въ происходившемъ на сценѣ поединкѣ и поощряли сражавшихся восклицаніями и совѣтами. Симпатія всѣхъ была, конечно, на сторонѣ Гамлета, но для всѣхъ было ясно, что Лаэртъ несравненно лучше владѣетъ оружіемъ и только по необходимости оставляетъ побѣду за нимъ. Благородная манера, съ которой Лаэртъ призналъ себя побѣжденнымъ, положительно наэлектризовала публику и расположила ее въ пользу этого актера. Во время поэдинка, когда Лаэртъ сдѣлалъ движеніе, долженствовавшее на самомъ дѣлѣ обязательно ранить Гамлета, изъ публики вдругъ раздался громкій голосъ:

— Я зналъ, что ударъ этотъ будетъ нанесенъ, Мерріотъ! Это — я, Китъ Боттль!

Когда Лаэртъ наконецъ сознался въ измѣнѣ и просилъ прощенія у Гамлета, всѣ положительно были на сторонѣ Геля: такъ хорошо онъ фехтовалъ и съ такимъ жаромъ игралъ свою роль. Когда спектакль кончился, онъ былъ настроенъ такъ же радостно, какъ и всѣ остальные актеры, обмѣнивавшіеся оживленными замѣчаніями и спѣшившіе перемѣнить свои богатыя одежды на обычный костюмъ.

— Пойдемъ съ нами къ «Соколу» выпить бокала два пива, а затѣмъ въ «Морскую Дѣву» поужинать,—сказалъ Шекспиръ Гелю, когда, спустя нѣсколько времени послѣ окончанія спектакля, тотъ вышелъ изъ театра въ довольно поношенномъ платьѣ коричневаго

шелка и бархата. Шекспира сопровождали Геминджъ, Слай, Конделль и Флетчеръ, который былъ директоромъ этой труппы. Всѣ шестеро быстро направились черезъ поле въ таверну, кутаясь въ свои короткіе плащи, защищавшіе ихъ отъ вѣтра. Таверна «Сокола» лежала на западномъ берегу и отдѣлялась отъ рѣки только небольшимъ садикомъ; когда актеры подошли къ ней, изъ дверей ея вышла группа аристократовъ, направлявшихся къ лодкѣ, чтобы переѣхать въ другую часть города.

— Подождите немного,—быстро замѣтилъ Флетчеръ, — можетъ быть, намъ удастся услышать отзывъ о сегодняшней пьесѣ. Лордъ Эджбюри—лучшій знатокъ въ этомъ дѣлѣ во всей Англіи.

Актеры отошли немного въ сторону и сдѣлали видъ, будто читаютъ афишу.

— Конечно, эта пьеса захватываетъ вниманіе,—говорилъ лордъ Эджбюри своимъ спутникамъ,—но въ общемъ это—чепуха. Можетъ быть пьеса продержится недѣлю, такъ какъ заключаетъ въ себѣ аллегорію на современныя темы, но не дольше, будущности она не имѣетъ.

— Большое спасибо и за это,—тихо замѣтилъ Слай своимъ товарищамъ,—все же онъ оказался щедрѣе Грове: тотъ далъ всего три дня, этотъ даетъ недѣлю. Плюнемъ на всѣхъ этихъ пророковъ и зайдемъ въ таверну.

Лордъ Эджбюри и Джиль Грове, вы живы и до сихъ поръ! На всякомъ первомъ представленіи всегда находятся подобные вамъ, но на этотъ разъ вы немножко ошиблись: вмѣсто трехъ дней или недѣли вамъ слѣдовало сказать, по крайней мѣрѣ, триста лѣтъ, если не болѣе; конечно, это немного въ сравненіи съ вѣчностью, но для человѣческой жизни этого вполнѣ достаточно.

II.

Въ тавернахъ.

Чтобы не останавливаться впослѣдствіи на отдѣльныхъ описаніяхъ господствовавшихъ тогда модъ, существовавшихъ тогда улицъ, домовъ, общаго вида всего общества и тому подобныхъ вещей, мы скажемъ здѣсь вкратцѣ, что дѣло происходило въ 1601 г., въ 42 годъ царствованія Елисаветы, и положеніе дѣлъ было слѣдующее. Англія находилась въ первомъ періодѣ небывалаго въ мірѣ возрожденія; неизвѣстные до сихъ поръ комфортъ и роскошь, новыя мысли, новые способы удовольствій положительно придали всѣмъ англичанамъ какую-то лихорадочную страсть жить какъ можно веселѣе; мужчины носили бороды самыхъ разнообразныхъ фасоновъ, блестящія куртки и шелковые штаны до колѣнъ, брыжи, бархатные плащи, украшенные кружевами, и шляпы съ перьями; женщины носили высокіе узкіе корсажи и пышные рукава, платья спереди были всѣ съ разрѣзами, чтобы видны были нижнія юбки; многія

женщины красились и носили фальшивые волосы; одежды какъ мужчинъ, такъ и женщинъ сверкали драгоцѣнными камнями, серебромъ и золотомъ; лондонцы въ тѣ времена считались наиболѣе богато одѣтыми людьми всего міра. Дома въ Лондонѣ были деревянные, но оштукатуренные и съ разными шпицами; построены они были такимъ образомъ, что верхніе этажи выступали впередъ и затемняли нижніе, а также и узкія длинныя улицы; разодѣтая публика на этихъ улицахъ разнообразилась еще безчисленнымъ множествомъ иностранцевъ, стекавшихся сюда со всѣхъ сторонъ; кареты, хотя и недавно введенныя въ употребленіе, изобиловали на улицахъ, наравнѣ съ телѣгами и повозками; сѣрыя церкви и разоренные монастыри, епископскіе дворцы и дома дворянъ съ различными украшеніями и башнями встрѣчались повсюду въ самомъ городѣ и его окрестностяхъ; католики иногда подвергались теперь такому же преслѣдованію, какъ когда-то преслѣдовали протестантовъ; было тамъ и множество гордыхъ, могущественныхъ лордовъ, но теперь всѣ они стекались въ Лондонъ и жили въ великолѣпныхъ дворцахъ на набережной или въ окрестностяхъ, вмѣсто того чтобы ютиться въ своихъ отдаленныхъ замкахъ, какъ было раньше; драчливые работники въ шерстяныхъ шапочкахъ и кожаныхъ куртахъ также легко воспринимали всякую мнимую или настоящую обиду, какъ и ихъ господа; первые расплачивались за нихъ ножами, вторые употребляли для этого рапиры съ золотыми или серебряными рукоятками; всѣ таверны кишѣли бородатыми солдатами, побывавшими во Фландріи и въ Испаніи и изощрявшимися въ разнаго рода ругательствахъ; находилось множество охотниковъ послушать разные хвастливые разсказы моряковъ, побывавшихъ подъ командою Дрека или Ралея у испанскихъ береговъ; табакъ въ то время только входилъ въ употребленіе, но куреніе прививалось быстро и сильно афишировалось; всѣ сословія вѣрили еще въ духовъ и вѣдьмъ, и находилось только нѣсколько «атеистовъ», въ родѣ Кита Марлова и Вальтера Ралея, не вѣрившихъ въ нихъ; не укрощенная еще Англія продолжала веселиться, попрежнему устраивая народные спектакли и празднества, танцуя прежніе веселые и характерные танцы, хотя пуританизмъ уже началъ кое-гдѣ ясно проявлять свое вліяніе, и наконецъ послѣдняя новость: только что совершившаяся казнь безпокойнаго герцога Эссекскаго и знаменитый процессъ противъ его единомышленниковъ, заключенныхъ по тюрьмамъ.

Прежде чѣмъ войти въ таверну «Сокола», Мерріотъ еще разъ быстро оглянулся кругомъ, какъ бы надѣясь увидѣть гдѣ нибудь очаровавшую его красавицу, которая, можетъ быть, еще находилась по близости театра. Но публика, переполнявшая театръ, разбрелась уже во всѣ стороны, и здѣсь на берегу Темзы виднѣлись только еще женщины, стоявшія гораздо ниже ея въ смыслѣ общественнаго

положенія. Гель вздохнулъ и послѣдовалъ за своими спутниками въ таверну.

Они прошли черезъ общій залъ, чтобы попасть въ комнату, гдѣ они могли сидѣть одни безъ постороннихъ; вдругъ къ нимъ подошелъ высокаго роста человѣкъ съ черной бородой, съ грубыми и рѣзкими чертами лица, среднихъ лѣтъ, одѣтый въ старую засаленную куртку краснаго цвѣта и коричневые бархатные штаны до колѣнъ, съ жалкими остатками широкополой шляпы на головѣ, съ длиннымъ мечомъ и кинжаломъ, висѣвшими у него за поясомъ. Башмаки его были въ такомъ состояніи, что почти не заслуживали больше этого названія, а шерстяной коричневый плащъ имѣлъ видъ оборванной тряпки. Лицо его было пасмурно и задумчиво, но, какъ только онъ увидѣлъ актеровъ, онъ сразу напустилъ на себя видъ развязнаго человѣка, которому очень везетъ въ жизни.

— Актеры идутъ сюда, милордъ,—произнесъ онъ напыщенно слова, цитируемыя изъ пьесы.—Недурная трагедія, мастеръ Шекспиръ, очень недурная! Прямо даже превосходная!

— Несмотря на то, что ты сдѣлалъ все съ своей стороны, чтобы испортить ее, крикнувъ на весь театръ во время поединка, Китъ Боттль,—замѣтилъ Виль Слай.

— Капитанъ Боттль, прошу васъ это помнить, милостивый государь,—отвѣтилъ ему Боттль, принимая важный видъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, меня звали въ то время, какъ я унесъ съ поля сраженія сэра Филиппа Сиднея и велъ свою команду за лордомъ Эссексомъ при Кадиксѣ.

— Какъ же ты поживаешь, капитанъ Китъ?—спросилъ Шекспиръ и въ голосѣ его прозвучала грустная нотка.

— Прекрасно, какъ всегда,—отвѣтилъ Китъ,—марширую вотъ подъ эту музыку.

Онъ вынулъ кошель и потрясъ имъ въ воздухѣ,чтобы заставить зазвенѣть монеты.

Пропустивъ впередъ всѣхъ актеровъ, Китъ дернулъ за рукавъ Мерріота, проходившаго послѣднимъ. Когда они очутились вдвоемъ въ отдаленномъ углу комнаты, Боттль сразу измѣнилъ тонъ и сказалъ:

— Нѣтъ ли у тебя лишняго шиллинга или двухъ, только до завтрашняго дня, клянусь тебѣ въ этомъ. Я знаю, что получу сегодня деньги. Мнѣ нужно только имѣть шиллингъ или два, чтобы начать игру въ кости. Я знаю, что сегодня счастье чортовски везетъ мнѣ. Видишь ли, въ чемъ дѣло, юноша, я не могу солгать тебѣ, а обстоятельства мои плохи: я не ѣлъ со вчерашняго дня.

— Какъ такъ, но что же у тебя звенѣло въ кошелькѣ?—спросилъ съ удивленіемъ Гель.

— Это—дѣло другое. Неужели ты думаешь, не въ обиду тебѣ будь сказано, что я выкажу свою бѣдность передъ актерами?—говоря это, старый воинъ открылъ свой кошель и показалъ въ немъ

нѣсколько мѣдныхъ колечекъ отъ старой цѣпочки.—Когда у тебя нѣтъ ни одной монеты, пусть они звенятъ какъ можно громче у тебя въ карманѣ: это полезно во многихъ отношеніяхъ, милый юноша.

— Но если тебѣ даже пообѣдать не на что,—сказалъ Гель,—какимъ образомъ ты попалъ въ игорную комнату?

— Ахъ, это пустяки,—отвѣтилъ, немного смутившись, Боттль — Видишь ли, когда происходитъ борьба между тѣломъ и духомъ, побѣдить долженъ всегда послѣдній, вѣдь шестью пенсами я не могъ удовлетворить и то и другое. Я долго колебался и думалъ, что̀ лучше: съѣсть мяса и выпить пива, или же посмотрѣть, не повезетъ ли мнѣ счастье въ игрѣ? Ты вѣдь знаешь Кита Боттля: хотя онъ участвовалъ въ сраженіяхъ и перерѣзалъ немало испанскихъ глотокъ, и хотя онъ любитъ и мясо и пиво, но потребности ума для него всего дороже.

Тронутый при мысли, что голодный воинъ пожертвовалъ послѣдними шестью пенсами, только бы испробовать счастья въ игрѣ, Гель сейчасъ же полѣзъ къ себѣ въ карманъ, досталъ все, что у него оставалось отъ жалованья за послѣднюю недѣлю, около пяти шиллинговъ въ общемъ, и отдалъ два шиллинга съ половиной Боттлю, говоря:

— Я могу дать тебѣ половину только, Китъ, остальные я долженъ отдать другому, у котораго занималъ какъ-то раньше.

— Нѣтъ, юноша,—воскликнулъ Китъ, быстро оглядѣвшись кругомъ, чтобы убѣдиться, что никто изъ присутствующихъ не видитъ ихъ сдѣлку:—я вовсе не желаю тебя грабить, а возьму два шиллинга и ни одного пенса больше. У тебя золотое сердце, юноша, завтра я отдамъ тебѣ деньги, хотя бы для этого пришлось заложить свой мечъ. Завтра отдамъ, вѣрь старому солдату, Боттлю!

И, гордо выпрямившись, старый капитанъ, достигшій своей цѣли, исчезъ изъ виду. Мерріотъ прошелъ въ комнату, гдѣ уже сидѣли актеры. Бокалъ вина съ Канарскихъ острововъ уже стоялъ на столѣ и ждалъ его.

— Ну, что, Гель?—воскликнулъ Слай:—кажется, Боттль посвятилъ тебя въ какую-то государственную тайну?

— Люблю я этого стараго бродягу, — отвѣтилъ Гель, избѣгая прямого отвѣта.—Вѣдь онъ главнымъ образомъ и обучилъ меня фехтовальному искусству. Онъ въ душѣ солдатъ, и, кромѣ того, въ немъ масса самолюбія, что̀ рѣзко отличаетъ его отъ другихъ бродягъ.

— Мнѣ кажется, дѣла его плохи,—замѣтилъ Флетчеръ,—несмотря на то, что онъ звенѣлъ своими монетами. Я видѣлъ сегодня, какъ онъ бродилъ вокругъ театра, съ завистью посматривая на сидящихъ въ немъ: онъ, казалось, стоялъ и ждалъ, не подойдетъ ли кто нибудь изъ его друзей, чтобы заплатить за него за входъ. Я поз-

волилъ ему войти даромъ, вы бы видѣли, какъ онъ обрадовался этому позволенію.

— Я воображаю, навѣрное, лицо его сразу просвѣтлѣло,—сказалъ Шекспиръ: — вотъ если бы всѣ такъ легко поддавались различнымъ впечатлѣніямъ, какъ этотъ человѣкъ.

Гель улыбнулся при мысли, какъ ловко все же Боттль умѣетъ пользоваться обстоятельствами и скрывать отъ другихъ свои плохія денежныя дѣла.

Когда Гель положилъ назадъ въ карманъ свои послѣдніе три шиллинга, онъ вдругъ ощупалъ въ немъ что-то волосатое; поспѣшно выдернувъ руку, онъ увидѣлъ, что это--сѣдая борода, которую онъ надѣвалъ, когда игралъ престарѣлаго лорда. Онъ вспомнилъ, что случайно поднялъ ее съ пола, куда она какъ-то упала, и въ разсѣянности положилъ въ карманъ, торопясь уйти изъ театра. Посмотрѣвъ на бороду, онъ сунулъ ее обратно въ карманъ. Послѣ того какъ вино обошло три раза всѣхъ кругомъ, актеры встали и вышли изъ таверны, чтобы покинуть районъ театровъ и пивныхъ и отправиться въ городъ; они предпочли это сдѣлать пѣшкомъ, чѣмъ ѣхать на лодкахъ отъ самой таверны.

Они прошли цѣлый рядъ тавернъ, частныхъ домовъ, мимо дворца епископа Вестминстерскаго и наконецъ загнули въ улицу, носившую названіе «Длинная Южная дорога», потомъ повернули налѣво на Лондонскій мостъ и пошли черезъ него, при чемъ имъ пришлось кричать другъ другу, чтобы разслышать одному другого, настолько силенъ былъ шумъ воды. До гостиницы «Морской Дѣвы» было еще далеко, и поэтому Конделль предложилъ зайти еще куда нибудь по дорогѣ выпить бокалъ пива.

Войдя въ первую встрѣчную пивную, они вдругъ наткнулись на капитана Боттля, сидѣвшаго за столомъ. Визави ему сидѣлъ молодой человѣкъ въ свѣтлой атласной курткѣ, съ краснымъ бархатнымъ плащемъ и съ самымъ независимымъ и вызывающимъ видомъ. Оба они были заняты ѣдой и игрой въ кости въ одно и то же время.

— Послушай, старый негодяй, т.-е. хотѣлъ я сказать, ты, кажется, не можешь проглотить куска безъ того, чтобы не поиграть въ кости?

— Это—самая невинная игра, сэръ,—замѣтилъ Китъ, стараясь скрыть отъ своего товарища неудовольствіе, отразившееся на его лицѣ.—Вѣдь я играю безъ всякаго риска, проигрываю какихъ нибудь шесть пенсовъ не больше.

И онъ продолжалъ свою игру, ясно выражая этимъ, что вовсе не желаетъ, чтобы ему мѣшали.

— Да, это—вѣрно: капитанъ Боттль играетъ всегда безъ всякаго риска,—сказалъ Конделль.

— Это значитъ, что я какъ-то обыгралъ его,—конфиденціальнымъ шепотомъ замѣтилъ Боттль юношѣ, съ которымъ игралъ.—

Да, Конделль, я играю очень плохо, но все же обыгралъ васъ нѣсколько дней тому назадъ. Ну, ничего, скоро счастье вернется къ вамъ, и вы въ свою очередь опустошите мой карманъ,—и, обращаясь опять къ своему товарищу, онъ добавилъ:—подождите меня немного, я долженъ переговорить съ этими господами.

Китъ всталъ и, подойдя къ актерамъ, собралъ ихъ всѣхъ въ кружокъ и тихо сказалъ имъ:

— Послушайте, господа, не портите мнѣ, пожалуйста, игры. Къ чему лишать денегъ того, кто нуждается въ нихъ? Этотъ глупецъ вѣдь положительно утопаетъ въ мѣшкахъ съ золотомъ, онъ начиненъ имъ. Онъ живетъ гдѣ-то въ провинціи, гдѣ считается первымъ богачемъ и щеголемъ, и пріѣзжаетъ въ Лондонъ разъ въ годъ пожуировать и порастрясти здѣсь свой карманъ. Онъ раза два напьется до безчувствія и затѣмъ наскандалитъ въ тавернахъ, а потомъ возвращается къ себѣ въ провинцію и разсказываетъ цѣлый годъ о своихъ подвигахъ здѣсь. Если я не возьму его денегъ, другой возьметъ, можетъ быть, похуже меня: его обдерутъ, какъ липку, и пустятъ чуть не голымъ домой.

— Хорошо, мы предоставимъ его тебѣ всецѣло, Китъ,—сказалъ Шекспиръ:—дѣлай съ нимъ, что хочешь, мы не станемъ разсказывать ему о твоихъ продѣлкахъ. Пойдемте, господа. Эти напыщенные провинціальные дураки должны платиться за свою глупость. Китъ правъ, онъ могъ попасть въ худшія руки.

Актеры прошли въ другую комнату, только Гель остался позади и прошепталъ Киту на ухо:

— Я зналъ подобныхъ господъ еще до своего пріѣзда въ Лондонъ. Пощипли этого гуся, если сумѣешь пустить въ ходъ свои хитрости.

— Хитрости!—воскликнулъ Китъ,—къ чему употреблять это слово, придавая ему дурное значеніе? Вѣдь на войнѣ дозволяется прибѣгать къ хитростямъ? Вѣдь мы пользуемся тамъ всякимъ случаемъ, только бы повредить своему врагу? Игра—та же война, и поэтому всякія хитрости и предосторожности тамъ тоже позволительны. Да, къ тому же, если этотъ юноша съ своей стороны тоже пуститъ въ ходъ свои хитрости, вѣдь я не буду за это на него въ претензіи. Слѣдовательно, объ этомъ и говорить нечего.

Сказавъ это, Китъ, не упоминая о двухъ шиллингахъ, занятыхъ имъ у Геля, хотя онъ уже и успѣлъ выиграть ихъ немалое количество у провинціальнаго простака, вернулся къ своему партнеру, а Гель отправился въ другую комнату къ актерамъ.

Запахъ пирога и душистый ароматъ жареной рыбы такъ соблазнили всѣхъ проголодавшихся актеровъ, что они готовы были остаться въ этой тавернѣ, чтобы поужинать заразъ здѣсь, но Шекспиръ напомнилъ имъ, что Бурбеджъ ждетъ ихъ въ гостиницѣ «Морской Дѣвы». И поэтому, нѣсколько времени спустя, они пошли

опять дальше, значительно, однако, разгоряченные уже выпитымъ пивомъ, особенно Мерріотъ, который умудрился выпить больше, чѣмъ другіе. Онъ сталъ вдругъ сразу разговорчивъ и даже болтливъ. Онъ говорилъ о только что сыгранной пьесѣ, о своей роли въ ней и даже о прелестной дѣвушкѣ, которую онъ видѣлъ въ театрѣ, онъ такъ много говорилъ о ней, что она, какъ живая, представилась его умственному взору. Такъ они шли долго и наконецъ дошли до цѣли своего путешествія.

Актеры сразу прошли въ приготовленную уже для нихъ комнату, каминъ ярко топился, въ комнатѣ было тепло и свѣтло, посреди стоялъ большой дубовый столъ и вокругъ него нѣсколько креселъ, нѣсколько скамеекъ и стульевъ. Обои на стѣнахъ были еще новые, такъ какъ изображенныя на нихъ сцены изъ испанской Армады произошли только лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Пока актеры разсаживались по мѣстамъ, принесли еще зажженныхъ свѣчей, и Геминджъ отправился въ кухню, чтобы заказать ужинъ, не подходящій къ сезону (теперь была весна) и доступный только немногимъ избраннымъ. Онъ заказалъ почечную часть быка, каплуна, различные соуса и драченое съ яблоками, а для тѣхъ, кто не ѣлъ этого, немного рыбы. Актеры сильно проголодались послѣ представленія и вовсе не были расположены питаться исключительно рыбой, хотя это и былъ постный день. Хозяйка «Морской Дѣвы» смотрѣла на это сквозь пальцы и не видѣла ничего дурного въ томъ, что они поѣдятъ немного мясного. Послѣ своей утомительной и долгой прогулки по свѣжему воздуху, всѣ актеры единогласно потребовали грѣтаго хересу, и хозяинъ поспѣшилъ немедленно удовлетворить ихъ требованіе.

— Времена измѣнились,—замѣтилъ Шекспиръ, вѣшая свой плащъ, шляпу и короткую рапиру и садясь затѣмъ на стулъ съ довольнымъ видомъ, чтобы отдохнуть послѣ тяжелаго, утомительнаго дня.— Давно ли бывало насъ всегда ждала здѣсь компанія человѣкъ въ двѣнадцать, чтобы весело отужинать съ нами, когда мы возвращались послѣ представленій.

— Странно, что Ралей не показывается,—сказалъ Слай, стоя у камина и протягивая озябшія руки къ огню.

— Странно было бы, наоборотъ, если бы онъ рѣшился прійти сюда послѣ того, какъ онъ такъ ясно выразилъ свою радость при казни герцога.

Говорившій эти слова Флетчеръ намекалъ на то, что Ралей смотрѣлъ изъ окна Тоуэра на казнь своего соперника—герцога Эссекскаго.

— Но, во всякомъ случаѣ,—сказалъ Шекспиръ,—хотя Ралей и былъ во враждѣ съ герцогомъ, съ нами онъ былъ друженъ. Я увѣренъ, что онъ заступился за насъ при дворѣ въ инцидентѣ, который съ нами произошелъ теперь. Но въ то время, какъ одни наши

друзья томятся въ заключеніи, другіе держатся отъ насъ подальше. Что касается насъ, актеровъ, въ нашей средѣ тоже возникли разныя недоразумѣнія и препирательства, и актеры враждуютъ теперь съ писателями и наоборотъ.

— Ты, вѣроятно, вспомнилъ о томъ, какъ прежде бывало нашъ смуглый Бенъ сидѣлъ съ нами за этимъ столомъ?—спросилъ Слай.

— Да, и желалъ бы, чтобы онъ дѣйствительно сидѣлъ теперь съ нами. Онъ навѣрное сидитъ теперь въ тавернѣ «Злого Духа», тамъ ему нечего бояться конкурренціи съ твоимъ остроуміемъ, Виль.

— Да, нечего сказать, Бенъ Джонсонъ—дѣйствительно большой завистникъ,—воскликнулъ Лоренсъ Флетчеръ.—Я удивляюсь, Виль, что ты можешь еще вспоминать о немъ. Когда ты предложилъ ему сыграть его пьесу на нашемъ театрѣ, онъ поднялъ тебя на смѣхъ и осмѣялъ въ сатирѣ, разыгранной потомъ въ Блекфраерскомъ театрѣ. По-моему, плевать на него и его сатиры,—и, говоря это, Флетчеръ обратилъ все свое вниманіе на поданное ему жаркое.

— Нѣтъ,— возразилъ Шекспиръ,—его вообще не цѣнятъ по достоинству, и поэтому юморъ его принялъ горькій и обидный для другихъ характеръ—такъ киснетъ иногда вино въ открытой бутылкѣ, когда его никто не хочетъ пить.

— Во всякомъ случаѣ,—воскликнулъ Мерріотъ, который разгорячился еще болѣе отъ слишкомъ частаго употребленія горячаго, подсахареннаго хереса,—что касается меня, то я скорѣе согласился бы терпѣть всѣ муки ада, чѣмъ стать неблагодарнымъ по отношенію къ тебѣ, Шекспиръ.

— Ахъ, глупости, я не оказывалъ никакихъ благодѣяній ни тебѣ, ни Бену Джонсону.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ Мерріотъ, отрѣзывая своимъ перочиннымъ ножомъ кусокъ мяса и отправляя его въ ротъ (вилки стали употребляться, только десять лѣтъ спустя):—открыть дверь своего дома человѣку, котораго только что выбросили изъ пивной, накормить его, когда у него не было денегъ, дать ему пріютъ у себя, когда онъ не имѣлъ права даже разсчитывать на него,—по-твоему это не благодѣяніе?

— Неужели ты находился въ подобномъ состояніи, когда Шекспиръ принялъ тебя въ нашу компанію?—спросилъ съ удивленіемъ Флетчеръ.

— Да, если еще не въ худшемъ. Развѣ Шекспиръ никогда не говорилъ вамъ объ этомъ?

— Нѣтъ, онъ говорилъ только, что ты дворянинъ и хочешь сдѣлаться актеромъ. Разскажи намъ объ этомъ, пожалуйста.

— Да, конечно, разскажи, какъ это случилось,— воскликнули тоже Геминджъ и Конделль, а Слай прибавилъ:—Актеру сдѣлаться дворяниномъ на сценѣ немудрено, но дворянину сдѣлаться актеромъ—дѣло другое, этотъ вопросъ давно уже интересовалъ меня.

— Хорошо,—сказалъ Гель, очень довольный, что можетъ говорить теперь одинъ за всѣхъ,—я разскажу вамъ, какимъ образомъ дворянинъ можетъ сдѣлаться еще кое-кѣмъ похуже, чѣмъ актеромъ. Произошло это три года тому назадъ, когда я только что пріѣхалъ въ Лондонъ, было это въ 1598 г. Вы всѣ, вѣроятно, уже слышали отъ меня, какъ я потерялъ всѣ свои имѣнія, благодаря жестокости законовъ и моихъ родственниковъ. Когда мой кузенъ получилъ въ свои руки всѣ мои владѣнія, онъ былъ не прочь платить за меня, чтобы я могъ посѣщать одинъ изъ университетовъ, но я вовсе не желалъ сдѣлаться бѣднымъ ученымъ, такъ какъ дома я выросъ въ богатствѣ и довольствѣ, какъ и подобаетъ сыну дворянина. Я зналъ только по латыни, умѣлъ играть на лютнѣ, умѣлъ охотиться и прекрасно стрѣлялъ, а главнымъ образомъ упражнялся въ искусствѣ фехтованія. Какъ разъ въ то время, когда для завершенія моего образованія я долженъ былъ отправиться въ Италію, Германію и Францію, отецъ мой и мать умерли, и меня выгнали изъ моего родного дома, послѣ чего, конечно, я не перестаю проклинать неправедные суды и жестокихъ и коварныхъ родственниковъ. Я бросилъ моему кузену въ лицо деньги, которыя онъ предлагалъ мнѣ, и сказалъ, что скорѣе пусть меня повѣсятъ, какъ вора, чѣмъ я соглашусь хоть что либо принять отъ него. Все, чѣмъ я владѣлъ тогда,—были: моя лошадь, одежда, бывшая на мнѣ, рапира и кинжалъ, а также маленькій кошелекъ съ нѣсколькими кронами въ немъ. У меня во всемъ мірѣ тогда былъ только одинъ другъ, на котораго я могъ разсчитывать, и къ нему-то я отправился. Это былъ католикъ, отецъ котораго когда-то спасъ моего дѣда, протестанта, во времена королевы Маріи, и я поѣхалъ къ нему въ надеждѣ, что онъ не откажется оказать мнѣ услугу и пріютить меня. Хотя обыкновенно онъ жилъ въ Парижѣ, но на этотъ разъ онъ былъ у себя дома въ Гертфордширѣ, однако онъ ничего не могъ сдѣлать для меня, такъ какъ имѣніе его было разорено, и онъ самъ собирался перебраться въ тѣ страны, гдѣ католики могутъ считать себя въ безопасности. Онъ далъ мнѣ письмо къ лорду Эссекскому, который, какъ и мой отецъ, любилъ его, несмотря на то, что онъ былъ католикъ. Когда я прочелъ это письмо, я вообразилъ, что участь моя обезпечена. Я ѣхалъ въ Лондонъ съ самыми радужными надеждами, въ увѣренности, что скоро займу высокій постъ при помощи герцога. Въ день пріѣзда въ Лондонъ я такъ былъ пораженъ здѣшней роскошной жизнью, такъ увлекся всѣми удовольствіями, которыми здѣсь можно пользоваться, что раньше, чѣмъ я успѣлъ добраться до герцога, кошелекъ мой оказался пустъ, несмотря на то, что въ немъ лежали только что полученныя мною отъ продажи лошади деньги. Но я нисколько не безпокоился, я былъ увѣренъ, что герцогъ сразу возьметъ меня въ домъ, прочитавъ письмо своего друга. На слѣдующее утро,

когда я уже отправлялся въ замокъ герцога, меня остановилъ какой-то малый въ тавернѣ и спросилъ, слышалъ ли я послѣднія новости. На мой отрицательный отвѣтъ онъ разсказалъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Герцогъ наканунѣ поссорился съ королевой, повернулся къ ней спиной и положилъ руку на эфесъ своей шпаги, впрочемъ вы вѣдь знаете это все, господа.

— Да,—отвѣтилъ Слай,—королева за это отодрала его за уши, споръ произошелъ изъ-за вопроса касательно Ирландіи.

— Герцогъ впалъ въ немилость,—продолжалъ Гель,—его готовы были обвинить въ государственной измѣнѣ. Я такъ мало смыслилъ въ придворныхъ дѣлахъ, что рѣшилъ, что мое письмо можетъ только вовлечь меня въ непріятности, и поэтому я сжегъ его тутъ же въ тавернѣ и сталъ раздумывать, что мнѣ дѣлать. Я поселился въ дешевыхъ номерахъ, заложилъ свое оружіе, потомъ мой плащъ, наконецъ и остальное платье, купивъ себѣ на время какіе-то обноски на рынкѣ. Я рѣшилъ скорѣе умереть на улицѣ, чѣмъ отправиться опять въ Оксфордширъ къ моему кузену, и дѣйствительно конецъ мой, казалось, былъ уже близокъ; однажды хозяинъ потребовалъ отъ меня денегъ за квартиру, я былъ пьянъ и выругалъ его, а онъ взялъ и вышвырнулъ меня на улицу, хорошенько поколотивъ предварительно. Я былъ такъ разбитъ, что едва двигался, но все же потащился дальше, пока не упалъ гдѣ-то безъ силъ, и тогда-то Шекспиръ, возвращаясь поздно ночью изъ таверны, наткнулся на меня, такъ какъ я лежалъ посреди дороги. Я не знаю, что побудило его остановиться и внимательно осмотрѣть меня. Но, во всякомъ случаѣ, онъ не только осмотрѣлъ меня всего, но и повелъ къ себѣ на квартиру, а затѣмъ предложилъ мнѣ поступить въ его труппу, отъ чего, конечно, я не могъ отказаться, такъ какъ иначе долженъ былъ умереть отъ голода на улицѣ. Нечего и говорить о томъ, какъ я былъ ему благодаренъ за это предложеніе.

— По стонамъ, которые ты испускалъ, я сразу догадался, что ты—не простой бродяга,—замѣтилъ Шекспиръ.

Поздно вечеромъ въ «Морскую Дѣву» пришелъ и Бурбеджъ, ѣсть онъ не хотѣлъ, такъ какъ поужиналъ уже въ другомъ мѣстѣ, но выпить онъ согласился съ радостью. Вся комната теперь была наполнена табачнымъ дымомъ, такъ какъ почти всѣ актеры закурили свои трубки. Шекспиръ не курилъ.

Разговоръ перешелъ какъ-то на новую пьесу, и Геминджъ сказалъ, обращаясь къ Шекспиру:

— Вѣдь этотъ принцъ Гамлетъ жилъ, кажется, двѣсти лѣтъ тому назадъ? Теперь онъ возродился къ новой жизни, благодаря намъ, не правда ли, Шекспиръ?

— Да, многіе покойные короли или герои обязаны своимъ возрожденіемъ намъ, несчастнымъ писателямъ и актерамъ.

— А, между тѣмъ, мы, несчастные актеры, воскрешающіе мерт-

выхъ, сами забываемся первыми. Кто еще будетъ помнить наши имена черезъ триста лѣтъ?

— Почему же нѣтъ?—замѣтилъ Конделль:—вѣдь, если наши имена будутъ напечатаны въ книгахъ, содержащихъ пьесы, которыя мы играли, то наши имена точно также сохранятся для потомства.

— Ну, въ такихъ книгахъ, которыя печатаются теперь, врядъ ли долго сохранятся наши имена,—сказалъ Слай, самъ иногда писавшій пьесы.

— Я съ своей стороны вовсе не желалъ бы, чтобы пьесы, которыя я написалъ, существовали слишкомъ долго,—сказалъ Шекспиръ.

— Но подумай, Шекспиръ, вѣдь, если бы кто нибудь взялся напечатать всѣ пьесы, написанныя тобою, и въ началѣ книги выставилъ бы наши имена, т.-е. имена актеровъ, исполнявшихъ эти пьесы, вѣдь въ такомъ случаѣ и мы сдѣлались бы небезызвѣстными потомству?

Шекспиръ отвѣтилъ на это:

— Жалкая участь предстояла бы моимъ пьесамъ и вашимъ именамъ, напечатаннымъ во главѣ ихъ: толстые запыленные фоліанты лежали бы гдѣ нибудь въ пыли въ лавкѣ, гдѣ никто не сталъ бы покупать ихъ.

— А я съ своей стороны увѣренъ въ томъ,—замѣтилъ вдругъ Геминджъ,—что твои книги никогда бы не заваляпись въ пыли, Шекспиръ, ихъ стали бы читать всегда.

— Да, весьма возможно, что онѣ не лежали бы въ пыли, такъ какъ ихъ употребили бы, какъ оберточную бумагу,—смѣясь отвѣтилъ Шекспиръ.—Дикъ говорилъ, что книги могутъ сохраняться въ продолженіе трехсотъ лѣтъ, это вѣрно, такъ какъ весьма древнія книги сохранились до нашихъ дней, но такъ какъ каждый вѣкъ даетъ своихъ писателей, болѣе умныхъ и интересныхъ, чѣмъ предыдущіе, то кто же станетъ читать, скажемъ, въ 1900 г., напримѣръ, сочиненія какого-то Вильяма Шекспира, его пьесы или, напримѣръ, его поэмы, которыя онъ обработалъ, однако, болѣе старательно, даже чѣмъ пьесы.

— Конечно, странно было бы,—замѣтилъ Бурбеджъ,—если бы, напримѣръ, актера помнили только потому, что онъ игралъ когда-то тѣ или другія пьесы.

Онъ хотѣлъ прибавить, но потомъ подумалъ только про себя: вѣрнѣе, что пьесы Шекспира будутъ помнить скорѣе потому, что въ нихъ нѣкогда участвовалъ такой знаменитый актеръ, какъ Бурбеджъ.

— Почему ты такъ молчаливъ, Гель Мерріотъ? — замѣтилъ Шекспиръ, обращаясь къ своему юному другу и стараясь перемѣнить разговоръ:—ты смотришь на облако дыма отъ своей трубки, будто наблюдаешь въ немъ какія-то особенныя видѣнія?

— Да, конечно, я вижу въ немъ чудное видѣніе, — оживленно

заговорилъ Мерріотъ, очень довольный тѣмъ, что наконецъ-то онъ можетъ высказаться. — Я жалѣю, что не обладаю твоимъ поэтическимъ талантомъ, иначе я описалъ бы его въ стихахъ. Боже мой, какое лицо, глаза ея прожгли мою душу, купидонъ сыгралъ со мной плохую штуку.

— Ты развѣ успѣлъ влюбиться со вчерашняго дня?—спросилъ Шекспиръ.

— Я влюбился сегодня въ четыре часа дня, — отвѣтилъ Гель.

— Но въ такомъ случаѣ ты могъ видѣть ее только издали?

— Увидѣть ее это значило влюбиться въ нее. Выпейте со мной за ея здоровье, господа, и за мою любовь.

— Если хочешь, мы выпьемъ даже за ея носъ, за ротъ, за щеки,—сказалъ Слай, приводя въ исполненіе свои слова.

— Не воображай, что это—любовь, юноша, — сказалъ Флетчеръ:—любовь зарождается не такъ быстро.

— Нѣтъ, это можетъ быть и любовь,—замѣтилъ Шекспиръ.— Любовь похожа на пламя, одна искра, и огонь вспыхнетъ совершенно неожиданно. Если дѣло ограничится только этой искрой, то, конечно, огонь скоро потухнетъ, но, если получится новый матеріалъ топлива, новыя встрѣчи и взгляды, то пламя разростется и превратится въ божественный огонь, согрѣвающій сердце и душу. Если топлива окажется черезчуръ много или слишкомъ мало, или поднимается противоположный вѣтеръ, то, конечно, пламя это погаснетъ. Искра воспламенила нашего Геля, но будетъ ли горѣть пламя его любви, или нѣтъ, это уже покажетъ будущее.

Гель объявилъ, что если возможно погасить огонь въ его груди, то только при помощи вина; всѣ друзья его согласились съ этимъ и потребовали другой боченокъ вина. Гель пилъ больше всѣхъ, но чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ яснѣе представлялась она его очамъ, ему казалось, что она незримо присутствуетъ тутъ же, и онъ говорилъ все, услаждая себя мечтой, что она слышитъ каждое сказанное имъ слово.

Онъ не успѣлъ оглянуться, какъ уже актеры заговорили о томъ, что пора и по домамъ; за большинствомъ изъ присутствующихъ пришли уже слуги, такъ какъ въ тѣ времена необходимъ былъ надежный эскортъ, чтобы безопасно ходить по улицамъ Лондона въ такой сравнительно поздній часъ. Но Гель, жившій въ одномъ домѣ съ Шекспиромъ, вовсе не былъ еще расположенъ итти спать. Шекспиръ, хорошо знавшій, что юноша сумѣетъ въ случаѣ нужды постоять за себя, не препятствовалъ его желанію еще пображничать и тоже ушелъ домой; остались только Мерріотъ и Слай, который былъ еще не прочь выпить бутылочку, другую. Но, наконецъ, и Слай рѣшилъ, что пора итти спать; такъ какъ онъ едва уже держался на ногахъ, Гель проводилъ его до дверей дома, гдѣ онъ жилъ, и затѣмъ, когда другъ его исчезъ,

онъ остался совершенно одинъ среди пустынной узкой улицы, обдумывая, гдѣ бы найти себѣ компаньоновъ, чтобы весело провести остатокъ ночи.

Спать ему еще не хотѣлось, а между тѣмъ въ карманѣ его не было теперь ни одного пенни, такъ какъ остававшіеся у него три шиллинга онъ уже давно спустилъ въ «Морской Дѣвѣ»; оставалось теперь искать таверну, гдѣ бы ему повѣрили въ долгъ; къ сожалѣнію, таковыхъ было очень немного, и поэтому онъ отправился наобумъ искать счастья.

Покачиваясь и шатаясь, онъ прошелъ такимъ образомъ нѣсколько улицъ, не обращая вниманія, куда идетъ, и только загибая за уголъ, когда доходилъ до конца улицы. Онъ шелъ медленно, не торопясь и вдругъ услышалъ за собой быстрые шаги, очевидно, догонявшіе его; онъ также быстро спрятался за выступъ стѣны и приготовилъ свой кинжалъ и рапиру. Изъ темноты вынырнули два подозрительныхъ оборванца, внимательно осмотрѣли его при свѣтѣ фонаря и, очевидно рѣшивъ, что на него не стоитъ тратить времени, прошли куда-то дальше.

Гель пошелъ уже дальше, тщетно поглядывая, не увидитъ ли онъ гдѣ нибудь въ тавернахъ свѣтъ; вездѣ, однако, было уже темно, и онъ напрасно стучалъ въ знакомыя ему двери, никто не отворялъ ему. Наконецъ онъ дошелъ такимъ образомъ до таверны «Дьявола», гдѣ иногда засиживался до поздней ночи Бенъ Джонсонъ, тоже любившій бродить по ночамъ. При мысли объ этомъ человѣкѣ Гелю вдругъ страстно захотѣлось очутиться въ его обществѣ, онъ забылъ даже про его злыя эпиграммы и сатиры, направленныя на его благодѣтеля—Шекспира.

Долго стучалъ онъ въ дверь таверны, и наконецъ слуга открылъ ее. Отъ него онъ узналъ, что Джонсонъ дѣйствительно наверху, и послалъ сказать ему, что желаетъ его видѣть. Нѣсколько минутъ спустя, его впустили въ таверну и провели въ комнату, гдѣ сидѣлъ самъ Джонсонъ, огромнаго размѣра, некрасивый человѣкъ. Онъ сидѣлъ въ большомъ креслѣ по одну сторону четырехугольнаго стола и разговаривалъ съ группой господъ въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ и въ разныхъ стадіяхъ опьянѣнія отъ выпитаго вина. Онъ поздоровался съ Гелемъ довольно привѣтливо, хотя и отеческимъ тономъ, указалъ ему на стулъ рядомъ съ собой и спросилъ, какъ поживаетъ Шекспиръ. Несмотря на соперничество на литературномъ поприщѣ, оба эти человѣка были связаны самой тѣсной дружбой и глубоко уважали другъ друга. Появленіе Геля сразу заставило перейти разговоръ на сегодняшнее представленіе «Гамлета», которое видѣли многіе изъ присутствующихъ.

Одинъ изъ молодыхъ людей, выпившихъ больше, чѣмъ слѣдовало, сталъ насмѣшливо отзываться объ этой пьесѣ. Гель горячо

принялся возражать ему. Оба вытащили свои рапиры, и такъ какъ ихъ раздѣлялъ столъ, Гель вскочилъ на него, чтобы скорѣе добраться до своего противника. И только быстрое вмѣшательство Джонсона, тоже вскочившаго на столъ и вставшаго между двумя противниками, остановило кровопролитіе. Но такъ какъ за молодого человѣка вступилось большинство присутствующихъ, и въ комнатѣ поднялся такой шумъ, что прибѣжалъ самъ хозяинъ, рѣшено было выпроводить Мерріота изъ таверны. Нѣсколько минутъ спустя, онъ очутился опять одинъ въ темнотѣ, на улицѣ.

Тутъ только онъ замѣтилъ, что съ нимъ нѣтъ его рапиры, ее вырвали у него въ пылу борьбы, вызванной его удаленіемъ. Желая, во что бы то ни стало, вернуть свою рапиру, онъ принялся изо всѣхъ силъ стучать рукояткой своего кинжала въ дверь и кричать во все горло, чтобы ему возвратили его оружіе, но на крики его никто не обращалъ вниманія, и дверь оставалась закрытой. Страшно обозленный, онъ бросился бѣжать по улицамъ, въ надеждѣ найти какую нибудь шайку воровъ или бродягъ, которые помогли бы ему взломать двери таверны. Но вино, выпитое имъ въ этотъ вечеръ, оказало свое дѣйствіе теперь, и поэтому, когда онъ вдругъ съ разбѣгу наскочилъ на какого-то человѣка на улицѣ, онъ былъ такъ ошеломленъ этимъ, что даже забылъ, зачѣмъ и куда онъ бѣжалъ.

— Что за чортъ!—крикнулъ ему встрѣчный и потомъ, перемѣнивъ вдругъ тонъ, воскликнулъ: — какъ, это ты, Мерріотъ! вотъ пріятная встрѣча, возьми свои два шиллинга и никогда не смѣй говорить, что Китъ Боттль не платитъ своихъ долговъ. Я только что проводилъ своего юнаго друга до его квартиры, это лучшее, что я могъ сдѣлать для него. Но что ты дѣлаешь тутъ, Мерріотъ? Пойдемъ-ка лучше со мной въ улицу Тернбуль, тамъ есть одинъ домикъ, гдѣ всегда радостно привѣтствуютъ Кита Боттля. Послѣднее время, правда, я впалъ тамъ въ немилость, но въ настоящее время въ карманахъ у меня опять звенятъ деньги, и насъ примутъ съ распростертыми объятіями.

Обрадованный этой неожиданной встрѣчей Мерріотъ взялъ подъ руку капитана и отправился съ нимъ въ улицу Тернбуль. Китъ постучалъ въ дверь одного изъ домовъ нѣсколькоразъ, прежде чѣмъ отозвались на его стукъ. Наконецъ, во второмъ этажѣ открылось окно, и хриплый женскій голосъ спросилъ, кто тамъ стучитъ.

— Неужели ты не видишь по моему красному носу, что это Китъ Боттль?—отвѣтилъ капитанъ.

Женщина крикнула ему, чтобы онъ подождалъ минутку, и исчезла изъ окна.

— Вотъ видишь, юноша, — прошепталъ Китъ, — для меня открыты двери даже и въ самый поздній часъ ночи. По правдѣ говоря, я немного боялся, что меня встрѣтятъ не особенно ласково

здѣсь, но, повидимому, старые счеты забыты, и мы превесело проведемъ здѣсь время.

Вдругъ раздался плескъ воды, къ ногамъ обоихъ мужчинъ вылилась цѣлая лужа помоевъ, въ окнѣ показались на минуту двѣ поднятыя руки и ушатъ; затѣмъ все это скрылось, и окно захлопнулось.

Боттль произнесъ проклятіе и спросилъ Геля:

— Что, тебѣ попало на платье?

— Чуть было не попало,—отвѣтилъ Гель улыбаясь:—вотъ какъ тебя встрѣчаютъ радостно, Боттль!

Китъ страшно разсердился и принялся стучать въ дверь дома, осыпая ругательствами живущихъ въ немъ. Гель сталъ дѣятельно помогать ему. Въ скоромъ времени послышались крики: воры, помогите, защитите! и вся улица оживилась. Увидѣвъ, въ чемъ дѣло, всѣ эти люди бросились на Боттля и его товарища и принялись тузить ихъ.

Вдругъ раздался крикъ: полиція! Гель, какъ-то хорошо познакомившійся однажды вечеромъ съ полиціей за драку на улицѣ, предпочелъ теперь обратиться въ бѣгство. Спасайся! — крикнулъ онъ своему товарищу и бросился бѣжать, сломя голову. Боттль, повидимому, бѣжалъ за нимъ, такъ какъ онъ не переставалъ слышать его голосъ, кричавшій какія-то ругательства.

Гель бѣжалъ довольно долго и вдругъ остановился, такъ какъ замѣтилъ, что онъ совершенно одинъ на улицѣ; онъ повернулъ назадъ, но нигдѣ не могъ найти Кита. Тогда онъ опять пошелъ дальше, куда глаза глядятъ, все еще подыскивая себѣ компанію, чтобы выпить, и вдругъ увидѣлъ вдали огонекъ: это была небольшая пивная, которая открывалась рано утромъ; онъ вошелъ въ нее и приказалъ подать себѣ вина.

Хозяинъ, знавшій его, удивился, увидѣвъ, что на немъ нѣтъ ни шляпы, ни пиджака; онъ предложилъ ему простую шапчонку и куртку рабочаго, такъ какъ было очень холодно, и онъ могъ легко простудиться въ своемъ легкомъ костюмѣ. Гель совершенно пассивно позволилъ надѣть на себя куртку и нахлобучить шапчонку, онъ съ удовольствіемъ пилъ свое вино и только сожалѣлъ о томъ, что нѣтъ подходящей компаніи; всѣ ночные посѣтители давно разошлись по домамъ, и могли явиться сюда только ранніе утренніе гости. Въ эту минуту въ пивную вошло нѣсколько человѣкъ рабочихъ, одѣтыхъ въ простыя блузы, съ инструментами за плечами; это были, повидимому, плотники; они спросили себѣ пива и велѣли подавать его скорѣе, такъ какъ торопились на работу, но Гелю понравилось ихъ общество, и, не желая такъ скоро отпускать ихъ, онъ предложилъ имъ выпить на его счетъ, такъ какъ въ карманѣ у него были деньги, возвращенныя ему Боттлемъ. Когда наконецъ они опять собрались итти дальше, Гелю

стало такъ жаль разставаться съ ними, что онъ пошелъ за ними и все время уговаривалъ ихъ зайти еще куда нибудь выпить по стаканчику пива, но они, весело перемигиваясь между собою, увѣряли его, что выпьютъ всѣ вмѣстѣ, когда дойдутъ до цѣли своего путешествія. Они повели его, бережно поддерживая съ двухъ сторонъ, и хотя онъ былъ почти мертвецки пьянъ, онъ все же замѣтилъ, что шли они очень долго, пока наконецъ не пришли къ какимъ-то огромнымъ воротамъ, гдѣ ихъ спросилъ о чемъ-то, повидимому, какой-то сторожъ; затѣмъ они прошли дальше и очутились въ саду. Тутъ плотники вдругъ остановились и стали совѣщаться между собою. Они теперь испугались, что привели съ собой чужого человѣка, выдавъ его тоже за рабочаго, и рѣшили поскорѣе отдѣлаться отъ него, чтобы снять съ себя всякую отвѣтственность. Они бережно опустили его на траву подъ кустикъ и быстро удалились въ противоположную сторону, а онъ, очутившись на мягкой травѣ, сейчасъ же заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Когда онъ проснулся нѣсколько часовъ позже, не имѣя понятія о томъ, въ чьемъ саду онъ находится и какъ попалъ сюда, онъ увидѣлъ вдругъ прямо надъ собой довольно пожилую даму, стройную и высокую, съ бѣлокурыми волосами, съ блѣднымъ лицомъ, съ темными глазами и темными бровями, она смотрѣла на него съ видимымъ удивленіемъ. Одѣта она была чрезвычайно богато, въ бѣлое бархатное платье, съ узкой тальей и широкой юбкой, на плечахъ ея былъ накинутъ небольшой плащъ, вытканный золотомъ и опушенный горностаемъ, на головѣ ея виднѣлась остроконечная узкая бархатная шляпа. Гель смотрѣлъ на нее и съ удивленіемъ спрашивалъ себя, гдѣ онъ видалъ ее раньше.

— Мадамъ,—сказалъ онъ хриплымъ голосомъ,—извините меня, я, кажется, попалъ нечаянно въ вашъ садъ. Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ я?

Дама внимательно посмотрѣла ему прямо въ лицо, потомъ просто отвѣтила:

— Вы въ саду Уайтгольскаго дворца. Кто вы такой?

Гель подавилъ крикъ удивленія, готовый вырваться у него; теперь онъ понялъ, гдѣ онъ видалъ раньше эту даму. Онъ видѣлъ ее на представленіи, которое давалось при дворѣ на Рождествѣ. Онъ упалъ на колѣни прямо къ ея маленькимъ ногамъ, обутымъ въ кожаные башмачки, украшенные лентами.

— Я—самый вѣрный и самый почтительный слуга вашего величества,—отвѣтилъ онъ.

— Но что же вы тутъ дѣлаете, чортъ васъ возьми?—спросила его королева Елисавета.

III.

Королева и женщина.

Хотя королева Елисавета очень часто посылала къ чорту своихъ дамъ и любимыхъ придворныхъ, она, однако, никогда не обращалась такъ съ посторонними, какъ въ настоящую минуту съ Гелемъ. Побудило ее къ этому не удивленіе ея при видѣ юноши, заснувшаго въ ея саду въ курткѣ рабочаго и шелковыхъ штанахъ, которые носились только людьми изъ общества, точно такъ же, какъ и бархатный жилетъ. Она не боялась также, что это будетъ второй капитанъ Томасъ Лей, котораго нашли какъ-то притаившимся во дворцѣ около дверей ея спальни, дня два послѣ раскрытія заговора герцога Эссекскаго, и котораго тогда сейчасъ же и казнили. Если бы, при видѣ спящаго юноши, королевѣ пришла мысль, что этотъ человѣкъ, притаившійся здѣсь, убійца, она поступила бы, конечно въ данномъ случаѣ такъ же, какъ и тогда, когда, во время Бебингтонскаго заговора, она вдругъ наткнулась въ саду на одного изъ спрятавшихся тамъ заговорщиковъ, и такъ какъ вблизи не было стражи, сумѣла только однимъ своимъ взглядомъ обратить его въ бѣгство. Капитанъ ея стражи никогда въ жизни не могъ впослѣдствіи забыть того выговора, который онъ получилъ отъ нея вслѣдствіе подобной его небрежности. Въ данномъ случаѣ она была виновата во всемъ сама, такъ какъ капризнымъ тономъ приказала своей свитѣ, состоявшей изъ ея придворныхъ дамъ, пажей и стражи, остаться дальше въ паркѣ и сама отправилась сюда искать уединенія. Всѣ эти люди стояли не очень далеко, они не могли видѣть ее, но по первому ея призыву готовы были ринуться ей на помощь. Она искала уединенія и разсердилась при видѣ юноши, помѣшавшаго ей въ этомъ.

— Да, чортъ возьми, что ему здѣсь было нужно?—спросилъ себя невольно и Гель, безпомощно озираясь по сторонамъ.—Я не знаю, какъ я попалъ сюда,—заговорилъ онъ нерѣшительно,—но со мною нерѣдко случается, ваше величество, что я просыпаюсь въ такомъ мѣстѣ, куда вовсе не стремился попасть: дѣло въ томъ, что я выпилъ вчера черезчуръ много.

Онъ поднесъ невольно руку къ головѣ, какъ бы подтверждая этимъ свои слова, и затѣмъ съ такимъ неподдѣльнымъ изумленіемъ взглянулъ на свою рабочую куртку, что королева не могла не повѣрить его искренности.

— Какъ васъ зовутъ?—спросила королева, которая, повидимому, имѣла особыя причины разспрашивать этого юношу сама, вмѣсто того, чтобы сейчасъ же приказать арестовать его или отдать подъ стражу.

— Гарри Мерріотъ, ваше величество, придворный актеръ, но по рожденію дворянинъ.

Елисавета сначала какъ будто нахмурилась слыша, что имѣетъ дѣло съ актеромъ, но потомъ вдругъ улыбнулась, въ душу ея, повидимому, закралась какая-то свѣтлая и пріятная мысль.

— Но, вѣдь, если вы актеръ,—сказала она,—вы, навѣрно, на сторонѣ тѣхъ несчастныхъ, которые участвовали въ заговорѣ противъ меня?—спросила она, внимательно глядя ему въ глаза.

— Я никогда не былъ сторонникомъ ихъ измѣны, ваше величество, клянусь въ этомъ.

— Но лично вы расположены къ нимъ?

— Нѣкоторые изъ нихъ были намъ очень близки, и мы отъ души желали бы, чтобы они были оправданы, насколько это совмѣстимо съ преданностью вашему величеству и съ счастіемъ и благосостояніемъ Англіи. Что касается меня, я готовъ пожертвовать жизнью, чтобы доказать вашему величеству, насколько я преданъ престолу и моей высокой повелительницѣ.

Гель говорилъ совершенно свободно, нисколько не смущаясь, такъ какъ королева держала себя тоже крайне просто и говорила совершенно спокойно, какъ съ равнымъ себѣ.

— Можетъ быть,—сказала она полушутя, полусерьезно,—вамъ придется на дѣлѣ доказать свою преданность мнѣ и въ то же время оказать услугу одному изъ вашихъ друзей. Если бы я могла довѣриться вамъ, впрочемъ, нѣтъ, ваше присутствіе здѣсь должно быть прежде объяснено, какъ слѣдуетъ. Постарайтесь напрячь свою память и вспомните, какимъ образомъ вы попали сюда. Это тѣмъ болѣе необходимо, что вамъ, вѣроятно, извѣстно, какая участь ждетъ тѣхъ людей, которые вдругъ совершенно неожиданно появляются по близости отъ королевскихъ покоевъ.

Гель испугался, холодъ закрался въ его душу.

— Если ваше величество хоть на секунду можете сомнѣваться въ томъ, что сердце дворянина принадлежитъ вамъ не всецѣло, умоляю васъ позвать стражу, и пусть возьмутъ меня.

— Нѣтъ, — отвѣтила Елисавета, тронутая его словами и повѣрившая въ его искренность, — я говорила это не потому, что я такъ думаю, но потому, что другіе могли бы это думать. Теперь, когда мнѣ кажется, что я поняла васъ, я рѣшила дать вамъ порученіе, которое можетъ исполнить только такой человѣкъ, какъ вы, т.-е. человѣкъ, никому неизвѣстный при дворѣ и могущій исполнить мое порученіе такъ, что никто не заподозритъ, что оно исходитъ отъ меня. Я какъ разъ думала о томъ, гдѣ бы мнѣ найти такого человѣка, когда я увидѣла васъ, и мое расположеніе духа было не особенно блестяще, какъ вы уже имѣли случай убѣдиться.

— Служить вашему величеству — величайшее для меня сча-

стіе,—живо замѣтилъ Гель, и дѣйствительно онъ испытывалъ чувство глубокой преданности къ королевѣ, какъ и вся остальная молодежь въ Англіи.

— Но все же вы мнѣ не объяснили, какъ вы попали въ мой садъ,—сказала королева.

— Я помню, что произошла ссора въ одной изъ таверенъ, гдѣ я былъ,—сказалъ Гель задумчиво, стараясь припомнить всѣ перипетіи прошедшей ночи.—Затѣмъ я очутился одинъ на улицѣ съ капитаномъ Боттлемъ, тутъ произошелъ какой-то прискорбный случай, и затѣмъ я, кажется, заблудился и остался на улицѣ совершенно одинъ. Потомъ, я помню, я шелъ, поддерживаемый кѣмъ-то съ двухъ сторонъ, и вдругъ я, кажется, упалъ и потерялъ всякое сознаніе. Что было дальше, не помню, впрочемъ нѣтъ, почему-то мнѣ кажется, что вотъ тотъ плотникъ на томъ концѣ сада какимъ-то образомъ замѣшанъ въ происшествіяхъ этой ночи.

Плотникъ дѣйствительно въ эту минуту показался въ концѣ аллеи, гдѣ стоялъ Мерріотъ съ королевой; онъ намѣревался приступить къ исправленію рѣшетки вокругъ одного изъ боскетовъ.

Королева, которая, когда надо, могла быть самой церемонной изъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ, теперь прямо приступила къ дѣлу: она слегка кашлянула и этимъ обратила на себя вниманіе рабочаго, онъ посмотрѣлъ на нее и упалъ на колѣни, узнавъ королеву. Та поманила его къ себѣ, онъ подползъ на колѣняхъ и продолжалъ стоять такъ, пока королева не обратилась къ нему. Гель стоялъ тоже на колѣняхъ, такъ какъ обыкновенно королева требовала, чтобы говорящіе съ ней находились въ колѣнопреклоненномъ положеніи.

— Вы знаете этого молодого человѣка?—спросила Елисавета такимъ спокойнымъ тономъ, что невольно и плотникъ слегка ободрился и разсказалъ дрожащимъ голосомъ, какъ они пошутили съ товарищами и провели этого господина въ садъ, а затѣмъ испугались сами того, что надѣлали, и бросили его соннаго подъ кустомъ. Несчастный сталъ жалобно молить королеву простить его и не губить его ради жены и восьми человѣкъ дѣтей, которыя у него были.

— Однако хороши у меня сторожа и стража вообще,—замѣтила королева, обращаясь къ Гелю:—вѣдь, несмотря на вашу куртку, сразу видно, что вы не—рабочій. Но, впрочемъ, можетъ быть, все это къ лучшему,—и, обращаясь къ рабочему, она строго сдѣлала ему выговоръ за неумѣстную шутку и, успокоивъ его обѣщаніемъ, что проститъ его, если онъ сумѣетъ молчать обо всемъ происшедшемъ, она велѣла ему вернуться къ своей работѣ и снова обратилась къ Мерріоту со словами:—мнѣ кажется, что вы посланы мнѣ самимъ небомъ, такъ

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ"

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.).

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ безплатно, за пересылку въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ІЮЛѢ 1906 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 7-й.

I. Богословіе.

Аквилоновъ, Е., протоіерей. «Не убій» по современному толкованію и по библейскому ученію. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Булгаковъ, С. Н. Религія человѣкобожества у Л. Фейербаха. М. 1906. Ц. 30 к.

Голубинскій, Е. Археологическій атласъ ко второй половинѣ 1-го тома исторія русской церкви. М. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Записки петербургскихъ религіозно-философскихъ собраній (1902—1903 гг.). Спб. 1906. Ц. 4 рубля.

Запрудскій, К. Вселенскій соборъ. (Историко-каноническій этюдъ). М. 1906. Ц. 40 к.

Ренанъ, Эрнестъ. Апостолы. Продолженіе книги «Жизнь Іисуса». Переводъ Ѳ. Н. Латернера. Спб. 1907. Ц. 85 к.

Сырку, П. А. Карансебешскій октоихъ второй половины XIII вѣка. Тексты, описаніе рукописей и снимки. Съ предисловіевъ А. И. Яцимирскаго. Спб. 1906. Ц. 75 к.

То же, съ приложеніемъ 3-хъ фототипическихъ таблицъ. Ц. 1 р.

Толстой, Л. Н. I) Жизнь и ученіе Іисуса. II) Какъ читать Евангеліе? Спб. 1906. Ц. 7 к.

— «Не убій». Спб. 1906. Ц. 5 к.

Чамберлэнъ, Гаустонъ Стюартъ. Явленіе Христа. Религія опыты. — Будда и Христосъ. — Галилеяне. — Религія. — Христосъ — не еврей. — Отношеніе еврейства къ Христу. — Воля у евреевъ. — Величіе Христа.—Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1906. Ц. 50 к.

II. Философія, психологія, логика.

Геккель, Э., проф. Міровыя загадки. Общедоступные очерки монистической философіи. Съ послѣсловіемъ «Исповѣданіе чистаго разума». Приложенія: портретъ и автографъ автора и статья проф. А. Ланга: Эрнстъ Геккель, какъ человѣкъ и ученый. Переводъ съ нѣмецк. Ѳ. Капелюша. Біологическая часть книги редактирована прив.-доц. А. Генкелемъ. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Грейлихъ, Г. О матеріалистическомъ пониманіи исторіи. Перев. съ нѣмецк. А. Р. Одесса. 1906. Ц. 7 к.

Толстой Л. Н. «Единое на потребу». Спб. 1906. Ц. 8 к.

III. Словесность.

Беме, М. Дневникъ падшей. Перев. съ нѣмецк. Кіевъ. 1906. Ц. 75 к.

Брандесъ, Георгъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Скандинавская литература. Ч. I. Норвежскіе писатели. Переводъ съ датскаго М. В. Лучицкой. Изд. 2-е. Спб. Ц. 75 к.

Веревкинъ, Н. Въ нейтральныхъ портахъ. Харбинъ. 1906. Ц. 30 к.

— «Среди побѣдителей». Харбинъ. 1906. Ц. 30 к.

Гейеръ, Б. Элегія и др. разсказы. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Денисюкъ, Н. Критическая литература о произведеніяхъ А. Н. Островскаго съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Вып. II (1860—1867 гг.). М. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Достоевскій, Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій, т. 11-й. Дневникъ писателя за 1877, 1880—1881 гг. Спб. 1906. Ц. по подпискѣ на 12 т. 10 р.

Дымовъ, Осипъ. Каинъ. Драма въ 3 дѣйств. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Дымовъ, Осипъ. Погромъ. Спб. Ц. 8 к.

Жуковскій, В. А. Полное собраніе сочиненій въ 3-хъ томахъ. Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями проф. А. С. Архангельскаго, съ портретомъ В. А. Жуковскаго, гравированнымъ на стали. Спб. 1906. Ц. за 3 т. 3 р.

Засодимскій, П. В. (Вологдинъ). Хроника села Смурина. (Изъ жизни русскаго крестьянина). Спб. 1906. Ц. 35 к.

Золя, Эмиль. Лурдъ, ром. М. Ц. 50 к.

Ибсенъ, Генрикъ. Маленькій Эйольфъ. Три дѣйствія. Переводъ Н. Ф. С. Спб. 1906. Ц. 20 к.

К. Н. С. «Ласки». Стихотворенія. 1906. Ц. 20 к.

Кайзерманъ, Гр. Басни косаря. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Курсинскій, А. Сквозь призму души: 1) Стихи. 2) Разсказы. 3) Переводы. М. 1906. Ц. 1 р.

Ловецкая, Евгенія. Въ деревнѣ. Разсказы. Спб. 1906. Ц. 75 к.

Лернеръ, Н., и Ставрогинъ, Н. Гражданскіе мотивы въ русской поэзіи отъ Пушкина до нашихъ дней. Сборникъ. Спб. 1906. Ц. 60 к.

Макушевъ, Владиміръ. Измарагдъ. Изданіе 2-е. Спб. 1906. Ц. 10 к.

«Маякъ». Литературно-публицистическій сборникъ. Съ тремя фототипіями. Спб. Ц. 1 р. 35 к.

Мережковскій, Д. Христосъ и Антихристъ. Трилогія. I. Смерть боговъ. (Юліанъ Отступникъ). Изданіе 3-е. Спб. 1906. Ц. по подпискѣ на 3 т. 4 р. 50 к.

Могилянскій, М. М. Усталые. Драма въ 3-хъ дѣйств. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Мопассанъ, де, Гюи. Отецъ Милонъ. Сборникъ новыхъ разсказовъ. Перев. съ французск. Н. М. Гарвей. Спб. Ц. 85 к.

Мопассанъ, де, Гюи. Полное собраніе сочиненій, съ его портретомъ и біографіей-характеристикой. Т. 1, 2, 3, 4, 5. Спб. 1906. Ц. за 5 т. 2 р. 50 к., отдѣльно т. I — 50 к., остальные по 60 к.

«Не убій!..» Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Съ иллюстраціями. М. 1906. Ц. 60 к.

Окропировъ, Василій. Разсказы. Подольскъ. 1906. Ц. 10 к.

Омулевскій (И. В. Ѳедоровъ). Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ, біографическимъ очеркомъ и библіографическимъ указателемъ. Подъ редакціей П. В. Быкова. Въ 2-хъ томахъ. Т. I. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Плетневъ, Алексѣй. Исповѣдь террориста. (Повѣсть изъ временъ Александра II). Спб. 1906. Ц. 30 к.

Позняковъ, Н. И. Соловьиный садъ и другіе разсказы. Изданіе 3-е. М. 1906. Ц. 1 р.

Полевой, Н. А. Дѣдушка русскаго флота. Параша Сибирячка. Изданіе 3-е. А. С. Суворина. Спб. Ц. 15 к.

Тагѣевъ, Борисъ. Гибель славнаго «Рюрика». Харбинъ. 1906. Ц. 50 к.

Уайльдъ, Оскаръ. Замыслы. Переводъ А. Минцловой. М. 1906. Ц. 1 р. 40 к.

Чтецъ-декламаторъ. Художественный сборникъ стихотвореній, сценъ, разсказовъ и монологовъ для чтенія въ дивертисментахъ, на драматическихъ курсахъ, литературныхъ вечерахъ и т. п. Съ портретами писателей и артистовъ. Изданіе 6-е, испр. и значит. дополнен. Т. I. Кіевъ. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Шаровольскій, И. Сказаніе о мечѣ Тюрфингѣ (Hervarar saga ok heidreks). I Староисландскій текстъ съ введеніемъ. Кіевъ, 1906. Ц. 1 р.

Шелеръ, Альфредъ. Генрихъ Гейне. Ко дню пятидесятилѣтія его смерти. Съ 2 портретами. Переводъ Ю. Гольдендаха. М. 1906. Ц. 20 к.

Шоръ, Г. Н., д-ръ. Шахтеры. Спб. 1906. Ц. 7 к.

IV. Исторія, біографія и археологія.

Альбомъ портретовъ членовъ Государственной Думы. М. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Багалѣй, Д. И., Сумцовъ, Н. Ѳ., Бузескулъ, В. П. Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія (1805 — 1905). Харьковъ. 1906. Ц. 2 р.

Брандесъ, Г. 1) Французская революція и евреи. 2) Россія. Варшава. 1906. Ц. 3 к.

Верхоянцевъ, С. Что дѣлалъ со своимъ народомъ французскій король, и что народъ сдѣлалъ съ нимъ. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Вологдинъ, А. Революціонное движеніе въ Россіи. Спб. 1906. Ц. 6 к.

Довнаръ-Запольскій, М. В. Мемуары декабристовъ. (Записки, письма, показанія, проекты конституцій, извлеченные изъ слѣдственнаго дѣла, съ вводной статьей). Кіевъ. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Жеффруа, Густавъ. Заключенный. Жизнь и революціонная дѣятельность Огюста Бланки. Переводъ съ франц. А. Израильсона и П. Теплова. Спб. Ц. 80 к.

Кеннанъ, Джоржъ. Сибирь! Т. II. Перев. съ нѣмецк. безъ всякихъ сокращеній. Спб. 1906. Ц. 75 к.

Крапоткинъ, П. А. Мои воспоминанія о Петербургѣ. Перев. съ 8-го франц. изданія. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Краткія біографіи членовъ Государственной Думы. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Лахтинъ, М., прив.-доц. Медицина и врачи въ Московскомъ государствѣ. (Въ до-Петровской Руси). М. 1906. Ц. 1 р.

М. К. Двѣ революціи. Спб. 1906. Ц. 6 к.

Мартинъ, Рудольфъ. Будущность Россіи. Переводъ съ нѣмецкаго И. Новика. М. 1906. Ц. 1 р.

Мендельсонъ, С. Парижская коммуна 18 марта, ея происхожденіе и значеніе. Переводъ съ нѣмецк. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Одесскій кадетскій корпусъ за первыя семь лѣтъ его существованія. Составили М. Е. Дерюгинъ, П. Е. Кошличъ, В. В. Цытовичъ и др., подъ общей редакціей законоучителя, протоіерея С. В. Петровскаго. Матеріалы собраны и систематизированы подполковникомъ В. В. Цытовичемъ. Съ 2 фототипіями, 108 автотипіями и 7 таблицами въ текстѣ. Одесса. 1906. Ц. 2 р.

Оцупъ, А. А. (Сергѣй Горный). «Въ октябрѣ» (этюдъ). Спб. 1906. Ц. 5 к.

Рабочій-министръ. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Стрѣшневъ, Н. Жидовское плѣненіе. Историческія картины изъ быта Руси конца XV вѣка. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. Ц. 50 к.

Тальмейеръ, Морисъ. Франмасонство и французская революція. Перев. съ франц. В. Задонскаго. Харьковъ. 1906. Ц. 15 к.

Тепловъ, П. Исторія якутскаго протеста. (Дѣло «романовцевъ»). Съ приложеніемъ иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ. Спб. Ц. 1 р.

Флетчеръ. О государствѣ Русскомъ. Изданіе 3-е. А. С. Суворина. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Чхенкели, А. Три короля. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Шерреръ, Іоганнъ. Кромвель. Борьба народа съ произволомъ временъ царствованія англійскаго короля Карла I. Переводъ Н. Н. Мазуренко. Спб. 1906. Ц. 20 к.

V. Географія, этнографія, путешествія.

Бобинъ, С. П. Книга для чтенія по географіи. Вып. I. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Колобашкинъ, Н. Н. Описаніе выставки китайскихъ и японскихъ произведеній искусства, промышленности и предметовъ культа и обихода. М. 1906. Ц. 15 к.

Рынинъ, Н. А. Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Цвиичъ, Іованъ, проф. Македонскіе славяне. Этнографическія изслѣдованія. Петроградъ. 1906. Ц. 1 р.

VI. Сельское хозяйство.

Кичуновъ, Н. И. Кустовая культура плодоваго дерева. Практическое руководство къ новому способу культуры. Съ 10 рисунками. Спб. Ц. 30 к.

Петровъ, Н. В. Способы уборки и сохраненія сѣна въ дождливую погоду. Съ 15 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Самойловъ, П. Н. Силосованіе кормовъ. Спб. Ц. 25 к.

Тимирязевъ, К. Земледѣліе и физіологія растеній. Сборникъ общедоступныхъ лекцій. М. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Трубниковъ, И. Совѣты по пчеловодству. Кратко все необходимое о постройкѣ рамочныхъ ульевъ и о веденіи въ нихъ пчелъ, улучшая породу. Съ таблиц. чертежей. 2-е изданіе. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Урусова, М. А., кн. Сушка овощей по простому способу. Спб. 1906. Ц. 15 к.

«Хуторъ», сел.-хоз. журналъ. № 7. 1906. Ц. 40 к.

VII. Технологія, строительное и инженерное искусства. Ремесла.

Борзовъ, И. П. Очерки водоснабженія нѣкоторыхъ городовъ юго-западной Германіи и Австріи. Спб. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Ефимовичъ, Н. И. Справочная книга для инженеровъ и техниковъ путей сообщенія съ календ. на 1906 г. Спб. 1906. Ц. 6 р.

Мѣшковъ, В. А. Устройство и организація работъ на небольшомъ кирпичномъ заводѣ. Съ 23 рисунками. Спб. Ц. 50 к.

Сивай, П. Е. Изслѣдованія котельныхъ устройствъ. М. 1906. Ц. 2 р. 25 к.

VIII. Правовѣдѣніе и общественныя науки.

Авиловъ, Б. О Государственной Думѣ. Спб. 1906. Ц. 6 к.

Аграрный вопросъ. Сборникъ статей проф. М. Я. Герценштейна, кн. П. Д. Долгорукова, проф. В. Э. Дена, проф. И. А. Иверонова, А. А. Кауфмана, проф. А. А. Мамуйлова, И. И. Петрункевича, проф. А. Ѳ. Фортунатова. проф. А. А. Чупрова. Изданіе 2-е. М. 1906. Ц. 90 к.

Ader, Ben (Базинъ). Еврейскій вопросъ въ освѣщеніи К. Каутскаго и Южакова. Спб. 1906. Ц. 15 к.

— Смѣлость слова и трусость мысли. По поводу «націонализма» Бунда. Мозырь. 1906. Ц. 7 к.

Advocatus. Пропорціональная система выборовъ и выборы въ германскій рейхстагъ. Кіевъ. 1906. Ц. 10 к.

Алекторовъ, А. Е. Инородцы въ Россіи. Современные вопросы. Финляндцы, поляки, латыши, евреи, нѣмцы, армяне, татары. Съ предисловіемъ и добавленіемъ А. С. Будиловича. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Артемьевъ, П. А. Что я хотѣлъ сказать на могилѣ Р. И. Кондратенко. Харбинъ. 1906. Ц. 25 к.

Багницкій, Д. Русско-польскій общественный договоръ. Его внѣшне-политическія послѣдствія. Вып. II. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Базинъ. Еврейскій вопросъ на страницахъ соціалистической печати. Мозырь. 1906. Ц. 12 к.

Бакунинъ, М. А. 1) Статья А. И. Герцена о Бакунинѣ. 2) Біографическій очеркъ М. Драгоманова. 3) Рѣчи и воззванія. (Съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ М. А. Бакунина). Спб. 1906. Ц. 1 р.

Бебель, А. Академики и соціализмъ. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія К. Александровой. Одесса. 1906. Ц. 6 к.

Билимовичъ, Ал. Положеніе служащихъ на государственныхъ желѣзныхъ дорогахъ Германіи и Россіи. Кіевъ. 1906. Ц. 30 к.

Богдановъ, А. Революція и философія. Спб. Ц. 7 к.

Богучарскій, В. Я. Кровавый синодикъ! Смертная казнь по политическимъ дѣламъ въ Россіи. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Бономи. Движеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Италіи. Влигенъ, В. Г. Аграрный вопросъ въ голландской соціалъ-демократіи. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Браунъ, Адольфъ. Положеніе рабочаго класса въ Германіи. Переводъ съ рукописи подъ ред. П. Теплова. Спб. 1906. Ц. 60 к.

Бутырскій, Д. Уставъ строительный (Св. зак., т. XII, ч. I, изд. 1900 г.). Съ разъясненіями правительств. сената, циркулярами министерства внутр. дѣлъ, отзывами технически-строит. комитета. строительными правилами для царства Польскаго и предметнымъ алфавитнымъ указателемъ. М. 1906. Ц. въ переп. 2 р. 50 к.

«Былое», журналъ, посвященный исторіи освободительнаго движенія. 1906 г. № 6. Спб. Ц. 1 р.

Вандервельде, Э. Упадокъ капитализма. Переводъ съ франц. Д. Петрова. 1906. Ц. 6 к.

Васильева, Е. Учредительное собраніе во Франціи. Спб. 1906. Ц. 6 к.

Вѣрова, Р. Законъ о соціалистахъ въ Германіи, его возникновеніе и паденіе. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Вѣтровъ, И. Анархизмъ, его теорія и практика. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Геркнеръ, Г. Рабочій трудъ въ Западной Европѣ. 2-е удешевленное изд. Спб. 1906. Ц. 2 р.

Гольдштейнъ, М. Л. Печать передъ судомъ. Рѣчи по дѣламъ «Руси», «Нашей Жизни» и «Сына Отечества». Спб. 1906. Ц. 30 к.

Горькій, Максимъ. 1) О евреяхъ, 2) О «Бундѣ» и о «Сіонизмѣ». 3) Погромъ. (Картинка). Варшава. 1906. Ц. 5 к.

Градовскій, Г. К. Въ защиту русскихъ. (Русскій вопросъ въ еврейскомъ вопросѣ). Варшава. 1906. Ц. 8 к.

Гремяченскій, Д. Современный строй и проституція. М. 1906. Ц. 10 к.

Григорьевскій, М. Полицейскій соціализмъ въ Россіи. Что такое Зубатовщина? Спб. 1906. Ц. 20 к.

Гэдъ, Ж. Законъ заработной платы и его послѣдствія. Перев. съ франц. Лурье. Одесса. 1906. Ц. 5 к.

Давыдовъ, Н. В. Женщина передъ уголовнымъ судомъ. М. 1906. Ц. 15 к.

Дамашке, А. Земельная реформа. Переводъ М. М. Гальперина. Ц. 30 к.

Девиль, Г. О сущности соціализма. Перев. съ французскаго Вол—скаго. Одесса. 1906. Ц. 12 к.

Жоресъ, Жанъ. Интернаціонализмъ и патріотизмъ. Переводъ съ франц. И. М. Биллика и Я. И. Кернеса. Кіевъ. 1906. Ц. 12 к.

— Исторія французской революціи. Причины революціи. Вып. I. Перев. съ франц. И. М. Биллика и Я. И. Кернеса. Кіевъ. Ц. 45 к.

— Къ теоріи и практикѣ соціализма. Частная собственность. Аграрный вопросъ. (Этюды). Переводъ Б. Кауфманъ. Кіевъ. 1906. Ц. 20 к.

Звено. Международное соціалистическое обозрѣніе. 1906 г. Май №№ 1 и 2. Ц. по 20 к.

Золя, Эмиль. Въ защиту евреевъ. Варшава. 1906. Ц. 3 к.

Изнанка революціи. Вооруженное возстаніе въ Россіи на японскія средства. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Искра за два года. Ч. I. Сборникъ статей изъ «Искры» П. Аксельрода, М. Б—ова, Ф. Дана, В. Засуличъ, Кольцова, Л. Мартова, Мартынова, Н. Негорева, Парвуса, Г. Плеханова, Старовѣра, Н. Стрѣльскаго, Н. Троцкаго. Спб. 1906. Ц. 1 р. 65 к.

— Ч. II. «Русская революція и Европа». «Международный соціализмъ», «Основы тактики». Спб. 1906. Ц. 60 к.

К. Націонализмъ и религія Достоевскаго. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Каутскій, Карлъ. Законодательная охрана труда и 8 часовой рабочій день. Перев. съ нѣмецк. Д. Потемкина. 1906. Ц. 12 к.

— Соціализмъ и сельское хозяйство. Перев. съ нѣмецк. Андреева. Спб. 1906. Ц. 20 к.

— Торговая политика и рабочій классъ. Переводъ И. Ройзмана. Съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Одесса. 1906. Ц. 25 к.

— Письмо къ объединительному съѣзду россійской соціалъ-демократической рабочей партія. Перев. съ нѣмецкаго Р. Данъ. Спб. Ц. 2 коп.

Ковалевскій, Максимъ, проф. Національный вопросъ и равенство подданныхъ передъ закономъ. Варшава. 1906. Ц. 5 к.

Кольцевъ, Д. Профессіональные союзы и рабочая партія. Спб. 1906. Ц. 2 к.

Косинскій, В. А., проф. Къ аграрному вопросу. Вып. I. Крестьянское и помѣщичье хозяйство. Одесса. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Кохъ, Готфридъ. Очерки по исторіи по-

литическихъ идей и государственнаго управленія. Ч. I. Абсолютизмъ и парламентаризмъ. Ч. II. Демократія и конституція. Перев. съ нѣмецк. О. Волькенштейнъ. Редакція З. Авалова. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Краузъ, Отто. Соціализмъ и сіонизмъ. Переводъ съ нѣмецк. Е. К. Спб. 1906. Ц. 7 к.

Кричевскій. Б. Какъ бельгійскіе рабочіе боролись за свободу. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Кудашевъ, А. С., кн. Аграрный вопросъ въ Россіи съ точки зрѣнія сельско-хозяйственной техники. Кіевъ. 1906. Ц. 20 к.

Кузминскій (сенаторъ). Отчетъ о произведенной въ 1905 г. ревизіи города Баку и Бакинской губерніи. Ц. 6 р.

— Извлеченіе изъ отчета о произведенной въ 1905 г. ревизіи города Баку и Бакинской губерніи. Ц. 1 р. 50 к.

Куплетскій, М. А. Свободный гражданинъ Русской земли. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Лавровъ, П. (Миртовъ). Національности въ исторіи. Варшава. 1906. Ц. 5 к.

— Формула прогресса. Н. К. Михайловскаго. Противники исторіи. Научныя основы исторіи цивилизаціи. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Лафаргъ, П. Право на лѣность. Перев. съ франц. К. Александровой. Одесса. 1906. Ц. 7 к.

— Соціализмъ и интеллигенція. Перев. съ франц. Одесса. 1906. Ц. 8 к.

Легіэнъ, К. Профессіональное движеніе въ Германіи. Переводъ съ нѣмецк. Л. Борисова. Одесса. 1906. Ц. 7 к.

Лисенковъ, Г. И. Опытъ систематическаго построенія аграрной программы. (Изслѣдованіе въ 5 частяхъ). Часть I и II. Спб. 1906. Ц. 60 к.

Ломброзо, Чезаре. Антисемитизмъ. Перев. съ итальянскаго Г. З. Вмѣсто предисловія статья О. Я. Пергамента: «Еврейскій вопросъ и народная свобода». Одесса. 1906. Ц. 20 к.

Луначарскій, А. Отклики жизни. Сборникъ статей. Спб. 1906. Ц. 80 к.

Львовъ, Т. Что такое конституція, и какіе бываютъ порядки въ конституціонномъ государствѣ? М. 1906. Ц. 8 к.

Максимовъ, В. Полицейскій стражникъ. (Законъ 5 мая 1903 г.). Руководство для урядниковъ и сельской полиціи (волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и десятскихъ). М. 1906. Ц. 75 к.

Марксъ, Карлъ. Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г. Перев. съ нѣмецк. подъ редакціей Б. Кричевскаго. Съ введеніемъ Фридриха Энгельса. Одесса. 1906. Ц. 20 к.

— Собраніе историческихъ работъ. I) Борьба классовъ во Франціи 1848—1850 г. II) Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. III) Революція и контръ-революція въ Германіи. Приложенія: I) Ф. Энгельсъ. Введеніе къ «Борьбѣ классовъ во Франціи». II) Каутскій. Предисловіе къ «Революціи и контръ-революціи». Полный перев. съ нѣмецк. подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Базарова и И. Степанова. Спб. 1906. Ц. 1 р.

— Теорія прибавочной стоимости. Изъ неизданной рукописи къ критикѣ политической экономіи. Вып. I. Зачатки теоріи прибавочной стоимости до Адама Смита включительно. Перевелъ съ изданія К. Каутскаго. И. Стрѣльскій подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. Плеханова. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Мартинъ, Рудольфъ. Будущность Россіи. Переводъ съ нѣмецк. И. Новика. М. 1906. Ц. 1 р.

Менгеръ. А. Новое ученіе о государствѣ. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго П. Туганскаго, подъ редакціей Б. Кистяковскаго. 2-е изданіе. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Мигулинъ, П. П., проф. Аграрный вопросъ. Харьковъ. 1906. Ц. 1 р.

Мовичъ, Левъ. Великое учредительное Собраніе 1789 г. 2-е изданіе. Спб. 1906. Ц. 40 к.

Мураневичъ, А. І. Семья и женщина. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Мысли о соціализмѣ. В. Р—П. Варшава. 1906. Ц. 30 к.

Неручовъ, М. В. Земельный вопросъ. Симферополь. 1906, Ц. 30 к.

Никольскій, Н. Кому нужны національныя притѣсненія. Спб. 1906. Ц. 5 к.

Нисселовичъ, Л. Н. Къ вопросу о тактикѣ кадетской фракціи въ Государственной Думѣ. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Ньювангуисъ, Домела. Соціализмъ въ опасности. Съ предисловіемъ Э. Реклю. Вып. I. Различныя теченія нѣмецкой соціалъ-демократіи. Переводъ съ франц., подъ редакціей и со вступленіемъ А. Венина. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Обвинительный актъ о членахъ сообщества, присвоившаго себѣ наименованіе: «С.-Петербургскій общегородской совѣтъ рабочихъ депутатовъ». Съ предисловіемъ Л. М. Спб. 1906. Ц. 5 к.

Оленовъ, Мих. Идеологія русскаго буржуа. (О старомъ и новомъ либерализмѣ). Спб. 1906. Ц. 50 к.

Отклики современности. 1906 г. № 4. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Панекокъ, Антонъ, д-ръ. Религія и соціализмъ. Перев. съ нѣмецк. І. П—на. Спб. 1906. Ц. 10 к.

Петровичъ, Л. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Спб. 1906. Ц. 3 к.

Pincus, Felix, д-ръ. Очерки экономической исторіи евреевъ. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Пироговъ, Н. И., проф. Рѣчи къ студентамъ и евреямъ. Варшава. 1906. Ц. 5 к.

Подвинскій, Ю. Конституція царства Польскаго и ея судьба. (1815—1830). М. 1906. Ц. 15 к.

Политическіе памфлеты. Серія I. Французскіе памфлетисты XIX вѣка. Съ предисловіемъ Н. Е. Кудрина. Спб. 1906. Ц. 1 р. 60 к.

Постниковъ, Н. С. Семьдесятъ пять всеподданнѣйшихъ адресовъ Государю Императору и списокъ лицъ, обществъ и учрежденій, повергавшихъ въ 1905 г. Его Императорскому Величеству свои вѣрноподданническія чувства. Спб. 1906. Ц. 50 к.

Россель, Бертранъ, Германская соціалъ-

демократія. Переводъ съ англійскаго А. Каменскаго. Спб. 1906. Ц. 35 к.

Росси, А. Крестьянское движеніе въ Сициліи. Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Г. Шлихтера. Спб. 1906. Ц. 25 к.

Сергѣевичъ, В. И. Всеобщее избирательное право. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Сердце. (Краткое обращеніе къ учащимся). Витебскъ. 1906. Ц. 3 к.

Small. Зигзаги. Паломничество С. Ю. Витте въ Портсмутъ. Спб. 1906. Ц. 60 к.

Соколовъ, С. И. Уставы объ акцизныхъ сборахъ. 3 части. Спб. 1905—6. Ц. 6 р.

Стекловъ, Ю. Мѣщанскій интернаціоналъ. Спб. 1906. Ц. 20 к.

Стенографическій отчетъ. Государственная Дума. Сессія I. Засѣданія съ 1-го по 31-е. Спб. 1906. Ц. отъ 5 до 25 к. за засѣданіе.

Стенографическій отчетъ. Государственная Дума. Сессія I. Засѣданіе 32-е. 20 Ц. к.

— Тоже. 33-е. Ц. 14 к.

— Тоже. 34-е. Ц. 12 к.

— Тоже. 35-е. Ц. 12 к.

— Тоже. 36-е. Ц. 14 к.

Трудовая группа въ государственной думѣ. Составилъ В. Ш. М. Ц. 10 к.

Хлѣбъ и воля. Статьи: П. Кропоткина, В. Черкезова, Э. Реклю, Л. Бертони и другихъ. Спб. 1906. Ц. 1 р.

Чадовъ, М. Д. Славянофилы и народное представительство. Политическое ученіе славянофильства въ прошломъ и настоящемъ. Харьковъ. 1906. Ц. 40 к.

— Случайный преступникъ. (Понятіе и репрессивно - предупредительныя мѣры). Харьковъ. 1906. Ц. 1 р. 20 к.

Чиларжъ, К. Ф. Учебникъ институцій Римскаго права. Переводъ, разрѣшенный авторомъ, подъ редакціей проф. В. А. Юшкевича. Изданіе 2-е М. 1906. Ц. 3 р.

Чичеринъ, Б. Н., проф. О польскомъ и еврейскомъ вопросахъ. Варшава. 1906. Ц. 3 к.

Чулковъ, Георгій. О мистическомъ анархизмѣ, со вступительной статьей Вячеслава Иванова: «О непріятіи міра». Спб. 1906. Ц. 60 к.

Чупровъ, А. И., проф. Аграрная реформа и ея вѣроятное вліяніе на сельскохозяйственное производство. М. 1906. Ц. 10 к.

Щепкинъ, М. П. Общественное самоуправленіе въ Москвѣ. Проектъ городового положенія. М. 1906. Ц. 1 р.

Эльмъ, ф. А. Кооперативное движеніе. Переводъ съ нѣмецкаго Андреева. Одесса. 1906. Ц. 7 к.

IX. Медицина, гигіена и анатомія.

Бурцевъ, И., д-ръ. Анатомія человѣка съ указаніемъ на микроскопическое строеніе и физіологическія свойства тканей и органовъ. Руководство для фельдшерскихъ школъ. 12-е изд., исправленное д-рами А. И. Бурцевой и Н. И. Бурцевымъ. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

Лейденъ, Е., проф. Воспаленіе легкихъ, пнеймонія. Переводъ Ю. Гольдендаха. М. 1906. Ц. 1 р.

Тархановъ, И. Р. О кисломъ молокѣ, проф. И. И. Мечникова, какъ средствѣ продленія жизни и борьбы съ различными болѣзнями. Спб. 1906. Ц. 15 к.

Цыгура, Д. Д., д-ръ. Гигіена зубовъ, зубныя болѣзни и ихъ лѣченіе. Кіевъ. 1906. Ц. 15 к.

X. Искусство.

Гла—вы, О. и А. Леонидъ Георгіевичъ Яковлевъ, какъ пѣвецъ, актеръ, режиссеръ и поэтъ. Эстетическія впечатлѣнія. Спб. 1906. Ц. 30 к.

Московская городская художественная галлерея П. и С. Третьяковыхъ. Вып. 35 и 36. М. 1906. Ц. по подпискѣ на 12 вып. 24 р.

Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Т. II. Вып. II. Спб. 1906. Ц. по подпискѣ на 4 вып. 50 р.

«Театръ и Искусство». 1906 г., №№ 24—26. Спб. Ц. по 20 к.

XI. Военное и морское дѣло.

Военные флоты и морская справочная книжка на 1906 годъ. В. К. А. М. Спб. 1906. Ц. 2 р.

«Вѣстникъ Русской Конницы». 1906 г. № 10. Спб. Ц. 30 к.

Дюрьи, Ж. Офицеръ-воспитатель. Современная соціальная роль офицера. Перев. съ франц. К. Л. Евреиновъ и Е. А. Никольскій. Спб. 1906. Ц. 75 к.

Костенко, М. И. Осада и сдача крѣпости П.-Артура. Мои впечатлѣнія. Кіевъ. 1906. Ц. 1 р. 25 к.

Политовскій, Е. С. Отъ Либавы до Цусимы. Письма къ женѣ флагманскаго корабельнаго инженера 2-й Тихоокеанской эскадры. Изданіе 2-е, посмертное. Спб. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

XII. Воспитаніе, обученіе и учебники.

Берло, А. Учебникъ русской грамматики для средн. учебн. заведеній. Ч. II. Синтаксисъ. Кіевъ. 1905. Ц. 50 к.

Нифонтовъ, В. О видахъ русскаго глагола. Пособіе для учащихся русскому языку. Юрьевъ. 1906. Ц. 25 к.

Поляковъ, А. Учебникъ физической географіи. Примѣнительно къ курсу VI кл. реальныхъ училищъ и VIII кл. женскихъ гимназій. Кіевъ. 1906. Ц. 1 р.

Чернышевъ, В, О программѣ будущей народной школы. (Вступленіе.—Желательный характеръ народнаго образованія.—Отношеніе низшей школы къ высшей.—Подготовка учителя.—Организація школы). Спб. 1906. Ц. 10 к.

XIII. Книги для дѣтей и юношества.

Дефо, Даніэль. Робинзонъ-Крузо. Удивительныя приключенія, разсказанныя имъ самимъ. Полный переводъ Л. А. Мурахиной. 2-е иллюстр. изданіе. Подъ редакціей Н. В. Тулупова. М. 1906. Ц. 1 р.

Мазіусъ. Картины растительности. Очерки жизни и нравовъ птицъ и животныхъ. Перев. съ 8 нѣм. изданія женщины-врача, Е. Вургафтъ. Подъ редакц. Д. А. Коропчевскаго и Ф. Александрова. Съ рисунк. нѣмецк. художн. Спб. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Прусъ, Болеславъ. Антекъ (Антоша). Разсказъ. Переводъ Ф. Домбровскаго. Спб. 1906. Ц. 10 к.

— Михайло-простота. Разсказъ. Переводъ Ф. Домбровскаго. Спб. 1906. Ц. 10 к.

— Шарманщикъ. Разсказъ. Переводъ Ф. Домбровскаго. Спб. 1906. Ц. 7 к.

XIV. Естествознаніе,

Борисякъ, А. Курсъ палеонтологіи. Ч. II. Позвоночныя. Съ 175 рисунками. М. 1906. Ц. 2 р. 40 к.

Веттштейнъ, Р. Руководство по систематикѣ растеній. Т. II, ч. I. Высшія растенія. Съ 102 рисунками и одною таблицею въ краскахъ. Переводъ съ нѣмецкаго проф. С. И. Ростовцева. М. 1906. Ц. 1 р. 40 к.

Реклю, Элизе. Человѣкъ и земля. Вып. XI. Спб. Ц. 75 к.

Хоссе, Рихардъ, д-ръ. Ученіе о происхожденіи видовъ и дарвинизмъ. Переводъ съ нѣмецкаго. М. 1906. Ц. 50 к.

XV. Физика, химія, математика.

Генсель, Г. Г. Курсъ перемѣнныхъ токовъ, читанный на электротехническихъ курсахъ. Однофазный и многофазный перемѣнные токи. Краткое и доступное руководство для техниковъ и учащихся. М. 1906. Ц 2 р.

Метеорологическій Вѣстникъ, 1906. № 5, Спб. Ц. 50 к.

Нырковъ, Н. Теорія рѣчныхъ потоковъ и вообще о потокахъ матеріальныхъ частицъ. Съ чертежами. Вильна. 1906. Ц. 4 р. 50 к.

XVI. Коммерческія науки.

Евзлинъ, З. Систематическій курсъ бухгалтеріи въ популярномъ изложеніи по методѣ Шеръ-Лангенштейдтъ. Общія основы бухгалтеріи и систематическое веденіе книгъ по простой системѣ. М. Ц. 75 к.

XVII. Справочный отдѣлъ.

Кларкъ, И. С. Спутникъ по Манчьжуріи, Амуру и Уссурійскому краю. Вып. I. Лѣтнее движеніе 1906 года. Владивостокъ. 1906. Ц. 1 р.

Ошанинъ, М. Положеніе о мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Мин. Нар. Просв. Съ циркулярными разъясненіями Министерства Народнаго Просвѣщенія. Ростовъ. 1906. Ц. 55 к.

Поповъ, М. Полный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русскомъ языкѣ. Составл. по лучшимъ источникамъ. Изданіе 2-е, дополненное и исправленное. М. Ц. 1 р.

Путеводитель по Туркестану и Средне-Азіатской желѣзной дорогѣ съ историческимъ очеркомъ сооруженія и эксплоатаціи Закаспійской жел. дороги и очеркомъ сооруженія Оренбургъ-Ташкентской жел. дороги. Подъ редакціей А. И. Дмитріева-Мамонова. Спб. 1906. Въ перепл. Ц. 2 р.

Словарь по аграрному вопросу. (Краткая энциклопедія по вопросамъ землеустройства и землепользованія). Ч. М. 1906. Ц. 15 к.

Современный общественно-политическій и экономическій словарь. М. 1906. Ц. 40 к.

Туристъ (П. П. Кузминскій). «Курьеръ». Практическій путеводитель для русскихъ по городамъ и курортамъ Западной Европы. Съ приложеніемъ 15 картъ и плановъ, а также большой желѣзнодорожн. карты Запад. Европы, желѣзнодорожнаго расписанія и дорожнаго словаря на четырехъ языкахъ. Изданіе 6-е, исправленное и дополненное 1906–1909. Спб. 1906. Ц. въ переп. 2 р. 90 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“.**

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ.** Редакторъ **С. Н. Шубинскій.**

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118013736